

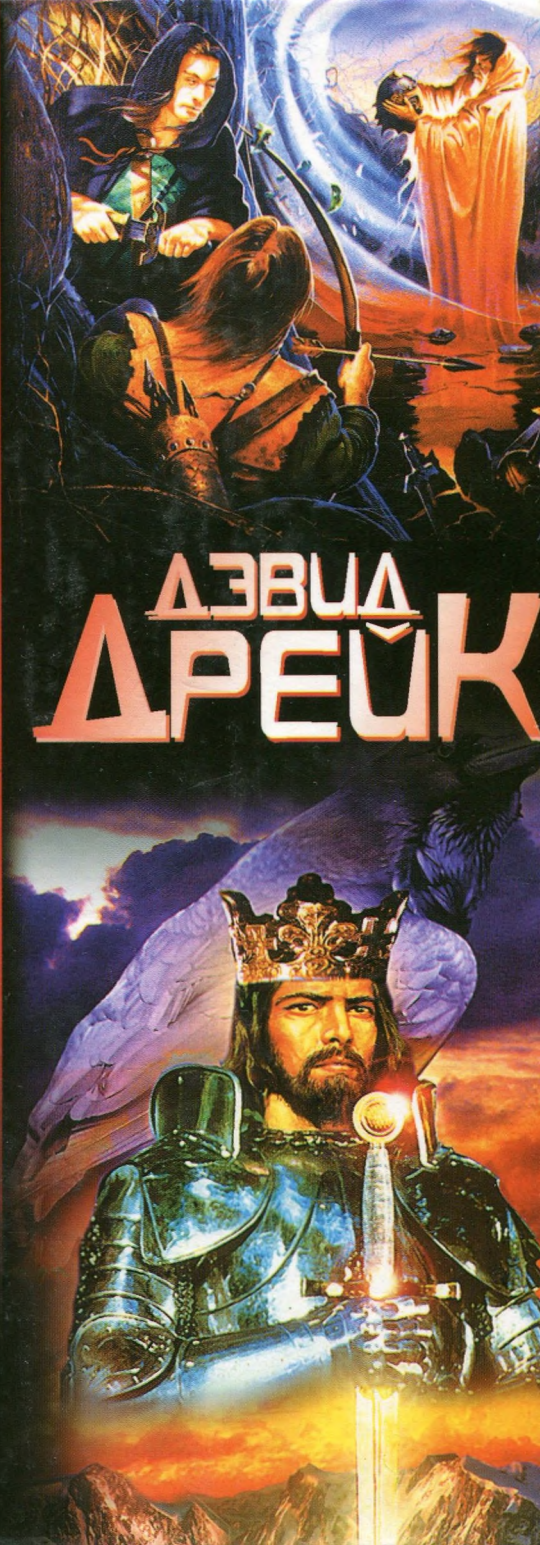
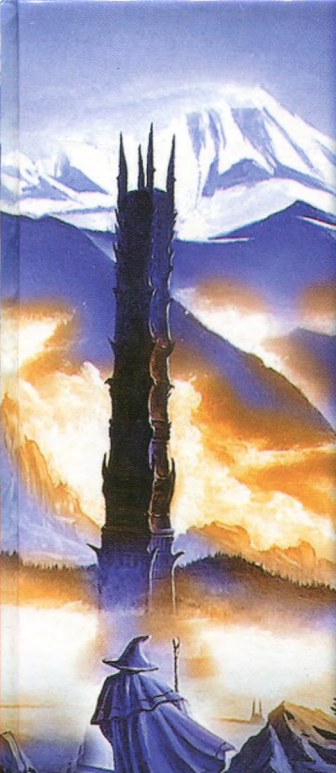
Повелитель Островов

ДЭВИД
ДРЕЙК

Повелитель Островов

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЭВИД
ДРЕЙК

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

DAVID
DRAKE

Lord of the Isles

ДЭВИД ДРЕЙК

Повелитель Островов

ТРАНЗИТКНИГА

Москва
2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Д73

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

David Drake
LORD OF THE ISLES

Перевод с английского Т. Мининой
Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Подписано в печать 18.04.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,08. Тираж 5000 экз. Заказ № 944.

Дрейк, Д.

Д73 Повелитель Островов: [фантаст. роман] / Дэвид Дрейк; пер. с англ. Т. Мининой. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 589, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-028024-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9578-1498-9 (ООО «Транзиткнига»)

Архипелаг Островов.

Здесь некогда правила могущественная королевская династия — но вот уже тысяча лет прошла с тех пор, как последний из великих королей — Карус — был убит магом, нанятым коварным герцогом-узурпатором.

Однако черная магия принесла на Архипелаг БЕДУ.

Мертв герцог, перепутаны линии магической Силы, прервана связь времени и пространства... и многие годы идет непрерывная война за титул Повелителя Островов.

И теперь прокуратор Азера с сопровождающим ее колдуном Медером прибывает на остров Хафт, где, согласно темным слухам и легендам, обитает ЕДИНСТВЕННЫЙ прямой потомок короля Каруса...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© David Drake, 1997
© Перевод. Т. Минина, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Повелитель Островов

ПРОЛОГ

Волшебница Теноктрис прервала свое восхождение по винтовой лестнице, чтобы перевести дух и заправить за ухо выбившуюся седую прядь. Она слышала, как внизу, во дворе ликовала толпа. Должно быть, герцог Йольский вышел со своими советниками, чтобы официально объявить победу, о которой пока ходили только слухи.

Полгода назад в такой момент Теноктрис стояла бы на ступеньках дворца в кругу приближенных герцога. Но сейчас благодаря усилиям Клобука она потеряла доверие правителя. Ее место занял сам Клобук.

Теноктрис вздохнула и продолжила свой подъем. Если б она по-прежнему оставалась придворной волшебницей, люди бы сейчас не праздновали победу. По крайней мере, такую победу.

Теноктрис была не очень могущественной волшебницей в практическом смысле. При своем ученом складе ума, в душе она оставалась скрупулезным ювелиром: широкомасштабные акции никогда не являлись ее сильной стороной. Она видела и понимала силы, с которыми требовалось работать, но у нее попросту не хватало физических возможностей для подобной работы.

К тому же она *слишком* хорошо все понимала. Возможно, Теноктрис и не смогла бы нанести такой мощный удар, как Клобук. Но зато она осознавала: воздействия подобной силы просто *обязаны* иметь отдаленные последствия. Такие, которые даже ей самой не под силу предсказать.

Узкое окошко-бойница, выходившее на морской порт, освещало следующий поворот лестницы. Теноктрис снова остановилась, хотя до вершины башни ей остался всего один спиральный

пролет. Что поделывать, она никогда не была особо сильной женщиной, а сейчас к тому же груз лет давил на ее старые плечи.

День обещал быть ясным, сияющим. Позже, когда солнце окажется в зените, двор превратится в знойное пекло. Но пока сюда падала тень от высоких стен крепости, а массивная каменная кладка дарилась прохладой.

Этим утром герцог Тедри вынужден был выйти во двор, чтоб обратиться к своему народу, поскольку зал для приемов оказался не в состоянии вместить пришедшие толпы. Казалось, сегодня в крепость набились все горожане. К ним присоединились и крестьяне, которые, заслышав радостную весть, поспешили к дворцу герцога.

Молва утверждала, что герцог Тедри наголову разбил — полностью уничтожил — короля Каруса с его флотом. Во многом это соответствовало истине. Действительно, король Карус, сокрушивший до того дюжину узурпаторов, величайший со времен короля Лоркана Повелитель Островов, основатель королевской династии — погиб, а вместе с ним утонул весь королевский флот. Но имелось и продолжение: в ближайшие месяцы герцог Йольский укрепит свои позиции в качестве нового Повелителя Островов... а тут уже было над чем подумать.

Теноктрис откинула люк и вскарабкалась на маленькую площадку, которой обычно пользовалась для наблюдения за звездами. Отсюда ей открывался вид на многие мили во все стороны.

Волшебница вся взмокла — не столько из-за утомительного подъема, сколько из-за нервного напряжения. Она ощущала, как над Йолем собираются, фокусируясь, мощные силы. Не зная точно, что должно произойти, она предчувствовала приближение катаклизма. Ее внутреннее состояние было сродни тому, какое бывает у человека перед ударом молнии — когда у него встают дыбом волосы на затылке.

Внизу под ней колыхалось море шляп, картузов и чепцов — они плотно заполнили весь замковый двор. Герцог Тедри в своих серебряных доспехах стоял в глубоком дверном проеме. За его спиной маячила пятерка самых близких советников. А внизу, у основания лестницы, стоял черный изукрашенный трон, который слуги вынесли из зала приемов. На нем восседала фигура в капюшоне — йольский придворный чародей.

— Народ мой! — громогласно начал свою речь герцог. Он был высокого роста и мощного телосложения, голосом его природа

также не обделила. К тому же тройная арка образовывала своего рода мегафон, так что слова герцога разнеслись над всей толпой. — Сегодня величайший день в вашей жизни и во всей истории Йоля!

Приветственные крики толпы эхом отразились от каменных стен, спугнув стаи чаек, примостившихся меж зубцов башен. Их пронзительные крики присоединились к людскому шуму.

Теноктрис покачала головой. Еще неделю назад те же люди готовы были глумиться над своим герцогом, останавливали их только солдаты, наводнившие весь город. Чайки, надо отдать им должное, куда последовательнее в своих чувствах.

Герцог Тедри был не слишком популярным правителем. Его штрафы и налоги подвели все прослойки общества к границе крайней нищеты... если не дальше. Строительство военных судов, пришвартованных сейчас у каменных причалов, обходилось очень дорого. Но еще дороже было содержание самих кораблей с их командами. И уж надо ли говорить, сколько стоила оплата профессиональных солдат, сражающихся на борту трирем¹ и в сухопутных войсках... Но кто считает деньги, если эти вояки, а также высокооплачиваемые гребцы обеспечивали пребывание у власти герцога Тедри. По крайней мере, пока на Йоле удавалось собирать хоть какие-то налоги.

— Моя мощь подавила Каруса, этого так называемого Повелителя Островов, вместе со всеми его людьми и кораблями! — продолжал герцог. — Карус явился во главе своих войск, чтобы сразиться со мной. И они все до единого погибли, не доплыв до наших берегов! Моя сила сокрушила их прежде, чем они смогли нанести удар!

Толпа снова возликовала. Теноктрис мимоходом подумала, а понимает ли хоть один из этой орущей толпы, что им вещает их повелитель. Сам-то герцог Тедри ни черта не понимал — в этом Теноктрис была уверена. Что же до Клобука...

Клобук отказывался называть свое имя, но зато утверждал, что кресло, которое он притащил с собой в Йоля, и есть Трон Малкара. А тот, кто сидит на нем, *превращается* в Малкара и воплощает в себе темную энергию, равную по силе, но враждебную солнцу.

Теноктрис знала, что трон Клобука является всего-навсего искусной копией, построенной по описаниям великих волшебни-

¹ Трирема — военное гребное судно с тремя ярусами весел у древних римлян.

ков древности, которые видели этот артефакт или даже сидели на нем. Поговаривали, что Трон Малкара существовал еще до того, как зародилась жизнь на планете.

Король Лоркан положил конец векам хаоса, когда вместе с расой доисторических людей похоронил навечно Трон Малкара. Клубук же был всего-навсего волшебником, но, по мнению Теноктрис, волшебником удивительной силы. Даже сейчас, когда адепты могли манипулировать силами куда более могущественными, чем тысячу лет назад.

— Завтра мой флот отплывает на запад, чтобы подчинить мне все Острова! — возгласил тем временем, герцог Тедри. — Вплоть до Каркозы — города, который века назад узурпировал законное право Йоля называться домом для Повелителя Островов!

Толпа взревела. Простолюдины, не жалея, драли горло — такой уж день...

Клубук использовал магию, основанную на внушении. Помешивая своей фиолетовой палочкой ил в одном из замковых прудов, он вызвал катаклизм во Внутреннем Море. Своими заклинаниями он заставил дно морское разверзнуться и поглотить флот короля Каруса, который вышел на Йоль в ответ на надменные угрозы герцога Тедри. Со своей площадки на вершине башни Теноктрис наблюдала эту катастрофу в море. Теперь же она слушала, как герцог хвастал своей победой.

Клубук сконцентрировал силы, способные, по убеждению Теноктрис, нарушить порядок мироздания. Для непосвященных это выглядело как мерцающая пелена голубоватого света. Однако неуловимые оттенки свечения тревожили Теноктрис. Она видела: волшебник, пришедший ей на смену, далеко не так хорошо контролировал разбуженные силы, как ему хотелось представить. А силы эти были грандиозны — у нее дух захватывало при виде мощи, которую Клубук обрушил на выбранную цель. Если б она не видела все своими глазами, ни за что бы не поверила в существование столь могущественного мага.

— Богатство, которое раньше изливалось на Каркозу, впредь будет принадлежать Йолю! — разливался герцог. — Теперь мой народ будет ходить в шелках и есть на золотой посуде!

Теноктрис мало волновала отставка с поста придворной волшебницы. Тем более что она продолжала по-прежнему жить в замке — скорее всего, герцог попросту забыл о ее существовании. Ее личные потребности были минимальны: немного еды,

чтоб поддерживать жизнь в тщедушном теле, да возможность пользоваться старинной йольской библиотекой, куда никто, кроме нее, и не заходил. По большому счету Теноктрис было все равно, кто станет королем — Карус или Тедри. Она приложила бы все свои невеликие силы, чтоб оградить мятежного герцога Йоля от королевского гнева.

Сейчас же она была бессильна. Спору нет, победа короля Каруса принесла бы много боли и смертей в Йоль. Но то, что происходило в настоящее время, было еще хуже. Успех Клобука породил куда большую опасность, чем вторжение королевских войск. Надо быть безумцем, чтобы вызывать к жизни столь запредельные силы. Такой волшебник как Клобук был попросту неспособен обеспечить их безопасное использование.

— Будучи герцогом Йольским, я вел за собой тысячи людей, — продолжал Тедри. — Теперь, став Повелителем Островов, я соберу под своими знаменами сотни тысяч! Моря почернеют от моих трюмов!

Слитный гул восторженных голосов. Неужели все они не чувствуют, как что-то сдвинулось в земной коре, и те силы, которые раньше давили на пустынное морское дно, теперь устремились к Йолю? Пальцы Клобука легонько поглаживали подлокотники трона. Нет, похоже, даже он не ощущает, как роковая цепь событий, которую он привел в действие, приближается к развязке.

Теноктрис же чувствовала это слишком хорошо. Она вскинула голову, уловив слабую дрожь башни под ногами. Поверхность гавани пошла мелкой зыбью, как будто заколыхалось море копий. Ни герцог, ни его слушатели, казалось, ничего не замечали.

— Я ваше будущее! — воскликнул герцог Тедри, потрясая своим бронированным кулаком. — И все пойдут за мной!

Второй толчок обрушился на Йоль подобно гигантскому молоту. Красная черепица так и посыпалась с городских крыш. Примерно дюжина домов и вовсе исчезла, оставив клубы пыли и разлетающихся осколков оконного стекла.

Башня, на которой стояла Теноктрис, закачалась подобно дереву на ветру. Обломки камней полетели из стен прямо в толпу, повергнув людей в ужас.

Теноктрис опустила на колени и, использовав свой старенький деревянный атам¹, начертала несколько символов на рассох-

¹ Атам — магический жезл.

шихся досках. Увы, она не могла спасти Йоль. Честно говоря, она не была уверена, что и сама-то спасется, но при таком раскладе сил все же существовал шанс даже для пожилой колдуньи с ограниченными практическими возможностями.

Герцог Тедри воинственно размахивал мечом у себя перед носом. Он что-то кричал, но его крики смешивались с воплями многотысячной толпы, собравшейся во дворе крепости, и все вместе поглощалось грохотом земли.

— *Зоафер тон таллассосемон*, — нараспев и очень спокойно (она все делала спокойно) начала Теноктрис свое заклинание. Голоса своего она не слышала, но это не снижало действенности магических символов.

Клубук вскочил в безмерном удивлении, наконец-то осознав результаты своей деятельности. Его поддельный трон раскололся пополам, затем и вовсе рассыпался в кучу черного песка у ног волшебника.

Башня накренилась, когда земля, вместе с крепостью, городом, всем островом Йоль, просела на пятьдесят футов¹ вниз. Тяжелые шиферные плиты соскользнули с крыши северной башни и разлетелись на мелкие кусочки, засыпав проход между дворцом и внешней стеной крепости.

По улицам города хлынула вода из гавани. Море вдоль всей кромки горизонта вскипело белой пеной — это рождалась приливная волна, которой через несколько минут предстояло вымести весь остров. Земля еще больше опустилась — с той же неумолимостью, с которой камень погружается в разогретую смолу.

— *Эуламоэ уламоэ ламозу*, — возвысила голос Теноктрис, перекрывая торжествующий рев земли и моря. По мере того как она выговаривала каждый слог, ее атам касался соответствующего символа, начертанного на площадке. — *Амоэул мозула озулам...*

Йоль продолжал тонуть со спокойной неизбежностью. Башня с коленопреклоненной Теноктрис закачалась, но не опрокинулась. Море хлынуло со всех сторон с грохотом, перекрывшим предшествующий шум землетрясения. Волны перехлестнули через стены крепости, породив в лучах солнца сотни великолепных радуг.

¹ Фут — единица длины в различных странах. В английской системе мер (как и в России до введения метрической системы) один фут равен двенадцати дюймов, то есть 0,3048 м.

— *Амуэкарпир эрконзой разаабуа*, — произнесла Теноктрис. Она больше не чувствовала напряжения, владевшего ею с утра. Силы, вызывавшие у Теноктрис сверхъестественное напряжение, ушли, найдя себе материальное воплощение. Стены, отделявшие этот мир от космоса, рухнули, и давление ослабло, похоронив несчастный Йоль под обломками.

— *Друэнфизи нойнисьерга...*

Море катило теперь свои волны там, где раньше была земная твердь. Вместе с ним явились и морские обитатели. Всего в нескольких ярдах от себя Теноктрис увидела, как огромные челюсти со множеством конусообразных зубов схватили плывущего мужчину и утащили в кипящий поток.

Длинный плавник на спине убийственной твари ходил из стороны в сторону, пока та удалялась плавным змеиным движением. Это был морской демон — разновидность хищной ящерицы, которая в ходе эволюции предпочла вернуться в море. На Островах они встречались нечасто, а здесь, у восточных пределов, и вовсе были в диковинку. Большой частью эти чудища охотились на рыбу в открытом море, но сейчас, волей случая вернувшись на сушу, они с жадностью хватали непривычную добычу.

Сегодня морским демонам выпало угощение на славу.

— *Бенхурорбет!* — завершила свое заклинание Теноктрис.

Хотя последнее слово потерялось в грохоте бушующей стихии, космос сам по себе начал вибрировать в такт с изменением сил. В соответствии с заклинанием, энергия из тысяч различных точек устремилась к Теноктрис для восстановления нарушенного баланса. Сама башня затонула в кипящей пучине, но платформа с волшебницей осталась на поверхности, отделившись от разрушенной постройки.

Она не могла спасти Йоль. Но, вероятно, могла спастись сама.

По поверхности плавали тела и обломки. Мощные щупальца, протянувшиеся было к оконному переплету, бросили эту несъедобную штуку и сомкнулись на теле седовласого мужчины, главного сборщика налогов при герцоге Йольском. Гигантский аммонит¹ всплыл в своей закрученной раковине, мерцаая всеми оттенками блестящего опала. Теноктрис не отрываясь глядела в

¹ Аммонит — обширная группа ископаемых головоногих моллюсков, которые имели спирально закрученную, реже винтовую раковину из многих камер с очень сложной линией перегородок между ними.

огромный глаз с вертикальным зрачком, который притаился за частоколом из двух десятков щупальцев.

Аммонит снова ушел на глубину, унося с собой несчастного сборщика налогов, чье тело скрылось в птичьем клюве чудовища.

Опаляющее голубое свечение окружало волшебницу. Звезды тысячелетиями вращались над ее головой, стирая память о Тенотрис. Так пемза полирует манускрипт, чтоб другая рука могла написать новые слова на его поверхности.

А бесконечно далеко во времени и пространстве океан катил свои мутные волны над свежей могилой Йоля.

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Когда в первых лучах рассвета она поглядела на игровую доску, то увидела на ней новую фигурку, медленно набравшую силу.

Игровая доска представляла собой большую плиту замшелого агата с естественным рисунком, который был тщательно продуман неведомым волшебником. Он вырезал и отполировал его давным-давно, еще до рождения человечества. Она же позаботилась о надежном укрытии для доски: не за семью замками и запорами, а на своем собственном этаже реальности, откуда могла вызывать предметы путем медитации.

Непосвященным фигурки казались просто кусочками драгоценного турмалина¹, едва тронутыми рукой варварского резчика. Мастер вложил в свой труд много пыла и мало умения. Но для опытного и внимательного глаза... для глаза мага, каким она являлась, эти же фигурки несли в себе все тончайшие оттенки живых созданий, над которыми работала ее воля. Люди-пешки, передвигаемые ею и ее невидимым противником, перемещения которых, в свою очередь, отражались на положении фигурок на доске. Она положила немало сил и времени на изучение своих турмалиновых игроков, так что преуспела в управлении и живыми созданиями, которые им соответствовали. Фигурок на доске было множество — несколько сотен, и все различного достоинства. В том-то и заключалась сложность игры, чтобы найти и выделить те ключевые фигуры на доске, которые приведут к победе в жизни. Прошлой ночью таковых насчитывалось четыре.

¹ Турмалин — минерал, сложный силикат алюминия, бора, магния, железа, натрия с разнообразными примесями. Может иметь самый различный цвет. Прозрачные кристаллы используются как драгоценные камни.

Две из них обладали очень большой силой. Твердый хрупкий камень, из которого их выточили, был цвета морской волны с одной стороны и красным, переходящим в рубиновый — с другой. Форма кристаллов тоже менялась от макушки к основанию фигуры.

То были Полукровки — потомки людей и созданий, лишь внешне похожих на них. У этих гибридов были способности, которыми не обладали ни тот, ни другой родитель. Они не являлись волшебниками, но могли работать с силами, недоступными даже очень сильному и опытному магу-человеку.

Полукровки могли оказаться опасным оружием в руках противника. Если не удастся перетянуть их на свою сторону, придется вывести из игры. Но это — в крайнем случае...

Две другие фигурки имели форму спиралей, похожие, как братья-близнецы. Казалось, их выточили из одной турмалиновой призмы... что на самом деле не соответствовало действительности — это было невозможно. Одна из них — буроватого металлического оттенка — содержала значительные вкрапления железа. Невзирая на темный цвет, она была полупрозрачной, и в глубине ее плавали какие-то неясные формы. Другая спираль цветом напоминала чистую воду, и, подобно воде, принимала различные оттенки. Сейчас лучи рассвета окрасили ее в нежный розовый цвет.

Она прикоснулась кончиками пальцев к спиралькам. Фигурки были то ли холодными, то ли горячими — она не могла точно определить. Немало времени она потратила на их изучение, но многое оставалось загадкой. Придется ей разделить спиральки и разбираться с каждой по отдельности. Это было важно. Ведь только *одна* из них являлась ключевой фигурой, которая поможет отыскать трон Малкара, спрятанный Лорканом тысячу лет назад.

Вся сила вселенной оказалась связана с фигуркой, которую можно было контролировать. Она переместится в соответствии с желаниями — ее самой или ее противника, таинственной личности в капюшоне, которую она ощущала, но никогда не видела. Третьего участника в игре не было!

И тем не менее...

Этой ночью, где-то между закатом и рассветом, в добавление к уже существующим на доске четырем мощным фигурам появилась еще одна — остроконечная пирамидка из голубого турмалина. Следовало разобраться, что означает эта изящная фигурка. Но всего важнее сам факт ее появления *здесь*.

Она накинула на доску тонкое шелковое покрывало и направилась к внешней двери. Единственный видимый запор выглядел как клочок паутины, но любого, кто попытался бы завладеть ее сокровищем, магические силы в тот же миг закинули бы в абсолютно непредсказуемое место. И вряд ли оно бы понравилось путешественнику.

Она распахнула дверь — за ней стоял слуга с непроницаемым лицом. Он подобострастно поклонился.

— Не беспокоить меня ни при каких обстоятельствах, — бросила она и кивнула на поднос с накрытыми блюдами, ожидавший за дверью. — Я собираюсь поститься, так что уберите все это.

— Как пожелаете, госпожа королева, — снова кивнул слуга.

Она закрыла дверь и наложила на нее магическую печать. Ее противник в капюшоне никак не мог ввести новую фигуру...

А если не он, то кто же?

2

Гаррик ор-Райз метался в своей постели на чердаке постоянного двора, принадлежавшего его родителям. Ему снился водоворот.

Вода была ледяной и ощутимо давила. Ключья грязно-белой пены образовывали странные спирали, как прожилки в агате. Голову и правую руку Гаррику удавалось удерживать над поверхностью, но все остальное тело засело плотно, как мушка в янтаре.

— Помогите! — пытался звать юноша, но ревущие струи заглушали его голос. Вода давила на грудь, не давая вздохнуть.

В водоворот оказались пойманы и другие создания. Большинство из них выглядело настоящими чудовищами.

Прямо напротив него с течением отчаянно боролся морской демон. Гаррику раньше доводилось слышать о набегах подобных тварей на пастбища, но этот экземпляр был гигантом двадцати футов длиной — вдвое длиннее и намного толще всех прочих. Одни только плавники у него были с руку Гаррика. А желтые зубы могли при случае легко разорвать человека.

Выше по течению барахталось создание размером с рыбацью лодку. Его яркое тело в хитиновом панцире состояло из множества сегментов. Оно тщетно загребало многочисленными плавниками, пытаясь выбраться из ледяной воды. Впридачу к плавникам у него

имелись две клешни, как у скорпиона, явившегося из ночных кошмаров. Фасетчатые глаза чудовища тускло светились.

Вдалеке Гаррик разглядел аммонита со щупальцами и панцирем, который величиной мог поспорить с сельским домиком. Тварь с беспричинной ненавистью смотрела на Гаррика желтыми глазами, но тоже не могла выбраться из водоворота.

На самом дне моря, невероятно далеко, стоял человек, излучая мерцающий фиолетовый свет. На нем был длинный черный плащ с капюшоном, скрывающим лицо. От него навстречу взмыло потрескивающее пурпурное пламя. Выгнув полотнище аркой, оно поднималось все ближе к Гаррику... Незнакомец продолжал смеяться, заглушая шум водоворота. Все ближе и ближе...

С криком ужаса Гаррик проснулся. Он обнаружил, что весь опутан потными простынями — вот они, струи водоворота, державшие его. Близкий рассвет окрасил маленькое чердачное окошко белесым светом.

— Охрани меня Госпожа и Добрый Пастырь! — прошептал Гаррик с бьющимся сердцем. — И пусть Дузи, что следит за нашими стадами, присмотрит за мной тоже.

Он открыл створку окна, чтобы хоть чуть-чуть остыть. Толстое стекло сильно искажало предметы, по сути пропуская только свет. Когда же Гаррик выглянул наружу, он увидел недалеко от линии прибоя плот, а на нем фигуру в балахоне.

Гаррик выпутался из льняных простыней и легкого одеяла, под которым спал — несмотря на позднюю весну, ночью из-за штормов было прохладно. Чтобы не терять времени, юноша не стал подпоясывать тунику, в которой спал. Обувь ему тоже не понадобилась: подобно всем односельчанам, Гаррик ходил босиком с того времени, как сходил снег.

Он выпрыгнул в окно и, пролетев несколько футов, мягко приземлился. Будить остальных он не стал, будучи не вполне уверенным, что не грезит. В какой-то момент Гаррику даже показалось, что он видит того самого рыбака в капюшоне, что привиделся ему в ночном кошмаре. Если на плоту действительно окажется человек, потерпевший крушение, Гаррику, конечно, понадобится помощь, чтобы вытащить его на сушу. Ну а если это воображение подшучивает над ним — не хотелось бы стать для соседей объектом насмешек.

Юноша легко пробежал по стене волнолома на пляж, туника хлопала у него в ногах. Гаррик казался достаточно крупным для

своих семнадцати лет. Его сестра Шарина тоже была высокой, но тонкой и изящной, как ива. Это удивительно гармонировало с ее длинными светлыми кудрями. Их же друг Кашел сложением напоминал скорее молодой дубок. Из-за плотной фигуры он казался приземистым, хотя был не ниже Гаррика.

Рыбаки обычно вытаскивали свои шестивесельные ялики на вершину дамбы, но вчерашний шторм сбросил их обратно. Три из них валялись перевернутые, а два других притулились друг к другу на манер влюбленной парочки — верхний врезался поперек нижнего.

Волны Внутреннего Моря с привычным шипением набегали на берег. Здесь шум был гораздо громче, чем за холмами, которые гасили звук. На мелководье Гаррик действительно увидел плот и женщину, лежавшую на нем ничком. Вода билась о доски, захлестывала тело — все это Гаррик видел очень явственно. Он сморгнул и решительно зашлепал к плоту.

Тот застрял в куче гальки и ракушечника таким образом, что при небольшом приливе его и вовсе трудно было разглядеть на прибрежной полосе. К своему удивлению Гаррик обнаружил, что плот представлял собой верхнюю часть какой-то разрушенной постройки, а вовсе не кусок корабельной обшивки, как ему показалось сначала.

Незнакомка была жива, по крайней мере, она тихо застонала, когда Гаррик приподнял ее. В неверном освещении рассветных лучей он разглядел, что женщина немолода — пожалуй, будет постарше его матери. Ее исхудавшее тело казалось совсем невесомым, несмотря на намокшее одеяние из тяжелой парчи.

Гаррик повернулся и осторожно побрел к берегу, стараясь не окунать свою находку в воду. Волны бились о его ноги: казалось, они злобствуют, не желая расставаться со своей добычей.

— Здесь жертва кораблекрушения! — крикнул Гаррик что было мочи. Хотя пляж казался пустынным, юноша не исключал, что какой-нибудь рыбак может оказаться на берегу, приводя в порядок свою лодку после вчерашнего шторма. — Приготовьте постель и воду!

Он не представлял себе, откуда могла появиться женщина на плоту. В радиусе пятидесяти миль от восточного побережья Хафта не было ни одного острова с подобными деревянными постройками. Если предположить, что это самодельный плот (а очень на то похоже), то опять же непонятно, как несчастная жертва

ухитрилась удерживаться на его гладкой поверхности во время многочасовой бури.

— На помощь! Здесь жертва кораблекрушения! — снова прокричал Гаррик. Теперь он карабкался по широким скользким ступенькам дамбы. Это было не очень трудно. Как-то Гаррику довелось вытаскивать из трясины взрослую овцу, а затем еще поднимать ее на крутой берег. По сравнению с беспокойной овцой тело старой женщины и вовсе ничего не весило.

Время от времени Гаррику приходилось выполнять самые разнообразные работы в Барке. Когда-нибудь он и Шарина станут совладельцами постоянного двора — по крайней мере, их отец Райз планировал именно это. Честно говоря, Гаррик очень сомневался, что для него это предел мечтаний. Что же касается Шарины, то тут вообще ничего нельзя было сказать с определенностью. Их мать Лора воспитывала дочь как принцессу. Вряд ли на всей земле сыщется что-либо достойное Шарины!

Райза, казалось, не слишком волновало, сохраняют ли дети постоянный двор после его смерти. Он почитал своей обязанностью научить их, как распорядиться стартовым капиталом, а уж что они будут делать дальше со всем этим, его не касалось.

Райз ор-Лавер всегда старался добросовестно выполнять свои обязанности. Будучи выходцем из королевской столицы Валлес на Орнифале, он получил в молодости неплохое образование, затем подвизался писцом при дворе графа Ниарда в Каркозе. Когда семнадцать лет назад граф и графиня Тера погибли в ходе восстания на Хафте, Райз с женой и двумя детьми перебрался в Барку, родную деревушку Лоры. Именно отсюда она уехала когда-то прислуживать при дворе графа. По прошествии многих лет ее земляки по-прежнему держали Райза за чужака, хотя он купил здесь постоянный двор и умудрился превратить его в выгодное предприятие.

Райз мало того что обеспечивал своих детей — он лично занимался их образованием. Он стремился обучить их математике и литературе, а не только умению прочесть собственное имя и считать на пальцах. Он трудился, не сетуя на судьбу, и без жалоб платил по счетам. Все в деревушке считались с Райзом...

Но и только. Сварливый и злобный нрав не снискал ему любви среди односельчан. По правде говоря, даже собственный сын не слишком любил его.

Обычные дома в Барке представляли собой нехитрые постройки — две-три комнаты под чердаком-сеновалом, во дворе —

сарай и неперменная летняя кухня. Стены изготавливали дедовским способом: вокруг вертикальных шестов переплетали ивняк и обмазывали глиной пополам со мхом. Поверху штукатурили, чтоб оградить от дождя и снега. Крыши были большей частью соломенные; очаги клали либо из целикового камня, либо из кирпичей. В некоторых домах, что победнее, и вовсе обходились палками, обмазанными глиной — невзирая на опасность пожаров.

На этом фоне постоялый двор выглядел довольно солидно — старинное двухэтажное здание из желтого кирпича. Вся западная стена была увита зарослями глицинии, в мае здесь появлялись нежно-лиловые колокольчики. Огороженный двор вмещал одновременно несколько экипажей, а в конюшнях на северной стороне хватало места для двадцати лошадей. Правда, Гаррик не помнил такого наплыва гостей даже во время сельскохозяйственной ярмарки, куда торговцы приезжали прикупить шерсти, а погонщики скота — продать излишки своих отар, которые было бы трудно прокормить зимой.

Другим крупным зданием в поселке была мельница, расположенная поблизости от постоянного двора. Если владения Райза выглядели старыми, то мельница казалась и вовсе древней. Ее построили из массивного плотнотекстурного камня еще во времена Старого Королевства. Через систему шлюзов мельничный водоем наполнялся водой, затем по желанию мельника его можно было опорожнять через водостоки и тем самым приводить в движение жернова.

Использовать приливную волну было куда перспективнее, чем силу ветра или обычный ручей, поскольку приливы не зависели от засухи или других капризов погоды. Правда, подобный метод предполагал исключительно крепкую конструкцию мельницы, чтобы противостоять силе весенних приливов, когда солнце и луна действовали совместно. За последнюю тысячу лет никто другой на Хафте не рискнул выстроить такую мельницу.

— Где я? — вдруг спросила спасенная женщина слабым и надтреснутым голосом. Гаррик расслышал вопрос только потому, что слова прозвучали непосредственно у его уха. Он позаботился пристроить голову женщины на своем плече, чтобы она не болталась при ходьбе.

Задняя дверь постоянного двора распахнулась. На пороге стоял Райз, в руках он держал зажженный стебель болиголова, вымоченный в жире. Такой наспех сооруженный светильник давал

достаточно желтоватого света, чтобы разглядеть сына с его находкой.

— Вы в деревне Барка, — ответил Гаррик. — Сейчас организуем постель для вас, госпожа. А также молоко и взбитое яйцо.

— Но где эта Барка? — прошептала женщина. — Это на Йоле?

Райз пошире распахнул дверь и отступил в сторону, чтобы дать дорогу. За его спиной в центральном коридоре маячила Лора, а с лестницы свесилась Шарина, пытаясь понять, что происходит.

— Йоль? — переспросил Гаррик. — А что это такое?

— Йоль? — присоединился к нему отец. — Но Йоль утонул в море тысячу лет назад!

3

Шарина потуже затянула поясok на тунике, которую использовала в качестве ночной рубашки.

— Шарина! Беги скорее за отшельником! — скомандовал Гаррик, осторожно переступая через порог и стараясь не ударить спасенную о дверной косяк. — Эта дама нуждается в помощи!

— Сейчас приведу его! — откликнулась девушка и бросилась вниз. Ее плащ остался в комнате, но Шарина посчитала, что утренняя прохлада не стоит минутной задержки. И так большую часть пути до хижины Ноннуса ей придется бежать, хотя под конец тропа становилась такой извилистой, что требовала осторожности даже при ярком свете дня.

— Ты не можешь идти в такой час, Шарина! — крикнула вдогонку мать. — И не одетая к тому же!

— Возьми с собой свет, Шарина! — помахал факелом Райз. Он не решался поднять его повыше из боязни подпалить потолок.

Однако девушка оставила их слова без внимания. Свет ей был нужен не более плаща... Хотя, по совести, она могла бы захватить и то, и другое, если б не привычка делать все назло родителям. Она выскочила в переднюю дверь и промелькнула во дворе прежде, чем кто-либо успел ее остановить.

Двустворчатые ворота так давно не закрывались, что под ними выросла высокая трава. Одна створка соскочила с верхней петли. Месяц еще ярко светил в вышине, но звезд уже не было видно на прудутреннем небе.

Единственная настоящая улица в Барке представляла собой цепочку домов, спускающуюся к неглубокому заливу. По пути она пересекала мельничный водоем — поэтому был построен широкий каменный мост, говорят, в те же времена, что и сама мельница. В остальном улица была самая обычная — замусоренная, пыльная или топкая, в зависимости от времени года. После страшного шторма накануне все рытвины и колдобины, нажитые за века оживленного движения, оказались доверху наполнены водой. Шарина перескочила через дорогу с ловкостью, дарованной многолетней практикой, и направилась вверх по незаметной дорожке, огибающей деревушку.

В Барке не существовало четких границ, если не считать береговой линии. Дома беспорядочно тянулись во всех направлениях, так что со стороны трудно было сказать, где кончается деревня и начинаются прилежащие фермы. Сюда же вклинивались лесные участки и полоски пастбищ, принадлежавшие отдельным хозяйствам. Все вместе это и составляло деревушку Барка на берегу Внутреннего Моря.

Дорога, на которую свернула Шарина, почти сразу же ныряла в общинный лес, где обычно свиньи рыскали в поисках желудей, а несколько семей имели право собирать валежник на растопку. В этом лесу жил только один человек, и он в некотором смысле тоже был собственностью общины.

Гаррик неспроста послал за отшельником Ноннусом Шарину вместо того, чтобы пойти за ним самому. Дело в том, что отшельник предпочитал наблюдать людей со стороны, как явления природы — весну или дождь. Единственной в деревне, для кого он делал исключение, являлась Шарина — к ней он относился как к человеку, может, даже как к личности.

Прекрасные светлые волосы Шарины в сочетании с серыми глазами отличали ее от остальных односельчан, в том числе и от родителей. Возможно, именно из-за этого она чувствовала себя чужестранкой в родной деревне, где прожила всю жизнь за исключением первых недель. Особое отношение Ноннуса дарило девушке такое же успокоение, как прикосновение знакомой ночной сорочки, когда, бывает, среди ночи очнешься от кошмара.

Дорога изгибалась, чтобы дальше снова соединиться с Гуртовой дорогой возле брода Хафнера. Однако ею никто не пользовался с иной целью, как повидать Ноннуса — практически вообще никто не пользовался. По обочинам дороги стояли заросли

ежевики, которые время от времени цеплялись за подол Шарины. Она поспешно освобождалась и бежала дальше. Девушка знала: от ее проворства может зависеть жизнь человека.

Ноннус прослыл в общине целителем. Бабушка Халла рассказывала, что он появился неизвестно откуда за несколько лет до того, как в деревню вернулась Лора с мужем-чужаком и новорожденными двойняшками.

— *Нам* он показался похожим на бандита, — любила говорить бабушка, — но тогдашний бейлиф¹ был такой же пустышкой, как нынешний Кагчин. Никому не хватило духу протестовать, когда этот парень заграбастал себе местечко у излучины ручья. Когда сын Тревина ор-Цезала сломал ногу — тот самый мальчишка, который умер на следующий год от лихорадки, — так вот, он услышал его визг и поставил ему кость на место, тютелька в тютельку. Вот так мы и узнали, что он святой отшельник. Хотя если вы меня спросите, я скажу — он и по сей день выглядит как бандит.

Все знали — бабушка Халла любит рассказывать обо всем на свете, не дожидаясь расспросов. То есть *любила*, напомнила себе Шарина. Царствие ей небесное, старушка померла пять лет назад. Соседи обратили внимание на то, что очаг у нее несколько дней как не топится, и обнаружили тело в постели.

Даже Шарине трудно было воспринимать Ноннуса как праведника, хотя она-то видела площадку перед самодельным алтарем Госпожи. Отшельник вырезал ее изображение на сосне и так часто преклонял гам колени, что земля утрамбовалась до твердости камня. Помимо молитв, Ноннус занимался охотой, рыбалкой и собственным садом. Этому ему хватало. Конечно, при случае он принимал овощи и фрукты или кус копченой свинины в качестве платы за свои труды, но, по правде говоря, отшельник был вполне самодостаточным человеком: подобно белке, он сам обеспечивал себе пропитание.

Священнослужители Госпожи и ее супруга Пастыря раз в год проводили обход округа с целью сбора десятины. Ноннус никогда с ними не пересекался. Он напоминал сторожевого пса — всегда бдительный и прямой, как полет его коротких деревянных дровиков, всегда настигающих добычу.

¹ Бейлиф — в англоязычных странах помощник шерифа, полицейское лицо при судебных органах.

Там, где от окружной дороги ответвлялась тропинка к хижине отшельника, на шнурке из ивовой лозы висела пара палок-трещоток. Шарина задержалась, чтобы извлечь из них условный стук.

— Ноннус! — позвала девушка. — Мой брат подобрал женщину на берегу моря. Ей нужна твоя помощь.

Чтобы пробраться к хижине, нужно было сначала спуститься в глубокий овраг, а затем снова вскарабкаться на крутой склон. Шарина проделала этот нелегкий путь, цепляясь за могучие корни бука, росшего у противоположной кромки оврага.

Если посетитель не позаботился дать знать о своем приходе при помощи трещотки, Ноннус все равно встречал его у порога. С той только разницей, что в этом случае у него в руках были дротики: три — в левой, а четвертый наизготовку — в правой. Никто в селении не мог похвастать, что застал Ноннуса врасплох.

Отшельник появился в дверях низенькой хижины уже с посохом и плетеной корзинкой, в которой носил свои снадобья.

— Кости сломаны, дитя мое? — обратился он с вопросом к Шарине. Его приветственная улыбка наводила на мысль о кривом корне вереска.

Ноннус был невысок ростом, даже ниже Шарины, и отнюдь не атлетического сложения. Седина уже посеребрила его волосы, а еще больше — бороду. Если бы девушку спросили о возрасте отшельника, она дала бы ему лет сорок или больше. Хотя трудно сказать, что еще, кроме седины, позволяло предположить столь почтенный возраст.

Ноннус обмотал ремешок своей корзинки вокруг посоха и закинул последний на плечо. Его скроенная из целого куска черная шерстяная туника по плотности и колкости напоминавшей накидку из конского волоса.

— Не знаю, Ноннус. — Шарина наконец позволила себе перевести дух. — Гаррик сказал только, что ее выбросило волнами на берег.

Поверх туники отшельник носил водонепроницаемый пояс из ивовой лозы, такой же, как веревка, на которой висели трещотки. К поясу подвешивался длинный тяжелый нож в кованых ножнах — единственная металлическая вещь в его хозяйстве.

— Ну что ж, тебе известно, где растет мой окопник, — произнес отшельник, шагая неуклюжей, шаркающей, но удивительно быстрой походкой впереди девушки. — Ты сможешь вернуть-

ся и наконец кореньев для нашей больной, если выяснится, что они потребны.

У самой хижины Ноннус сажал однолетние растения. Многолетние же, равно как и овощи — пастернак, репа, поздний лук, — возделывались на отдельном участке за домом. Несмотря на то, что отшельник обрабатывал свой огород с помощью простой заостренной палки, все у него росло как на дрожжах.

— Ноннус? — обратилась Шарина к удалявшейся спине отшельника. Казалось, что он и не спешил особо — просто не делал ни единого неверного движения. — Ты полагаешь, откуда она? Эта женщина?

— Дитя мое! — Голос отшельника прозвучал как будто издалека. — Я не строю никаких предположений относительно других людей. Вообще никаких.

Его черная угловатая фигура удалялась по тропинке. *И надеюсь, никто не будет делать этого в отношении меня*, прочитала Шарина безмолвное завершение разговора в его черной спине. Закусив от смущения губу, она последовала за отшельником.

4

Илна ос-Кенсет аккуратно расправила платье незнакомки на специальной подставке для сушки белья, установленной у входа на мельницу. Глядишь, на полуденном солнышке все и высохнет. Взгляд ее задержался на вышитых символах — они напоминали те, что были вырезаны на древних камнях фундамента постоянного двора. Если посмотреть на платье сбоку, то ткань отливала зеленым, но при другом направлении взгляда выглядела голубой.

В какой-то момент Илне показалось, что и символы меняются в зависимости от освещения, но эта мысль почему-то ей сильно не понравилась, и девушка постаралась отбросить ее подальше. Вообще по непонятным причинам (вряд ли Илна смогла бы кому-нибудь их объяснить) одевание незнакомки чересчур занимало ее мысли. Можно даже сказать, тревожило.

Она приладила плетеную ширму так, чтобы в ближайшее время та защищала платье от попадания прямых солнечных лучей. Через час Илна придет и перевернет вещь. Легкого бриза, который дует сегодня, будет достаточно, чтобы еще до вечерней росы высушить даже такую тяжелую парчу.

Дом мельника был поделен пополам. К той половине, на которой жила Илна со своим братом Кашелом, примыкала голубятня. Стая белокрылых птиц с шумом поднялась оттуда и сделала несколько кругов над головой девушки. Затем они снова уселись на конек крыши. Интересно, а что происходит в голове у голубя? Смешной вопрос... Тут не скажешь даже, что творится в голове у другого человека! Особенно, у мужчины.

Особенно если этот мужчина — Гаррик ор-Райз.

Платье принесла поутру Шарина, рассказав, что оно принадлежит незнакомке, и попросила вычистить его. Что ж, это было несложно. Илна исследовала материю и определила, что удастся избежать трудоемкой процедуры: сначала втирать в ткань кашицу из овсяной муки, чтобы впитать грязь и жировые выделения, а затем удалять все это обычной мукой. Цвет ткани не пострадал из-за пребывания в морской воде, так что требовалось просто как следует выполоскать ввевшуюся соль в чистой проточной воде.

Будь мельничный водоем сейчас заполнен пресной водой из ручья, Илна решила бы проблему, опустив плетеную корзину с платьем в него или даже в водослив. Правда, дядюшка Катчин может возражать... А уж его молодая жена, неряха Федра, точно будет недовольна. Но так или иначе — Илна сделает как задумала, и никому от этого не станет хуже, в том числе и ее родственникам.

Увы, сегодня вода в запруде оказалась соленая, так что говорить было не о чем. Какая-то часть Илны (не самая лучшая, пожалуй, но все же...) пожалела, что не представилось случая повоевать с дядюшкой Катчином. Это огорчило ее даже больше, чем необходимость таскать чистую воду ведрами, а затем вручную отполаскивать платье.

Кенсет ор-Келдан был старшим из двух сыновей мельника. «Рисковый», — так отзывались о нем односельчане.

Когда-то давным-давно он внезапно уехал из деревни, никому ничего не сказав. Через год вернулся — так же неожиданно, как и исчез, — но уже с двумя хнычущими сосунками и без жены. Так в деревне появились Илна и ее брат Кашел.

За время отсутствия Кенсета его отец Келдан помер. Илна достаточно хорошо знала своего дядю Катчина, чтобы представить себе его ярость, когда выяснилось: отцовское наследство придется делить. Однако выхода у него не было — существовал совершенно непреложный закон на этот счет, а дядя свято чтил букву закона.

Те же самые односельчане, которые когда-то определяли Кенсета как рискованного парня, утверждали, что после своей отлучки он вернулся совсем другим человеком. Хотя человеком его можно было назвать с большой натяжкой. Его больше не тянуло на поиски необычного. Похоже, он нашел, что искал, на дне пивной кружки. Крепкий сидр заменил ему все остальное. Он постоянно кланчил у брата деньги в счет выручки с мельницы, причем брал гораздо больше, чем причиталось. Он не обращал никакого внимания на окружающих, и меньше всего — на своих детей. А окружающие, соответственно, плюнули на Кенсета ор-Келдана.

Когда Илне и Кашелу было семь лет, отец умер. Не от выпивки, нет — просто как-то морозной зимой он, надрывшись, прикорнул в канаве в нескольких милях от деревни и больше не проснулся. После его смерти детям не осталось ничего, кроме половинного владения мельницей.

Бабушка, пока была жива, поддерживала детей. Но два года спустя она сама мирно скончалась в собственной постели. Теперь Илне пришлось заботиться и о себе, и о своем брате-близнеце. Кашел выполнял те работы по дому, что были ему по силам, и к тому же подражался пасти соседских овец. Вскоре он стал главным пастухом для всего сельского стада. Илна же ткала с таким мастерством и проворством, что и по сей день дюжина хозяек предпочитала приносить ей пряжу, а не заниматься ткачеством самостоятельно.

Ну и конечно же, Илна вела домашнее хозяйство. Она не без основания гордилась тем, что когда Катчин наконец женился (злые языки утверждали: купил жену), то любой в деревне мог сравнить безукоризненную чистоту у Илны с грязью и запущенностью (это при их-то деньгах!) на другой половине дома.

В первые годы сиротства сочувствие соседей было тем больше, чем меньше симпатии вызывал их дядя Катчин. Илна сделала вывод, что всякое благое деяние окупается интересом людей, как это произошло в их с Кашелом случае.

Именно для того, чтобы завоевать уважение соседей, Катчин стал бейлифом, блюдущим интересы графа Ласкарга в своем округе. Однако столь желанная должность ничего не изменила. Мельник Катчин был самым богатым и преуспевающим членом общины, а его предки жили в Барке на протяжении десяти поколений. И при всем при том последний пьяница Сил-Заика получал больше радужных поздравлений на Зимнее Солнцестояние, чем Катчин.

Тем временем Кашел ор-Кенсет вырос в редкого силача. Страна же его оставалась настолько миниатюрной, что ей едва можно было дать половину из ее восемнадцати лет. Это — если не смотреть ей в глаза... Зато если бы вы провели среди местных жителей конкурс на самый *твердый* характер в деревне, то его, несомненно, выиграла бы Илна. Она и сама это знала, хотя старалась не придавать значения.

Ее маленькая двоюродная сестренка снова кричала. Роль матери двухлетней дочки удавалась Федре не лучше, чем роль домохозяйки (к тому же она так и не сбросила вес, набранный во время беременности). Илна холодно улыбнулась. Понятие мести было ей знакомо не меньше понятия долга. Просто иногда следует предоставить эту неблагодарную работу самой природе.

Девушка снова бросила взгляд на платье. Вроде бы не было нужды беспокоиться о нем, пока солнце не передвинется и не настанет время его переворачивать. Но вещь вновь и вновь притягивала внимание Илны. Осторожно, будто неся на руках большое животное, она приблизилась к платью.

Ей и раньше доводилось видеть шелк, правда, чаще в виде отделки на одежде богатых односельчан. Насколько Илна знала, в Барке существовало по крайней мере три костюма с использованием шелка. Но там он выглядел совсем иначе — легкий и прозрачный материал, в то время как платье незнакомки было сшито из тяжелой парчи. Однако не это волновало девушку.

Дело в том, что Илна весьма необычно воспринимала материю, которую ей приходилось обрабатывать или носить, особенно если доводилось спать в ней. Любая ткань дарила ей серию ярких образов и переживаний. К примеру, шерсть чаще всего действовала на нее успокаивающе. В характере девушки присутствовала некоторая нервозность, которая, однако, проистекала совсем не из робости или застенчивости. Просто ей многое было открыто. Стоило Илне однажды надеть платье, которое принесла убитая горем мать погибшей девушки, и она увидела такое, что предпочла не открывать бедной женщине. В частности, она узнала, почему ее дочь приняла яд и как звали отца ребенка, которого та носила под сердцем. Это был не единственный случай, когда у Илны возникали яркие и едва не осязаемые видения, объяснять которые другим оказывалось столь же бесполезно, как описывать восход солнца слепцу.

Одеяние незнакомки воздействовало на нее совсем по-другому. Стоило Илне прикоснуться к материи — и перед ней пронеслись мимолетные неуловимые образы. Они не были тревожными или угрожающими в обычном смысле.

Проблема, если она существовала, заключалась в другом. Илна была абсолютно уверена, что эта вещь не принадлежит их миру.

5

В ранних сумерках Гаррик, закинув лопату на плечо, возвращался на свой родной постоянный двор. Звезды едва показались на востоке — рановато для окончания работ в поле, но Гета утверждала, что сегодня Гаррик уже наработал за двоих, и заплатила ему соответственно.

Гета была вдовой с малыми ребятишками — ее старшему сыну только-только минуло десять. Большинство работ по ферме семья выполняла самостоятельно. Но вот рыть дренажные каналы было им не по силам. Тут приходилось ворочать тяжеленные камни, некоторые — размером с овцу. Гета с детьми пособляла как могла, но Гаррик-то выполнял работу, с которой вряд ли справился бы обычный мужчина.

Идя через двор к дому, он спугнул стайку цыплят, которые с раздраженным писком бросились врассыпную. Обычно куры сами добывали себе пропитание, но время от времени Лора высыпала им полную пригоршню зерна посреди двора. Делалось это с умыслом: чтобы прирученная птица давалась в руки, когда понадобится зарезать пару-тройку куриц. Для той же цели разбрасывался овес в стойлах с лошадьми. Но беда в том, что гостей на постоянном дворе в настоящий момент не было, а уж кареты не показывались во дворе с незапамятных времен.

Гаррик повесил рабочий инструмент на привычное место — на козлы сбоку от дома. Лопата целиком выстругивалась из твердой древесины, лишь на режущую кромку надевалась подошва из железа. Гаррик критически осмотрел ее: с одной стороны металл почти стерся. Надо будет заменить подошву, когда лудильщик в следующий раз появится в деревне.

Услышав плеск, юноша вышел из конюшни. Его отец как раз выливал ведро воды в каменное корыто рядом с колодцем посреди двора.

— Вижу, ты вернулся, — сказал Райз. — Помогал вдове?

— Да, отец, — кивнул Гаррик. — Она затянула дело с дренажными канавами, так что последний шторм превратил ее поле в настоящее болото. Но теперь мы все привели в порядок, надеюсь, овес взойдет нормально.

Он по локоть погрузил руки в корыто и начал отмывать их. Гаррик чувствовал приятную усталость во всех мышцах, которая появляется после хорошей работы. На самом деле можно было так и не перетруждать себя, но ему хотелось покрасоваться перед женщиной и ее детьми. Сегодня это едва не закончилось печально: последний валун, который Гаррик выворотил из канавы, чуть было не скатился обратно и не переломал ему кости.

Райз протянул сыну мочалку из люфы¹. Высушенное содержимое тыквы докрасна надраивало незащищенную кожу.

— Я слышал: с женщиной, которую ты нашел, все будет в порядке, — сообщил он. — Шарина говорила, наверное, со слов отшельника. Ее одежда из шелка. Я не могу распознать покроя, но, похоже, она самая высококлассная, что когда-либо появлялась на нашем постоялом дворе.

Он помолчал, затем спросил:

— А с чего бы тебе толковать о Йоле, Гаррик?

Тот посмотрел на отца. Если бы вы взялись описывать Райза ор-Лавера, то вряд ли нашли бы какие-то исключительные слова, но при этом он так же выделялся на фоне прочих жителей Барки, как серебряное блюдо в коровнике. Райз был не выше своих соседей, да и особо стройным его не назовешь. Однако рядом с ним все местные мужчины казались какими-то грубыми и неотесанными. Его каштановые волосы до того как поседел, были на тон светлее, чем у односельчан. В то время как большинство баркианцев отличалось продубленной кожей и квадратными подбородками, Райз имел изящное треугольное лицо с легким румянцем.

Он прожил в деревушке Барка семнадцать лет, а до того — еще шесть лет в Каркозе, столице Хафта. И все равно местные жители между собой называли его «чужак с Орнифала».

¹ Люфа — род травянистых однолетних лазающих растений семейства тыквенных с плодами, похожими на большой огурец; молодые завязи используются в пищу как овощ, зрелые волокнистые плоды — для набивки мягкой мебели, изготовления мочалок.

— Ну та женщина говорила, что она оттуда, — ответил Гаррик. — Так, во всяком случае, мне послышалось.

Райз в раздражении покачал головой.

— Она, конечно, образованная дама, но, боюсь, не в своем уме. Надеюсь, ее рассудка хватит, чтобы сообщить нам, кто сможет забрать ее отсюда, а заодно оплатить расходы по ее содержанию. Спору нет, одежда на ней дорогая, но ни кошелька, ни драгоценностей я что-то не приметил.

Гаррик досадливо поморщился. Хотя, с другой стороны, если б его отец не был именно таким человеком, ему никогда бы не удалось успешно содержать постоянный двор в глухомани вроде Барки. Он, конечно, не отказал бы в милосердии жертве кораблекрушения, но терпеть из-за своей доброты убытки не намеревался. Равно как и скрывать это.

— Могу я увидеть ее? — спросил Гаррик.

— Почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Райз. — Она ведь находится в моем доме, если не ошибаюсь.

Гаррик направился к крыльцу, слыша за собой отцовское ворчание:

— Мало того, что проклятый шторм продырявил крышу в дюжине мест, так еще эта сумасшедшая свалилась на мою голову!

Утром Гаррик уложил спасенную женщину на кровать в большой общей комнате. Наверху имелись комнатки поменьше и поудобнее, где обычно останавливались состоятельные торговцы и владельцы скота. Но тогда он побоялся тащить ее по узкой крутой лестнице. Женщина и сейчас лежала там, где он ее оставил, — поскольку постояльцев в настоящий момент не было, ей никто здесь не мешал.

Около кровати с тюфяком из плетеной рисовой соломки, подоткнутой так, чтобы больная ненароком не скатилась, стоял на коленях Ноннус. Из кухни доносились голоса Лоры и Шарины. Фитиль одной из висячих масляных ламп был зажжен, чтобы добавить света к тому, который догорал за окошком.

— Она сказала, что ее зовут Теноктрис, — сообщил отшельник. Он говорил тихо, как человек, привыкший к одиночеству. — Думаю, она скоро поправится.

Гаррик присел рядом с отшельником — он не помнил случая, когда бы видел его так близко. Лицо и руки Ноннуса покрывали рубцы, что подчеркивалось игрой теней от лампы.

На пороге кухни показалась Шарина.

— Она выглядит ужасно, — ляпнул Гаррик, поглядев на сестру.

На женщине было шерстяное платье — похоже, из Лориных обносков, подумал Гаррик. Дыхание казалось слабым и прерывистым, а кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок, которого утром Гаррик не заметил.

Ноннус сухо улыбнулся.

— Главные ее проблемы, — пояснил он, — это обезвоживание и солнечные ожоги. Я влил в нее столько молока с маслом, сколько она способна принять. Обгоревшую кожу покрыл мазью. И крошил в молоко печенье с латуком, чтобы до утра побороть простуду.

Гаррик скривился. Теперь, после слов отшельника, он узнал запах ланолина, который, очевидно, входил в упомянутую мазь. Неудивительно, что кожа незнакомки выглядела такой лоснящейся.

— Латук помогает? — спросила Шарина.

— О да, — подтвердил Ноннус. — Я уварил сок до твердого состояния. Ожоги сами по себе не опасны, но они болят так, что забудешь о стреле в заднице.

— Не хотите поднять ее в верхние комнаты? — спросил Гаррик.

Ноннус покачал головой.

— Ваш отец сказал, что она может лежать здесь всю ночь, — сказал он. — Твоя сестра побудет с ней. Когда же женщина проснется, то сможет понемножку передвигаться сама. Если Госпоже будет угодно.

Гаррик впервые внимательно оглядел мускулистые руки отшельника. Теперь ему казалось довольно глупым прежнее предположение, что Ноннус не смог бы самостоятельно поднять женщину наверх.

— Мы отдали ее одежду Илне, чтобы она очистила платье от соли, — сообщила Шарина. — Там такая чудесная материя! Ты обратил внимание, Гаррик?

Тот пожал плечами. Он никогда особо не интересовался одеждой, но знал, что Илна, сестра Кашела, лучшая ткачиха в округе. Уж, наверное, она сможет позаботиться о любом платье...

— Как долго, по-вашему, пробыла она в воде? — спросил он у Ноннуса.

— День. Может, полтора, — ответил тот. — Думаю, не дольше. Иначе при такой светлой коже, как у нее, обязательно появились бы волдыри.

— Отец говорит: она не может быть из Йоля, — произнес юноша. — По его словам, Йоль затонул тысячу лет назад.

Отшельник едва заметно улыбнулся, но ничего не сказал. Слова Гаррика, строго говоря, не были вопросом, хотя он, очевидно, рассчитывал на ответ.

— А вы слышали про Йоль, Ноннус? — подала голос Шарина.

— Я слышал, что это далеко на востоке, — ответил Ноннус, подымаясь на ноги. — И что он затонул давным-давно, это правда. Но я при сем событии не присутствовал. Таким образом, я знаю только то, что говорят другие люди.

Он кивнул Гаррику, затем обернулся к Шарине. Хотя выражение лица при этом не поменялось, оно стало как-то мягче.

— Если, против ожидания, она проснется ночью, дай ей еще молока с маслом — сколько она захочет. А я вернусь утром.

Уже в дверях, не оборачиваясь, Ноннус добавил:

— Ну и, конечно, буду молиться за нее.

6

Кашел ор-Кенсет вышел из лесу, прислушиваясь к танцевальной мелодии, которую наигрывал на свирели Гаррик. Юноша сидел на пригорке, вокруг него, в низине, паслись овцы: из сочно-зеленых зарослей время от времени раздавалось блеяние.

Услышав шаги, Гаррик обернулся и отложил инструмент.

— Ну что, все в порядке? — спросил он.

— Да. Боджера щипала там почки кизила и запуталась шеей в колючках, когда у нее соскользнула задняя нога, — рассказывал Кашел, поднимаясь на пригорок. — Я все твержу Бейлину, что лучше уж забить эту овцу. Все равно в один прекрасный день, когда я буду не столь проворен, она сбежит или достанется на корм воронам. Но он говорит: уж больно молочная овца, к тому же до сих пор все обходилось — вот и опять я не позволил ей задохнуться...

— Да ты сам еле дышишь, — отозвался Гаррик. Он сидел, прислонившись спиной к священному дубу, чья раскидистая крона давала тень даже в самое знойное лето. Правда, сейчас он грелся на солнечной стороне. Здесь же, под деревом, лежал его колчан и распакованная сумка с завтраком. Поверх сумки Гаррик пристроил открытую книгу. Если Кашел благодаря помощи друга

научился писать свое имя и мог прочесть несколько слов, то Гаррик был весьма ученым молодым человеком — он читал древних поэтов для собственного удовольствия.

— Пока, благодарение Госпоже, жив, — проворчал Кашел. — Но если так дальше пойдет, то мое везение однажды кончится.

Он обратил внимание на троицу овец, которые энергично трусили от лесной опушки. Что-то в них было не так. Эти животные и всегда-то выглядели идиотками с безумным взглядом, но сейчас к тому же что-то их напугало.

Кашел отправился с проверкой, оставив Гаррика присматривать за остальным стадом, которое разбрелось по лугу, спускавшемуся к южной границе деревни. Ну конечно, в лесу он обнаружил одну из бейлиновских красавиц, застрявшую в развилке дерева и неспособную выбраться самостоятельно.

— Ну что ж, если бы овцы были столь же сообразительны, как люди, то фермерам не пришлось бы тратить на пастухов, — заметил с ухмылкой Гаррик. — Хочешь послушать стихотворение?

Он открыл книгу на заложенном месте. Это был один из тех томов, что его отец привез с собой с Орнифала. Переплет — из темной кожи, четкие буквы на отличном пергаменте. Если Кашел и не понимал ничего в чтении, то был в состоянии оценить мастерство переписчика, сохранившего ровность букв и сточек на всем протяжении такого большого текста.

Гаррик прочел:

*А ныне пастухи играют на рожках
Тучнеющим стадам в лазоревых лужках,
Чем радуют богов, глядящих за стадами
И Хафта моего лесистыми холмами.¹*

— Ну, как тебе это нравится?

Кашел пожал плечами.

— Нравится, — сказал он. — Красиво излагает. Хотелось бы, чтобы и в жизни все было так просто.

— Вот и я о том же, — подхватил Гаррик, захлопывая томик. — Овечки-то, конечно, высыпали на свежую травку, но и тебе сидеть не приходится, если хочешь быть уверенным, что эти неразумные твари не повесятся, не утонут в болоте или не забредут на высокий утес — потому как они слишком глупы и не догадываются, что

¹ Перевод Э. Байгильдеевой.

легать не умеют. Причем готов биться об заклад, что и в Старом Королевстве дела обстояли точно так же, только Келондрий не догадывался об этом. Отец рассказывал, что он был вовсе никакой не пастух, а богатея, который писал о пастухах.

— Ну, ты же играешь на свирели, — с задумчивой улыбкой возразил Кашел. Сам-то он был отнюдь не музыкант. Да и времени свободного ему не доставало — как раз на развлечения не хватало. Единственный инструмент, с которым был знаком Кашел, — это бычий рог с деревянным мундштуком, в который он обычно трубил в случае тревоги. — Не сомневаюсь, твоя музыка нравится Дузи.

И он погладил невысокий камень, установленный на пригорке. Камень изображал бога Дузи и по этому случаю был снабжен грубо вырезанным ликом. Надо сказать, он являлся далеко не главным божеством — не чета Пастырю, но местные пастухи, как и сотни лет назад, оставляли перед этим неуклюжим камнем свои скромные подношения в виде цветочных гирлянд и пищи.

— И уж наверняка она нравится мне, — добавил Кашел, и его улыбка стала еще шире. Он присел и положил на землю посох с железной подковой, чтобы как следует рассмотреть инструмент друга. Свирель представляла собой набор дудочек из пустотелого камыша, подобранных так, чтобы все дудочки были одинаковой толщины, но разной длины. Затем с одной стороны отверстия заклеили пчелиным воском, а семь дудочек связали при помощи лыка и ивовой лозы. Получилось нехитрое приспособление под названием свирель.

Чтобы произвести звук, достаточно было подуть в верхние отверстия. Кашел считал: если музыкант искусен — а уж Гаррику в этом не откажешь, — то мелодия получалась ничуть не хуже, чем у лесных птиц.

— Пожалуй, и овцы не против моей игры, — признал Гаррик. — Вообще-то они не признают меня за настоящего пастуха, но когда звучит моя свирель, они, похоже, не так бессовестно разбредаются по всей округе.

Кашел озирает свою отару с пригорка, попутно пересчитывая животных. Он загибал пальцы правой руки, когда набирался десятка — в ход шел, соответственно, палец на левой руке. Он зорко смотрел, пытаясь разглядеть овец: и тех, что были на виду, и тех, которые еще, похоже, оставались в лесу. Черно-бело-коричневая масть, присущая хафтской породе, делала их трудно-

различимыми на расстоянии и тем более среди деревьев даже для такого наметанного глаза, как у Кашела.

Море злобно пенилось у берега, с востока вплотную подступая к пригорку, на котором сидели друзья. Волны никак не утихали даже после того, как недавний шторм окончился. Вскоре взор Кашела уловил неожиданный оттенок в привычной бирюзе.

Некоторые овцы все еще паслись на заливном лугу, выщипывая свежую поросль тростника там, где воды Паттерн-Крик смешивались с приливной волной. Разбавленная морская вода, кстати, придавала баранине немного солоноватый вкус, который, по мнению многих, прекрасно сочетался с соусом из красных водорослей. Таким образом, даже живя в крошечной Барке, Кашел мог убедиться, сколь велик и разнообразен в своих вкусах окружающий мир.

Вороны каркали и подпрыгивали на кучах морской травы, которые оставил после себя шторм. Сегодня им было чем поживиться: дохлая рыба, водоросли, увешанные гирляндами ракообразных, а также нечто и вовсе непонятное, что когда-то плавало во Внутреннем Море, а теперь осело здесь в виде куч мусора. Кашел еще раз подумал, что надо бы проверить отару на предмет насекомых — хотя обычно вороны выклевывали личинки мух и слепней прямо из овец. Это шло у них на десерт.

Юноша еще раз обвел взглядом окрестности. Все было как обычно, и все же его не покидало чувство: что-то не так.

Слегка нахмурившись, Кашел подобрал свой посох и обошел священный дуб, чтобы оглядеть болотистую излучину на севере. Все его подопечные бродили на виду (или угадывались в осоке). И по-прежнему все было в порядке: овцы спокойно щипали траву и методично пережевывали ее — так же монотонно и безостановочно, как дышит спящий человек.

Гаррик подметил настроение друга. Он ничего не сказал, только уперся в нижний конец лука ногой, вцепившись в верхний руками. Используя колено как точку опоры, Гаррик изогнул древко лука и взялся за навощенный конский волос, который служил ему тетивой. Теперь оружие было готово к бою.

Лук Гаррика, изготовленный из твердого тисового дерева, обладал большой поражающей мощностью, хотя в длину едва достигал четырех футов. К сожалению, он был довольно хрупким и плохо переносил длительные нагрузки. Поэтому уж что-то, а тетиву охотник натягивал в последнюю очередь. Непосредственно перед выстрелом.

Однако что ему сейчас-то делать? Так же, впрочем, как и гладкому подкованному посоху, которым Кашел балансировал с такой же легкостью, как другой — легким прутиком. По-прежнему в поле зрения не было ничего тревожного...

Наблюдая краем глаза за Кашелом, Гаррик вставил стрелу и аккуратно натянул тетиву. Он полностью доверял чутью друга, хотя сам лично ничего не замечал, как ни старался.

Темная стоячая поверхность болота вдруг взорвалась миллионом сверкающих брызг. Одна из овец заблелая и забила передними копытами в воздухе. Вспенившаяся вода скрывала морского демона, который подкрался и схватил животное сзади. Ему на помощь спешила вторая тварь — сомкнуть свои зубы на горле жертвы, чтобы разом прервать и ее крики, и дыхание.

— Здесь еще два! — крикнул Гаррик. Он изогнул свой лук, как это делали на Хафте — перенося вес на левую руку и одновременно натягивая тетиву пальцами правой руки.

Кашел уже и сам заметил вторую пару раскоряченных тел, быстро передвигавшихся в воде. Верхняя сторона тела морских демонов имела крапчатую серо-черно-зеленую окраску. Складчатое брюхо было цвета свежих сливок. Тот, что плыл на виду, поражал своими размерами: в длину он не уступал хорошей телке.

Кашел поднес к губам свой скрученный рог, и в сторону деревни понеслись хриплые звуки предупреждающего сигнала. Когда он достиг цели (об этом возвестило эхо, отразившееся от округлых холмов Барки), Кашел развернулся лицом к берегу, перехватил посох обеими руками и приготовился к схватке.

Сразу четыре морских демона. Старый Хадден утверждает, что ему доводилось такое видеть в юности. Если не врет — то тому уж сорок лет. Должно быть, шторм пригнал в Хафт этих гадин с далекого запада...

Тем временем лук Гаррика ожил: короткое треньканье тетивы сопровождалось долгим вибрирующим звуком дерева — тридцатидюймовая¹ стрела вонзилась прямо меж лопаток того чудища,

¹ Дюйм — единица длины в английской системе мер, равна 1/12 фута или 2,54 м.

что вцепилось в горло овце. Рана, несомненно, была смертельной, но могло пройти полдня, прежде чем эта тварь сдохнет. Единственный способ быстро убить морского демона — сломать ему позвоночник или пронзить головной мозг.

Именно: пронзить мозг или размозжить его... Кашел медленно начал спускаться с пригорка по направлению к новой парочке убийц, которая уже подплывала к берегу.

Морские демоны относились к рептилиям из отряда варанов, которые в процессе эволюции вернулись в морскую стихию. При этом хвост животных расплющился, превратившись в широкое весло, которое при движении волнообразно ходило из стороны в сторону. В воде конечности оставались практически неподвижными, за исключением тех случаев, когда необходимо было сделать поворот, но на суше лапы вполне могли служить рептилии для передвижения со скоростью бегущего человека.

Но уж что впечатляло, так это острые зубы морских демонов: у взрослой особи они достигали в длину нескольких дюймов. Этого вполне хватало, чтобы схватить и умертвить крупное животное. Правда, устройство их не слишком подходило для того, чтобы рвать и расчленять плоть. Поэтому морские демоны хватали свою жертву на земле, затаскивали в воду, а там яростно трепали тело, пока не вырывали изрядный кус. В море они промышляли рыбой, на суше же могли напасть на овцу, ребенка и даже взрослого человека — все годилось, чтобы набить брюхо прожорливых тварей.

Первая атака повергла отару в панику: с жалобным блеянием овцы металась по берегу. Некоторые бежали прямо в направлении морских демонов, которые как раз выбирались из воды. Кашел не стал кричать: это только напугало бы глупых животных и подтолкнуло к гибели.

Неподалеку снова пропел лук. Куда ушла стрела, юноша не видел, но, судя по звуку, Гаррик тоже спустился с пригорка. Все правильно: Кашел знал, что у друга всего несколько стрел в колчане. Поэтому чтобы бить наверняка, ему надо приблизиться на расстояние не менее сотни ярдов¹.

Ближайшая овца увидела шестифутового морского демона, распластавшегося на земле прямо перед ней, и так стремительно

¹ Ярд — единица длины в английской системе мер, равная 3 футам или 91,44 см.

отпрыгнула назад, что упала. Рептилия стремительно бросилась на нее, ее хвост выбил фонтан гравия и соленой воды.

Кашел нанес удар прямо в пасть чудовища, как будто в руках у него был гарпун, а не обычный пастуший посох. Он вложил в движение столько силы, что посох буквально пронзил череп, застряв где-то в глубине. Смертоносные зубы клацнули по металлическому ободу. Повинуясь инстинкту убийцы, тварь продолжала глотать деревяшку, будучи смертельно раненой, фактически — мертвой.

Кашел поднял посох с повисшим на нем морским демоном и стал колотить им о землю, чтобы освободиться от мертвой хватки чудовища. Хотя животное было сравнительно невелико, но все же весило не меньше двухсот фунтов¹. Кашел же обходился с ним так, будто на его посохе повис котенок.

Он едва-едва успел. Второй морской демон — десяти футов в длину — бросился на юношу. Голова его была запрокинута, пасть распахнута, и оттуда смердело, как из помойки в жаркий день. Кашел отпрянул, выставив вперед посох. Вообще-то морские демоны были не ядовиты, но остатки гниющей плоти на их зубах делали укусы этих тварей крайне неприятными, вызывая заражение крови и длительную лихорадку даже после соответствующей обработки.

Снова пропела тетива — *ту-у-нк!* — и стрела почти на половину своей длины вошла в левый глаз морскому демону. Как раз вовремя, чтобы помешать стальным челюстям сомкнуться на посохе и руке Кашела.

Черный раздвоенный язык вывалился из раскрытой безгубой пасти с шипением, с каким вода изливается в растопленный жир. Рептилия подпрыгнула на всех четырех лапах. Кашел взмахнул посохом как дубинкой, откинув голову чудовища, — и еще одна стрела пронзила мягкий, незащищенный треугольник на горле морского демона.

Он отчаянно изогнулся, щелкнув челюстями у собственного хвоста. Кашел замахнулся, выждал удобный момент и обрушил свой посох так, что перебил хребет твари как раз меж лопаток.

Передние лапы рептилии продолжали отчаянно загребать землю в последней попытке сдвинуться с места, но задняя часть

¹ Фунт — основная единица массы в английской системе мер. Торговый фунт равен 0,4536 кг, аптекарский и тройский — 0,3732 кг.

туловища только дергалась и изгибалась, не получая сигналов от мозга. Кашел сделал шаг назад, переведя дух. Кровь морского демона издавала резкий медицинский запах.

Вдруг он услышал отчаянный крик Гаррика. Кашел крутанулся, используя посох в качестве точки опоры.

Два морских демона, напавшие на овцу, тяжело возились рядом с телом своей жертвы. Стрелы Гаррика сделали свое дело — чудовища медленно, но неотвратно издыхали. Но, занятые схваткой с двумя другими, появившимися из моря, друзья проглядели пятую тварь. Должно быть, она незаметно проплыла по Паттерн-Крик, привлеченная шумом сражения и движимая охотничьими рефлексам. В решающий момент она подкралась и сомкнула свои челюсти на правой икре Гаррика.

Кашел в ужасе закричал, но Гаррик не растерялся. Он воткнул нижний конец лука в пасть чудовища и, пользуясь им как рычагом, разомкнул страшную хватку. Тут же хлынула его собственная кровь. Кашел со всего размаха хрястнул морского демона по черепу — раз, другой, третий... Зубы крошились и клацали в бессмысленной попытке удержать жертву.

Наконец Гаррик был свободен. Он сделал два неверных шага от поверженного чудища и произнес:

— Все в порядке! Я...

Но тут его ноги подогнулись, и юноша рухнул на землю. После перенесенного шока лицо его было смертельно бледным.

Кашел швырнул посох на землю и подхватил друга на руки. Не разбирая дороги, он ринулся к деревушке — так огромный бык несется к заводу после целого дня пахоты.

— Приведите отшельника! — кричал Кашел, увы, зная, что услышать его некому. — Приведите отшельника для Гаррика!

7

Перед глазами Гаррика было два мира, как если бы он видел их нарисованными на стеклянных стенах — одну перед другой. Одна часть его разума гадала, какая же из этих картинок реальна. Но другая знала ответ: обе были частью реальности.

Он лежал на соломенном тюфяке в общей комнате постоялого двора. Мог видеть и слышать. Полагал, что мог бы также ходить и говорить, если б захотел. Другое дело, что его сознание, за-

ключенное в упомянутые стеклянные стены, не видело причин *хотеть* этого. Или вообще чего-нибудь...

Рядом с ним находились Ноннус, Теноктрис и члены семьи Гаррика. Даже у Лоры появился сосредоточенный взгляд, хотя обычно тревога выражалась у нее в брюзжании и бесконечных жалобах по совершенно вздорным поводам.

Кашел сидел в уголке, спрятав лицо в руках, и бубнил свои извинения за то, что случилось. Гаррик сказал бы — честно! — что друг ни в чем не виноват, если б сделал выбор говорить. Ведь в тот момент он сам глядел только на ужасного монстра перед собой. Кто же мог подумать, что там окажется еще пятый морской демон! Правда, никто не мог бы себе представить и четырех чудовищ подряд в таком месте, как Барка... А стрелы, которые Гаррик послал в эту парочку убийц, не настолько надежно пригвоздили их к месту, чтобы исключить повторную атаку.

Тут же в комнате суежилась Илна. Она входила и выходила, занятая работой по хозяйству, которую расстроенное семейство переложило на ее плечи. Поймав взгляд Гаррика, она спокойно кивнула ему. Девушка сохраняла бесстрастное выражение лица, хотя затвердевшая линия подбородка выдавала ее тревогу.

Заходили и другие односельчане — выразить соболезнования, выпить кружку эля, но главным образом чтобы оказаться сопричастным волнующему моменту. Гаррика, конечно, все любили, но тем не менее... Нападение морских демонов являлось крупнейшим событием в жизни общины за последние пятьдесят лет!

— *Целых пять чудовищ! А перед тем небывалый шторм... Говорю тебе, Райз, это дурное предзнаменование. Я собираюсь сообщить об этом герцогу Ласкаргу.*

— *Брось, Катчин! Ты говорил то же самое в прошлом году, когда большой морской окунь ускользнул в водосток прежде, чем ты за ним потянулся. Хотя дело в том, что ловкостью ты можешь поспорить с коровой на льду. Как, ты сообщил своему другу герцогу о морском окуне?*

Мышцы правой икры были сильно поранены, вся нога ощущалась как ледяная колода. Ноннус прочистил раны, но вместо того, чтобы, как обычно, глубоко прижечь их раскаленным железом, он обмотал больную ногу паутиной, а сверху обильно намазал какой-то мазью.

— *А ты разве не наложишь на раны швы?* — раздался неуверенный, испуганный голос Райза.

— *Колотые раны требуется дренировать, —* спокойно пояснил Ноннус. — *Особенно нанесенные зубами. Иначе может возникнуть нагноение. А укусы морских демонов куда хуже человеческих укусов. Если будет на то милость Господжи, раны сами затянутся и останутся просто небольшие углубления.*

Теноктрис сегодня сменила платье. Впрочем, это казалось таким же изношенным и залатанным, как вчерашнее. Ее правая щека и внутренние стороны обеих рук были малиновыми и блестящими от свеженанесенной мази, но в остальном она выглядела вполне оправившейся после тяжелого испытания, которое выпало на ее долю. Там, где не было ожогов, кожа выглядела свежей и здоровой.

Пока остальные стояли в сторонке, Теноктрис трудилась над Гарриком вместе с отшельником. Она написала какие-то слова на тонкой дощечке и теперь читала их нараспев, пока дощечка горела в одной из угольных жаровен, которыми обычно Райз пользовался для обогрева верхних помещений. Дым клубился вокруг Гаррика кольцами, совершенно не зависящими от сквозняков в комнате. Иногда ему даже удавалось прочесть что-то в этих клубах, но значение ускользало от понимания, как рыба уходит на глубину от незадачливого рыбака.

Пламя мерцало голубым светом и издавало кисловатый медный запах, отличающийся от обычного смолистого духа горячей сосны. Гаррик догадывался, что именно действия Теноктрис вызывают у него странное состояние раздвоенности, но, по правде говоря, это мало волновало его.

Его вообще мало что волновало в настоящий момент. Посему факт, что спасенная им женщина оказалась колдуньей, юноша воспринял как должное.

Наконец пламя в жаровне погасло, но дым продолжал кольцами вращаться вокруг Гаррика. Во всяком случае, так ему казалось. Возможно, то была такая же иллюзия, как слова, прочитанные им в воздухе... Ноннус поднялся с пола возле каменного очага, где он стоял, коленоупреклоненный, и присоединился к Теноктрис. Теперь они вместе стояли у постели Гаррика.

— *С ним все будет в порядке?* — спросила Илна, стоявшая в дверях.

Гаррик уловил запах пахучей подливки, готовящейся на кухне. Аромат казался приятным, но абсолютно не будил аппетита. Похоже, чувство голода было столь же чуждо ему, как и труп.

— *Его жизненные соки очень быстро возвращаются в равновесие*, — ответила Теноктрис. — *Он сильный юноша. К тому же раны обработаны очень профессионально.*

Она кивнула в сторону Ноннуса; ее седые волосы облепляли голову на манер скуфейки.

— *Думаю, все пройдет, останется лишь несколько шрамов.*

— *Если будет на то воля Госпожи*, — согласился (или предупредил) Ноннус.

— *Вы молились*, — произнесла Теноктрис. Голос ее звучал так, будто слоги в словах заржавели и вылетали с трудом. Гаррик затруднялся определить ее акцент, даже сейчас, когда его ум, похоже, пришел в целостность и воспринимал вселенную в ее единстве. — *Еще когда занимались мною...*

Ноннус пожал плечами.

— *Я надеюсь, что великие боги существуют*, — сказал он. — *Уверен, то же самое можно сказать в отношении малых духов каждого места. Я молюсь, потому что надеюсь на помощь богов и потому что мне нужна вера.*

— *Я, пожалуй, пойду*, — неуклюже поднялся Кашел. При взгляде на него почему-то вспоминалась артель работников, которая тянет тяжелый плуг через заболоченное поле. — *Нужно принести вещи с пастбища: книжку Гаррика, его сумку... ну и все остальное. Бейлин собрал отару или, во всяком случае, пообещал собрать.*

Он шагнул к постели и, опустившись на колени, сжал правую руку друга в своей.

— *Мы сегодня поедим здесь*, Кашел, — окликнула его Илна из кухни.

— *Если б я мог есть!* — проворчал ее брат. Он поднялся и ушел.

— *Я могу видеть только планы силы*, — произнесла Теноктрис, обращаясь к отшельнику примерно так, как мастер говорил бы с ремесленником другой специальности. — *Все остальное, о чем толкуют: боги и судьба, добро и зло — все это мне ни разу не довелось видеть.*

— *О, я-то видел зло*, — тихо откликнулся Ноннус с улыбкой, бледной, как зимнее небо. — *Я сам был злом, госпожа моя.*

Два независимых мира медленно покачивались перед глазами Гаррика, оба очень явственные. В одном находилась его семья и многочисленные друзья. В другом — водоворот под углубляющимся корнем скалы. Его течение было столь же медленным, как

движение звезд на небе. И он крепко держал Гаррика и чудовищ, застрявших в его тенетах.

А на сухом дне моря стояла фигура в капюшоне и бросала в душу Гаррика сноп фиолетового огня.

8

— Ты присматривала за братом ночью, — говорила Илна, переворачивая камешек носком туфли. Крошечный черный краб выскочил из-под него и бросился со всех ног разыскивать себе новое убежище среди обкатанных волнами камней, выброшенных на берег подобно Теноктрис. — Как он, на твой взгляд?

Девушки отправились на берег, сказав всем, что идут порыскать в поисках чего-нибудь ценного после шторма. Случалось, что волны выбрасывали сундучок с серебряной посудой или отличный кусок янтаря, отломавшийся от окаменелого дерева, сотни лет назад похороненного на дне Внутреннего Моря. На самом деле Илна хотела побеседовать с подругой о том, что происходит. Несомненно, аналогичное желание было и у Шарины.

— Никогда не видела, чтобы люди так шумели во сне, — вздохнула та. Как и Илна, она шла, глядя себе под ноги. — Это меня напугало, хотя дыхание у него ровное. Конечно, была небольшая лихорадка, но, по словам Ноннуса, беспокоиться не о чем. Он ожидал гораздо худшего.

Илна взглянула на подругу.

— Ты доверишься отшельнику? — спросила она.

Шарина посмотрела ей в глаза.

— Да, — ответила она ровным голосом. — Доверяю.

Илна кивнула и продолжала исследовать мусор под ногами. На темном камне лежала перевернутая раковина, мерцающая, как снежинка. Илна аккуратно взяла ее в руки, удивляясь, как это пять ее хрупких верхушек остались целыми.

На оборотной стороне раковины зияла неровная дыра. Кто-то прогрыз ее, чтобы добраться до нежного моллюска. Девушка поморщилась и швырнула находку в море.

— Она ведь была красивая, — с мягким укором сказала Шарина.

— Пока не рассмотришь изнанку, — возразила Илна. Она подавила вздох. — Вот так и в жизни все.

Подруги пошли дальше.

— Женщина, которую спас Гаррик, колдунья, — молвила Шарина себе под ноги. — Она произносила заклинания над ним. Прямо в открытую.

— Я видела, — сказала Илна.

Вспомнилось, как захолонуло сердце, когда она выглянула из кухни и увидела Теноктрис, читающую нараспев заклинания над дымящейся жаровней. В первый момент она хотела что-то возразить, но семья Гаррика молчала, будто происходящее столь же естественно, как дневной свет. И отшельник невозмутимо продолжал свое лечение. Некоторые из посетителей испуганно обсуждали увиденное, но никто не сделал попытки вмешаться.

Ну и Илна промолчала.

— Раньше я думала, что колдуньи творят свою магию тайно, — рассуждала Шарина. — Мне казалось, они приносят в жертву младенцев и вызывают ужасные сущности из преисподней. Она же просто сожгла щепку и произнесла несколько слов. Я не знала, что делать, поэтому не сделала ничего. Все выглядело так безобидно... Но она действительно колдунья.

— Да, — согласилась Илна. Ей в голову приходили те же мысли. В глубине души она решила, что не станет мешать никому, кто пытается помочь Гаррику. Пусть он и *впрямь* творит хоть самую кровавую магию в самую темную полночь. — Я знала, что она... кто-то. Как только прикоснулась к ее платью. Знаешь, оно странное. Не похоже ни на что в нашем мире.

Шарина кивнула с отсутствующим видом. Основываясь на словах подруги, она отнесла странность скорее к материи платья, нежели к месту, откуда оно прибыло. Во всем, что касается тканей, она привыкла доверять Илне не меньше, чем мнению Кашела о поведении овец.

— У Ноннуса нет никаких возражений против этой женщины, — продолжила Шарина через минуту. — Я спрашивала его позднее. Он ответил, что не берется судить, что правильно для других людей. И в любом случае, сказал Ноннус, Теноктрис не пошла бы в те места, куда он и сам не пошел бы. Мне кажется, я понимаю, что он хотел сказать.

Ей не хотелось заострять внимания на своем последнем замечании — так же, как Илна не стала объяснять, почему платье показалось ей необычным.

— Меня пугает все, что происходит, — призналась Илна. Она не была уверена, стоит ли об этом говорить. Полуденное солнце заливало пляж, волны весело набегали на берег, но девушка изо всех сил обхватила себя руками, пытаясь согреться. Казалось, ее тело превратилось в лед. — Это давит на меня, и я не знаю, что делать.

Шарина молча бросила на нее взгляд. Лицо у нее при этом было пустое и невыразительное — так мы встречаем неуместные откровения друзей.

Что-то блеснуло далеко на востоке. Илна выпрямилась.

— Это корабль, — сказала она, вглядываясь. — Слишком уж он большой для рыбацкой лодки.

Шарина поднесла ладони к глазам, пытаясь загородиться таким образом и от блеска волн, и от солнечного света. Затем повернулась к подруге.

— Нам надо возвращаться, — напряженным голосом произнесла она. — Побежали.

Девушки ускорили шаг, юбки полоскались у них между ног. Оказывается, они зашли на север почти на полмили¹ — гораздо дальше, чем собирались. И гораздо дальше, чем хотелось бы сейчас, на обратном пути.

— Должно быть, это какой-нибудь крупный торговец, застигнутый штормом, — говорила Илна, расшвыривая на ходу мелкие камешки. — Не думаю, что они завернут в Барку. По крайней мере, если им не требуется ремонт...

— Это не торговый корабль, — ответила Шарина. Она оглядывалась, прикидывая возможности крошки Илны и решая, стоит ли идти дальше.

Илна прибавила шагу, зная, что Шарина легко может обогнать любого в деревне на такой дистанции.

— Он слишком большой, чтобы быть рыбацкой лодкой, — еле выдохнула она.

— Там сотни весел! — крикнула Шарина. — Это не торговое судно с несколькими гребцами. Торговцы никогда не пожертвуют прибылью, оплачивая такую кучу народу. Это военный корабль — как в старинных рассказах!

¹ Миля — единица длины, имевшая распространение в национальных неметрических системах единиц и применяющаяся теперь в морском деле. Морская международная миля равна 1,852 км. В Великобритании и США сухопутная миля равна 1,609 км.

9

Резкий металлический звук разбудил Гаррика, как он подумал сначала — ярким солнечным утром. Мгновением позже он понял, что находится не на своем чердаке, а в общей комнате постоянного двора. За окном же, выходящим на южную сторону, стоит не утро, а жаркий полдень.

Он попытался оторвать голову от подушки, набитой конским волосом, и обнаружил, что его разум и чувства до сих пор прикованы к серому чистилищу, где они пребывали во время забытья. Он не был даже уверен, *какой* именно сегодня день.

Гаррик хотел спросить об этом, но голос подвел его.

— Ах! — лишь прохрипел он.

Рука отшельника, подобно мощному корню дуба, проскользнула ему под спину и помогла принять полусидячее положение.

Другой рукой он поднес к губам Гаррика деревянную бутылочку, которой обычно пользуются пастухи.

— Вот, — сказал он, — смочи губы. Это эль.

После этого отшельник обернулся и крикнул на кухню:

— Принесите миску бульона и маленькую ложечку. Быстро!

Лора мгновенно выглянула из дверей кухни, как белка из гнезда.

— Это еще что такое? — возмутилась она. — Никто не смеет командовать мною в моем собственном доме! И уж никак не грязный отверженный, живущий в пещере!

— Я принесу, — пробурчал Райз, входя в дом со двора. Скрип ржавых петель как раз и разбудил Гаррика.

Не глядя, Лора посторонилась ровно настолько, чтобы дать мужу пройти. Эти двое не смотрели друг другу в глаза, даже когда оказывались рядом.

Бутылочка оказалась намного удобнее кружки — эля Гаррику удалось отпить, не пролив на себя ни капли. Правда, первый глоток пришлось сплюнуть на пол, поскольку весь рот у него был обложен какой-то гадостью. Зато все остальное пошло хорошо.

А пол, ну что ж... Тростник, устилавший деревянный пол, все равно пора было менять. Он как раз собирался в то утро нарезать свежего тростника, но в последний момент изменил свои намерения, решив провести время за чтением и беседой с Кашелом.

— Я была приближенной самой графини Теры, — сообщила Лора, обращаясь к несуществующей аудитории. — Мужчины признавали, что я красивее многих благородных дам!

Гаррик нисколько в этом не сомневался. Его мать была невысокой женщиной изящного телосложения. Даже сейчас ее кожа сохраняла гладкость и нежный, глянцевого оттенка слоновой кости.

— Прошу прощения, — извинился отшельник. Слова вылетали сами по себе — взгляд он не отводил от больного. — Я оговорился.

— С моря что-то приближается, — подала голос Теноктрис, до того молча стоявшая у окна. Гаррик даже не заметил ее вначале. Теперь он огляделся — но больше в комнате никого не было.

— Что именно? — спросила Лора. Ее раздражение прорывалось в голосе — он становился все громче и тверже с каждым словом. — Хочешь сказать: снова эти проклятые твари?

Теноктрис откинула щеколду — крепкий брус, призванный противостоять сильным восточным ветрам, таким, как недавний шторм, — и открыла дверь. Соленый бриз принес легкий запах дыма и напомнил, как недавно она жгла деревяшку, читая свои заклинания. Теноктрис направилась к берегу и скоро скрылась из поля зрения Гаррика.

Появился Райз с деревянной миской дымящегося бульона и маленькой роговой ложечкой, которой обычно отмеряли специи. Ноннус боялся, что в своем нынешнем состоянии Гаррик не справится с обычной ложкой.

— Думаю, со мной все в порядке, мама, — сказал юноша. Сейчас, когда первый шок пробуждения прошел, он действительно чувствовал себя на удивление здоровым. Тут было чему удивляться, ибо он помнил, как выглядела его нога, когда он при помощи лука разжал вонючие челюсти рептилии. Тогда каким-то внутренним взором он заглянул внутрь и даже *сквозь* рану. И теперь знал: что бы Теноктрис не подразумевала под «равновесием жизненных соков», именно это равновесие служило причиной быстрого выздоровления.

Опираясь на отшельника и помогая себе руками, Гаррик встал в постели на колени. Его перебинтованная правая нога была напряжена и горела так, будто тушилась на тихом огне в духовке, но тем не менее колено сгибалось нормально, а боль локализовалась лишь в районе раны.

— Гаррик, что ты делаешь? — завопила Лора. — Тебе не следует еще вставать, у тебя нога, как кусок сырого мяса!

Она попыталась привлечь на свою сторону мужа:

— Райз! Заставь своего сына лечь обратно!

— Я в порядке, — повторил Гаррик. Он склонился вперед и перенес вес на ноги, чтобы встать — или попытаться... Голова моментально закружилась, но в глазах при этом не темнело, и дыхание оставалось ровным.

— Ты, может быть, и крепкий парень, — спокойно сказал Ноннус, — но морские демоны были покрепче тебя, и где они сейчас? Не переусердствуй...

Но Гаррик уже стоял, стараясь больше опираться на левую ногу. Отшельник слегка касался его, даже не помогая, а скорее страхуя от падения назад.

Юноша осторожно ступил на больную ногу. Боли по-прежнему не было, хотя *давление* отзывалось пульсацией, серией толчков из пораненной икры, как будто ставни бьются на ветру.

— Конечно же, ему нельзя это делать! — настаивала Лора. — Он собирается лишиться ноги! Вот что он делает! А вы ему в этом помогаете!

— Если он в состоянии ходить, — произнес Ноннус, предпочитая игнорировать ее крики, — это будет только полезно и для раны, и для него самого. В собственной постели умерло гораздо больше людей, чем на поле боя. И я никак не ожидал, что *здесь* увижу человека, способного ходить с такими травмами.

— На Хафте еще остались мужчины, отшельник, — вмешался Райз. — Да и на Орнифале, если уж на то пошло.

— Твоя правда, — кивнул Ноннус. Тяжелый нож в ножнах, подвешенный к его поясу, покачивался при малейшем движении отшельника. — Вот только, боюсь, гордыня — худший грех, чем гнев, потому что она закрадывается в душу незаметно.

— Если что-то действительно надвигается с моря, — сказал Гаррик, — я хочу это увидеть.

Он переступил через валик кровати — кажется, правая нога вполне выдерживала его вес. Сделал еще один шаг. Ноннус шел с ним рядом.

— Я помогу ему, — с готовностью вызвался Райз.

Он поставил еду на край стола и направился к сыну. Лора развернулась и пошла по лестнице вверх. Ее прямая напряженная спина выдавала кипевший внутри гнев.

Переставляя одну ногу за другой, Гаррик продолжал свой путь к двери. Ему было немного страшно, но он чувствовал: сделать это необходимо.

Юношу мучило подозрение, что нечто, по словам колдуньи, надвигающееся с моря, имеет отношение к таинственной фигуре из его ночного кошмара.

10

Шарина стояла у кромки прибоя, глядя во все глаза на громаду, которая выполняла маневры на мелководе. Это мало напоминало корабль, легче было предположить, что огромное здание каким-то чудом сползло с берега. Почти вся община собралась поглазеть на диковинку, и все чувствовали себя маленькими и подавленными в присутствии этого гиганта.

Борта корабля были ярко-малинового цвета — в точности такого, в какой Катчин выкрасил ставни своего дома. Однако одно дело — ставни... Никому в деревне не приходилось видеть такого обилия малинового цвета. С обеих сторон корабля работало, подгребая к берегу, по пятьдесят длинных весел. Их лопасти бились, как плавники раненой рыбы. Судя по количеству пустых отверстий, количество весел на корабле должно было быть по крайней мере вдвое больше.

Это были не единственные метки, оставленные штормом — даже для такого неопытного глаза, как у Шарины. Команда умудрилась снять и сохранить главную мачту и рею¹, привязав их к палубе, но обрывки того, что когда-то было парусом, беспорядочно трепыхалось на такелаже². В нескольких местах на фоне выкрашенной в коричневый цвет палубы и поручней выделялись ярко-желтые пятна — волны выломали и унесли доски. Если глядеть на судно в лоб, то можно было заметить изрядный крен вправо, что позволяло предположить пробойны ниже ватерлинии³.

¹ Рея, рей (*мор.*) — металлический или деревянный поперечный брус, прикрепленный к мачте судна; предназначен для крепления прямых парусов и поднятия сигналов.

² Такелаж (*мор.*) — все снасти на судне, служащие для укрепления рангоута и управления парусами.

³ Ватерлиния (*мор.*) — *Теоретическая* — линия сечения корпуса судна горизонтальной плоскостью, параллельной уровню воды. *Грузовая* — черта вдоль борта, показывающая предельную осадку судна при полной нагрузке.

Гребцы слаженно работали, подавая корабль к берегу. С весел тонкими струйками, похожими на драгоценные нити, стекала вода. Жители Барки, затаив дыхание, следили за необычным зрелищем.

Шарина одиноко стояла на пляже, если только можно сохранять одиночество в толпе, где все друг друга знают. Даже Гаррик выполз из дома: сейчас от стоял, прислонившись к стене, стараясь выглядеть молодцом. Справа от него застыл Райз, с другой стороны виднелась тщедушная фигурка Теноктрис. Тут же стояли Илна и Лора, скрестившая на груди руки — верный признак, что она все еще гневается. Илна зашла на постоянный двор, чтобы справиться о состоянии здоровья Гаррика, сразу же, как только они с Шариной вернулись с побережья.

Шарина стояла поодаль от семейства. Вид военного корабля породил в ее душе трепет ужаса и невнятного предвкушения, причем чувства эти гнездились не на уровне эмоций, а куда глубже. Вряд ли она сумела бы объяснить, почему встала отдельно от родственников — просто знала, что так надо.

Девушка огляделась. Ноннус остановился далеко впереди, так, что самые крупные волны докатывались и разбивались о его щиколотки. Поймав взгляд девушки, он кивнул ей в ответ. Она начала потихоньку пробираться к отшельнику; к ее удивлению, тот тоже стал двигаться в ее сторону.

Корабельный барабан отбивал ритм для гребцов. Человек шестьдесят или восемьдесят стояло на палубе, еще больше должно было сидеть на веслах, однако Шарина не заметила ни малейшего признака суматохи и неразберихи. Костюм простых матросов состоял из набедренных повязок и головных платков (в том случае, если на голове присутствовала более или менее густая растительность). Часть моряков сидела на узкой платформе, служившей для размещения верхнего из трех рядов весел.

Офицеры, одетые в туники с широкими кожаными поясами, выкрикивали приказы, но злости в их хриплых голосах не слышалось.

Корабль наконец зацепил землю — с таким звуком, который производит длинная, в сотню футов, волна, добравшись до берега. Моряки начали прыгивать в воду. Офицеры предварительно сбросили смотанные канаты, затем и сами попрыгали вниз.

Весла скользнули в свои амбразуры и спрятались. Из трюма высыпала еще толпа полуобнаженных мужчин и тоже поспешила за борт, чтобы помочь закрепить концы.

— Это гребцы, — Ноннус возвысил голос, дабы перекрыть ритмичные команды офицеров и ответные выкрики работающих моряков. — В команде всего двадцать человек или около того. Так что пришвартовать судно на ночь — это обязанность гребцов.

Прилив почти достиг своей дальней точки, каждая набегающая волна приближала корабль к берегу. Теперь, когда большинство моряков покинуло палубу, Шарина смогла как следует рассмотреть немногих оставшихся. Один из офицеров, стоявший в воде на изогнутом ахтерштевне¹, коренастый, седобородый, выкрикивал приказы команде — почти наверняка это был капитан.

На носу корабля расположилась небольшая — не более двадцати человек — группа одетых в черные доспехи мужчин, один из них держал знамя. Ткань обвисла — легкого ветерка было недостаточно, чтобы ее расправить. Так что Шарине удалось разглядеть лишь какие-то красные отметины на черном поле.

Девушка обернулась, собираясь расспросить отшельника, и буквально подавилась своим вопросом... Ноннус, не отрываясь, смотрел на солдат. Хотя он не двигался, его лицо было столь же ужасно, как надвигающийся шторм, и не выражало никаких эмоций. В лице отшельника вообще не было ничего человеческого.

— Ноннус? — тихо окликнула она его и даже прикоснулась к руке.

Несколько мгновений она ощущала одеревенелую неподатливость его мускулов. Потом рука, а вслед за ней и лицо, расслабились и Ноннус заметил почти игривым тоном:

— Посмотри, дитя мое. Женщина, вон там, в красном плаще — не иначе как из разряда самой высокой знати. Уверен, сейчас нам начнут говорить о высокой чести, которой удостоилась наша Барка.

Затем все тем же почти шутивым тоном — но это «почти» таило разницу между жизнью и смертью — добавил:

— Воистину, у Госпожи очень странное чувство юмора. Во всяком случае, направить их к нашим берегам — довольно жесткая шутка.

¹ Ахтерштевень (*мор.*) — металлический или деревянный фрагмент судна в виде открытой или закрытой рамы, расположенной под углом к килу и являющаяся как бы продолжением его в кормовой части судна.

Тем временем корабль проделал остаток пути, теперь сотни рук помогали ему, подтягивая с берега. Эта тяга с избытком компенсировала неизбежную потерю плавучести при выходе судна из воды.

Когда команда наконец завершила свой нелегкий труд, ахтерштевень оказался как раз напротив волнолома, устроенного у самого входа в постоянный двор. Волны разбивались о хищный, заостренный нос корабля, наполовину вытянутого на сушу. Четверо моряков на палубе сбросили сходни двум своим товарищам, стоявшим на волноломе, после чего швартовы¹ были самым надежным образом закреплены.

— Чтобы ее высочество никоим образом не упало, — с мрачной насмешкой прокомментировал Ноннус. — Вряд ли ее порадовало плавание, даже если не брать в расчет случившийся шторм. Все же трирема мало похожа на дворец, комфорта там вы не получите, несмотря на все свое богатство и знатность...

Шарина снова прикоснулась к его руке. В ней почему-то проснулись детские воспоминания: вот отшельник поднимает ее — упавшую и плачущую девочку; вот он обмывает ее коленку и накладывает мазь на ссадину; вот он прогоняет прочь ее боль, и она ощущает внезапное облегчение, как мокрая трава поднимается на лугу после бури.

Шарина, так же как и все остальные в деревне, привыкла к сдержанной доброте отшельника. Наблюдать его нынешнюю игривость, таящую в себе непонятную жестокость, — это было даже хуже мрачной суровости, поразившей ее минуту назад.

Один из солдат поднес к губам трубу — конусообразное приспособление из блестящего серебра, — и раздался пронзительный сигнал из двух нот. Другой солдат, с белым нащлемником, в отличие от остальных, красных, стал громко зачитывать приказ.

После этого все маленькое войско выстроилось по двое и, четко печатая шаг, промаршировало по сходням на берег. Их подбитые гвоздями башмаки прогромыхали по дощатому настилу. Каждый раз, когда солдаты топали левой ногой, они ударяли древками копий о щиты и что-то гаркали, чем создавали неимоверный шум. Шарина невольно напряглась.

¹ Швартов (*мор.*) — трос или цепь, которыми судно привязывают к пристани, другому судну или ко дну во время стоянки.

— Типичный прием, чтобы напугать врагов во время атаки, — пояснил Ноннус все тем же новым тоном. — Говорят, в некоторых случаях срабатывает.

Тем временем часть моряков, оставшаяся на борту, почтительно придерживала поручни, пока женщина спускалась по трапу вслед за войском. Серебряная лента с бриллиантами в ее седых волосах отсвечивала и блестела на солнце. Породитое лицо дамы выражало скуку и смирение.

Отставая на полшага (так, что ее великолепный головной убор чуть не касался его собственного), за женщиной следовал молодой человек в роскошном черном одеянии: блестящие сапоги до колена, шелковая туника, атласный плащ. Его треуголку со скругленными полями украшало черное лебединое перо, которое изысканно колыхалось при ходьбе. Тщательно причесанные усы и эспаньолка¹, несомненно, были призваны придать степенность его нежным чертам. Эффект получился обратный: они казались пририсованными к детскому лицу.

— Еще один орнифальский красавчик, — ледяным тоном произнес отшельник. — Посмотри на них хорошенько, дитя мое. Потом сможешь рассказывать своим внукам об этом знаменательном дне.

— Ноннус! — взмолилась Шарина. — Прошу тебя, не говори таким тоном! Ты...

Он вздрогнул, как если бы девушка ударила его. Опустился на колени в молитвенной позе, потупившись и скрестив руки.

— Прости меня, дитя, — произнес он прежде, чем снова подняться. — Я помню, что было, и забываю то, чему надлежит произойти. С помощью Госпожи я больше не допущу подобного.

Чтобы как-то сгладить неловкость, Шарина сконцентрировала свое внимание на молодом человеке. Он как раз приостановился на корме, пропуская даму вперед.

— Да он совсем мальчишка, — пробормотала Шарина.

— Думаю, ему около двадцати, — заметил отшельник, на сей раз подчеркнуто нейтральным тоном. — Благородные не так быстро старятся, как простой люд.

Юноша спускался по сходням, морской бриз развеивал его черный плащ.

Ноннус задумчиво добавил:

¹ Эспаньолка — короткая остроконечная борода.

— Двадцать лет — плохой возраст для мужчины. Возраст, когда хватает сил сделать почти все, что хочется, но не хватает ума оценить, какую цену придется заплатить за эти поступки.

— Давай подойдем поближе, — предложила Шарина. Ей не очень хотелось обдумывать последнее высказывание и смысл, который отшельник вложил в свои слова.

Они с привычной ловкостью стали взбираться на волнолом. Мастера времен Старого Королевства выстроили его столь искусно, что даже тысячелетие штормов и катаклизмов не испортило каменных ступеней.

Солдаты выстроились двойной шеренгой между мельницей и постоянным двором. В начале этой шеренги стояли знатные гости вместе со своим трубачом, знаменосцем и глашатаем. И женщина, и ее сопровождающий озадаченно хмурились.

Жители Барки столпились вокруг, тихо переговариваясь между собой, но никто не решался обратиться к высоким гостям. Их появление здесь было еще большей диковинкой, чем кит, выбросившийся на берег. Мельник Катчин держался в сторонке, прячась за спины своих односельчан, будто готовый в любую минуту дать деру.

— Наверное, Катчин считает их королевскими сборщиками налогов, — прошептала Шарина своему собеседнику. — А может, так и есть?

— Нет, только не они, дитя мое, — покачал головой Ноннус. — Сборщики налогов никогда не являются с эскортом из Кровавых Орлов.

Моряки, оставшиеся на палубе, притащили котомки с личным имуществом и побросали их своим товарищам на берегу. Их сложили в импровизированное хранилище — маленький парус, натянутый на сколоченную из весел раму. Моряки работали бодро, споро и вообще выглядели куда веселее вооруженных солдат. Наверняка они радовались твердой земле под ногами и победе над штормом, изрядно потрепавшим корабль.

После краткого совещания с женщиной офицер провозгласил:

— Прокуратор Азера бос-Жезаман требует жилья и пропитания на то время, что она проведет в общине. Именем Повелителя Островов, Валенса Третьего!

Делая это заявление, глашатай обвел всех взглядом — получалось так, что его требование касалось всей толпы и каждого из зевак в отдельности.

— Также необходимо разместить и накормить двадцать пять солдат Королевской гвардии и две сотни моряков. Срочно выполнять!

Вперед выступил отец Шарины.

— Я — Райз ор-Лавер, содержатель местного постоянного двора, — представился он офицеру. — Имею честь предложить вашей госпоже кров и стол, хотя, боюсь, не такой, к которому она привыкла в Каркозе или в домах своих лордов.

— Да уж конечно, не такой, — первый раз подала голос Азера. — Это же Хафт, а не цивилизованное место!

Райз опустил на одно колено, склонил голову и сделал странный жест правой рукой, как будто что-то смахнул с земли перед собой. Шарина никогда не видела ничего подобного. Затем Райз поднялся и обратился непосредственно к даме:

— Как угодно вашей светлости.

Азера насмешливо фыркнула, лицо ее при этом помолодело и стало неожиданно привлекательным.

— Откуда бы взяться столь учтивым манерам на восточном побережье Хафта? — подняла она бровь. — Признаюсь, ты удивил меня, баркианец. Что ж, пойдем на постоянный двор и посмотрим, столь ли хороша твоя еда, как ты сам.

Райз отвесил еще один поклон и направился к дому.

Азера и молодой человек последовали за ним, офицер остался стоять с солдатами.

— А ты случайно не староста деревни? — поинтересовалась Азера у Райза. — Нашему кораблю требуется хороший ремонт. И новые паруса, чтобы добраться до Каркозы...

Катчин, разобравшись наконец в обстановке, припустил за высокопоставленными гостями.

— Я — графский бейлиф в этой деревне, — выкрикнул он в затворяющуюся дверь.

Тем временем офицер командовал своим солдатам «вольню», и те начали озиаться по сторонам. Деревенские тоже почувствовали себя вольготнее, некоторые из них приблизились к солдатам с вопросами и предложениями.

— Их попросту прибило сюда штормом, — сказала Шарина. Казалось, такое объяснение обрадовало ее. — Ну, как бедную Теноктрис или морских демонов.

— Ага, вот только — как и кто именно? — возразил отшельник. Поймав безмерно удивленный взгляд девушки, он добавил

уже мягче: — Бывают ситуации, когда легче иметь дело с морскими демонами, чем с этими благородными. Люди с «бос» или «бор» в именах почитают себя особой расой, иной, нежели все мы... И возможно, они правы.

Оживший на минуту ветерок раздул знамя на шесте. На черном фоне открылась нанесенная несколькими смелыми мазками стилизованная кроваво-красная голова орла. Под ней красовалась надпись, которую Шарине не удалось прочесть.

— Кровавые Орлы — личная королевская гвардия, — бесстрастно пояснил Ноннус. — Если они даны Азере в сопровождение, значит, она еще более высокого звания, чем я предполагал. Это не простой прокуратор по королевским делам.

Подувший было бриз стих. В толпе завязалась общая беседа: гости обсуждали дела с хозяевами, некоторые уже направились в деревню. Отшельник стоял в сторонке, наблюдая за этой сценкой.

— А что гласит надпись на флаге, Ноннус? — поинтересовалась Шарина. — Мне показалось «стояли»?

Отшельник посмотрел на девушку, его глаза казались светлыми и прозрачными, как блестящая поверхность плавучей льдины.

— Там сказано: «Мы выстояли», дитя мое, — ровным голосом сообщил он. — Они находились рядом с королем Валенсом двадцать лет назад, когда он на Каменной Стене противостоял графу Сандаракканскому. Тогда правый фланг королевской армии был смят, а Кровавые Орлы выстояли и защитили короля.

Отшельник не спеша отвернулся и сплюнул в сторону моря. Затем продолжил:

— Король поместил эту надпись на их знамя в знак чести, которую они снискали в тот день.

Ничего не добавив, отшельник пошел прочь. Его тяжелый нож при ходьбе бился о бедро. Шарина провожала его взглядом, пока Ноннус не скрылся в лесу. Ей хотелось плакать — неизвестно почему.

11

— Все в порядке! — крикнул Гаррик в кухонной суматохе. Он перешагнул оконную фрамугу, поскольку не мог пройти в дверь с чугунным котлом на плече, и направился к очагу. — Я повешу его на крюк!

Дая и Тилга — деревенские женщины, которые обычно помогали с большими обедами во время праздника урожая, сейчас готовили еду для солдат. Из-за своей ноши Гаррик не видел, что делается справа, и боялся налететь на кого-нибудь в этом сумасшедшем доме. Массивный котел и сам по себе весил немало, а с десятью галлонами воды и вовсе был неподъемным.

— Гаррик, это слишком тяжело! Я велела тебе наносить воду ведрами, а не тащить полный котел от колодца! — закричала на него Лора.

Гаррик осторожно опустился на колени и подвесил котел за ручку на кованый крюк, специально предусмотренный в очаге для больших емкостей. Поварихи тут же приступили к приготовлению наваристого мясного супа назавтра, поскольку, очевидно, корабль задерживался на неопределенное время.

Под действием груза крюк застонал. Зато Гаррик отступил в сторону и с облегчением перевел дух.

Он был уверен, что в нынешнем состоянии ему легче дотащить этот котел, чем бегать туда-сюда с ведрами. Гаррик сумел, но теперь, когда работа сделана, правая икра отозвалась частой пульсацией, а мышцы в бедрах превратились в холодный кисель. Похоже, его мать оказалась права, что бывает нечасто.

Шарина зажгла лампу, так как в комнате, а особенно в том дальнем углу, где она нарезала овощи, с заходом солнца становилось темно. Похоже, готовка затянется далеко за полночь; заготовленных дров может и не хватить. Тилга плечом толкнула дверь и вошла в кухню, неся полную корзину свежее испеченного хлеба.

— Я вижу, ты уже ходишь, — произнес Райз, придерживая дверь. — А грести можешь?

— Если вы собираетесь болтать, — вмешалась Тилга, — пойдите куда-нибудь в другое место! Если же вы останетесь здесь, вам придется принять участие в замешивании теста — лишние руки нам не помешают.

Райз слегка улыбнулся и повел Гаррика в общую комнату, сейчас полную солдат и моряков.

— Грести? — переспросил юноша. Он повел плечами, разминая мускулы, затем потер плечевые мышцы, куда пришелся основной вес котла.

Райз распахнул перед сыном дверь, ведущую к побережью, и сам последовал за ним.

— Да, на ялике Тарбана, на котором он выходит с сетями. Ты умеешь с ним управляться?

— Да, отец, — ответил Гаррик и замолчал, не зная, что еще сказать. Его отец всегда был малообщительным человеком, даже в гневе он слова лишнего не скажет. Но сейчас он пребывал в странном, непонятном для сына состоянии духа.

— Отлично, — кивнул Райз. — Потому что я-то точно переверну шлюпку, если сяду на весла. Тут мне бог недодал таланту, ты же знаешь. Да мы недалеко поплывем — только до конца волнолома.

На всем побережье то тут, то там светились костры, на которых моряки готовили себе снесь, купленную в деревне. Глядя на громаду триремы, Гаррик понимал: даже на ней невозможно хранить больше, чем одно-двухдневный запас провианта для всей команды. Так что отменный аппетит гостей неудивителен — со дня шторма им пришлось жить впроголодь.

По негласному решению команда разбила лагерь не на волноломе, а прямо на берегу. Благо, в это время лунного цикла возможность высоких приливов исключалась, а о повторном шторме и вовсе думать не хотелось. К кострам подтянулось множество местных жителей, среди которых было немало и женщин.

В одной из наиболее оживленных групп слышалась музыка — там царило веселье. Моряк с единственным уцелевшим ухом, в котором болталась золотая серьга, отплясывал джигу под нехитрую мелодию, которую его товарищ наигрывал на дудке из китовой кости. Остальные моряки одобрительно хлопали и сопровождали криками каждый особо удавшийся танцору кульбит.

Широкие улыбки и золотая серьга поблескивали в свете костра и магически действовали на женскую часть публики. Гаррик разглядел немало знакомых девичьих лиц, были даже замужние женщины. Все они изъявляли готовность разделить веселье пришельцев.

Мужчины поселка держались поодаль, их лица застыли в хмурых гримасах. В течение дня уже возникла пара потасовок, но моряков было слишком много — конфликты с ними грозили обернуться серьезной бедой. Ясное дело: пока корабль стоит у Барки, местные девушки не раз будут наведываться сюда. В конце концов, это их дело: решать, с кем проводить время. Потом, когда трирема уйдет, будут, конечно, и крики, и драки в семьях, но сейчас... Трудно ожидать от женщин благоразумия, когда в их забытой богом деревушке объявилась такая диковинка.

Ялик Тарбана лежал перевернутый на берегу напротив его дома. Чтобы шлюпку не унесло в море ветрами или непривычно высоким приливом, хозяин привязал ее канатом к крюку, вбитому меж каменных ступеней волнолома.

Гаррик отвязал старенький ялик, изрядно потрепанный штормом — Тарбану еще повезло, что он не остался с одним крюком да обрывком веревки...

Юноша взвалил шлюпку на плечи. Райз заботливо спросил:

— Может, мне поддержать второй конец?

— Нет, захватите только весла, — мотнул головой Гаррик и медленно поволок ялик к кромке причоя.

Эта часть Хафта не могла похвастаться ни хорошими причалами, ни просто удобными песчаными пляжами. Поэтому лодки, построенные здесь, снабжались специальной наружной обшивкой — заостренными килями¹, которые служили своего рода полозьями при перетаскивании по галечному берегу. Со временем эти кили снашивались и заменялись новыми.

Коренные жители Барки считали Райза неумехой. Не то чтобы он был ленивым или слабым физически (по крайней мере, по городским меркам), но лодка, когда Райз пытался грести, и впрямь чаще всего переворачивалась. Он способен был напутать с упряжкой ломовой лошади и даже расплескать половину ведра воды, которое нес домой от колодца. И даже когда никакого конфуза не случалось, бедняга Райз пребывал в напряжении из страха выглядеть неуклюжим. Возможно, думал Гаррик, в этом и заключалась причина гнева, который постоянно плескался в отцовских глазах.

Шел прилив: волны набегали на берег, плескались у лодыжек, а затем откатывались, оставляя хлопья пены. Дождавшись очередной высокой волны, Гаррик столкнул в нее лодку.

— Запрыгивайте быстро на нос, — скомандовал он отцу.

Райз перекатился через борт, умудрившись даже не зацепиться за уключину. Как ни странно, и весла остались при нем. Гаррик подтолкнул шлюпку, выровнял ее и ловко забрался внутрь. Откинувшись назад, он принял у отца весла и начал грести.

Странно было видеть цепочку костров, растянувшуюся вдоль берега. Иногда на фоне огня мелькали силуэты танцующих. Веселые крики, отражаясь от волнолома, неслись в море...

¹ Киль (*мор.*) — основная продольная балка на судне, идущая в диаметральной плоскости от носовой до кормовой его оконечности.

— В деревушке будет больше звонкой монеты, чем когда-либо с тех пор, как строился постоянный двор, — сказал Райз. — Хотя не знаю, хорошо ли это. Провизии-то поуменьшилось и не прибавится до следующего месяца, когда начнем убирать урожай. А серебром сыт не будешь.

Он продолжал с негодованием:

— Госпожа прокуратор заявила, что поскольку им не удалось запастись провизией у рыбаков на нашей стороне острова, она вынуждена оставить мне в качестве уплаты расписку. Так сказать, королевские обязательства, с которыми мне придется отправиться к канцлеру на Орнифал, а он уж обратит эту бумажку в деньги. Тогда я очень вежливо заметил: надеюсь, госпожа не станет возражать против тушеной капусты четыре раза в день и освежающего сна на сеновале.

— Но если у них нет денег? — сказал Гаррик, оглядываясь через плечо.

Райз хмыкнул.

— У них должно быть золото, — возразил он. — Может, не из королевской казны, а их собственное — Азеры и ее спутника Медера. Высокопоставленные особы не путешествуют без денег. Боюсь только, придется отправиться в Каркозу, чтобы обменять золото. Что же касается Орнифала... Поездка туда может стоить мне жизни.

Гаррик только сморгнул, почувствовав, как окаменело его лицо. Он знал, что отец родился на Орнифале, а первые годы своей жизни провел в Валлесе — его столице. Но Райз никогда не рассказывал о том периоде — ни ему, ни другим домашним.

— Мы уже достаточно далеко, — сказал отец. — Остановись и повернись ко мне лицом, Гаррик.

Юноша сложил весла и перекинул ноги на другую сторону банки¹. Шлюпка накренилась, но затем медленно выровнялась. Стало совсем тихо, только волны набегали на берег и бились о волнолом. Вверху, в темном небе, ярко светил растущий серп луны, отражаясь и колеблясь в набегающих волнах.

— Видишь ли, Гаррик... Мне необходимо было приплыть сюда, чтобы поговорить с тобой наедине, — произнес Райз. Именно так: не «побеседовать», а «поговорить с тобой». Собственно,

¹ Банка (*мор.*) — сиденье (скамья в виде поперечной доски) для гребцов и пассажиров на мелких беспалубных судах.

Гаррика это не удивило. — Возможно, то, что произошло в прошлом, не более чем случайность. Возможно, все в жизни случайно...

Райз обеими руками потер лоб. Была в нем какая-то хрупкость и отточенность, которые для Гаррика ассоциировали образ отца с речным вьюрком: изящной, совершенно вылепленной птичкой с гладкими перышками и сердитым нравом.

Райз поднял голову.

— Твой отец — неудачник, мой мальчик, — сказал он. — Да ты и сам это знаешь. Иногда я гадаю: а как сложилась бы моя жизнь, будь у меня побольше сил.

Он горько хмыкнул:

— Порой я думаю: может, мне лучше было и вовсе не родиться...

— Отец! — воскликнул Гаррик. — Но я... да никто и не считает вас слабым.

Он принялся возиться с веслами — это давало ему возможность отвлечься и не *слушать*, что говорил отец.

По лицу Райза скользнула улыбка, такая же смутная, как лунный свет на его щеках.

— Ты хочешь сказать: никому не удавалось обдурить меня в сделках? Однако это не совсем то, что я имел в виду. Видишь ли, у меня никогда не хватало сил сказать «нет» женщине, которая о чем-то просит. Именно из-за этого мне пришлось покинуть сначала Валлес, а затем Каркозу.

Его улыбка стала пронзительной, как зимний бриз.

— Именно по этой причине я женат на Лоре.

— Но, отец, вы уехали из Каркозы во время Невзгод — в этом нет слабости, — запротестовал Гаррик. Ему было неловко, он старался глядеть не в лицо отцу, а на кошелек, подвешенный у его пояса. Предпринимая отчаянную попытку сменить тему, юноша продолжал: — Я никогда не понимал, что это было за время — Невзгоды, и почему граф с графиней оказались убиты.

Райз хихикнул, внезапно развеселившись.

— Знаешь ли, мой мальчик, — произнес он, — в то время я был личным секретарем у графини Теры. И тем не менее я не смогу ответить на твой вопрос. Все началось с разногласий: чья статуя будет главенствовать на процессии во время Летнего Солнцестояния — Госпожи или Пастыря. Разгорелся мятеж. В то время Ласкарг командовал Гвардией, и когда все немного утормо-

нилось, он объявил себя графом. Некоторые полагали, что он сам и стоял за беспорядками.

Райз пожал плечами.

— Конечно, Гвардия не вмешивалась, пока толпа не ворвалась во дворец. Это правда, но лично я всегда объяснял это скорее некомпетентностью, чем предательством. Никто, в общем-то, и не знает, как могло случиться, что Ниард и Тера оказались убитыми. Она ведь тогда ходила на сносках, то есть ее смерть вполне можно было бы отнести на счет естественных причин.

— Я и не знал, отец, что вы служили секретарем графини, — сказал Гаррик. Казалось, он весь сконцентрировался на покачивающемся ялике.

— Прошедшее время очень уместно здесь, мой мальчик, — холодно произнес Райз. — В Валлесе я был помощником госпожи Белкалы бос-Сармэн, так сказать, «особого друга» отца нынешнего короля. А теперь я — всего-навсего содержатель постоянного двора в забытой богом Барке. И к тому же женат на местной девушке с языком, подобным каменной пиле!

— Вы не должны говорить так, отец! — воскликнул Гаррик. В нем вспыхнул гнев. Он затмил глухое отчаяние, которое вызвал в нем отцовский рассказ о прошлой жизни и тон, каким он говорил — бесстрастно, как мясник разделяет только что забитое животное. — Вы настоящий мужчина, который много путешествовал и много повидал на своем веку! Кто еще в нашей деревне может похвастаться этим? Состарившись, я буду рассказывать своим внукам, что *мой* отец был необыкновенным человеком, не чета прочим здешним провинциалам.

— Нет! — крикнул Райз. Гаррик впервые услышал в его голосе яростную решимость — качество, необходимое человеку, сумевшему восстановить захудалую сельскую гостиницу. — Сын, я не желаю слышать от тебя подобных слов! Если я и сделал за свою жизнь что-то полезное, так это вырастил тебя умным человеком!

Отец схватил Гаррика за правое запястье и перевернул его руку ладонью вверх.

— Посмотри на это, — сказал он. — Ты прочел героические поэмы, мой мальчик. Так знай, во времена истинного величия Островов, когда королевское звание кое-что значило... так вот, в те времена короли были выходцами с Хафта! Такие руки, как у тебя, держали скипетр — а если надо, то и меч. Никогда не отказывайся от своего наследия, сын!

Гаррик облизал пересохшие губы. С берега доносились едва слышные обрывки мелодии — это вполне могла бы быть и птичья песня.

— Простите меня, отец, — произнес юноша. — Я не хотел сердить вас. Но все равно вы не должны считать себя неудачником. Потому что это не так.

Райз порывисто сжал руку сына, затем ослабил хватку и потянулся куда-то за свое сиденье.

— Нам не дано знать, что с нами могло бы случиться, — задумчиво сказал он. — Но я потрудился не хуже многих, это правда. В том числе — вырастил настоящего мужчину.

Он рассмеялся, чем поверг Гаррика в совершенное изумление, затем добавил:

— Да и кто знает? Возможно, Барка больше нуждается в содержателе постоянного двора, чем Валенс Второй — в главном распорядителе...

— А? — прочистил горло Гаррик. — Похоже, нас потихоньку сносит. Может, вырасти обратно или...

«Или вернуться к берегу и покончить с этим тягостным разговором?» — услужливо закончил его внутренний голос.

— Подожди минуту, — резко произнес Райз тоном человека, который принял решение — он снова был мужчиной, к которому привык Гаррик.

Райз развязал свой кошелек, достал оттуда маленький кожаный мешочек и вручил юноше.

— Вот, — сказал он. — Это твое. Мне нет дела, что ты сделаешь с ним: будешь носить или нет. Твое дело.

Он снова потер лоб и поднял глаза на сына.

— Я всегда старался честно выполнять свои обязанности, — тихо добавил он. — Всегда старался.

Мешочек оказался неожиданно тяжелым. Гаррик распустил завязки и запустил пальцы внутрь вместо того, чтобы встряхнуть содержимое на ладонь, как сделал бы это на твердой земле и при лучшем освещении. Ощущая отцовский взгляд, он достал оттуда монету на шелковом шнурке.

Гаррик поднес ее к глазам, пытаясь разглядеть. Она была меньше тех бронзовых кругляшков, которыми пользовались в качестве денег жители Барки — диаметром примерно с сустав большого пальца Гаррика. Одна сторона монеты казалась абсолютно гладкой, на другой виднелся чей-то портрет и полустертая надпись на Ста-

ром Языке. Это все, что он сумел увидеть в неверном лунном свете. Кто знает, может, завтра днем удастся разглядеть получше...

Вес монетки оказался весьма ощутимым. Гаррик зажал ее в руках, вдруг испугавшись, что может уронить и потерять отцовский подарок.

— Да ведь это золото! — вдруг понял он.

— Да, — твердо кивнул Райз и ничего больше не добавил.

— Но зачем вы даете ее мне? — спросил Гаррик. Металл холодил ладони, а шелковистый шнурок казался живым.

— Потому что она принадлежит тебе, мой мальчик, — сурово ответил отец. — Ты имеешь право носить ее. Вот и все. А теперь давай-ка возвращаться, пока Тарбан не обвинил меня в краже его имущества, а этот завистливый дурак Катчин не обложил штрафом.

Но Гаррик не сразу повиновался.

— А вы, отец, носили ее? — спросил он. Легкие волны бились о борт ялика, их и в самом деле сносило.

— Монета не моя, чтобы носить ее, — ответил Райз. — Я просто хранитель и должен был отдать ее тебе, когда придет время. Поступай с ней как захочешь.

Гаррик поднял шелковую петлю и, помедлив, надел себе на шею. Он почувствовал, как монетка скользнула под тунику.

— Я понял, отец. — Юноша снова развернулся на своем сиденье и взялся за весла.

Двумя мощными гребками он выровнял лодку. Гаррик ощущал присутствие чего-то большого и опасного. Он не знал, что это такое и чего оно хочет от него, Гаррика ор-Райза.

Но чувствовал, как покачивается у его груди монета, и вместо страха ощущал яростную радость и готовность все принять.

12

Илна потянула за веревочку щеколды, затем плечом толкнула дверь и вошла в главную комнату на своей половине мельничного дома. Кашел, который должен был принести от соседей соломенные матрасы, еще не вернулся, поэтому она сбросила кипу стеганых одеял прямо на каменный пол.

— Ого, это вернулась принцесса, еще более прекрасная, чем прежде! — воскликнул один из солдат, сидящих вокруг кухонно-

го стола. При появлении Илны двое из них поднялись, но никто не пошевелился, чтобы помочь ей.

Она притворила дверь и спросила:

— Интересно, а что вы делаете, если не находите деревни, где можно остановиться? Или вы давно уже не покидали королевскую резиденцию?

Пятнадцать Кровавых Орлов разместились на постой в общей комнате постоялого двора. Остальные десять отправились в дом мельника, по пять на половинах Илны и Федры.

Хотя Кровавые Орлы хвастали перед ней своим положением в Валлесе, где они по долгу службы ежедневно общались с высокопоставленными особами, сюда они заявили с пустыми руками — все их имущество исчерпывалось надетым на них. Матросы с корабля имели хотя бы свернутые валиками одеяла, этим же пришлось бы спать под прошлогодними листьями, окажись бухта необитаемой.

— Дело в том, что все наши вещи пропали с другими кораблями, — пояснил самый молодой из солдат. Ему было чуть больше двадцати — высокий светловолосый юноша, чьи предки, очевидно, происходили из орнифальской знати. И наверняка не благодаря удачной женитьбе. — Я, например, лишился придворного костюма, который стоил дороже, чем вся эта собачья копура.

И он сделал неопределенный жест рукой, включающий чуть ли не всю Барку.

— Нам не полагается говорить об этом, Найнджир, — одернул его солдат с другого конца комнаты. Он сидел в углу и кусочком мягкой кожи полировал инкрустированные ножны своего кинжала. Илна посмотрела на него: покрытый шрамами, уже лысеющий, но с густыми бровями — он был по крайней мере вдвое старше того, которого назвал Найнджиром.

— Заткнись, Меслим, — вступил третий солдат. — Можно подумать, король умер и назначил тебя своим преемником!

Он бросил взгляд на Илну и продолжал самым чарующим, с его точки зрения, тоном:

— Мы поплыли на трех кораблях. Наш отряд находился при госпоже прокураторе, а все вещи хранились на двух других судах. На этой чертовой триреме имелась всего одна маленькая каюта. Зато к нашим услугам была палуба и сколько угодно вонищи от проклятых обезьян, гнущих спины на веслах.

— Забар, — прервал его Меслим, нахмутив свои и так сумрачные брови.

— Эй, заканчивайте! — прикрикнул Найнджир, пнув пожилого в ногу. Их подошвы клацнули гвоздями. — Если вам охота кому-то рассказывать свои истории, выйдите вон и поищите того, кто захочет вас послушать. Ясно?

Насколько Илна могла судить, солдаты, определенные к ней на постой, были самого низкого звания. Те, что повыше, отправились на постоянный двор или же на половину Катчина.

Присев у очага и помешивая кипящий суп — завтрашний обед, девушка улыбнулась. За солдат, размещенных у Райза, можно не беспокоиться: их обслуживают как следует. А вот те, кому предстоит попробовать стряпню Федры, достойны жалости. Хорошо еще, если им не придется познакомиться с клопами и вшами.

— Так ваши корабли разбросало штормом? — поинтересовалась Илна, поднимаясь от очага. Вообще-то она была не большая любительница собирать слухи (обычное занятие односельчан во время затяжных зимних дождей), но появление триремы — это действительно уникальное событие. Такого количества чужестранцев не видели в Барке за все время существования деревушки.

— Разбросало! — хмыкнул четвертый солдат и сделал жест, будто чиркая кинжалом по горлу. — Ну да, можно и так сказать. Нас разделила миля морской воды, или какая там глубина во Внутреннем Море... Именно там захватил нас шторм.

— Эх, Эшкол... — раздраженно пожал плечами Меслим. Ему явно хотелось закончить этот разговор. Он был старый служака, привыкший исправно исполнять приказы начальства, но ума, чтобы продвигаться по служебной лестнице, ему, очевидно, не хватало. Его более молодые и сообразительные товарищи пренебрегали мнением Меслима, даже вполне разумным и правильным.

— Ничего ужаснее я не видел за свою жизнь, — произнес Найнджир. — Хочу сказать: этот проклятый шторм вышел из самых недр ада.

Еще минуту назад он просто распускал хвост перед хорошенькой девушкой в надежде склонить ее к более близкому знакомству. Теперь же, при воспоминании о шторме, он даже переменился в лице.

— Нам казалось, что кто-то поднял занавес прямо из моря, — рассказывал Забар, с трудом справляясь со своими чув-

ствами. — Черный и абсолютно твердый. Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Моряки говорят то же самое, — подтвердил Найнджир. — Ветер совсем стих, мы шли на одних веслах.

— И все три корабля были так близко, что мы могли перекрикиваться, — добавил пятый солдат. Он сидел, не подымая глаз от скрещенных на столе рук. — А ведь день был самым обыкновенным — может, чуть жарче на солнце.

— И эта стена пошла прямо на нас — черная, как сердце женщины, — продолжал Забар. — Я даже не смотрел в том направлении. Рядом с нами, прямо за кормой, плыли морские демоны, так я наблюдал за ними. Но затем вдруг стало *темно*, и я оглянулся... И тут ударил ветер.

Илна смотрела на солдат, сохраняя бесстрастное выражение лица (она и сама удивлялась, как ей это удастся). Конечно, на свете немало малодушных мужчин, но ее постояльцы никак не были трусами. Иначе они не служили бы в Королевской Гвардии.

Тем не менее шторм напугал их. Всех до единого.

— Когда-то в детстве меня накрыло снежной лавиной, — припомнил Меслим. Его пальцы безостановочно натирали черненый узор на серебряных ножнах. — Так вот, это было очень похоже. Ветер так же сжал мне грудь, как тогда снег.

— Матросы кричали, но ничего не было слышно, — рассказывал солдат. — Мы только видели открытые рты. Потом хлынул дождь, капли были твердыми, как мелкий гравий.

— Мачта согнулась, хотя паруса были спущены, — подхватил Найнджир. — Гребцы умудрялись держаться против ветра, именно это и спасло нас. Может, они, конечно, и обезьяны, но если б мы подставили бок, то продержались бы не больше, чем...

Он щелкнул пальцами.

— ...чем вот *столько*.

— А колдун Медер утверждает, что это он спас нас, — вступил Эшкол. Он все еще рассеянно потирал свой кинжал об одежду.

— Колдун Медер? — удивился Забар. — Думаю, он годится лишь на то, чтобы развлекать госпожу Азеру!

Эшкол покачал головой.

— Не говори так, — возразил он. — Может, Медер и мальчишка, но его семья владеет немалыми землями в Северном Гэйнстонском округе: тридцать квадратных миль — это не шутки! Не станет он продаваться престарелой леди.

— И как же, с его слов, он спас вас? — спросила Илна. — Что он сделал?

Как только разговор коснулся колдовства, ее внимание вдруг обострилось, она вся превратилась в слух. Ее разум нацелился, как нож в руке ориентируется на мощный магнит. Возможно, виновато в этом было шелковое платье Теноктрис. Кажется, оно что-то разбудило в душе девушки.

— Когда начался шторм, прокуратор и Медер сидели под навесом, — объяснил солдат. — При первом же порыве Медер опустился на колени так, чтобы мачта загораживала его от ветра. Затем медным ножом что-то нацарапал на палубе. Кажется, при этом он декламировал какие-то заклинания.

— Я осмотрел доски на следующий день, — сказал Найнджир. — Там были лишь непонятные закорючки, никаких слов.

— Они предназначались богам, а не людям! — огрызнулся пятый солдат. — Или, скорее, демонам. Если он и в самом деле колдун.

Илна пыталась представить себе Медера в роли колдуна. Хм... С другой стороны, Теноктрис в своем залатанном шерстяном платье тоже мало была похожа на колдунью. Но именно ее заклинания помогли спасти Гаррику ногу, если не жизнь.

— Я знаю только одно, — упрямо мотнул головой Эшкол. — Корабли справа и слева от нас треснули, как яичная скорлупа. Он них ничего не осталось, кроме пены на поверхности. Да еще я углядел руку, которая пыталась схватиться за воздух. Мы же прошли сквозь шторм невредимые, и все это время Медер распевал свои гимны.

— А вам не казалось, что все стало... красным во время шторма? — спросил Найнджир. — Ну, не красным, а каким-то розовым?

— Точно, — подтвердил пятый солдат, все так же обращаясь к своим рукам. — Как будто мы находились внутри глыбы розового кварца. Я даже зажмурился тогда, но до сих пор не могу избавиться от этого света.

— Не было ничего такого, — пожал плечами Забар. Он смотрел на своих товарищей с возрастающим ужасом, как будто начиная подозревать, что они действительно видели нечто ужасное. — Я все время находился на палубе, но не видел ничего, кроме молнии. И она не была красной.

— Это сделал колдун, — подал голос с пола Меслим. Все уставились на него, а старый солдат, моргая, продолжил: — Был

свет. После того, как затонул первый корабль. И еще больше после гибели второго корабля. Говорю вам, он колдун. Это была самая настоящая магия, навроде Каменной Стены. Только на сей раз на нашей стороне.

Илна стояла и, затаив дыхание, переводила взгляд с одного рассказчика на другого. Наконец Забар перевел разговор на другое:

— Эй, красавица, а сколько стоит тут у вас раздобыть выпивку?

— Точно, — поддержал его Эшкол и рывком засунул свой меч в ножны. — Винца бы...

— Вино имеется на постоянном дворе, если вы готовы платить за него, — ответила Илна. Отчасти она была рада прервать разговор, хотя какая-то часть ее жаждала еще и еще говорить о колдовстве. — Увы, цены я не знаю. И есть пиво по семь медяков за ковш, это примерно половина вашего орнифальского серебряного. Что вам принести?

Солдат с мечом поднялся.

— Я бы лучше сам сходил поглядеть на здешний погреб, — сказал он. — Такое впечатление, что юная особа не отличит бутылочку белого «Голубые Холмы» от простой воды.

— Захвати пару бутылок красного крепленого, Эшкол, — попросил Найнджир. — Боюсь, никто из местных не пробовал ничего крепче воды.

— А мне пива, — присоединился Меслим. Он нацепил ножны с кинжалом на свой военный пояс и поднялся. — Я возьму пива.

Илна отворила дверь и приготовилась идти.

— А по какому делу король послал вас на Хафт? — спросила она. — С тех пор, как себя помню, здесь не видели ни одного королевского чиновника.

— О, во всем виноват шторм, — произнес Забар, галантно принимая дверь у Илны. — Вообще-то мы направлялись на внешнее побережье, в Каркозу. Но тут на нас налетел юго-восточный ветер, и мы уж были рады любой земле.

Группа из трех солдат и Илны приостановилась в ночи. На чистом небе ярко сверкали звезды, а неподалеку, всего в двадцати футах, светились окна постоянного двора.

— Но почему вообще Хафт? — настаивала девушка. — Я знаю, что Валенс правит всеми Островами — формально, по крайней мере, — но ведь Орнифал так далеко и без всяких штормов.

— Ну... — как-то смешался Забар.

— Все это из-за графского наследника, — сознался Меслим. То ли он забыл приказ, то ли решил не таиться, коли его парни столь многое уже разболтали. — Ну то есть прежнего графа, естественно... Король Валенс прослышал, что где-то здесь живет ребенок, родившийся как раз перед смертью графа и графини. Надо сказать, графиня Тера происходила из старинного хафтского рода. Это означает, что ребенок продолжает *старую* королевскую линию, которая восходит аж к королю Карусу!

13

Шарина принесла жареного ягненка в комнату, которая временно превратилась в приватную столовую для Азеры и Медера. Прислуживала им сама Лора. Многие годы помещение служило кладовкой и открывалось лишь на время Сельскохозяйственной Ярмарки. Сейчас лишние покрывала и посуда пошли в ход.

Вейнер, командир подразделения Кровавых Орлов, ел в общей комнате со своими людьми.

— Но ведь у *кого-то* в округе должны же быть ездовые лошади! — с раздражением говорила Азера Лоре. — Ладно, я не настаиваю на лошадях для нашего эскорта, но вы же не думаете, что я и Медер отправимся в Каркозу пешком?

— Простите, Ваша Светлость, — взволнованно отвечала Лора, приседая в реверансе и стараясь не глядеть в глаза высокопоставленным особам. — В наших местах верхом ездят только торговцы и скотовладельцы из Каркозы. Пашем мы на быках, а путешествуем на своих двоих, это так.

Шарина водрузила блюдо на стол и стала раскладывать ножи и вилки, которые принесла с собой. Обычно девушка работала в баре, пока отец обслуживал важных гостей, но сегодня, оценив количество собравшихся в общем зале моряков, Райз решил поменяться с дочерью местами. Гаррик же помогал отцу, подтаскивая из погреба все новые бочки пива и сидра.

«Мы вообще не ожидали появления высокопоставленных гостей с Орнифала — ни пеших, ни на кораблях, ни на крыльях», — подумалось Шарине. По правде говоря, она была взволнована такой оказией и знала, что многие годы спустя будет с гордостью рассказывать, как вот этими самыми руками прислуживала столичным вельможам. И тем не менее она разделяла отцовскую позицию:

относись к аристократам уважительно, так как это твоя обязанность; принимай от них деньги, но никогда не смешивай их с богами, а себя — с услужливым псом. Лора же испытывала странную смесь гордости от такой чести и боязни не угодить гостям.

— Что за варварское место, — жаловалась Азера, покачивая головой. — Боюсь, нам придется в конце концов отправиться в Каркозу морем.

Для двенадцати свечей, горевших в комнате, подсвечники пришлось собирать по всему дому, да еще и занять парочку у Катчина в обмен на обещание устроить ему официальный визит после обеда. Лишь около половины свечей были восковыми. Судя по тому, какие взгляды бросал Медер за обедом, иллюминация его отнюдь не впечатлила.

Вооружившись ножом (который при этом довольно громко звякнул), Шарина принялась отделять нежное мясо от ребрышек. Мимоходом она заметила, что Медер обернулся и внимательно наблюдает за ее действиями.

— Азера, взгляни, — воскликнул он. — *Взгляни* на нее!

Лора с шумом сдвинула блюдо с рыбой на край стола. Наверное, она нервничала: обычно ее движения были точными и беззвучными.

Шарина старалась не подавать вида, хотя краска смущения и гнева залила ее щеки. Какое право они имели обсуждать *ее* так, будто она *лошадь* на ярмарке!

— Девушка? — встрепенулась Азера. — Эй, ты... с ножом, о святая Госпожа! А ну-ка, повернись ко мне лицом!

— Это моя дочь, Ваша Светлость. — Лора снова присела в реверансе. На ней была сине-зеленая юбка из крахмального полотна, которую Шарина до сих пор видела лишь в сундуке. Она топорщилась и блестела, когда Лора приседала, делая ее похожей на распутившего хвост павлина. — Шарина ос-Райз. Шарина, детка, реверанс для господ!

Шарина отложила ножик в сторону и поклонилась, изо всех сил стараясь скрыть гнев и отвращение, вызванные материнским поведением. Невзирая на многочисленные уроки Лоры, она так и не научилась толком делать реверансы и сейчас не желала выставлять себя в глупом свете.

— Откуда ты взялась, милая девушка? — спросил Медер. Для сегодняшнего вечера он переоделся в камзол красного бархата. Каштановые волосы рассыпались по плечам, так что Шарина

нашла бы юношу вполне привлекательным, не будь его лицо столь бледным и напряженным.

— Она моя дочь, Ваша Светлость, — повторила Лора, как будто господа ее не расслышали.

— Ты что, женщина, держишь нас за дураков? — отмахнулся Медер. Он вскочил на ноги, с такой силой оттолкнув стул, что тот с грохотом упал, впрочем, без особого ущерба. Мебель в их доме была из мастерской местного столяра — скорее крепкая, чем изящная. — Ты только посмотри на нее!

Он приблизился к девушке и протянул руку с явным намерением развернуть ее лицо в профиль. Шарина, похолодев, сделала шаг назад. Пальцы ее непроизвольно нащупали рукоятку разделочного ножа. Она взмахнула рукой, не в силах совладать с ужасом, который вызвал возникший перед ней образ.

— Медер, — воскликнула прокуратор. Она тоже встала, взяв один из подсвечников со стола. — Если она действительно...

Молодой человек замер на месте, затем отступил на шаг и, к великому удивлению Шарины, отвесил ей поклон.

— Приношу свои извинения, госпожа, — произнес он. — Я был слишком поражен и вел себя как последний мужлан. Больше такого не повторится.

— Мой помощник имел в виду, что вы... Шарина, я правильно запомнила?.. — вмешалась Азера. — Вы совсем не похожи на местных девушек или вашего отца. Вы высокая, у вас... — Она поднесла свечу поближе к лицу девушки. — ...серые глаза, и волосы намного светлее, чем у остальных жителей деревни...

— Фактически ваш типаж, — добавил Медер со сдержанной радостью, — полностью соответствует внешности орнифальской знати. Причем эпохи правления графа Ниарда. Спрашиваю вас еще раз: откуда вы здесь появились?

— Я местная! — воскликнула девушка. — Я родилась здесь!

Лора взяла дочь за руку, чтобы успокоить ее, и произнесла с достоинством (оно впервые проявилось в ее поведении с момента появления неожиданных гостей):

— Мои дети родились в Каркозе, ваша милость, где мы с моим мужем Райзом служили во дворце. Но после этого мы вернулись в мою родную деревню, и дети всю жизнь прожили здесь, если не считать нескольких дней пути.

— И когда они родились, женщина? — спросила Азера. Она стояла неподвижно, но что-то в ее позе напомнило Шарине кош-

ку, изготовившуюся к прыжку. — Семнадцать лет, пять месяцев и три дня назад?

— Или, может быть, четыре дня, — нахмурившись, поправил ее Медер. — Если девочка появилась раньше мальчика, то, наверное, четыре. Вероятно, это произошло как раз около полуночи?

— Может быть, — медленно согласилась Лора. — Примерно в такое время. Но Шарина моя дочь!

Азера и ее спутник обменялась быстрыми взглядами.

— Вы говорили, шторм казался совершенно необычным. Возможно, он был призван доставить нас именно в это место...

— Без моей магии... — горячо начал Медер. Ему, похоже, трудно было принять идею связи шторма с фактом присутствия здесь Шарины. — Я считал его враждебным нам и боролся изо всех сил. И все равно шторм едва не победил нас. Если бы меня не оказалось на борту, корабль наверняка бы погиб.

— Но вы были на борту, — веско произнесла Азера. Она водрузила подсвечник обратно на стол и смахнула капельку воска с руки. Они с Медером вели себя так, будто в комнате никого, кроме них, не было. — С другой стороны, если бы благодаря шторму мы не отклонились на юг, то сейчас рыскали бы в Каркозе в поисках того, что нашли здесь.

Медер и прокуратор вновь скрестили испытующие взгляды на девушке. Лора встала перед дочерью: то ли из защитного инстинкта, то ли желая подтвердить свои права собственника. Губы Азеры сжались в тонкую линию, выражая насмешку и неодобрение. Под ее взглядом Лора отшатнулась.

— Вы можете с уверенностью утверждать? — спросила Азера у своего компаньона, не отводя глаз от девушки.

— Конечно, — раздраженно ответил Медер. Похоже, его возмущала сама возможность сомнения. — Все необходимое имеется у меня в комнате. Мы сейчас же проведем ритуал.

Аристократы расположились на родительской половине: прокуратор — в комнате Райза, а Медер, соответственно, в Лориных апартаментах. В результате Шарина делила с матерью девичий закуток на чердаке, отец занимал комнату Гаррика, а сам юноша ночевал в конюшне.

Азера согласно кивнула.

— Ну что ж, пойдем, дитя мое, — сказала она девушке покровительственным тоном — так разговаривают с любимой собачкой. Она кивнула в сторону двери и сама направилась туда.

— Подождите! — крикнула Шарина.

Все обернулись, мать коснулась ее руки.

— Подождите, — повторила она уже спокойнее, стараясь унять дрожь в голосе. — Что вы собираетесь делать?

— Делать? — переспросила Азера. — Мы собираемся убедить-ся, что хафтские граф и графиня являются твоими настоящими родителями, дитя мое.

— И если наши подозрения подтвердятся, — закончил Медер, подводя Шарину под руку к двери, — то вас ждет жизнь, о которой никто в этом жалком пастушьем крае и не мечтал!

14

Гаррик подвесил масляную лампу на столб у дверей конюшни, за которым стояла неисправная повозка. Металлический обод треснул еще прошлой зимой, и с тех пор они все дожидались кузнеца, чтобы починить колесо.

— Вам еще нужен свет? — спросил Гаррик у Теноктрис, которая устраивала себе постель из соломы в другом конце конюшни.

— Нет, я... — начала Теноктрис, но вдруг в ее голосе появилось легкое удивление. — Странно. Ты...

Обе створки дверей были распахнуты настежь, так что в открытый проем мог пройти небольшой табун лошадей. Тем не менее отшельник остановился у входа и постучал левой рукой в деревянную панель: раздалось легкое «тук-тук-тук», как будто огромный дятел перестукивался со своим товарищем.

— Можно войти? — спросил Ноннус скрипучим, хриплым голосом.

— Конечно, — встрепенулся Гаррик. В это время с постоянного двора вышла группа моряков, наполнив двор возгласами и смехом. Несколько человек завели песню, но выходило невольно. — Если хотите, можете остаться ночевать здесь — места всем хватит. На улице ведь уже темно...

Отшельник слегка улыбнулся.

— Благодарю за предложение, — сказал он. — Но темнота меня не пугает. Мне в ней спокойнее. К тому же сегодня полно звезд на небе.

Он вошел внутрь, опустив наконец руки. Гаррик осознал: до того отшельник держал руки на виду, демонстрируя, что безоружен.

— Я хотел только убедиться, что с вами обоими все в порядке. Вам нужна еще мазь, госпожа?

Теноктрис осмотрела свои руки, затем протянула их к свету, чтобы Ноннус тоже мог полюбоваться на них.

— Остались только следы — молодая кожа, — сказала она. Ноннус подошел и осторожно потрогал щеку женщины.

— Болит?

— Нет, просто слегка чувствительно, как я уже сказала, — ответила Теноктрис. — Вот если б не ваша помощь, сейчас бы я изрядно мучилась.

— Вы сами гораздо больше помогли своему исцелению, — возразил Ноннус все с той же легкой улыбкой.

— Я ничего бы не смогла сделать, если б испытывала сильную боль. Разве не так?

Отшельник повернулся к Гаррику:

— А как ты, мой мальчик? Давай-ка посмотрим твою ногу.

Юноша подвигал ногой и поставил ее повыше, чтобы оба целителя могли убедиться: рана заживает чисто и функции конечности полностью восстановились. Отшельник поднес лампу поближе. Плоть вокруг следов укусов была розового цвета, но без нагноения и воспаления. Когда Ноннус потыкал пальцем в то место, где раньше была сквозная дырка, Гаррик почувствовал легкое жжение вместо ожидаемого огненного копья до самого паха.

Он все же вздрогнул и, чтобы скрыть это, похвастался:

— Сегодня я выполнял всю свою обычную работу. Если хотите, могу пронести вас на руках вокруг двора.

— С какой стати мне хотеть подобных глупостей? — усмехнулся отшельник. — Тебе вовсе не требуется доказывать мне свою мужественность. Или кому-нибудь еще.

— Боюсь, он состарится, пока поймет это, — улыбнулась Теноктрис. — Если вообще поймет.

Ноннус хихикнул, чем безмерно удивил Гаррика: подобное он наблюдал впервые. Он похлопал юношу по колену и констатировал:

— Ты выздоравливаешь. Но должен предупредить: если сейчас будешь себя перегружать, то в ближайшие десять-двадцать лет это скажется.

Он посмотрел на Теноктрис и добавил:

— Хотя он ведь все равно не поверит.

— Простите? — не понял Гаррик. Он опустил ногу, ощущая легкое неудобство от того, что эти двое говорили о нем так, будто

он был привидением. — Скажите, мы могли бы как-нибудь отблагодарить вас? Я ведь знаю: вы спасли мне жизнь...

— Местные жители позволяют мне жить в здешнем лесу, — сказал Ноннус. — Больше мне ничего не нужно...

На его лице снова мелькнула улыбка и растаяла, как радуга.

— Во всяком случае, ничего материального. Вправить пару костей или прогнать лихорадку — это тот минимум, который я могу сделать для общины в благодарность.

Он кивнул в сторону Теноктрис и добавил:

— К тому же тебе надо сказать «спасибо» вот этой женщине — именно она вернула тебе способность ходить. Я, в общем-то, никогда не отрицал колдовства. А целительство — его лучшее применение.

— Вы ведь с острова Пьюла, не правда ли? — спросила Теноктрис. — В мое время там охотились на тюленей.

— В мое — тоже, — кивнул отшельник. — И, надеюсь, все еще продолжают. Это честная жизнь.

— Молодой человек, который сопровождает прокуратора — колдун, — сказала Теноктрис без всякого перехода. Она взглянула на Гаррика, как бы приглашая его тоже принять участие в беседе, хотя было ясно, что прежде всего ее интересовала точка зрения Ноннуса.

— Откуда вы можете это знать? — спросил тот, проявляя интерес ремесленника к смежной специальности. — Он что, творил здесь свою магию?

— А откуда вы знаете, что тюлень вот-вот всплывет? — парировала Теноктрис. — Или откуда Гаррик знает, на какую сторону упадет дерево, которое он рубит? За Медером тянется шлейф силы, как хвост за кометой на звездном небе.

Через двор шел моряк с парой слушателей из местных. Его громкий, сбивчивый рассказ далеко разносился в ночной тишине:

— ...а люди на этом острове не носили ничего, кроме ожерелий из костей. И они сделали меня королем... Точно говорю, так и было — и все за то, что я не дал разбиться зеркалу.

Пауза, затем — звяканье бутылок. Баркианцы пробормотали что-то уважительное. Гворившие миновали ворота и скрылись вдали.

Гаррик отступил внутрь конюшни. Горящей лампы достаточно, чтобы удержать людей от дурных поступков. Таких, которые

постесняются совершать на глазах у общины, пока достаточно не напьются или не отчаются.

Ноннус присел на корточки, прислонившись к каменному фундаменту опорных столбов. Сами столбы и балки, которые они поддерживали, были из древнего дуба, настолько почерневшего от времени, что структура дерева определялась только на ощупь.

— Медер бор-Медерман считает меня приживалкой, чем-то вроде незамужней тетки, — произнесла Теноктрис. Ее улыбка напомнила юноше выражение лица отшельника, когда тот вспоминал свою прежнюю жизнь. — Если вообще замечает. Этот парень в действительности не видит сил, с которыми работает. И еще меньше видит, что я тоже их привлекаю. С точки зрения Медера, я вовсе не колдунья.

— Госпожа... — обратился к ней Гаррик.

Честно говоря, он не знал, как относиться к Теноктрис. С одной стороны, она была нищая бродяжка, похожая манерами и вкусами на местных пастухов, — вот ведь, решила спать в конышне, раз постоянный двор забит платежеспособной публикой. Но с другой стороны, она была образованным человеком, даже по меркам Гаррика, не менее благородным и учтивым, чем те двое из Валлеса. И к тому же колдуньей. Все эти несочетаемые черты ставили юношу в тупик, как река, текущая вспять.

— Если вы добрались сюда так издалека, — запинаясь, произнес он, — то, наверное, вы очень могущественны. А все, что сделал этот мальчишка (Медер был лишь на несколько лет старше его, но здесь не уважают жидковатых щеголей), так это сумел не потонуть в шторм. Я знаю немало рыбаков, которые могут похвастаться тем же.

Ноннус насмешливо ухмыльнулся.

— Ты рассуждаешь как неграмотный пастух, — заявил он. — Такой шторм попросту разметал бы наши пьюльские рыболовные лодки, если б захватил их в море. Тот факт, что тебе кто-то не нравится, не должен ослеплять тебя. Необходимо осознавать, кто есть кто и что он умеет делать.

Пораженный Гаррик хлопал глазами. До сих пор он обычно излагал свое мнение Шарине, Кашелу, другим односельчанам — людям, которые его вовсе не слушали или же не задумывались над его словами. Впервые он столкнулся с собеседником, который пробил брешь в его аргументах, вместо того чтобы поддакивать или говорить ерунду.

— Э... простите меня. — Все, что он мог сказать.

— Мне лишь однажды довелось видеть мага подобной силы, — произнесла Теноктрис. Она задумчиво накрутила на палец прядь своих седых волос и отвела в сторону, чтобы искоса взглянуть на собеседников. — *Тогда* он разбудил мощь, достаточную, чтобы потопить Йоль, подобно камешку в мельничном пруду. Я бы не удивилась, сумеи Медер сделать то же самое. За ним остается такой след в магическом поле, что его могут увидеть и услышать в месте, которое лучше бы не тревожить.

— Аристократы живут в ином мире, госпожа, — мягко возразил Ноннус. Он, как и Теноктрис, имел в виду не только нынешние, но и прошлые события. — Они не понимают простых людей, которым приходится ежедневно балансировать на краю. Лучше бы этим двум мирам никогда не сталкиваться.

— Все, что мне было нужно, это моя библиотека... И свободное время, чтоб изучать пути проявления и взаимодействия магических сил, — вспоминала Теноктрис. — Я даже не собиралась использовать их. Честно говоря, я никогда не была сильна по этой части.

Она сочувственно улыбнулась Гаррику и продолжала:

— Я никогда не могла вызывать силы, которые невольно привлекла сюда. Да и само понятие «здесь» — не более чем жребий, выпавший на мою долю. Место, куда принесли меня волны — я не могла ни изменить его, ни даже предсказать. Случайный выбор.

— А может, предначертание судьбы, — улыбнулся отшельник. Было ясно, что сам-то он придерживается именно этой точки зрения. — Или желание Госпожи.

Лампа, в которой догорало последнее масло, замигала — надо было идти на кухню пополнять запасы.

— Ну, мне, пожалуй, пора, — поднялся Ноннус. — Я только хотел убедиться, что вы выздоравливаете.

— Вы уверены, что не хотите остаться ночевать у нас? — еще раз спросил Гаррик. — Или, по крайней мере, возьмите с собой факел.

— Ценю вашу заботу, — покачал головой отшельник. Свет совсем потускнел, но затем снова на мгновение вспыхнул.

— Гаррик, глядя на тебя сейчас, я вижу двух людей. — Теноктрис повысила голос, чтобы ее слышал уходящий Ноннус. — Вчера такого не было.

— Не понимаю, что вы имеете вы в виду, — пожал плечами юноша. — Это всего-навсего я.

Оба собеседника внимательно смотрели на него: Теноктрис — задумчиво, Ноннус — с обычной спокойной отрешенностью.

— Ты чувствуешь какие-нибудь изменения? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Гаррик. — Я... Все изменилось с появлением корабля и морских демонов. И вас, госпожа.

Он бросил взгляд в сторону Теноктрис, чей внешний вид по-прежнему ставил его в тупик — аристократическая изысканность и при этом старое, поношенное платье. А что делать? Ее шелковые одеяния были и вовсе неуместны в Барке — тем более на безвестной бродяжке, ночующей в конюшне.

— Право, не знаю, как я себя чувствую, — вздохнул юноша. Это была почти правда. Если не считать тревоги из-за того, что *где-то* стоит мускулистый человек, презрительно глядя на него, Гаррика, и весело смеясь.

— Похоже, это справедливо для нас всех, — заметила Теноктрис.

Она, однако, не выглядела встревоженной, скорее — удивленной.

Лампа почти догорела. Отшельник вышел в ночь и бесшумно удалился. В углу зашуршала солома — это Теноктрис устраивалась на ночлег. Гаррик остался наедине со своими мыслями.

Хотя одиночество его было весьма относительным.

15

— Нам, наверное, понадобится больше света? — дрожащим голосом спросила Лора, устанавливая свечу в канделябр на стене комнаты, которая обычно служила ей спальней. — Я принесу...

— Помолчи, женщина, — бросила Азера. — А лучше — выйди и подожди снаружи, пока тебя не позовут.

Против ожидания, Лора не повиновалась, а отступила к окну и осталась стоять там с непреклонным выражением лица. Это удивило Шарину: ей казалось, если прокуратор велит выпрыгнуть в окно, мать не замедлит выполнить ее требование. Девушка поставила свой подсвечник на трехногий столик и огляделась. Прочая обстановка комнаты включала в себя кровать, два сундука и круглый стул, выдолбленный из ствола сосны.

— Нет, нет, уберите это отсюда, — раздраженно произнес Медер, поднимая и устанавливая на стуле плоский металлический ящик примерно в фут длиной. — Стол мне понадобится, чтобы писать заклинания.

Он присел и стал возиться с замком ящика. Вставил в него ключ с четырьмя выступами различной длины. Затем повернул его на четверть оборота, что-то бормоча себе под нос.

Шарина сняла свечу со стола, попутно отметив, что ящичек слабо светится, как будто отражая свет очага.

— Поднесите свет поближе, — скомандовал Медер, поднимая крышку. Внутри ящик оказался разгорожен на маленькие отделения, в каждом из которых что-то лежало. Изнутри к крышке был приделан нож из красноватой меди с рукояткой, украшенной затейливыми завитушками, — девушка узнала буквы Старого Письма.

Юный колдун вынул нож, обернулся и увидел Шарину, подошедшую со свечой.

— Нет, не вы! — воскликнул он — Вас я должен призывать! Отдайте свечу кому-нибудь другому... вот хоть Азере.

Прокуратор собиралась возмутиться тем, что ее смешивают с какой-то деревенщиной, но так ничего и не произнесла. Было совершенно очевидно: за работой Медер забывал обо всех словных предрассудках.

Шарина передала свечу матери и отступила в сторону, когда Лора заняла ее место.

Колдун достал кусок того, что выглядело как обычный мел, положил его на столик и снова закрыл свой ящик. Он выпрямился и внимательно посмотрел на девушку. Сейчас юноша казался выше ростом, чем за обедом.

— Я собираюсь уколоть ваш палец своим атамом и поместить капельку крови на мел, — все так же угрюмо пояснил он, жестом иллюстрируя собственные намерения. — На самом деле вовсе необязательно писать все заклинание кровью; достаточно и небольшой приманки. Затем мне понадобится прядка ваших волос.

Девушка бросила вопросительный взгляд на мать, но та стояла с совершенно непроницаемым лицом — с таким же успехом можно было советоваться со столешницей.

— Ну хорошо, — решила Шарина и протянула левую руку. Между делом она прикинула, а что бы сделал Медер, если б она отказалась. Судя по его тону, подобная возможность даже не приходила ему в голову.

Прикосновение его руки было неожиданно теплым. Он поднял взгляд на девушку, и ей показалось, что впервые за весь вечер он увидел в ней живого человека, а не подручный материал для магического эксперимента.

Но тут Медер нахмурился и рывкнул в своей прежней манере:
— Стойте спокойно!

Он кольнул медным ножом подушечку ее пальца, и девушка невольно вздрогнула. Жгучее ощущение совершенно отличалось от того, что Шарина чувствовала, когда случайно промахивалась иголкой во время шитья.

Капелька крови медленно показалась из крошечной ранки, как гриб появляется из-под земли после дождя. Медер поднес атам к мелу и испачкал его в крови. Затем он отвернулся к столу и быстро, решительно стал писать мелом на столешнице. Это была фраза на Старом Языке, без всяких знаков препинания и промежутков между словами.

Внизу, в общем зале, люди что-то громко говорили, ссорились, веселились... Несмотря на толстый дубовый пол, Шарина улавливала отдельные слова. Она чувствовала, как холодная стена выростала между ней и ее прошлым, таким родным и знакомым.

Колдун при помощи своего кинжала очистил от крови поверхность мела и убрал его в сторону.

— Так, — сказал он и снова приблизился к Шарине. — Теперь я возьму ваши волосы.

Однако отделить прядку ему удалось только после нескольких попыток, надо сказать, довольно болезненных. То ли нож был недостаточно острый, то ли быстро тупился о жесткие волосы девушки.

В конце концов Медер положил золотую прядку посреди столешницы, исписанной по кругу магической вязью.

— Все молчат, — приказал он.

Прикасаясь атамом к дереву, он забормотал:

— *Хьюссемигадон яо ао баубо и-и-еао...*

Шарине показалось, что зазвучали сами строчки, подобно лягушкам в летнем пруду или овцам в загоне.

— *Сопесан кантара эресицитигал санкисте...*

Медер двигался по кругу, прикасаясь ножом к каждому из вырезанных символов. При этом он обходил стол по часовой стрелке, чтобы не протягивать руку над поверхностью столешницы.

— *Акоурборе кодере дропиде...*

Стена, отделявшая Шарину от остального мира, становилась все толще. Над поверхностью стола сгустился красный туман, хотя стоило девушке моргнуть, и видение на мгновение померкло, чтобы затем снова проникнуть в ее сознание.

— *Тартароуче аноч аноч!* — выкрикнул колдун и воткнул кинжал в заготовленный локон Шарины.

Темно-красное пламя беззвучно взметнулось с кончика атама до самого потолка. Затем опало и превратилось в мужскую голову: лицо с аристократическими чертами, аккуратной бородкой и волосами до плеч. Изображение двигалось, но не как живой человек, а как бюст на вращающейся подставке.

Лора задохнулась и закусила костяшки левой руки, стараясь удержаться от крика. Свеча в другой руке трепетала, как лист на ветру.

Магический образ исчез мгновенно, с быстротой молнии. Свечи, померкшие было в свете факела, снова ровно горели, освещая комнату. Медер с побледневшим лицом рухнул на стул, поверх своего ящичка.

— Вот *это* был твой отец, девочка, — победно провозгласила Азера. — А вовсе не хозяин постоянного двора.

Шарина бросилась к сундуку в углу комнаты и, откинув крышку, стала перерывать кипы платьев и юбок. В конце концов она добралась до бронзовой овальной банки, которую обнаружила еще в детстве, играя здесь в отсутствие матери. Сейчас Лора взвизгнула, но не сделала попытки ей помешать.

Баночка была обернута в лоскут лилового атласа. Внутри находился позолоченный медальон. Щелкнув створками из слоновой кости, девушка достала миниатюрный портрет молодой пары и протянула его на ладони матери.

— Это он, не правда ли? — спросила она. — Я их ребенок, а не твой с Райзом!

И впрямь, черты лица изображенного мужчины совпадали с вызванным Медером образом. Над мужской головой шла надпись: «Ниард, милостью Госпожи граф». Лицо женщины, более смуглое и волевое, венчали слова «Тера, милостью Пастыря графиня».

Азера вздохнула с облегчением.

— Итак, мы нашли наследницу, которую искали, — подвела она итог. — Вы поедете с нами в Валлес, дитя мое!

Медер поднял на девушку утомленный взгляд.

— Это ваша судьба, Шарина, — подтвердил он.

16

Гаррик видел сон.

В этом сне к нему приближался мужчина. Все происходило на фоне пейзажа, который, казалось, менялся с каждым шагом незнакомца. Вначале это был луг, мгновение спустя он превратился в лес из коралловых деревьев, ветви которых лениво шевелились. Живые краски рифа померкли, как будто видимые сквозь толщу прозрачной воды. Тем не менее мужчина шагал без видимого усилия.

— Кто вы? — спросил Гаррик во сне, хотя какой-то частью своего сознания предугадывал ответ. Собственный голос казался ему глухим и отдаленным.

Он бы дал незнакомцу лет сорок, несмотря на моложавый вид и крепкие мускулы. Одет он был в высокие сапоги и богатую голубую тунику. Кожа на открытых участках казалась смуглой, как у местных пастухов.

Мужчина помахал Гаррику. Его губы шевелились, но ничего не было слышно. Теперь он шел по лесу, пересекая солнечные пятна, которые заставляли играть на свету его богатое одеяние и металлические украшения.

Он широко улыбался. Лицо его выглядело так, будто он смеялся часто и охотно, тем раскатыстым смехом, который весь вечер и ночь звучал в ушах Гаррика.

Во сне юноша сжал в кулаке золотую монету, висевшую на шелковом шнурке у него на груди. И мог присягнуть, что гладкая теплая поверхность металла в его руке была вполне реальна.

В одежде попроще мужчина вполне сошел бы за жителя Барки, хотя, пожалуй, ростом и шириной плеч он выгодно отличался от большинства здешних мужчин. Он выглядел повзрослевшим Гарриком ор-Райзом, нарядившимся в сверкающий наряд. Простая диадема из золота стягивала его темные локоны.

— Кто вы? — повторил свой вопрос юноша, но возглас утонул в бездонном пространстве. Его двойник во сне стоял в небытии, вечностью отделенный от всех и всего.

— Ну что же ты, парень! Я — Карус, Повелитель Островов! — раздался его приглушенный расстоянием голос. Он шагал через болото в своих прекрасных кожаных сапогах того же небесно-голубого цвета, что и туника. — Ведь *ты* знаешь меня.

Гаррик не отрываясь смотрел на мужчину. У него возникло впечатление, будто он глядится в зеркало, искажавшее не изображение, но само время.

— Но вы мертвы! — крикнул он.

— Неужели, парень? — рассмеялся незнакомец. Его смех был похож на отдаленные раскаты грома. Песок вздымался из-под его ног, закручивался в маленькие смерчи и оседал на потной коже мужчины, подобно бриллиантовой пыли. — Неужто мертв?

Фигура древнего короля оставалась прежней, но голос становился все громче с каждым шагом. Лицо выражало усталую решимость человека, который проделал дальний путь и позволит себе отдохнуть не раньше, чем достигнет конца дороги.

— Я помогу тебе стать Повелителем Островов, парень, — сказал Карус. — А ты приведешь меня к Тедри, герцогу Йоля, с которым у меня незавершенные дела.

Гаррик наблюдал за фигурой, которая теперь двигалась под дождем по каменистому склону. Сильные порывы ветра гнули сосны и заставляли сутулиться короля Каруса, но его ноги нарезали пространство с неотвратимостью работающего маятника.

— Йоль затонул тысячу лет назад! — выкрикнул Гаррик. — Король Карус умер!

Карус откинул голову назад и расхохотался во все горло — так смеется человек, привыкший находить веселье во всем: и в солнечном рассвете, и в пенящейся атмосфере схватки.

Гаррик перенесся в пространстве: его двойник во сне воссоединился с юношей, лежащим на соломе в конюшне своего отца, накрытым тонкой попоной и сжимающим в руке древнюю монету.

17

На ветке кизила заливался пересмешник. Громкие трели не смолкли, даже когда Шарина погромела трещоткой всего в десяти футов от куста. Стояло яркое, солнечное утро, на кизиле распустились почки, и белые цветы сосавляли роскошное обрамление лесному певцу.

Чудесная погода не могла не улучшить настроения девушки, хотя в душе ее по-прежнему царило смятение. Она начала вприпрыжку спускаться по склону, выкрикивая на ходу:

— Ноннус, это я! Мне нужна твоя помощь!

Отшельник стоял на берегу ручья и обстругивал ветку ясеня, уложенную на самодельные козлы. Видно, занимался он этим давно: стружка покрывала землю, колечками свисала с тростника, в изобилии росшего вокруг. Ручей был небольшой — не более шести дюймов в глубину, за исключением запруды, которую устроил Ноннус. Берега водоемчика отшельник выложил разноцветными камнями, что было красиво и облегчало купание и походы с котелком за водой.

— Надеюсь, ты не заболела, дитя мое? — спросил отшельник, вытирая нож о край туники. Он одарил девушку сдержанной улыбкой, которую остальным жителям деревни доводилось видеть, прямо скажем, нечасто. — Да нет, по твоему виду не скажешь.

Ноннус критически осмотрел лезвие ножа, повертев его так и эдак на свету. Удовлетворенный результатами, засунул свое оружие обратно в ножны.

Каждый мужчина на Хафте носил с собой нож — необходимую вещь, если надо перерезать веревку, выковырять камешек из овечьего копыта или пометить нужную палочку. Да мало ли ситуаций, когда сельскому жителю не обойтись без ножа.

Инструмент изготавливался местным кузнецом из полосок кованого железа. Накладки — из кости, рога или дерева — обычно делались плоскими, чтобы удобно было держать в руке. Закругленное на конце лезвие, как правило, не превышало шести-восьми дюймов и в случае нужды затачивалось о ближайший камень.

Нож отшельника был в этом отношении уникальным. Он выглядел не рабочим инструментом, а произведением оружейного искусства. Его лезвие, длиной в фут и толщиной в женский мизинец, было изготовлено из полированной стали. Его режущая кромка ближе к острию имела изящный изгиб, позволявший перераспределять вес ножа при броске.

Ноннус использовал свой повсюду — от мелочей до серьезных дел, где его односельчане предпочли бы более грозный инструмент, как-то лук, тесак или криволинейный струг. Лезвие ножа было достаточно твердым для грубых работ и достаточно острым, чтобы подровнять бороду или волосы. Шарине не раз приходилось наблюдать, как отшельник без всяких усилий, простыми механическими движениями рубил дерево так, что щепки летели аж до самого ручья.

— Нет, здоровье мое в порядке, — успокоила его девушка. Она спрыгнула в овраг, схватилась за ветку и ловко вскарабкалась на противоположный склон.

— Ноннус, — сразу перешла к делу Шарина. — От меня требуют, чтобы я поехала на Орнифал — Азера и Медер, я имею в виду... Мне хотелось бы, чтобы ты поехал со мной, поскольку я тебе доверяю. И к тому же ты прежде жил в больших городах.

— Скорее посещал их, — слабо улыбнулся отшельник. — Но я не горожанин, как твой отец, Шарина. Правильнее будет, если он или твоя мать поедут с тобой.

Ноннус потянулся и достал из ручья берестяное ведро с березовым соком, закупоренное смолой. В проточной воде напиток сохранял свою прохладу даже в самые жаркие летние дни. К ведру на крючках были привешены две кружки — одна из них, белая, специально держалась для Шарины. Отшельник зачерпнул соку и подал девушке.

— Если Райз или Лора поедут туда, то сделают это по собственным мотивам, — мрачно пробормотала девушка, уткнувшись в кружку. — А мне нужен человек, который прежде всего заботился бы обо мне.

Ноннус окинул взглядом свою хижину и сад.

— Хафт — благодатное место для меня, — сказал он. — Я осел здесь, потому что это самая крайняя точка, куда я смог удалиться, не рискуя свалиться за край мира... — Он снова посмотрел на девушку, и его улыбка блеснула, как солнечный луч сквозь ледяную глыбу. — ...к чему я пока не готов. На самом деле я уже очень давно не был на Орнифале.

Шарина, в свою очередь, посмотрела на собеседника. Губы у нее нервно подрагивали.

— Ноннус... — с видимым усилием произнесла она. — Дело в том, что Райз и Лора не настоящие мои родители. Я — дочь графа Ниарда и графини Теры.

Отшельник только хмыкнул с легким недоверием.

— Ты слишком умна, чтобы безоговорочно верить чужим рассказам о твоём происхождении, — мягко укорил он ее. — Мне этот вопрос никогда не казался таким уж простым. Да и, если на то пошло, столь уж важным для обсуждения.

— Тут нет никаких сомнений, — возразила Шарина. В глубине души она чувствовала себя немного уязвленной тем, что

отшельник так мало значения придал ее признанию. — Медер провел обряд призвания. Он ведь колдун, ты знаешь.

— И очень могущественный, если верить Теноктрис, — добавил Ноннус. — Но я бы не рискнул строить свою жизнь на словах или поступках колдунов.

Если в начале разговора отшельник был задумчив, то теперь голос его дрогнул, лицо застыло в напряженной гримасе.

— Ноннус? — жалобно пролепетала девушка. — Я ведь ничего не знаю о колдунах. Но он показался мне настоящим...

Ноннус нарочито спокойно повесил свою кружку обратно на ведро и отвернулся от Шарины.

— Я нимало в этом не сомневаюсь, — сказал он. — Люди такого сорта считают, что изменяют мир своими заклинаниями. Но они ошибаются!

Шарина продолжала держать кружку обеими руками, но не решалась отпить из нее.

Она боялась, что любое ее движение только усугубит непонятное настроение отшельника. Посему она стояла неподвижно, не хуже образа Госпожи, вырезанной на стволе растущего тут же дерева.

— Граф Сандраккана поставил колдунов на страже своего лагеря, когда противостоял королю Валенсу у Высокой Стены, — заговорил Ноннус. Теперь его голос больше напоминал рычание дикого зверя или завывания вьюги. — Пока армии сближались, колдуны приносили в жертву цыплят и овец, перерезая им глотки. Кровь стекала по стенам, они читали свои заклинания, а затем земля начала сотрясаться.

Он бросил взгляд на изображение Госпожи, и на губах его промелькнула улыбка. Обернувшись снова к девушке, отшельник закончил свой рассказ:

— Они заставили землю трепетать, как одежду на ветру. Ну и что из того? Во время любого шторма волны в сотню футов вздымаются и разбиваются об остров Пьюл! Обычное дело... Но орнифальское ополчение на правом фланге запаниковало, и кавалерия Сандраккана прорвалась через них и окружила короля Валенса!

Хотя он старался говорить спокойно, видно было, что эмоции переполняли его и делали речь невнятной. Отшельник посмотрел на Шарину, и она сказала то, что должна была сказать:

— Но ведь Кровавые Орлы выстояли, Ноннус?

— О да! — произнес он тонким отчаянным голосом. Шарина содрогнулась — она даже не представляла себе, что такой звук может вырываться из человеческого горла. — Они *выстояли*.

Девушка потянулась к отшельнику с такой осторожностью, будто перед ней была невообразимо тонкая ткань, которая может рассыпаться от одного прикосновения. Он не ответил на ее движение, только улыбнулся. Его посох стоял, прислоненный к дереву, где Ноннус работал. Он взял его в руки.

— Эти аристократы хотят отвезти тебя в Валлес, — уже обычным голосом сказал отшельник. — А ты сама хочешь ехать?

Оба конца деревянного посоха были снабжены металлическими наконечниками. Какое-то время Ноннус критически изучал их, затем положил палку обратно — одним концом на плоский камень.

— Медер говорит, что это моя судьба, — смущаясь, пояснила девушка. Ни один житель Барки не имел судьбы — только жизнь. — Кроме того, не думаю, чтобы они стерпели отказ. Ты же знаешь, у них солдаты...

— Да уж, пожалуй, — произнес отшельник тоном, который Шарина никак не могла понять. — Но я спрашиваю: чего ты сама хочешь?

Он приставил конец колышка из твердой древесины к заклепке, которая держала металлический набалдашник на посохе, и резко ударил рукояткой своего большого ножа. Заклепка вышла с другой стороны на четверть дюйма, Ноннус ухватил ее и вытащил прочь. Силы в его пальцах хватало, чтобы разогнуть крючок для трески.

— Думаю, я хочу поехать, — наконец решилась Шарина. — Мне страшно, потому что я никогда не уезжала от родных мест, но все же я хочу поехать.

Вместо ответа отшельник снял наконечник посоха и ушел с ним в хижину. Он вернулся с какой-то штукой, завернутой в промасленный холст. Шарина раньше никогда не видела ничего подобного у своего друга.

— Они... — проговорила Шарина. — Сегодня они готовят корабль, а завтра утром отплывают.

Ноннус присел на корточки и развернул пакет так, чтобы девушка могла видеть его содержимое. Там, как в гнезде, лежал обоюдоострый, с широкими краями наконечник копья. Жало его было острым, как иголка.

Отшельник на мгновение склонил голову на посох, затем поднял взгляд на Шарину и мягко улыбнулся. Он всегда был добр

и к ней, и к другим жителям деревни. Однако Шарине и в голову не пришло бы путать его доброту со слабостью.

— Возвращайся, дитя мое, — сказал Ноннус. — Я буду там, когда корабль соберется выходить в плавание.

18

— Доброе утро, госпожа Теноктрис, — поздоровалась Илна, подходя к Гаррику и колдунье, стоявшим у загона для стрижки овец. — Ваше платье все еще у меня. Солнце и соленая вода совсем не повредили краски.

Теноктрис взглянула на девушку. Перед этим она читала резную надпись, водя по ней пальцем, и разговаривала с юношей. Он тоже обернулся и поприветствовал Илну.

Загон, расположенный на северной окраине деревни, был огорожен неровной стеной, сложенной частично из валунов, частично из обломков старинных построек. Обломок, который изучала Теноктрис, представлял собой сланцевую плиту всего в дюйм толщиной. Ее срез прямоугольной формы был покрыт резьбой, в которой Илна разглядела буквы Старого Письма.

Прочсть надпись девушка не могла. Честно говоря, она не могла бы прочсть и более массивные современные буквы, в которые выродилось Старое Письмо. Детство Илны было таково, что для учения просто не оставалось времени.

— Похоже, здесь мне не очень-то пригодится шелковое платье, не правда ли? — снова улыбнулась Теноктрис. Ее взгляд переместился с Илны на Гаррика. — Как ты полагаешь, хафтскому графу понадобится придворная волшебница? К тому же, боюсь, не слишком могущественная.

Гаррик чувствовал себя не в своей тарелке: с таким же успехом колдунья могла бы спросить его, что находится на другом конце мира.

— Понятия не имею, госпожа, — пробормотал он. — Может, спросить отца? Он был знаком с Ласкаргом еще до того, как тот стал графом.

На самом деле Илну не слишком волновало платье волшебницы. Это, конечно, удивительная вещь, и наверняка очень ценная в глазах знающих людей, но для девушки по-прежнему важнее всего были волнующие ощущения, исходившие от ткани платья.

Сейчас она использовала одежду Теноктрис просто как предлог, чтобы подойти к Гаррику, которого почти не видела со времени прибытия корабля. Все ее время занимал пусть прибыльный, но очень утомительный уход за пятью постояльцами.

Теноктрис, должно быть, заметила, что ее вопрос поверг юношу в смущение, поэтому сменила тему.

— Гаррик показывал мне надписанные камни, использованные в нынешних постройках. Вот этот, например, с надгробной доски. — Палец колдуньи снова вернулся на полоску надписи, опоясывающей камень.

— Он из вашего времени? — спросила девушка. До нее, конечно, доходили слухи, что Теноктрис прибыла из далекого прошлого, но ей хотелось получить подтверждение от самой волшебницы.

— Нет, гораздо более поздний, — ответила та. — Пожалуй, он ровесник местного постоянного двора. В то время Старое Письмо, очевидно, сохранялось еще для официальных событий вроде похорон. Хотя в быту им уже давно перестали пользоваться и перешли к современному шрифту.

— А откуда вы знаете? — подозрительно прищурилась Илна, почувствовав изъян в логике. — Ведь если вы из другого времени, то события, которые упоминаются здесь, вряд ли знакомы вам.

В общем-то, она получила подтверждение невообразимой отдаленности во времени колдуньи, прикасаясь к ее платью, но разум девушки попросту отказывался верить в это. Подобные знания не принадлежали привычному ей миру.

— Вот эта надпись на краю камня является просьбой к Пастырю охранить душу усопшего, — пояснила Теноктрис с легкой одобрительной улыбкой. — Там, наверное, что-то еще было написано на лицевой части камня, но она не сохранилась. О возрасте камня я сужу по тем силам, которые он вобрал в себя, будучи положенным на могилу.

— О... — Илна покраснела. — Простите меня, госпожа.

— Не стоит извиняться, — ответила Теноктрис без тени сарказма. — Ты задала хороший вопрос.

Она обернулась к Гаррику и посмотрела на его правую руку, сжимавшую что-то на груди под туникой.

— Гаррик, что у тебя там? Мне кажется, в этом кроется причина твоего... изменения. Я не права?

Юноша снял с шеи шелковый шнурок, бледно-голубой при дневном освещении, и продемонстрировал золотой диск колдунье. Илна никогда раньше не видела у него такого украшения.

— Эту монету дал мне вчера отец, — извиняющимся тоном проговорил Гаррик. Сознательно или нет, но он постоянно прикасался к ней, чтобы привлечь внимание Теноктрис. — Он ничего не объяснил, сказал только, что это принадлежит мне.

Волшебница взяла монету в ладонь. Она придерживала шнурок большим пальцем, чтобы как следует рассмотреть предмет с обеих сторон. Илна тоже глядела во все глаза. Полустертый профиль мужчины был ей незнаком, на реверсе¹ вроде бы виднелась какая-то надпись. Впрочем, девушка могла ошибаться.

— А вот *эта* вещь из моего времени, — произнесла Теноктрис, поднимая взгляд на Гаррика. — То, что ты видишь, не обычная расхожая монета, а медальон. Смотри, здесь отпечатано изображение его хозяина.

Она вернула талисман юноше.

— Это медальон Каруса, — сказала колдунья. — Его отчеканили в день коронации Повелителя Островов.

На лице ее было написано удивление.

— Знаешь, у меня сохранилось много воспоминаний о тех временах, — продолжала она. — Просто в самом конце они перемешались, как фрагменты старой фрески, когда штукатурка начинает осыпаться. Когда я прикасаюсь к Старому Письму или вещам из моего времени, что-то оживает в памяти, но все по-прежнему перемешано.

— Теноктрис... — осторожно спросил Гаррик. — Тебе доводилось видеть Каруса?

Женщина покачала головой. Движения ее были скупы и осторожны. Илна подумала: многие, наверное, недооценивают эту старуху, что является большой ошибкой. При всей своей внешней неказистости она таила в себе грани алмазной твердости.

— Я никогда прежде не бывала на Хафте, — пояснила Теноктрис, затем улыбнулась и добавила: — Полагаю, я могла бы увидеть Каруса на Йоле, если б его флот не потопили.

Два бурундучка, отчаянно вереща, гонялись друг за другом по верху стены. Заметив людей, они на мгновение замерли, а затем порскнули в сторону, откуда появились.

¹ Реверс — обратная сторона медали, монеты.

— А вы видели когда-нибудь мужчину в черном плаще с капюшоном, который скрывает все его лицо, даже глаза? — Гаррик задал вопрос, глядя под ноги. — Не могу его лучше описать, потому что...

Теноктрис медленно приблизилась к юноше и, подняв подбородок, поглядела ему в глаза.

— Где ты мог встречаться с Клобуком? — тихо, потрясенно спросила она.

— На самом деле он не настоящий, — совсем смутился Гаррик. Чтобы отвести взгляд, он принялся возиться с медальоном, снова надевая его на шею. Он чувствовал себя неловко — примерно так же, как Илна, прикасаясь к платью колдуньи. — Я видел его во сне.

— Возможно, это был всего лишь сон, — произнесла Теноктрис, опуская взгляд. — Но не сомневайся, он вполне реален.

Она снова потрясла головой, как бы желая привести в порядок свои перепутанные воспоминания.

— Не знаю, кем является Клобук на самом деле и откуда взялся, но он — самый могущественный волшебник, которого я когда-нибудь видела. Он называл себя Малкаром, хотя, думаю, это всего-навсего хвастливая ложь.

— Он называл себя *злом*? — Илна не могла опомниться от удивления. Малкаром называли боуги¹, которыми пугали детей. Это не было божество, как Госпожа или ее супруг Пастырь. Или даже Сестра, правящая подземным миром. У Малкара не было поклонников. Поклоняться ему — все равно что поклоняться выгребной яме.

— Малкар — это не... — принялась было возражать Теноктрис. Она перевела взгляд с Гаррика на Илну и обратно, думая о доходчивости своих объяснений. Затем кивнула: — Ладно, давайте попытаюсь растолковать по-другому.

Прежде чем продолжить свою речь, колдунья взгромоздилась на стену. Для этого ей пришлось встать на цыпочки, но и тогда ограда загона была для нее высоковата. Загоном пользовалась

¹ «В старой доброй Англии водятся боуги. Обычно боуги живут поодиночке, однако порой собираются в компании. У них холодные и мокрые пальцы и желтые глаза, которые светятся в темноте, и все они — оборотни» (по книге К. Королева «Мифические существа. Энциклопедия»).

вся деревня, весной и во время осенних сельскохозяйственных ярмарок, когда сюда съезжались за шерстью покупатели из Каркозы и более отдаленных городов.

— Основным источником энергии волшебства, — начала Теноктрис, — являются солнце и... И Малкар. Однако никто не может использовать такой источник напрямую. Силы, с которыми работают маги, не бывают чистыми, так же как вода, которую мы пьем, не совсем чистая.

— Так вы утверждаете, что Малкар не является злом? — нахмурился Гаррик. Илна никогда раньше не видела у него этой складки меж бровей. Обычно на лице у Гаррика ор-Райза играла мальчишеская улыбка, заставлявшая забывать о мужественности и силе юноши. — И вы служите Малкару?

— Нет, — ответила Теноктрис, для вящей убедительности хлопнув ладонью по стене. Она сидела на известковом кубе, взятом из кладки древнего храма. — Никто не служит Малкару. Другое дело — силы, проистекающие из Малкара. Их можно использовать по-разному. Например, я не пью морскую воду, но могу ее использовать.

Илна невольно обернулась и посмотрела на морские волны, танцующие на свету. У берега море было темным, почти фиолетовым. Дальше, в перспективе Внутреннего Моря, цвет переходил в нежно-зеленый, напоминая прекрасный нефрит. Это было куда красивее, чем обычная бесцветная вода, принесенная из колодца. Но тем не менее ни один человек в здравом уме не станет пить морскую воду...

— Клобук был очень могущественен, — задумчиво продолжала Теноктрис. — Ему хватило сил опустить морское дно под кораблями Каруса. А также, пусть и невольно, потопить Йоль... Удивительное дело... Ни один волшебник не поверил бы в это... Силы, с которыми работал Клобук — собственно, с которыми работают все колдуны — так вот, они возросли стократно менее чем за год. Простые человеческие объяснения здесь не подходят.

— Может, за это надо благодарить Малкара? — предположила Илна. Разговор будил в ней странные чувства — по всему телу разливалось тепло и в то же время что-то болезненно сжималось в душе. Похоже было на то, будто заплываешь без оглядки в безумно прекрасное, но опасное море.

Теноктрис раздраженно мотнула головой — ей никак не удавалось объяснить этим двоим.

— Это так же бессмысленно, как спрашивать зиму, хочет ли она быть холодной, — сделала она еще одну попытку. — Существуют циклы и силы. И они работают независимо от того, способны мы их понять или нет. Малкар нарастает и спадает, но не они...

Она замолчала и посмотрела на молодых людей.

— Не думаю, что солнце или Малкар сами по себе имеют какие-нибудь желания. Но наверняка я не знаю, так ведь?

И она улыбнулась очаровательной улыбкой. Теноктрис даже в дни ее молодости никто не назвал бы красавицей. Тем не менее смотреть на нее было приятно — как на лист хорошего, качественного пергамента.

— Но зато мне доподлинно известно, — продолжала она, — что сейчас магические силы формируются и существуют точно так же, как в мое время. Те же силы, что погребли в морской пучине Йоль, и вышвырнули меня на берег Хафта. Наверное, это совпадение.

Гаррик нахмурился. Он снова прикоснулся указательным пальцем к медальону и, поймав себя на этом, уныло покачал головой.

— Не знаю, что и думать, — признался он. — И сомневаюсь, стоит ли ломать над этим голову. Наша Барка — место, которое мало меняется, независимо от происходящих событий.

Илна обратила внимание, как напряжен Гаррик. Лицо его казалось вырезанным из тяжелого дуба.

— В конце, я помню, Клубук сидел на своем черном троне, — сказала Теноктрис. — Он настаивал, что это Трон Малкара, буквально — место силы. Но при первом же толчке эта штука развалилась на мелкие кусочки.

— Так Малкар реален? — настойчиво спросила Илна, сохраняя спокойное выражение лица, в то время как в душе чувствовала напряжение, холодное, как морская глубина.

Несколько секунд старая волшебница смотрела на девушку оценивающим взглядом.

— О да, — сказала она наконец. — Малкар реален — так же, как реально солнце. И так же вечен. И я боюсь, что Клубук тоже является частью нашей сегодняшней жизни. Раз Гаррик видит его в снах.

Илна содрогнулась, как будто в этот славный солнечный день на солнце набежала туча. Однако небо сохраняло безоблачную голубизну вплоть до самого горизонта на востоке, а под ним сверкало такое же мирное бирюзовое море.

19

Сотни людей собрались на берегу и на волноломе по поводу отплытия триремы. Больше, чем во время самой оживленной сельскохозяйственной ярмарки. Это и понятно: появление корабля было неожиданностью, и полюбоваться на его отправление заявила вся деревня.

Никогда еще Шарина не чувствовала себя такой одинокой.

— Прошу прощения за тесноту на корабле, — радостно говорил Медер. — Но поверьте, Шарина, никакие наряды в этой глуши недостойны вас. Когда мы прибудем в Валлес, король оденет вас, как полагается знатной леди. Каковой вы и являетесь.

Моряки по сходям доставили последний багаж и спустили его в трюм. По приказу Азеры они внесли большую плетеную корзину Шарины, где находилось одеяло и смена одежды. Стоял теплый солнечный денек, но девушка куталась в плащ, поскольку ее била нервная дрожь.

— Вы счастливица — мы вовремя нашли вас, — продолжал Медер. — Агенты королевы тоже вас разыскивают, и если бы первыми оказались они, вы были бы убиты без промедления.

Шарина избегала Медера с самого первого момента, когда корабль появился у берегов Хафта. Но сейчас, на борту судна, у нее не было выбора. Она разглядывала своего спутника: привлекательный молодой человек, богатый, знатный, к тому же могущественный волшебник. Но почему-то его общество доставляло девушке лишь неудобство.

— Но зачем бы королеве убивать меня? — нахмурилась Шарина. Слова Медера скорее озадачили девушку, чем напугали. Подобное просто не укладывалось в рамки того мира, где жила Шарина. — С какой стати кому бы то ни было хотеть меня убить?

Азера сидела тут же, неподалеку, на складном стуле и что-то писала заостренной палочкой на навощенной табличке. Обычно должностные лица из благородных путешествовали в сопровождении целого штата прислуги, в том числе секретарей. Должно быть, эти люди находились как раз на тех двух триремах, которые затонули во время шторма.

Никто из деревенских друзей не подходил к Шарине. Даже ее семья держалась поодаль: Лора плакала, Райз стоял с каменным лицом. Девушка с надеждой посмотрела на брата, но и здесь

ее ждало разочарование. Напряженная поза юноши, руки, скрещенные за спиной, улыбки через силу скорее были уместны на похоронах.

— О, королева есть воплощение зла, абсолютного зла, Шарина, — пояснил Медер. Похоже, он был удивлен неведением девушки. — Полагаю, живя здесь, в глуши, вы многого не знаете. Но поверьте, она и ее фавориты не остановятся ни перед чем, чтобы не дать возродиться древней королевской династии с Хафта. Вы знаете, что королева не является уроженкой Орнифала? И она колдунья, силой своих чар заставившая короля жениться на себе.

— Но здесь, на Хафте, мы *ничего* не знаем ни о королеве, ни о короле, — возразила Шарина с легким раздражением. Неужели Медер считает, что мир высокой политики, интриг и измен — это единственный способ существования? — Все, что связывает нас с Каркозой, — это сборщики налогов да ежегодный визит священников, принимающих пожертвования в пользу Госпожи и Пастыря.

Большинство членов команды стояло по колено в воде по обе стороны от триремы, готовясь отталкивать ее от берега. Прилив набирал силу, судно должно было отчалить с минуты на минуту. Гребцы заняли уже свои места, готовясь к отплытию.

Кровавые Орлы в своих блестящих доспехах сгрудились вокруг двоих аристократов и Шарины. Их злое присутствие мешало односельчанам девушки подойти к ней попрощаться, хотя, с горечью отметила про себя Шарина, они и не пытались.

— Можете мне поверить, — продолжал свою речь Медер, — королева пойдет на все, чтобы уничтожить вас. Она знает, что именно от вас зависит законность власти короля Валенса. А к нему присоединятся все, за исключением последних отщепенцев.

Но Шарина *не верила* Медеру. Нет, она не думала, что он опустился до открытой лжи — колдун, похоже, симпатизировал ей, по крайней мере, уважал, — просто его взгляд на вещи настолько отличался от ее собственного, что девушка не могла полагаться на суждения молодого аристократа.

— Не вижу, как мое присутствие поможет укрепить власть короля, — произнесла она. — Что я должна для этого делать?

— Что? — удивленно повторил Медер, но тут же удивление на его лице сменилось выражением не то испуга, не то смущения. — Ну, я, конечно, только королевский посланник и не могу сказать наверняка, что он... Каковы его планы.

Прокуратор оторвалась от своих записей и бросила на юного волшебника мрачный взгляд.

— Медер! — резко обратилась она к нему. — Ты должен выполнять обязанности, которые я на тебя возложила. А твоя обещанная трескотня отнюдь к таковым не относится. Я понятно изъясняюсь?

Лицо колдуна потемнело от гнева.

— Да как вы смеете... — начал он.

Но голос его сорвался, когда он увидел, действительно *увидел*, выражение лица Азеры. Вейнер, командир Орлов, предупреждающе положил руки на плечи своих солдат, и они тесным полукругом сомкнулись за спиной юноши. Момент был напряженный. Медер, конечно, являлся аристократом со своими особыми правами, но все же главное назначение Кровавых Орлов — защищать госпожу прокуратора... От любой угрозы.

Медер сдержался — далось ему это нелегко — и поклонился.

— Простите меня, — произнес он тоном искреннего раскаяния. — Вы, несомненно, правы.

Он был всего-навсего молодым человеком, возможно, слишком молодым для тех сил, которыми оперировал. Но достаточно воспитанным, чтобы справиться с собственным высокомерием.

От корабля к ним направился капитан триремы и остановился у солдатского оцепления.

— Госпожа? — обратился он. — Прилив уже в полной силе. Нам надо отправляться, пока он не сменился. В противном случае придется ждать вечера.

— Ты прав, Личнау, — согласилась прокуратор. Она защелкнула кожаные застёжки на своей книжке и поднялась.

— Пойдем, дитя мое, — сказала она Шарине и зашагала к сходам.

Один из солдат схватил капитана Личнау за руку и что-то ему зашептал. Тот возмущенно дернул плечом, но все же подхватил стульчик Азеры и поспешил за ней. За ними последовали остальные солдаты.

Наступала пора прощания. Шарина подбежала к брату и обняла его. Он неловко похлопал девушку по спине. До сих пор они ладили как все братья и сестры — то есть не очень хорошо. Но сейчас ей предстояло уехать, и сердце ее сжималось при мысли, что за ужином рядом с ней уже не будет Гаррика.

— Помни, сестренка, ты будешь представлять нашу родную Барку в столице, — пробормотал Гаррик. — Не заставляй нас краснеть.

Вслед за ним подошел Райз. Он протянул дочери руку, которую та пожала, затем девушка порывисто шагнула к отцу и обняла его.

— Счастливо оставаться, — произнесла она.

Райз улыбнулся своей обычной улыбкой — скупой и холодной.

— И тебе счастливо, Шарина, — сказал он. — Я буду тебе помогать, насколько возможно.

— Поторопись, девушка, — подала голос прокуратор от сходящей.

Медер топтался рядом с Шариной. Он нервно стискивал руки, но, видимо, не хотел мешать ей прощаться с родными.

— Мама? — обратилась девушка к Лоре.

Та смотрела на дочь глазами, полными слез.

— Не делай вид, что считаешь меня матерью! — сказала она. — Я воспитывала тебя, как родную дочь, но сейчас, когда ты собралась в королевский дворец, ты попросту бросаешь меня. Поступаешь со мной, как с прислугой!

Шарина хотела было возразить, но передумала. Она могла осчастливить Лору единственным способом — взять ее с собой в Валлес, а этого Шарине не хотелось, даже если б Азера не возражала.

В результате девушка сжала руку матери и пробормотала:

— Счастливо оставаться, мама.

Она обернулась, чтобы уйти. Лора за ее спиной плакала все громче. Девушка знала, что дело закончится истерикой.

Тем временем толпа у сходящей расступилась, пропуская Ноннуса с копьём на плече. За спиной у него вырисовывался узелок с вещами, на поясе, как всегда, болтался тяжелый нож.

Двое солдат шагнули вперед и закрыли отшельнику путь. Ноннус остановился, и что-то в его позе неуловимо изменилось. Шарина ощутила явственную тревогу.

— Он со мной! — крикнула девушка, оборачиваясь к отшельнику. — Вы должны его пропустить!

Азера, почти уже поднявшаяся на судно, остановилась.

— Не говори глупости! — строго сказала она.

Ноннус безмятежно улыбался. Солдаты стояли неподвижно. Один из них положил было руку на эфес меча, но передумал.

— Или Ноннус поедет со мной, или я остаюсь! — звонким голосом объявила Шарина. — Я не шучу! Вы не сможете удержать меня, если я захочу уйти!

— Я знаю эту девушку дольше, чем вы, госпожа, — произнес отшельник, легко перекрывая ропот толпы. — И верю, что она говорит серьезно.

Азера сжала поручни — как раз там, где был заменен кусочек. Солнце и морская соль еще не успели выбелить дерево в этом месте.

— Хорошо, поднимайся на борт, — решила она. — И поживей!

Шарина зашагала к сходням, сжимая в кулаке край одежды отшельника. За ними последовали Медер и двое из Кровавых Орлов — последние оставшиеся пассажиры.

Шарина услышала голос колдуна:

— Что за странное шествие! Откуда ты явился, крестьянин?

И ответ Ноннуса:

— Я побывал во многих местах, мой юный друг. И если тебе повезет, ты никогда не окажешься там!

КНИГА ВТОРАЯ

1

Кашел держался на расстоянии от остальных зрителей, на южной кромке волнолома, где каменные плиты переходят в траву и береговую гальку. Он тоже смотрел, как команда триремы готовится к отплытию, и плакал.

Все пассажиры были уже на борту. Моряки укрепили на нижней палубе мачту, приколотив ее клиньями к килю, но реи еще отсутствовали. Они скупили все полотно, какое нашлось в Барке, дабы сшить парус взамен того, что изодрал шторм. Правда, использовать главный парус можно было только в хорошую погоду, потому что соответствующие такелаж и рангоут¹ отсутствовали и сохранялась угроза переворачивания длинного узкого судна при сильном лобовом ветре. Поэтому в бурные дни предполагалось поднимать на носу маленький треугольный парус в помощь работающим гребцам.

Гаррик шел по кромке волнолома, направляясь к другу. Поймав взгляд Кашела, он улыбнулся и замахал ему рукой.

Тот махнул в ответ и поспешил утереть слезы тыльной стороной руки. Вообще-то сейчас ему не хотелось никого видеть, поэтому он и встал здесь, в сторонке. Однако Кашел понимал, что убегая от друга, будет выглядеть достаточно глупо.

Капитан на корабле скомандовал: «Товьсь!», и ветер донес его голос до берега, трансформировав почти в птичий крик. По команде сотня моряков, все еще находившихся в воде, взялась за корпус судна и гребную платформу.

¹ Рангоут, рангоутные деревья (*мор.*) — совокупность круглых в сечении деревянных или стальных частей оснащения судна (мачты, стеньги, бушприт и т. д.), предназначенных для постановки парусов, сигнализации и пр.

Барабанщик, сидевший на корме, поджав под себя ноги, начал отбивать ритм по обрубку пустотелого бревна: обычный обтянутый кожей барабан слишком быстро приходил в негодность в пропитанной влагой атмосфере корабля. Моряки принялись толкать трирему от берега, помогая себе ритмичными вскриками. Прибой закипал белой пеной вокруг их колен.

— Прошедшие дни все перепутали в моей голове, — пожаловался Гаррик, подойдя поближе. — Мне кажется: все это происходит не с нами.

— Хорошо бы, — вздохнул Кашел. Глаза юноши снова наполнились слезами, он ничего не мог с этим поделать.

Офицеры, стоя в воде позади матросов, отдавали команды. Прилив уже миновал свой пик, но сложностей с выходом триремы в открытое море не предвиделось. Нос корабля уже освободился, корма мерно колыбалась с каждым толчком. Обшивка днища была черной от смолы, предохраняющей дерево от морской воды.

Остановившись рядом с другом, Гаррик снова обернулся к триреме. Кашел воспользовался моментом, чтобы быстро смахнуть слезы. Хоть и знал: это поможет ненадолго.

Тридцать весел застыли в готовности на носу судна. Один из офицеров стоял тут же, наклонившись вперед и высматривая особо высокие волны, способные приподнять и отбросить корабль обратно на берег. Кашел не был моряком, но как каждый прибрежный житель, знал и уважал опасную силу морской стихии.

Утреннее солнце играло на ярко-красной поверхности верхней части триремы — она казалась огненной полоской на морской глади. Глаз, нарисованный на носу судна, словно бы блестел и подмигивал от оседавшей водяной пыли. Гаррик, наверное, тоже обратил на него внимание, потому что сказал:

— Капитан объяснил мне: этот глаз не для того, чтобы корабль высматривал свой путь, а для отпугивания морских чудовищ.

Из отверстий в корпусе триремы показалась еще дюжина весел. Теперь корабль был почти на плаву. Носовые весла заработали, стараясь удержать его на месте, пока матросы в воде, ухватившись за задние весла, карабкались на борт. После этого ритм барабанного боя изменился.

Группа аристократов вместе со своим эскортом сгрудилась перед мачтой, где они меньше всего мешали команде и гребцам, суетившимся в кормовой части судна. Среди них четко выделя-

лась фигура высокой светловолосой девушки, кутавшейся в зимний плащ.

— Прощай, Шарина! — кричал Гаррик, маша обеими руками над головой. — Счастливого пути!

Он обернулся к Кашелу и произнес:

— Не могу поверить, что Шарина уезжает. Кажется, все это происходит в каком-то другом мире.

Кашел не мог больше сдерживаться и начал рыдать в открытую. Он медленно опустился на колени, как падает бык, пораженный ножом в самое сердце. Пальцы юноши судорожно сомкнулись на посохе, только это удержало его от падения ничком.

— Кашел? — испугался Гаррик. — *Кашел?*

— Оставь меня одного, ладно? — прорычал юноша сквозь слезы. — О Дузи, я так люблю ее! Так люблю!

— Ты любишь Шарину? — потрясенно повторил Гаррик, и Кашел уловил недоверие в голосе друга. — А она знает об этом?

— Нет, никто не знает, — ответил тот. Как ни странно, ему стало легче: боль, высказанная вслух, слегка отступила от сердца. — Даже моя сестра...

Хотя как раз в этом Кашел не был уверен. Иногда Илна читала мысли раньше, чем они успевали сформироваться в его голове.

Он поднялся на ноги. Слезы все еще застилали глаза, но по крайней мере нервная дрожь улеглась. Он снова, похоже, теперь уже в последний раз, протер глаза.

Гаррик деликатно старался не смотреть в его сторону.

— Со мной все в порядке, — пробормотал Кашел, искренне надеясь, что так оно и есть. Холодная пустота пришла на смену бурным эмоциям.

Корабль почти удалился от берега. Весла теперь работали вовсю. Они по очереди поднимались и опускались, наводя на мысль о движущейся сороконожке. Использовалось всего два ряда весел, так как остальные вышли из строя во время шторма, а восстановить их в Барке оказалось невозможно.

— Я и не предполагал, что люди могут испытывать подобные чувства... — задумчиво произнес Гаррик. Он молча шевелил губами, пытаясь подобрать подходящие слова. В конце концов отчаялся и махнул рукой.

— Как в твоих поэмах, да? — горько подсказал Кашел. — Может, в этом моя беда — я наслушался твоих стихов. А любовь просто непрощеная гостья. Она не для таких, как я.

Население Барки было слишком мало, а жизнь слишком на виду, чтобы дети вырастали, ничего не ведая об отношениях между мужчинами и женщинами. Когда какая-нибудь парочка ссорилась, вся деревня слышала, что они кричали друг другу. Жены, как кошки, вцеплялись в волосы соперницам. Мужчины до полусмерти дубасили конкурентов на грязных сельских дворах.

Но ничего удивительного здесь не было. Соседям случалось также ссориться из-за границ владений или пропавших овец. Гнев считался естественным проявлением чувств. Та же пустота, что заполнила Кашела после отъезда Шарины, напоминала разьедавшую душу проказу.

— Ну послушай, она же вернется обратно, — говорил Гаррик, стараясь сохранять бодрый тон. — Знаешь, в последние дни я чувствовал себя довольно странно. Вначале даже думал: это из-за яда морских демонов...

Он слегка похлопал себя по больному колену. Рана уже почти затянулась, хотя рубец еще оставался.

— ...но теперь я боюсь: может, это какая-то лихорадка, и ты тоже подцепил ее?

— Она больше не вернется, — ровным голосом произнес Кашел. Он освободился от печали, взамен нее осталась опустошенность. — И я тоже уеду, Гаррик. Я просто не смогу остаться. Здесь все до конца моих дней будет напоминать о Шарине и ее бегстве.

— Уедешь? — переспросил Гаррик. — Но куда? Послушай, я не понимаю, почему бы Шарине не вернуться обратно. За последние дни столько всего произошло, у нас мозги совершенно сдвинулись. Думаю, дело именно в этом. Постепенно все наладится и встанет на свои места.

— Понятия не имею, куда я поеду и когда, — говорил, будто не слыша друга, Кашел. — Но точно знаю, что здесь не останусь.

Он через силу улыбнулся Гаррику.

— А прямо сейчас я собираюсь вернуться к своим овцам. Мне и так не следовало их оставлять, но уж больно хотелось посмотреть...

Гаррик собирался что-то сказать, но Кашел прервал его.

— Нет, — резко сказал он. — Я не нуждаюсь в компании. Не сегодня.

Он направился в сторону ближнего пастбища, где бродили овцы, лениво пощипывая траву. На полпути он остановился — бросить последний взгляд на море.

Трирема маячила уже на полпути к горизонту. Отдельные фигуры были неразличимы на палубе, но плащ Шарины по-прежнему выделялся ярким голубым пятном.

2

— Три румба¹ на север, — воскликнул высокий молодой офицер, стоявший рядом с Шариной. Лента на его светлых волосах, как и кайма туники, была все того же ярко-алого цвета, выделяя его среди прочих моряков — обильно татуированных, с серьгами в ушах. — Это необходимо сделать, чтобы задействовать главный парус и дать передохнуть гребцам.

Когда корабль лег на курс, команда возвела капитанский мостик под защитой выгнутого ахтерштевня. Затем они построили на палубе легкий навес из лакированного дерева для Азеры и Медера. Он укрывал их от солнца и морских брызг, по крайней мере, при нынешней погоде.

Шарине это сооружение показалось чересчур тесным. В такой день она предпочитала находиться на свежем воздухе, поэтому с легким сердцем отклонила приглашение колдуна присоединиться к ним.

Вообще размеры триремы не располагали к прогулкам по палубе. Кровавые Орлы почти все собрались возле оружейного ящика, расположенного перед мачтой. Пожалуй, на выносной гребной платформе им было бы удобнее, но, будучи людьми сухопутными, они предпочитали держаться подальше от воды. Тем более что платформа, хоть и была выстлана досками, не имела ограждения.

— У нас полная команда, Кизута, — возразил капитан. — Если не придется грести слишком напряженно, люди будут отдыхать по очереди, сохраняя рабочее состояние. А сменить курс на три румба к северу — значит оказаться на три румба ближе к Тегме, чем хотелось бы. А сейчас ступай к кокпиту² и проверь, держатся ли отремонтированные швы.

¹ Румб — направление (от наблюдателя) к точкам видимого горизонта относительно сторон света или угол между двумя такими направлениями. В морской навигации — мера угла окружности горизонта, разделенного на 32 румба.

² Кокпит (*мор.*) — на парусных судах — кормовая часть самой нижней палубы.

Шарина стояла совсем рядом со спорившими офицерами, но они не обращали на нее ни малейшего внимания. Очевидно, пассажиры не входили в сферу их профессиональных забот. Положение моряков на Орнифале — по крайней мере, в среде королевских чиновников — должно быть, очень низкое, подумала девушка.

А что же тогда говорить о статусе крестьян с Хафта? *Да пребудет со мной добрый Пастырь. Да укажет мне путь Госпожа. Мне так одиноко...*

Ноннус удобно расположился на носу судна. Он стоял, откинувшись на поручни и зацепившись одной ногой за ограждение. Освободившимися таким образом руками он подпирал голову. В этой комфортной позе отшельник озирает всю палубу. Встретив взгляд Шарины, слегка улыбнулся и кивнул ей.

Даже при спокойной погоде нос триремы постоянно окатывало брызгами, поскольку из-за тяжелого бронзового тарана¹ судно глубоко ныряло с каждой мало-мальски высокой волны. Водяная пыль хорошим душем обрушивалась на отшельника, блестя на его волосатых руках, оседая на тунике (что, впрочем, никак не вредило тяжелой черной шерсти).

Брызги, похоже, мало мешали Ноннусу. Мыслями он витал, как всегда, где-то далеко, в то же время наблюдая за всем, что происходило на палубе.

Окончив молитву, Шарина направилась к своему другу. Боги могут не услышать ее или же оказаться на стороне ее врагов. Что же касается Ноннуса, то в нем сомневаться не приходилось.

Тем временем спор моряков закончился победой помощника капитана Кизуты.

— Ну хорошо, — сказал капитан. — Ставьте кливер². Хотя после того, что нам встретилось по пути на восток, я бы не стал полагаться даже на него.

Кизута потопал вперед, к правой гребной платформе, на ходу давая команды матросам. Ноннус толчком выпрямился и направился к Шарине. Навстречу ему сквозь толпу Кровавых Орлов пробирались моряки с огромным рулоном кливера. Во избежа-

¹ Таран (мор.) — выступающая вперед подводная часть форштевня, использующаяся для нанесения ударов неприятельским судам.

² Кливвер — косой треугольный парус, который ставится впереди фок-мачты.

ние столкновения с отшельником им приходилось выделывать грациозные пируэты.

Не меньшей помехой передвижению по судну служили нагрудники и шлемы солдат, сложенные на палубе меж скамьями гребцов. Сейчас, в плавании, Кровавые Орлы распахивали в длинных кожаных жилетах и облегченных шлемах, тоже из мягкой кожи. Сухая кожа прилично смягчала удары меча, но размокнув от дождя или морских волн, она превращалась в разбухшую массу, способную защитить не лучше, чем овечий сыр.

В отсутствие серьезной угрозы солдаты держали свое оружие в специальном оружейном сундуке. Несомненно, это выглядело разумным, поскольку в дорожной тесноте легко было выронить копье за борт или ненароком поранить товарища. К тому же ножи и кинжалы то и дело задевали за поручни триремы и другую оснастку, нанося непоправимый вред. Стальные лезвия неминуемо ржавели и портились в пропитанной солью и влагой атмосфере.

Сами Кровавые Орлы предпочитали сидеть на своем длинном сундуке или стоять поблизости — это было единственное место на корабле, где они ощущали свою необходимость. Остановив проходящего мимо Ноннуса, один из солдат спросил, не боится ли старик, что такой тяжелый нож в случае чего утащит его прямо на дно? И предложил тоже поместить его в сундук.

— Я приложу все усилия, чтобы не упасть за борт, — мягко ответил отшельник. Поднявшись на корабль, он сразу же отправил свой дротик в солдатский сундук, но с ножом решил не расставаться. Шарина вообще не помнила, чтобы видела его без ножа, кроме как за молитвой.

Девушка порывисто прижалась к отшельнику, но тут же отстранилась, поймав на себе тяжелый взгляд того самого солдата. Очевидно, его покорило зрелище юной хорошенькой девушки в объятиях старика. Другие Кровавые Орлы строго смотрели на товарища, явно не одобряя его намерения влезть в чужой разговор.

— А мне кажется, такой старик, как ты, легко может оказаться за бортом, если позабудет об уважении к вышестоящим лицам. — Солдат явно лез на рожон. — Я полагаю, твой нож великоват для бритвы. Почему бы тебе не снять его прямо сейчас? А еще лучше: почему бы не выкинуть его за борт?

— Прошу прощения, если чем-то обидел вас, господин, — произнес Ноннус с каменным выражением лица. Он низко скло-

нил голову, но глаза его при этом зорко шныряли по сторонам. Зрелище было неутешительным — повсюду стояли солдаты.

— Найнджир, какого черта ты здесь вытворяешь? — прокричал Вейнер, продираясь сквозь толпу с красным от гнева лицом. Беседуя на палубе с госпожой прокуратором, он углядел назревающий конфликт и поспешил вмешаться.

— Ну, я... — начал оправдываться солдат, не ожидавший такого поворота событий.

— Послушай, ты, молодой дурак! — прорычал командир. — Я хорошо знаю, что такое пьюльские ножи. Для них нет ничего невозможного. Я как-то видел работу этих самых ножей, с которой не справились бы обычные мечи. Поэтому ступай вниз и не возвращайся, пока не составишь полную опись всего багажа на корабле!

— Но мне не на чем писать! — запротестовал солдат.

Офицер ткнул его в грудь указательным пальцем, толстым, как ручка метлы.

— Значит, сними свой жилет и пиши на нем! — не унимался командир. — Или оставайся там, внизу, до тех пор, пока не сгниешь и не порастешь грибами. Мне плевать на это, просто убивайся с глаз долой!

Крики заставили Шарину сжаться в комок, как делает овца во время стрижки. Зато Ноннус стоял непоколебимо, как старый дуб. Он не прикасался к девушке, но его плечо служило такой надежной опорой.

Смертельно побледнев, Найнджир развернулся и пошел к сходному люку на корме. Остальные Кровавые Орлы выпрямились и подтянулись. Те, что сидели на оружейном сундуке, вскочили. Мгновение царила тишина.

— *Проклятый* мальчишка! — бросил Вейнер, не глядя отшельнику в глаза.

— Благодарю вас, мой господин, — произнес Ноннус странно охрипшим голосом. — Видно, Госпожа охраняла меня, раз вы подросли вовремя.

— Да нет, готов поспорить, что Госпожа охраняла дурака Найнджира, — возразил командир Кровавых Орлов и, нахмурившись, добавил: — Я присутствовал на Каменной Стене.

Ноннус спокойно кивнул, но Шарина почувствовала, как его тело снова напряглось.

— Ясное дело, — сказал он. — Вы как раз подходящего возраста.

— Так же как и вы, — парировал Вейнер, глядя на собеседника немигающим взглядом.

— Я, господин, того возраста, — ответил Ноннус, — когда мирно живут в лесной хижине на самом краю света.

Он криво усмехнулся и еще раз повторил с поклоном:

— Большое спасибо вам, что вмешались.

После чего пошел вслед за Шариной на нос триремы.

Пока пассажиры выясняли отношения, моряки поставили кливер, и он сразу же поймал ветер. На холсте четко выделялся алый рисунок акульих челюстей — своего рода вызов или же опознавательный знак.

— Ноннус, что он имел в виду, когда говорил о Каменной Стене? — тихо спросила Шарина.

— Пусть другие расскажут тебе об этом, дитя мое, — ответил отшельник. — Не я.

Он не отрывал взгляда от морских волн. Шарина стояла рядом, не обращая внимания на ветер и брызги. Они долго молчали — пока солнце не склонилось к горизонту на западе. Тогда Ноннус обернулся и прокричал:

— Земля по правому борту!

3

С каменного крыльца мельницы доносился шум. На ткацком станке Илны челнок ходил взад-вперед с той регулярностью, с какой вода капает из отверстия. Девушка нажимала на педали, то бросая челнок вперед, то возвращая его обратно. Через каждые шесть рядов она поднимала перекладину, чтобы отбить жесткую уточную нить.

Кайма представляла собой серый фон с белыми алмазами, окружающий черное поле, на котором белыми нитями Илна выткала созвездия, видимые на небе Барки. Выпуклая Луна с затемненными кратерами была уже почти готова, оставалось только закончить нижнюю кромку.

Девушка использовала шерстяные нити естественного оттенка. Краски казались либо приглушенными по сравнению с яркостью живой природы — птицами, цветами, богатством оттенков солнечного восхода и заката, — либо утерявшими натуральный цвет из-за воздействия солнечного света и отбеливания. Илна

отвергала искусственные красители и с завидным постоянством использовала лишь разные сорта местной хафтской шерсти.

Любой, кто увидел бы возникающий под ее руками рисунок, поразился бы его точности и совершенству. Наверное, ему показалось бы, что все внимание девушки приковано к работе. На самом же деле процесс занимал только руки Илны и малую толику ее мозгов. А внимание было занято тем, что происходило вокруг — в деревне и ее окрестностях. Поэтому она и оказалась первым человеком в Барке, который увидел чужестранцев, двигавшихся по дороге из Каркозы.

Во главе отряда шли четверо вооруженных мужчин крепкого сложения. На них были нагрудники из пропитанного воском холста с металлическими заклепками для дополнительной защиты. Двое из них вели под уздцы навьюченных мулов.

За ними следовал всадник на прекрасной гнедой кобыле. На нем был лиловый бархатный камзол поверх черного шелкового трико. Его изящный меч казался просто украшением на фоне мощного оружия его охранников. Это был упитанный, но не толстый мужчина лет сорока с небольшим — Илна затруднилась точнее определить его возраст. Вполне возможно, богатство помогало ему скрыть следы, которые время оставляет на лице человека.

Вслед за ним ехала женщина, вернее, девушка. Ее светлый мерин выглядел гораздо массивнее, чем высокая, изящная кобыла мужчины. Девушка была одета в атласное сюрко¹, которое сама, очевидно, рассматривала как дорожный костюм. Что же касается Илны, то ей не доводилось видеть ничего более красивого, если не считать платья Теноктрис.

С широкополой шляпы на лицо девушки спускалась вуаль, столь тонкая, что скорее подчеркивала красоту девушки, чем скрывала ее. А незнакомка действительно была прекрасна. Илна не могла не думать об этом, глядя на черные, как смоль, волосы девушки.

Замыкали процессию еще два стражника. Один из них, настороженный, как олень в лесу, постоянно оглядывался через плечо назад.

Илна вставила на место нить, которую только что связала, и поднялась с места. Чужестранцы направились на постоянный двор.

¹ Сюрко — элемент средневекового костюма, представлявший собой длинную безрукавку из плотной ткани с разрезами по бокам.

Где-то залаяли собаки, кобыла отозвалась негромким ржанием, оповестив всю деревню о новом необычном событии. Илна пересекла соседний двор и вошла в заднюю дверь постоянного двора.

— Райз! — позвала она. — К тебе богатые гости.

Лора, все еще с красными от слез глазами, вышла из кухни. Она продолжала оплакивать — вот только что: дочь или свою гордость? Хотя справедливости ради надо отметить: всю жизнь, сколько Илна помнила, Лора души не чаяла в Шарине, а сыном попросту пренебрегала. Уже одного этого было достаточно, чтоб Илна недолюбливала Лору. А сюда еще надо добавить несносные жеманные манеры бывшей придворной дамы и бесконечные громогласные жалобы на все, что не касалось ее дочери!

И вот теперь выяснилось, что Шарина на самом деле дочь графа и графини. Это еще больше укрепило Лору в ее жизненной позиции, а Илну — в презрении к жене Райза.

— Что, корабль вернулся? — спросила Лора.

— Нет, — довольно резко ответила девушка, выходя на переднее крыльцо.

Райз поставил на землю ведро, которое он только что достал из колодца, и посмотрел на странников, входивших на постоянный двор.

Теперь, когда отряд благополучно достиг деревни, мужчина-всадник ехал во главе процессии.

— Чем могу помочь вам, мой господин? — обратился к нему Райз. — Меня зовут Райз ор-Лавер, я хозяин постоянного двора.

— Я — Бенлоу ор-Виллет, — представился мужчина. У него был приятный, мелодичный голос, в котором чувствовался чужестранный акцент. — Мне потребуются покои для меня и моей дочери Лианы, а также жилье для моих шестерых помощников.

— Разумеется, господин, — откликнулся Райз. — Разрешите узнать, как долго вы планируете у нас пробыть, чтобы я смог запастись провизией.

Бенлоу спешился и поморщился, когда его ноги коснулись земли. Упряжь лошадей была покрыта пылью, перемешанной с потом. Стражники, даром что крепкие ребята в хорошей форме, тоже выглядели уставшими. В отношении девушки вообще трудно было что-то сказать: слишком хорошо она владела собой. Но морщинки, залегшие у глаз и рта, свидетельствовали о крайнем утомлении. Илна невольно прикинула, сколько же миль они прошли со времени последней остановки.

— Не могу сказать точно, — ответил Бенлоу. — Полагаю, несколько дней. Это зависит от того, сколько дней займут у меня дела. Я купец, в Каркозе у меня корабль, который я хотел бы загрузить вашими хафтскими овцами.

Один из стражников принял уздечку у Бенлоу, другой снял с седла Лиану, хотя, похоже, она вполне могла обойтись и без его помощи. Еще двое слуг разгружали поклажу с мулов. Вошедший с улицы Гаррик повел лошадей в конюшню.

Большинство деревенских мужчин и часть женщин в это время дня были в поле. Остальные при виде маленького каравана побросали свои домашние дела и пришли поглазеть на чужестранцев. Правда, такого ажиотажа, как на прошлой неделе, уже не было. Отправление корабля затмило нынешнее событие.

— Но сейчас еще не сезон для продажи овец, господин, — подал голос Катчин, вместе с другими односельчанами поспешивший на постоянный двор. Он сменил рабочую одежду на свежую тунуку с атласной каймой, хотя ноги были по-прежнему засыпаны мукой, и он безуспешно пытался справиться со сложной застежкой пояса. — Я Катчин ор-Келдан, графский бейлиф. Я постараюсь помочь вам в вашем деле так, чтобы соблюсти долговременную выгоду деревни.

Бенлоу обернулся. С покровительственной мягкостью, которая выглядела почище открытого пренебрежения, он произнес:

— Благодарю вас, бейлиф. Уверен, мои желания не вступят в противоречие с вашими обязанностями. Я представляю богатого покупателя из Сандраккана, который хотел бы улучшить свое стадо вашей хафтской породой. Он желает сейчас, пока еще есть время, перевести овец на новые пастбища. Вот почему я приехал весной, а не в традиционное осеннее время.

Закончив свою речь, Бенлоу оглядел постоянный двор, заполненный деревенскими зеваками. Взгляд его упал на Гаррика, уже разместившего лошадей в конюшне и вернувшегося за мулами. И хотя это продолжалось всего мгновение, что-то внутри Илны напряглось и приготовилось к неприятностям. По сути, ничего странного во внимании чужестранца не было: Гаррик, благодаря своей внешности и манерам, выделялся из окружающей толпы. Но уж больно цепким и расчетливым казался взгляд пришлого купца!

— Мне также понадобится крепкий парень из местных, чтобы перегнать стадо в Каркозу, — добавил Бенлоу, чем только укрепил

подозрения Илны. — Но все это позже. А сейчас, Райз, распорядись зажарить для нас нескольких цыплят и принести горячей воды, чтобы я и моя дочь могли освежиться с дороги. А после этого, бейлиф, я готов встретиться с вами и обсудить дела.

Купец с дочерью проследовали в дом, за ними шел Райз с ведром воды.

— Лора, — крикнул он жене, — нам нужна пара цыплят!

— Я позабочусь об этом, Райз, — вызвалась Илна.

С отъездом Шарины на постоялом дворе чувствовалась нехватка рабочих рук, так что помощь Илны была весьма кстати. Ей же, в свою очередь, отнюдь не помешают лишние деньги. Так сказать, взаимовыгодное сотрудничество.

Илна наблюдала за дочерью купца. Та окинула беглым взглядом толпу, собравшуюся во дворе, но, видно, посчитала жителей Барки малоинтересным объектом для изучения. Во всяком случае, Лиана удалилась с непроницаемым лицом, не оглядываясь и не задерживаясь ни на минуту.

Да уж, сочувствия и интереса в этой девушке было не больше, чем в каменных статуях Госпожи, которые доводилось видеть Ильне. Но что касается красоты, то здесь надо отдать ей должное: ни одна самая прекрасная статуя не могла сравниться с холодной незнакомкой, заявившейся в их родную деревушку.

4

Это был безымянный остров. Во время прилива он и вовсе терялся в морских волнах. Шарина с трудом разглядела полоску суши, даже когда Ноннус указал на нее. После недавнего шторма побережье выглядело безжизненным, хотя кое-где, с подветренной стороны холмов, сохранились пучки травы, а на пляже валялся ствол кокосовой пальмы, вырванный с корнем. Моряки тут же принялись рубить его на дрова.

Вдоль берега тянулась узкая полоска песка, намытого за столетия морскими течениями. Сейчас на нем покоилась многострадальная трирема. На востоке у горизонта виднелись верхушки коралловых рифов, которым те же течения придали причудливую форму грибов.

— Как я соскучилась по земле, — вздохнула Шарина, с видимым удовольствием зарываясь пальцами ног в песок. Она и

впрямь была рада снова обрести твердую почву под ногами. Раскинув руки, девушка, как ребенок, закружилась на месте. — И как прекрасно снова иметь возможность двигаться без страха!

— На самом деле на триреме так тесно, что можно вертеться туда-сюда без боязни упасть, — улыбнулся отшельник. — Находиться на таком корабле все равно что в храме во время службы.

— Шарина! — окликнул девушку Медер. Группа матросов возводила палатку, используя кучи песка для укрепления ее стенок. Азера с чародеем стояли неподалеку, наблюдая за их работой. Тут же топтался моряк с двумя живыми цыплятами на руках. — Идите к нам! Я собираюсь вызывать нужный ветер на утро, а вы сможете помочь мне.

Девушка посмотрела на своего наставника. Тот незаметно кивнул, и Шарина откликнулась:

— Сейчас иду! — И зашагала в сторону вельмож.

Кровавые Орлы уже выгрузили на берег свои пожитки: оружие и пеструю коллекцию пледов и одеял, приобретенных в Барке по ценам, которые еще долго будут вспоминать старожилы. Теперь они под надзором Вейнера устраивали свой лагерь неподалеку от палатки. В большинстве своем солдаты были рады снова оказаться на суше, хотя самые старые из них, похоже, переносили плавание не хуже профессиональных моряков.

— Мы проведем ритуал внутри, — Медер говорил с тем горячим энтузиазмом, который охватывал его всякий раз, когда дело касалось колдовства. — Лучше пусть непосвященные мужланы видят поменьше. А то еще им придет в голову попробовать поколдовать самостоятельно... Хотя риск невелик, неизвестно, к каким последствиям это может привести.

— А что мне надо делать? — спросила Шарина, желая как можно меньше времени провести рядом с Медером. Уж больно беспокойно ей было в обществе этих двоих. Чего стоил оценивающий взгляд Азеры: так смотрит крестьянин, решая, какое из животных забить перед голодной зимой. Однако Шарину позвали помочь. Что ж, если у волшебника есть для нее дело, она поскорее сделает его — так, как дома скребла горшки и прислуживала посетителям за столом.

— Сейчас мы перережем горло одной из птичек, — пояснил Медер, — и я нарисую круг ее кровью. Затем...

— Это обязательно делать в палатке? — перебила его Азера. — Я планировала сегодня ночью там спать.

— У нас хватает людей, чтобы перенести ее на новое место, когда все будет закончено, — парировал колдун. — К тому же кровь будет только на песке. Вы ведь не хотите, чтобы какой-нибудь фигляр случайно вызвал молнию?

Азера покривилась, но вынуждена была согласиться.

— Так вот, Шарина, — вернулся к разговору Медер. — Когда я скажу вам, перережете горло...

— Нет! — резко возразила девушка.

— ...одной из птиц. — Тут он остановился и удивленно переспросил: — Что вы сказали?

— Нет, — повторила Шарина. — Я не стану этого делать. Пусть кто-нибудь другой вам помогает!

— Но ты ведь наверняка убивала птиц и раньше, моя девочка? — удивилась Азера. Она нахмурилась, и лучи закатного солнца сделали ее морщины еще глубже.

— Я убила их сотни, если не больше, — ровным голосом произнесла Шарина. — Для еды. Но мне не нравится колдовство, и я не хочу в этом участвовать.

Она развернулась и зашагала прочь. Ее била дрожь.

— Я не понимаю! — крикнул ей вслед Медер.

Шарина тоже не понимала. Всю жизнь у нее по двору бегали цыплята. Она так привыкла к этому, что не обращала на них внимания. Глупые, вздорные, но необходимые животные. Самым лучшим в цыплятах был их вкус в зажаренном виде. Ей не раз приходилось сворачивать птице голову, потрошить кухонным ножом, а затем ошипывать менее чем за минуту.

Однако необходимость зарезать животное ради того, чтобы просто пролить его кровь, почему-то вызывала у Шарины дурноту, и мурашки бежали по коже. И ее совершенно не волновало, в какую сторону будет дуть ветер завтра поутру.

Наконец взгляд девушки сфокусировался. Она очнулась в самой гуще Кровавых Орлов. Найнджир протянул было к ней руку, но Вейнер молча показал ему кулак.

Ноннус издалека наблюдал за этой сценой, но, очевидно, пока не собирался вмешиваться. Девушка оглянулась и увидела, как Азера с волшебником входят в палатку. Моряк с цыпленком в руках ждал у входа. Отшельник спокойно отдыхал на берегу.

Шарина внезапно разозлилась. Неужели она была ребенком и нуждалась в защите от этого малышишки-недомерка, которого могла переломить о колено?

Девушка понимала, что реакция ее неадекватна — просто следствие инстинктивного отвращения к кровавой магии Медера, — но ничего не могла с собой поделать. Она снова взглянула на Ноннуса, затем обернулась к командиру Кровавых Орлов и громко произнесла:

— Полагаю, вас звать Вейнер? Я хотела бы задать вам несколько вопросов наедине.

Найнджир хихикнул, но под строгим взглядом командира сделал вид, что закашлялся. Вейнер отвечал с непроницаемым лицом:

— Как угодно, госпожа. Думаю, если мы станем с подветренной стороны, то нас никто не увидит. И в то же время мы будем на виду, чтоб не давать пищу пересудам.

Шарина кивнула и быстрым шагом направилась к границам разбросанной стоянки. Она обернулась: Ноннус наблюдал за ней издали, не делая попытки приблизиться.

— Здесь уже хорошо, госпожа, — сказал Вейнер. Он повернулся так, что они оба стояли в профиль к остальным в лагере, затем отступил на шаг от воды. В отличие от Шарины, солдат берег свои ботинки, не желая мочить их в приливной волне. — Так что вам от меня надо?

— Вы упомянули Каменную Стену, — произнесла девушка. Ее гнев уже улегся, на его место пришла нерешительность. Она сомневалась, правильно ли поступает, но тем не менее продолжала: — Я знаю, что там двадцать лет назад произошло сражение, в котором король Валенс победил графа Сандракканского. Но вы-то в разговоре с Ноннусом имели в виду что-то совсем другое. *Что* именно?

— Э... — замялся Вейнер. — А вы спрашивали его, госпожа?

— Я спрашиваю вас, — отрезала Шарина. — Или вы хотите, чтобы прокуратор отдала приказ говорить? Это можно устроить!

Вейнер бросил взгляд на сидевшего в пятидесяти футах отшельника. Тот кивнул с безразличным видом. Эмоций в нем было не больше, чем в коралловом рифе, поднимавшемся из моря.

— Ну хорошо, госпожа, — решился Вейнер. — Я расскажу, потому что считаю, вы имеете право знать. Сразу хочу отметить: в настоящий момент на троне сидит король Валенс, а не сандракканский узурпатор, только благодаря действиям пьюльских наемников в тот далекий день. И, кстати сказать, мы с вами сейчас имеем возможность беседовать тоже благодаря им.

Он снял свой кожаный шлем и вытер платком вспотевший, несмотря на прохладную погоду, лоб.

— Дело в том, — рассказывал Вейнер, искоса поглядывая на набегающие волны, — что у графа была мощная кавалерия. Мы же не имели возможности доставить лошадей за две сотни миль морем. Не говоря уж о том, что гористый Орнифал вообще неподходящее место для лошадей. Пехоты у Сандраккана было немного, вся его сила заключалась в конных отрядах. И именно с ними нам предстояло сразиться, чтобы в корне подавить восстание.

Раздался какой-то всплеск на мелководье — должно быть, выпрыгнула крупная рыба или тюлень. Вообще говоря, тюлени являлись редкостью в здешних теплых водах. Места их обитания располагались к северу от основного архипелага, где тысячные стада их резвились и размножались у скалистых островов Внешнего Моря.

— Итак, Валенс, — продолжал Вейнер, — вернее, его генералы — он-то сам тогда был мальчишкой, едва севшим на трон... Так вот, его генералы наняли банду пьюльских наемников, чтобы поддержать нашу атаку на правом фланге против сандаракканской кавалерии. Эти дикари не носили тяжелых доспехов, так что могли прыгать там и сям на манер зайцев со своими дротиками и длиннющими ножами. План был таков: наемники проникают в ряды сандаракканских всадников и калечат их лошадей. Сделать это несложно — достаточно перерезать у животного подколенное сухожилие, и вот, пожалуйста: вся кавалерия выведена из строя. То есть *нам-то* подобное казалось чистым самоубийством, но пьюльцы, похоже, придерживались другого мнения. Они считали такое мероприятие не более рискованным, чем традиционная охота на тюленей в штормовом море.

Офицер закашлялся и сплюнул. Шарина с новым чувством посмотрела на сидевшего на корточках отшельника. Представила, каково это — видеть несущегося на тебя тяжелого всадника... Бр-р-р! Хотя если ты достаточно смел и проворен, чтоб поднырнуть под удар и успеть подрезать бабки коню... тем самым ножом, которым ее друг легко расщеплял ствол дерева — Шарине не раз доводилось видеть подобное.

Если вы можете все это проделать, то никакой кавалерии не прорваться сквозь вас. Сотня таких как Ноннус способна положить на поле боя отряд лучших кавалеристов.

— Понятно, — сказала Шарина. Ей действительно многое стало ясным.

— Но все пошло не так, как мы полагали, госпожа, — вздохнул Вейнер. — Мятежники стояли большим лагерем, вдвое больше нашего, хотя армии не сильно отличались по численности. Не забывайте, они были у себя дома, поэтому привели с собой слуг, жен, а многие — и целые семьи. Там возник целый город, обнесенный палисадом. Так же, как у нас... Только у графа были еще чародеи. И вот, когда обе армии сошлись на равнине, эти колдуны поднялись на стену и начали совершать жертвоприношения... вот как делает сейчас этот молодой парнишка...

Вейнер быстро ткнул пальцем в направлении палатки, но оглянуться не решился.

— ...и вызвали землетрясение. Оборона на правом крыле была смята, теперь кавалерия перла на нас, в центр, туда, где стоял король. И никто не обращал внимания на стоявший в стороне отряд охотников на тюленей.

— И тогда пьюльцы атаковали кавалерию с тыла? — догадалась Шарина. Девушка читала героические романы, так что могла рассуждать о засадах и флангах, пусть даже и не видела ни одного солдата до прибытия в Барку Кровавых Орлов.

Вейнер покачал головой.

— Это не помогло бы, — сказал он. — Пьюльцев было слишком мало. Видите ли, нападать с тыла — это не то же самое, что врезаться в лоб атаки. Нет, они форсировали вражеские стены, прыгая, как козлы, по горным склонам. Сандракканские слуги попытались оборонять лагерь, но их сопротивление для пьюльских наемников с ножами было что слону дробина.

— Они убили колдунов? — предположила Шарина.

Вейнер пожал плечами. Лицо его при этом напоминало маску смерти.

— Думаю, да, — сказал он. — Но было поздно: те уже сделали свое дело. Нет, госпожа, им досталась худшая миссия — убивать женщин и детей прямо на стенах, где стояли перед этим чародеи. Они так и делали: перерезали им глотки и сбрасывали трупы вниз, на кучи жертвенных животных — овец и цыплят.

— О! Ясно, — пробормотала девушка. Она стояла, глядя на море — не на Вейнера и в особенности не на отшельника. Пошло немало времени, прежде чем ей удалось совладать с собой.

— Так или иначе, но мятежники сломались, — закончил свой рассказ командир Кровавых Орлов. — Они развернулись и помчались в лагерь спасать свои семьи. А мы гнались за ними и разили в спину. Это уже была не битва, а обыкновенная бойня... И мы убивали их, пока не устали.

— Спасибо вам за то, что рассказали.

— Госпожа, они вынуждены были это сделать, — произнес Вейнер. Он прижал кулаки к глазам, как бы желая прогнать воспоминания двадцатилетней давности. — Если бы не те пьюльцы, мы все бы умерли. И король Валенс вместе с нами. Мы выстояли, но битву выиграли пьюльские наемники.

Губы его сжались в твердую линию, старый солдат горестно качал головой.

— Меня мучит одна картина, которую я никак не могу позабыть, — признался он хриплым шепотом. — Я много раз молился Госпоже, но это воспоминание и поныне со мной, оно оживает всякий раз, когда я вижу светлые волосы, как у вас. Там была одна девочка лет трех, с такими же волосенками. Совсем-совсем беленькая... Так вот, пьюлец поднял ее за эти волосы и на весу перерезал горло своим огромным ножом. Кровь хлынула фонтаном, госпожа, а он размахивал головой в воздухе и смеялся. Смеялся, пока детское тельце падало вниз со стены... Я до сих пор не могу забыть этот смех!

— Думаю, сейчас он уже не смеется, — произнесла Шарина. Она развернулась и пошла к Ноннусу. Своему защитнику.

5

Женщины в самых пышных своих нарядах заправили весь общий зал на постоялом дворе. Сами они не пили. Зато несколькими мужчинам, возжелавшим пропустить по кружечке эля, пришлось преодолевать море юбок, узорчатых фартуков и кружевных шалей, чтобы добраться до стойки, за которой стоял Гаррик. Юноша не мог припомнить другого вечера, когда здесь собралось бы столько праздной публики и столь мало покупателей. Даже шестеро охранников купца поспешили выйти вон, как только завершили свой ужин.

Тилузина, жена Ревана, громко смеялась и колотила по столу своим веером. Ее дочь Хила тоже хохотала в подражание матери (причем, на взгляд Гаррика, еще более омерзительно) и размахивала в воздухе указательным пальцем. Судя по всему, в семье был всего

один веер — из бронзовых пластинок с выгравированным рисунком графского дворца в Каркозе — скорее всего, свадебный подарок.

По лестнице спускалась Лиана. Она сменила свою коричневую тунику на такую же голубую — из плотного материала с атласным воротником.

Женщины на мгновение прервали свои разговоры, при этом сидевшие встали, а те, что уже стояли, — замерли в напряжении. Шуршащий звук накрахмаленных многослойных нарядов почему-то наводил на мысль о вечерней суете в курятнике.

Лиана осторожно ступила в зал, будто в любую минуту кто-то мог выпрыгнуть на нее из-за портьеры. На лице ее застыла кислая мина, как у человека, только что хлебнувшего уксуса. Женщины тут же возобновили оживленную беседу, хотя было очевидно, что никто не слушал и не мог услышать друг друга. Тиары, шпильки и кольца снова пришли в движение. Фальшивые драгоценности и граненый металл призваны были играть на свету и поражать воображение чужестранки.

Появление Лианы стало своего рода событием в жизни деревни: до сих пор ни одна столичная красotka не показывалась в Барке. Конечно, Азера тоже была знатной дамой, но она скорее напугала, чем ослепила местных модниц. К тому же ее наряд казался слишком официальным: бежевое шелковое платье строгого покроя, спускавшееся до середины икр, на талии стягивалось широким коричневым кушаком.

Лиана же в некотором смысле воплощала мечту деревенских женщин. Каждая из них могла вообразить себя на месте девушки — если бы, конечно, они были молоды, прекрасны и обладали богатством, превышавшим все суммарные сокровища Барки.

— Кабатчик? — обратилась посетительница к Гаррику. При этом она повысила голос, чтобы перекрыть бессмысленную трескотню в комнате. Но случилось так, что все женщины разом умолкли, стоило девушке открыть рот. Так что ее одинокий возглас прозвучал пронзительным криком охотника, сзывающего своих гончих.

Лиана смутилась, краска залила ее щеки, но девушка быстро взяла себя в руки и продолжила уже обычным тоном:

— Я читаю в своей комнате и хотела бы получить еще свечей. Если можно, восковых.

— Простите, госпожа, — пробормотал Гаррик. — Обычно они у нас есть. Но за последние два дня в связи с визитом королевского прокуратора израсходованы восковые свечи во всей дерев-

не. Боюсь, придется удовольствоваться масляными лампами или макаными свечами.

— Ну, давайте что есть, — вздохнула Лиана. Она смотрела только на юношу, лишая местных сплетниц возможности вступить с нею в беседу.

Свечи хранились в шкафу под лестницей. Чтобы достать их, Гаррику пришлось обогнуть девушку, при этом он постоянно ощущал на себе ее взгляд.

— А что вы читаете, госпожа? — поинтересовался он, роясь в шкафу.

— Стихи, — со скукой в голосе ответила Лиана. — Древнего автора по имени Ригал, если вам это о чем-то говорит.

Гаррик наконец отыскал шесть свечей. Фитили их не были обрезаны. Они так и болтались попарно, как их отлили.

Юноша с улыбкой обернулся к Лиане и процитировал:

*И к Госпоже, и к Пастырю взываю неустанно!
О чем просить славнейшему из славных Сандраккана,
Владыке Островов, на чьем челе — сиянье дня?
Да только об одном: пусть сын во всем затмит меня!*¹

Лицо девушки изменилось с той стремительностью, с какой лед по весне соскальзывает с крыш.

— Вы знаете Ригала! — воскликнула она. — Вы *цитируете* Ригала! О Госпожа, ты услышала мои молитвы.

Женская компания подалась вперед и снова возбужденно загудела. От неожиданности Лиана отскочила на ступеньку лестницы. Гаррик, удивленный и напуганный, инстинктивно передвинулся так, чтобы быть между гостьей и своими односельчанками. Назревала легкая давка: задние напирали на передних, и все вместе почти наступали юноше на пятки. Как только чужестранка вступила в контакт с представителем местного общества, она стала желанной добычей для всех остальных.

— Сейчас же прекратите! — крикнул Гаррик. — Дузи победи эту толпу бестолочи! Неужели вас не волнует, что о вас подают чужестранцы?

Из кухни появился Райз. Руки его были по локоть мокрыми — должно быть, он омыл их у колодца после того, как заложил сено лошадям и мулам.

¹ Перевод Э. Байгильдеевой.

— Что здесь происходит? — резко спросил он у сына.

— Хозяин? — прервала его Лиана ледяным тоном. — Могу я попросить вашего слугу сопроводить меня с фонарем на прогулку по берегу? Я, естественно, оплачу ему это время. И уверяю вас, мы все время будем освещены — мне совсем не улыбается давать пищу для пересудов сельским сплетницам.

— Я управлюсь с посетителями, Гаррик, — произнес Райз. Он окинул взглядом расфуфыренное общество и добавил: — Даже с такими, как эти.

Затем обернулся к Лиане:

— Если мой сын Гаррик решит прогуляться с вами по берегу, я буду только рад за него. Но поверьте, это не тот случай, когда я стал бы командовать своими детьми.

И поклонился.

— Почту за честь, — неловко произнес Гаррик и добавил: — Отец... Господин купец все еще на мельнице, с Катчином? Вы известите его, куда мы пошли, когда он вернется?

Райз кивнул в ответ. К своему удивлению, Гаррик обнаружил, что отец почти *улыбается*.

Лиана вприпрыжку побежала вверх по лестнице. Женщины потянулись прочь из зала под безжалостным взглядом Райза. Некоторые громко разговаривали, другие стыдливо прятали глаза. Все выглядели смущенными.

Гаррик понял, что идея покрасоваться перед столичной гостей была совместным решением. Он лишний раз убедился в правоте доктрины: поведение любого животного (и человека в том числе) в стаде является ухудшенной версией его индивидуального поведения. В данном случае — *ее* поведения. Жительницы Барки выставили себя в дурацком свете и теперь, с помощью Райза, осознали этот печальный факт.

Ну что ж, по крайней мере, никто не умер, подумал Гаррик. А такое случается, если идеи посещают коллективный мужской разум.

Он также отметил, что среди посетительниц не было Илны — единственной девушки в деревне, которая могла бы поспорить умом и красотой с чужестранкой. Илна ор-Кенсет, самостоятельная и независимая, вряд ли окажется, даже случайно, в толпе дураков.

Лиана вернулась с фонарем (окошки стеклянные, не слюдяные!) и длинным шерстяным плащом красного цвета.

— Как вы думаете, он мне понадобится? — спросила она у Гаррика.

Тот только пожал плечами.

— Возьмите на всякий случай, — сказал он. — А я понесу его, если окажется слишком тепло.

Он и впрямь понятия не имел, каково девушке будет на морском ветерке. Сам он рад был освежиться после вечера, проведенного в душном зале в обществе чересчур нервных дам.

Гаррик откинул медную крышку фонаря и отрезал нужный кусок свечи ножом, который болтался у него на поясе в кожаных ножнах. Установил свечу в трезубую подставку и запалил ее с помощью лучины из очага.

Райз, который в этот момент нацеживал кувшин зля для мужа Гилзани, оторвался от своего занятия и кивнул сыну. Гаррик не был уверен, но впервые ему показалось, что на отцовском лице написан не гнев, а какое-то подобие грусти... Ну точно, грусть!

Юноша отворил дверь, ведущую к морю, и с поклоном пропустил Лиану вперед. Хотя прилив еще не набрал полной силы, с берега доносился его приглушенный рокот. Гаррик предложил своей спутнице руку и стал спускаться с ней по довольно крутому склону к морю. При этом он шел на полшага впереди, чтоб поддержать девушку, если она поскользнется.

— О, слава богине! — воскликнула Лиана, спустившись наконец на пляж. Она сняла плащ и совсем по-ребячески стала крутить его над головой. — У меня было такое чувство, как будто эти женщины *душат* меня. Как вы можете выносить подобное, Гаррик?

— Ну, они не всегда такие, — заступился за своих соседок юноша. — И вы не совсем правильно ставите вопрос, госпожа. Не забывают, я ведь один из них.

— Давайте договоримся: вы Гаррик, а я Лиана! Хорошо?

— Хорошо, Лиана, — улыбнулся юноша.

Она говорила с ним таким тоном, каким взрослый втолковывает что-то ребенку. Тут она была похожа на его отца, считала: ее дело приказывать, его — повиноваться, а не спорить.

Молодые люди медленно брели вдоль берега. Гаррик нес фонарь между собой и девушкой. Свет падал на песок под их ногами, а лица оставались в тени, если не считать редких отблесков сквозь прорези в крышке фонаря. Песок и галька громко хрустели под сандалиями Лианы. Когда она спускалась за свечами, на ней были расшитые блестками тапочки. Гаррик подивился, как это она успела так быстро поменять обувь.

— Итак, вы читали других поэтов, Гаррик? — спросила девушка.

— Конечно, — мягко усмехнулся юноша. Ему льстило, что такая красивая девушка, как Лиана, заинтересовалась им. — Вардана, Кострадина... На самом деле почти всех древних поэтов: Келондрия, Хитума, Маремн, Бэйрона...

Лиана хихикнула.

— А нам в Академии для девушек под патронажем госпожи Гудеа не разрешали читать Маремн, — призналась она. — Хотя, конечно, в каждой комнате имелись копии его произведений. Если бы мы так усердно изучали Ригала, я бы, наверное, тоже могла его цитировать...

— Ну, это всего-навсего отрывок, — с напускной скромностью сказал Гаррик. На самом деле юношу просто распирало от гордости, что он сумел выудить из памяти хоть *что-то* из Ригала. — А мой любимый автор — Келондрий. Он потрясающе описывает жизнь пастухов — такой, какой она должна быть в его понимании. Наверное, так жили в Золотом Веке, еще до Малкара.

Хотя они шли не спеша, вскоре показался конец волнолома. Здесь становилось совсем темно: поблизости стояло всего несколько домишек, чьи хозяева, очевидно, экономили на освещении. Теперь фонарь являлся единственным свидетельством человеческого присутствия.

— Где вы обучались, Гаррик? — спросила Лиана. — В Каркозе? Признаться, я удивлена качеством их образования. Мне этот городок показался такой же сельской глубинкой, как и ваша Барка.

— Меня и мою сестру учил отец, — ответил юноша. Он захватил с собой запасные свечи и сейчас подумал, что надо бы заменить огарок в фонаре, иначе скоро они погрузятся в полную темноту. — Он родился на Орнифале. А вы тоже с Орнифала, госпо...

Она шлепнула его по руке.

— Простите, Лиана, — поправился Гаррик. — Мне кажется, нам пора поворачивать обратно.

— Мы с Сандраккана, — сообщила девушка. — Но я посещала школу в Валлесе на Орнифале. Госпожи Гудеа, как я уже вам сказала.

Она резко развернулась. Когда Гаррик хотел обойти ее, чтобы держать фонарь в левой руке между ними, Лиана поймала его за запястье и заставила остановиться.

— Знаете, Гаррик, в Каркозе женщины до сих пор носят то, что было модно в Валлесе десять лет назад, — пожаловалась она. — Все люди глазят на меня, как будто я — Госпожа, которая пришла спасти их. Шагу нельзя ступить, чтобы кто-нибудь не принялся расспрашивать меня о моей одежде или пытаться копировать ее. Я уже стараюсь не глядеть людям в глаза, не вступать в разговоры. Просто ужасно! Я постоянно ощущаю себя в клетке! И теперь здесь тоже...

— А зачем вы сюда приехали? — довольно грубо спросил Гаррик. — Если мода — единственно важная для вас вещь, то вам следовало оставаться в Валлесе.

Это ведь был его народ! Конечно, они простые крестьяне из глубинки и выглядели сущими клоунами для такой девушки, как Лиана. Особенно когда пытались блеснуть своими нарядами. Ну и что ж из того! Он ведь не ездит в Валлес насмехаться над его жителями, которые понятия не имеют о том, как стричь овец!

В своем гневе Гаррик не сразу понял, что звук, который он слышит, — это плач. Девушка горько рыдала, уткнувшись в ладошки.

— Госпожа? — растерялся юноша. — Лиана, я не хотел...

Что говорить дальше, он понятия не имел. И вообще был потрясен не меньше, чем когда морской демон внезапно цапнул его за ногу.

— Все в порядке, — отозвалась Лиана. Она и впрямь прекратила плакать и высморкалась в платочек, который достала из рукава. — Давайте постоим здесь минутку. Я не хочу возвращаться в таком виде — уродиной с покрасневшими глазами.

— Вот уж не думаю, что вы будете выглядеть уродиной, даже если натрете все лицо сажей, — возразил Гаррик, пытаясь помочь Лиане восстановить самообладание. — И уж, конечно, никто в этой деревне не обратит на подобные мелочи внимания.

Он махнул фонарем в сторону Барки.

— Сегодня утром здесь стоял военный трехпалубный корабль, и вы думаете, это так уж впечатлило людей?

— Вы имеете в виду женщин? — улыбнулась Лиана.

— Нет, Лиана, не только женщин, — рассмеялся Гаррик. — Отнюдь не их одних.

Молодые люди медленно пошли обратно.

— Честно говоря, не знаю, почему я здесь, Гаррик, — тихо сказала девушка. — Восемь месяцев назад явились солдаты и

забрали меня из школы. Без всяких объяснений перевели в монастырь Святой Госпожи в Валлесе. Мне не причиняли никакого... физического вреда. Просто я не могла покидать свою комнату иначе, как в сопровождении одной из Дочерей. И мне было запрещено с кем-либо разговаривать. Через несколько недель приехал мой отец и объявил, что я должна отправиться с ним.

— Простите меня, если я сказал что-то не то, Лиана, — искренне извинился Гаррик.

— Просто я ужасно напугана, — шепотом сказала девушка. — Я больше не узнаю своего отца! И не понимаю, что происходит... Мне так одиноко!

Гаррик совсем уж было собрался сказать, что тоже чувствует себя одиноко в последнюю неделю, когда в Барке начали происходить странные события. Но затем передумал.

Юноша ощутил вдруг вес гладкого медальона на груди, и где-то на задворках его сознания раздался раскатистый смех короля Каруса.

6

— Я пришла за простынями, которые вы хотели постирать, — сказала Илна, появляясь в дверях кухни. — Завтра к вечеру будут готовы, если погода не изменится.

Лора сидела в углу у полки, где подходило замешенное для хлеба тесто. Сейчас она как раз его проверяла.

— Я уж думала, ты не придешь, — с воинственным видом подняла она глаза на девушку. Лицо ее было опухшим, глаза красными. — Решила, что ты забыла.

— Я никогда не забываю о работе, за которую взялась, — холодно отрезала Илна. — Так вам надо постирать или нет?

Лора молча поднялась со своего табурета и снова занялась тестом. Оно у нее слишком поднялось, и сейчас женщина пыталась втиснуть липкую массу обратно в форму. Отвратительные бляхи расплзались по каменной полке. Ну конечно, вместо замечательных пшеничных булок у нее получатся деревянные полешки, как будто из ржаной муки. Илна презрительно пожала плечами.

— Да уж, можешь забирать, — ответила наконец Лора. — Теперь, когда Шарина уехала, выбор у меня небогатый. Придется платить тебе.

— Я пережидала, пока схлынет эта толпа из зала, — пояснила девушка. Большая плетеная корзина для белья стояла у кухонной двери, ведущей во двор. Отсюда ее легко можно было перенести как к колодцу, так и к котлу, где обычно Лора кипятила простыни, если решала заняться стиркой сама. — Не хотела, чтоб меня приняли за одну из этих дурочек, распустивших хвост перед орнифальской дамой.

— Мне кажется, они из знатных, — откликнулась Лора, сердито вколачивая тесто в кастрюлю. — Этот Бенлоу утверждает, что он ор-Виллет. Но я-то уверена, что в его фамилии присутствует «бор-». Если только Госпожа не отвратила от меня свою милость.

— А где сейчас ваша гостья? — спросила Илна. Она расстелила одну из простыней прямо на полу и теперь аккуратно складывала в нее остальное белье, предназначенное для стирки. Старшая женщина отметила мрачное настроение девушки, но истолковала его причины по-своему. — Она интересная женщина.

— Думаю, гуляет, — ответила Лора, особо не обращая внимания на собеседницу. — С Гарриком на берегу.

Илна замерла. Именно этого она опасалась с первой минуты, как увидела красавицу незнакомку в роскошной одежде. Илна была знакома с валлесскими модами. Ей приходилось выполнять работы для торговцев, которые подробно объясняли ей, какая именно ткань им нужна, с тем чтобы забрать готовый заказ на обратном пути через Барку.

— На берегу? — холодно повторила девушка. — Что ж, меня это не удивляет. Они все такие — эти прекрасные столичные дамы.

— Я воспитывала Шарину как родную дочь! — завела свою песнь Лора, яростно погружая руки в тесто. На мгновение она застыла, как бы размышляя, не заплакать ли? — Даже лучше, чем собственного ребенка, так как знала, что она благородных кровей. И каков результат? Она отбросила меня, как ненужную вещь, как только получила свой приз!

Илна стянула вместе концы нижней простыни и связала их двойным узлом.

— Да, — сказала она с глазами, горящими, как угли из камина. — Вы действительно воспитывали Шарину лучше собственного ребенка.

Девушка взвалила узел на плечо. Тюк получился изрядный, хрупкую фигурку почти не было видно под ним. Солдаты умуд-

рились за несколько дней перепачкать все простыни на постолом дворе.

У дверей Илна оглянулась. Лора по-прежнему неподвижно стояла в углу кухни.

Поддавшись внезапному раздражению, девушка бросила ей в лицо:

— Знаете ли, во всей деревне надо еще поискать такую дуру, как мать Гаррика! Неспособную разглядеть достоинства собственного сына!

После чего вышла со своим узлом, хлопнув дверью. Уже во дворе, переведа дух, пробормотала себе под нос:

— И клянусь, эта орнифальская сучка не получит Гаррика!

7

Стоял ослепительно ясный день, судно шло под главным парусом, используя легкий попутный бриз. Пенные следы разбегались от носа и двух рулевых весел, нарушая сложный рисунок медленных волн.

Трирему сопровождали четверо морских демонов. Три из них плыли по левому борту. Их мускулистые тела перемещались настолько синхронно, что казались частями одного животного. С другой стороны двигался всего один морской демон, зато настоящее чудовище — тонна живого веса десяти футов в длину с клыками в мужскую ладонь.

— Не нравится мне все это! — произнес капитан Личнау. — Ты только погляди на чертовых ящеров. Прямо как в то утро, когда мы попали в шторм, помнишь? Думаю, нам надо изменить курс и плыть к Сандраккану.

Шарина и Ноннус сидели на корме в тени импровизированного капитанского мостика. Им не хотелось смешиваться с Кровавыми Орлами, державшимися на своем прежнем месте перед мачтой. Не то чтобы девушка беспокоилась за свою безопасность — солдаты были приучены к дисциплине и вряд ли решились бы на какую-то выходку в присутствии офицеров и охраняемых аристократов. Просто рядом с Кровавыми Орлами она чувствовала себя не очень комфортно.

— Мы не можем плыть на Сандраккан, — воспротивилась Азера.

Оба королевских придворных приблизились к капитану и его помощнику Кизуте. Таким образом обсуждение курса корабля стало публичным делом, что и неудивительно при столь малых размерах судна. С полдюжины моряков находились поблизости и невольно прислушивались к разговору. — В лучшем случае граф просто враждебен королю Валенсу и не преминет нам навредить, в худшем же — он мог столкнуться с агентами королевы.

На веслах сидела лишь половина гребцов, да и то — на всякий случай. При столь благоприятном ветре весла были подняты, а трирема весело неслась вперед под раздутым парусом.

Свободные от дежурства гребцы расположились на выносных платформах по обе стороны судна. Они, правда, опасались свешивать ноги за борт из-за эскорта чудищ, просто загорали на солнышке и болтали о том, как им сегодня повезло. Можно не стирать в кровь руки о пропитавшиеся солью весла, а удить рыбку и отдыхать.

— Если ветер продержится, мы достигнем Киша вскорости после полудня, — возразил Кизута. — Утесы Сандраккана не намного ближе, к тому же мы рискуем потерять попутный ветер.

— Этого можете не опасаться, — заявил Медер бор-Медерман. Он бросил на свое ближайшее окружение победоносный взгляд, слегка затуманившийся при виде Шарины.

Девушка отвернулась, будто разглядывая морского демона за бортом. Он плыл, погруженный в воду, лишь гребень вдоль спины лентой извивался у поверхности. Участки кожи меж плавниками были лиловые с красным отливом из-за близости ярко-алого борта триремы. Шарине невольно подумалось: даже такая тварь может казаться красивой при определенном угле зрения.

Она вздрогнула и посмотрела на Ноннуса. Он неуловимо улыбался, как будто догадываясь о ее мыслях. Может, так оно и было...

— Мне не нужен мальчик для определения расстояния, Кизута, — резко сказал Личнау. — Меня волнует не расстояние...

У капитана на лысине красовался платок с узелками, и сейчас, чтобы выиграть время в споре, он стал ощупывать его, якобы проверяя крепость узлов.

— ...а то, куда нас приведет выбранный курс, — сердито продолжил он. — А это — ни много, ни мало, Тегма с ее подводными камнями. Меня не сильно волнуют ваши политические проблемы с графом Сандракканом, и уж куда меньше, чем перспективы напороться в шторм на рифы.

Он указал на тройку морских демонов, следующих параллельным курсом, и добавил:

— И, если вам не нравятся эти твари, советую подумать, чем может обернуться кораблекрушение.

— Лично я не ожидаю никакого шторма, моряк, — холодно заявил Медер.

— При всем моем уважении к вам, господин, должен напомнить, что и первого шторма вы не ожидали! — съязвил капитан. — Если б тогда мы оказались так же близко к рифам, как предполагается сейчас, то всю прошедшую неделю мы бы кормили морских демонов!

Медер возмущенно поднял руку, но Азера бросила грозный взгляд на своего спутника и прервала грозивший затянуться спор. Затем обратила на капитана свои холодные, как у ящеров за бортом, глаза.

— Следи за своим языком, простолюдин, — отчеканила она ледяным тоном. — Или же тебе не придется ждать шторма, чтоб отправиться на корм этим тварям!

Личнау упал на колени и припал лбом к палубным доскам.

— Госпожа, — простонал он, не подымая головы, — доставить вас целыми и невредимыми в Валлес — это моя обязанность. Простите великодушно, если я слишком далеко зашел в своем рвении.

Шарина поморщилась, наблюдая со стороны развернувшуюся сцену. Она не знала, кто был прав в споре, но ее глубоко задело это зрелище. Честный человек вынужден на коленях вымаливать прощение только за то, что осмелился возразить высокородному аристократу. Хафт всегда был более демократичным по сравнению с остальными островами архипелага. А непосредственно в Барке подобные вопросы не возникали, поскольку представители голубых кровей не заглядывали в их деревушку.

— Рифы Тегмы — место, где морские демоны размножаются, — произнес Ноннус, обращаясь скорее к Шарине, чем к распростертому капитану. — Иногда они уплывают довольно далеко оттуда — даже на тысячи миль, но крайне редко. А уж яйца демоны откладывают только на рифах.

Девушка удивленно подняла брови, услышав это название.

— А мне казалось, Тегма лежит во Внешнем Море, — сказала она. — Во всяком случае, так утверждает Ригал в своих «Скитаниях герцога Лачиша».

— Вот уж не знаю, где находилась Тегма во времена вашего герцога Лачиша, — произнес Ноннус, педантичностью тона прикрывая насмешку, — но когда *мне* довелось посетить остров, он располагался в пятидесяти милях вниз по течению от южного побережья Сандраккана. Когда-то это был остров, но затем он затонул так же, как и Йоль. Сейчас здесь кольцо рифов, столь же плотное, как девичий...

Отшельник прервался и подавил горький смешок.

— Дитя мое, — покачал он головой, — очутившись в мужском обществе, я снова превратился в мужика, каким был когда-то. Надеюсь, ты простишь меня. И буду смиренно молиться, чтоб Госпожа сделала то же самое, если...

Он начертил какой-то рисунок на палубе. Его палец не оставлял видимых линий, но Шарина проследила за его движениями и узнала образ Госпожи.

Ноннус поднял взгляд на девушку.

— ...если случится то, чего я хочу избежать во что бы то ни стало, — завершил он свою фразу.

— Будем надеяться, что Пастырь присмотрит за нами, — произнесла Шарина, чувствуя себя не очень-то уютно. По правде говоря, жители Барки никогда не были особо набожны, хотя, конечно же, в каждом доме имелся маленький алтарь Госпожи и ее божественного супруга. А пастухи не забывали оставлять Дузи скромные подношения на склоне холма.

Находясь рядом с отшельником, девушка вдруг поняла, что его поклонение Госпоже диктовалось не естественной верой, а скорее жизненной необходимостью. Ноннусу отчаянно хотелось верить в существование чего-то еще, помимо мира, в котором он жил.

— Если вода в лагуне чистая, — принялся рассказывать он, — то можно разглядеть верхушки старинных построек на затонувшей Тегме. Представь себе ровные коричневые линии, отливающие розовым там, где падают солнечные лучи. А на самом деле они на глубине в сотни футов...

Тем временем обсуждение в верхах закончилось. Шарина могла только догадываться о его результатах, поскольку самоустранилась от участия в нем. Судя по тому, что курс корабля не изменился, возобладало мнение Азеры. К ним подошел Медер, очевидно, слышавший слова Ноннуса.

— Я планировал посетить Тегму, — произнес он, буравя отшельника прищуренными глазами. — Ну то есть рифы. Но

мне сказали, что туда нет пути. Каким образом ты попал туда, старик?

Выражение лица Ноннуса не поменялось — он будто по-прежнему разглядывал морскую гладь.

— Это было много лет назад, — пожал он плечами. — Когда я еще мальчишкой охотился на тюленей. Тегма могла измениться с тех пор.

— Тегма не меняется, — отрезал Медер. Видно было, что он разрывается между гневом и любопытством. — Тегма — это хранилище древней силы.

— Она утонула так же, как и Йоль? — спросила Шарина, чтобы отвлечь внимание колдуна от Ноннуса. Она-то знала: насильно вовлечь отшельника в разговор невозможно, и боялась, что он своей нелюбезностью только усилит гнев колдуна.

— Скорее всего, да, — ответил Медер, смягчившись, видя заинтересованность девушки. — Но это случилось намного, неизмеримо раньше, Шарина. За тысячи лет до того. А может, и в тысячи раз раньше.

Он снова перевел требовательный взгляд на отшельника:

— Итак, я жду ответа: как ты попал туда, старик?

— Пьюльская плоскодонка может проникнуть почти повсюду, — мягко ответил Ноннус. — Как говорится, проскользнуть по поверхности луга в сырое утро. Шутка, конечно. А если серьезно, то я воспользовался весенним половодьем, чтоб пробраться меж верхушками кораллов, таким образом и преодолел атолл.

Он покачал головой с грустной улыбкой:

— Тогда я был гораздо моложе...

Медер о чем-то размышлял, пристально глядя на отшельника и постукивая двумя пальцами правой руки по ладони левой.

— Мы с тобой еще вернемся к обсуждению... — начал было он.

Но в этот момент Ноннус вскочил на ноги, глядя куда-то на юг.

— Спустить парус! — взревел он голосом, которым можно было бы дробить скалы. — Гребцы, к веслам!

— Что? — заорал капитан Личнау, оборачиваясь в сторону, куда указывал отшельник. — Кто посмел...

Все Внутреннее Море почти до горизонта представляло собой нежно-зеленую гладь. Волнения на ней было не больше, чем на мельничном пруду в жаркий августовский полдень. Но на горизонте черной стеной вставала туча со сверкающими разры-

вами молний. И эта туча приближалась к триреме с хорошей скоростью скаковой лошади.

— Спустить парус! — раздался крик капитана. И в то же мгновение благоприятный ветер увял, а вместо него на судно обрушился первый удар шквала.

8

Кашел проснулся, задыхаясь и невнятно бормоча, как будто вынырнул из-под толщи холодного зимнего моря. Кожа покрылась мурашками, он чувствовал себя замерзшим, но стальные ленты, сдавливавшие его грудь, казалось, лопнули. Юноша выпрямился на своем соломенном матрасе.

Он находился на кухне родного мельничного дома, и все вроде было как обычно. Но Кашела поразила глухая, мертвая тишина, царившая вокруг. Не раздавалось ни звука: ни стрекота сверчка, ни воркования голубей на чердаке, ни привычного шелеста листвы за окном. Стояла абсолютная тишина, необычная даже для позднего ночного часа. Сквозь окошко Кашел мог рассмотреть кусочек неба, охваченного странным голубым свечением. Подобного он не видел даже в самые звездные ночи.

Юноша поднялся с постели, прихватив с пола свой пастуший посох. Наверху находилось две комнаты, в одной из них сейчас спала Илна. Кашел же предпочитал ночевать внизу, чтобы быстро собраться в случае срочного ночного вызова от кого-нибудь из соседей. Всяко ведь бывает... Юноша вышел из дома и замер в удивлении. Все небо было покрыто мерцающей голубой сетью, сквозь которую просвечивали лишь самые яркие звезды.

Кашел и не знал, что мир может быть таким неподвижным. Все будто застыло — ни дуновения, ни малейшего движения.

Движимый скорее инстинктом, юноша медленно и настороженно пошел в обход двора. Ему казалось, что он ступает совершенно бесшумно, но тем не менее Теноктрис, стоявшая в тени огромного мельничного колеса, обернулась и жестом скомандовала ему приблизиться. Кашел повиновался, стараясь не задеть в полумраке своим посохом за выступающие лопатки кипарисового колеса.

— Не спугни его, — едва слышно прошептала старая колдунья. Юноша скорее угадывал слова по движениям ее губ. — Я хочу понять, что ему нужно.

Кашел поглядел сквозь обод колеса в указанном направлении. Мельничный ручей, обычно питавшийся от морского прилива, сейчас был осушен, поскольку мельница временно не работала. В углублении его русла стоял на коленях пришлый купец Бенлоу и что-то нараспев бормотал. Его монотонный речитатив был первым реальным звуком, который Кашел услышал с момента пробуждения на своей кухне.

Древние камни, на которых стоял Бенлоу, излучали все тот же голубой фосфоресцирующий свет, только еще более интенсивный. Купец держал в руке нож и с легким постукиванием водил им вокруг какого-то предмета на дне ручья. Каждый раз, когда сталь касалась камня, она беззвучно высекала яркую голубую искру.

— Он читает заклинание отождествления, — все так же шепотом пояснила Теноктрис. — Видишь, у него предмет — это может быть кость, локон или еще что-то... Он вызывает из него дух, чтобы потом материализовать его.

— Но это же колдовство, — возмутился Кашел, стараясь копировать беззвучную манеру разговора старухи.

— Ну да, — сухо улыбнулась Теноктрис. — Определенно колдовство. И Бенлоу является очень мощным колдуном.

Предмет, над которым читалось заклинание, начал излучать голубой туман. Купец продолжал постукивать своим кинжалом. Вспышки становились все ярче, свечение концентрировалось, собиралось в некоторое подобие облака.

— Такое заклинание можно прочесть над единственной монетой и найти утерянный кошелек, — шептала Теноктрис. — Но думаю, здесь происходит что-то иное.

Туман над предметом все сгущался, затем из него стала вырисовываться фигура человека. Кашел не мог различить его черты в слабом свете голубого тумана, к тому же отсутствовала игра светотени, которая обычно обеспечивает объемность образа.

Призрак поднялся с земли и как-то боком сделал несколько шагов. Медленно передвигаясь, он выбрался из пересохшего русла, причем его ноги, казалось, прошли сквозь каменный берег. Купец последовал за ним. Нож в руке затруднял движения, поэтому Бенлоу засунул его за пояс. Очевидно, ножны для кинжала отсутствовали.

— Это его личный атам, — пояснила Теноктрис и предостерегающе подняла руку. Но Кашелу и не требовалось предупреждения. Юноше не раз доводилось охотиться, и он знал: залог успеха — в умении замереть и терпеливо ждать. — Скорее всего,

он выковал его сам, и не удивлюсь, если из *железа*. Два столь могущественных мага одновременно приходят в вашу Барку — сомневаюсь, что это просто совпадение.

Тем временем призрак продолжал медленно двигаться, хотя его конечности оставались недвижимы. Больше всего это было похоже на перемещение статуй Госпожи и Пастыря на тележках, которые ежегодно прокатывали через деревню сборщики церковной десятины. Бенлоу бесшумно двигался в нескольких шагах сзади. Губы его шевелились, как будто он продолжал читать свои заклинания, однако нельзя было разобрать ни звука. Они медленно пересекли мельничный двор и скрылись из виду.

Теноктрис по-прежнему стояла с поднятой рукой.

— А почему так тихо? — спросил юноша. В зловещем безмолвии морской запах даже усилился: в нем можно было различить соль, сухие водоросли и что-то остро-йодистое, неуловимо напоминавшее о смерти. Кашел подумал, что, очевидно, этот запах исходил от магического создания Бенлоу.

— Прежде чем начать обряд колдовства, он наложил заклинание молчания на деревню, — ответила Теноктрис. — Большинство людей под действием этого заклинания будет беспробудно спать. На волшебников же, даже таких слабеньких, как я, оно, напротив, действует как сигнал тревоги.

Она опустила руку и осторожно повела Кашела вдоль стены мельницы, чтобы из-за угла продолжить наблюдение за Бенлоу и его созданием. Свечение, сочившееся из каменного дна ручья, постепенно угасало. Призрак оставлял после себя дорожку голубоватых следов, которые постепенно исчезали, как бледнеют в первых лучах утреннего солнца следы, оставленные слизняком.

Кожу Кашела покалывало, будто он целый день провел в лодке под палящим солнцем. Когда и сверху жарит, и поднимается тепло от зеркальной морской глади. Тяжелый посох весил в руке не больше пучка соломы. Казалось, подбрось его, и посох заплещет, полетит пушинкой в ночи.

— Но я ведь тоже проснулся, — прошептал юноша Теноктрис. — А я ведь *не* волшебник.

— Да, — задумчиво подтвердила старуха. — Ты тоже проснулся.

Напротив постоянного двора призрак замер, будто бы в сомнениях, затем медленно побрел туда через открытые ворота. Купец-колдун не отставал от него.

Теноктрис тоже было двинулась в том направлении. Кашел остановил ее и повел вместо того вглубь двора.

Минувшей зимой Гаррик очищал стену от не в меру разросшегося плюща и заодно вынул несколько расшатавшихся камней. Они и сейчас лежали рядом, поджидая, когда Анан погасит известь в своей печи, в которой обычно обжигал свежизготовленные горшки. Кашел подыскал удобный пролом для Теноктрис, а сам устроился у другого, повыше, через который хорошо был виден весь постоянный двор.

Призрак застыл перед домом, возле колодца, вертясь на месте и простирая руку в направлении конюшни. И вот дверь дрогнула. Показался Гаррик. У него было совершенно отсутствующее выражение лица, да и двигался он как сомнамбула.

При виде друга Кашел напрягся, но старая колдунья приложила палец к его губам.

— Ему ничто не угрожает, — прошептала она.

И тут передняя дверь постоянного двора с грохотом распахнулась, Гаррик пошатнулся и вскрикнул. Голубой призрак за его спиной превратился в туман, который впитался в гаррикову плоть и растворился в ней.

Создание, появившееся из гостиницы, очертаниями напоминало человека, во всяком случае, у него была рука, в которой оно держало abordажную саблю, потемневшую то ли от ржавчины, то ли от крови. Звуки вернулись в мир, снова резко запахло морем и смертью.

Кашел закричал. Он оперся левой рукой о стену и попытался перебросить тело через ограду, используя посох в качестве подпорки. Мгновение он балансировал в воздухе, босой ногой на шаривая пролом в стене для дополнительной опоры.

Когда голубой туман перешел в тело Гаррика, Бенлоу упал как подкошенный. Как пьяница, выползший поутру на солнышко... Зловещее создание шагнуло к Гаррику, замахиваясь своей саблей. Звезды и взошедшая луна теперь были хорошо видны.

Наконец Кашел нашел куда поставить ногу, оттолкнулся и взлетел на верх стены. Одним взглядом охватил картину во дворе гостиницы. Гаррик развернулся и двинулся обратно в конюшню. Двое охранников Бенлоу выбежали из дверей постоянного двора с саблями наголо. В одном из верхних окон маячило бледное лицо Лианы.

Мгновение спустя Кашел скатился уже по эту сторону ограды. Он тяжело плюхнулся на ноги, уже понимая, что ему не добежать вовремя до конюшни.

— Убейте эту тварь! — закричал он охранникам.

И тут из конюшни снова появился Гаррик, в руках он держал тяжеленный колесный вал. Даже для Кашела такой груз был бы неподъемным.

— Хафт и Острова! — проревел он громким голосом, который отозвался эхом во всех уголках двора. Оба — Гаррик и темное создание — шагнули друг к другу, замахиваясь оружием.

Дубовая махина взлетела неожиданно легко, вышибла саблю из рук противника Гаррика, а затем сокрушила и его самого с противным хлюпающим звуком. Рукоятка сабли отлетела к самым дверям гостиницы, а лезвие свечкой взвилось в воздух и воткнулось в землю у ног Кашела.

Гаррик медленно обернулся. Кажется, он улыбался... Затем рухнул ничком рядом с убитой тварью.

9

Нижняя палуба, на которой стояли скамьи гребцов, была мокрой, темной и вонючей. Сквозь отверстия между главной палубой и выносными платформами попадало больше дождя, чем света.

Трирема терпела бедствие. На самых высоких волнах она ложилась почти на борт, вздымала вверх, а затем камнем падала вниз. По настоянию Ноннуса Шарина отправилась вниз, к гребцам. Многие из них все еще пытались удержаться на своих скамьях. Когда особенно яростный шторм обрушился на корабль, весла вырывались из рук гребцов и без толку молотили в воздухе, подобно посоху в темноте. Багаж, который хранился тут же, летал из стороны в сторону, задевая людей и мешая им держать весла.

Команда все еще пыталась развернуть корабль, но установить его носом по ветру не представлялось никакой возможности. Гребцы по левому борту работали в нормальном темпе, но их товарищи на правом вынуждены были закрепить весла. Стоял такой шум, что Шарина просто не представляла, как офицеры умудрялись командовать. Она лично не слышала даже ритм барабана, который находился прямо за ее спиной. Все тонуло в реве ветра и волн.

Закутавшись в свой плащ, девушка старалась забиться в уголок, чтобы не попасть под ноги мужчинам. Азера находилась где-то впереди. Большинство Кровавых Орлов сгрудилось вокруг нее, хотя при их неловкости это только увеличивало риск быть раздавленной.

Прошло несколько минут в этом хаосе, прежде чем Шарина осознала, что сам Ноннус не последовал за ней в чрево корабля. Она подняла взгляд: люк был прикрыт, но не задраен в этой спешке. В результате одна из створок откинулась, сквозь нее залетала водяная пыль и виднелось черное небо.

Шарина поднялась, переступила через солдата, который, скорчившись, лежал и тихо подвывал в ужасе. Она встала на лестницу и попыталась одной рукой и плечом откинуть вторую створку люка. Но в этот момент по палубе прокатилась волна, все круша и смывая на своем пути.

Девушка ухитрилась удержаться на лестнице и, переждав момент, все-таки откинуть створку. Не теряя времени, она выкарабкалась на палубу, вцепилась обеими руками в поручни и попыталась оглядеться.

Команда вела себя героически. По всей палубе моряки пытались одной рукой закрепиться за что-нибудь, в то время как другой продолжали работать. Главный парус и немногочисленные реи были спущены и растрепанной кучей возвышались посредине палубы, под мачтой. Плохо то, что сама мачта опасно гнулась и скрипела на штормовом ветру.

Времени демонтировать палатку на палубе не хватило, это сделал шторм. Он сорвал крышу и две стены. Оставшиеся две сложились в некое подобие шалаша. Сейчас в этом укрытии находился Медер.

Розовое сияние окружало колдуна. В руке он держал атам. Его искривленные губы двигались, читая неслышные в этом хаосе заклинания. Возле него держалось примерно с полдюжины Кровавых Орлов. Либо они разыскивали госпожу прокуратора, либо просто не желали спускаться вниз, уверенные, что судно с минуты на минуту пойдет ко дну.

Ноннус сидел на носу судна, упершись расставленными ногами в переборку. Пенные волны захлестывали его по пояс, но отшельник не обращал на это внимания. Он был чем-то занят: в лезвии его ножа отражались белые вспышки молнии. Шарина осторожно поползла к нему, всем телом прижимаясь к поручням.

Ветер обрушивался на нее всем своим весом, подобно целой телеге песка. Он оглушал, замедлял и без того медленное передвижение. Часть поручней, которая пострадала во время предыдущего шторма и была заменена в Барке, похоже, не выдерживала давления. Они скрипели и едва держались на своих дере-

вянных гвоздях. Девушка дождалась относительного затишья, затем, собравшись с духом, миновала опасный участок.

Она не могла точно сказать, что делает Ноннус, да и не задумывалась об этом. Единственное, что Шарина знала в тот страшный момент: она не хочет умирать рядом с чужестранцами.

Отшельник поднял глаза и увидел приближающуюся девушку. Он начал подниматься, но Шарина закричала и замахала, чтоб он оставался на месте. Сидя в относительной безопасности, за носовой переборкой, Ноннус наклонился вперед, схватил девушку мертвой хваткой и буквально проволоч по палубе последний участок пути.

— Ноннус, — прокричала она. — Корабль тонет?

В общем-то она не боялась. В душе Шарина твердо знала, что они *наверняка* утонут, а следовательно, она на пороге гибели. Девушка промокла и замерзла. Она вздрагивала при каждом треске молнии, которая предвещала долгий рокошущий раскат грома. Но смерти как таковой она не боялась. Скорее, воспринимала как непреложный факт, подобно тем облакам, что темнели над головой, фактурой напоминая галечный пляж.

— Я не могу спасти корабль, — произнес Ноннус. Он убрал свой нож и начал мастерить деревянный треугольник при помощи такелажных веревок. — Хотя думаю, что попытаюсь спасти тебя, дитя мое. Собственно, я ведь поклялся сделать это.

Ему удалось разрубить на три части шест, на котором крепился кливер, и связать воедино. Затем он вытащил из-под себя сам кливер — оказывается, он сидел на нем, как на подушке, — и начал раскладывать его.

— Ты делаешь плот! — догадалась Шарина. Она поймала бьющийся на ветру край паруса и стала держать его, пока не настанет черед привязывать его к раме.

— Скорее поплавок, — поправил отшельник. Его расставленные руки работали с инстинктивной точностью — так паук, не задумываясь, тклет свою паутину и раскидывает ее для жертвы. Ни ветер, ни пропитанные солью снасти не могли помешать Ноннусу в его работе. — Я мастерю веревочные петли, за которые мы сможем держаться, пока наш поплавок будет на плаву.

— Но как насчет морских демонов, Ноннус? — спросила девушка и тут же прикусила язык. Их клыкастые пасти действительно прежде всего пришли ей на ум. Но это же не основание ныть и жаловаться единственному человеку, который пытается что-то сделать для ее спасения.

— В сыром виде их мясо напоминает медузу, во всяком случае, не намного вкуснее, — ответил отшельник, продолжая свой труд. Шарина решила, что это шутка. — Полагаю, мы решим данную проблему, но позже, когда доберемся до сухого места и разведем костер.

Шарина рассмеялась и смеялась до тех пор, пока изрядно не наглоталась соленой воды. Совершенно определенно, отшельник был серьезен. Сомневаться в Ноннусе — все равно как сомневаться в небе. Ведь оно всегда на месте: днем ли, ночью, в шторм или без шторма.

Она оглядела палубу триремы. Оба аутригера исчезли, очевидно, смытые штормом. Один из моряков держал капитана за плечо и указывал куда-то за правый борт, а Личнау что-то кричал в ответ. Слов Шарина разобрать не могла, но видела, что капитан с двумя матросами пытаются добраться до гнущейся мачты.

— Мне казалось разумным как можно дольше прятать тебя внизу, — рассуждал Ноннус, не отрываясь от работы. — Но, может, так и правильнее. Мы дрейфуем гораздо быстрее, чем я полагал. Должно быть, течение изменилось, также как и ветер.

Шарина старалась удерживать веревки и кусок паруса — это единственное, чем она могла помочь своему наставнику. По крайней мере, надеялась девушка, ее вмешательство поможет сэкономить время в чрезвычайных обстоятельствах.

— Дрейфуем куда? — переспросила она, откидываясь против ветра, чтобы Ноннус мог перевернуть конструкцию.

— Погляди направо, — мотнул головой отшельник, не поднимая глаз. — Я слышал их несколько минут назад.

Шарина попыталась посмотреть в указанном направлении. Ветер швырял в лицо ее волосы, которые превратились в тысячу крохотных бичей, шнурок с монетами, которым они были переплетены не смог устоять против шторма.

Справа по курсу четко обозначилась белая полоса, разделявшая черноту неба и черноту моря.

— Рифы Тегмы, — пояснил Ноннус, взясь с узлами.

В этот момент один из офицеров поднялся, желая получше взглянуть то, что творилось за бортом. Его туника надулась ветром и, оторвав от палубы, подняла его в воздух.

Он перелетел через поручни, даже не коснувшись их ногами, и скрылся в бушующих волнах. Море жадно поглотило свою жертву без единого пузыря или всплеска.

Капитан Личнау и его помощники рубили топорами главную мачту, но, увы, это уже не могло спасти положения. Даже обрубок мачты ловил ветер и ускорял боковой дрейф триремы. Пенная полоска рифов была так близко, что в вое ветра Шарина могла различить рокот валов, разбивавшихся о камни.

Внезапно палатку на палубе, где укрывался Медер, охватило красное свечение. Оно расширилось, протянулось до мачты и собравшихся вокруг нее моряков. Его цвет на глазах бледнел от ярко-пурпурного до того розового, который обычно можно наблюдать на закатном небе.

Под очередным порывом ветра остаток мачты треснул по всей длине. Острая, как кинжал, щепка отскочила назад и попала капитану в живот. Хлынула кровь.

Теперь весь корабль оказался в коконе красного света, напоминавшего цветом рубин на просвет. Шарина почувствовала, как волосы на ее теле встали дыбом. Она попыталась кричать, но горло будто сковало льдом.

С гулким ревом, как будто началось землетрясение, трирема поднялась над волнами. Киль уже не касался воды, весла трепыхались в воздухе. Охваченное красным пламенем, судно вместе со своими пассажирами перелетело через пенящуюся полосу рифов и с громким всплеском приземлилось по другую сторону. Поднялась волна выше сохранившегося обрубка мачты, но корабль благополучно взметнулся на ее гребень и плавно опустил-ся. Теперь вокруг расстиралось спокойное море.

Воздух был насыщен водяной пылью, но ветер стих, и шум шторма затихал вдали. Шарина вскочила на ноги и оглянулась.

Она увидела циклопические каменные постройки, увитые буйной растительностью.

Глазам путешественников предстал остров Тегма, поднявшийся из морских глубин.

10

Гаррик медленно выплывал навстречу сверкающим бликам на темной воде. Он уже мог слышать грохот прилива. Руки и ноги у него были ледяные, но юноша старательно двигал ими, пока...

— Он приходит в себя! — раздался голос Кашела. — Отойдите и дайте ему воздуха.

Гаррик широко распахнул глаза и сфокусировал взгляд на том мире, где он лежал на земле посреди двора гостиницы. Голова его покоилась на коленях друга, вокруг столпилось два десятка людей. У некоторых в руках были фонари или факелы, которые в его небытии играли роль бликов на воде...

— Что случилось? — спросил юноша. — Неужели я потерял сознание?

Опершись о землю, он попытался подняться и тут же почувствовал боль в ладонях. Ощущение было такое, будто по ним прошелся копытами тяжеловоз. Гаррик поднес руки к глазам и увидел красные вздувшиеся мозоли. Кожа не была содрана, но пальцы онемели, как после смертельной хватки.

Теноктрис опустилась рядом с ним на колени и приложила два пальца к его горлу. Только сейчас Гаррик понял, что монотонный звук, который он слышал до сих пор, был ее заклинаниями.

— На тебя напал лич¹, Гаррик, — пояснила она. — И ты убил его бревном.

— Вернее, колесным валом из конюшни, — поправил ее Кашел. — Ты огрел его по башке.

— Какой-такой лич? — захлопал глазами Гаррик. Неужели он действительно поднял колесный вал? Ага, тогда понятно, почему плечевые мускулы у него болят, будто из них готовили отбивную. — Кто такой лич?

Рядом с ним на корточках сидели отец и пришлый купец Бенлоу. Их спины загораживали нечто, лежащее на земле. С мрачной гримасой Райз поднялся и прикоснулся к плечу постояльца.

— Дайте посмотреть мальчику, — сказал он. — Может, он узнает эту тварь.

Гаррик осторожно сел. Он чувствовал себя почти нормально, но временами страдал раздвоением зрения. Очень странное ощущение: одной и той же парой глаз видишь два различных мира.

— Я в полном порядке, — произнес он больше для себя самого, чем для встревоженного Кашела.

Райз поднес поближе подоженный стебель болиголова, чтоб сын мог как следует разглядеть труп на земле.

Труп принадлежал человеку. По крайней мере, скелет был человеческий. Тяжеленный колесный вал буквально раздробил

¹ Лич — своего рода зомби, оживший мертвец.

череп и левую ключицу лица. Несколько верхних ребер оказалось сломано. Все это Гаррик видел совершенно явственно, поскольку плоть существа была желеобразной, местами — прозрачной.

— Я не помню его, — сказал юноша. Он прикрыл глаза и помассировал виски. На самом деле он пребывал в сомнениях: что именно он помнил. И даже — кем именно являлся.

— Я спал в конюшне, — начал рассказывать Гаррик, по-прежнему с закрытыми глазами, — и видел сон. Мне снилось... Король Карус велел мне проснуться. Он указывал на меня. Я встал и вышел из конюшни...

Он открыл глаза и оглядел друзей и незнакомцев, сгрудившихся вокруг него. Шесть стражников Бенлоу стояли возле своего хозяина с обнаженным оружием. Вид у них был взвинченный и воинственный.

— Это все, что я помню! — закончил Гаррик. Он наклонился, чтобы получше разглядеть существо, которое, как ему рассказывали, он убил. — Я никогда прежде не видел подобного существа. Вообще ничего похожего не встречал!

— Это лич, — терпеливо повторила Теноктрис. — Он представляет собой скелет, в котором воплощена душа утопленника. А плоть для такого существа мастерится из ила и грязи, взятых со дня моря. Думаю, это дело рук могущественного мага.

— Какого мага? — с тревогой спросил Бенлоу. Он выглядел ошеломленным, и Гаррик подумал, а не может ли быть, что он тоже видит два мира. — Где?

— Мне кажется, вы должны знать, мастер Бенлоу, — с нажимом заявил Кашел.

Его тон явно не понравился охранникам купца. Еще бы, это ведь только Гаррик знал о мягком нраве своего друга. Со стороны же молодой силач с посохом в руках выглядел угрожающе.

По большому счету, охранники были правы. Пастух, конечно, добр к своему стаду, но при любых обстоятельствах человек, способный в несколько секунд раскроить череп трем морским демонам, представляет серьезную угрозу.

— Понятия не имею, — в недоумении пожал плечами купец. Кажется, он не лгал: на лице его были написаны тревога и разочарование, а прозрачные намеки Кашела, похоже, не достигали цели.

Лиана пробиралась сквозь толпу, переводя испуганный взгляд с отца на Гаррика. Но ее опередила Илна. Решительно выступив вперед, она остановилась перед Гарриком и сочувственно кивнула ему.

Юноша снова бросил взгляд на дубину колесного вала, попробовал пнуть его — без особого успеха.

— Я это поднял? — недоверчиво спросил он.

— Мало того — размахивал, как перышком, — уверил его Кашел. — Что было очень кстати, потому как эта тварь явилась к тебе с мечом.

— Ничего не помню, — потерянно произнес Гаррик. Пока они разговаривали, плоть лица начала разлагаться, отходя от скелета. Тяжелый дух разложения смешивался в воздухе с запахом моря. — Я просто ничего не помню.

Это было не совсем правдой, какая-то часть его сознания услужливо выдала картину: он с длинным мечом в руке пробивает себе дорогу через толпу мерзких существ, очень похожих на убитого лица.

11

Сыпал мелкий дождик, воздух был перенасыщен влагой. Такого в родной Барке Шарина не наблюдала даже в самые сырые дни августа. Солнце красным пятном опускалось за горизонт. Гигантский древовидный папоротник пышно разросся на пустых пространствах, даже из-под каменных построек пробивались молодые побеги с листьями.

Две колонны людей, впрягшиеся в веревочную тягу, медленно продвигались вглубь леса. Возглавляло колонну подразделение Кровавых Орлов — солдаты были при оружии и настороже. В отличие от них, моряки выглядели спокойными и почти веселыми. Они смеялись и перекидывались шутками с товарищами из соседней связки. Наверное, радуются, что остались живы, подумала Шарина. Она точно была рада.

— *Твоя мать не поможет тебе сейчас*, — выкрикивал один из корабельных офицеров, стоявших рядом. Большие пальцы его рук были заправлены за широкий кожаный пояс.

— *Тяни!* — дружным ревом отвечали гребцы. После страшного шторма их все еще оставалось не меньше сотни. Согнувшись от напряжения, они тянули веревку, привязанную к носу триремы, — надлежало втащить корабль на пологий берег для стоянки.

Моряки могли наконец расслабиться. Они выполнили свои обязанности — доставили судно в безопасный порт. Кровавым

Орлам теперь предстояло выполнять свою задачу — охранять госпожу прокуратора.

— *Твой отец не поможет тебе сейчас! Тяни!*

— Это ведь построено для военных кораблей, не правда ли? — спросила девушка у стоявшего рядом отшельника. Гладкий каменный откос длиной в сотню ярдов позволял втащить дюжину трирем для стоянки или ремонта. Вдалеке виднелось еще несколько таких же спусков к воде. — Настоящий порт, а не просто берег, куда люди на ночь втаскивали свои лодки.

— Тут ты права, — ровным голосом подтвердил Ноннус. Он тоже держался начеку, хотя в его случае это была скорее настороженность охотника, чем предполагаемой жертвы. — Такого порта нет даже в Валлесе.

Он копнул землю носком сандалии. Поверху находился слой почвы, обильно замешенной на перегное. Под ним тускло блестя розовато-серый гнейс¹. Насколько Шарина могла судить, все постройки на берегу: крытые убежища, столбы для закрепления поднятых кораблей, сам скат — были из того же твердого, как камень, материала.

— *Твоя сестра не поможет тебе сейчас! Тяни!*

— Мне казалось: раз остров только что появился из моря, здесь все должно быть покрыто слоем грязи, — произнесла девушка, пытаясь выглядеть не слишком напуганной. — А здесь просто лесной мусор, ну, как у нас в лесу.

Здесь было никак не страшнее, чем во время шторма. Но в том-то и фокус, что во время шторма ей дали надежду. А с надеждой появляется и боязнь ее утратить.

— Я бы тоже ожидал увидеть тут кучу грязи, — сухо ответил отшельник. — Но ты же понимаешь, эти деревья не росли под водой. Нет, Шарина, то, что здесь происходит — не обычный подъем морского дна.

Откуда-то из чашевидной кроны растения с заостренными листьями выскочила саламандра². Ее серая кожа была испещрена полосками голубого и ярко-синего цвета, длинный высунутый

¹ Гнейс — горная порода, образовавшаяся при метаморфизме осадочных или изверженных пород; состоит в основном из полевых шпатов, слюд, кварца и пр.

² Саламандра — семейство хвостатых земноводных, похожих на ящериц, с большой плоской головой и слабо развитыми пятипалыми конечностями.

язык — того же голубого цвета. Ничего подобного в своей жизни девушка не видела, но не испугалась, поскольку тварь едва ли достигала фута в длину.

— *Твой брат не поможет тебе сейчас! Тяни!*

Кизута, теперь исполнявший функции капитана корабля, с высоты юта¹ наблюдал за процессом транспортировки триремы.

— Все, хватит! — скомандовал он. — Да привяжите ее двойными узлами. Я не верю, что тихая погода сохранится!

Шарина медленно пошла прочь от триремы, зная, что отшельник последует за ней.

— Ты думаешь, мы попали сюда благодаря действиям Медера? — тихо спросила она. Заходить далеко в лес она не собиралась, просто хотелось откровенно побеседовать с наставником без боязни быть подслушанной.

Азера тоже сошла на берег, как и большинство пассажиров. Сейчас она стояла, обхватив себя руками и явно нервничая. Рядом с ней находился Вейнер, он сжимал в руках саблю и зыркал глазами во всех направлениях. Тут же, потев в полном обмундировании, топтались девять его гвардейцев. Они образовали вооруженный кордон между Азерой и темнеющими джунглями.

Густой туман ограничивал видимость: уже в пятидесяти футах ничего нельзя было разглядеть. Ковер старых, перегнивших листьев покрывал все горизонтальные поверхности, но все вертикали на этом берегу отливали тем же розовато-серым цветом.

Ноннус оглянулся на смутный контур триремы. Медер все еще оставался на борту. Он сгорбился за перегородкой, призванной скрыть его манипуляции от посторонних. Колдун развел огонь в небольшом горшке, дымок от него собирался в цветные клубы и стелился над палубой.

— Не знаю, — покачал головой Ноннус. — Не думаю, чтоб это Медер поднял шторм. И вряд ли он мог что-нибудь сделать с Тегмой.

Остров плавно повышался от берега, хотя уверенно судить о его ландшафте было затруднительно из-за тумана и буйной растительности. От порта в лес вели дороги, выложенные гнейсовыми плитами. Они были снабжены невысоким бордюром.

¹ Ют (мор.) — кормовая часть верхней палубы.

Большинство моряков, справившись с работой, отправилось исследовать побережье. Там и сям чернели их следы, голоса раздавались из леса, смешиваясь с природным шумом джунглей.

Люди, творцы сих замечательных построек, пока ничем не обнаруживали своего присутствия.

— А мне кажется, Медер и сам не знает, его рук это дело или нет, — произнесла Шарина. Ей требовалось говорить: только так она могла держать свой страх на задворках сознания. — Не думаю, чтобы он понимал все свои действия. Боюсь, он и *половины* не понимает.

— Теноктрис говорила то же самое, — вздохнул отшельник. — Хотел бы я, чтоб она была с нами! А также еще много чего хотел бы...

На вершине каменного откоса он присел на корточки с кинжалом в руке. Осторожно, с тщательностью хирурга над телом больного, проковырял дырочку в слое компоста. На свет показался червяк и тут же в слепом ужасе поспешил снова скрыться меж листьев. Перегной был толщиной всего в несколько дюймов, ниже шла желтоватая глина.

Часть моряков расчищала длинные площадки для убежищ. Стены строить не предполагалось, просто приладили крыши к четырехугольным колоннам. Укрытия получились низкие: мужчинам приходилось нагибаться, дабы не биться головой о навес. Так или иначе, это защитит от падающего дождя, сбоку же при полном безветрии влаги попадало совсем немного.

Тем временем другие моряки снесли на берег тех, кто серьезно пострадал во время шторма. К сожалению, были и погибшие — в основном гребцы, кому неуправляемые весла угодили в грудь или голову. Вооружившись мотыгами, мужчины закопали их трупы в лесу. Глина плохо поддавалась, поэтому ограничились неглубокими могилами и засыпали их перегнившими листьями. Если бы они были в открытом море, морские демоны легко бы избавили людей от этих погребальных хлопот.

— Давай поглядим поближе на те деревья, — предложил отшельник. Он убедился, что девушка следует за ним, и подошел к невысокой стене растительности. Хотя по виду она напоминала траву, внутри срубленного шестидюймового стебля обнаружилась твердая сердцевина.

Дождь прекратился, возможно, ненадолго. Из леса вернулись матросы, они принесли с собой саламандру размером с лисицу,

убитую охотничьими ножами. Кто-то принялся расщеплять поваленные деревья, чтоб добраться до сухой древесины. Другие изготавливали вертела из молодых веток.

Насколько могла судить Шарина, местная фауна выглядела совершенно непуганой и вполне съедобной на вид. Она прикинула, какого мнения придерживаются Азера с колдуном относительно извивающихся земноводных.

Ноннус исследовал поваленное дерево. Он прошел футов тридцать вдоль ствола до того места, где оно переходило в дюжину волокнистых ветвей. Отрубил кусок ветки, затем огляделся в поисках другого такого дерева.

В этот момент показался один из солдат, со всех ног бежавший из леса. Он так разогнался, что едва не упал, поскользнувшись на спуске. Одному из охранников Азеры пришлось поймать его за шиворот.

— Вейнер! — кричал, задыхаясь, солдат. — Мы обнаружили город! Целый город на холме, и там нет ни души!

Командир Кровавых Орлов и Азера подошли поближе к солдату. Все трое оживленно обсуждали новость, но говорили они слишком тихо, чтоб Шарина могла разобрать хоть слово с того места, где стояла.

— Ноннус, — обратилась она к отшельнику, невольно понизив голос, хотя никого поблизости не было. — Как ты считаешь, что будет дальше?

Тот пожал плечами и слабо улыбнулся.

— Не думаю, что причина, по которой нас сюда перенесли, обрадует меня или тебя, дитя мое, — сказал отшельник. — Но лучше оказаться здесь, чем на морском дне или в желудке у какой-нибудь твари. Живым быть всегда лучше, чем мертвым.

Ноннус нашел наконец подходящее дерево и пометил его.

— Так, рангоут нам обеспечен, — сказал он. — А теперь давай поищем топор, достаточно большой, чтоб свалить дерево для челнока.

Низко согнувшись, Кашел медленно брел по высохшему руслу ручья. Он не отрывал взгляда от плоских камней у себя под ногами, боясь ненароком пропустить что-нибудь необычное. Вот

уж несколько дней, как мельница не работала, соответственно, вода из моря не подводилась к руслу. Дно ручья все еще оставалось скользким от тины и ила. Это затрудняло поиски, да и солнце поднялось еще невысоко. Однако его лучей хватало, чтоб разглядеть мощеную дорожку под ногами. Уж Кашел увидит нужный предмет.

При условии, конечно, что он существует...

— Я думаю, это где-то там, — подала голос Теноктрис от мельничного колеса, где они с юношей прятались предыдущей ночью.

Определенно, это было именно *там*: Кашел мог разглядеть слабые царапины, которые оставил на камнях кинжал купца. Где же предмет, из которого Бенлоу вызвал своего призрака? Неужели он забрал его с собой? Ни Кашел, ни Теноктрис не видели, чтоб Бенлоу нагнулся за чем-нибудь, и тем не менее... Единственная вещь, на которую стоило обратить внимание...

— Я нашел камешек, — крикнул Кашел. — Как вы думаете, госпожа, мог он использовать камешек?

— Да, — ответила Теноктрис. — Это вполне вероятно.

Юноша вскарабкался наверх и направился к колдунье. Он размышлял, а что будет, если Бенлоу узнает об их расследовании, увидит, как они роются на месте его чародейства. Хотя плевать... Несмотря на то, что купец отрицал свою причастность, а Теноктрис пребывала в сомнениях, сам Кашел свято верил: за нападением на его друга стоял именно Бенлоу. И если он попытается вмешаться... Что ж, пусть попробует!

Взгляд юноши невольно обратился к заливу. Там над самыми волнами кружили крачки, время от времени взмывая вверх с добычей. За последние дни Кашел часто смотрел на море. Там, в его дали, скрылась Шарина... Чтобы никогда больше не вернуться — в этом он был уверен.

Теноктрис приняла камешек и повернула его к солнцу, чтобы получше рассмотреть.

— Мрамор, — констатировала она. — Где-нибудь в окрестностях есть мрамор, Кашел?

Парень помотал головой.

— Мне показалось, это кусочек кварца с берега, — сказал он.

Теперь, разглядев камень повнимательнее, Кашел увидел: то, что он вначале принял за естественный рисунок породы, оказалось резным орнаментом. При этом камешек был не больше ногтя на его большом пальце.

— Повторить то, что сделал Бенлоу, мне не под силу, — сказала Теноктрис, критически разглядывая минерал. — Но, кажется, я могу проследить, откуда взялась эта штука.

Она уселась, поджав ноги. Кашел никак не мог привыкнуть к этой позе — у них в деревне предпочитали сидеть на корточках. Женщина вырвала грубый стебелек травы, росшей на берегу ручья.

— Это будет мой атам, — с улыбкой пояснила она. — Инструменты Медера и Бенлоу концентрируют невероятную силу, но они черпают ее не из единого источника. Намного лучше использовать что-нибудь нейтральное. Во всяком случае, так гораздо безопаснее.

Кашел тоже опустился на землю и кивнул с пониманием. Он ничего не смыслил в колдовстве, зато имел представление о силе и осторожности. Если вы используете длинную палку как продолжение вашей руки, то вам приходится внимательно смотреть, куда вы ее опускаете. Особенно если в руках у вас столько мощи, сколько у Кашела ор-Кенсета.

Теноктрис положила кусочек мрамора на землю, некоторое время рассматривала его, затем, нахмурившись, перевернула так, чтобы резная вязь оказалась сверху. Своей травинкой-кинжалом нарисовала в воздухе окружность вокруг камешка.

С заднего крыльца одного из домов за ними наблюдала маленькая дочка Митира. Затем она бросила остатки зерна цыплятам, которых кормила, и убежала в дом. Кашела беспокоило, что их легко можно увидеть из южных окон мельницы. Что касается Теноктрис, то ей, похоже, было абсолютно безразлично, видит кто-нибудь ее колдовство или нет.

«Как жаль, что так мало существует людей (не говоря уж о волшебниках), готовых делать свое дело открыто, — подумал юноша. — Мир был бы гораздо честнее в этом случае».

— *Миучтан салаам атиаскирто*, — бормотала колдунья, прикасаясь атамом к земле — одно слово на каждое прикосновение. — *Дабатаа заас оуач кол...*

Краем глаза Кашел уловил какое-то движение. Он оторвался от манипуляций Теноктрис и увидел, что из-за угла мельничного дома за ними наблюдает хорошенькая дочь Бенлоу.

— *Семисилам бачаксичуч!* — возвысила голос волшебница и легонько ударила травинкой по мрамору.

— Простите, — смущенно проговорила девушка. — Я не хотела вам мешать...

Из камешка в неясном красном свечении стала возникать неразличимая пока конструкция — так раздувается иглобрюх в морском приливе. Вскоре она приобрела очертания здания кубической формы с низким куполом и единственным отверстием в виде арочного дверного проема. Углы здания были украшены такой же резной вязью, как и исходный кусочек мрамора.

— Да это же... — произнесла Лиана.

— *Колдовство*, — мысленно закончил за нее фразу Кашел. И ошибся.

— ...гробница графини Теры в Каркозе, — договорила девушка. — Какое чудесное видение, госпожа!

— Да, — сухо произнесла Теноктрис. — Иногда меня по ошибке принимают за волшебницу. Те, кто не видел настоящей работы.

Видение внезапно исчезло. Кашел подумал, что, наверное, затруднился бы точно определить его размеры. Пожалуй, здание было в натуральную величину. Но, с другой стороны, их с Теноктрис разделяло расстояние вытянутой руки, а волшебное строение располагалось между ними и никого не задевало... Неужели все это лишь игра воображения?

— Каким образом вы узнали гробницу, госпожа? — спросила Теноктрис. Она с удивлением рассматривала травинку в своей руке, будто забыв, что это такое. Затем уронила ее на кусочек мрамора.

Лиана, прищурившись, внимательно рассматривала старую женщину. Даже сейчас, сидя на земле в простой поношенной тунике, та притягивала внимание как нечто экстраординарное в этой заброшенной деревушке.

— Мой отец интересовался ею, — наконец проговорила девушка. — Полагаю, из-за того, что она как две капли воды похожа на нашу семейную усыпальницу в Эрдине. Когда мы были в Каркозе, отец несколько раз посещал гробницу.

Кашел поднялся на ноги. Лиана, конечно, славная девушка, хотя лично он не понимал, почему ее появление произвело такой фурор среди женщин Барки. От отца она унаследовала черные блестящие волосы и бледный цвет лица, сейчас затененного широкополой шляпой из крахмального полотна. Правда, лицо у нее было не такое круглое, как у Бенлоу — скорее треугольное. Изящная фигурка досталась девушке, очевидно, от матери.

— Ваш отец — колдун, — напрямик заявил Кашел. Он стоял спокойно, сохраняя вполне мирную позу. Но прекрасно понимал: в глазах девушки он был быком, готовым поддеть на рога невин-

ного котенка. — Сознайтесь, это он слепил ту морскую тварь, которая ночью напала на моего друга?

Глаза Лианы расширились в ужасе, но она не отступила.

— Мой отец хороший человек, — громко заявила она. — Он уже сказал вам, что не приводил этого лича. Могу подтвердить, что он никогда не лгал — ни мне, никому другому.

Теноктрис тоже начала подниматься. Лиана наклонилась, чтобы помочь ей. Хорошее воспитание сказывалось даже в такой момент, когда она была вне себя от гнева.

Кашелу стало неловко. Девушка-то она была, похоже, неплохая, независимо от того, кем являлся ее отец. И тем не менее...

— Теноктрис тоже считает, что я ошибаюсь, — признался он. — Простите меня, госпожа, но я продолжаю утверждать, что ваш отец — *колдун*. Потому как я видел его здесь прошлой ночью.

Лиана судорожно сглотнула и прикрыла глаза. Когда же вновь распахнула их, то взгляд ее устремился к далекому горизонту за морской гладью.

— Помню, когда я была совсем маленькой, — сказала она, — моя нянька приводила меня и усаживала на колени матери. А отец пел нам песни. Прекрасные песни любви, которые он привозил из всех мест, где побывал.

Девушка посмотрела на Кашела, в ее глазах блеснули слезы.

— Он *хороший* человек, — яростно повторила она. Не прибавив ни слова, развернулась и пошла туда, откуда появилась — за дом, где катчиновская жена орала на свою дочку, а та вопила на весь белый свет.

— Я бы так не сказал, — пробурчал юноша. Его лицо постепенно заливала краска, теперь ему уже было совестно за свою злость.

— Ты, Кашел, честный парень, — мягко проговорила Теноктрис. — А я всегда верила, что говорить правду — привилегия честных людей. Кроме того...

Она легко улыбнулась. Юноша подумал, что если Лиана — котенок, то эта женщина — маленькая, сухонькая птичка. Ясноглазый воробышек.

— ...ее слова мне кажутся крайне любопытными. Возможно, если б у меня было достаточно данных, я смогла бы решить эту головоломку. И выяснить, какой-токой случай привел меня сюда, в вашу деревню. Отшельник был бы доволен.

— Госпожа? — обратился к ней Кашел. — А Бенлоу такой же могущественный чародей, как вы?

Теноктрис рассмеялась и похлопала его по руке.

— Бедный мой Кашел, — произнесла она. — Я вовсе не могушественная. Я много читала и многое вижу, это, конечно, важно. Но мои познания сродни умениям резчика по камню, который знает, куда надо ударить, чтобы расщепить алмаз по скрытой линии разлома. Если же ты ищешь чистой мощи, то тебе подойдет Бенлоу, который мог бы просто размозжить тот же алмаз, если б догадывался о своей силе.

Юноша развел своими большими трудолюбивыми руками.

— Ну и кому это нужно, госпожа? — спросил он.

Волшебница снова рассмеялась.

— Если б ты знал, как мало людей обладают твоей мудростью! — сказала она. — Вот Клобуку ее как раз и не хватило.

Она обратила к морю свое спокойное, полное решимости лицо.

— Вопрос по-прежнему остается открытым. Для чего Клобук забросил меня именно *сюда*? Ну что ж, в один прекрасный день мы это узнаем.

13

— Спокойно, девочка, спокойно, — приговаривал Гаррик, стоя у колодезной поилки с высокой гнедой кобылой купца. Своенравное животное нервно подергивало головой. Ясно было, что зазеваясь парень или упусти уздечку, только б он и видел кобылу.

Хлопот с ней было неоправданно много: и следить за ней, и кормить-поить отдельно от других животных, чтобы не нервничала и не лягалась. Гаррик вообще предпочел бы ездить на мерине Бенлоу, если б его спросили. А может, и вовсе — на одном из грузовых мулов.

— Добрый день, мастер Гаррик, — поздоровался Бенлоу, в одиночестве выходя из общего зала. Его охранники остались трапезничать за длинным столом, где им прислуживала сама Лора. — Добавили вам головной боли? Ее зовут Светлый Ангел.

— Она пока еще меня не очень слушается, — признался юноша, поглаживая кобылу за ушами. — Ну давай, Ангел, попьем... Ты же хочешь пить!

По неизвестной причине — может, просто для разнообразия — норовистое животное и впрямь склонило голову к каменной поил-

ке и начало из нее прихлебывать. Гаррик почесывал шею лошади, спускался чуткими пальцами вдоль хребта.

— Напротив, молодой человек, — возразил Бенлоу. — С вами она ведет себя лучше, чем с кем бы то ни было. У вас, наверное, талант приручать животных, не так ли?

Юноша занимался кобылой, радуясь возможности не смотреть в глаза Бенлоу. Хотя купец был подчеркнуто дружелюбен, в словах его присутствовала некая *закругленность*, от которой Гаррику становилось не по себе. Чем-то это напоминало речи священника, который ежегодно заявлялся в деревню за церковной десятиной. Тот тоже постоянно толковал о своей любви к Барке. Но выглядело это так, что, не напомним ему помощник название деревни, и поп непременно спутает ее с какой-нибудь другой, не менее «горячо любимой».

— У нас на Хафте, господин, все умеют обращаться с животными, — пробурчал Гаррик, сгоняя с кобылы назойливую муху. — Во всяком случае, в нашей деревне.

— Вам, наверное, известно, что я покупаю овец для доставки их на Сандраккан, — сказал Бенлоу. — Мне нужен приличный парень, который взялся бы перегнать стадо в Каркозу, где стоит мой корабль. Как вам понравилось бы мое предложение, Гаррик? Я плачу хафтский серебряный анкор за каждый день пути. По каркозским меркам это полновесная зарплата взрослого мужчины.

— Благодарю вас, господин, но — нет, — твердо ответил юноша. Он с усилием нажал на шею поднявшей было голову лошади, чтоб переместить ее влево, к поилке. Теперь Светлый Ангел стояла между своим владельцем и Гарриком. Кобыла удивленно всхрапнула при виде такого обращения, но стерпела. — Мой друг Кашел профессионально занимается такими делами. Он выполнит эту работу лучше меня. А кроме того, им с сестрой лишние деньги не помешают.

Чтоб закончить разговор, он решил отвести лошадь обратно в конюшню. Когда та замешкалась, Гаррик довольно резко дернул поводья. И снова кобыла коротко заржала, но артачиться не стала. И слава Дузи! Потому что при разнице в весе чуть ли не в десять раз сомневаться в исходе такого противоборства не приходилось.

С утра двое рыбаков завернули полуразложившееся тело лица в просмоленную парусину и утопили его в море на глубине сотни саженей. Но махина колесного вала все еще валялась во дворе,

где Гаррик бросил ее после ночного сражения. Пришлось вести Ангела в обход, так что Бенлоу снова перехватил юношу.

— Послушай, парень, — заговорил он командным голосом. — Твой друг, может, и хороший перегонщик, но я хочу нанять тебя, а не его. Я сделал тебе хорошее предложение, действительно хорошее. Но если ты хочешь еще накинуть плату...

— Послушай, чужестранец, — едва сдерживаясь, ответил Гаррик. Трудно сказать, что его вывело из себя: может, вид поля боя или назойливость купца, но юноша почувствовал, как в нем поднимается ярость, знакомая ему по ночным снам. Тем снам, где он с обнаженным мечом бросался на врагов. — Я не знаю и знать не хочу, откуда ты явился — из Каркозы, Эрдина или самой морской бездны... Но здесь, в Барке, мы не привыкли отбивать кусок хлеба друг у друга. Так что если тебе нужен перегонщик, — обращайся к Кашелу!

Должно быть, он говорил слишком громко, потому что стражники Бенлоу поспешно высыпали во двор. Гаррик почувствовал на себе их настороженные взгляды. Он бросил поводья и взялся за колесный вал. Лошадь нервно топталась рядом, но не делала попытки убежать.

— Пошли вон! — крикнул купец. — Ральд, немедленно загони своих людей обратно!

Начальник охраны, коренастый мужчина с невыразительно-серыми, какими-то чугунными глазами уперся ладонями в грудь ближайшего из подчиненных.

— Вы слышали, что сказал хозяин, — громко напустился он на них. — Чего примчались? Здесь все в порядке. Давайте возвращайтесь к своему элю.

Юноша вздрогнул и снова выпрямился. Наваждение пропало, он снова был один... Смеющийся образ, который пребывал в его сознании — тот самый, благодаря которому Гаррик одним ударом дубины сумел перевесить шестерых стражников, исчез. Ушел, растворился, затаился где-то в ожидании...

— Пошли, Ангел, — сердито проговорил юноша. — Поищем для тебя зерна!

— Ну что ж. Мы еще вернемся к этому разговору, молодой человек, — бодро кивнул торговец и зашагал к гостинице. Через минуту дверь за ним захлопнулась.

Гаррик запер кобылу в стойле и вышел из конюшни. В другое время он обязательно задержался бы, чтоб скормить морковку дру-

гую лошадам. Но сейчас, после разговора с Бенлоу, юноша чувствовал какую-то противную слабость, от которой дрожали колени. Он был рад, что никто его не видит.

Серебряный анкор в день — это было не просто хорошим предложением, а поистине фантастическим! Серебро в его деревне вообще появлялось лишь во время ежегодной ярмарки. Да и то большинство платежей производилось медными деньгами.

Нет, Бенлоу не просто искал парня для перегона стада в Каркозу. Сам по себе купец не пугал юношу, но его несурзное предложение послужило лишним подтверждением того, что надежный и привычный мир вокруг Гаррика летел к чертям. *Вот* чего он ужасно боялся.

— Как бы я хотел, чтоб все вернулось на свои места! — прошептал юноша. Он знал, что это невозможно: цыплята не превратятся снова в яйца; солнце не пойдет с запада на восток. Но даже понимая всю тщетность, Гаррик страстно мечтал о былом спокойствии и стабильности.

С поникшей головой и тревогой на сердце он шагал вдоль дороги. Никто из встречных односельчан не заговаривал с юношей, а может, он их просто не слышал...

Ему хотелось побыть в одиночестве и обдумать ситуацию. Уже почти дойдя до загона на севере деревушки, он заметил Теноктрис, которая, казалось, поджидала его.

— Я уже собиралась домой, — улыбнулась ему женщина. — Иногда я прихожу сюда подумать.

Гаррик обхватил себя руками и закрыл глаза. Помедлив, он решительно преодолел остаток пути до загона.

— Госпожа, можно поговорить с вами? — спросил он. — Я просто не знаю, к кому бы еще обратиться. Я *ничего* не понимаю.

— Говорят, это первая ступень на пути к мудрости, — улыбнулась старая женщина. Она легонько подвинулась, давая место Гаррику на стене, где она, по обыкновению, сидела. — Я только сегодня узнала, Гаррик, что это ты нашел меня на берегу. Мне следовало поблагодарить тебя раньше.

Юноша уселся верхом на стену, повернувшись лицом к колдунье. День клонился к закату: тени удлиннялись, облака над морем окрасились в розовый цвет.

— Если б я не оказался там, вас нашел бы один из местных рыбаков, — сказал он. Затем улыбнулся: — Если уж хотите, можете поблагодарить меня за то, что у меня отец — хозяин гос-

тиницы. Здесь вам, по крайней мере, удобнее, чем было бы в хижине какого-нибудь Тарбана.

— Ты знаешь, что ферма вашей крыши изготовлена из старой корабельной обшивки, — сообщила Теноктрис. — Это дерево хранит память о далеких событиях, которые для меня находятся в столь же далеком будущем. Я не соответствую вашему миру, Гаррик. По крайней мере, пока я не могу найти для этого пути.

Юноша понимающе кивнул.

— Я тоже не подхожу ему, — сказал он. — Или, может, наоборот, мир не подходит мне. Вы знаете, Бенлоу только что уговаривал меня перегнать его стадо в Каркозу. Но я чувствую, у него совсем другие цели. И Шарина так неожиданно уехала... Госпожа, что происходит? Я не хочу, чтоб все менялось!

— Беда в том, что это неизбежно, — сказала Теноктрис, глядя вдаль на море. — Вещи имеют тенденцию меняться. Мне, например, нравилось, как все было устроено тысячу лет назад. И большинство людей, думаю, привязано к своей жизни, хотя это не мешает им, конечно, мечтать о собственной свинье или о более милостивом сборщике налогов. Однако Клобук хотел большего... И благодаря ему в Королевстве Островов на долгие века воцарились война и разруха.

Волшебница насмешливо улыбнулась.

— Подобные времена хороши в романах, — сказала она. — Но малопривлекательны для людей, которым приходится в них жить. И вот теперь, когда Острова наконец-то приблизились к спокойствию и миру, Малкар снова восстает... И снова грядут изменения.

— Мне казалось, вы сказали, что Клобук утонул. — Гаррик, сам того не замечая, стиснул руки. — Что он умер.

— Малкар не умер, — просто сказала Теноктрис. — И Клобук тоже жив. По крайней мере, в твоих снах.

Юноша выпрямился.

— Вы думаете, судьба привела вас на Хафт для того, чтоб сразиться с Малкаром? — спросил он. Его голос стал тверже: исчезли неуверенность и жалость к самому себе.

— Судьба... — повторила женщина. — Не знаю, судьба может быть просто мифом. Но вот Силы — это не миф, и сейчас они работают точно так же, как в мое время. Я вижу их, Гаррик. Точно так же, как ты видишь тучи, сгущающиеся перед бурей.

Улыбка мелькнула на ее губах. Теноктрис не сердилась, по крайней мере, на него, на Гаррика.

— А насчет Малкара, — продолжила она, — ты можешь сражаться против него с тем же успехом, что и против солнца. Однако, как известно, солнце можно на время затенить. Точно так же и влияние Малкара можно блокировать.

Женщина тихо хихикнула и покачала головой:

— Правда, боюсь, для этого понадобится не такая старая вешалка, как я. Но тем не менее я попытаюсь.

Гаррик склонился вперед и взял обе руки Теноктрис в свои. Маленькие, сухонькие пальцы... Будто воробышка на ладони держишь.

— Госпожа, — позвал он. — А что делать мне? Следует ли мне поехать с Бенлоу? И не говорите, пожалуйста, что это мое дело. Я прошу вас о помощи!

Колдунья задумчиво покивала, ободряюще похлопала по руке застывшего в напряжении собеседника. Затем уселась поудобнее, скрестив руки на коленях.

— Если ты окажешься на дне мельничного ручья, когда туда хлынет поток, то вода смоет тебя, как бы упорно ты ни сопротивлялся, — произнесла Теноктрис. — Поэтому тебе лучше пуститься вплавь, чтоб хоть как-то контролировать ситуацию. По крайней мере, ты сможешь выбирать, куда плыть.

Юноша слушал, затаив дыхание.

— Ты связан с королем Карусом, Гаррик, — продолжала волшебница. — Как минимум, через медальон, а возможно, и по крови. Ведь Бенлоу, чтобы отыскать тебя, использовал генеалогию королевской семьи на Хафте. Если ты останешься дома, это повлечет за собой множество новых перипетий. Кто знает, как они скажутся на тебе, твоих родных и близких?

— Вы имеете в виду лича?

— И лича, — кивнула Теноктрис, — и кучу других, невиданных доселе сущностей. Поверь, мне очень неприятно говорить тебе это. Хотелось бы тебя успокоить, но...

— Убеждать хозяина, что пожар ему не грозит, когда амбар вовсю уже пылает, вряд ли является проявлением доброты, госпожа, — сказал, ухмыляясь, Гаррик.

Если разобраться, во всей этой истории были и смешные стороны. Помнится, он не раз вместе с другими жителями Барки хохотал над подвыпившим Силом, который все пытался смахнуть с лица несуществующих пауков. Если б сейчас односельчане могли заглянуть в мысли Гаррика, у них появился бы новый

повод для смеха. Вот уж когда бедняга Сил почувствовал бы себя отмищенным.

— Мне не кажется, что Бенлоу настроен к тебе враждебно, — рассуждала вслух Теноктрис, — но и другом его не назвать. У него были собственные причины разыскивать тебя. И причины эти немногим отличаются от тех, которыми руководствуется хозяйка, когда отлавливает во дворе цыплят перед обедом.

— А вы пойдете со мной, госпожа? — спросил Гаррик. — В Каркозу или куда там он собирается на самом деле...

— Да, пойду, — успокоила его колдунья.

Юноша поднялся. Вверху, на холме, горел свет, но деревушка внизу лежала в полутьме.

— Пожалуй, схожу узнаю, остается ли в силе предложение Бенлоу, — сказал Гаррик. — Вас проводить до дома?

— Я, наверное, побуду еще здесь, — улыбнулась Теноктрис. — Я пришла сюда, чтоб понаблюдать созвездие, которое появится еще только через два часа. К тому же тебе, наверное, хочется побыть одному.

Насвистывая незатейливую песенку, юноша пошел вниз по дороге. Не то чтобы ему было очень весело, но и страха не осталось. Если вы попали под дождь, вам суждено промокнуть. Это факт, и нечего тут хныкать и жаловаться. Именно так надо относиться к любому делу.

В некоторых домах, что побогаче, за окнами мерцали свечи. Гаррик шел знакомой с детства дорогой, и ночь ему была не помеха. Продолжая насвистывать, он пересек двор и вошел в общий зал гостиницы, где Райз хлопотал за стойкой.

Несколько местных мужчин выпивали за столом, видно, решили отвести душу после работы в поле. Появление Гаррика не привлекло ничьего внимания — он был привычной частью окружающей обстановки.

Бенлоу поднялся из-за стола, где сидел вместе со своими охранниками, и обратился к юноше:

— Мастер Гаррик! А я поговорил с вашим другом Кашелом, и он согласился перегнать моих овец в Каркозу.

— А-а! — вымолвил юноша с удивлением. Он-то был уверен, что купцу нужен именно он, Гаррик ор-Райз, а не какой-то погонщик овец. — Это просто замечательно. Кашел лучше всех в деревне справится с таким делом.

— Разрешите угостить вас кружечкой вашего отличного семейного эля, — продолжал Бенлоу, подхватывая пару кружек и плетеный кувшин со столешницы. Он увлек Гаррика в уединенный закуток в углу зала. Один из стражников поднялся и отправился за новым кувшином.

— Мне нравится ваша забота о друге, Гаррик, — произнес купец, наполняя кружки элем. — Но, видите ли, мне по-прежнему не помешает пара крепких мужских рук. Тем более, если мужчина может управляться с овцами, беседовать о поэзии с моей дочерью, и к тому же, в случае нужды, дерется, как лев. Сегодня утром вы произвели большое впечатление на начальника моей охраны Ральда. Не правда ли, Ральд?

Тот повернулся к ним с абсолютно тупым выражением лица.

— О, да, господин, — проговорил он. — Именно так, мастер Гаррик.

Юноша помедлил с ответом, смакуя эль. Смола, которой обычно обмазывали плетеные кувшины, добавляла своеобразный, довольно приятный оттенок вкусу местного эля. Особенно если иметь к нему привычку.

Улыбка на лице Бенлоу выглядела несколько натянутой. Тем не менее он сказал:

— Естественно, на тех же условиях, которые я предлагал раньше.

— А я как раз подумал, что мне пора посмотреть мир, — сообщил Гаррик. — Словом, я буду рад поработать на вас.

Райз бросил быстрый взгляд на сына, но не стал вмешиваться в разговор.

— Чудесно, чудесно! — воодушевился купец. — Стадо уже подготовлено, так что мы можем выступать прямо завтра с утра. Если вы, конечно, не против.

С каких это пор купец спрашивает согласия перегонщика скота? — подумал Гаррик, но вслух сказал:

— Думаю, Кашел посоветовал бы выйти после обеда. В первый день не следует чересчур утомлять овец.

— Пусть будет так, — согласился Бенлоу, хотя желваки на его скулах напряглись. — Буду рад познакомиться с вами поближе. Времени у нас — хоть отбавляй, ведь нам придется путешествовать со скоростью овечьего шага.

— Между прочим, — добавил юноша, — у нас тут живет женщина, которую я нашел на берегу после кораблекрушения. Она

уже достаточно поправила свои силы и хотела бы тоже вернуться в Каркозу. Дорожные расходы я беру на себя.

— Эта старуха? — спросил Бенлоу. — Да пусть идет, если хотите. Мне, правда, казалось, что она слишком слаба для такого путешествия. Но это, в конце концов, не мое дело.

Гаррик прикончил свою кружку и поднялся.

— Пойду наведаться в конюшню, — сказал он, затем бросил взгляд на отца и добавил: — К тому же мне надо упаковать кое-какие вещи.

Насвистывая все ту же мелодию, юноша вышел из комнаты.

14

Дождь прекратился на время, но капли все равно продолжали падать с веток, наполняя воздух своим *кап-кап-кап*. Где-то в глубине леса возилась саламандра, судя по звукам, она должна была быть размером со взрослого мужчину.

На корабле Шарина подобрала нож одного из погибших в шторме моряков. И сейчас она попыталась воткнуть его в фрагмент каменной кладки. Ее усилия не увенчались успехом, а прилагать больше силы она не стала из боязни сломать лезвие.

— Ноннус! — позвала она. — Здесь отсутствует известняковый раствор меж камнями, и тем не менее они примыкают друг к другу плотнее, чем на нашей мельнице в Барке. Думаю, это строилось еще во времена Старого Королевства. Ты так не считаешь?

— Наверное, ты права. К сожалению, я не каменщик и не могу по достоинству оценить качество работы.

Отшельник возился с тридцатидюймовым стволом дерева. Он провел бороздку поверху ствола и сейчас разводил в ней маленький огонь. Предварительно он вместе с девушкой снял кору с этого участка. Шарина в работе пользовалась коротким топоришком с триремы, а Ноннус, как обычно, своим ножом.

Изготовление кормы и носа требовало большой работы. Со-стругивать и убирать лишнюю древесину — тяжелый труд лесоруба, где от Шарины было мало толку. Но отшельника, похоже, это не пугало.

Пассажиры с корабля разбрелись по лесу. Густая растительность поглощала звуки, но все же то оттуда, то отсюда до них доносились ауканья и обрывки слов исследователей. Большая

часть команды отправилась на холм осмотреть заброшенный город. Ноннус на это отреагировал лаконично:

— У меня будет время на город, когда я закончу с челноком.

Шарина могла туда отправиться и без своего наставника, но она решила его подождать, поскольку доверяла уму и опыту Ноннуса. Сейчас были не ко времени всякие сомнения, этим можно заняться и позже. Таким образом, Шарина осталась и помогала отшельнику, втайне дивясь его выносливости: старик без устали ползал по лесу, исследуя окрестности.

— Я хочу сказать... — произнесла она, — Ноннус, мне кажется, люди не могли построить подобное. Обыкновенные люди, я имею в виду. Как ты думаешь, на этом острове жили колдуны?

Ноннус разогнулся и с удовольствием потянулся. Затем рассмеялся с той непосредственностью, которая удивила бы жителей Барки, привыкших к образу сурового отшельника.

— Видишь ли, деточка, я не специалист и по колдовству тоже. Но если хочешь знать мое мнение... то я считаю: обычным людям под силу все, что может сделать волшебник. Они сделают это по-своему, потратят больше времени, но поверь, мы можем сделать все.

Ноннус подошел к стволу, чтоб проконтролировать огонь. Он не должен был разгораться слишком близко к краю — лишь так, чтобы выжечь сердцевину и превратить ствол дерева в заготовку для лодки. Шарина раньше не подозревала о таком способе, наверное, потому что большие деревья были редкостью на Хафте. Отшельник же, очевидно, воспользовался своим опытом жизни на других, менее заселенных островах.

Это действительно было здорово. Тлеющий огонь выжигал сырую, замшелую древесину со скоростью работы среднего лесоруба. В то же время, в отличие от человека, огонь способен трудиться без устали целую ночь. Зеленые ветки образовывали своего рода крышу, защищавшую огонь от дождя, а брызги и насыщенный влагой воздух Тегмы препятствовал открытому возгоранию дерева.

Шарина с Ноннусом не обсуждали причины, по которым они приступили к изготовлению челнока. В этом не было нужды.

Со стороны моря, из-за плотной завесы тумана раздавался рокот волн. Рифы были теперь далеко за спиной, но тем не менее они никуда не подевались. Корабль не мог самостоятельно миновать их, для этого требовался такой же необычный шторм или же магия, подобная той, которая повлекла смерть капитана.

Шарина подозревала, что это произошло неслучайно, капитан был принесен Медером *в жертву*. И она скорее согласилась бы утонуть, чем участвовать в подобном ритуале.

— Нам, наверное, понадобится парус? — спросила девушка. — Не думаю, чтоб нам позволили взять его с триремы. Но я могу сшить вместе несколько плащей погибших моряков. Эх, если бы здесь была Илна...

Внезапно она замолчала. Поза отшельника изменилась: он нагнулся за своим дротиком, который никогда не оставлял на расстоянии дальше вытянутой руки. Он опустил дротик острием вниз. Один взмах руки — и смертоносное орудие полетит во врага.

— Ноннус? — встревожилась девушка. Не выпуская из рук ножа, она шагнула и встала за спиной отшельника у ствола дерева, в котором торчал ее короткий топорик. Возможны ситуации, когда понадобится более серьезное оружие, чем не слишком острый нож моряка.

Из леса вышла группа Кровавых Орлов во главе с Медером бор-Медерманом. Солдаты помоложе вяло болтали на ходу, утирая пот. Двое ветеранов мгновенно напряглись, заметив боевую стойку отшельника

— Доброе утро, Медер, — громко произнесла Шарина. — Надеюсь, наше присутствие вам не помешает? Вы, похоже, собрались вернуться на трирему?

— Прокуратор решила, что вам лучше находиться рядом с ней, госпожа, — сообщил Медер. — Вам надлежит пройти с нами в город. Мы хотим остановиться там, пока не разберемся в ситуации.

Он бросил на отшельника взгляд, задуманный как пренебрежительный, но вместо этого получившийся открыто враждебным.

— Если пожелаете, ваш слуга может сопровождать вас, — добавил он.

Его голос звучал сварливо и недовольно. Черные бархатные одежды юноши насквозь промокли, и неудивительно: даже тонкая туника Шарины пропиталась влагой и утяжелилась. Непривычная здешняя сырость у всех вызывала раздражение.

Однако, похоже, у молодого волшебника имелись дополнительные причины для недовольства. Шарина, как и любая женщина в подобной ситуации, чувствовала, что небезразлична юноше. У нее же самой молодой аристократ вызывал стойкое отвращение своими взглядами и поступками. Не желая открыто

проявлять свое презрение, девушка старалась держаться на расстоянии от Медера.

К тому же ей совсем не хотелось обсуждать этот вопрос с Ноннусом. Можно даже сказать, *особенно* не хотелось обсуждать с Ноннусом

— Я предпочитаю остаться здесь, — холодно сказала она.

Медер сжал правый кулак. Солдаты тут же прекратили болтовню и замерли в ожидании продолжения.

— Мне кажется, в ближайшие часы неотложной работы у нас тут не предвидится, — вступил в разговор отшельник. Он решительно вскинул на плечо свой дротик, как будто это был обычный посох. Прошелся вдоль ствола, чтоб еще раз проверить огонь. — Думаю, здесь все под контролем.

Затем с улыбкой обернулся к Медеру. В этой улыбке было больше благожелательности, чем насмешки.

— Самое подходящее время, чтоб познакомиться с чем-то новеньким, — сказал он.

Медер нахмурился, как человек, который никак не может отогнать назойливую муху.

— Вы правы, — согласился он. — Независимо от желаний госпожи Шарины.

Он галантно предложил ей руку, и девушка надменно последовала за ним вверх по каменной дороге.

— Думаю, уже можно убрать нож, дитя мое, — раздался сзади голос отшельника.

Шарина покраснела и спрятала нож обратно в ножны.

— Я об этом не подумала, — отозвалась она. — Привыкла дома целый день ходить с кухонным ножом.

Извилистая дорога подымалась довольно круто — примерно на один фут через каждые три горизонтальные ступеньки. Она была достаточно широкая, чтоб шесть человек могли пройти в ряд. Через несколько мгновений Ноннус нагнал их. Гладкие подошвы Медера скользили на прелой листве, отшельник был куда в лучшем положении — его босые ноги без усилий ступали по дороге.

Там, где ступени были достаточно стерты, просвечивал все тот же зеркально-гладкий гнейс. Шарина обратила внимание на бордюрные камни, установленные через каждые двадцать футов.

— Некоторые из этих блоков весят не меньше тонны, Ноннус, — сказала девушка.

— Совершенно верно, — подтвердил отшельник. Она уловила легкую усмешку в его голосе. Спор, который она затеяла, продолжался. — Но я не видел ни одного, который не могли бы передвинуть четверо мужчин. Самых обычных мужчин.

— Остров представляет собой средоточие Силы, — произнес вполголоса Медер. Он смахнул пот рукавом. — Волшебник в подобном месте может творить великие дела. Просто невероятные вещи!

Девушке подумалось, что источником его дурного настроения может служить какой-то факт, который она раньше упустила из виду. Ведь если даже оставить в стороне способ воздвижения каменных построек, то само появление Тегмы из морских вод служило доказательством магического воздействия. И это трудно было объяснить без вмешательства другого волшебника.

Совсем рядом слышались возбужденные возгласы моряков, невидимых в лесных зарослях. Судя по всему, там разворачивалась организованная охота на довольно крупного зверя.

На Тегме водились в изобилии насекомые и черви, которые служили пищей для саламандр. Зато ни млекопитающие, ни змеи не встречались. Даже птиц, против ожидания, не было видно. Некоторые насекомые имели крылья длиной в локоть Шарин, их низкое, басовитое жужжание вплеталось в лесной гул.

Камыши зашуршали, когда что-то крупное пронеслось в них и скрылось из виду. Лес был настолько густой, что дорога сразу же терялась меж холмов.

Кровавые Орлы тяжело дышали и бранились друг на друга. Их копыта, конечно, помогали не падать, поскользнувшись, но они же и мешали, задевая за ветви деревьев и товарищей по охоте. Беднягам было невыносимо жарко в их шлемах и металлических доспехах. Тот факт, что солдаты не скидывали их, свидетельствовал о жесткой воинской дисциплине. Но, с другой стороны, он показывал, насколько глупой и бессмысленной может быть эта самая дисциплина.

Ноннус по-прежнему не расставался со своим дротиком, держа его на плече так, чтоб можно было мгновенно пустить его в ход. Похоже, он, в отличие от Шарины, разделял беспокойство Кровавых Орлов по поводу возможных не магических, а вполне материальных врагов...

Отшельник махнул левой рукой куда-то вверх, привлекая внимание девушки. Она была полностью поглощена круто поднимавшейся дорогой, глядя лишь себе под ноги.

Теперь Шарина подняла взгляд и увидела грандиозные постройки на вершине горы. Каждое из этих колоссов превышало по высоте все здания их родной Барки, сложенные вместе. Мощные стены и мосты связывали их воедино. Они изгибались и переплетались, подобно ходам в муравейнике. В тумане красноватые лучи послеобеденного солнца окрашивали розовый камень в зловеще-багровый цвет. На зубчатых стенах мелькали фигурки солдат, их удивленные голоса доносились из открытых окон зданий.

Дорога упиралась в двадцатифутовые ворота трапецевидной формы. Конструкция поражала своей пропорциональностью — верхняя перекладина вдвое меньше по ширине, чем нижняя. И все же Шарина была несколько разочарована: она, скорее, ожидала увидеть колоссальную арку. Подойдя ближе, девушка разглядела и множество окон все той же, сужающейся кверху, формы.

— Госпожа прокуратор в крепости, — произнес Медер. Его глаза лихорадочно блестели, руки непроизвольно подергивались, будто ловя нечто, невидимое для постороннего глаза. — Вон в том самом высоком здании справа.

Ноннус опустился на колени и свободной рукой ощупал воротный столб. Его края были зенкованы, как будто под дверные петли. Но ни ворот, ни самих петель не сохранилось. Каменный столб был абсолютно гладкий, казалось, время не оставило на нем своих следов.

Возгласы солдат, цоканье их подбитых гвоздями сапог эхом разносились внутри замкнутых стен крепости. А здание, на которое указал колдун, было столь высоко, что вершина его терялась в тумане. Шарина никогда не видела ничего подобного.

— Мастер Медер! Госпожа прокуратор просит вас немедленно подняться к ней! — раздался сверху громкий голос Вейнера. Он стоял на балконе, располагавшемся на высоте шестидесяти футов, напротив ворот. Сама Азера, почитавшая ниже своего достоинства выкрикивать приказания, молча стояла рядом с командиром Кровавых Орлов.

Дверной проем оказался совсем низким. Шарине пришлось согнуться в три погибели, чтоб войти. При толщине стен в пятнадцать футов проход казался темным туннелем в гладком камне. Да уж, независимо от целей, которые преследовали древние строители, получилась настоящая крепость, подумала девушка.

В глубине открывшегося зала прошли двое солдат, окликавшие кого-то еще. Шарина знала: в крепости и ее ближайших

окрестностях находится не меньше двухсот человек, и все же не могла отделаться от ощущения затерянности в безбрежном океане.

Один из солдат что-то тихо сказал Медеру, тот бросил на него недовольный взгляд.

— Ну хорошо. Ладно, вы свободны, — бросил он.

— Вы же знаете, господин, нам надо позаботиться о пропитании, — обиженно сказал солдат.

Солдаты развернулись и скрылись в дверном проеме. Девушка заметила, что они начали потихоньку освобождаться от своих доспехов. Обнажившиеся кожаные одежды были насквозь промокшими от пота.

Дюжина трапезиевидных дверей вела из зала в разных направлениях. Узенькие оконца располагались почти под самым потолком. На верхние этажи вел спиральный пандус, поддерживаемый колоннами. Он упирался в углубление в потолке, почти невидное отсюда, снизу. Там стоял еще один Кровавый Орел и призывно махал вошедшим.

— Странно, почему они не построили лестницу? — удивленно спросила девушка, отправившись вместе с отшельником и юным колдуном в путь по крутому пандусу. После внешней лестницы здешний подъем немедленно отозвался болью в лодыжках.

— Думаю, по эстетическим причинам, госпожа, — покровительственным тоном отозвался Медер. — Создатели этих грандиозных построек, несомненно, пытались привести форму в соответствие с теми силами, что сконцентрированы здесь. Оценить совершенство их замысла под силу лишь искушенному в искусстве адепту.

— Или такому колдуну, как он сам, — с раздражением закончила про себя девушка.

— Если, конечно, создатели не были змеями, — с непроницаемым лицом добавил Ноннус, — для которых познания в искусстве заменяли недостаток рук.

Медер удивленно разинул рот, не в силах поверить, что какой-то неотесанный мужлан позволяет себе насмехаться над ним. Шарина же украдкой хихикнула в кулак. На бледных скулах волшебника вспыхнул лихорадочный румянец.

Все стены пятиугольного фойе, которое венчало пандус, имели двери. Солдат, который махал им, посторонился, и в одном из проемов показалась Азера. Она бросила взгляд через плечо и скомандовала:

— Да, выходите здесь. Расскажите, что вы выяснили.

Они с Вейнером стояли теперь на другом узком — всего тридцать дюймов — балкончике, выходявшем на противоположный горный склон. Перила на площадке отсутствовали, их заменял невысокий бордюр, похожий на тот, который обрамлял внешнюю лестницу. Шарина почувствовала себя неуютно даже при полном безветрии, которое царило с момента прибытия триремы на остров.

Их глазам предстала долина, которая взбегала на противоположный склон и терялась вдаль в тумане. Внизу, у основания крепости, бил серный источник, дымящийся поток вытекал из него и устремлялся вниз по каменистому кряжу. В радиусе нескольких футов от ручья не наблюдалось никакой растительности — одни лишь желто-оранжевые минералы. Испарения от потока, очевидно, очищали воздух, во всяком случае, туман здесь разрежался, расширяя поле зрения.

— Я вижу на мили вперед, — удивленно произнесла Шарина. Хотя, собственно, ничего нового они здесь не увидели — все тот же лес, что и по дороге от берега.

— Это, должно быть, постройки, которые я видел в на дне лагуны Тегмы, — тихо сказал отшельник. — Но рифы поднялись вокруг маленького островка, и...

Острием посоха он указал на пейзаж, который колебался в горячих испарениях источника.

— Вам что-нибудь известно об этом месте, Медер? — спросила напрямик Азера. — Имеете представление, куда именно нас перенесли ваши заклинания?

Ее озабоченность существенно отличалась от таковой у Вейнера. Командира Кровавых Орлов волновала опасность, притаившаяся в любом из закоулков неизведанного пространства. Опасность, неизвестная, но вполне конкретная. Прокуратора же по-прежнему заботила та миссия, что привела ее экспедицию на остров Хафт. Она пыталась просчитать то необозримое и сложное будущее, которое породила их непредусмотренная высадка на Тегме.

Если только они действительно находились на Тегме.

— Но я не переносил... — начал было Медер, но подавился своим протестом, уловив зловещий блеск в глазах Азеры. Он, конечно же, говорил правду: шторм не являлся делом его рук. Но госпожа прокуратор была слишком напугана и рассержена, чтобы рассуждать здраво. Одно только подозрение, что именно ошибка колдуна забросила их на неизвестный остров, приводила ее в ярость.

— Госпожа, — продолжал Медер, — Тегма представляет собой нечто более древнее, чем все сохранившиеся записи. Некоторые считают: древнее, чем сам человек.

— Что за чушь! — нахмурилась Азера, постукивая кончиком пальца по стене. — Эти самые постройки доказывают, что вы говорите глупости.

— И тем не менее, госпожа, — произнес волшебник, кивая, будто в согласии. — Все, что я говорю, до сих пор относилось к области догадок, поскольку никому не удавалось даже достигнуть лагуны над затопленным островом.

Ноннус запрокинул голову, чтоб хорошенько рассмотреть отвесную стену. На губах его играла легкая улыбка. В пятидесяти футах отсюда еще одна дверь распахивалась на балкон, располагавшийся на двадцать футов выше. Разглядывая замок снаружи, Шарина успела заметить, что есть несколько таких площадок на разных уровнях.

— Я незамедлительно приступлю к изучению данного вопроса посредством моих магических средств, — сообщил Медер.

— Да уж, и постарайтесь найти выход отсюда, — отгрызнулась Азера.

— Конечно, конечно, госпожа, — закивал Медер. — Но прежде мне нужно определиться, где находится это место, куда забросили нас колдуны королевы. Я полагаю, мои способности позволят...

В вестибюле раздались тяжелые шаги и крик:

— Вейнер! Госпожа Азера! Посмотрите, что мы нашли на нижних этажах!

Двое Кровавых Орлов остановились в дверях, протягивая находку своим начальникам. В руках у них были драгоценные украшения: крученые металлические ожерелья, слишком узкие для человеческой шеи; тонкие рифленые пластины, соединенные в трубы, опять же чересчур тесные для человеческого туловища и слишком длинные для конечностей даже очень высокой особи. Там же имелись и браслеты, которые Шарина, как ни старалась, ну совсем не могла представить на руке...

Все изделия были изготовлены из золота, причем столь высокой пробы, что оно уцелело в веках, уничтоживших все атрибуты древней культуры, за исключением гигантских камней Тегмы.

— Все это нашли моряки с триремы, госпожа, — рассказывал солдат. Часовой, стоявший на дверях, заглядывал через плечо товарищей, привлеченный блеском сокровищ. — И не удивлюсь,

если они хотели умолчать о своей находке. Ну, я и Найнджир преподали им урок дисциплины!

Медер поднял повыше ожерелье, чтоб разглядеть его в красноватых лучах солнца. Вся поверхность украшения была покрыта декоративной резьбой. Шарина подумала: если это не просто завитушки, а какие-то надписи, то они сделаны на языке, совершенно ей незнакомом.

— Как раз то, что мне нужно! — воскликнул волшебник. — Мы перенесем сокровища на корабль — это удобнее, чем тащить сюда все мои принадлежности. Теперь-то уж мы *точно* получим объяснение происходящего, потому что древние обитатели сами *расскажут* нам.

Все еще держа украшение в руках, Медер стремительно выгнулся из дверей, так что солдаты едва успели отскочить в сторону. Будучи увлеченным своим так называемым искусством, юный волшебник полностью забывал о присутствии госпожи прокуратора. А если и вспоминал о ней, то лишь как о лишней паре рук, способных выполнять его приказания. Азера, похоже, была шокирована таким неуважением, но смогла подавить вспышку гнева во имя исследовательского интереса.

— Пойдем со мной, девушка, — обратилась она к Шарине. — Мне хочется как можно скорее найти дорогу из этого заколдованного места. Если она существует!

— Вейнер, — обернулась она к командиру. — Мне понадобится по меньшей мере шесть человек. Как только разыщете народ, немедленно приходите на судно.

Глава гвардейцев с готовностью кивнул и быстро удалился с балкона.

— Вот и хорошо, — пробормотал Ноннус, спускаясь по пандусу в нижний зал. — Нам как раз пора проверить наш огонь.

Шарине показалось, что отшельник мягко подтрунивал на аристократами. Девушка была уверена: они-то с Ноннусом точно уплывут с острова Тегмы. Независимо от того, что произойдет с остальными.

Большая часть стада находилась уже в каменном загоне. Они радостным, низким блеянием встретили Гаррика, который при-

гнал последних двенадцать овец от Бейлина. Злополучная Боджера, молочная овца с белыми ушами, заметив, что юноша отвлекся, тут же потрусилась в сторонку от всей отары.

Недовольно поджав губы, Гаррик потянулся через спины ее товарок, чтоб стегнуть строптивницу своим смычком без струн. Они с Кашелом не пользовались обычными пастушьими палками с крюком на конце. Нападения морских демонов случались довольно редко (хотя полностью такую угрозу исключать не приходилось). В рядовых ситуациях юноши вполне обходились посохом Кашела и гарриковским смычком, в случае же внезапной атаки морских рептилий у них под рукой всегда было оружие.

Кашел дожидался друга у ворот загона с миской и сумой в руках. Он выразительно хмыкнул и скомандовал:

— Боджера! А ну-ка, *иди сюда!*

Овца, которая перед этим не обратила ни малейшего внимания на Гаррика, тут же вернулась к остальной отаре. Юноши стали пропускать овец в загон. Каждый раз, когда животное проходило в узкие ворота, Кашел бросал один боб в миску.

— Двенадцать штук, как мы и рассчитывали, — сообщил Гаррик.

— Хорошо, — ответил Кашел. — Я уж боялся, что он решит оставить Боджеру у себя. Сотни раз он мне твердил: «Никогда не видел такой молочной овцы, как эта». Пусть теперь какой-нибудь сандаракканский бедолага следит, чтоб она не удушилась или не утопилась.

Он продолжал свой подсчет — один боб на одну овцу, — как будто не слышал слов друга. В этом был весь Кашел: начав какое-то дело, он последовательно доводил его до конца, без халтуры и ошибок. Порой такое поведение выводило Гаррика из себя. Но он должен был признать, что, в конечном итоге, это шло на пользу делу.

Гаррик легонько подтолкнул молодую овцу, которая, не попав сразу в загон, вознамерилась прогуляться до ближайшей лужайки.

— Да, — сказал он, — Бейлин должен был тебя послушать. А может, это просто цена, которую пришлось заплатить Бенлоу.

Наконец все три овцы прошли внутрь. Кашел поставил миску на землю и опорожнил суму себе на ладонь, пока Гаррик запирали ворота загона. Бейлиновские животные были последними, которых приобрел Бенлоу для своего стада из пятидесяти голов.

— Послушай, — сказал Гаррик, — ферма Бейлина как раз по пути на Каркозу. Мы могли бы подхватить их завтра, когда от-

правимся бы в путь. Сэкономили бы полторы мили в каждый конец.

Кашел покачал головой.

— Я предпочитаю, чтоб вся отара была собрана вместе, — возразил он. — Овцам надо привыкнуть к новым условиям.

Он забросил полдюжины лишних бобов себе в рот и удовлетворенно захрустел ими. Ежеутренне, а также на каждой стоянке Кашел будет сверять количество подопечных с количеством бобов в миске.

Гаррик засмеялся.

— Ну, как знаешь, — сказал он. — Я всего лишь твой помощник, делаю, как велит хозяин.

Кашел поднял на него глаза, но заговорил только после того, как дожевал свои бобы.

— Гаррик, я, конечно, рад твоей компании, — сказал он. — Но по-прежнему беспокоюсь из-за того, что ты пойдешь с нами. Я не доверяю Бенлоу. Он колдун.

— Ну так что? — пожал плечами его друг. — С какой стати ты беспокоишься обо мне, а не о себе? Что-то я не понимаю...

— Потому что ему нужен именно ты, — пояснил Кашел. — Мы с Теноктрис видели, как он вызвал духа, чтобы найти тебя. Разве она не рассказывала? И сразу после этого лич напал на тебя.

— Я предполагал нечто подобное, — признался Гаррик. Мысль о том, что он является объектом охоты богатого купца, смущала его гораздо больше, чем он показывал. — Я, собственно, потому и попросил Теноктрис пойти с нами. Думаю, она лучше нас с тобой разберется, есть повод для беспокойства или нет.

— В любом случае, — вздохнул Кашел, — я хочу уйти отсюда. Из-за Шарины... Так что я бы воспользовался случаем и пошел с Бенлоу, даже если б он был морским демоном на задних ногах.

— Ну, если это то, что тебе надо... — произнес Гаррик, глядя на морскую гладь. Никто из друзей сейчас не испытывал желания встречаться взглядом.

Привычная жизнь Гаррика оказалась нарушена вмешательством внешних сил. Он прикоснулся к лодыжке, там, где остался след от укуса морского демона — после рабочего дня мышцы болели больше, чем он ожидал. И трирема... И Бенлоу... и даже Теноктрис — все это те самые внешние силы. Хотя, пожалуй, появление колдуньи относится к разряду приятных событий. И оно радовало Гаррика не меньше наступления весенних деньков.

Но Кашел-то сам разнес свою жизнь на кусочки! Разве можно так убиваться по какой-то девчонке? Нет, конечно, Гаррик и сам скучал по сестре... Но чтоб по собственной воле бросить налаженную жизнь в родной деревне! И все из-за Шарины... Впрочем, это — решение Кашела, и оно никого не касается.

— Я вот думаю, — задумчиво произнес Кашел, — а что бы Бенлоу сделал, если б ты отказался идти с ним?

Гаррик с радостью сменил тему, тем более этот вопрос занимал и его самого.

— Не думаю, чтоб он смог как-то повлиять на ситуацию, — беззаботно отмахнулся он. — То есть, конечно, у него есть охранники... Но вряд ли он смог бы открыто прибегнуть к силе на глазах всей деревни. Кто ему позволит насильно тащить человека, как свинью на бойню!

— Не забывай, он волшебник, — возразил Кашел. — Ты не придаешь этому большого значения, но лишь оттого, что проспал все события. А у меня до сих пор мурашки по коже бегают. И не думаю, что ты обезопасился, приняв его предложение. Конечно, мы с тобой молодые и сильные, но, поверь, охранники Бенлоу волнуют меня меньше всего.

Гаррик кивнул, делая вид, что его занимают облака, сгустившиеся над морем в пяти милях от берега.

— Ну как, пойдем обратно? — спросил он.

— Я собираюсь провести ночь здесь, — ответил Кашел. — У меня с собой теплый плащ и мой ужин. Овцы должны привыкнуть ко мне и считать своим.

Гаррик легонько ткнул друга кулаком в плечо.

— Думаю, не только овцам нужно привыкнуть к новому положению вещей, — иронически улыбнулся он. — Но мне кажется, я тебя понимаю.

Юноша отправился в обратный путь к деревне, насвистывая на ходу мотивчик джиги, которой научил его моряк с триремы.

16

— Ха-хе! — выдохнул Ноннус, он стоял у будущего челнока, опираясь на правую ногу. На второй слог он сделал рывок, посылая вперед рубанок, за которым потянулся след древесной крошки — частично обожженной, частично свежей рыжевато-белой.

— Ха-хо! — снова рывок, вес по центру.

— Ха-хи! — Рубанок оставляет третий след, параллельный первым двум, обходя таким образом внутреннюю полость челнока. Шарина знала: загляни она внутрь, и все следы, на ее взгляд, сольются воедино — настолько выверенными были движения отшельника. Он без усталости повторял все тот же цикл: рывок вперед, корпус назад, чтоб занять позицию для нового рывка.

Они позаимствовали рубанок в плотницком сундучке на триреме. Ноннусу, скорее всего, инструмент не дали бы — солдаты пребывали в раздраженном состоянии духа по поводу нескончаемой сырости. Да и вообще военному человеку почему-то всегда легче сказать «нет», чем «да». Посему Шарина решила протолкнуть это дело, используя свое положение аристократки на судне. Ей воспрепятствовать солдаты не могли, не притянув к решению вопроса Азеру. А зная крутой нрав госпожи прокуратора, подчиненные боялись к ней апеллировать — а ну как гнев обратится против них самих?

С Шариной все на корабле обращались как с высокопоставленной особой. Все, кроме Ноннуса. Он относился к ней как к другу.

Дождь снова прекратился, солнце низко висело над западной кромкой горизонта. В проеме одного из укрытий появилась Азера, на ее потемневшем лице было написано плохо скрытое разочарование. До сих пор манипуляции Медера в соседнем убежище имели результатом — легкий дымок, подымавшийся к небу, бесконечные завывания и букет неожиданных запахов. В какой-то момент Шарина ощутила в воздухе затхлый, промозглый холод древней гробницы; затем вдруг появился резкий цветочный аромат, которому совершенно неоткуда было взяться на этом лишенном цветов острове.

Больше юному волшебнику пока похвастать было нечем. Дело пока даже не дошло до ритуального убийства саламандр, которых стражники отловили в лесу и сейчас держали в мешке, сделанном из туники одного из умерших моряков.

Вот уже несколько часов Шарина, невзирая на затяжной дождь, продолжала трудиться над длинным шестом, которому в конце концов предстояло стать мачтой на их челноке. Она старательно обстругивала дерево и почти не обращала внимания на теплые редкие капли, которые как-то терялись в атмосфере всепоглощающей сырости.

Ноннус, казалось, вообще не замечал погоды. Он весь был поглощен процессом шлифовки внутренней поверхности челно-

ка, начерно выеденной огнем. Дальше полагаться на пламя было рискованно: слишком уж тонким стало днище лодки.

Таким образом, они трудились, не обращая внимания на погоду. Над отшельником эта категория бытия вообще была не властна, а девушка привыкла к работе у себя дома, на сельском постоялом дворе. Ее отец, Райз, отметал соображения комфорта как несущественные, если надо было делать дело.

Несколько Кровавых Орлов слонялись поблизости, ведя бес-связную беседу. Они откровенно скучали: ничего не происходило, тем не менее дежурство обязывало их торчать, по крайней мере, часть времени, под дождем, да еще при полном вооружении. В таких условиях даже Вейнер ходил с недовольной миной. Шарина уже уразумела, что солдатская служба, в опровержение героических романов, представляла собой в основном смесь скуки и неудобств.

Азера бросила взгляд в сторону Медера, корпевшего над своими заклинаниями, но не пошла в его сторону. На сей раз волшебник не счел возможным полностью спрятать свою магическую конструкцию — ему был нужен свет. Он лишь огородил с трех сторон жертвенный камень, поэтому охранники старательно отводили взгляд, чтоб не видеть действий колдуна.

Прокуратор направилась к Шарине, которая в этот момент обтесывала свой шест с помощью топорика.

— Что это вы здесь делаете? — Она уже не сдерживала раздражения и намеренно подошла гораздо ближе, чем понравилось бы любому работающему человеку.

— Ха-хе! — раздалось со стороны Ноннуса. Он не отвечал, более того — умышленно возвысил голос, подчеркивая свое независимое существование в мире высокопоставленных вельмож. — Ха-хо!

— Стараемся хоть чем-то заняться, — пояснила Шарина. Она приостановила работу и сладко потянулась. Продолжать обстреливать шест теперь, когда Азера стояла непосредственно за ее спиной, было бы ошибкой. Это могло повлечь новый взрыв недовольства. Не дай бог, еще отлетит щепка и поранит госпожу прокуратора, хотя, откровенно говоря, нож был не настолько острым, чтоб нанести кому бы то ни было серьезный вред. — Мы строим лодку.

— Пустая трата времени, — фыркнула Азера. Ее выводила из себя ситуация, в которой они оказались, и неспособность колду-

на что-либо изменить. Но злиться на небеса глупо, а на Медера — малоэффективно. Шарина же с отшельником вполне подходили для этой цели.

Девушке это было хорошо знакомо: точно так же предпочитала изливать свой гнев Лора. Хотя справедливости ради надо отметить, что чаще объектом ее нападок становился бедняга-Райз, а не дети.

— Скорее! — крикнул Медер, обернувшись в страшном возбуждении. — Несите животных! Немедленно! Забери вас всех Сестра! Вы что, хотите заставить меня начинать все заново?

Солдаты, казалось, оцепенели. В то же время лицо Азеры разгладилось, на нем проявился живейший интерес. Она зашагала почти вприпрыжку к укрытию волшебника. На ходу она махала Вейнеру, чтоб он поспешил поднести мешок с жертвенными животными.

— Ха-хо! — Отшельник, как ни в чем не бывало, продолжал свою работу. — Ха-хи!

При всем своем недоверии к юному колдуну, Шарина обошла свой шест так, чтобы иметь возможность наблюдать за действиями Медера.

Тот всюду распевал заклинания и жестикулировал своим атакмом. Он очертил магический круг на земле вокруг золотого ожерелья. Когда колдун подал знак, Вейнер вспорол брюхо жертвенной саламандры, кровь и внутренности потоком хлынули на золотое украшение. Зрелище было не из приятных, но лицо старого солдата оставалось стол же невозмутимым, как гнейсовые скалы поблизости.

В это время Азера держала наготове еще одну саламандру — поменьше, с ярко-оранжевыми пятнами. Она морщилась от прикосновения к склизкой коже животного. По команде Медера прокуратор с размаху швырнула жертву в кипящий котел, где колдун варил какие-то порошки. Раздалось шипение и отчаянный визг несчастного животного Шарина невольно поморщилась.

Воздух вокруг волшебника наполнился громким треском — таким, которое издает ломающееся пополам дерево. Над ожерельем появился и начал сгущаться красный туман. Вейнер в панике выскочил из построения так быстро, что ударился головой о навес. Прокуратор тоже медленно отступала, не отрывая взгляда от закручивающегося в воронку красного свечения.

— Ноннус, — тихо позвала девушка.

Но отшельник уже и сам отложил рубанок. Он прыгнул на землю и поднял правой рукой свой дротик. Рука сама нашла оружие, для этого ему не потребовалось даже беглого взгляда.

Светящийся туман застыл в нечто веретенообразное ростом пять футов от земли. Конструкция на глазах темнела, как кусок железа, вынутый из кузнечного горна, и оформлялась отдельными чертами: конечностями и треугольной головой. Шею создания охватывало туманное ожерелье.

Конечностей, против обыкновения, оказалось не четыре, а шесть. Две — сплюснутые на манер лопаточек или лезвий ножа; следующие две — подлиннее, вполне способные к манипуляциям с помощью пальцеобразных жгутиков. Последняя пара, с хитиновым покровом, служила ногами, достойными насекомого.

Создание не имело ничего общего с человеком, если пренебречь его вертикальной осанкой.

— Аркан! — закричал Медер. Он выбрался из укрытия, радостно хлопая в ладоши. — Коренные жители Тегмы были тем, что «Рукопись» Кассариона называет аркаями!

Теперь Кровавые Орлы могли себе позволить поглазеть на результат трудов колдуна. Азера и Медер — оба разошлись в стороны, чтоб под разными углами рассмотреть неподвижный образ. Правда, реагировали они по-разному: если юный волшебник цвел улыбкой, то прокуратор озадаченно хмурилась.

— И как вы собираетесь... — начала она.

В этот момент магическое изображение начало расширяться. Какое-то время туман еще удерживался внутри формы, затем оболочка с громким хлопком лопнула, подобно мыльному пузырю. Розовое свечение разлилось по воздуху, продолжая распространяться вширь и постепенно бледнея при этом. Можно было различить едва заметную границу между туманом и окружающим воздухом.

— Встань за моей спиной, дитя, — неожиданно гортанным голосом скомандовал отшельник Шарине, бесцеремонно сгребая ее назад правой рукой, в которой держал посох. Ноннус вытащил свой знаменитый пьюльский нож и держал его лезвием вверх между собой и надвигающимся призраком.

Облако растеклось над кончиком ножа и головами укрывшихся за ним хафтианцев, нимало им не повредив. Шарина вообще ничего не ощутила при контакте. Теперь, когда они оказались внутри облака, розовый цвет ослабел.

— Что это было? — резко спросила Азера. Она похлопала себя по щекам, проверяя, не оставило ли магическое свечение какой-нибудь осадок на ней. — Вы не предупреждали, что эта штука может ко мне прикоснуться!

Вейнер выхватил меч из ножен, его глаза настороженно рыскали во всех направлениях.

— Ничего страшного, — отмахнулся Медер. — Чтобы получить необходимую информацию, нам необходимо...

В палатке, где он сейчас творил свое чародейство, что-то заворочалось. Шарина сначала подумала, что это саламандра выбралась из мешка.

— ...повторить заклинание...

На каменном полу укрытия происходило нечто странное — вырастала какая-то сгорбленная форма, как будто рассеянная пыль вновь стягивалась, концентрировалась в первоначальную оболочку, из которой перед этим высыпалась. Однако теперь все увидели не бесплотный светящийся образ, а вполне одушевленное твердое тело.

— ...но на этот раз все пройдет гораздо быстрее, потому что...

В это время все побережье, так же как и земля вдоль дороги, заколебалось. Свечение медленно распространялось в воздухе, за ним поднималась вековая пыль.

— Смотрите! — крикнула Шарина, указывая в сторону палатки Медера, и все взоры устремились туда.

Рыжевато-коричневое создание, покрытое хитином¹ — материальный двойник того призрачного образа, который наколдовал помощник Азеры, — медленно поднималось на ноги. Госпожа прокуратор закричала и отпрыгнула назад, да так неловко, что чуть не упала. Аркай метнулся в ее сторону. Ей наперерез кинулся Вейнер, со всего размаха полоснув мечом по корпусу твари.

Аркай сжался в комок, размахивая конечностями так, что задел предплечье Вейнера своей верхней ножеобразной лопаткой. С кончика меча, который старый солдат выдернул из плоти создания, капала лиловая кровь.

Земля шевелилась и дрожала, как жидкость в котле, готовая закипеть. Должно быть, сотни, тысячи аркаев собрались в порту тысячи лет назад, когда остров прекратил свое существование.

¹ Хитин — органическое соединение, из которого состоит наружный твердый покров ракообразных, насекомых и других членистоногих.

Кровавые Орлы пытались сопротивляться, но с таким же успехом они могли сражаться своими копьями с лесным пожаром.

— Беги в город! — скомандовал Ноннус, как всегда первым сориентировавшись в критической ситуации. — Постарайся опередить облако!

Хотя его приказ относился непосредственно к Шарине, за ними вверх по дороге бросилась вся компания, включая Медера. Только строгий окрик командира удержал Кровавых Орлов от панического бегства, грозившего свалкой. Вряд ли аристократы сумели бы уцелеть в подобной суматохе. Не то чтобы гвардейцам не хватало храбрости, но одно дело сражаться с обычными людьми, и совсем другое — против жутких, сверхъестественных созданий. С большим трудом Вейнеру удалось организовать тыловую оборону.

Впереди, на горном серпантине, куда мчались люди, тоже присутствовали аркаи — хотя гораздо менее развитые и мощные, чем те, что гнались за ними. Очевидно, сила восставших созданий зависела от времени воздействия на них движущегося розового облака.

На первом же повороте Шарина поскользнулась и едва не упала на бегу. Отшельник взвыл, но помочь ей ничем не мог, так как обе руки у него были заняты оружием. Девушка и сама удержалась. Она отшвырнула свой топорик в качестве противовеса и сохранила равновесие, лишь коснувшись земли освободившейся рукой.

На ее пути поднимался почти сформировавшийся аркай. Шарина перемахнула через чудовище и продолжала свой бег.

— Может, срежем путь через холм? — крикнула она отшельнику.

— Мы не знаем дороги! — возразил тот. — Запросто можем застрять в каком-нибудь овраге.

По всей дороге продолжали возникать аркаи. Позади себя Шарина услышала лязг оружия и крик, но продолжала бежать без остановок.

Войдя в общий зал постоянного двора, Гаррик застал отца у стойки. Тот аккуратно переносил счета посетителей с глиняных табличек на специальные полотняные полосы. Стоял тот недол-

гий час, когда солнышко еще не зашло и ласково светило сквозь западное окно. И пик вечерней торговли пока не наступил, поэтому можно было привести в порядок бухгалтерию.

Только приведенные подсчеты дали сумму более одного серебряного анкера, а ведь существовал еще счет Бенлоу — за содержание самого торговца, его дочери, охранников и животных. Деньги, уплаченные купцом, составляли никак не меньше все того же анкера. Что ни говори, последняя неделя оказалась чрезвычайно прибыльной для всей деревни и для постоянного двора в частности..

Райз обернулся на звук отворившейся двери и вопросительно уставился на сына.

— Э-э, отец, — начал Гаррик. — Я подумал, что утром будет большая суета, поэтому лучше нам попрощаться сегодня, пока есть время...

Райз одобрительно кивнул.

— Ты всегда проявлял завидную предусмотрительность, — заметил он. — В добавление ко всем прочим твоим добродетелям.

Он бросил взгляд на гусиное перо, которое держал в руке, и тщательно вытер его кончик между указательным и большим пальцами, чтобы оно не засохло и не засорилось. Затем снова поймал гарриков взгляд и продолжал:

— Никто заранее не знает, что сулит нам будущее. В этом смысле завтрашний день ничем не отличается от всех прочих. Надеюсь, ты вернешься домой с приличной суммой в серебряных монетах и тем опытом, который молодой человек с деньгами может приобрести в большом городе.

На лице Райза мелькнула знакомая улыбка — затрагивая лишь левую половину лица, она больше напоминала нервный тик.

— Хочу верить, что ты проявишь благоразумие, — завершил он свое отцовское напутствие. — Однако я понимаю: ты не такой старый сухарь, как я. Развлекайся, мой мальчик, но не теряй головы!

— Э-э, я вернусь через десять дней, — смущенно пробормотал Гаррик. — Я бы обернулся и раньше, но пока мы не доставим Теноктрис в Каркозу, нам придется приноравливаться к ее шагу.

Он снова посмотрел на отцовские записи. Райз обладал вполне профессиональным почерком: каждая буква четкая и разборчивая, как в книге, но без характерных виньеток и загогулинок, которые делались во имя красоты и только затемняли смысл

написанного. Гаррик и сам писал получше многих в деревне, но знал, что никогда не достигнет той элегантной простоты, которая отличала его отца.

— Так вот, как я уже сказал, — произнес Райз, — будущее от нас не зависит...

Он положил перо на стойку бара и, не поднимая взгляда от собственных рук, добавил:

— До сих пор у меня не было ни малейших сомнений, что ты сможешь о себе позаботиться, мой мальчик... С другой стороны, я не переоценивал *свои* возможности по части помощи другому человеку. И тем не менее... Возможно, в один прекрасный день ты обнаружишь, что нуждаешься в моей помощи. Так знай: я помогу тебе, чем только смогу.

Закончив эту тираду, Райз решительно отвернулся к окну и поднес глиняную табличку поближе к свету. Затем обмакнул кончик пера в чернильницу и возобновил свою работу.

— Большое спасибо, — произнес Гаррик в отцовскую спину. — Но полагаю, ты знаешь... Я вернусь через десять дней.

Он направился к лестнице, на ходу прикидывая, что из одежды взять с собой. В это время в открытой двери кухни появилась Лора:

— Гаррик? Ты не зайдешь? Мне надо тебе кое-что сказать.

Юноша почувствовал, как в горле у него встал комок. На помощь отца рассчитывать не приходилось — тот весь погрузился в свои расчеты.

— Да, мама, — пробормотал Гаррик.

Лора придержала дверь, пока сын не вошел, затем плотно ее притворила. Они были одни на кухне: стряпня для Бенлоу и его свиты являлась не столь уж трудоемким делом.

Гаррик остановился посреди комнаты и сцепил руки за спиной — он просто не знал, куда их девать. Лора обернулась к сыну: кукольное лицо исказили обида и злость.

— Я всегда любила тебе, Гаррик, — произнесла женщина. — Ни одна мать не любила больше своего ребенка!

Ее резкий, оборонительный тон лучше всяких слов убеждал: Лора сама не хуже сына понимает, что это ложь. Если уж допустить, что Лора могла о ком-то заботиться, кроме себя самой, то таким человеком наверняка была бы Шарина.

Дверь, ведущая во двор, растворилась, на кухню вошла Илна.

— Я пришла за... — успела произнести девушка.

— Это может подождать, — оборвала ее Лора. — Я понимаю: ты росла без матери, некому было тебя научить стучать в дверь перед тем, как войти в комнату. Но тем не менее я беседую со своим сыном!

Гаррик видел, как окаменело лицо Илны. В деревне все хорошо знали Лору: эта женщина в гневе могла сболтнуть все что угодно. Очевидно, она считала, что память у ее односельчан такая же короткая, как у нее самой. Однако в случае с Илной, особенно с рассерженной Илной, дело обстояло совсем иначе...

С холодной вежливостью девушка кивнула, развернулась и вышла, тихо притворив за собой дверь. Скоропалительные и скоротечные чувства были чужды ей.

— Ты, наверное, считаешь свою мать старой гусыней, которой нечего сообщить тебе, — проговорила Лора совсем иным, рассудительным тоном. — Что ж, ты прав — я стара. Нет нужды напоминать мне о моем возрасте, для этого существует зеркало. Но поверь, мой мальчик, я многое знаю о женщинах... да и о мужчинах, если на то пошло. Даже несмотря на те годы, что я провела в здешней глуши.

Не в первый раз Гаррик задумался о своей матери. Нет, она вовсе не дура! А жаль... Ей бы удалось куда меньше вредить людям, будь она глупее.

— Мама, — пробурчал юноша, разглядывая сырые пятна на стене за ее спиной, — я собираюсь вернуться через десять дней. Всего две недели вне дома. Просто перегоняю овец в Каркозу. Лора фыркнула.

— Как же, вернешься ты после того, как увидишь город, — проговорила она. — Хотела бы я посмотреть на такого дурака! Да еще при том, что эта девица Лиана положила глаз на тебя!

— Мама! — воскликнул Гаррик. Ему хотелось заползти под стол и прервать неприятный разговор.

— Послушай, что я тебе хочу сказать, мой мальчик, — невзирая на смущение юноши, продолжала Лора. — Имея дело с подобной девушкой, да и с любой из них, не забывай: многое зависит от тебя самого! Не позволяй их словам, взглядам, нарядам, в конце концов, вскружить тебе голову. Не ной, не упрашивай их! Дай им понять, что они сами должны бегать за тобой.

Она смерила сына холодным оценивающим взглядом — как овцу на рынке. Гаррик мечтал провалиться сквозь землю. Но мать, похоже, осталась довольна осмотром.

— Они непременно придут, — уверила она его. — Можешь не сомневаться, мой мальчик. Будут ходить за тобой стадами!

— Но мне *не нужны* стада женщин! — возразил Гаррик. — О чем ты говоришь, мама? Я всего лишь перегоняю овец в Каркозу! И в любом случае...

Он поймал себя на том, что почти кричит, и, сделав усилие, понизил тон:

— ...Лиана благородная госпожа. Я ей совсем не интересен. Лора с каким-то даже недоверием покачала головой.

— Ого, похоже, я вырастила настоящую жемчужину! — произнесла она. — Того идеального мужчину, о котором порядочные девушки могут лишь мечтать. И лишь одной из тысячи может повезти найти такого...

Она подошла поближе к сыну и, подняв его подбородок двумя пальцами, заставила посмотреть ей в глаза.

— Послушай свою мать, — сказала она. — И запомни навсегда: даже самая высокопоставленная госпожа прежде всего женщина.

Гаррику было странно слышать у матери этот властный тон, столь непохожий на ее обычную манеру говорить. Для всех хвастливые тирады Лоры стали столь же привычными, как ее вычурные прически.

Мать убрала руку, дотронувшись до задвижки кухонной двери, но взгляд не отвела.

— Гаррик, я не стану учить тебя, как поступать с Лианой или другими хорошенькими девушками, которых ты повстречаешь. Но запомни: ты должен строить отношения на своих собственных условиях. Или ты будешь последним дураком!

Она распахнула дверь и жестом отпустила сына.

— Таким же дураком, как твой отец! — добавила она ему вдогонку.

18

Последний участок дороги к аркайскому городу делал петлю. Гладкие скалы были слишком твердыми, чтоб корни древовидных папоротников и хвощей могли укорениться на них. Таким образом ничто не скрывало обзор, и Шарина явственно видела, как магическое облако достигло городских стен и его красное свечение слилось с окрашенными в розовое камнями.

Из подлеска справа от дороги раздался хриплый крик. Вероятно, и там прятались аркаи в ожидании гибели своего острова. Неосторожные матросы с триремы отправились в лес на охоту и, очевидно, сами стали жертвой при встрече с клиновидными конечностями оживших аборигенов.

Шарина думала — надеялась, молилась! — что у стен города неуправляемая магия юного колдуна наконец исчерпает себя, или, на худой конец, эти стены станут непреодолимым барьером для хитиновых монстров. Увы, Медер оказался очень могущественным волшебником, как он и похвалялся... *Дурак!*

— Как же я не захватил мой сундучок! — задыхаясь, сокрушался колдун. — Я могу спасти всех, но для этого мне нужны инструменты!

— Ты глупец! — завопила Азера. — Ты погубил нас, попросту *убил* нас!

Шарине казалось, что мышцы на ее бедрах превратились в расплавленный свинец. Она весь день провела на ногах, и двойной подъем на холм, причем в последний раз — бегом, оказался непосильной нагрузкой, даже если б ей не приходилось помогать Ноннусу.

Плечи и руки отшельника были сильнее, чем у многих более крупных мужчин. Они сформировались и закалились во время многолетнего плавания на хрупкой лодочке по волнам Внешнего Моря. Ноги Ноннуса тоже не назовешь слабыми, но они, увы, были непригодными к долгому бегу. Дважды во время их поспешного подъема лишь надежная рука Шарины да ее молодая жизненная сила уберегли старика от падения.

Но чего ей это стоило! Слишком много сил потрачено, чтоб теперь даже помыслить о неудаче.

Одoleвая подъем, девушка бросила взгляд через плечо. Она не собиралась этого делать, но инстинктивная потребность знать худшее заставила оглянуться. Двое вельмож находились в двадцати футах от нее. Азера сбросила на ходу свою бежевую робу и теперь бежала в тонкой белой тунике, которую закат окрасил в красный цвет. Медер в одной руке сжимал свой атам, а другой размахивал, будто плывя в насыщенном влагой воздухе.

Четверо Кровавых Орлов делали отчаянные попытки прикрывать отход своих драгоценных подопечных. Вейнер, помимо меча, прихватил еще копье одного из павших солдат. И то, и другое было окрашено лиловой кровью чудовищ.

Дорога внизу оказалась запружена ожившими аркаями, несколько из них пробирались через лес в надежде перехватить отступавших людей. Парочка четырехруких чудовищ вышла из-за деревьев и характерными скользящими шагами направилась в просвет между гвардейцами и отставшими аристократами. Солдаты со своим командиром были заняты наступавшими сзади аркаями и не видели лазутчиков.

— Вейнер! — закричала Шарина. При этом она сбилась с шага и упала на одно колено.

— Вперед! — взревел Ноннус. — Думай о своем спасении!

Люди у стен города взволнованно наблюдали за погоней. Отдаленные крики из крепости свидетельствовали, что и там появились оживающие аркаи. Но надежда еще оставалась... Все моряки были при ножах. Многие вооружились копьями для охоты на саламандр. В их силах было очистить по крайней мере одно здание и занять там оборону, пока монстры не обрели полной жизненной силы...

Шарина и Ноннус завернули за последний угол. Всего сто футов гнейсовой дороги отделяло их от высоких городских ворот.

В этот момент перед ними из-за деревьев показались трое аркаев. Их пилообразные верхние конечности были подняты, как у изготовившихся к атаке богомолов.

Шарина на полшага опережала отшельника, поэтому, миновав угол, она оказалась лицом к лицу с противником. Времени на раздумья не оставалось: девушка инстинктивно удлинила последний шаг и со всего размаха обрушила свой ручной топорик на треугольный череп монстра. Как будто колола чурбан во дворе родного дома...

Лезвие топора было не слишком острым, но девушка вложила в удар всю свою силу и отчаяние. Металл вошел прямо в неглубокую впадинку на голове чудовища. Хлынула лиловая кровь, распространяя запах кислоты.

Инерция движения бросила Шарину прямо на ее жертву. Сегментированные пластины на груди чудовища пружинили, как вареная кожа. Его конечности конвульсивно задергались, при этом жгутики на руках трепетали, как крылья бабочки, в то время как зазубренные лопатки прошлись по спине девушки. Аркай рухнул на обочину дороги, чуть не вырвав из рук Шарины застрявший топорик.

Ноннус ударил туда, где тонкая шея монстра переходила в торс. Хитиновый покров треснул, образовав звездообразный узор

на месте удара. Отшельник поднапрягся и наискось насадил держащееся, как лягушка, тело на острие своего посоха. Размахивая им, он смог блокировать атаку третьего аркая.

В левой руке у Ноннуса был знаменитый пьюльский нож, он-то со всего размаха и обрушился на грудь чудовища. Плотный хитин расползся, как марля, в обе стороны от лезвия.

Отшельник перепрыгнул клубок спутанных, извивающихся тел, одним ловким движением освободив свое копьё. Вместе с Шариной они продолжили свой бег, теперь уже девушка опиралась на плечо друга.

Холодная струйка, стекавшая по ее спине, была не потом — кровью...

19

Илна вышла из дому с двумя небольшими узлами на посохе, который она пристроила на плече, пока запирала дверь. Замок, как и дверь, был примерно на тысячу лет моложе камней здания и достаточно прочным для своего возраста.

Мельник Катчин стоял на улице перед постоянным двором и вел неспешную беседу с Бенлоу. Лиана ос-Бенлоу находилась тут же, хотя не принимала участия в разговоре. Повернувшись спиной к мужчинам, она безучастно разглядывала перистые облака далеко на севере. Всем своим видом девушка показывала, что любая попытка заговорить с ней будет расценена как нежелательное вторжение.

Неподалеку переминались с ноги на ногу двое из охранников Бенлоу. Поза их, пусть и не совсем расслабленная, свидетельствовала, что в настоящий момент они ниоткуда не ожидают нападения. Четверо их товарищей находились во дворе гостиницы, вместе с Райзом проверяя упряжь и навьючивая поклажу на животных.

Несколько местных жителей заняли привычный наблюдательный пост. Но, похоже, деревня, пресыщенная переживаниями последних недель, посчитала отъезд купца недостаточно волнующим событием, чтоб отрываться от повседневных дел. Госпожа Киррури заприметила Илну у дверей и локтем подтолкнула соседку. Кумушки зашептались, краем глаза наблюдая за девушкой.

Мужчины не обратили никакого внимания на проходившую мимо Илну. Катчин с увлечением расписывал торговцу свой план превращения родной Барки в порт, способный конкурировать с

Каркозой. Надо сказать, прожект был абсолютно нелепым, даже если б нашелся человек, готовый во имя этого рискнуть неограниченной суммой. Восточные ветры почти постоянно порождали штормы во Внутреннем Море, делая порты этого побережья крайне неудобными для захода судов.

Бенлоу вежливо «слушал», но голова его была занята мыслями, никак не связанными с катчиновским предложением. И, насколько могла судить Илна по выражению его лица, весьма неприятными мыслями.

Вдалеке по склону холма растянулась неспешная цепочка — это Кашел с Гарриком перегоняли отару Бенлоу из загона в деревню. Гаррик со своим смычком маневрировал в хвосте, урезонивая жалобно блеющих овец. Кашел же со своими подопечными еще не показался из-за поворота на северной оконечности Барки.

— Добрый день, дядюшка Катчин, — громко прервала монолог мельника Илна. — Поскольку вы — мой ближайший родственник в деревне, то перед отъездом я хочу оставить вам кое-что на сохранение.

И она протянула ему ключ с четырьмя бороздками. Поскольку Катчин непонимающе таращился на нее, девушка взяла дядю за руку, развернула ее ладонью вверх и решительно вложила туда ключ.

— Это на всякий случай, — пояснила Илна, внимательного осматриваясь. — Надеюсь, пока мы с Кашелом будем отсутствовать, никому не придет в голову рыться в наших вещах.

— О чем это ты толкуешь, девчонка? — в недоумении спросил Катчин. — Ты-то куда собралась? Насколько я знаю, ты никогда не покидала деревню... да и не могла, даже если б захотела!

Вместо ответа Илна развязала один из своих узлов. Внутри полотняного покрывала обнаружился шерстяной ковер, покрытый черно-белыми и разнообразно-серыми узорами.

— Я только что закончила свой настенный ковер и собираюсь продать его на рынке в Карокозе, — пояснила девушка. — Там мне заплатят по крайней мере в три раза больше, чем проезжий купец в нашей деревне.

Она бросила взгляд на северную дорогу — хотя отара еще не показалась, уже можно было слышать голос Кашела, призывающего к порядку непослушных овец.

— Вы правы: раньше я не могла никуда отлучиться, так как постоянно заботилась о своем брате. — Завладев инициативой в разговоре, Илна сочла возможным понизить голос. Тем не менее

каждое ее слово слышалось четко, как удар молотка. Обращаясь теперь к Лиане, она продолжала: — Парни подчас абсолютно лишены здравого смысла. Ну, чистые дети.

Лиана оторвалась от своего занятия и посмотрела на девушку. Она скептически подняла бровь, но не произнесла ни слова.

— Времена сейчас такие беспокойные, — вмешался Бенлоу. Он старался говорить мягко, даже льстиво, хотя меж бровями у него залегла складка. — Не думаю, что это подходящий момент впервые покидать дом для такой хорошенькой молодой девушки.

— Я в курсе, какие сейчас времена, — холодно парировала Илна. Все в Барке знали: эта девушка не потерпит покровительственного тона мужчины. — История с личем произошла на моих глазах, насколько вы помните. Но смею надеяться, с отъездом чужестранцев исчезнут и неприятности, которые они принесли в наш дом.

Катчин смущенно крикнул. Ну что с нее взять! Ему доводилось слышать куда более резкие (и менее справедливые) суждения от своей племянницы.

Бенлоу покраснел.

— Я не имею никакого отношения к личу, — хрипло возразил он и отвернулся, будто заинтересовавшись чем-то на улице. — Ну что, парни с овцами еще не подошли?

— Мы будем рады, если вы присоединитесь к нашему каравану, госпожа, — неожиданно подала голос Лиана. — С нами вы будете в безопасности. Но, позвольте спросить, вы обдумали уже, как вернетесь в родную деревню?

Женщины скрестили взгляды.

— Вы очень любезны, госпожа, что беспокоитесь обо мне, — произнесла Илна. — Уверяю вас: каждый, кто имел несчастье расти без ваших жизненных преимуществ, просто обязан самостоятельно печься о своем благополучии — и благополучии близких друзей, не обремененных излишней мудростью.

Девушка улыбнулась. В своем воображении она видела Лиану крепко связанной и поджариваемой на тихом огне.

У единственного входа в крепость собрались ее защитники — семнадцать оставшихся в живых Кровавых Орлов. Вообще в хаосе первых минут, когда внезапно поднялась орда оживших

аркаев, уцелело гораздо больше солдат, чем моряков. Это имело простое объяснение — наличие доспехов и лучшее вооружение. Выжившие гвардейцы попытались забаррикадировать вход, используя единственный оказавшийся под рукой материал — трупы павших людей, но в основном — аркаев.

Воспользовавшись передышкой, отшельник принялся осматривать Шарину. Девушка из всех сил старалась не стонать и не вздрагивать, пока Ноннус накладывал прохладную мазь на ее израненную спину. В основе лекарства, очевидно, содержался какой-то жир — отшельник предпочитал его ланолину, которым широко пользовались скотоводы. Но было там и что-то вяжущее: в первый момент мазь вызывала сильное жжение, которое затем переходило в приятное тепло.

Вскоре стало ясно, что баррикады не способны сдерживать натиск аркаев. Появлялись все новые монстры: они раскидывали трупы по двору, протискивались к дверям и в свою очередь погибали. Но постепенно мечи Кровавых Орлов тупились, копы ломались, и время от времени пилообразные конечности аркаев доставали солдат в прорехи доспехов. Раненых прибавлялось, но и те, кто сумел избежать печальной участи, все больше уставали в этой бесконечной схватке.

— А я и не заметила, как ты прихватил свой медицинский ящичек, Ноннус, — произнесла девушка. Ей хотелось говорить на любую тему — лишь бы не молчать и не слышать звуки сражения у ворот. Хотя правильнее было назвать это бойней. Люди бранились и проклинали все на свете, мечи с хрустом разрывали хитиновый покров аркаев, затем раздавалось мелодичное пение стали — это солдат выдергивал застрявшее во вражеском теле оружие. Погибая, монстры издавали свистящий хрип — высокий звук, от которого у Шарины по телу бежали мурашки.

— Я же охотник на тюленей, дитя мое. — В голосе отшельника слышалась ирония. — Когда плывешь в крошечной лодочке, разумнее всего привязать необходимые вещи к своему телу. Если лодка опрокинулась, тренированный моряк может вернуть ее в прежнее положение двумя взмахами весла, но вот сохранить при этом болтающийся по лодке багаж ему не под силу.

Тем временем аркаи все прибывали. Моряки под началом Кизуты пытались сдвинуть с места каменный алтарь, чтоб заблокировать вход. Но даже Шарина понимала: это обеспечит передышку ненадолго.

— Ноннус, — снова заговорила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Сколько мы, по-твоему, продержимся?

— Не удивлюсь, если это будет достаточно долго, — ответил отшельник. Он потянулся, чтобы через прореху на ее тунике исследовать порез пониже правой лопатки. Именно сюда пришелся основной удар руки-пилы, в остальных местах было больше проколов, чем порезов. — Особенно если удастся заделать дверь.

Моряки отчаялись сдвинуть весь алтарь целиком и теперь пытались своротить его верхушку при помощи своих не слишком надежных деревянных копий. Шестидюймовая плита, над которой они трудились, весила не меньше тонны — так что она должна была стать надежным заслоном.

— Но у нас ведь нет ни еды, ни питья! — горячо возразила Шарина. В голосе ее звучали гнев и страх.

В этот момент послышался скрежет и радостные крики моряков — плита наконец поддалась. А у двери продолжалось сражение. Один из Кровавых Орлов вскрикнул и отпрянул, зажимая обеими руками бедро, рассеченное до кости.

— Сейчас будет немного больно, — предупредил Ноннус. Он сжал большим и указательным пальцами кожу у колотой раны на спине у девушки, в то же время старательно накладывая другим указательным пальцем мазь.

— Вода — не проблема, — продолжал при этом рассуждать отшельник. — Дождей здесь хватает. Мы сможем собирать ее на верхних этажах здания. Будем раскладывать ткань, а потом ее выкручивать.

— Не бросайте просто так! — скомандовала Азера, подходя ближе к работающим морякам. Голос у нее был сильный и уверенный, хотя нервные движения рук выдавали волнение. — Я хочу сохранить алтарь! Подстелите какую-нибудь тряпку под низ, чтоб смягчить удар.

— Ну а как насчет еды? Мы же будем голодать, разве нет? — продолжала гнуть свое Шарина. Пока они пробивались к крепости, в крови ее бурлил адреналин. Теперь же, выгорев, он оставил после себя лишь пепел и безнадежность.

Девушке самой было противно слушать себя, но сейчас она не могла ничего поделать со своим настроением. Это не я ною и жалуясь, успокаивала себя девушка. К утру я снова соберусь с силами и буду в порядке, сейчас же... Придется потерпеть.

— Дитя мое, я ел омара, — спокойно произнес Ноннус. — Съем и этих насекомых, если не будет другой еды.

Шарина кивнула.

— Послушай, девочка моя...

Она подняла глаза на отшельника.

— Прежде, чем я умру от голода и оставлю тебя без защиты, я съем не только насекомых, но и людей, — сказал он. — Пусть простит меня Госпожа, но я это сделаю. И ты тоже...

Шарина через силу улыбнулась.

— Надеюсь, омар кончится не так быстро, — отшутилась она.

И тут один из моряков отчаянно закричал, его поддержали другие. Из дыры, которая обнажилась под сдвинутой плитой, восставал аркай.

Люди столько сил положили, чтоб справиться с этой тяжелой штуковиной. Им и в голову не приходило, что под алтарем расположена гробница. И вот теперь магия Медера оживила захороненного здесь аркай.

Какое-то время он стоял на краю гробницы, сгорбившись, как хищная птица, затем бросился вперед, наметившись своими смертоносными лопатками на Азеру. Вейнер резко развернулся — он оставался начеку, даже держа оборону у двери.

Но его опередил Ноннус. Его дротик остановил аркай на полпути — острое вошло как раз у основания шеи и вышло сзади на ширину ладони. Удар развернул монстра, так что он ткнулся в Азеру мягким животом, а не твердыми грудными пластинами и боевыми конечностями. Госпожа прокуратор, не устояв, упала на пол.

Шарина в растерянности моргнула. Она даже не успела заметить движения отшельника. Лишь кожей почувствовала, что пальцы с мазью куда-то исчезли. Девушка схватилась за свой топорик и тоже вскочила.

Кизута, Вейнер и еще двое Кровавых Орлов подбежали к Азере. Там уже был Ноннус: ухватившись за древко дротика, он использовал его как рычаг, чтоб оттащить тело аркай от женщины. Еще один рывок, и короткое копье, теперь испачканное в лиловой крови, высвободилось.

Взгляд Медера упал на Шарину.

— О, дорогая госпожа! Вы ранены! — бросился к ней колдун. В руке он по-прежнему держал забытый атам. Девушка посторонилась, опасаясь, как бы Медер не задел ее своим кинжалом.

— Со мной все в порядке, — пробормотала она, исследуя острие топорика. Если его заточить как следует, то топорик вполне мог послужить боевым оружием. Беда в том, что поблизости не было подходящего абразива. Розовый гнейс для этого не годился — слишком уж хорошо отполирован.

— Постойте! Я могу исцелить вас своим даром, — воскликнул Медер. — Иначе у вас останутся шрамы!

Он положил руку ей на плечо, пытаясь развернуть девушку и осмотреть ее раны. Шарина сердито отпрянула.

— Медер! — рявкнула Азера, которая сама без посторонней помощи поднялась с пола. — Что ты делаешь? Это ты во всем виноват! И еще стоишь и что-то тут говоришь...

— Я должен... — оборачиваясь, произнес колдун.

— Оставьте меня, — дернула плечом Шарина. — Я прекрасно себя чувствую.

— Но я...

Отшельник сделал шаг и встал между девушкой и Медером. Он спокойно поднял конец его туники и вытер о бархат острие своего дротика.

Глаза его, не отрываясь, смотрели в темные глаза юноши. Тот подался назад и обернулся к разгневанной Азере.

— Моя магия спасла нас от шторма, — сказал он. — Вернее, от обоих штормов. Я, конечно, извиняюсь за... нынешнюю ситуацию. Но сейчас нас может спасти только мое искусство.

— Мне нужно заточить топорик, Ноннус, — тихо произнесла Шарина, не обращая внимания на чародея. Команда Кизуты снова сражалась с крышкой алтаря, а гвардейцы вернулись к защите дверей.

Отшельник кивнул.

— После того, как мы закончим с твоими порезами, — сказал он. — Я думаю, может сгодиться край плиты с алтаря. Или найдем что-нибудь еще.

Девушка снова опустилась на колени и согнулась, так чтобы отшельник смог закончить с ранами на ее спине. Те из них, которые Ноннус еще не обработал, болели и пульсировали. После наложения мази боль проходила.

— Я отправляюсь на самую высокую башню, чтобы там заняться магией! — громко заявил Медер, стараясь перекрыть царящую какофонию.

Шарина даже не обернулась.

— Боюсь, шрамов не миновать, дитя мое, — сказал отшельник, легонько проводя пальцами по ранам.

— Таких же ужасных, как у тебя, Ноннус? — спросила девушка.

Он засмеялся и распорядился:

— Ну-ка, подними руку.

Затем добавил:

— Не от таких ран, дитя мое. Но мы ведь еще не выпутались из этой переделки, не правда ли?

Теперь уже они вместе рассмеялись. А вокруг них гремела и лязгала смерть.

21

Прислонив свой лук к стволу священного дуба, Гаррик стоял на холме и озирал пастбище, спускавшееся к самому морю. В этот час прилив уже миновал, по отмелям деловито прохаживались ржанки и вороны, над их головами с криками кружили чайки.

Морские демоны сегодня, слава Госпоже, не появлялись. Нефритовая гладь моря выглядела чистой, прохладной и вполне невинной. Трудно было представить, что совсем недавно Гаррик едва не встретил свою смерть на этих пустынных галечных просторах.

Неподалеку от него присел кулик. Подумал, скакнул пару раз и с горестным криком снова взмыл в небо. Гаррику и самому было невесело. Вытянув шею, он пытался рассмотреть дорогу, ведущую на запад, к далекой Каркозе. Увы, даже отсюда, с вершины холма, это было затруднительно... Что ж, через час ему предстояло очутиться на этой самой дороге с отарой Бенлоу.

Узнав, что юноша хочет немного задержаться, купец не возражал — лишь бы он успел присоединиться к каравану еще до первой остановки в четырех милях отсюда. А отаре вполне хватало и одного пастуха. Даже Гаррик, не говоря уж о Кашеле, мог самостоятельно управиться с такой работой. Бенлоу полагал, что задержка юноши связана с кем-то из дорогих ему людей: может, родителями или возлюбленной, с которой требовалось попрощаться.

Он бы очень удивился, увидев, что Гаррик пришел под священный дуб. Юноша не спеша обошел дерево и присел на корточки. Его колчан при этом уперся в землю, а своей верхней, изукрашенной оконечностью весьма ощутимо надавил на ребра.

Поморщившись, Гаррик сдвинул чехол в сторону. Он не имел обыкновения носить колчан на поясе — это было требование Бенлоу, с которым приходилось считаться.

Сначала купец вознамерился вооружить обоих юношей такими же мечами, как у его охранников. Выглядело, конечно, заманчиво, хотя Гаррику трудно было представить себя в дороге с этим тяжелым и неуклюжим куском металла.

Его оружием являлся лук со стрелами. Здесь юноше не было равных. А меч... Никто в их деревне никогда не носил меча, и Гаррику хватало ума понимать, что сам по себе меч не обратит врагов в бегство. Даже нарезка жаркого требовала практики и умения.

Кашел не спросил, куда отправился его друг: надо значит надо, а с овцами он и сам справится. Он вообще редко задавал вопросы и еще реже откровенничал. Человеку со стороны Кашел мог показаться безобидным простачком.

Где-то поблизости заблела одинокая овца. Что уж там смутило ее невинную душу — лишь ей одной известно... Возможно, просто радовалась пришедшей наконец весне. Двое пареньков с западной окраины — Мартан и Сандури — взялись присматривать за сельским стадом в отсутствие Кашела и Гаррика. Что ж, Сандури, по крайней мере, был способным пастухом.

Илна тоже не стала приставать с вопросами к Гаррику, просто проводила его взглядом, когда юноша свернул на южную дорогу, ведущую на главное деревенское пастбище. Гаррик же, в свою очередь, не понимал, что заставило девушку пуститься в путешествие. Хотя односельчане давно уже перестали удивляться Илне, слишком уж своеобразным было ее видение мира. Подобно своему брату, она предпочитала держать собственное мнение при себе. Но уж назвать Илну скучной или бестолковой ни у кого бы язык не повернулся.

Гаррик достал из-за пояса свою пастушью свирель и прислонил ее к маленькому прямоугольному камню. Вырезанный на нем лик в это время дня был почти не виден, его затенял разросшийся серо-зеленый лишайник.

— Дузи, — обратился к изваянию юноша. — Ты — малый бог и, наверное, не сможешь помочь кому-нибудь за пределами нашей деревни. Но ведь и я — маленький человек: крестьянин, выросший на постоялом дворе. Сейчас мне предстоит покинуть единственное место на земле, которое я знаю и люблю. К тому

же в моей жизни происходит нечто непонятное. Поэтому, Дузи, я с радостью приму любую помощь, которую ты сможешь оказать мне в грядущие дни.

Он установил свирель так, будто божок вот-вот поднесет дудочку к губам и заиграет. Немного постоял, ощущая слезы, подступающие к глазам. Гаррик и сам не мог понять природы своей печали, не знал, кого ему хочется оплакивать. Может быть, себя самого...

Очнувшись от раздумий, сердито вытер слезы.

— Присматривай хорошо за овцами, Дузи, — попросил он. — Мартан и Сандури, конечно, молодые, но они всему научатся, если ты поможешь им советом.

После этого юноша вздохнул и тронулся в путь. Он пошел наискосок через холм, чтобы в четверти мили от Барки встретиться с караваном. Возвращаться через деревню, мимо знакомых домов и людей, с которыми он вырос, Гаррику почему-то не хотелось.

Лук с ослабевшей тетивой он закинул за правое плечо, чтоб освободить руки. Он освободил их для того, чтобы собирать по пути маргаритки и плести венок. Может, такая нехитрая вещьца позабавит Лиану. Или вот что... Пожалуй, он сплетет два венка — по одному каждой из девушек.

Насвистывая нехитрую песенку, Гаррик шагал через весеннее пастбище.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Кашел внезапно проснулся в конюшне местечка Дашен, где они вчера заночевали. Со сна он никак не мог разобрать, что именно его разбудило. Какой-то неясный звук в ночной тишине... Юноша поднялся, стараясь не шуметь, чтоб не потревожить спящего рядом Гаррика, а также Илну и Теноктрис на сеновале. Прихватив свой посох, он выскользнул во двор через приоткрытую дверь.

По сути Дашен представлял собой просто рабочую ферму. Но удобное расположение на каркозской дороге подсказало владельцу мысль устроить своеобразный постоянный двор для проходящих караванов. Конюшня вмещала с десятков лошадей, корм для которых поставляли с хозяйских полей. Тут же находился загон для двух приличных отар — места хватало. А выстроенный напротив хозяйского дома барак служил общим залом, где дюжина постояльцев могла сидеть, прихлебывая домашний эль, или сладко поживать на соломенных тюфяках. Чем не сельская гостиница?

Именно здесь сегодня расположилось на ночлег семейство Дашенов вместе с охранниками Бенлоу. Сам же купец занял спальню хозяев. Лиане предоставили комнату, где обычно жили четыре дочери Дашенов. Гаррику тоже предложили местечко в общем зале, но юноша предпочел расположиться в конюшне вместе со своими друзьями.

Что касается Кашела, то его выбор был прост: ночевать в конюшне или с отарой в загоне. Благополучие животных являлось его главной обязанностью, и добросовестный пастух не хотел, чтоб ночные храпы соседей мешали ему прислушиваться к дорогим овечкам.

Погода на улице стояла безветренная, хотя и довольно свежая. А может, Кашелу это только показалось после душной конюшни, где сгрудились люди, лошади и мулы. Во всяком случае, лягушки

вовсю выводили свои рулады — не хуже, чем летом; а из лощинки в полумиле от фермы раздавалась ночная песнь любви лягушки-быка.

Воздух звенел от насекомых, лунный диск то и дело перечеркивали силуэты летучих мышей. Время от времени до Кашела доносился их вибрирующий писк.

Невольно он задумался: неужели на всей земле лягушки и летучие мыши одинаковые? Такие же, как в его родной Барке... Юноша принял решение покинуть дом и людей, с которыми жил бок о бок. Он так и сделал, и сейчас — в первый раз — спросил себя: а не расстался ли он заодно со всей прежней жизнью? Сможет ли и впредь видеть над головой знакомые созвездия? Не окажется ли он сам той веткой, что дрейфует от острова к острову, не имея надежды прибиться к родным берегам?

Подавив стон, Кашел отогнал тяжелые мысли. Он не знал и не хотел знать, что ждет его в будущем. Дело сделано: он ушел из дому и горевать не собирается... Юноша сжал обеими руками посох и зашагал к загону с овцами. Так же беззвучно, как туман, стелющийся над озером.

Илна не привыкла даром есть свой хлеб. Она уже отработала свою ночевку на ферме у Дашенов. Хотя хозяин и сам мог справиться с неожиданными постояльцами, но отказаться от услуг Илны он не смог. Девушка взялась мыть посуду за похлебку утром да соломенную постель ночью. Его дочери с радостью ухватились за такое предложение — попробовал бы папочка отказаться!

Тем паче что здесь, всего в нескольких милях от Барки, Илну хорошо знали. Горшки выходили из ее рук такими же чистыми и сверкающими, как из лавки гончара.

Где-то заухла сова. Странное дело: даже тренированное ухо Кашела не могло определить, откуда исходит звук. Несколько облачков проплыли в лунном свете — слишком разорванные и разбросанные, чтоб соединиться в настоящую тучу... Эти облака — такие же бесполезные, как перекасти-поле, скитающиеся по свету... Как парень без дома...

Овцы в загоне встретили его жалобным блеянием. Они были скорее обеспокоены, чем напуганы. Сначала Кашел отнес это за счет непривычной обстановки и отсутствия знакомых пастухов. Овцы сгруппировались в ближайшем конце загона, они жались к загородке, те же, что оказались в задних рядах, беспокойно оглядывались в противоположный угол.

Ласка, куница? Или другой мелкий хищник — не представляющий прямой угрозы стаду, но достаточный, чтоб посеять страх в робких животных?

И тут Кашел увидел ее: черно-бурая лисица находилась за загородкой, она скреблась и поскуливала, стараясь вскарабкаться на один из столбов. В неверном лунном свете Кашел осторожно нашарил подходящий камень под ногами. Затем так же беззвучно направился в обход загона, сжимая камень в правой руке. Он, конечно, мог бы просто крикнуть — резкий звук наверняка спугнул бы лисицу и обратил в бегство. Но проснулись бы люди в доме, поднялся бы переполох... Кашел не хотел тревожить сон своих спутников.

Угодья у Дашена были обширные, но менее каменистые, чем на восточном побережье. При дефиците камня загон оказался полностью деревянным: мощные вертикальные столбы поддерживали поперечные жердины, выструганные из целиковых стволов. Поскольку высокогорные овцы — достаточно прыгучие животные, перекладыны перекрывали высоту в пять футов, а столбы были и того выше.

Кашел разглядел, что было целью отчаянных попыток лисицы — гнездо мелкой птицы, устроенное на вершине опоры. Наверняка лиса оставила голодных детенышей в норе, именно для них она пыталась добыть корм. Но юношу удивили упорство и настойчивость, с которыми хищник рвался к гнезду. В природе черно-бурые лисы ловко лазают по деревьям, но здесь гладкая, ошкуренная поверхность столба не давала достаточной опоры для когтей разбойницы. Использовать же поперечные перекладыны в качестве лестницы лиса, очевидно, не догадывалась.

Кашел вывернул из-за угла в двадцати футах от своей жертвы. Прицелился поточнее и, как из пращи, метнул камень в лисицу — он попал ей в заднюю ляжку.

Хищница взвизгнула, сделала кульбит в воздухе и, клацнув зубами, брякнулась на землю. В низком прыжке, как-то совсем по-кошачьи, она нырнула в темноту — лишь хвост мелькнул.

Парень с улыбкой вытер руку о край туники. *«Да уж, — подумал он, — если б лисицы умели говорить, быть бы мне сегодня проклятым»*. Он зашагал к изгороди, чтоб получше разглядеть предмет несостоявшейся охоты.

Собственно, он легко мог и убить лису, еще и за шкурку бы выручил деньги. Но возни с ней, да и овец будет беспокоить запах выделанной шкуры.

Кроме того, хоть Кашел вряд ли посмел бы признаться в этом сестре, он не хотел оставлять детенышей без матери. Пусть себе охотится где-нибудь подальше от его отары.

Он нагнулся к столбу, заглядывая в отверстие и пытаясь слышать хоть какие-то звуки. Кто бы там мог быть? Для кладки яиц вроде еще рановато...

И в этот момент крошечная женщина, ростом дюйма четыре, не больше — белая и обнаженная, как восковая свечка, выглянула из дырки, огляделась и стала спускаться по столбу.

Не успев даже задуматься, Кашел схватил в руку это диво дивное. Он просто не мог *поверить* своим глазам! Ощущал, как ее теплое тельце бьется в его руке, подобно птичке, пойманной в силки.

Юноша приподнял руку и осторожно разжал пальцы, желая убедиться, что это не сон. Да нет, действительно: у него на ладони сидела обнаженная девушка!

— Во имя Пастыря! — прошептал Кашел. — *Кто* ты такая?

— А ты что, не видишь? — так же удивленно ответила миниатюрная красотка.

2

Прогремел гром. Причем, судя по всему, он имел не естественное происхождение — из вечно затянутого тучами неба, а исходил с высокой башни, куда удалился Медер и откуда сейчас доносился его напевный голос. Шарина могла слышать ритуальные заклинания, стоя у крепостной стены и наблюдая за подтягивающимися аркаями.

— Они похожи на муравьев, не правда ли, Ноннус? — сказала девушка, втайне гордясь своим спокойным, твердым голосом.

Отшельник поглядел поверх камня, доходящего ему до груди. В отличие от обычных, выстроенных людьми крепостей, в здешней отсутствовали бойницы для лучников.

— Если ты понаблюдаешь за муравейником, дитя мое, то заметишь, что его обитатели не столь организованны, как наш противник, — заметил Ноннус.

Тяжелая верхушка алтаря блокировала вход и предотвратила довольно бессмысленные атаки аркаев. Теперь достаточно было нескольких моряков для наблюдения за дверью, хотя сражение

как таковое стало невозможным благодаря этой шестидюймовой каменной плите.

Во дворе же крепости собирались все новые монстры. То и дело из туманного леса появлялись рабочие команды, подтаскивая стволы высоких деревьев. Их длина позволяла достичь верхних этажей крепости и даже площадки, на которой расположился Медер. В сторонке темнела масса аркаев-боевиков, которым предстояло взбираться по заготовленным стволам, цепляясь за их шероховатую кору своими когтистыми конечностями.

— Видишь? — заметил отшельник. — Вот так же они построили и саму крепость. Не понадобилось никакой магии для передвижения тяжелых блоков — лишь множество рабочих рук плюс координация усилий.

Снова раздался гром. Озабоченно поглядывая на башню, Шарина спросила:

— Как ты думаешь, он пытается обрушить молнию на этих насекомых?

— Вообще-то, — пожал плечами Ноннус, — молния обычно ударяет в наивысший объект на плоскости.

Девушка через силу улыбнулась.

— Хочешь сказать, мы можем оказаться этими счастливыми?

Отшельник коротко рассмеялся, но тут же оборвал свой смех.

— Медер не понимает, что творит, — горько произнес он. — Но беда не в том. В конце концов, мы все этим страдаем. Удел человека — верить и молиться. Плохо то, что наш юноша даже не *осознает*, насколько мало он знает. И это при его-то силе!

Они с Шариной стояли на третьем этаже крепости, выше них была только башня. Никто из их товарищей не поднимался сюда. В этом и не было нужды: поскольку у аркаев отсутствовали метательные снаряды, нижний этаж выглядел вполне надежным. Во всяком случае, до начала штурма с применением заготовленных лестниц-стволов.

После того трудно будет найти безопасное место.

— Ты не присмотришь за этим, дитя мое? — спросил отшельник. Он передал Шарине свой дротик, затем отвязал от пояса ножны с тяжелым пьюльским ножом. — Похоже, в ближайшее время будет довольно спокойно.

— Я... — замялась девушка. — Ну да, конечно.

Дротик оказался гораздо тяжелее, чем казалось на вид. При этом он был идеально сбалансирован: утолщенное древко урав-

новешивало вес стального наконечника. Девушка стояла, держа в одной руке дротик, а в другой — свой топорик вместе с ножом Ноннуса.

— *Абониктикис эристемиа фаласти...* — услышала она голос Медера и досадливо поморщилась. Это был древний язык, известный лишь демонам да чародеям. К сожалению, гораздо больше колдунов использовало его, чем по-настоящему понимало.

Отшельник тем временем отошел в угол и кусочком угля стал набрасывать какой-то образ на стене комнаты. Шарина снова отвернулась к стене, она не хотела шпионить за своим другом. За своим защитником.

Крепость казалась достаточно просторной, чтоб вместить количество людей в десять раз большее, чем сейчас. Однако уединиться в ней было трудно по причине отсутствия дверей или каких-либо материалов, пригодных для их восстановления. За те века, что Тегма лежала на морском дне, все некаменное и незолотое рассыпалось в прах. Таким образом, для построения баррикад команда триремы могла использовать лишь каменные постройки типа алтаря и те скудные пожитки, которые сохранились во время поспешного бегства от восставших монстров.

Один на один моряк, вооруженный ножом, был приблизительно равен по силе аркаю с его пилообразными руками. Беда в том, что моряков осталось немного, а этих оживших мертвецов — тьмы и тьмы. И даже присутствие хорошо вооруженных гвардейцев не могло изменить плачевного исхода такой схватки.

Ушей Шарины достигло тихое бормотание — это отшельник молился перед наспех нарисованным образом Госпожи. Девушка в смущении отвернулась.

В этот момент на площадке появилась встревоженная Азера в сопровождении одного из Кровавых Орлов. Рука солдата была на перевязи, сооруженной из обрывков его собственной туники, лицо под загаром — землисто-бледное.

Прокуратор оглядела башню, затем, заметив одиноко стоящую девушку, направились к ней. По мере приближения госпожа прокуратор сумела справиться с нервозностью и заговорила своим обычным властным тоном.

— Ну что, есть какой-нибудь прогресс? — кивнула она в сторону башни. Как бы в ответ по небу прокатился раскатистый грохот.

— Не знаю, — довольно резко ответила Шарина. — И, честно говоря, меня это мало интересует.

— Мало интересует спасение вашей жизни? — переспросила Азера. — Вы же понимаете: у нас нет другого шанса — благодаря тому, что натворил этот несчастный глупец... Волшебник!

— Меня не интересует спасение таким образом, — уточнила девушка.

Однако прокуратор была слишком напутана, чтоб вникать в чужие мысли.

— Но ведь он спас нас во время шторма, — гнула она свою линию — Он просто обязан найти верный путь.

Тут она заметила Ноннуса и спросила:

— А что этот здесь делает?

Шагнула в сторону отшельника. Руки у Шарины были заняты, она не могла удержать Азеру. Поэтому она встала на дороге у прокуратора и резко оттеснила ее плечом. Девушку просто распирало от злости после долгих часов всего этого ужаса.

Солдат ахнул от неожиданности и бросился на защиту своей госпожи. На свою беду он налетел на Азеру и был вознагражден злобным рычанием:

— Идиот!

— Мой друг молится, — сухо пояснила Шарина. Она и сама стыдилась своей вспышки. Что бы сказал ее отец, если б она позволила себе подобное в отношении кого-нибудь из постояльцев? — Оставьте его в покое и дайте закончить.

— Что ж, может, хоть его молитва спасет нас, — пожала плечами Азера. — Надежды мало, но, похоже, делать ставку на колдовство уже поздно.

Ноннус беззвучно вырос за плечом девушки. Забрал свой нож и легко произнес:

— На самом деле я молился не о победе в схватке. Ведь сражения — это занятие для мужчин, а не для Госпожи.

Держа ножны, он принялся одной рукой прикреплять их к поясу. Сделать это двумя руками, несомненно, было бы легче, но отшельник не хотел выпускать оружия из рук.

— Я просил Госпожу, чтоб души убитых мною людей нашли успокоение в ее объятиях, — пояснил он, закончив возиться с ножнами. Теперь он смог освободить Шарину и от своего дротика.

— Убитых? — переспросила прокуратор. — И кого же ты убил? Насколько я видела — одних насекомых.

— Ну, значит, насекомых, — пожал плечами отшельник. — Неважно. Всех убитых...

В это время в дверном проеме показался Вейнер с семью солдатами. Вид у Кровавых Орлов был далеко не блестящий: только трое из них сохранили свои копья. Они вытирали кровь с мечей, там и сям на их одежде темнели лиловые пятна.

— Но они ведь не люди! — воскликнула Азера.

На губах Ноннуса мелькнула слабая улыбка.

— Возможно, — согласился он. — В этом случае будет лучше, если за их упокой помолюсь я, а не какой-нибудь святой.

— Госпожа! — с робостью и в то же время нетерпением прервал их диспут Вейнер — Похоже, чертовы жуки начинают атаку. Если вы пройдете с нами в одну из внутренних комнат, нам легче будет вас защищать.

Шарина коснулась руки отшельника и поглядела за крепостную стену. Команда аркаев устанавливала с полдюжины стволов, принесенных из леса. Еще несколько десятков таких же валялись под стенами крепости.

Они работали без всяких механических приспособлений: просто, стоя на наклонной стене крепости, сообщая поднимали один конец ствола до уровня следующего этажа, где уже поджидала новая сотня рук, чтобы продолжить движение. Все поверхности стен, насколько глаз хватало, были заполнены темными хитиновыми телами.

Установив свои стволы вертикально, аркаи сбрасывали их на стены зданий. Ситуация назревала критическая: защитников-людей не хватало, чтоб сбрасывать эти импровизированные лестницы, — атака назревала одновременно во многих местах.

— Ты настоящий человек, Ноннус, — прошептала Шарина ему на ухо. — Ни один святой не может с тобой сравниться!

— Госпожа Шарина! — раздался сверху голос Медера. Сквозь туман девушка разглядела фигуру колдуна, свесившуюся с высокой платформы. — Госпожа Азера! Поднимайтесь, у меня получилось! Я добился успеха!

Выражение лица прокуратора мгновенно поменялось — теперь на нем было написано одобрение.

— Пошли, девушка, — скомандовала она, взяв Шарину за рукав.

— Я не... — начала было девушка.

Отшельник легонько коснулся ее спины меж лопаток — совершенно невесомое прикосновение, будто бабочка опустилась на плечо. Сохраняя нейтральную улыбку на лице, он краем глаза указал Шарине на группу вооруженных солдат.

— Ну хорошо, — сказала девушка. — Мы идем.

Свободной рукой, той, в которой не было топора, она потянулась и крепко вцепилась в край одежды своего друга. Вот так — держась за руку Ноннуса — она и пошла вслед госпоже прокуратору, которая уже поднималась по наклонному пандусу.

3

— О, святой Дузи! — воскликнул Кашел, раскрывая ладонь. — Простите меня, госпожа!

Девушка-крошка ухватила за его большой палец, чтоб ненароком не свалиться на землю, и весело хихикнула.

— О, как приятно снова быть не одной! — прочирикала она, раскачиваясь на кашеловском пальце на манер акробата. — Мое одиночество длилось *так* долго!

Она крутанула в воздухе полное сальто и снова приземлилась на ладонь юноши. Он в это время все силы бросил на борьбу с рефлексом — сжать кулак, чтоб удержать находку.

— Я — Мелли, — сообщила девушка. Говорила она весьма мелодичным сопрано — высоким, но не столь писклявым голосом, как можно было бы ожидать от такой крошки. Она одарила Кашела лукавой улыбкой и спросила: — А как твое имя?

— А? — растерялся парень. — Меня зовут Кашел ор-Кенсет. Скажите, госпожа... Вы фея?

Она небрежно кивнула, критически рассматривая собственное плечо. Смахнула обрывок паутины, которую подцепила в птичьем гнезде. Кашел глядел во все глаза. Девушка была чудо как хороша! Нет, в самом деле, просто красавица. Если забыть тот факт, что росточком она не превышала его средний палец.

— Так точно, — беззаботно ответила она, обеими руками взбивая и без того пышные волосы. Они были красные — даже не огненно-рыжего цвета, который иногда встречается у людей. Нет, настоящий темно-красный цвет, наводящий скорее на мысль о тюльпане, чем о пламени костра.

— Но ведь феи бывают только в сказках, — промямлил Кашел. — В смысле, они не настоящие. Так я, во всяком случае, думал.

Мелли подтянулась и с ловкостью белки вскарабкалась по его руке. Она казалась совсем невесомой — это было удивительно, даже для ее роста.

— Ну, по правде говоря, нас осталось не слишком много, — вздохнула она. — Интересно, а нет ли в тебе нашей крови?

— Ну что вы, госпожа! — искренне рассмеялся Кашел.

— Мелли! — твердо поправила его девушка. — Договорились: ты — Кашел, а я — Мелли.

— Как скажете, — согласился юноша. Честно говоря, он с трудом соображал, когда она сидела вот так — у него на плече. С другой стороны, лучше уж было говорить, а не молчать. Не так смущали два просто невообразимых факта: во-первых, *росту в девушке было всего четыре дюйма*, а во-вторых, *она разгуливала в чем мать родила!* — По-моему, разница в росте ставит под сомнение наше родство.

Может, феи не знают, откуда берутся люди? Кашел почувствовал, как заливается краской. Вот уж он бы не взялся просвещать на этот счет существо, столь *похожее* на хорошенькую девушку.

Серебряный смех Мелли колокольчиком разлился у него под ухом и растаял в лунном свете.

— О, Кашел! Человеку с твоими способностями следовало бы быть поумнее!

Юноша почувствовал легкое прикосновение к ушной мочке, ее теплое тельце доверчиво прильнуло к его шее.

— На протяжении веков мы жили рядом с вами. Время от времени приходили в ваш мир и снова уходили, — сказала фея намеренно небрежно. Так, будто сообщала самые обычные вещи! — Он такой необычный и волнующий... по сравнению с нашим.

Она было снова хихикнула, но тут же серьезно себя поправила:

— Хотя, пожалуй, «волнение» — не совсем подходящее слово, когда тебе тысяча лет. Особенно в недавний период, когда я была совсем одна.

Кашел поднес ладонь, и фея проворно перебралась туда. Теперь они смотрели в глаза друг другу.

— Хочешь сказать, что тебе тысяча лет? — недоверчиво спросил юноша.

— Намного больше, Кашел, — ответила крошка. На вид ей было лет восемнадцать, то есть *могло бы быть* восемнадцать. — Видишь ли, феи не старятся. Хотя в вашем мире мы смертны, в смысле — нас можно убить. И в конце концов это произошло со всеми, кого я знала. По крайней мере, со всеми на Хафте.

Овцы устраивались на ночлег. Они успокоились, то ли благодаря присутствию Кашела, то ли из-за того, что лиса больше

не беспокоила их. Кашел невольно посмотрел на небо, прикидывая: не может ли сова, которая не брезговала кузнечиками, похитить у него с ладони эту крошечную женщину?

— А почему бы тебе просто не отправиться к себе домой? — спросил он у феи. — Ты же говоришь, что можешь?

— Эта лисица проявила большую настойчивость, — ответила Мелли скорее на его мысли, чем на слова. — Благодарю тебя... надеюсь, она не сильно пострадала?

— Если что и пострадало, так это ее гордость, — отмахнулся юноша. — Не более того. Надеюсь, она запомнила урок и больше не вернется сюда.

Все это выглядело невероятным. Он потрогал изгородь: толстый столб, лисице не перегрызть такой.

— Видишь ли, — продолжала фея, похлопывая Кашела по ладони своей невесомой ручкой, — я говорила: раньше мы могли приходить и уходить. Но тысячу лет назад острова затонули, королевство погребло, и все дороги...

Она пожала своими крохотными совершенными плечами:

— ...перекрутились, что ли. То есть они по-прежнему существуют и, может быть, ведут в наш мир, но, к несчастью, проходят через такие места, *сквозь* которые мне не пройти.

— Да-да, Йоль затонул — Кашел припомнил историю Тенотрис. Интересно, следует ли рассказать старой волшебнице про Мелли?

— Йоль был одним из них, — кивнула фея и продолжала: — Для большинства людей мы невидимы. Хотя животные могут видеть нас. Эта лисица была *очень* настойчива. Я б даже сказала, чересчур. Но вместо знакомства с ней...

Она лучезарно улыбнулась юноше, истинный эльф — во всех смыслах слова.

— ...я повстречала друга!

Кашел нерешительно прокашлялся. Ему так хотелось опустить Мелли на землю или снова на столб — куда угодно, лишь бы не бояться выронить ее со своей двухметровой высоты.

— Знаешь, — сказал он, — тебе необходим меч, ну, или какое-нибудь другое оружие. Как думаешь, ты смогла бы носить колючку, что ли?

Фея снова шлепнула его по ладони.

— Мы не пользуемся оружием, — просто сказала она. — Тем более мечом — мы не можем прикасаться к железу.

— Угу, — смущенно промычал Кашел. Сам-то он отверг оружие, предложенное Бенлоу, но лишь из-за неуверенности в себе. Он никогда прежде не имел дела с мечом, потому предпочитал свой испытанный посох. Вот если б торговец предложил ему большой топор, Кашел бы не отказался. Топором он пользовался много раз, и, надо думать, голова какого-нибудь разбойника не тверже, чем дуб...

— Ну, — сказал он, — мне завтра рано вставать...

И впрямь, скоро рассветет.

— ...и, думаю, у тебя тоже есть дела.

Интересно, а чем занимаются феи? Имеют ли они привычку есть или спать?

— Хочешь, чтоб я тебя куда-нибудь отнес?

Лицо Мелли помрачнело.

— Кашел, — обреченно сказала она. — Я была очень одинока. Долгие последние годы — сотни лет — собеседниками мне служили только животные. Но они и есть всего лишь животные... Если ты не будешь очень сильно возражать, я хотела бы отправиться с тобой. Ехать на твоём плече. Поверь, со мной не будет никаких проблем. Твои друзья меня даже не увидят.

— О, — произнес юноша. Еще мгновение назад его будущее представлялось закрытыми ставнями, сквозь которые медленно истекала тьма. Сейчас же ставни начинали раскрываться — за ними находился свет, а может, и какие-то конкретные образы.

— Я буду этому очень рад, Мелли, — сказал Кашел. — Уж я-то понимаю, что такое одиночество.

4

На вершине башни располагалась платформа, почему-то не круглой, а овальной формы, семи футов в поперечнике. Отсюда открывался еще лучший вид на крепостной двор, где шла подготовка аркаев к атаке. То, что увидела Шарина, ей очень не понравилось.

Приготовления закончились, начинался штурм крепости.

— Быстрее! Быстрее! — кричал Медер. — Времени мало! Войдите все в нарисованный круг! Постарайтесь полностью поместиться внутри!

Круг, занимавший большую часть платформы, был начертан на гнейсовой поверхности, очевидно, атамом колдуна. Линия

пульсировала красным светом так, будто огонь исходил из самого камня. С внешней стороны по периметру круга шел двойной ряд светящихся символов.

Внутри окружности стоял коленопреклоненный Медер, рядом с ним валялся шевелящийся мешок. Одну саламандру уже принесли в жертву: каменная плита была окроплена бледной кровью, тут же лежало безжизненное тело животного. Пасть широко разинута, так что видна белая диафрагма.

Шарина почувствовала, как желудок у нее сжался, она невольно шагнула назад. И тут же ощутила легкое прикосновение руки Ноннуса.

— Быстро! — раздался крик Медера.

Лес заготовленных стволов одновременно поднялся из крепостного двора и с близлежащих крыш. Они балансировали в воздухе, пока сотни монстров с бездумным энтузиазмом косяка рыб своими присосками нацеливали их на центральную крепость.

От тел рабочих особей исходило легкое испарение, сгущаясь в туман, стирая индивидуальные особенности и превращая всю толпу аркаев в некое подобие природной силы — неумолимой и безжалостной, как воды прилива на побережье. Штурмовые батальоны ждали своего часа, чтоб перехватить инициативу у рабочих команд.

Шарина шагнула в круг, стараясь не наступить на пульсирующий круг или обрамляющие его магические символы. Она ощущала липкую кровь саламандры на своих подошвах, но, в конце концов, в деревне и не к такому привыкаешь...

Сама по себе кровь ее не волновала, но вот то, во имя чего ее пролили — было очень существенно.

— Ты, Ноннус, — ткнул пальцем юный волшебник, — подойди сюда. Когда я скажу, вспорешь брюхо ящерице и сожмешь ее так, чтоб вся кровь пролилась в центр круга.

Шарина удивилась — то, что колдун знает имя ее наставника, оказалось для нее сюрпризом. Воздух вокруг платформы сгустился и потемнел, отливая неопределенным цветом. Девушке было жарко, после подъема она основательно вспотела, но в сердце у нее застыла натающая ледышка.

Несколько стволов медленно стали клониться в сторону крепости. Рабочие команды в это время заколачивали клинья, закрепляя нижние концы импровизированных лестниц. Двадцать с лишним стволов колебались удивительно синхронно.

Шарина задумалась: а как аркаи общаются между собой? Она не слышала от них ни звука, если не считать пронзительного верещания, с которым монстры умирали.

Внутри круга было достаточно пространства для четырех стоящих людей, но если всем принять позу Медера, то их колени соприкасались бы. Граничная линия по-прежнему светилась, вызывая такие же тревожные ощущения, как черно-желтые полосы на брюшке осы. И все же девушка чувствовала: находиться *вне* круга еще опаснее.

— Нет, господин, — спокойно ответил Ноннус. — Я не признаю магию. А особенно — магию такого рода.

И он отвернулся от Медера, наблюдая за стволом дерева, который поднялся до крыши одного из двухэтажных зданий. Это было совсем рядом — чуть севернее крепости, и хотя пока ствол стоял вертикально, но Шарина прикинула: опустившись, он упадет прямо на нее.

— Ты, невежественный дикарь! — завопил колдун. — Мне необходимо держать атам как указатель! Ты *обязан* сделать это, чтоб мы выжили!

— Давай уйдем, Ноннус, — холодно сказала девушка. — Думаю, мы найдем другое место, где будет легче защищаться.

— Порази вас обоих Сестра! — воскликнул Азера. — Подай мне чертово животное, Медер. Если я только выпутаюсь из этой истории, никогда больше не буду связываться с чародеями!

Во время этой гневной речи прокуратор шарила в расписном футляре из черного шелка, который висел под резными бронзовыми ножнами. Наконец она достала ножик с коротким стальным лезвием, предназначенный для затачивания перьевых ручек.

Тем временем появлялись все новые стволы — топорщась, как перья одного крыла, они с завидной согласованностью занимали свое место на крыше крепости. Ноннус тихо шагнул назад и успокаивающим жестом положил руку на запястье Шарины.

Между тем Медер достал из мешка последнюю саламандру: черную, со сплюснутым хвостом, приспособленным к плаванию, и двумя глазами, расположенными на серповидных отростках черепа. Животное вяло трепыхалось: предназначенное для жизни в воде, оно быстро высыхало на воздухе и теряло силы.

Колдун снова склонился над своими символами, а прокуратор с видимым отвращением взяла жертвенную саламандру за спину,

как раз на уровне передних лап. Ни один из них не видел вздымающиеся стволы.

А они, тем не менее, прибывали. Еще двенадцать стволов одновременно брякнулись на стену крепости с оглушительным звуком. Шум был такой, будто ударила молния или взялся за палочки безумный великан-барабанщик. Шарина вздрогнула, прокуратор вскрикнула от неожиданности и выронила ножик. Губы Медера продолжали двигаться — он читал заклинание, неслышное в общем хаосе.

Действия аркаев были так хорошо координированы, что не прошло и секунды, как грохнулись оставшиеся двенадцать стволов. Один из них попал прямо на платформу башни. Кора и древесные волокна брызнули во все стороны, как песок на ветру. Даже здесь, на высоте двухсот футов, дерево имело четыре фута в диаметре. Ударившись, оно подскочило и снова с грохотом упало на покрытие крыши. В этом шуме Шарина, похоже, совсем потеряла голову — она вскочила с бессмысленным криком, и лишь рука Ноннуса удержала девушку от того, чтоб выскочить из круга, а может, и вообще с крыши.

Отшельник замер в нерешительности, на какое-то мгновение, равное одному толчку сердца, он решил было броситься к упавшему дереву и попытаться столкнуть его вниз. Шарина прочувствовала момент и удержала его. Несмотря на силу Ноннуса и его атлетические способности, бревно было настолько тяжелым, что скорее всего раздавило бы отшельника, как букашку.

И он послушался девушки — расслабился и замер. А ствол еще раз подпрыгнул и лег на конец крыши. Запас был всего в два фута, но и этого хватало. Торец дерева выглядел таким аккуратным, будто трудился умелый дровосек, причем — не спеша, с расстановкой. А ведь все видели: аркаи не пользуются никакими инструментами, кроме своих пилообразных конечностей.

— Быстрее, женщина, быстрее! — крикнул Медер. — Кровь нужна немедленно, или будет поздно!

Аркаи-воины уже карабкались по стволу. Издали было видно, как желтое пятно перемещается по шероховатой коричневой коре дерева.

— *Йакоуб-йа ай болчесет йорбет...* — раздавался голос колдуна.

Азера лихорадочно пыталась нашарить нож среди щепок и стружек на полу. Эта же дребедень покрывала край ее туники и

волосы. Наконец усилия женщины увенчались успехом, и она поднесла нож к брюху жертвы.

Медер был полностью поглощен своим колдовством. Он и глазом не повел, когда толстенное дерево прошло совсем рядом с его головой и ударилось о платформу с такой силой, что вся башня задрожала. Даже Ноннус издал невольный крик, впрочем, никто его не услышал в таком шуме.

— *Неути йао йае...*

Саламандра изгибалась всем телом, стараясь избежать ножа. Но Азера, ослепленная страхом, оставила без внимания эту жалкую борьбу за жизнь. Одним взмахом она вспорола брюхо твари и разверзла его так, чтобы вывалились внутренности. При этом госпожа прокуратор поранила собственный палец, и бледная кровь амфибии капала на камни, смешиваясь с ярко-алой человеческой кровью.

— *Йо сфе йо йо...*

Хитиновые воины были всего лишь на полпути к башне крепости, в то время как на нижних площадках уже завязались схватки. Желто-коричневая масса со своими смертоносными конечностями перехлестывала через край стен и вливалась в драку.

— *Абраом!* — закончил свое заклинание Медер.

Красный свет, подобно дыму, закурился в тех местах, где накапала кровь. Казалось, что камень под ним пузырится, но Шарина видела: эти обман зрения, гладкая плита остается неподвижной под дрожащим светом.

Штурмовики-аркаи продолжали свое движение по стволу. Ноги их были острыми по краям, что позволяло цепляться за кору дерева. Ближайший монстр находился уже в двадцати футах. Ноннус изготовился биться своим дротиком, как мечом; метать его он не хотел.

Сноп огня, возникший в результате заклинания, продолжал тянуться ввысь. Но при этом он оставался узким завитком, не расплываясь в облако, подобное тому, что оживило обитателей Тегмы. На самом верху сноп был снабжен завитком, который образовывал небольшое пульсирующее пятно.

— Нужно больше крови! — кричал колдун. — Выдавливайте ее! Выдавливайте!

Он вывернул валявшийся мешок, лишний раз убедившись в очевидном — жертвенных животных больше не осталось. Тогда Медер схватил уже использованный труп жертвенной саламандры — увы, животное было обескровлено.

Первый аркай ступил на кровлю. Ноннус ткнул его своим дротиком в верхнюю часть торса. Тот схватился за древко средней парой конечностей и с силой стал выворачивать оружие из рук отшельника.

Тогда Шарина нагнулась и рубанула своим топориком по рукам монстра примерно там, где полагалось быть локтевому сгибу у человека. Аркай полетел вниз, дротик вернулся в круг с парой отсеченных, насмерть вцепившихся конечностей. Кровь обильно капала с них на жертвенный камень.

— Не пересекайте круг! — в диком ужасе закричал Медер.

Второй аркай попытался снести голову Шарине, но вместо этого попал по выставленному Ноннусом дротику. Выигранную долю секунды девушка использовала, чтобы нанести топориком удар слева — на полноценный размах времени не оставалось. Хитиновый панцирь на животе монстра треснул, как старое бревно. И тут же на него, снизу вверх, обрушился тяжелый пьюльский нож, выбив струю темно-лиловой крови. Аркай откинулся назад, что только расширило рану.

Азера упала на колени, закрыв лицо руками. Медер подхватил выпавшую при этом саламандру и буквально выкрутил ее, как половую тряпку. Красная спираль продолжала расти, она вращалась теперь быстрее, чем прежде, но, к несчастью, оставалась слишком тонкой.

Шестеро солдат — Кровавых Орлов сумели продержаться всего несколько мгновений. Волна аркаев нахлынула и попросту смела защитников: пилообразные конечности методично поднимались и опускались, кроша солдат в капусту. Капли алой крови разлетались во все стороны.

— *Назад!*

Рукой, в которой был нож, Ноннус обхватил за талию Шарину, которая уже занесла свой топор над следующим аркаем. Тот изогнулся прыгнуть прямо в середину круга, где сгрудились люди.

Крутящаяся колонна красного света теперь заполнила уже все очерченное пространство. Все это здорово напоминало топку котла, хотя никакого тепла не ощущалось. Неожиданно все звуки смолкли, даже крики умирающих людей.

И тут внезапно — будто занавес упал — огонь исчез из круга. Вместо этого красный вихрь стал спиралью раскручиваться снаружи, двигаясь со скоростью лесного пожара и сметая все на своем пути.

Ближайший аркай съежился и скрутился, подобно спичке, попавшей на раскаленный кусок угля. Его сородичи, тесным строем поднимавшиеся по дереву, в ужасе молотили конечностями или пытались спрыгнуть, но все напрасно. Красное пламя пожирало их так же безжалостно, как свеча опалает зазевавшегося мотылька.

В крепости слышны были ужасные человеческие крики — магический свет затягивал и истреблял не только аркаев.

Странное дело: стволы деревьев остались нетронутыми, но все букашки-таракашки, жившие в его трещинах, погибли так же, как и их более крупные соседи по острову. Магическое заклинание Медера воздействовало только на живые организмы, но зато — на все живые организмы.

Все они оказались истреблены. За исключением четырех человек, укрывшихся внутри круга на овальной платформе.

Красный свет продолжал изливаться подобно кипящей лаве. Он миновал внешние городские стены и, не встречая остановок, двигался дальше. Несмотря на туман, Шарина могла проследить за ходом медеровского заклятия — будто в рубиновом зеркале.

Все жители покрытой лесом Тегмы оказались мертвы. Все до единого.

Постепенно красное свечение начало меркнуть и вскоре вовсе исчезло. Но в памяти Шарины оно осталось навсегда: стоило ей зарыть глаза, и девушка видела его смертоносное шествие. Солнце клонилось к закату.

На Тегме было тихо, как в склепе.

Медер без сил лежал поверх трупа принесенной в жертву саламандры. Лицо его цветом напоминало слоновую кость, но слой пыли на камне разлетался от слабого дыхания колдуна.

Прокуратор машинально терла свои тонкие окровавленные руки, будто оmyвая их. На лице ее не отражалось ни единой мысли, но губы двигались в беззвучной мольбе. Возможно, она молилась богам, в которых давно уже не верила.

Девушка снова посмотрела на лежавшего колдуна. Одна часть ее сознания порывалась выпрыгнуть из круга и дальше — за парапет платформы, чтобы найти верную гибель на камнях крепостного двора. Но другая — жаждала сначала со всего размаха опустить топор на голову Медера, а затем уж искать забвение в смерти.

В этот ужасный момент лицо отшельника оставалось абсолютно бесстрастным. Он молча вытер лезвие ножа о край своей черной туники и спрятал его в ножнах.

— Теперь мы сможем спокойно закончить наш челнок, — сказал он. — Никто не помешает нам взять все необходимое на триreme.

5

Постоялый двор под названием Галечный Брод, что на реке Строма, располагался в восемнадцати милях от предместий Каркозы — фактически два дня пути для неторопливой компании овец и их погонщиков. Вот здесь-то и расположился на ночлег караван Бенлоу. Гаррик спал в общем зале вместе с другими мужчинами: здесь были охранники купца, возчики, совершающие обычный торговый рейс в столицу, а также просто парни, скитающиеся в поисках счастья.

Чем ближе к столице, тем оживленнее дороги. И тем выше прибыли у держателей постоянных дворов. Скажем, здешний хозяин загребал столько денег, что бедняге Райзу и не снилось. Это при том, что отец Гаррика никогда не позволил бы себе держать такой грязный тростник на полу *своей* гостиницы.

Пока реальный Гаррик сопел на соломенном тюфяке, Гаррик во сне наблюдал за королем Карусом, карабкавшимся по крутому откосу. Стоял прекрасный весенний день, яркое солнце освещало стены Ладерского Замка, высившегося на вершине холма. Карус был не один — еще пятьдесят человек преодолевало подъем за его спиной. Нелегкое дело: приходилось висеть почти на отвесной стене. Найдя опору для ног и одной руки, можно было осторожно, со скоростью змеи, подкрадывающейся к мыши-полевке, протянуть другую руку в надежде найти новый выступающий камень.

— Мы вынуждены были идти без доспехов и даже шлемов, — раздался голос Каруса. Теперь он стоял рядом с Гарриком, перегнувшись через балюстраду и наблюдая за своим двойником на склоне. Юноша не знал, что это за место: его очертания оставались неясными, расплываясь на границе видимости. Но он понимал, что здесь совместились два разных временных, а может быть, и пространственных плана. В одном находились крутой холм, замок и отчаянный подъем к его стенам, а в другом стоял он с королем Карусом, который как раз объяснял: — Если б хоть кто-нибудь догадался взглянуть вниз, нам пришел бы конец. До-

статочно было бы сбросить сверху пригоршню гравия, и нас бы просто стерло с лица земли.

Он беззаботно рассмеялся.

— А ведь мне тогда было немногим больше, чем тебе сейчас, парень, — сказал он. — Я только начал свое восхождение к трону и еще понятия не имел обо всех опасностях предстоящего мне пути. Но все же я оказался прав: это необходимо было сделать, иначе королевство рухнуло бы прямо тогда... Так же оно продержалось еще двадцать лет, до того злополучного дня, когда мы выступили на Йоль...

Веселость исчезла из голоса короля, но она уступила место не печали, а стальной ярости.

В море, западнее замка на холме, стоял флот из сотни боевых галер, нацелившись на порт Ладеру. Весла работали лениво — лишь бы удерживать местоположение при начавшемся отливе. Тяжелые бронзовые тараны покачивались на носах судов — вверх-вниз, в такт с набегающими волнами. Солдаты на палубе возились с катапультами, приводя их в боевую готовность.

— Вы сняли доспехи из-за веса? — спросил Гаррик во сне. Ему не раз приходилось карабкаться на скалистые берега родной Барки. С двенадцати лет он ежегодно в сезон гнездования птиц отправлялся на северный пляж и оттуда совершал подъем, а затем и спуск с корзиной, полной яиц чаек, зажатой в зубах. И сейчас, глядя на отчаянное предприятие юного Каруса, Гаррик ощутил привычную боль в кончиках пальцев. Ну что ж, по крайней мере они избавлены от соленых брызг, которыми море щедро окатывает их товарищей, оставшихся в лодке у подножия склона.

— Из-за шума, — ответил зрелый король рядом с ним. Тон его снова стал веселым и беззаботным. — Один удар стали о камень — и Ладерский граф Ринт стал бы Повелителем Островов... По крайней мере, пока ему не перерезал бы глотку очередной из пятидесяти узурпаторов.

На укрепленных стенах замка было полно людей, даже в южной части, но все они смотрели на море, где стоял вражеский флот. А тем временем король Карус, незамеченный никем, лез в гору. Его темные волосы были схвачены золотой лентой, длинный меч в ножнах до поры до времени передвинут за спину.

С крепостной стены произвела залп катапульта, и каменные ядра плюхнулись в радужную воду поблизости от корабля, судя

по золоченой корме — головного флагмана. Фонтан взметнулся выше мачты парусника.

— Разве не было бы безопаснее атаковать ночью? — спросил Гаррик. Юный Карус почти уже достиг своей цели — его фигура темнела в нескольких футах от основания башни, на которой находилось двое ладерских охранников. Оба они стояли на противоположной стороне площадки и, вытянув шею, наблюдали за вражеским флотом.

Пожилой король покачал головой.

— Нет, это должно было происходить именно днем, чтобы корабли приковали внимание защитников крепости, — пояснил он. — Никому и в голову не пришло, что накануне я высадился с пятью десятками солдат и всю ночь карабкался среди колючего кустарника, подбираясь к замку с тыла.

Тем временем молодой Карус закончил свой подъем. Одним прыжком, которому позавидовал бы и акробат, он перемахнул через ограждение крепости. Стражники оглянулись на шум, но было поздно. Длинный меч в руке короля разил налево и направо, подобно вездесущей молнии. За ним появились и остальные нападающие, они перебили горстку ладерских защитников, прежде чем те смогли поднять тревогу.

— А с твоей помощью, парень, — снова заговорил Карус рядом с Гарриком (насмешка играла в его голосе, подобно солнечному свету на лезвии меча), — я разберусь с этим мерзавцем — герцогом Йольским.

— Но он мертв, господин, — возразил юноша. — Вот уже тысячу лет, как мертв!

Не отрывая взгляда от завершения схватки в стенах Ладерской крепости, Карус покачал головой. К тому моменту ее защитники позорно сдались и бежали, побросав оружие и доспехи.

— Все времена существуют одновременно, парень, — усмехнулся король. — Раньше или позже — какая разница?

Крепость заполнялась солдатами, крики слышались все громче:

— Нападение! Нападение!

В темноте кто-то споткнулся о спящего Гаррика. Пошатываясь, тот поднялся на ноги в гостинице Галечный Брод. Он уже полностью проснулся, хотя никак не мог проморгаться — глаза все еще были ориентированы на яркий дневной свет, царивший в его сне.

— Нападение! — снова раздался крик снаружи, теперь Гаррик узнал голос Кашела.

Он нашарил оружие, лежавшее на полу у соломенного тюфяка. Лук в ночной темноте бесполезен. Гаррик схватился за меч, который Бенлоу так всучил ему, и опрометью бросился к дверям вместе с охранниками купца.

Сжимая рукоятку меча, юноша услышал, как внутри него звучит смех короля Каруса.

6

Кашел в эту ночь спал без снов, но внезапно пробудился с ощущением опасности. По коже бегали мурашки: в теплом сладком духе овечьей отары он чувствовал едва заметный чужой запах. Овцы тоже проснулись и беспокойно переступали на месте, время от времени жалобно бляя.

Заснул Кашел под повозкой с горшками, рядом с загородкой для овец. Владелец повозки был рад передоверить охрану своего товара, поскольку ночь стояла прохладная и сырая. А в этого парня попутчики верили так же безоговорочно, как в незыблемость земли под ногами и в то, что солнце утром встанет на востоке.

— Кашел? — раздался голос Мелли у него под ухом. — Кто-то совсем рядом пользуется магическими силами. Думаю, они замыслили недоброе.

Рядом, из загородки для крупного рогатого скота, раздалось низкое мычание быка владельца повозки. На постоялом дворе Галечный Брод животных держали отдельно: овец, быков и лошадей.

Закрывать вместе лошадей и быков было опасно, поскольку нервная лошадь могла лягнуть или укусить своего более спокойного товарища. Но, с другой стороны, бык с его рогами тоже обладал темпераментом и нередко именно за ним оставалась победа в драке, затеянной лошадью. Лучше уж всех устроить по отдельности.

Перекатившись меж колесами, Кашел выбрался из-под повозки, оставив свой плащ валяться там. Он затащил потуже пояс поверх туники и сделал несколько шагов в темноте, оглядываясь и сжимая в руке посох.

Воздух казался насыщенным влагой, однако не из-за дождя или тумана с реки. В этом месте, столь удаленном от побережья, явственно чувствовался соленый запах моря. И еще — запах разложения и мертвечины.

— Оно приближается, — предупредила Мелли. Фея не выглядела напуганной, скорее — настороженной. Так белка с высоты своего дупла следит за крадущейся внизу охотничьей собакой.

Этот постоянный двор был даже старше своего собрата в Барке. С незапамятных времен он сохранил свое имя от названия брода, которым пользовались путники. Сотни лет назад брод стал не нужен, так как на реке Строне появился мост. Выстроенный на сваях, он выдерживал даже самые сильные наводнения.

Фермы моста возводились еще во времена Старого Королевства, они пережили и его упадок, и долгие годы последующей цивилизации. Для возведения постоянного двора использовались камни от домов богатых жителей прежних времен.

С посохом в руках Кашел пошел в обход загона по направлению к реке. Он смотрел во все глаза, но ничего необычного не замечал. Вода тихо журчала за остатками каменной стены, современницы Старого Королевства. Запах соли и смерти стал сильнее.

— Кашел! — крикнула Мелли. Из-за стены внезапно появились какие-то силуэты. Лунный свет отражался от металлических доспехов, тронутых ржавчиной, и влажно поблескивающей плоти.

Это были личи — такие же, как тот, которого убил Гаррик у себя во дворе. Но теперь их собралось много, в неверном освещении Кашел даже не мог в точности разобрать, сколько именно. Ближайший из них держал в руках щит с остатками морских водорослей на нем.

— Нападение! — закричал юноша. — Нападение!

Прежде всего он подумал о фее на своем плече, но тратить время, чтоб перенести ее в безопасное место, было непозволительной роскошью. Кашел шагнул вперед и сделал выпад посохом, как дротиком. Металлический набалдашник вдребезги раздробил руку монстра от запястья до локтя.

Ржавый меч упал на землю, лич нагнулся и подобрал его другой рукой. Как ни в чем ни бывало он двинулся дальше, хотя слизистая плоть и кусочки костей осыпались из его раздробленной конечности.

— Нападение! — снова крикнул Кашел, отпрыгивая назад.

Большая часть монстров, как автоматы, шагали в направлении гостиницы, но трое из них стояло лицом к лицу с юношей. Один из них замахнулся копьем, метя Кашелу в грудь, юноша крутанул перед собой посохом и отбил удар — наконечник копья со звоном отлетел в сторону. Тогда Кашел со всего размаха

обрушил посох на череп ближайшего лича — послышался хруст костей. *Этот* гад отлетел в канаву, да так там и остался лежать. Но две другие твари с механической неотвратимостью наступали с обеих сторон на юношу.

В этот момент двери постоянного двора распахнулись, и на крыльцо выскочил один из охранников Бенлоу. Он дважды ударил мечом оказавшегося поблизости лича, но и сам свалился от удара топора другого подоспевшего монстра. Меч его так и остался торчать из груди первого умертвия.

Кашелу удалось блокировать удар однорукого лича. Лезвие его меча было проржавевшим, на металле до сих пор держались налипшие ракушки. Тем не менее оружие оказалось вполне действенным — от твердого посоха юноши только щепки полетели.

Во двор гостиницы выбегали все новые охранники Бенлоу, слышался звон стали, сыпались искры, когда их мечи сталкивались с оружием нападавших.

Кашел крикнул с досады, когда его пятки уперлись в каменную стенку загона. Дальше отступать было некуда.

В голове мелькнула мысль: «Надеюсь, с Мелли все будет в порядке». В конце концов умудрилась же она прожить тысячу лет без его помощи.

7

Илна почувствовала, как ее обволакивает приятное тепло. Она потянулась от удовольствия и услышала слова, доносившиеся из мрака:

— Я иду. Я скоро буду с тобой.

В темноте она не видела лица существа (если только у него было лицо), но точно знала: этот некто заботится о ней, как никто другой на свете. Он хочет сделать Илну той, кем она *достойна* быть.

Крик Кашела разбил ее сон, как сосулька, упавшая с высокой башни. Илна мгновенно вскочила на ноги в своем закутке на сеновале. Она даже не уловила значения слов Кашела, ее подняла тревога, осознание, что самый дорогой для нее человек — ее брат — в беде.

— Нападение! — снова раздался голос Кашела сквозь топот и лязг оружия.

Теноктрис уже спускалась по лестнице, похоже, она проснулась еще раньше. Должно быть, услышала что-то сквозь сон, так же как Илна.

Девушка не стала ждать, пока Теноктрис доберется до низа. Схватившись за край люка, Илна повисла в воздухе. Мгновение она висела, затем разжала руки и полетела на твердый земляной пол.

— Нападение!

Крик подхлестнул Илну. Что такое боль от падения с трехфутовой высоты, когда ее брату грозит опасность!

Почти все стойла в конюшне были заняты лошадьми и мулами. Гнедая кобыла ржала и нервно била копытом в стенку. Мальчих-конюший пытался утихомирить ее, но безуспешно: паника охватила всех животных.

Крики и лязганье во дворе усилились. Илна медленно поднялась на ноги, все еще частично находясь во власти сна. Она не могла в точности припомнить, что же именно ей снилось. Осталось только ощущение обволакивающего ее райского блаженства, которое почему-то имело привкус гниющего мяса.

Мужской крик во дворе поднялся до визга и затем внезапно оборвался. Илна скользнула к приоткрытым дверям конюшни. Глаза ее в полутьме искали хоть какое-то оружие. Она заметила, как мимо торопливо пробежала старая колдунья.

Где-то должны были валяться серпы и грабли, но времени на поиски не оставалось. С колышка на дверном косяке свисал недоуздок, завязанный скользящей петлей. Девушка схватила веревку и шагнула во двор.

Теноктрис присела, скрестив ноги, на углу конюшни и вырвала длинную, острую травинку, пробивавшуюся меж двух камней фундамента. Дюжина мужчин сражалась с личами на площадке перед гостиницей. Кашела среди них не было, уж его-то могучую фигуру Илна разглядела бы в любой толпе!

Девушка поискала глазами Гаррика, и взгляд ее уперся в трупы, валявшиеся на земле, под ногами сражающихся.

В этот момент в дверях гостиницы внезапно выросла фигура Гаррика. В одной руке он держал длинный меч, в другой — высокий кухонный табурет с постоянного двора.

— *Хафт и Острова!* — взревел юноша, бросая вызов всему миру.

К нему бросился лич с мечом. Гаррик отразил его удар табуретом и со скоростью молнии сам поразил его прямо в глаз-

ницу. Тут же, не останавливаясь, извернулся и раскрыл череп второму монстру все тем же табуретом.

Наконец Илна разглядела брата: двое нападавших личей приперли его к каменной стене.

— *Хафт и Острова!*

Девушка почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах. Она опрометью бросилась туда, где сражался ее брат.

Личи действовали слаженно, как две руки одного тела: они поочередно наносили удары Кашелу, то отступая, то делая выпады и не давая юноше ни секунды передышки. Они напомнили Илне гигантского богомола, который, раскачиваясь и переступая с ноги на ногу, готовится нанести решающий удар своей жертве.

Кашел даже не пытался атаковать этот безупречный тандем, он весь сосредоточился на самозащите. Его посох безостановочно мелькал перед ним, создавая подвижный щит. Движения были быстрыми и гладкими, как у работающего челнока ткацкого станка.

Девушка заворожено глядела, как брат перекидывает посох из руки в руку. Личи отступали, делали ложные выпады, но не могли пробить его защиту. Илна понимала, что процесс не может длиться вечно, даже могучий Кашел со временем устанет, и это мощное непрерывное вращение сообразится.

Илна подкралась к одному из нападавших, тщательно прикинула расстояние, и когда монстр качнулся назад, накинула петлю недоуздки ему на шею. Петля скользнула по гладкому, безволосому черепу и наглухо затянулась. Девушка изо всех сил дернула веревку, будто таща непослушного барана.

Изогнувшись, лич подался назад. Обычный человек в такой ситуации непременно бы задохнулся, но эта тварь извернулась и попыталась перерубить недоуздку своим ржавым мечом. Илна отбежала на три шага, чтобы сбить чудовище с ног. К сожалению, веревка была слишком коротка, накрутить ее на руку не удавалось.

Оставшись один на один с врагом, Кашел перешел в наступление. Он перевел свой посох из вертикальной позиции в горизонтальную и со всего размаха нанес удар личу поперек тела. Тот подлетел в воздух, как птичка, попавшая в колесо. Рука с мечом продолжала запрограммированные движения, но тело, описав плавную дугу, приземлилось в нескольких метрах.

Тем временем илнин монстр рубанул ее по ногам. Девушка подпрыгнула, не выпуская веревки из рук. Кашел рванулся вперед

и со всего маха обрушил подкованный посох на тело лича. Желеобразные брызги и осколки костей брызнули во все стороны.

— Илна! — воскликнул парень. — Ты не ранена?

А перед постоянным двором раздавался демонический смех Гаррика. Девушка обернулась. Все личи были повержены. Изумленные охранники стояли кто где, в центре же этой бойни возвышалась фигура Гаррика.

Табурет в его левой руке был разбит в щепы, осталась лишь одна ножка и кусок сиденья. Лезвие меча — закручено, как лента на ветру.

— *Хафт и Острова!* — снова закричал Гаррик. Он подбросил свой искореженный меч в воздух и снова поймал его за рукоятку. И тут, будто меч на лету разрезал какие-то струны, державшие его в вертикальном положении, Гаррик рухнул ничком на груды мертвых тел.

Илна в тревоге бросилась к нему, но наперерез ей из постоянного двора пулей вылетела красавица Лиана. Она добежала первой.

8

— Двигается! — крикнул Медер, нагнувшись к тросу, который они вчетвером пытались тянуть вверх по склону. Другой конец троса Ноннус пропустил через блок с тремя отверстиями, подсоединив таким образом мачту челнока к тарану триремы. — Действительно движется?

— Тяни! — скомандовал отшельник.

Челнок и впрямь начал скользить вниз по склону, дно его при этом угрожающе скрежетало по каменистой почве. Соприкосновение с неподатливым гнейсом выдавливало влагу из сырого днища челнока.

— Двигается! — с воодушевлением повторил Медер.

Шарина, которая замыкала цепочку и была ближе всех к воде, замедлила шаг, стараясь приноровиться к изменению условий: теперь инерция работала на них. Ноннус первым поднимался по склону — он шел во главе колонны и принимал на себя основную тяжесть работы. Между ними двигались Медер и Азера, и, по правде сказать, толку от них было немного. Несмотря на это, девушка не позволила аристократам стоять в сторонке. Вопрос принципа. Иногда принципиальный подход к делу оказывается важнее самого дела.

Вернее так: принцип *всегда* важнее частного дела.

Челнок у них получился довольно грубым на вид. Ноннус и сам иронизировал по этому поводу, но, так или иначе, первоначальный замысел был реализован. Они получили простейшее плавательное средство, снабженное двумя выступающими балками и парусом, выкроенным из холста, взятого с триремы. Конечно, дальнейшая доработка улучшила бы мореходные качества челнока, так же как его комфортабельность и внешний вид. Но все это требовало времени, а его-то как раз не хватало.

Четверка выживших стремилась как можно скорее распроситься с мертвым безмолвием Тегмы.

Теперь челнок весьма резво скользил по склону.

— Шарина, прыгай внутрь и отвязывай его! — крикнул отшельник.

Девушка бросила веревку и ловко запрыгнула в челнок, когда он проезжал мимо нее. Слава Ноннусу, который догадался при помощи талей¹ восполнить недостаток мускульной силы, необходимой для спуска лодки на воду! В результате им пришлось преодолеть всего-навсего расстояние до носа триремы. Хоть большая ее часть находилась на берегу, несколько футов морского прибора, омывавших ее корму, хватило бы для спуска на воду челнока.

— Тяни как следует! Ты же мужчина! — закричал отшельник Медеру. Теперь, когда Шарина выпала из связки, тому приходилось трудиться в полную силу. — Тяни же!

Челнок достиг воды, его крутой нос подпрыгнул, подняв фонтан, судно закачалось и накренилось. Чтобы избежать беды и дополнительной работы, оставшимся на берегу следовало ровно тянуть трос, пока весь челнок не окажется на плаву.

Шарина перескочила через парус и встала перед мачтой. Тали заканчивались шлагом², прикрепляясь к другому шлагу на мачте при помощи деревянного штифта. Таким образом, чтобы освободить челнок, достаточно было выбить этот штифт. Но сделать это представится возможность, лишь когда судно полностью станет на воду и напряжение с талей снимется.

— Готово! — крикнула девушка.

¹ Тали — грузоподъемное устройство, состоящее из двух блоков, через которые проходит трос.

² Шлаг (*мор.*) — оборот (виток) снасти, троса вокруг чего-либо.

Челнок теперь качался на волнах, слегка наклонясь на правый борт, в противовес тяге слева. Ноннус взялся за левую балку и, попеременно подтягивая и приподнимая, заставил челнок выровняться. Двое аристократов по-прежнему тянули за веревку, не особо понимая сути процесса.

Еще до спуска судна на воду они уложили всю поклажу на дно челнока, под сети. На борту триремы сыскалось немного зерна — вполне достаточно, чтоб прокормить четверых уцелевших после атаки аркаев и медеровского колдовства. Был также кувшин растительного масла, несколько пучков корнеплодов и пресной воды в изобилии: четыре просмоленных бочонка — больше, Ноннус решил, лодка не выдержит.

Чего не было, так это мяса. На острове не осталось живых представителей фауны, а тела погибших, к сожалению, в жарком и влажном климате быстро портились. Тем не менее отшельник не унывал — он рассчитывал наловить рыбы на наживку из теста.

— Руби, руби канат, дитя мое! — кричал Ноннус. — Вы, двое, прыгайте в лодку!

Шарина ударила пяткой по штифту. Он поддался, но не вышел окончательно — должно быть, то ли веревки, то ли само дерево разбухло после подгонки отшельника.

Челнок подскочил, когда Ноннус грациозным движением перекинул свое тело через корму. Тем временем девушка вытащила из-за пояса топорик и что было силы ударила обухом по деревянной шишке. Та выскочила, и веревки, соскользнув, упали на пол.

Взывая о помощи, двое аристократов бултыхались в стоячей воде и цеплялись за корму челнока. Ноннус не отзывался на их крики, так как был занят важным делом — готовился к поднятию паруса. Шарина взялась за шест — бывшее весло с триремы, и оттолкнулась от дна. Они отчалили в тот момент, когда прилив начал отступать, но вода в бухте была такой спокойной, что отливное течение почти не чувствовалось.

Повинуясь жесту отшельника, Шарина направилась вдоль правого борта к корме. Там она протянула шест и мощным, гладким рывком вытащила сначала Азеру, а затем и Медера.

Хотя Шарина старалась не показывать вида, но неспособность аристократов переносить малейшие физические нагрузки вызвала в ее душе презрение. Они ведь оба были вполне здоровы, Медер к тому же неплохо сложен. С усмешкой девушка припомнила, как в Барке ее мать подлизывалась к этой парочке.

Да что скрывать, она и сама испытывала радостное изумление: как это такие высокопоставленные особы обратили внимание на нее, простую деревенскую девушку?

В качестве мачты на челноке использовали бушприт¹ триремы. Реей, на которую Ноннус натягивал сейчас парус, послужило длинное весло с верхней палубы. Собственно мачта с триремы, аккуратно распиленная пополам, превратилась в два утлегаря, прикрепляемые к лодке рукоятками от весел.

Отшельник справедливо рассудил, что легче поснимать все подходящие детали с корабля, чем заново вытачивать их из сырой древесины Тегмы. К тому же закаленное дерево куда лучше ведет себя в плавании. Так и получилось, что корпус челнока оказался единственным заново созданным элементом.

Медер, тяжело отдуваясь, лежал на дне лодки.

— Посмотрите на мои руки! — прохрипел он. Волдыри на его ладонях удивили Шарину: они никак не соответствовали тому минимальному вкладу в общие усилия, что внес колдун. — Я мог бы перенести нас на воду без всех этих мучений. Силой своей магии!

— Не мог бы, — отреагировал Ноннус, привязывая поднятый парус к кнехту² у основания мачты, — потому что я бы не позволил этого.

Он направился на корму, переступая с грацией чайки на качающихся волнах.

— Дайте мне место, — приказал он. — Но оставайтесь за мачтой.

Отшельник взял одно весло, другое было уже в руках у Шарины. Они начали грести, медленно толкая челнок вперед. Их спутники праздно стояли возле мачты, вполголоса о чем-то переговариваясь.

Парус безвольно свисал вниз — в воздухе не было ни ветерка. Берега Тегмы почти уже скрылись в тумане, и девушке показалось, что рокот волн на рифах стал громче.

¹ Бушприт (мор.) — горизонтальный или наклонный брус, выставленный вперед с носа парусного судна; служит главным образом для вынесения вперед носовых парусов, для улучшения маневренных качеств судна.

² Кнехты (мор.) — парные чугунные, стальные или деревянные тумбы на палубе судна, у его бортов или на пристани, служащие для закрепления швартовых или буксирных канатов.

Она оглянулась через плечо — Ноннус довольно улыбался ей. Он греб самодельным веслом так ровно и гладко, что лишь пенный след за бортом обозначал силу его движений.

Тем временем туман начал постепенно рассеиваться. Появился легкий бриз, который показался девушке прямо-таки студеным. Она подумала, что у себя на Хафте только порадовалась бы такому ветерку. Определенно дни, проведенные в жарком, влажном климате Тегмы, нарушили ее тепловой баланс.

А затем они пересекли невидимый барьер, разделявший два мира. За спиной у них оставался древний остров, силой магии поднятый со дна моря. Свежее дыхание доносилось из реального мира — мира, где родилась и жила Шарина.

Впереди сердито рокотали буруны. Ветер относил ключья тумана в сторону, девушка уже видела верхушки кораллов, торчавшие из воды, подобно моржовым бивням. Они были настолько острые, что перемалывали твердые панцири моллюсков в мельчайший песок. На скалах темнела скудная растительность, оттенявшая белые пенные потоки меж скал. С этой стороны преодолевать рифы было не менее опасно, чем со стороны открытого моря.

Ноннус припрятал свое весло под защитными сетями, лежавшими на дне челнока, и занялся парусом. Он так его развернул, чтоб тот поймал попутный ветер. При этом нос опасно задрожал. Шарине челнок казался ужасно неудобным по сравнению с рыбацкими лодками Хафта, но она знала: ее наставник не рискнул бы отправиться в плавание, если б не верил в успех этой затеи.

Солнце уже взошло, дело шло к полудню, и красное размытое пятно солнца посылало свои лучи сквозь туман. Над волнами летали и кричали чайки. Раздался громкий всплеск — со скалы соскользнуло и скрылось под водой огромное тело морского демона.

Темная полоска рифов в белой опушке пены, казалось, плотоядно распахнула пасть в ожидании приближающегося челнока. В воде появился еще один морской демон.

Интересно, если сейчас посмотреть вглубь лагуны, увижу ли я дворцы, затонувшие тысячелетия назад? Однако вода, серая от пены, теряла прозрачность уже на глубине нескольких футов.

Ноннус слегка накренил рулевое весло, ослабил правую сторону паруса и еще несколько подтянул шкот¹ к левому кнехту.

¹ Шкот (*мор.*) — снасть, идущая от нижнего угла паруса и служащая для растягивания последнего и управления им.

Лодка, вяло раскачиваясь, продолжала приближаться к рифам. Грозный рев становился все громче. Медер и Азера испуганно оглядывались, колдун рылся под сетью, где вместе с припасами лежал сундучок с его магическими принадлежностями.

Шарина с каменным выражением лица глядела в их сторону, но у самой сердце захолонуло от страха. Ей доводилось видеть обломки на берегу залива в родной Барке: тяжелая древесина была разбита вдребезги, пережевана и выплюнута далекими рифами.

Рифами Тегмы.

— Здесь! — крикнул отшельник. Зажав в зубах румпель¹, он максимально ослабил левый шкот и затянул правый. Челнок медленно развернулся, направив нос на рифы — там в этот момент показался просвет между двумя рифами.

Ветер стал свежее. Лодка прибавила скорость, с самоубийственным энтузиазмом направляясь на скалы. Несмотря на ветер в спину, Шарина чувствовала, что все ее лицо мокро от брызг.

— Когда я крикну, — Ноннус пытался заглушить рев волн, — быстро бегите все ко мне. Вот сейчас, *бегом!*

Устрашенные надвигающимися скалами, аристократы сразу же послушались. Медеру так и не удалось отыскать свой сундучок, они с Азерой запутались в продуктах.

Отшельник прыгнул на кормовой транец², вцепившись в фал³, и повис, балансируя над кипящим морем. Шарина опрометью бросилась на его место на корме, где брошенное весло начало угрожающе вихлять.

Освобожденный от веса пассажиров, нос челнока задрался вверх. Ноннус освободил фал, и парус с грохотом упал на планшир⁴. Твердый корпус лодки ударился об рифы и, заскрежетава, по инерции поехал по кораллам. Если бы парус не убрали, то удар наверняка бы выломал мачту из основания.

На полпути челнок застрял и остановился

— Вперед! — заорал отшельник. — Если *жить* хотите, все на нос!

¹ Румпель (*мор.*) — рычаг для поворачивания руля судна.

² Транец (*мор.*) — плоский срез кормы.

³ Фал (*мор.*) — снасть, при помощи которой поднимают на судах паруса, рен, флаги, сигналы и пр.

⁴ Планшир (*мор.*) — брус, проходящий по верхнему краю бортов шлюпки.

Девушка одним прыжком перелетела через парочку аристократов. Ноннус лихорадочно восстанавливал парус. Азере и Медеру пришлось ждать, пока мокрая холстина освободит им путь. Перескочив через перекладину, Шарина очутилась на носу и вцепилась в штаг¹. Фонтан соленых брызг окатил ее. Аристократы наконец приковыляли к ней и, ссутулившись, схватились за планшир и такелаж.

Челнок, как бы в нерешительности, качнулся назад, но затем все же продолжил свое движение вперед. Казалось, что челюсти рифов вцепились в корму, в то время как нос и центральная часть с парусом уже вырвались за смертельный барьер.

И все же Ноннусу удалось это — их лодка вышла в открытое море. Выдолбленный из единого куска, челн оказался на редкость прочным — отделавшись ободраным днищем, он проскочил там, где любой наборный корабль развалился бы.

Шарина услышала, как волны в уже напрасном гневном ревели за ее спиной.

9

— Говори, кто это сделал? — потребовал Гаррик. Он сам слышал в своем голосе отголоски тона короля Каруса, того самого, которого невозможно послушаться. — Кто наслал личей на нас, Бенлоу?

Купец сидел на перевернутой кормушке рядом со стойлом. Он безостановочно вертел в руках свой пояс, будто чувствовал необходимость чем-то занять руки. Гаррик стоял перед ним, Кашел, чернее тучи, возвышался сзади.

Во дворе гостиницы было светло, как днем, — люди с факелами, фонарями и даже свечками бродили, разглядывая результаты побоища. Не веря своим глазам, они склонялись над телами личей, затем выпрямлялись с выражением ужаса и отвращения на лицах. Стонали раненые стражники, люди громко, нервно обсуждали происшедшее и то, что легко могло случиться.

— Не знаю, — ответил Бенлоу, глядя мимо Гаррика. В его голосе слышался гнев и неподдельная тревога.

¹ Штаг (*мор.*) — снасть стоячего такелажа, удерживающая мачты, бушприт и пр. спереди в диаметральной плоскости судна.

— Думаю, ваши стражники разделяют желание узнать правду, — угрожающе произнес Гаррик. — Те, что выжили, естественно.

Кашел зарычал. Гаррик не помнил, чтоб он когда-либо видел друга таким разъяренным. Убедившись первым делом, что Гаррик и Илна в порядке, он бросился к купцу и, не слушая возражений, притащил его сюда. Когда Бенлоу попробовал освободиться, Кашел просто-напросто одной рукой поднял его в воздух и держал так, пока тот не затих.

— Для чего вы разыскивали Гаррика? — спросила Теноктрис. Она, как обычно, сидела, поджав ноги, на земле перед купцом. В руках она крутила былинку и больше всего напоминала ребенка, присевшего поиграть в пыли. Но если присесть рядом с ней на корточки, то можно было разглядеть дорожки голубого света, которые травинка оставляла при движении.

— Этого я не могу сказать, — решительно ответил Бенлоу. — Просто не могу. Я знаю только одно: меня попросили пройти определенным путем и принести то, что лежит в конце этого пути. Если смогу. Я не нарушал никаких законов. Я не причинил никому вреда, да и *не собирался*.

Повелительным жестом, двумя пальцами, он указал в направлении дороги на Барку.

— Возвращайся на свои пастбища, мальчик, — сказал он Гаррику, — если это то, что тебе нужно. Но запомни: не я приводил личей к тебе. И что бы ты со мной ни сделал, это не освободит тебя от них. Я бы даже не знал, что вызвало их, если б твоя подруга...

Он кивнул в сторону Теноктрис.

— ...не сказала мне.

Всю схватку Гаррик припоминал, как будто смотрел со стороны. А ведь именно его тело сражалось, сокрушая личей, как зрелые колосья. Юноша стремительно двигался, нанося смертельные и неотразимые удары, хотя в душе, какой-то ее частью, понимал, что меч — его форма, баланс — далеко не идеальны. Табурет оказался не меньшим подспорьем — как для защиты, так и для нападения. Таким образом, Гаррик крушил личей с двух рук, ни разу не промахнувшись, не сделав неверного движения.

Правда, и ему досталось. Юноша получил ранение правой икры от лича, которого один из охранников Бенлоу свалил, но не добил. Он помнил свою реакцию: молниеносный удар ногой

и легкое удивление, когда его босая нога с хрустом раздавила кости ожившего мертвяка. А ведь он действовал, даже не оглядываясь! И еще воспоминание: его меч с противным звуком ломает носовые перегородки и входит в полуистлевший череп, в который неизвестный маг вложил сознание живого существа.

Почти не задумываясь, Гаррик продолжал добивать уцелевших тварей. Он видел все это, помнил, но... Но сражался-то не Гаррик ор-Райз! Он ведь раньше даже не держал меча в руке.

Юноша прикоснулся к груди, где под туникой висел медальон короля Каруса. Спросил:

— Так кто послал тебя за мной?

Бенлоу покачал головой. Он немного успокоился, сознавая, что эти двое юношей не обидят его без особой причины. И надеялся на отсутствие таковой.

— Я не знаю, — ответил купец.

Его взгляд снова скользнул мимо Гаррика, на этот раз — на Лиану. Девушка одиноко стояла в сторонке, но достаточно близко, чтоб слышать их разговор. С каменным лицом она смотрела на отца.

Бенлоу смущенно поежился, но продолжал:

— Я получил деньги от какого-то эрдинского банкира вместе с приказом идти по определенному следу. Что именно я должен обнаружить в конце пути, этот человек и сам не знал. Подозреваю, его хозяин — имя мне не открыли — тоже пребывал в неизвестности. Иначе мне бы рассказали...

Пока Теноктрис бормотала свои заклинания, Лиана занялась ногой Гаррика. Оказывается, ее учителя из опального ордена Дочерей Госпожи преподавали ей наряду с этикетом и литературой навыки ухода за больными и ранеными. Перебинтованная лодыжка почти не болела, если не опираться на нее.

— И что за след? — прорычал Кашел. Он поднял клоч соломы и принялся очищать свой посох от налипших слизи и гноя.

В глазах Гаррика мелькнула растерянность. Он помнил, что именно его друг поднял тревогу, но дальше картина затуманивалась. В своих воспоминаниях он не видел Кашела и не знал, чем тот занимался во время схватки.

Илна продолжала стоять тут же рядом, не отрывая взгляда от Лианы. Эта девушка волновала ее гораздо больше, чем ее отец. Она машинально вертела в руках недоуздов, поигрывая петлей и поглядывая на горло соперницы.

— Ну, это было... — начал Бенлоу, разводя руками в воздухе, как бы пытаясь извлечь оттуда ответ. — Там требовалось произвести кое-какие действия с помощью магии. Я не могу вам все объяснить, потому что вы вряд ли поймете...

— Ты не можешь объяснить, — вмешалась Теноктрис с убийственным презрением (Гаррик даже не подозревал в ней подобной жесткости), — потому что проявил непростительную халатность и не позаботился разобраться в силах, которые привел в движение.

— Что? — привстал Бенлоу, и Кашел тут же обрушил свою тяжелую руку ему на плечо.

Теноктрис обернулась к Гаррику с несколько смущенной улыбкой. Похоже, она и сама удивилась собственной резкости.

— Определенно, этот человек не несет ответственности за нападение, и во всем остальном он говорит правду. Он выполнял задание, сам не зная чье, и в результате столкнулся с незнакомым врагом.

Она холодно взглянула на Бенлоу и заключила:

— Короче, он просто глупец...

Женщина оперлась на землю, чтоб подняться. Гаррик хотел ей помочь, наклонился, но внезапно замер, захваченный врасплох болью. Раскаленная стрела насквозь пронзила мышцы спины и груди. Нельзя сказать, чтоб минувшая драка потребовала от него большего напряжения, чем обычный сельский труд. Но здесь была работа совсем другого рода, и тело юноши отозвалось на непривычные нагрузки.

Лиана, все с тем же каменным выражением, нагнулась и поддержала старую колдунью.

— Да кто она такая? — сердито спросил купец у Гаррика. — Вы говорили, она спаслась после кораблекрушения... Сдается мне, что это ваша старая, выжившая из ума тетушка.

— Я сказал вам правду, — ответил юноша. — Но дело не в том. Гораздо важнее, что она человек, которому я доверяю.

В настоящий момент он не знал, как относиться к Бенлоу. На поверку оказалось, что купец не обманул: он действительно выполнял задание своего заказчика с Сандраккана. Правда, он умолчал, что настоящей его целью были не овцы, а Гаррик. Но, в конце концов, он честно оплатил и отару, и присутствие юноши при ней.

Лиана отошла от Теноктрис и теперь смотрела на Гаррика, в ее глазах появилась тревога.

— Лиана? — Купец поднялся и наклонился к дочери. Она отодвинулась, будто не замечая его жеста. Кашел недовольно хмыкнул, но не нашел нужным останавливать Бенлоу. Тот пошарил в рукаве в поисках носового платка, но безуспешно. Внезапная атака подняла его с постели, и купец до сих пор был в полотняной ночной рубашке. В отличие от дочери, он даже не успел накинуть свой плащ.

— Ну да, я вынужден признать, что не понимаю всего происходящего, — вздохнул Бенлоу. — Поверьте, эти ночные нападения нравятся мне не больше, чем вам. Когда мы прибудем в Каркозу, я разберусь со всем. *Обещаю* вам!

Теноктрис наблюдала за ним с бесстрастным видом. Гаррик обеими руками тер лоб, он чувствовал, как окоченевшие, непослушные пальцы сводит судорогой. Минувшая схватка, оказываясь, далась ему нелегко. И немудрено: он расколошматил свой меч в исковерканную болванку, разбил вдребезги дубовый табурет.

Юноша не знал, что и думать. Он вообще ничего не знал.

Старая колдунья начала расспрашивать Бенлоу. Очень скоро Гаррик обнаружил, что не воспринимает беседу — в его воспаленном мозгу вопросы и ответы сливались в бессмысленное, монотонные жужжание.

— Я возвращаюсь в постель, — сообщил он. — Мне нужно поспать, если завтра утром мы собираемся в путь.

Юноша поковылял обратно к постоялому двору. Он чувствовал себя настолько истощенным, что знал: несмотря на все невероятные события, он уснет, как только голова коснется подушки.

И был уверен: в своих снах он будет не одинок.

10

— Тебе тоже следует поспать, — сказала Мелли, лежа на коленях у Кашела. Она озабоченно смотрела на него снизу вверх.

— Со мной все в порядке, — ответил юноша. — Овцы все еще нервничают. Они быстрее успокоятся, если будут чувствовать меня поблизости.

Кашел присел на дышло повозки лицом к загону. Он провел рукой по поверхности своего посоха. Набрав полную пригоршню овечьей шерсти, богатой ланолином, он смешал ее с песком — получился мягкий шарик, тем не менее обладавший абразивными

свойствами. Этим шариком юноша принялся счищать и разглаживать зарубки и заусенцы, образовавшиеся на посохе после драки.

Когда он доберется до Каркозы, а может, и раньше, если посчастливится найти подходящее дерево, он отремонтирует свое оружие. Сейчас на посохе образовалась глубокая царапина — это когда Кашел блокировал удар меча лича. Металлический набалдашник тоже сплюснулся о череп монстра, нападавшего на Илну. Он тогда вложил в удар всю силу, и этого оказалось достаточно, чтоб раскроить черепушку, как спелую репу. После нескольких ударов от лича осталась лишь горстка пыли — Кашел стер его в порошок.

— И все же тебе надо поспать, — настаивала фея. — Ты же знаешь: в случае опасности я разбужу тебя.

Юноша улыбнулся. Надо же, прошло всего несколько дней, а он уже привык, и беседы с обнаженной красавицей размером с его палец не вызывали у него неловкости.

— Да ладно, со мной все будет отлично, — повторил он. — Мне нужно немного успокоиться, да и посохом надо заняться.

Одна царапина оказалась довольно глубокой, но Кашел был уверен: он сумеет отполировать дерево так, что останется простое пятнышко. Он и помыслить не мог о том, чтоб поменять свой посох. Ему было всего девять лет, когда он получил эту замечательную прямую палку в уплату за валку деревьев для Тарона, владельца леса. Кашел обработал древесину, придав ей форму, и в конце покрыл воском. Здесь только ободки были сработаны не его руками. Так их и пришлось с тех пор заменять трижды.

Мелли вытянула свою изящную ногу в направлении Полярной Звезды и тихо хихикнула.

— Не правда ли, Бенлоу очень силен? — произнесла она.

Кашел нахмурился, продолжая натирать древесину длинными, скользящими движениями.

— Бенлоу? — переспросил он. — Ну, я бы так не сказал.

Тот же Ральд, начальник охраны купца, казался куда сильнее с виду. Напоминая сложением дубовый чурбан, по виду он был сущий бандит. Да и Сархад, еще один охранник, мог бы поспорить с ним, если бы меч лича не разрубил его от плеча до талии. А Бенлоу...

Мелли снова хихикнула и, сделав сальто, приземлилась на ноги.

— Он не такой крутой, как *ты*, дурачок! Но все же очень силен.

Она бросила взгляд на постоянный двор. Легкий ветерок развеивал ее блестящие волосы, она была настолько *реальной*, что порой Кашел просто не мог поверить в ее невидимость. Не может быть, чтоб остальные не замечали фею!

— Именно такие люди как Бенлоу перекрутили пути в мой мир, — сказала Мелли. Она произнесла это ровным голосом, без всяких эмоций. Как о чем-то незначущем. Но ведь точно так же она говорила о лисе, пытавшейся ее съесть.

Кашел обдумал слова своей подруги. Ясно: говоря о силе Бенлоу, она имела в виду его магические способности. В этом юноша не сомневался, он видел, как купец создал призрак, чтоб найти Гаррика.

— Может, на этот раз они откроются? — предположил Кашел, скорее чтоб поддержать разговор.

Мелли наморщила носик и высунула язык.

— Если ты уронишь яйцо на землю, — насмешливо произнесла фея, — оно разобьется. Как ты думаешь, срastутся ли осколки, если снова уронить их?

— Вообще-то я обычно сначала думаю, а потом уж говорю, — вздохнул парень. Это было правдой лишь наполовину — обычно он думал *вместо* того, чтобы говорить. — Прости, Мелли.

Подпрыгнув, фея сделала стойку на руках. Скрестив ноги, она подняла одну руку, оставшись стоять на другой. Такого Кашелу видеть не доводилось. Во время зимних праздников некоторые его односельчане отплясывали и кувыркались с привязанными к ногам бараньими рогами, Гаррик тоже был мастак на такие штучки. Но акробатические трюки Мелли им не чета!

— Я бы открыл тебе дорогу, если б мог, — неловко произнес Кашел. Он держал перед собой в вытянутой руке посох и, медленно вращая его, пытался в неверном звездном свете разглядеть оставшиеся дефекты.

Посох являлся динамическим оружием; у него не было ни острия, ни режущей кромки, чтоб облегчить работу владельца. За годы пользования древесиной пекана¹ отполировалась до зеркального блеска руками Кашела. И это естественно: юноша не мог позволить себе терять время из-за неровностей поверхности, когда от его ловкости зависела жизнь сестры или друга.

А теперь, может быть, и жизнь Мелли.

¹ Пекан — дерево семейства ореховых.

— Кашел, — послышался кстати ее голосок. Фея снова вернулась в нормальное положение и смотрела на юношу. — А куда ты собираешься отправиться после Каркозы? Или ты планируешь остаться с Бенлоу?

— Нет, — ответил тот. — Ни в коем случае. Но и в Барку я не вернусь.

Он принялся натирать поверхность дерева новой пригоршней шерсти, на этот раз без добавления песка. Он не хотел менять посох и надеялся, что никогда не придется. Для юноши это был не просто рабочий инструмент, а единственная ниточка, связывающая его с прежней жизнью.

— Хочу уйти куда-нибудь подальше, вот и все, — продолжал он. Кашел хотел было рассказать про Шарину, но затем передумал. Не то чтобы он не доверял фее... Нет, как раз-таки Мелли была единственным существом, с которым он не испытывал сложностей в беседе. Но что тут скажешь... юноша просто не мог придумать. — А у тебя есть место, куда бы ты хотела пойти?

— Видишь ли, — задумчиво проговорила фея, — мое знакомство с вашим миром с тех пор, как я оказалась заперта в нем, ограничивалось в основном кошками и лисицами. Я никогда не могла позволить себе, например, морское путешествие из-за крыс. Ну и так далее... Но, наверное, путешествовать в обществе друга — это совсем другое дело. Нечто новенькое за последнюю тысячу лет.

— Я позабочусь о твоей безопасности, Мелли, — сказал Кашел. Он окончил полировку своего посоха. Теперь дерево блестело, как зеркало...

11

Вдоль дороги, по которой сейчас шел караван Бенлоу, тянулись живые изгороди. Их обитатели щебетом и писком протестовали против вторжения злобных, жужжащих насекомых, потревоженных путниками. Далеко в хвосте раздавался громкий голос Кашела, он увещевал своих овечек:

— Ну, хватит, Джинджер! Ты уже съела здесь все, что можно! Пошли, старушка... Цк-цк-цк!

Лиана обернулась к Илне:

— Ваш брат выглядит чрезвычайно веселым сегодня утром, госпожа!

Она взяла себе за правило придерживаться ровного, приятельского тона с Илной. Увы, ее дружелюбие не вызывало отклика в душе той: Илне казалось, что дочь торговца втайне насмехается над ней, демонстрируя свое превосходство по части красоты, образованности и богатства. Понимая, однако, что другие не разделяют ее мнения, а видят лишь приветливые улыбки, Илна заставляла себя сдерживаться и открыто не проявлять враждебность.

— Ну да, — улыбнулась она в свою очередь. — А почему бы и нет? Денек сегодня прекрасный... В конце концов, может, он просто рад остаться в живых после ночного нападения. А что ты скажешь, Гаррик?

Гаррик шагнул рядом с мерином Лианы, на котором сегодня ехала Теноктрис. Бенлоу это не понравилось, но Лиана одним холодным взглядом положила конец отцовским протестам. Колдунья тоже пыталась отказаться от подобного благодеяния, но дочь купца рассудила по-своему. Она резонно заявила, что пожилой женщине необходимо отдохнуть, в то время как она сама нуждается в небольшой разминке. Тут даже Илне трудно было разглядеть под благородным поведением коварные помыслы богатой стервы.

— Ну, насчет счастья не знаю, — через плечо улыбнулся девушкам Гаррик, которого на сегодняшнее утро освободили от обязанностей погонщика. Слава Госпоже, что он смог хоть идти самостоятельно. — Но уверен: я жив, оттого что проклятые мертвяки недостаточно постарались.

Тут юноша споткнулся и вынужден был схватиться за стремя Теноктрис, он чуть не выронил лук, который нес в левой руке.

— Вы видите? — в притворном отчаянии воскликнул он. — Я же просто калека! Вам придется подойти поближе, если хотите продолжить беседу.

От реки Стромы до Каркозы вела мощеная дорога, хотя тысяча лет интенсивного движения оставила на ней рытвины и колеи по самую щиколотку. Кто здесь только не проходил: и пешие странники, и всадники, и вьючный скот, и даже колесный транспорт, немыслимый на более узких восточных дорогах. Илна впервые увидела здесь экипаж — роскошную, в ее понимании, коляску с зашторенными окнами тянула четверка вороных жеребцов, над их упряжью развевались пышные султанчики.

Бенлоу следовал во главе колонны, четверо уцелевших охранников не отходили от него ни на шаг. Лиана намеренно выбрала такое место, чтоб держать Гаррика с Теноктрис между собой и

отцом. Илна вначале приняла это за очередную уловку с целью идти рядом с Гарриком, но в течение первого же часа пути убедилась, что чужачка держится в нескольких шагах позади юноши.

Сама Илна молча и настороженно шагала рядом с дочерью купца.

Замыкал шествие Кашел с отарой, сзади доносился его голос, ласково выкликавший имена овец. Он действительно выглядел на редкость веселым. Гораздо веселее, чем сестра помнила его дома. Может, его радовала возможность посмотреть мир за пределами Барки. Опять же денежки текут в карман... Хотя, надо признать, деньги никогда особо не волновали Кашела. Да и к чему? Ведь есть Илна, которая обо всем позаботится...

— Ну, девушки, подтянитесь, — снова оглянулся Гаррик. — Очень может быть, что вам придется тащить меня на себе весь остаток пути.

Лиана вопросительно посмотрела на Илну, и та с трудом подавила в себе раздражение.

— Мы уже идем, — ровным голосом откликнулась она.

Лиана ускорила шаг и пошла справа от Теноктрис, в то время как Гаррик остался слева.

— Как, нормально переносишь путешествие? — спросил юноша, когда Илна поравнялась с ним. Он перевесил свой лук на правое плечо, чтоб не мешал беседовать с девушкой.

Илна знала Гаррика всю свою жизнь. Она видела, как запали его глаза, как юноша вздрагивает всякий раз, когда ступает на больную ногу. И тем не менее он пребывал в таком же прекрасном настроении, что и Кашел. Это удивляло девушку, она боялась, что последняя схватка на многие дни выведет его из строя.

— Вот уж надеюсь, что не доживу до того времени, когда шагать за бредущей овцой окажется для меня непосильным трудом, — ответила Илна. — Стирка простыней — более трудоемкое занятие... И более волнующее.

Гаррик весело рассмеялся. С некоторых пор его смех стал гораздо громче, чем прежде. И более самоуверенным. Похоже, юноша решил, что быть веселым вовсе не зазорно. Если же кто-то считает по-другому — что ж, тем хуже для них...

— Я как раз говорил Теноктрис, — улыбнулся он, — что ни разу не встречал у древних авторов сюжета, где б овец перегоняли на рынок или, к примеру, стригли. У них пастухи все больше

сидят под священными дубами и наблюдают, как овечки резвятся на цветущих лугах. Что скажешь, Лиана?

Нет, определенно это был не тот человек, с которым росла Илна. Она знала Гаррика как умного, благожелательного и работающего парня. Теперь в нем появилась какая-то колючка... Не-что острое, явно унаследованное не от отца, но и не имевшее ничего общего с язвительной горечью матери.

— У меня тоже сложилось впечатление, что пастушество у Келондрия содержит гораздо больше чистых родников и поэтических состязаний, чем я заметила в Барке, — согласилась Лиана. Затем, явно желая сменить тему, она обратилась к старой колдунье: — Госпожа Теноктрис, извините, что я вначале заподозрила вас в мистификации. Можно спросить, как вы пришли к тому, чтобы стать...

Она запнулась, должно быть, опасаясь, что слово «колдунья» прозвучит оскорбительно. Илна даже слегка наклонилась посмотреть, не покраснела ли эта гордычка, но Теноктрис на коне закрывала ей обзор.

— ...к тому, чтоб изучать искусство магии? — закончила фразу Лиана (наверное, слово «волшебница» ей тоже не понравилось). Очевидно, кто-то рассказал ей все про Теноктрис.

Этим «кем-то» наверняка был Гаррик, беседовавший со столичной красавицей, пока она, Илна, вкалывала, чтоб отработать свое проживание в гостинице... И все оттого, что у нее не было богатого папеньки, способного оплатить ее расходы!

Разговаривая, Лиана понизила голос, хотя Бенлоу по-прежнему ехал со своими охранниками достаточно далеко. Они постоянно вырывались вперед и вынуждены были каждые десять-двадцать минут останавливаться, чтобы подождать едва тянущуюся отару. Это вполне устраивало Гаррика, который сегодня тоже двигался с неспешностью овцы.

Теноктрис очень неловко держалась на коне — всадник из нее получился никудышный. Одной рукой она держала поводья, а другой вцепилась в излучку седла.

— В нынешнем колдовстве, как его практикуют, очень мало искусства, — сказала она с мрачной улыбкой. — Впрочем, как и в мои дни.

Она бросила взгляд в сторону Гаррика с Илной, как бы желая вовлечь их в беседу, затем продолжала:

— Как вам сказать, Лиана... С одной стороны, у меня имелся талант видеть силы. С другой — моя семья была титулованной,

но слишком бедной. А я являлась третьей по счету дочерью. Полагаю, мой отец поддержал бы любое мое начинание, лишь бы не трагиться на приданое. Так и получилось, что я пошла учиться в университет города Нотиссона. После этого работала во многих домах Островов, где имелись хорошие библиотеки. В конце концов по случайному стечению обстоятельств оказалась в Йоле.

— Но у вас же был, наверное, наставник-колдун? — спросил Гаррик. — В смысле: кто-то передавал вам свои знания?

— В то время в Нотиссоне — в самом городе, не в университете — жила одна целительница по имени Казри. Она была очень могущественной, — рассказывала Теноктрис. — Именно от нее я почерпнула большую часть своих навыков. Но это был только один аспект дела...

Женщина нахмурилась. Очевидно, она подыскивала слова, чтоб лучше объяснить все молодежи.

— Поймите меня правильно... Казри была светлой колдуньей, она хотела помогать людям. Но, наблюдая за ней, я обнаружила, что она не понимает природу сил, с которыми работает. И это напугало меня... Фактически ей не хватало образования, но беда была не в этом. Самое страшное заключалось в ее собственной силе... — Она издала сухой смешок. — Да уж, это в корне отличалось от моей проблемы.

— Скажите, а... с Клобуком сложилась такая же ситуация? — спросил Гаррик. Он не отрывал взгляда от дороги перед собой.

— Если ты хочешь спросить, был ли он малограмотным, — обернулась к нему Теноктрис, — то я отвечаю: нет, это не так. Полагаю, он тоже происходил из мелкой знати, получил образование, как и я... Но на этом сходство кончалось. Силой он обладал колоссальной — не мне чета. Не берусь утверждать это наверняка: дело в том, что я почти не общалась с ним. Если не считать происхождения, то между нами не было ничего общего.

Она наклонилась и внимательно посмотрела — как ни странно, не на Гаррика, а на Лиану.

— Другое отличие между Клобуком и моей подругой Казри заключалось в его полной концентрации на Малкаре.

— Малкар... это зло, — громким ровным голосом констатировала дочь купца. — Он обратился ко злу.

— Да, люди часто это так называют, — согласилась Теноктрис. — Клобук даже претендовал на то, чтоб называться собственно Малкаром. Это чистой воды ложь, доказывающая, во-

первых, что он глупец, а во-вторых, глупец, посвятивший себя Тьме. И при всем при том он был волшебником исключительной силы. И в этом заключалась главная его опасность. Клобук умудрился разрушить наш мир — тот, в котором мы с ним жили. И сделал это скорее по ошибке, чем осознанно...

Она горько улыбнулась.

— Раньше я думала, что он погубил и себя самого, — вздохнула старая колдунья. — Но это было до того, как ты, Гаррик, рассказал мне о своих снах.

— Прежде мне ничего подобного не снилось, — поспешно сказал юноша. — Это появилось после того, как отец дал мне амулет.

— Ну да, — произнесла Теноктрис. — Надо полагать, из моих современников я не одна выжила. Существуют очень могущественные люди...

Она покачала головой со слабой улыбкой.

— И волей случая я оказалась среди них.

Лицо колдуньи изменилось — стало еще более задумчивым, чем обычно. Илна, глядя на нее, в очередной раз подивилась ее характеру. Хотя кто-то со стороны мог бы сказать, что они с Теноктрис очень похожи в эмоциональном плане, но девушка-то знала: у старой колдуньи в душе царит мир и покой, в то время как она сама под внешним спокойствием скрывает море страстей.

Теноктрис посмотрела на Бенлоу с охранниками, остановившимися в пятидесяти футах от них.

— Силы могут прибывать и убывать, но приобретение знаний во все времена требует больших усилий, — сказала она спокойно. — Моя подруга из Нотиссона была очень могущественной. Так же, как и Клобук. Боюсь, то же относится к вашему отцу, госпожа Лиана. Он тоже очень силен — и совершенно неуправляем.

12

Путешествие складывалось не очень удачно. Все время дул сильный юго-восточный ветер и сбивал их с намеченного курса. Ноннус спустил парус, но даже при этом любой мало-мальски серьезный порыв ветра относил челнок все дальше во Внешнее Море.

Шарина занималась тем, что пришивала кренгельсы¹ на просмоленное полотнище паруса; отшельник тщательно обстругивал шест, которым девушка отталкивалась от берега, — он собирался соорудить из него рею для укрепления паруса. Все эти усовершенствования весьма незначительно улучшали мореходные качества лодки. Но, по крайней мере, это было хоть какое-то занятие — оно отвлекало и позволяло уменьшить раздражение запертых поневоле вместе людей.

Азера с мрачным видом сидела на носу. Медер облюбовал себе место у мачты — он тупо глядел в раскрытый сундучок со своими магическими принадлежностями. Время от времени он бросал взгляды на корму, и тогда Шарина старательно отводила глаза.

Наконец Азере надоело глазеть в бесконечное морское пространство.

— Этот ветер никогда не кончится! — возмутилась она и поднялась. — Должно быть, здесь не обошлось без колдовства. Медер, неужели ты не можешь ничего поделать?

— Нет, потому что вон тот мужлан не дает мне возможности! — слышался раздраженный голос колдуна. Он не поднимал глаз от предмета, который вертел в руках. Шарине показалось, что это маленькое зеркальце или кусочек отполированного магнита.

— В такое время года юго-восточный ветер во Внешнем Море дует и без всякой магии, — спокойно возразил Ноннус. — Мы вернемся на нужный курс без привлечения колдовства. Вполне вероятно, в ближайшие дни или недели подует северный ветер. У нас достаточно провизии, чтоб дожидаться его; если же ее не хватит, можно будет ловить рыбу.

У отшельника не было с собой ни стамески, ни другого плотницкого инструмента для соответствующей обработки реи. Вместо этого он обтесал два клина, изготовленных из бывшего галерного весла, с помощью своего пьюльского ножа раскроил дерево и приколол его к мачте. Пока Ноннус стоял так, держа в одной руке перед собой шест, а другой обтесывая его с ювелирной точностью, он казался частью шлюпки.

— Северный ветер? — с возмущением воскликнула прокуратор. — Ты имеешь в виду шторм, наверное? О боги! Как я могла

¹ Кренгельс (*мор.*) — кольцо, вставляемое в отверстие паруса для продевания концов веревки.

так сглотить и взять на себя эту миссию! Лучше мне было вскрыть себе вены и спокойно умереть в своей постели в Валлесе!

— Северный ветер, — мягко пояснил отшельник, — отнесет нас обратно во Внутреннее Море или позволит высадиться на одном из северных островов. Я вовсе не в восторге от этого корыта, на котором нам приходится плыть, но все же оно достаточно прочное и вполне способно выдержать шторм в северных широтах.

Шарина отвлеклась на минуту от работы и проводила взглядом стайку выпрыгивавших из воды рыб. Но думала она про другую серую волну, которая преследовала рыб, — она разглядела большой извивающийся хвост.

— С нашей лодкой все в порядке, — задумчиво продолжал Ноннус, обращаясь теперь уже не к Азере. Вообще непонятно, с кем он говорил, может — с самим собой. — Обработанная соответствующим образом двухосная долбленка плавает почти так же хорошо, как и наборная лодка. А в шторм даже лучше... К сожалению, мне не хватило времени довести ее до ума.

— А сколько времени на это потребовалось бы, Ноннус? — спросила девушка, глядя в лицо своему другу.

— Ты попала в самую точку, дитя мое, — улыбнулся отшельник. — Пожалуй, это заняло бы год или около того. Построить, обработать, как следует отцентровать оси...

— Вот уж я бы не хотела провести год на Тегме, Ноннус, — решительно заявила Шарина, повысив голос так, чтоб аристократы могли ее слышать. — Если б даже та сила, что нас туда забросила, и позволила...

Отшельник одиноко сидел на кормовой траверсе¹. Взгляд его был устремлен куда-то за горизонт и, скорее всего, за пределы реального мира — так казалось девушке.

— Не тревожьтесь, госпожа Азера, с нами все будет в порядке, — сказал он. — Море большое. Оно больше любого человека и любого корабля — это первое правило, которое выучивает каждый ребенок на Пьюле. Мальчишка, забравшийся в такое время года на своей плоскодонке так далеко на север, скорее всего, вынужден будет плыть и плыть, подгоняемый ветром до самых Льдистых Мысов. Но у нас довольно припасов и хороший шанс вернуться обратно на загравке северного ветра.

¹ Траверса (*фр.*) — горизонтальная балка, опирающаяся на вертикальные конструкции.

Шарина аккуратно заколола иголку в парусину и поднялась. Она изготовила себе кожаный пояс, а также патронташ, в котором болтался ручной топорик, мешочек со швейными принадлежностями и кинжал. Это оружие прекрасной стали, украшенное тонким чернением, раньше принадлежало одному из Кровавых Орлов. Но это было еще до того, как все живое на Тегме погибло. Здесь же висела котомка с хлебом и бутылкой воды. Конечно, ходить со всеми этими вещами было не слишком удобно. Но девушка хорошо запомнила совет отшельника: пока ты в лодке — держи все необходимое при себе.

Она сделала шаг, стараясь не раскачивать челнок, и опустилась на траверсу рядом с Ноннусом. Он улыбнулся ей и сказал:

— В детстве — я еще был настолько мал, что не успел сделать собственную лодку, — я украл отцовскую. Наверное, мне было лет семь, не больше... Семь сезонов тюленей и семь голодных сезонов — мы так это называли на Островах. Стояла такая же погода, как сейчас.

Порывы ветра раскачивали лодку, глубоко утапливая левую балку, а правую вздымая высоко над поверхностью воды. Волны, подобно бичу, бились о корпус, обдавая брызгами лодку и ее пассажиров. Азера каждый раз недовольно вздрагивала, Медер поспешил захлопнуть свой сундучок с принадлежностями.

— Три дня меня несло на север, — продолжал отшельник. — Еды у меня с собой не было, лишь бутылка с водой. Меня сопровождали стаи медуз — настоящие морские тигры, знаете, такие большие с черно-оранжевыми воздушными мешками. У них были тридцатифутовые щупальца, которые жглись подобно хлыстам демонов. Они колотили ими по моей лодке день и ночь. Лежа на тонкой древесине, я чувствовал их прикосновения.

Ноннус засмеялся — унылый звук, более подходящий одинокой чайке, а не человеку. Шарина приобняла его за плечо.

— А затем погода переменилась, — сообщил Ноннус окружающим, — и за одну ночь меня отнесло обратно на то же расстояние, которое я перед этим проделал в три дня. И колотушки отца показались мне великим счастьем, потому что я уже не чаял когда-нибудь огрести от него плюху... Но иногда я думаю о другом мальчишке, в другом... наверное, в другом мире. Который продолжал дрейфовать на север, пока не превратился в кусок льда. Семилетний мальчишка, самым страшным грехом которого была кража отцовской лодки.

— И он не спас девушку с Тегмы, — сказала Шарина.

Отшельник рассмеялся, на этот раз уже вполне по-человечески.

— Нет, дитя мое, не спас, — подтвердил он. — А наш ветер изменится, потому что они всегда меняются.

— Я могу изменить его, — сказал Медер, прижимая к груди свой сундучок.

Ноннус поднялся.

— Конечно, можете, господин, кто бы сомневался, — любезно улыбнулся он. — Но если вы займетесь этим на лодке, которую построили мы с Шариной, я вышвырну вас в море. Рыбы менее привередливы, они не станут возражать против вашей компании.

Медер в ужасе хлопал глазами. Шарина твердо смотрела на него, продолжая сидеть рядом с отшельником.

Она ни секунды не сомневалась, с кем ей быть в этой ситуации. Но глубоко в душе она сжималась от холодного ветра и не могла не думать о Лыдистых Мысах. И не представлять свои длинные светлые волосы, вмерзшие в лед...

13

Центральные арки акведука обрушились уже давным-давно. Осыпавшиеся кирпичи местные жители использовали для фундаментов домов и сараев, стоявших вдоль дороги. Эти строения появились в поле зрения путников вскоре после привала в середине дня и теперь неизменно тянулись вдоль дороги. От акведука же остались остовы колонн, которые торчали подобно ископаемым великанам.

— Наши предки подводили воду от Стромы, — сказал Гаррик. — На расстоянии семидесяти миль. Можешь представить, Лиана? Вообрази: городу так нужна вода, что он доставляет ее из такого далека.

— Эрдин тоже использует акведук, — отозвалась Лиана. — Но это из-за того, что местная вода имеет неприятный вкус. Все тяжелые товары доставляются на юг острова на баржах по каналам. Наш остров — Сандраккан.

Они стояли на конце пирса, вдававшегося в озеро Талпин. Их караван расположился на ночлег в гостинице с названием «Озерные Протоки», которая стояла на берегу озера. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени на поверхность воды.

Овцы уже бляели в загоне, но лодки, вышедшие на вечернюю рыбалку, еще не возвращались.

Лиана рассматривала окрестности. Плоская равнина и зеркальная гладь озера открывали широкий обзор. За далекими холмами угадывалось море.

— Это напоминает мне Эрдин, — сказала девушка, — там, где я росла.

Илна находилась на кухне, Теноктрис бродила где-то у озера, зато Кашел решил посидеть с овцами, хоть особой необходимости в этом и не было. Пока Бенлоу куда-то удалился в одиночестве, его охрана мрачно напивалась в общем зале гостиницы.

Гаррику особо не хотелось вникать, куда направился торговец. В другое время юноша, наверняка, присоединился бы к Теноктрис, чтоб исследовать развалины древних зданий, которые, возможно, ей довелось видеть еще совсем новыми. Или пошел бы к Кашелу по-дружески поболтать обо всем и ни о чем. Но Гаррик поймал вопросительный взгляд Лианы и, хотя она специально не просила его, решил последовать за ней на пирс. Они стояли на виду у десятков людей; «Озерные Протоки» были бойким местечком, к тому же довольно близко от Каркозы. Посему мимо проходило множество путников, спешащих затемно попасть в столицу. Никто из них не обращал внимания на стоящих в отдалении юношу и хорошенькую девушку.

— На этой стороне озера была роща Таппы, — заговорила Лиана, в ее голосе чувствовалось напряжение. Она стояла, сцепив пальцы на одном из ограничивающих столбов — пирс не имел перил. — Теперь деревьев уже не осталось... кроме кипарисов. Наверное, здесь слишком влажно для них.

— Серьезно? — удивился Гаррик. — А я всегда считал, что Таппа — это просто миф! Ужасная богиня, чьи жрицы-девственницы ежегодно в полнолуние приносили в жертву путника-мужчину. Пока отважный герой Таламис не положил этому конец.

— Ну, я бы не поручилась за истинность Таппы, — с легкой улыбкой произнесла Лиана. — Или Таламиса. Даже для полубога его подвиги выглядят чересчур... впечатляющими. Но я уверена: роща, равно как и описанный культ, существовали.

Согласно преданию, Таламис за одну ночь умудрился оплодотворить пятьдесят жриц, тем самым преобразовав кровавый культ в служение материнству. В таком виде культ сохранялся долгие века и исчез с падением Старого Королевства. Историки — совре-

менники короля Каруса — описывали это место, и не было оснований им не верить. Тем не менее Гаррик никогда не связывал Таппу и ее рошу с озером Талпин на восточной окраине Каркозы.

— Наверное, эти места сильно заболотились за последнее тысячелетие, — предположил он. — Прошло так много времени... Интересно, а Теноктрис знает про рошу?

— Мой отец знает, — сказала девушка, глядя куда-то за озеро. — И сейчас он ищет ее.

Она обернулась к Гаррику и мрачно поглядела ему в глаза, как бы ожидая отклика. Юноша прочистил горло.

— О, — произнес он, — полагаю, в старом храме должно быть сосредоточено то, что Теноктрис называет «силой».

— Ты имеешь в виду место человеческих жертвоприношений, не так ли? — В голосе девушки слышался вызов, но Гаррик предпочел не замечать его.

— Нет, — спокойно ответил он. — Я как раз-таки отношу рассказы о человеческих жертвах к разряду легенд.

Помнится, две зимы тому назад он зашел в конюшню и обнаружил там Гизира — парень плакал и бился в истерике. Той ночью его девушка, Лайя, объявила о своем решении выйти замуж за богатого вдовца из соседней деревни. Гизир был вдребезги пьян, и когда ни о чем не подозревавший Гаррик вошел в конюшню, бросился на него с ножом.

Нынешнее состояние Лианы заставило юношу вспомнить ту ситуацию. Похоже, она была готова взорваться в любую минуту и только ждала повода. О собственной безопасности Гаррик не тревожился ни тогда, ни сейчас, но ему не хотелось применять силу к человеку, к которому он испытывал симпатию.

Лиана внезапно уронила голову на верхушку столба и разрыдалась.

Это окончательно сбило юношу с толку. Годы жизни рядом с матерью приучили Гаррика к определенным женским реакциям — он скорее ожидал, что она начнет кричать или даже попытается расцарапать ему лицо. Сейчас он не нашел ничего лучшего, чем в смущении отвернуться.

Не глядя, Лиана нашла его руку и крепко сжала запястье.

— Пусть Добрый Пастырь простит меня, Гаррик, — сквозь рыдания послышался ее голос. — Я думаю, он именно этим и занимался. И продолжаю так думать! Он ищет землю, на которой свершались все эти убийства, чтоб творить там свою магию!

Девушка выпрямилась и, отвернувшись, высморкалась, вытерла платком глаза. Гаррик по-прежнему не отрывал взгляда от рыбацких лодок, которые развернулись и теперь медленно приближались к берегу.

— На самом деле я сейчас совсем не знаю своего отца, — продолжала Лиана, немного поуспокоившись. — Раньше он был таким замечательным! Я до сих пор замираю от счастья, вспоминая, как он пел нам с матерью песни любви, которые собирал по всем островам Внутреннего Моря.

Девушка снова посмотрела на Гаррика и через силу улыбнулась. Она буквально двумя пальцами приподняла уголки своих губ — этот жест невольно заставил обоих рассмеяться.

— На самом деле наше фамильное имя — бор-Берлиман. Прости меня за эту ложь.

— Не за что извиняться, — пожал плечами юноша. — Если ты скрываешь от людей свое благородное происхождение — это твоё личное дело. Хотя моя мать сразу вас разгадала. Она придает таким вещам большое значение. Она ведь в свое время служила при дворе в Каркозе.

Девушка рассеянно кивнула. Очевидно, в настоящий момент её гораздо больше занимало то, что она говорила, а не слышала. Она снова взялась за столб и, не отрываясь, глядела на руки.

— Все изменилось пять лет назад, со смертью моей матери, — сказала она. — Видишь ли, они очень любили друг друга, и когда она умерла, отец не смог..

Лиана бросила быстрый взгляд на собеседника.

— Он не смог смириться с её смертью, — холодно закончила она фразу. — Понимаю, это звучит глупо: как можно не принимать чью-то смерть? Но он решил во что бы то ни стало вернуть её обратно. Отец всегда интересовался колдовством, но оно занимало совсем небольшое место в его жизни. По сравнению с мамой... Когда она умерла, он весь ушел в магию и стал практиковать такие обряды, которыми раньше вовсе не занимался.

Гаррик кивнул на проплывавших мимо рыбаков.

— Может, мы вернемся вместе с ними? — предложил он.

— Мы пойдем пешком вдоль кромки озера, — непреклонным тоном заявила Лиана — будто хозяин говорит со слугой. — Сейчас еще достаточно светло.

Они зашагали по пирсу; в тишине раздавалось шуршание её туфелек по доскам, босые же ноги Гаррика ступали бесшумно.

— В Валлесе меня звали госпожой Гвидеа, — безжизненным голосом рассказывала Лиана. — Я не знаю, что произошло. Вооруженные люди пришли к нашей директрисе, они забрали меня из дортуара и поместили в закрытый монастырь. Никто ничего не объяснял мне, сказали только, что я должна сохранять спокойствие и никуда не отлучаться.

Девушка снова зашмыгала носом, уткнувшись в платок. Гаррик озабоченно огляделся, но было уже слишком поздно, чтобы кто-нибудь увидел эту неприглядную сцену. Дорожку, шедшую вдоль берега, в свое время замостили камнями из акведука, но с тех пор прошло уже много лет. За долгие годы часть камней выпала, и теперь под ногами у них хлюпала жидкая грязь.

— Меня продержали там неделю, — говорила Лиана, не обращая ни малейшего внимания на неудобства дороги. — Затем приехал отец. Он не стал ничего объяснять, сказал только, что мы лишились всей собственности, за исключением семейного склепа в Эрдине — там похоронена моя мать. Меня это не очень расстроило — просто требовалось наладить какой-нибудь бизнес. Главное же: мы снова были вместе. Просто теперь мы звались иначе — Бенлоу ор-Виллет, и мне приходилось путешествовать вместе с отцом в поисках неизвестно чего. Все это произошло восемь месяцев назад.

Дальше идти этой дорогой стало совсем уж неприятно. Гаррик подхватил девушку под левую руку и свернул в сторону. Он прикидывал, что если они с Лианой умудрятся свалиться в воду, ему достанется не только от Бенлоу, но и от Илны.

— Вначале мы жили в Валлесе, — продолжала девушка, не замечая ничего вокруг. Собственные признания, на которые она решилась, возможно, впервые, полностью захватили девушку. — Мы останавливались в различных гостиницах. Я большей частью отсиживалась в своей комнате, не желая случайно встретиться на улице с бывшими соученицами. Мне казалось, что мы прокаженные... Отец же рыскал по всяким дворцам и гробницам. Не знаю, почему, но для него повсюду были открыты двери. Правда, визиты свои он наносил всегда глубокой ночью, сохраняя инкогнито — чаще спрятав лицо под капюшоном.

— Он выглядит достаточно... *состоятельным* человеком, — заметил Гаррик. Он свернул в сторону, чтобы избежать встречи с рыбаками, которые шли к гостинице с плетеными корзинами на коромыслах. Похоже, улов был богатый... На заднее крыльцо

постоялого двора выглянула кухарка и издалека окликнула рыбаков.

— Деньги никогда особо не волновали отца, — тускло кивнула Лиана. — Конечно же, у нас их немало. С тех пор, как он забрал меня из школы, он всегда носит золото с собой — пояс, набитый монетами, да еще целый сундучок в багаже. Сначала я подумала: он именно из-за этого нанял охрану, но теперь начала сомневаться. С тех пор, как начали происходить неприятности... в вашей гостинице и сегодня ночью. Атаки личей.

— Твой отец здесь ни при чем, — возразил Гаррик. — Даже Теноктрис не отрицает...

Он не добавил (да этого и не требовалось):

— ...хотя она сильно не любит Бенлоу.

— Я не имею в виду, что он сам организовал эти нападения, — объяснила девушка, — но у меня такое чувство, будто кто-то очень могущественный дергает за веревочки и планирует все действия моего отца. И этот кто-то ни перед чем не остановится.

Вокруг стало совсем темно. Лишь из окон постоялого двора падал свет да во дворе маячили тусклые лампы — народ завершал свой трудовой день. Земля под ногами у Гаррика казалась черной, как смоль. К гостинице вела надежная, верная дорожка, но это было единственное, в чем он не сомневался. Молодые люди остановились и стояли все так же рука об руку.

— Без всяких объяснений он зафрахтовал судно, и мы выплыли в Каркозу. Там, по сравнению с Эрдином или Валлесом, суший зверинец. Общество клоунов, выраженных по позавчерашней моде, и малокультурных обезьян. Я чувствовала себя такой одинокой. Мне хотелось умереть, Гаррик. Именно умереть.

— Ну да, а затем вы приехали в Барку, где все было еще хуже, — пробормотал юноша. Он ощущал симпатию к девушке. Его собственная жизнь с некоторых пор вышла из привычной колеи, и он хорошо понимал чувства Лианы.

Против ожидания, та рассмеялась.

— Нет, — возразила она. — Вовсе не хуже. Ведь люди в Барке не пытаются корчить из себя аристократов. К тому же в Барке я обнаружила истинную ученость.

Теперь настала очередь Гаррика рассмеяться.

— Думаю, в Каркозе не меньше ученых людей, Лиана, — убежденно промолвил он. — Я в этом просто уверен.

Стук и хлопанье деревянных досок о козлы обозначили время вечерней трапезы. Увы, если он пропустит ее, придется снова довольствоваться куском хлеба с сыром.

Лиана зашмыгала носом.

— Ты так думаешь? — недоверчиво спросила она, затем добавила: — Твой отец — выдающийся человек.

Гаррик призадумался. Ему трудно было оценивать Райза, уж больно привык он воспринимать его в интерьере постоянного двора.

— Мне кажется, будто я потеряла собственного отца, — снова повторила девушка. Лицо ее скрывалось в тени, но дрожь в голосе выдавала переживания. — Такое ощущение, будто вместе с именем он изменил и свою сущность.. хотя я знаю, что это не так. Перемены произошли, когда умерла моя мать. Правда, до поры до времени я могла прятаться в стенах школы и делать вид, что ничего не знаю об отцовских делах.

— Думаю, пора возвращаться, — смущенно произнес Гаррик.

— Должно быть, он сделал что-то ужасное, в результате чего потерял все, кроме жизни, — продолжала говорить Лиана, неосознанно сопротивляясь давлению руки Гаррика. — Хотела бы я знать, существует ли на свете человек, способный спасти моего отца... и какую цену надо за это заплатить.

Вдалеке послышался крик козодоя. Старинный мол работал как резонатор, усиливая звук. Прокричав десять раз птица умолкла.

— Наверное, ты прав — нам пора возвращаться, — согласилась Лиана и зашагала к постоялому двору. Она по-прежнему крепко сжимала руку Гаррика.

14

Путешествие близилось к концу. Вдали показалась Каркоза. Илна очень удивилась, увидев дома, громоздившиеся на вершине отвесного утеса. Подойдя ближе, она разглядела, что это был не утес, а стена древнего города. Современные жители использовали ее при возведении своего города. Хотя, строго говоря, надобности защищать эту тихую обитель под названием Каркоза давно уже не существовало.

От подобного зрелища Илна почувствовала, что весь ее апломб улетучился. Раньше она представляла себе Каркозу как увеличен-

ную копию их родной деревни. На самом же деле оказалось, что столица так же отличается от Барки, как человек от лягушки.

Она и чувствовала себя лягушкой, попавшей в великолепные чертоги.

— Ничто не сравнится с тобою, Каркоза! — громко процитировал Гаррик. — Люди сегодня не в силах ни построить подобного, ни восстановить руины твоих стен.

Смеясь, он добавил:

— Ну что, Лиана? Теперь ты видишь, что в Каркозе *имеются* образованные люди?

Лиана, шедшая впереди рядом с едущей верхом Теноктрис, обернулась и ответила:

— За последнее столетие был всего один. Да и тот, не забудь, изгнанник с Сандраккана. Кроме того, «счастлив город, если он может освободиться от своих жителей, или если жители могут освободиться от своего положения обманутых!»

Оба весело рассмеялись. Их смех болью отозвался в сердце Илны.

Девушка не понимала, о чем говорят эти двое и что тут такого смешного. Всю свою жизнь она прожила рядом с Гарриком, и вот пожалуйста — он, как ни в чем ни бывало, беседует и шутит с этой незнакомкой, а она, Илна, вроде и не при делах.

На улицах царило оживленное движение, поэтому их отара сгрудилась на правой обочине дороги. Илне никогда не доводилось видеть так много людей в одном месте. Пешеходы, всадники, спешащие повозки и — самое главное и самое опасное — огромные грузовые фургоны, которые обычно тащила аж целая дюжина быков или же шестерка лошадей. Эти громадины катились, не сбавляя скорости, колеса их были снабжены металлическими ободами, а потому горе тому, кто окажется меж их колесами и каменной мостовой!

Некоторые фургоны возвращались из города пустыми и со страшным тархтением неслись по дороге, нимало не заботясь о встречных путниках. Другие везли отходы кожевенных мастерских и отбросы с городских свалок на близлежащие поля в качестве удобрений. Жизнь в деревне — это суровая школа, и никому бы в голову не пришло спутать Илну с кисейной барышней. Но даже она не могла решить, что хуже: попасть под колеса шального фургона или же вдохнуть полной грудью амбре, облаком окутывавшее мусорные повозки.

Стражники Бенлоу так лихо распахивали путников, обеспечивая проход отаре, что другие купцы могли только позавидовать. Кашел шел в конце каравана, зорко глядя, чтоб какой-нибудь всадник-торопыжка не переехал одну из его овечек. Гаррик занимал место в середине отары, следя, чтоб овцы не разбредались, и помогая им миновать самые неудобные участки дороги — где дома мешали движению или мостовая была особо разрушена.

Он мельком взглянул на хмурое лицо Илны и примиряюще сказал:

— В прошлом веке жил такой поэт — Эттер бор-Лаварман. Он был жрецом Пастыря из Эрдина и попал в неприятную историю...

— ...связанную с одной придворной дамой, — вмешалась Лиана. — Хотя дочь Роти так точно не говорит.

Она рассмеялась. Гаррик тоже усмехнулся, а Илна снова почувствовала холод в сердце.

— Ну, так или иначе, — продолжал Гаррик, — Эттер был вынужден на несколько лет уехать в Каркозу. Город ему очень понравился, чего нельзя сказать о его жителях. Лиана и я как раз приводили куски из его произведений.

— Ясно, — сухо ответила Илна, перекладывая посох с котомкой с одного плеча на другое.

И впрямь ей было все ясно. Сравнить себя с этой образованной богачкой — все равно что сравнивать родную Барку со столичной Каркозой. Тем не менее... Никогда раньше Илна не сдавалась и не собирается менять свою позицию.

Под стенами города имелась перевалочная стоянка с загонами для животных и стойлами для лошадей. Один из загон был занят, в другом находилось всего несколько овец — коротконогих с белой шерстью — на взгляд Илны довольно необычных.

Бенлоу обернулся в седле и указал:

— Давайте в загон, Гаррик! Я поищу посредника в гостинице.

Он оставил свою кобылу у специальной загородки, где уже топтался на привязи примерно десяток лошадей. Купец не позаботился привязать животное, предоставив это одному из охранников, в то время как сам с другими тремя направился в длинное одноэтажное здание.

Гаррик развернул вожака отары — седого барана со связкой трещоток на шее — в сторону загона. Илна поспешила вперед них к воротам и подняла три жердины, перегораживавшие вход.

При этом она бросила холодный взгляд на Лиану. *Поэзия — не самая полезная вещь для жены пастуха, не правда ли, задавака?*

Гаррик послал ей признательную улыбку и начал загонять отару, вслух пересчитывая овец.

Жена пастуха... но захочет ли Гаррик оставаться таковым? Он не принадлежал их родной деревне Барке, а Илна не мыслила себя в другом месте.

Единственными постояльцами гостиницы были люди, застигнутые в пути ужасной грозой и не рискнувшие блуждать по узким улочкам Каркозы в потемках. Этому способствовала бойкая торговля элем и крепленным сидром, пришедшимся как нельзя более кстати в жаркий летний день.

А также вином, подумала Илна. Она помнила, как хлестали вино расквартированные у нее солдаты. Они тоже были из Валлеса, как и красавица Лиана...

Бенлоу почти сразу же вышел из гостиницы в сопровождении тощего молодого человека лет двадцати. На нем был широкий ярко-желтый камербанд¹ и тоже желтая, но побледнее, бандана на голове. Лицо его украшали рыжеватые усы и некая метелка, которую он, очевидно, почитал за бородку.

Молодой человек низко поклонился купцу и с важным видом направился к загону. Остановившись рядом с Илной, он ткнул пальцем в овец.

— Ничего себе, куча доходяг! — хмыкнул он. — Неудивительно, раз они из такой глуши.

Илна собиралась молча удалиться, но вместо этого возмущенно спросила:

— А что не так с овцами? Помимо того, что они пять дней провели в пути?

Юноша снова фыркнул.

— Ну, во-первых, здесь одни ноги и никакого мяса, — сказал он. — А потом, посмотри на эту шерсть! Вся разноцветная. И как прикажете *это* красить? Подобный мусор годится лишь на набивку подушек!

Его собственная туника была тускло-зеленого цвета, местами полинявшего в серый. Вероятно, это являлось результатом некачественного прядения. В любом случае Илна была противницей искусственной окраски. Два сомнительных оттенка желтого плюс

¹ Камербанд — широкий пояс-кушак.

башмаки несколько иного (красного!) цвета делали парня в глазах Илны похожим на жалкого фигляра.

— Ну что ж, пора принимать дела у этих деревенских осто-
лопов, — произнес он с притворной зевотой. — Честно говоря,
овцы будут посимпатичнее своих погонщиков.

Тут он обернулся к девушке, будто впервые ее заметив.

— Знаешь, — протянул он, — а ты ничего себе девчонка. Ес-
ли захочешь посмотреть город с настоящим господином...

Двумя пальцами он приподнял подбородок Илны, развернул
ее лицо в профиль, затем вернул в прежнее положение.

— ...я мог бы выкроить для тебя время.

Девушка любезно улыбнулась ему.

— Сворачивая шею цыплятам у себя в деревне, я получала
больше удовольствия, чем от общения с тобой... маленькая во-
нючка. — Она отбросила его руку прочь, при этом раздался хруст,
будто треснуло сухое дерево.

— Что? — не поверил своим ушам юноша. Он занес руку для
удара.

В следующий момент острие лука уперлось ему в горло.

— Бесплатный совет, парнишка, — раскатисто произнес Гар-
рик, так что перекрыл дорожный шум. — Госпоже Илне не тре-
буется помощь ее друга и брата, чтоб справиться с таким моз-
гляком, как ты. Но тем не менее мы у нее есть, ясно?

Кашел положил руку на плечо сестры, держа в другой посох.

И если Гаррик улыбался, то Кашел выглядел куда менее при-
ветливо. Трудно сказать, что больше всего ужаснуло местного
щеголя, но он поспешно пискнул:

— Не хотел вас обидеть, господа!

— Хорошо, — кивнул Гаррик. Пропустив последнюю овцу в
загон, он шлепнул ее по спине и громко провозгласил: — Пятьдесят!

После чего галантно предложил руку Илне и, предоставив
Кашелу возиться с запорами, направился с ней туда, где стояли
Теноктрис с Лианой.

— Раньше ворота красили в красный цвет, — раздался го-
лосок Мелли на плече Кашела. — В те времена, когда были во-
рота. А теперь ставят статуи в нишах — королю Итаку и его семье.

Кашел посмотрел вверх. Монументальные тройные ворота были сложены из старого песчаника — ничего подобного у себя, на восточном побережье Хафта, он не видел. Хотя, возможно, таков был местный обычай; даже древние вряд ли могли доставлять такое количество камня с других островов...

Или все же могли? Может, город построен с помощью колдовства?

— Этот камень местный? — спросил Кашел. Никто не обратил внимания на его вопрос, слишком уж его попутчики были поражены городом, куда их привел Бенлоу. Никто не прислушивался, что там бормочет себе под нос парень.

— Большой частью, — ровным тоном ответила Мелли. Кашел скосил глаз на фею, сидевшую у него на плече, — она безмятежно расчесывала свои блестящие волосы при помощи усиков крошечного пшеничного колоска. — Самый лучший мрамор для зданий добывался на южных холмах. Они перевозили его на баржах по Строне или вдоль побережья, а затем выгружали в порту.

Створки ворот отсутствовали, так же как и большинство украшений старинных построек. Две колонны из желто-коричневого камня обрамляли нишу на третьем этаже. А беседку на самом верху украшала статуя женщины в ниспадающих одеждах. Возможно, это была Госпожа — тысячелетнее воздействие ветра и дождя сделали лицо неузнаваемым.

Улицы оказались забиты народом. Большинство людей одевались в крашеное сукно, говорили много, громко, грубыми голосами. Через десять минут Кашел чувствовал себя так, будто сидел под стаей дроздов, без конца стрекочущих о какой-то вздорной чепухе.

На каждом шагу его дергали за рукав и приставали с каким-нибудь предложением. Кашел отмалчивался, лишь перекладывая посох из одной руки в другую. При виде его мрачного лица лавочники и зазывалы отходили в сторонку и больше не решались приставать к кому-либо из их компании.

Гаррик шагал рядом с мерином, на котором ехала Теноктрис. Перед ним шел Бенлоу, сзади — девушки. Лиана держалась с королевской неприступностью, не обращая ни малейшего внимания на этих торгашей, стремящихся разжиться за счет приезжих простачков. Илна же бросала по сторонам яростные взгляды кошки, защищающей свой выводок. Кашел знал, что тому, кто сунется к его сестре, здорово повезет, если он успеет убраться восвояси. Похоже, местные жулики тоже это почувствовали.

Кашел шел один, замыкая колонну. На этих узких улочках он занимал слишком много места. Серебряные монеты — его заработок, хранились в кожаном мешочке, который висел на толстом ремешке у него на шее. Если б даже какой-нибудь вор ухитрился перерезать ремешок, кошель упал бы за пазуху. Чтобы обокрасть *этого* деревенщину, требовалось нечто большее, чем просто ловкость рук. А соревноваться с Кашелом в силе желающих не находилось.

Когда они доберутся до гостиницы Бенлоу и получат окончательный расчет, вот тогда Кашел действительно станет одиноким. Навечно одиноким. Он обернулся и промолвил, обращаясь к своему левому плечу:

— Если не считать тебя.

— Если не считать меня, — весело согласилась Мелли, будто угадав его мысли.

Она махнула в направлении холма, мимо которого они проходили. Там тянулась высокая кирпичная стена, единственным украшением которой являлись каменные пилястры¹, обрамлявшие входные проломы. За стеной виднелись деревья и беседки с причудливыми крышами.

— Раньше здесь стояли дворцы Повелителя Островов и его первых министров, — пояснила фея. — Теперь здания разрушились, и нынешние богачи превратили это место в сад. Вкусы людей переменчивы, как облака на небе.

Мелли хихикнула.

— А еще до Повелителей, — продолжала она рассказывать, — когда на месте Каркозы была рыбачья деревня, весь склон холма покрывали заросли орешника. Я приходила сюда подразнить белок. Дергала за хвосты и пряталась под ветками, прежде чем они успевали обернуться.

С вершины холма спускался крытый черепицей переход. Кашел подумал о том, насколько же древняя у него подруга.

— Эй, — сказал он, — я вижу это. Огромный старый орешник на холме. Он все роняет и роняет вниз свои плоды, пока они не заполняют весь склон. Забивает все остальные растения... Да здравствует орех! Я знаю людей, подобных этому орешнику.

¹ Пилястр (*архит.*) — вертикальный выступ в стене в виде части встроенного в нее четырехгранного столба, обработанного в виде колонны ордера.

Впереди они разглядели кузнечный горн между двумя открытыми тавернами. Сероводородистые испарения и запах горячего железа насыщали воздух. Чумазный подмастерье ходил туда-сюда, раздувая мехи, слышался размеренный стук кузнечного молота. Улица была наполовину запружена лошадьми, ожидавшими, пока их подкуют. Возчики эля со своими огромными бочками кричали, требуя дороги, если хозяева лошадей мешкали и мешали им проехать.

Охранники Бенлоу расчистили путь, придерживая лошадей у стенки, пока пройдет их хозяин со своими спутниками. Кашел и сам отметал в сторону помехи без особого усилия. Он всегда считал лошадей слишком легкими и слишком неэкономичными животными. Одна только кормежка зерном во что обходится! В то время как быки прекрасно обходятся травой и грубым фуражом. Конечно, лошади передвигаются быстрее, но скорость, с точки зрения Кашела, сомнительная добродетель.

— Знаешь, — сказал он, — орех, конечно, замечательное дерево. Но я бы предпочел честный дуб...

Мелли так и зашлась серебряной трелью смеха. Кашел даже поднял руку в страхе, что от хохота она скатится у него с плеча.

— В чем дело? — спросил он, стараясь не выглядеть оскорбленным. — Тебе что, не нравится дуб?

Фея успокаивающе потрепала его по мочке уха.

— Мне очень нравится дуб, Кашел, — сказала она. — А смеюсь я тому, что ты считаешь необходимым сообщить мне о *своих* привязанностях.

Улица, по которой шли путники, вывела их на «площадь» — так, по крайней мере, подумал Кашел. На самом деле он ошибался. Это была не площадь, а нечто столь же огромное, как все дома Барки вместе с их дворами, и не совсем ровное: в нескольких местах из-под земли вылезали кучи булыжника и кирпичей — память о Старом Королевстве. Но даже они не мешали (впервые с тех пор, как они оказались в городе!) перестроиться со строгой цепочки в свободную группу.

Гаррик обернулся и что-то сказал Лиане, та громко обратилась к отцу. Все остановились возле большой известняковой плиты, которая, очевидно, раньше служила ригелем¹. Теперь угол ее был отбит, лепное изображение виноградной лозы стерлось.

¹ Ригель — элемент в строительных конструкциях, расположенный преимущественно горизонтально, в каркасных зданиях соединяет колонны.

Гаррик рассматривал площадь в полном изумлении.

— Да здесь все новое! — удивленно воскликнул он.

На взгляд Кашела, окружающие здания вовсе не выглядели новыми, но он не очень доверял собственному мнению. Все здесь было ему в диковинку — даже после получасовой экскурсии по Каркозе. Дома на площади стояли в основном трехэтажные с глухими нижними этажами. Сверху через перила свешивалась зелень — очевидно, крыши украшали сады.

В узких проемах были утоплены надежные двери, охраняемые стражниками в ливреях. Крепкие парни, под форменными куртками которых угадывались доспехи, — они очень напоминали охрану Бенлоу.

— Они действительно новые? — вполголоса обратился Кашел к фее. Ему казалось, что все на этой площади могло поспорить в древности с гостиницей Райза.

Мелли встала на цыпочки одной ноги, подняв другую вертикально вверх. Юноша решил, что этот сложный акробатический трюк является эквивалентом пожатия плечами.

— Когда я в последний раз посещала Каркозу, их здесь не было, — ответила она. — Тому, наверное, лет двести. А может, и больше...

Бенлоу нетерпеливо дернул поводья, и группа двинулась в обход площади. Они шли довольно близко, чтоб иметь возможность переговариваться.

Лиана указала на ближайшие здания.

— Это дома знати, — пояснила она. — В свое время в Каркозе случились волнения, даже хуже, чем в Валлесе. Поэтому дома строят так, чтоб в случае мятежа после полуденного жертвоприношения толпа не могла вломиться в жилища и разграбить их.

Путники покинули площадь и проследовали за Бенлоу по десятку улиц. Та, по которой они шли сейчас, была широкой, с перегородкой посредине. По обеим сторонам улицы теснились одежные и мануфактурные лавки. Кашел уловил жадный блеск в глазах сестры, как у лисицы, вышедшей на охоту.

— После жертвоприношения? — переспросил Гаррик. — Почему именно тогда?

— Дело в том, что знать в Каркозе больше почитает Госпожу, — начала объяснять Лиана, — в то время как народ стоит за Пастыря. В Валлесе аналогичная картина, а вот в Эрдине все наоборот. Отличная почва для раздоров. Для смутьянов лучшего

места учинить безобразия, чем храм во время жертвоприношения, не сыскать.

— Она говорит правду? — снова обратился Кашел к Мелли. Его односельчане, сестра и Гаррик, были шокированы не меньше.

— О да, — подтвердила фея и перекувырнулась. — Иногда дело доходит до смертоубийства, но чаще толпа идет громить район, где проживают иноверцы. Очень увлекательное зрелище!

— Но это же ужасно! — воскликнул Кашел так громко, что все услышали. Илна и Гаррик согласно закивали, в то время как Лиана хранила молчание. — Устраивать драки во имя Госпожи и Пастыря!

— Это показывает, что Силы выросли. Причем намного — по сравнению с моим временем, — прокомментировала Теноктрис. — Подобное противостояние не имеет отношения к богам и религии. Просто динамическое напряжение достигло такого уровня, что сохранение баланса невозможно.

— Это ужасно! — возмущенно повторил Кашел.

— Ноннус обязательно бы с тобой согласился. — Старая колдунья оглянулась на юношу. — Да и с общечеловеческой точки зрения ты совершенно прав.

Она грустно улыбнулась и добавила:

— Боюсь только: космос руководствуется иными принципами, Кашел.

16

Проходя по Каркозе, Гаррик заметил несколько постоянных дворов, обслуживавших путешественников с восточного Хафта. Гостиница же «Красный Бык», расположенная у северной границы города, в основном принимала гостей с севера острова.

Северяне, в отличие от жителей Барки, предпочитали разводить не овец, а крупный рогатый скот. К тому же были людьми грубоватыми... Потому Гаррик не удивился, увидев бычий череп, насаженный на шест, — так сказать, визитная карточка гостиницы. Кстати, весьма потрепанная: красная краска, покрывавшая его, местами шелушилась, позолота с рогов почти облезла. Юноша попытался представить, как его отец увенчал бы собственные ворота овечьим черепом... Ничего, кроме отвращения, подобная картина у него не вызвала.

Столица вообще разочаровала Гаррика. Она оказалась гораздо меньше, чем он ожидал. В мечтах юноша рисовал себе фонтаны и беломраморные дворцы с колоннами и триумфальными арками, где мудрые правители принимали свои судьбоносные решения.

Призрак короля Каруса все еще маячил на задворках его сознания, правда, теперь более сдержанный, чем когда впервые вошел в его сны. Миновало уж немало дней, с тех пор как отец подарил ему медальон. За это время расстояние, отделявшее его реальность от мира Каруса, казалось, сократилось. Иногда он слышал голос короля, даже в состоянии бодрствования, воспоминания Каруса внезапно всплывали из дымки и затмевали его собственные.

Современные постройки Каркозы росли, как поганки на пне старого вяза. В них не чувствовалось былого значения и величия. Город был не лишен своеобразного варварского блеска — предмет гордости местных обывателей, — но уже без претензии на величие.

Тем не менее то, что когда-то было великим, может снова стать таковым.

Бенлоу остановился перед гостиницей. Тут же выбежал слуга и рассыпался в подобострастных приветствиях — похоже, купец неоднократно останавливался в «Красном Быке» в свои прошлые визиты в Каркозу.

Хотя заведение выглядело просторным и блистало порядком, Гаррик вряд ли остановил бы свой выбор на нем. Он критически осмотрел черепичную крышу: ну да, конечно, солома давно уже вышла из моды в городах. Откровенно говоря, он не мог понять, в чем дело. Ни крыша, ни бычий череп не являлись достаточным основанием воротить нос, но факт оставался фактом: Гаррик чувствовал себя неуютно.

Он обернулся к Теноктрис и увидел, что старуха неотрывно смотрит — но не на гостиницу, а на глухую стену напротив, через дорогу.

— Что там? — спросил юноша.

Ему были видны лишь маленькие каменные крыши над невысокими оградами. Теноктрис с коня имела лучший обзор.

— Кладбище, — ответила она. — Причем очень старое. Оно было таким даже в мое время, хотя с тех пор многие могилы обновлялись.

Колдунья неловко спешила, используя плечо Гаррика как подпорку, а его сцепленные пальцы в качестве ступеньки. Конеч-

но, ехать всегда легче, чем идти пешком, но ни в одном из этих занятий Теноктрис не была сильна.

Гостиничный слуга тут же отвел коня куда-то на задний двор. Бенлоу подошел к баркианцам с широкой улыбкой, которая почему-то выглядела натянутой, если не фальшивой.

— Ну, ребята, — сказал купец, — я договорился, что все мы проживем тут несколько дней.

Он кивнул в сторону Лианы и Теноктрис, улыбка его при этом чуть поблекла:

— Женщины, естественно, тоже. Я обещал вам, что все раз узнаю, когда доберемся до города. Так что будет только справедливо, если я оплачу ваше содержание здесь.

Гаррик открыл было рот, но Теноктрис его опередила:

— Благодарю за предложение, но боюсь, что вынуждена отклонить его. Мне не очень нравятся здешние соседи.

И она мотнула седой головой в сторону кладбища.

Бенлоу аж потемнел от злости.

— Вы что, одна из тех старых куриц, которые боятся мертвецов? — спросил он. — А вам бы, госпожа, пора привыкать к мысли о смерти. Ваша-то собственная уже не за горами!

— Я боюсь не мертвецов, господин, — просто сказала Теноктрис, — а, скорее, живых.

Она поклонилась и отступила в сторону, ожидая решения друзей.

— Мастер Бенлоу, — подал голос Кашел. Он стоял, опершись на свой посох. — Если вы заплатите мне за последний день работы, то я бы тоже предпочел удалиться.

Он достал кошель из-за пазухи и стоял, склонив голову, будто к чему-то прислушиваясь. Теноктрис, прищурившись, посмотрела на парня, брови ее сошлись на переносице.

— Отлично, — пробормотал Бенлоу. Он был явно недоволен таким поворотом событий, хотя сам по себе Кашел, в отрыве от Гаррика, волновал его мало.

— Ральд, — кликнул он начальника охраны. Тот появился с мешочком серебра и меди. — Выдай ему анкор.

— Что касается меня, — произнесла Илна с уничтожающей любезностью (любой посторонний принял бы это за издевательство, но Гаррик хорошо знал девушку и привык к подобному тону), — мы с вами, господин, ничего не должны друг другу, а в благотворительности я не нуждаюсь. Сама сумею найти себе крышу над головой.

Теперь все взгляды скрестились на Гаррике.

— Господин, — сказал он купцу, — благодарю вас, но я пойду со своими друзьями. Я...

— Ты-то не можешь сбежать от этого, мальчишка! — произнес Бенлоу таким резким тоном, что его дочь покраснела. Он разговаривал так, будто перед ним норовистое животное, а не человек, обладающий собственным мнением. — Не берусь измерить твою трусость — да мне и плевать на это, — но запомни: я твоя единственная надежда и гарантия безопасности!

Гаррик видел всю сцену как бы в двух измерениях: своими глазами и чьими-то чужими. Внезапно глаза ему заволочло красной пульсирующей пеленой. Он стоял, боясь пошевелиться, боясь того, что может произойти.

— Мне очень неприятно, господин, что вы считаете меня трусом, — сказал он наконец. Голос юноши дрожал, но это были его собственные, Гаррика ор-Райза, слова, а не того человека, чья кровь от гнева только что чуть не била фонтаном.

Лиана встала между отцом и Гарриком. Она напряженно смотрела ему в глаза.

Юноше пришлось обуздать свою ярость, загнать ее внутрь, где она теперь кипела и бурлила неусмирленная. Ему казалось, что он сейчас упадет. Гаррик отвернулся, сжав виски руками, подождал и лишь тогда снова обратил лицо к своему обидчику.

Кашел и Тенокгрис с тревогой глядели на юношу, но Илна... Ее взгляд был прикован к купцу. Она сняла веревку с талии, где ее носила, и держала концы в руках, как бы примериваясь к горлу Бенлоу.

— Как бы то ни было, — заключил Гаррик сдавленным голосом, — я не желаю оставаться в этом месте. И не то чтобы я боялся мертвых, мастер Бенлоу... или живых, если уж на то пошло.

Он снова сжал виски, пытаясь умерить подступавшую злость, открыл глаза. И поймал испуганный взгляд стражников Бенлоу. Парни понимали, что вряд ли смогут защитить хозяина в схватке с Гарриком.

Купец, похоже, не сознавал опасности момента, чего нельзя было сказать о его дочери.

— Гаррик... — позвала девушка.

— Да, — отозвался тот. Все силы его уходили сейчас на восстановление целостности восприятия. Наконец это удалось — наваждение исчезло. — Да.

Он поднял глаза на Бенлоу.

— Господин, — сказал он, — я навещу вас после того, как устроюсь в городе. В любом случае, мы еще увидимся до моего отъезда из Каркозы. Удачного вам дня!

И Гаррик пошел прочь. Он не выбирал направления, просто шел, куда глаза глядят. Друзья потянулись за ним следом. Бедной Теноктрис пришлось почти бежать, чтоб поспевать за юношей, пока тот не устыдился своего порыва и не замедлил шаг. Краем глаза он заметил, что Лиана тоже дернулась вслед за ним, но отец крепко схватил ее за руку.

— Гаррик? — окликнул Кашел, когда они завернули за угол.

Гаррик остановился, огляделся. К своему удивлению, он обнаружил, что это место знакомо ему. Здания здесь значительно отличались от трехэтажных построек из обычного камня. Сохранились мощные колонны Храма Согласия Островов, хотя крыша и большая часть антаблемента¹ провалилась еще века назад. В полумиле отсюда находился порт, а на таком же расстоянии к северу располагался Летний Дворец — интересно, как же он сейчас выглядит?

— Сожалею по поводу своего поведения, — пробурчал Гаррик.

— Ха! — фыркнула Илна. — По поводу чего именно?

— Гаррик, — повторил Кашел, — и ты, Илна, тоже. Вы мои лучшие друзья, и мне будет не хватать вас... Но настало время мне уходить.

Он отвернулся, чтоб идти, но Гаррик схватил его за руку.

— Подожди, Кашел, — воскликнул он. — Куда ты идешь?

Тот покачал головой:

— Я не знаю. Гаррик, я собирался уйти, как только он расплатится. Но мне не хотелось, чтоб для других это выглядело, будто я бросаю тебя. Хотя знаю, что ты во мне не нуждаешься — я ведь видел, как ты расправлялся с личами. И все же...

Он опустил руку — не отдернул, но все же каким-то образом отстранился. Гаррик знал: его друг из тех людей, которые не видят смысла в бесполезных разговорах.

А сейчас был именно тот случай — ничто не могло изменить намерения Кашела уйти.

— У тебя ведь все будет в порядке? — спросила Илна.

— Думаю, да, — медленно улыбнулся Кашел.

¹ Антаблемент — блочное перекрытие пролета или завершение стены, состоящее из архитрава, фриза и карниза.

Затем нахмурился от внезапно пришедшей мысли:

— О, у меня же деньги. Сколько тебе оставить? Может, все? Илна помотала головой.

— Все нормально, братик, — сказала она. — Я... буду скучать по тебе. Я привыкла заботиться о тебе.

Закрыв лицо руками, она отвернулась.

Гаррик проглотил комок в горле и крепко пожал другу руку, ощутив при этом себя виноградной лозой, обвившейся вокруг дуба.

— Удаchi, дружище, — сказал он. — Мне будет тебя не хватать.

Кашел улыбнулся, кивнул и побрел прочь. Набалдашник его посоха долго еще постукивал, после того как толпа поглотила фигуру юноши.

— Рафик, торговец из Валлеса, который покупает у меня ковры, — тихо сказала Илна, — упоминал гостиницу, в которой обычно останавливается в Каркозе. Она называется «Приют Капитана» и располагается в порту. Большинство постояльцев там — офицеры с кораблей. Рафик говорил, там тихо, чисто и недорого.

Она улыбнулась с непривычной легкостью.

— Он сравнивал это место с гостиницей твоего отца.

Гаррик молча стоял, пытаясь переварить все, что произошло в последние несколько минут. Он потерял друга, и это было ужасно. Хотя Кашел еще в Барке подготовил его к такому повороту событий. В порыве убийственного гнева он чуть было не лишился разума... и это напугало его еще сильнее.

Илна, не встречая отклика на свое предложение, замерла, лицо ее ожесточилось.

— Если, конечно, — произнесла она с холодной небрежностью, — ты не решил вернуться обратно в «Красный Бык», к своим замечательным новым друзьям.

— Нет, — встрепенулся юноша. — Прости, Илна, я просто чувствую... Так много всего произошло. Порт там, в той стороне, я думаю.

И он двинулся в путь, стараясь подлаживаться под небыструю походку Теноктрис. Движение здесь было не такое оживленное, как возле площади. Но все равно Гаррик шел на шаг впереди женщин, чтоб оградить их от нечаянных столкновений с чересчур поспешными и неделикатными путниками.

— Думаю, я смогу найти работу в «Приюте Капитана», как делала это по дороге, — мягко сказала Илна. — А завтра поищу покупателей на мой ковер.

— Госпожа Теноктрис, — обратился к ней Гаррик, — вы предпочли уйти подальше от кладбища из-за личей?

Этот участок дороги был отведен под торговлю лудильщикам — горшки и котелки из меди, бронзы и белого олова, серебряные изделия с матовым блеском. Такое обилие металла в одном месте поразило юношу. В их деревне большинство кухонной утвари изготовлялось из дерева или чугуна, другие металлы использовались лишь для заделки трещин в *деревянной* посуде.

— Присутствие скелетов не важно в деле создания личей, — сказала Теноктрис. — Их оживляет само море. Я не верю, что лич способен пройти такой длинный путь — от моря до «Красного Быка». А еще меньше верю, что его можно создать прямо там, на месте.

Старая колдунья прочистила горло. Вопрос юноши требовал прочтения целой лекции.

— Меня больше пугает магия, — пояснила она, — которую, я уверена, попытается использовать Бенлоу, чтоб выяснить, кто таскает его руками каштаны из огня. В этих древних могилах сконцентрировано огромное количество энергии, но она вся неоднородна. Нити Силы перепутаны таким образом, что я не могу их распутать, а несчастный Бенлоу неспособен даже почувствовать их. Боюсь, он попытается сделать нечто ужасное и преуспеет в этом. Я даже не берусь предсказать, что именно.

Гаррик подумал о Лиане, но вслух не решился сказать — он боялся реакции Илны. Как же он мог вырвать девушку из рук отца, если она даже не попросила о помощи?

— Может, нам стоит предупредить его? — нерешительно спросил он.

— Он не слушает, — возразила Теноктрис. — И не забывай, Бенлоу очень силен. Я бы лучше послушала ответы, которые он, возможно, получит на свои вопросы. Те, кто работают против него, направлены и против тебя тоже, Гаррик. А также против всего, что мы называем добром.

— Вы думаете, Бенлоу может случайно, через свою магию, впасть во зло? — продолжал допытываться Гаррик.

Прямо перед ними остановился зазывала из ближайшей продуктовой лавочки. Гаррик застыл в удивлении — у них в Барке никто не позволял себе подобной наглости. Илна же решительно продолжала идти прямо на молодчика, конец ее дорожного посоха целил ему точнехонько в лицо. Парень взвизгнул и отскочил в сторону.

— Все не так просто, Гаррик, — вздохнула Теноктрис. — Было бы очень легко, если бы существовало только добро и зло и, соответственно, два выбора. Но человек — сложное существо. Можешь ли ты утверждать, что в совершенстве постиг его сущность?

Гаррик подумал об Илне и Кашеле... и самом себе.

— Нет, — признался он. — Даже близко ничего подобного. Старая колдунья кивнула.

— Когда человек умирает и его хоронят, Силы заполняют пространство его души — или какое там слово ты выберешь, чтоб обозначить нематериальную часть его тела... так вот, пространство его души заполняется. Подобным образом кварц заполняет сердцевину упавшего дерева и превращает ее в агат. Процессы различаются кое в каких деталях, но они несущественны.

— Неужели? — удивился юноша. — Дерево становится камнем?

— Ну вот, я плохой учитель, — усмехнулась Теноктрис. — Мне никогда не удавалось придерживаться одной темы. Отчасти поэтому я не могу объяснить то, что хочу.

Улыбка сошла с ее лица.

— Другая причина заключается в том, что я сама не понимаю очень многого... Хотя, пожалуй, это лучше, чем, как Бенлоу, претендовать на полное понимание.

Она в задумчивости постучала пальцем по губам.

— Бенлоу видит в древних могилах средоточие великой мощи, и здесь он, конечно, прав. Беда в том, что он не смотрит глубже. То, что кажется ему единой силовой линией, на самом деле является сплетением сотен различных нитей. Есть и такие, что тронь их — и получишь последствия, которые даже Бенлоу, при всей его силе, не сможет контролировать.

Илна сосредоточенно кивнула, казалось, она все понимает. Гаррик припомнил тщание, с которым девушка выбирала нитки перед тем, как начать работу. Сотни оттенков примерялись к рисунку, прежде чем появиться на ковре. О да, она должна понимать старую колдунью.

— Твой друг Кашел без моих объяснений понял, что из «Красного Быка» надо бежать, — сказала Теноктрис. — Полагаю, он распознал те самые Силы и предпочел удалиться, чтоб не использовать талант, который, несомненно, у него имеется. Вначале мне даже показалось, что там нечто большее.

— Талант? — тупо переспросил Гаррик.

— Да, — подтвердила колдунья. — Довольно странно, что даже Бенлоу не почувствовал его. Но талант Кашела весьма особый, а наш купец все же очень невежественный.

Гаррик искоса посмотрел на молчавшую Илну. Сказал:

— Думаю, Кашел в любом случае с нами бы не остался. Он очень тяжело перенес отъезд Шарины из деревни. Он говорил мне, что собирается уйти один. Но я не верил до тех пор, пока это не случилось.

Он покачал головой, пытаясь разобраться в хаосе, казалось бы, бессмысленных деталей.

— Я просто не могу понять... Шарина ведь просто большой ребенок. Ну с какой стати вообще кому-то так убиваться из-за отъезда девчонки? Не *понимаю*.

— Естественно, ты не понимаешь, — отрезала Илна.

К великому удивлению Гаррика, девушка оттолкнула его с дороги и скорее побежала, чем пошла дальше. Он непонимающе посмотрел на Теноктрис, но та хранила непроницаемое выражение лица.

Впереди показалась гостиница. Гербом ей служило кресло-качалка, подвешенное прямо над улицей. На нем красовалась надпись золотыми буквами: «Приют Капитана». Илна, обогнавшая их футов на двадцать, чуть не прошла мимо. Гаррик вдруг сообразил, что она же не умеет читать.

— Илна! — крикнул он. — Вот наша гостиница!

Она остановилась и вернулась ко входу, а Гаррик уж испугался — вдруг не вернется? Он ругал себя за то, что неосмотрительно завел разговор о Кашеле. Мог бы понять, как тяжело Илна переживает утрату. Он мог поклясться, что когда девушка обернулась, щеки ее были мокры от слез.

17

Ноннус спал, и при этом ужасно храпел. Шарина не могла припомнить никого другого, кто б так шумел во сне. А уж ее-то работа в отцовской гостинице обеспечила ей широкую практику на этот счет. Она повидала спящих мужчин, наверное, больше, чем любая другая девушка.

— Я сплю, как тюлень, — пошутил сам отшельник, и это была чистая правда.

Возникшая опасность, возможно, разбудила бы Ноннуса, но холодные волны, изредка перехлестывавшие через борт челнока, очевидно, к таковой категории не относились.

Луна еще не появилась на небосклоне, а редкие звезды, пробивавшиеся сквозь густые слоистые облака, почти не давали света.

Море, насыщенное фосфоресцирующим планктоном, казалось безбрежной пустошью, сливавшейся на горизонте с небом. Шарина смотрела на север и видела только бесчисленные шевелящиеся холмы морской глади. Масштаб этой картины поражал воображение девушки, выросшей в маленькой деревушке. Мили и мили воды. И ничего, кроме этой воды. Так до самых Лыдистых Мысов...

Она поплотнее укуталась в плащ, чтоб унять непрекращавшуюся дрожь. И дело тут не в порывистом встречном ветре. У себя дома, на твердой земле, да в теплом плаще, вряд ли она бы так тряслась от холода.

За бортом мелькнула рыба. Шарина скорее уловила движение, чем увидела силуэт. Что-то неясное мелькнуло на фоне блестящей воды и с тихим всплеском снова вернулось туда, откуда появилось.

Леска с крючком — нехитрое приспособление, которое Ноннус прикрепил за бортом, уже обеспечило им минимальный улов. Отшельник оказался прав — умереть голодной смертью им не грозило, сколько бы ни длилось их путешествие.

Если не считать случайных рыбок, они были совершенно одни в этом море. Море, оказалось куда больше, чем представляла себе девушка, когда стояла на северных утесах у родной Барки и глядела в безбрежную гладь. Отшельник беспокойно вздохнул во сне.

Свернутый парус лежал поперек планшира, придавленный рангоутом. Он создавал как бы перегородку между пассажирами, сидевшими на носу и на корме лодки. Сейчас Медер нес вахту на рулевом весле, Азера находилась рядом с ним. Когда наступало дежурство Ноннуса и Шарины, аристократы молча переходили вперед. Обе группы обменивались коротким кивком, и на этом общение заканчивалось. Казалось, они живут в двух соседних домах.

Ноннус не поднимал паруса с тех пор, как они прорвались сквозь рифы Тегмы. Они плыли по воле ветра, полной грудью вдыхая свежий холодный воздух естественного, немагического мира. И в этом мире не было ничего более естественного, чем смерть... И ничего более чистого и холодного, чем Лыдистые Мысы.

Затихнув, девушка могла слышать сквозь завывание ветра монотонное бормотание Медера на корме лодки. Время от времени там вспыхивало нездоровое красное свечение, бросавшее отблеск на волны за бортом. Снова раздался судорожный вздох отшельника. Он спал, обхватив себя руками, свернувшись в плотный комок.

Шарина отвернулась и снова стала смотреть на север. Хотела бы она тоже свернуться клубочком и заснуть. Много чего она бы хотела.

Но море за бортом было нескончаемым...

18

— Ты почувствовал, как эти могилы притягивают к себе? — спросила Мелли. Обняв себя за плечи, она картинно передернулась, хотя на губах у нее по-прежнему играла сияющая улыбка. — Ох! Они будто пытались проглотить нас!

— У меня до сих пор мурашки по коже бегают, — откликнулся Кашел. — Я даже подумал, что перегрелся на солнце. Тебе не кажется, будто солнце ярче в этой части острова? И воздух кажется суше.

Они медленно спускались по улице кожевников. Здешние торговцы специализировались на товарах грубой выделки: упряжь и сбруя для рабочего скота, безрукавки и фартуки для их хозяев. Владельцы лавок сидели перед заведениями, готовые в любой момент помочь покупателю (порой даже насильно — хватая его за рукав) или преградить путь воришкам.

Некоторые лавочники окликали Кашела, но он нигде не останавливался — шел дальше, разинув рот ошарашенный масштабами торговли. Он полагал, что изящные товары — сандалии и перчатки для аристократов, вычурные кожаные закладки для дам и прочее — продавались на другой улице, может, даже в другом районе. Кашел брел и брел себе дальше, подобно тому, как могучий бык идет сквозь высокую траву, едва замечая ее щекочущие прикосновения.

— А я и забыла, какой сильный у меня друг, — рассмеялась фея. — Ну так слушай: это был не солнечный удар. Ты просто почувствовал мерзкий клубок Сил, связанный со старыми могилами. Ничего подобного я не видела за последнее тысячелетие. Именно в таких энергетических скоплениях и потерялись пути в мой родной мир.

— Может, и так, — пожал плечами Кашел. — Но в любом случае я не желаю оставаться поблизости. К тому же раз уж я решил все бросить, нечего откладывать.

Он шел, стараясь прижимать свой посох к себе, и все равно время от времени наткался на открытые двери лавок или висающие вывески. Гулять по Каркозе — все равно что продираться сквозь густую чащу в поисках запутавшейся в ежевике овцы, решил юноша.

— Я подумываю о том, чтоб попытаться найти щель, — сообщила Мелли, вытянув перед собой руку и разглядывая свои изящные пальчики, — чтобы по крайней мере, войти внутрь. Ты же знаешь, я ведь могу никогда и не найти дорогу домой — слишком много опасностей поджидает меня на этом пути. Причем куда худших, чем кошка.

Произнеся это, она сделала сальто в воздухе и приземлилась на руки.

— Или лиса! — добавила она, глядя на Кашела снизу вверх.

Юноша всегда чувствовал себя неловко, когда Мелли принималась рассуждать о собственной смерти. Назвать фею беспечной, наверное, было бы неправильно. Но и большого значения всем этим вещам она не придавала. Ну что ж, теперь, по крайней мере, у нее есть Кашел.

Улица впереди оказалась почти перегорожена пузатым грузовым фургоном. Толпа мускулистых мужчин вынимала из него закрытые корзины и передавала их по цепочке в огороженное место для строительства, где уже собралась бригада каменщиков.

Архитектор в полосатом одеянии грозно наблюдал за работой, постукивая деревянным циркулем — символом своей гильдии. Тут же стояла парочка полицейских: их можно было узнать по оранжевым туникам и трещоткам для вызова подмоги. Они покрикивали на рабочих, но те только злобно огрызались.

Кашел принялся.

— Гашеная известь, — определил он. Строители готовились замешивать цемент.

Он бросил взгляд в узкий просвет меж этажей, нависавших с обеих сторон улицы. Там проглядывало небо, затянутое облаками, — того и гляди, пойдет дождь и погасит известь прямо в корзинах. Люди в городе вынуждены мириться с опасностью из-за своей привычки спешить. Причем излишне спешить, по мнению Кашела.

— Для получения этой извести сожгли колонны храма, стоявшего еще тысячу лет назад, — сказала Мелли, перекатившись обратно на ноги. — Видишь мерцание Силы?

Фея хихикнула:

— Интересно, что они собираются строить? Бьюсь об заклад, их ждет множество сюрпризов!

Кашел приостановился, наблюдая за рабочими. Наверное, при желании он мог бы подрядиться работать в такой бригаде. Они, конечно, неслабые мужички, но он-то поднимает вес вдвое больший, чем любой из них. Хотя, с другой стороны, сейчас у него есть деньги, причем такие, о которых он и не мечтал. И к тому же...

— Это неправильно — разрушать храм на цемент, — пробурчал Кашел. Он считал (и не без оснований), что храм теперь лежал в руинах, как и многие здания в Каркозе. А это неправильно.

Мелли ловко стала на мостик, коснувшись кончиками пальцев пяток.

— Люди строят и разрушают, — сказала она. — Ты и тебе подобные живете слишком быстро.

Кашел стоял, дожидаясь, пока двое носильщиков с паланкином, а также женщина с постирушками в плетеной корзине не обогнут препятствие с другой стороны. Он мог бы пролезть под фургоном, но сверху прямо через бортик, сыпалась известь, и Кашел не хотел подвергать свою фею риску.

Вслед за прачкой попытались проскользнуть трое мужчин в цветных туниках, но Кашел не стал уступать свою очередь. Щеголи оценили габариты юноши и посторонились.

— Скоро будет порт, — предупредила Мелли и показала язык кошке, лежавшей на рулоне ткани. Напасть кошка не решилась, но следила злыми глазами, пока Кашел со своей пассажиркой не скрылся из виду. — Раньше здесь продавали кораллы, янтарь и зубы этого... ну как его? Зубастого кита! Правда, с тех пор прошла уж тысяча лет.

Кашел и сам видел, что они приближаются к порту. Здешние лавки были снабжены открытыми прилавками, на которых торговали грубой одеждой, какую обычно носят матросы на триремах.

Ближе к середине квартала располагалось более приличное заведение — об этом свидетельствовали тяжелые решетки на окнах и мелкоячеистая сетка на дверях, от наиболее проницательных воришек. И товар здесь был посolidнее — золотые украшения и яркие шелковые шарфы — тоже для матросов, но собиравшихся

пофорсить на берегу. Некоторые из вещей казались подержанными, очевидно, владельцы лавок промышляли ссудами под залог.

Кто-то задел Кашела со словами, которые он воспринял как извинение. Он обернулся и увидел двоих людей — темнокожих, гибких, как виноградная лоза. На них были темно-коричневые одеяния. Посторонившись, Кашел отступил в нишу, где шла торговля шерстяными шапочками и кофтами. Пожилая хозяйка сидела тут же на табурете за своим вязанием. Она едва взглянула на парня.

Мужчины — Кашел решил все-таки, что это были мужчины, хотя ни их прически — пучки на голове, ни длинные одеяния не позволяли наверняка судить об их половой принадлежности — быстрым шагом прошли мимо. На бесстрастных лицах читалось некоторое напряжение. За ними по пятам следовала дюжина молодых горожан бандитского вида.

— Серианцы, — пояснила Мелли. — Обитают на побережье одного из островов далеко на юго-востоке. В горах там живут совсем другие люди.

Кашел услышал, как один из хулиганов выкрикнул:

— Эй вы, черномазые свиньи, убирайтесь поклоняться своим дьяволам куда-нибудь в другое место! — И бросил камень, угодивший серианцу в плечо. Несчастный вздрогнул и ускорил шаг. Они с товарищем попытались укрыться в ближайшей лавке, но толстопузый хозяин захлопнул решетку на двери и стоял за ней, нагло ухмыляясь.

Толпа преследователей пробежала мимо Кашела, на ходу окружая несчастных иностранцев. Тут же по всей улице послышалось хлопанье — это владельцы лавок опускали решетки и захлопывали двери. Лишь старуха продолжала невозмутимо вязать в своей нише.

Один из молодчиков схватил серианца за кайму на подоле и дернул вверх. Прекрасная шелковая вышивка блеснула на солнце. Вот бы Илне полюбоваться...

Кашел поморщился.

— Мелли, ну-ка слезай! — скомандовал он. — Похоже, есть дельце.

Он поймал пробежавшего хулигана за плечо и вежливо поинтересовался:

— Эй, мастер, что здесь происходит?

Молодой парень со стальными мускулами и татуировкой на щеке обернулся и прорычал:

— Я что, похож на оракула? Пошел вон отсюда, пропойца, а не то схлопочешь у меня!

Он хотел было двинуться дальше, но Кашел решительно развернул его свободной рукой, в другой он держал посох.

— У нас в Барке с чужестранцами принято разговаривать куда вежливее, — наставительно сказал он.

— Эй, братва, тут еще один! — крикнул хулиган и молниеносно выдернул нож из рукава. Что, впрочем, нисколько не удивило Кашела.

Не выпуская посоха из руки, он ударил противника кулаком в лицо — короткий удар, который свалил бы с ног коня-тяжеловоза. Парень тяжеловозом отнюдь не был, а потому он взлетел, как перышко, и приземлился в толпу своих товарищей. А Кашел получил пространство для маневра. Он развернулся и зигзагообразно двинулся вперед, крутя над головой посох на манер шлифовального круга.

Первому же молодчику посох с резким «крак!» угодил в лоб, тот завизжал и не успел уклониться от следующего удара — по пальцам. Второй бандит рухнул, получив по черепушке и обзаведясь сломанным плечом. Вряд ли он разыщет Кашела, чтоб поблагодарить, когда очухается. А зря! Не будь у того столь выверенного удара, парень отправился бы к праотцам.

Выронив нож, первый хулиган бросился бежать, проламываясь сквозь толпу недоумевающих подельников — те даже не успели заметить, что произошло. Прямо над ними висела вывеска той самой лавки, где пытались укрыться серианцы. Она крепилась на горизонтальном шесте и перегораживала улицу примерно на высоте семи футов.

Кашел прикинул: с крутящимся посохом там было не пройти. Юноша примерился и сшиб шест у самого основания. Металлический набалдашник врезался в мягкую сосну и обрушил вывеску на головы оставшихся бандитов.

Те, кто был в состоянии бежать, так и сделали, побросав оружие на поле боя. У одного из молодчиков кровь хлестала из весьма серьезной раны, причем нанес ее не Кашел!

С обоих концов улицы доносилось тархтение трещоток, но сами полицейские не показывались, пока все головорезы не скрылись из виду. Наконец на мостовой остался только Кашел, взмыленный и запыхавшийся.

Тут же валялись четверо местных: двое из них тихо стонали, один — бледно-желтого цвета — все еще пытался восстановить

дыхание. Кашел смутно припомнил, что лягнул его под ложечку, пожизненные костные мозоли от хождения босиком по каменистой почве послужили ему не хуже подбитой гвоздями подошвы.

— Ого, ну ты крут! — слышался восторженный голос Мелли с его плеча. Естественно, она и не подумала убраться прочь. — Впрочем, я нимало не сомневалась!

Наконец показались рыже-оранжевые полицейские. Обоим было уже за пятьдесят. Один сжимал в руках дубинку, другому хватило ума не демонстрировать воинственные намерения. Кашел подумал, что можно было бы убежать, но решил остаться. Какого черта? Он сделал то, что считал правильным, и готов отвечать перед законом.

Серианцы выступили из-под арки, которая вместо убежища стала для них ловушкой. Один из них поклонился полицейским и произнес:

— Простите, господин начальник, но думаю, здесь все уладилось и без вас.

— Когда мне понадобится мнение черномазого... — начал один из полицейских, но замолчал, уставившись на протянутую руку серианца. — А?

Чужестранец разжал пальцы — на раскрытой смуглой ладони блеснули две серебряные монеты.

Второй полицейский заметил озабоченным тоном (Кашел был уверен, беспокоила его возможность потерять взятку):

— Однако здесь пострадали люди...

Он ткнул пальцем в мычащего молодчика.

— ...хотя, с другой стороны...

— Я видела все, что произошло, — неожиданно подала голос старуха с вязанием. — Вывеску сдуло таким сильным вихрем, какого я никогда не видела.

Она беззубо ухмыльнулась полицейским и продолжала:

— Будь я на вашем месте, парни, я бы взяла свои денежки и поскорее убралась прочь, пока не напоролась еще на один вихрь.

Кашелу наконец удалось отдышаться. Он поднял злополучную вывеску и отнес ее к дверям лавки, за которыми стоял толстяк-хозяин. Тот уже не улыбался.

— Хотите на что-то пожаловаться, господин? — ровным, спокойным голосом спросил юноша через открытый прилавок.

«Господин» поглядел на окровавленный посох — кровь тонкой струйкой стекала по рукоятке и уже почти достигла руки Кашела. И молча захлопнул дубовую дверь позади решетки.

Первый полицейский пожал плечами.

— Похоже, произошел несчастный случай, — констатировал он. Ловко подхватив монеты с ладони серианца, он бросил одну из них своему напарнику. После чего оба стража порядка удалились с чувством исполненного долга.

Серианцы о чем-то тихо переговаривались, низко склонившись друг к другу и поглядывая на Кашела. А тот вернулся в вязальщице.

— Большое спасибо, госпожа! — сказал он. — Могу я чем-то отблагодарить вас?

Он не знал, должен ли предложить деньги женщине.

— О, — хихикнула старуха. — Если б я была лет на тридцать помоложе, парнишка, то знаю, какую бы благодарность выбрала. Сейчас же с меня довольно удовольствия, которое я получила, наблюдая за тобой.

Не прерывая вязания, она бросила взгляд на серианцев, которые стояли в сторонке, дожидаясь пока Кашел окончит беседу.

— Кроме того, — сказала женщина, — я бог знает сколько прожила с серианцем. Он, конечно, был дьяволопоклонником, тут не поспоришь... но зато он никогда не бил меня — чего не скажешь о набожных хафтских мужчинах, не пропускавших ни одной службы. А теперь ступай, пока я не передумала. А то решу еще, что не такая уж я старая...

Кашел обернулся к серианцам. Они кивнули юноше и сделали знак следовать в конец улицы.

— Господин, — сказал один из них, — не могли бы мы с вами побеседовать в другом месте? Например, вон там...

Снова захлопали ставни магазинчиков — торговля возобновлялась. Один из бандитов, похоже, собирался подняться на ноги, хотя в ближайшее время, решил Кашел, вряд ли его потянет на подвиги.

— Как угодно, господин, — ответил юноша.

Шагая меж двух серианцев, он направился в конец квартала, где на мощеной площади бил фонтан, снабжавший всю улицу водой. Мраморный трубач стоял в центре неглубокого бассейна, держа у губ мраморный же рог. Над ним расстиралось чистое полуденное небо. Кашел почувствовал облегчение, вырвавшись наконец из суеты узких улочек на открытое пространство.

— Меня зовут Фраза, — поклонился первый серианец. На взгляд Кашела, они были совершенно одинаковые с виду. Просто две идентичные маски, вырезанные из одного чурбана красного дерева.

— А я Джен, — представился второй, тоже кланяясь. — Мы бы хотели нанять вас на службу, господин. Заплатим больше, чем вы сейчас получаете.

— А? — откликнулся парень, напряженно размышляя, должен ли он в свою очередь поклониться. — Мое имя Кашел ор-Райз, и я... э-э... пастух.

— Пастух! — взвизгнула на его плече Мелли.

— Мы торговцы, мастер Кашел, — сообщил Фраза, — и у нас в Каркозе дожидается груз. К сожалению, как вы заметили, нас здесь не очень любят. Может, вы тоже разделяете эту неприязнь?

— Честно говоря, — замялся Кашел, — до сегодняшнего дня я не встречал ни одного серианца. И думаю, если вы желаете поклоняться своему дьяволу — это ваше личное дело.

Джен озадаченно посмотрел на юношу, затем гулко расхохотался — первое проявление эмоций у невозмутимой темнокожей парочки.

— Вообще-то мы не считаем, что поклоняемся дьяволу, мастер Кашел, — возразил Фраза. — Но, как вы справедливо заметили, это здесь ни при чем. Дело в том, что нам нужен необычный пастух — крепкий парень, который бы «пас» нас двоих на улицах этого враждебного города. Пока мы не продадим свой груз.

— Видите ли, господин, — поддержал его товарищ, — наша вера запрещает нам причинять вред любому живому существу. Мы считаем, что лишь бог может судить поступки человека. При всем при том мы хорошо платим. Горцы из глубинки острова Серес несут охрану наших кораблей от пиратов, и нам не хотелось бы забирать их с собой в город.

— Горцы — канныбалы, специально заточивающие зубы, — забеспокоилась Мелли, она даже снова дернула Кашела за мочку. — Некоторые из них способны видеть мой народец! И употребляют в пищу.

Слушать троих одновременно было выше сил Кашела. Он обнаружил, что слова влетают и вылетают у него из ушей, не оставляя никаких мыслей.

— Послушайте, — нерешительно сказал он. — Вам ведь нужны охранники. А я просто...

Юноша неловко оглянулся на улицу, где только что состоялось побоище.

— Послушайте, — снова повторил он. — Я ведь не сделал для вас ничего особого. Просто...

Кашел не кривил душой — он чувствовал, что не мог не вмешаться в той ситуации, как не смог бы стоять в сторонке, глядя на морских демонов, разоряющих чужую отару. Вот только как объяснить это чужестранцам? Его односельчане, конечно, поняли бы все — они и сами так же мыслили.

По крайней мере, в том, что касалось овец. Интересно, а как бы они повели себя с этими непостижимыми серианцами?

— Нам предлагали нанять профессиональных бойцов, — сказал Фраза, — хотя это может быть нелегко. Учитывая привычку графа Ласкарга во всех сложных ситуациях делать из нас козлов отпущения. В любом случае мы предпочтем иметь дело с человеком, которого больше заботит справедливость, чем деньги. Хотя, конечно же, мы охотно заплатим ту цену, что вы назначите — скажем, три хафтских сребреника в день?

— Четыре, — решительно поправил Джен. — Вряд ли двое профессиональных бойцов покажут такие результаты, какие мы имели честь сегодня наблюдать... Ну и, естественно, независимо от вашего решения, господин, мы оплатим вам сегодняшнюю работу.

Кашел попытался представить себе эти деньги, подсчитать их на пальцах... Илна была бы потрясена!

Но ей не суждено порадоваться. Он, возможно, никогда больше не увидит сестру.

Юноша склонил голову, чтоб посмотреть на Мелли. Та стояла на цыпочках, вытянув руки над головой, будто собираясь нырнуть с плеча Кашела.

— О, обо мне не беспокойся, — усмехнулась она. Фея казалась слишком прекрасной, чтоб быть реальной. Да, пожалуй, она и *не была* реальной с точки зрения окружающих. — Горцы меня не волнуют. Крысы гораздо хуже них. А там, где горцы, крысы долго не живут...

Она сделала безукоризненную стойку на руках.

— ...это при том, что горцев кормят *очень* хорошо.

Серианцы ждали ответа. Кашел пожал плечами и пробормотал:

— Ну, думаю, попытка не пытка.

И он протянул правую руку, чтоб скрепить сделку рукопожатием. Чужестранцы вместо этого поклонились, после чего Фраза достал откуда-то из-за пазухи туго набитый кошелек.

А каменный трубоч выдувал веселые струйки, блестящие на солнце.

19

С наступлением темноты Каркоза превращалась в смрадный, кишачий грабителями и убийцами муравейник. Собираясь вместе с Теноктрис в «Красный Бык», Гаррик разжился в своей гостинице фонарем, но от услуг факельщика отказался. Он верил в собственную способность ориентироваться в чужом городе, который к тому же благодаря воспоминаниям короля Каруса был не таким уж чужим. Правда, прислушиваясь к шепотам и сдавленным крикам в темных аллеях, мимо которых они проходили, юноша начинал задумываться: а разумно ли его решение?

Он решил поделиться сомнениями со своей спутницей.

— Я опасюсь, как бы случайный проводник не привел нас напрямиком в бандитский притон...

— Думаю, с нас достаточно тебя самого, Гаррик, — ответила Теноктрис. А подумав, добавила: — Нас защитит твой медальон, если кому-то хватит глупости напасть. Он ведь по-прежнему на тебе, не правда ли?

— Ну да, вроде того, — пробормотал юноша. Его тревожили мысли об усиливающемся вторжении древнего короля в его психику.

Наверное, по той же причине он отказался предыдущей ночью надеть меч. Гаррику не нравились сдвиги, происходившие в его натуре, когда он держал руку на эфесе меча. Сейчас фонарь болтался на конце трехфутового металлического стержня, который юноша нес перед собой. В случае необходимости эту штуковину можно было бы использовать как оружие.

Хотя Гаррик предпочитал не думать о такой необходимости.

У входа под арку ссорились двое — мужчина и женщина. Мужчина был вдребезги пьян, его подруге хватало ума хранить молчание, пока маленькая процессия с фонарем проследовала мимо. Неподалеку маячил еще один силуэт — какой-то сомнительный человек стоял на противоположной стороне улицы, поигрывая дубинкой.

Все это вроде бы не касалось Гаррика, но заставляло его чувствовать себя крайне неудобно. И еще — юноша слабо разбирался в нравах незнакомого города: что здесь хорошо, что плохо? Судьба скандалиста подшофе беспокоила Гаррика. Скорее всего, он нарвется на неприятности: будет избит, ограблен, а то и убит. Но, с другой стороны, не стоило ли волноваться за беззащитную женщину, оказавшуюся во власти пьяного дебошира? Юноша начинал понимать, почему Теноктрис всегда ставила понятия «добро» и «зло» в кавычки. Тем не менее он продолжал считать: общество, где насилие является приоритетным способом разрешения проблем — это общество зла.

— На видимый мир оказывают влияние силы, взаимодействующие на других планах, — спокойно пояснила Теноктрис. Когда-то она характеризовала свой талант как способность видеть невидимые вещи. Эта ее способность, очевидно, распространялась и на окружающий мир. — Обстановка в больших городах, как правило, тяжелее, чем в деревнях. Потому что здесь люди не знают друг друга, а делать гадости всегда легче анонимно. Но сейчас в Каркозе, я подозреваю, ситуация хуже, чем когда-либо за последние десять лет.

Они обогнули глухую лестницу на улице.

— Слава Госпоже, это «Красный Бык», — с облегчением вздохнул Гаррик.

Над входом в гостиницу ярко горела лампа с большим масляным резервуаром и такими чистыми стеклянными окошками, что юноша невольно подивился. У дверей стоял, прислонившись, коренастый мужчина в боевом облачении. Гаррик узнал в нем Ральда, начальника охраны купца.

— Господин? — обратился к нему юноша. — Мы договорились о встрече с вашим хозяином. Бенлоу там?

И он кивнул в сторону заполненного общего зала. Профессиональным взглядом юноша отметил, что полы в зале были покрыты древесными опилками вместо сухого тростника.

Ральд озабоченно покачал головой.

— Мастер Бенлоу ушел еще вечером, — сказал он. — Не знаю в точности, куда, но, полагаю, своим обычным маршрутом — на прогулку по кладбищу...

Ральд одними глазами указал в том направлении. В косом свете лампы Гаррик разглядел выемку на шлеме охранника — след, оставленный ночной схваткой на реке Строне.

— Каждую ночь он оставляет нас в гостинице, а сам отправляется туда, — сообщил тот. — Правда, раньше он никогда не брал с собой дочь, а сегодня...

— Лиана с ним? — у Гаррика заняло сердце.

— На сей раз да, — подтвердил Ральд. — Он строго-настрого запретил нам следовать за ними. Но знаешь, парень, у меня такое впечатление, что кто-то должен пойти туда и выяснить, чем они там занимаются.

— Кому-то придется, — откликнулась Теноктрис и направилась в сторону кладбища. Гаррик повернулся вслед за ней.

— Эй, парень, подожди! — крикнул охранник. — Возьми это.

Он протянул Гаррику свой пояс с мечом. Юноша кивком поблагодарил его и поспешил за старой колдуньей, которая уже пересекала улицу.

В сотне ярдов от этого места находился вход на кладбище, но Теноктрис остановилась у стены прямо напротив постоянного двора.

— Ну-ка, помоги мне перебраться. Они недалеко отсюда.

Гаррик не понимал, откуда у нее такая уверенность, но чувствовал: сейчас не время спорить. Он поставил фонарь на землю и, обхватив обеими руками Теноктрис за талию, осторожно поднял и посадил ее на стену.

Та помедлила, глядя вниз. Кажется, старая колдунья собиралась спрыгнуть с высоты в пять футов. Гаррику показалось это небезопасным, поэтому он сам перебрался через стену и ссадил Теноктрис вниз тем же манером, что и поднял вверх.

Фонарь так и остался с наружной стороны, юноша собирался вернуться за ним, но колдунья остановила его.

— Брось, — сказала она с той решительностью, которая подчас обнаруживалась под ее безмятежностью. — Он нам не понадобится, это совсем рядом.

Кладбище представляло собой скопление склепов размером с пастушью хижину вперемешку с сотнями каменных углублений в фут шириной и несколько футов длиной. На некоторых, более поздних, еще сохранялись надгробия с довольно грубыми изображениями древа жизни. Все могилы казались пустыми. Среди этих творений человеческих рук декорациями выглядели росшие здесь кипарисы.

Из надписей Гаррик понял, что в открытых могилах хранились кости городской бедноты. Согласно обычаю, который не сохранился со времен Старого Королевства, такие покойники

первоначально хоронились в общем склепе в центре кладбища. До сих пор сохранился наполовину обвалившийся купол над этим склепом, стены и колонны его заросли плющом и жимолостью. Через год, когда плоть уже сгнивала, родственники перемещали кости в отдельные захоронения.

Многие склепы и поныне использовались богатыми и влиятельными семействами города. Они содержались в образцовом порядке: стены чистые, крыши отремонтированы, новенькие запоры на дверях.

Теноктрис шла, безошибочно ориентируясь меж склепов и похожих на ловушки могил. Гаррик прокладывал себе путь, временами переходя на бег, при свете недавно взошедшей луны. Но он остался далеко позади уверенно удалявшейся колдуньи. *Должно быть, у нее глаза, как у кошки*, подумал юноша.

Его одолевали страхи за Лиану и за себя самого. Гаррик не знал, с чем им придется столкнуться сегодня ночью. Судя по всему, Теноктрис пребывала в таком же состоянии.

— Сестра тебя заberi! — проворчал юноша, когда его нога по колено провалилась в незамеченную дыру в земле — эдак можно и калекой на всю жизнь остаться! Он тут же пожалел о вырвавшихся словах — уж больно неподходящее было время и место для того, чтобы поминать Повелительницу Подземного Мира.

В этот момент откуда-то с середины кладбища раздался звон металлического колокола. Будучи жителем захолустной Барки, Гаррик терялся в догадках, что это означает. Возвещал ли колокол тревогу или же бил каждую ночь?

Но сейчас-то он находился в центре Каркозы, и ему не оставалось ничего другого, как следовать за старой колдуньей. Хочется надеяться, она знает, что делает.

Теноктрис внезапно остановилась и сделала предупреждающий знак. Они притаились в десяти футах от двух парных склепов: один из них — из черного базальта, второй — из светлого гранита, казавшегося почти белым в лунном свете. Дорожка из черно-белых плит связывала двери обоих склепов, обрамленных колоннами. На светлой гробнице можно было рассмотреть свежие венки из тиса и остролиста.

— Нынешние люди, даже волшебники, считают: раз прах давних покойников истлел, то гробницы пусты, — с холодным презрением прошептала колдунья. — Если б они видели то, что вижу я, то десять раз подумали бы, прежде чем помещать сюда

своих умерших. С таким же успехом могли бы выкинуть своих детей морским демонам!

Гаррик молча массировал ушибленную лодыжку. У него над головой ветер шумел и стонал в кронах кипарисов, таких старых и могучих, что местами их корни разворотили могилы, для укрощения которых были посажены.

Теноктрис открыла прутик с самшитового дерева, растущего неподалеку.

— Там, — произнесла она, указывая самодельным жезлом в сторону базальтовой гробницы.

Черный камень был едва различим в неверном свете, но зато Гаррик разглядел слабое голубое свечение, пробивавшееся из круглого оконца под крышей, а также из щелей приоткрытой железной двери.

В три шага юноша приблизился к склепу и надавил на вертикальную ручку. Тяжелая дверь застонала, но не поддалась — должно быть, задевала за порог. Однако стал слышен высокий чистый голос Лианы, которому вторили невнятные завывания Бенлоу:

— *Фанойбикукс петриадэ кратарнадэ...*

— Прекратить! — закричала Теноктрис. — Это же заклинание...

Внезапно гробница осветилась изнутри красным светом — он проходил сквозь камень, как солнечный свет сквозь человеческую плоть. Вскоре свет залил все кладбище, стало светло, как днем. Раздался вопль Бенлоу на высокой ноте, окончившийся странным бульканьем.

— Лиана! — воскликнул Гаррик и со всего размаха навалился на дверь. Клинок, который держал ее, вылетел, и дверь распахнулась внутрь.

Вдоль стен шли ниши, в которых когда-то хранились кремнированные останки аристократов — сейчас в них осталась лишь вековая пыль. Единственная свеча освещала символы, написанные на полу, тремя ступеньками ниже входа.

Бенлоу бор-Берлиман лежал в центре нарисованной семиконечной звезды, по контуру которой шла надпись на Старом Языке. Живот у него был вскрыт одним вертикальным ударом, кровь стекала и скапливалась под лежащим телом.

Лиана стояла в центре здания — перед ней отрылся красный светящийся портал. Она вскинула руки, как бы защищаясь от невидимого кошмара. И девушка, и открывшаяся дверь казались

нарисованными в воздухе. Ее темные волосы и одежда пылали огнем, белая же кожа стада черной, как обсидиан.

— Гаррик! — слышался ее крик.

Вспышка света — и девушка исчезла. Руки Гаррика поймали лишь пустоту.

Теноктрис, не отрываясь, глядела на Бенлоу... Его кровью было начертано слово на Старом Языке.

— Стразедон! — прочла колдунья. — Идиот! Он вызвал Стразедона!

Кровь струйкой стекала в углубление на полу и уже застывала в свете черной свечи. Под куполом склепа скапливалось привычное зловоние смерти.

20

— Раньше Северный порт использовался только для военного флота, — заметила Мелли. — Он же специально для этого построен. Я, помню, наблюдала здесь до трехсот трирем одновременно. Это было зрелище, я вам доложу — разноцветные паруса, развевающиеся флаги.

Она оглядела портовые постройки, выходящие на мощеную улицу, и воскликнула:

— О Небо! Как все здесь изменилось! Ну, вы, люди, и причудники!

— Мы арендуем вон ту факторию¹, что ближе, — кивнул Фраза. — Она является собственностью нашего серианского консорциума, хотя в прошлые визиты сюда мы иногда пользовались Ардуханской факторией, если наша оказывалась уже занята.

Серианцы имели привычку держать руки внутри своих широких рукавов, и вообще жестикуляция у них была скупой и поверхностной по сравнению с той, к которой привык у себя дома Кашел. Он легко с этим мирился, поскольку полжизни провел рядом с овцами и привык распознавать безмолвный язык поз своих подопечных.

Кашел не вполне понимал, что стоит за словом «фактория». Здание, на которое указал Фраза, было похоже на двадцать таких

¹ Фактория — торговая контора и поселение, организуемое купцами в колониальных странах или отдаленных районах.

же рядом: двухэтажный каменный фасад с крепкими двойными дверями и единственным узким окошком. Задние постройки были ниже и выходили непосредственно на море. К дому прилежала территория, огороженная высокими стенами, тоже имевшая выход к воде. Отличительной чертой серианской фактории были окованные железом двери.

В настоящий момент бригада высоких смуглых мужчин в набедренных повязках драила фасад здания. Кашел обратил внимание на выбоины в каменной кладке — очевидно, следы от булыжников, которыми забрасывали факторию местные банды.

Джен и Фраза поспешно пересекли улицу — лица абсолютно бесстрастные, глаза опущены, чтоб не встретиться случайно взглядом с зеваками. В отличие от них Кашел шагал с высоко поднятой головой, мало того — бросал зоркие взгляды налево, направо, как привык делать, приглядывая за своей отарой.

Улицы, прилегающие к Северному порту, были застроены в основном трущобами с крохотными грязными комнатухами, сдаваемыми внаем. Слонявшиеся по улицам бездельники наблюдали за работающими серианцами. Но Кашел отметил, что здесь накал враждебности был значительно ниже.

— Горцы, — пропела под ухом Мелли, балансируя на левой ноге и указывая правой на группу людей.

Их было четверо — мужчины сидели, скрестив ноги, перед зданием фактории. Уже первый взгляд обнаруживал совсем иное происхождение этих людей, в отличие от усердно работавших серианцев. Они были изящного телосложения, не больше пяти футов росту. Светло-желтая кожа напоминала цветом хорошо выделанный пергамент, длинные прямые волосы поражали непроницаемой чернотой — без малейшей примеси иных оттенков даже в ярком солнечном свете. Горцы весело болтали между собой, передавая по кругу кусок сушеного мяса и по очереди откусывая от него.

Их передние зубы действительно были обточены на манер клыков. На коленях они держали короткие луки. Причем костяные наконечники стрел были вымазаны чем-то темным — очевидно, органическим ядом. На шее каждый из горцев носил ожерелье — Кашел мог поклясться, из высушенных человеческих глаз.

Дверь фактории беспрепятственно распахнулась перед нашей троицей. Один из горцев бросил косой взгляд в сторону Кашела, затем уставился на его правое плечо и горячо залопотал что-то своим товарищам. Кашел твердо выдержал взгляд и со всего

размаха треснул посохом о булыжник мостовой, так что искры посыпались.

Горцы рассмеялись и стали одобрительно хлопать друг друга по спине. Владелец мяса жестом предложил его Кашелу в знак доброй воли.

Юноша на ходу ухмыльнулся и покачал головой. Хихикающая Мелли прильнула к его шее.

Двое серианских слуг плотно прикрыли дверь за Кашелом, а третий тут же накинуд крепкую поперечную перекладину в скобы. Все трое носили одежду, покроем и цветом напоминавшую ту, что была на Джене и Фразе, но из непонятной грубой материи. Юноша прикинул, как обрадовалась бы Илна, получив кусок такой ткани, но тут же сам себя оборвал. Ему надо прекратить думать о сестре и обо всем, связанном с домом. Иначе он никогда не освободится от воспоминаний о Шарине.

К тому же Илна сейчас сама находилась в Каркозе и наверняка уже познакомилась со всеми диковинками.

В нише за дверью стояла выполненная в натуральную величину статуя богини в одеждах шафранового цвета. Трудно было решить, что прекраснее: сама женщина или ее одеяния. С обеих сторон от нее помещались безобразные демоны с собачьими мордами — один красный, другой синий. Демоны были двуногими, но их верхние конечности скорее напоминали лапы, увенчанные солидными когтями. Фигуры имели несомненные признаки мужского пола.

Джен и Фраза преклонили колени перед богиней. Положив ладони на каменный пол, они низко склонились и хором пробормотали что-то на своем языке. После того, как серианцы поднялись, Кашел обратился к ним с вопросом:

— Позвольте спросить, мне тоже полагается проделать это?

Те удивленно уставились на парня.

— Да нет же! Конечно же, вы не обязаны поклоняться нашей Богине Милосердия, — ответил Фраза.

— Ну, я просто подумал, — смутился Кашел, — может, вы ждете этого от меня...

Он и вовсе потерялся. Кашел никак не мог сориентироваться, как ему вести себя в Каркозе... по крайней мере, пока никто не нападал на него. В этом случае правила поведения были везде одни и те же.

— Трудно представить себе подобное, — возразил Фраза. — Чего хорошего можно добиться, силой заставляя кого-нибудь поклоняться чужим богам?

Он направился к лестнице в противоположном конце зала. Джен кивком пригласил Кашела следовать за ним и добавил:

— Хотя, конечно, если б вы захотели вознести благодарность Богине, мы бы очень обрадовались. Но это должно быть ваше собственное решение.

На лестнице показался бедно одетый серианец, он нес перед собой полированные бамбуковые дощечки, тихо постукивающие друг о друга. Увидев Фразу, он поспешно отступил назад, чтоб дать дорогу хозяину.

— А эти статуи рядом с богиней... — произнес Кашел, оглядываясь назад. Он смущенно умолк, надеясь, что хозяева поймут вопрос, который он не решался сформулировать вслух. Серианцы казались ему очень приличными людьми, и юноша не хотел оскорбить их, как в тот раз, когда назвал дьяволопоклонниками.

— Да, это демоны-стражи, — ответил Фраза. Он стоял уже на верху лестницы. Слуга в рубаше с черной каймой с поклоном отворил перед ним дверь в кабинет, выходивший окнами на порт.

— Видите ли, мастер Кашел, — пояснил Джен, — наша Богиня исключительно благожелательна, она умеет творить только добро. Но столь невинные создания нуждаются в защите, чтобы выжить в этом падшем мире. Именно поэтому Богиню всегда охраняют демоны... так же как мы сами управляем своими кораблями под защитой наших горцев.

— И просим вас о помощи, — добавил Фраза, жестом приглашая Кашела опуститься в одно из низких кресел, окружавших еще более низкий столик. В дверях замер слуга с подносом, на котором стояли чашечки с крошечными крышечками из рисовой бумаги.

После того как юноша осторожно устроился в кресле, Джен и Фраза тоже уселись. Сиденье оказалось жестче, чем казалось на вид, но Кашел вообще больше привык к простым табуретам, чем к креслам — мягким или жестким. Не говоря уж о том, что еще чаще ему приходилось сидеть на корточках...

Мелли легко спрыгнула с его плеча и вприпрыжку отправилась исследовать помещение. Кашел встревожился, увидев, как ее алая шевелюра мелькнула позади лакированной ширмы и скрылась за оконными жалюзи. Ему пришлось сделать себе строгое внушение: в конце концов, Мелли не ребенок и знает, что делает.

Гостеприимные хозяева одновременно взяли чашечки с подноса и подняли их в приветственном жесте.

— Это смесь различных фруктовых соков, — пояснил Джен, — но мы можем принести вам что-нибудь покрепче, если желаете.

— Нет, все в порядке, — поспешно ответил юноша, мучительно решая, куда бы пристроить свои ноги. Не найдя ничего лучшего, он вытянул их перед собой. Оба серианца сидели в креслах, изящно скрестив ноги. Увы, конечности Кашела были не приспособлены к такой акробатике.

На противоположной стене располагались снабженные ставнями окна, выходившие на одноэтажное продолжение фактории. Ставни были распахнуты, и юноша мог видеть отгороженный двор, где расхаживали серианцы и горцы, а также верфь, возле которой стояло на приколе странной формы четырехугольное судно — ничего подобного Кашелу до сих пор видеть не доводилось.

В легком замешательстве юноша прихлебнул из своей чашечки — напиток был прохладный и слегка терпкий на вкус. Скорее приятный, хотя незнакомый оттенок вкуса заронил в его душу сомнение: а не успел ли какой-то из фруктов слегка подгнить, прежде чем попал в руки поваров? Тем не менее Кашел продолжал пить.

— Наше семейство ведет торговлю в Каркозе уже на протяжении пяти поколений, — сообщил Фраза. — И всегда ощущалось несколько враждебное отношение к представителям нашей религии...

— ...или нашей расы, — договорил за него Джен. — Должно быть, проблема в этом.

Кашел промолчал, хотя про себя подумал, что враждебность вполне способна обходиться без разумных причин. Если уж кому-то пришла охота побузить и пошвыряться камнями, то согдится и рыжий, и леворукий, и просто житель соседней деревни. Всякая палка хороша, если хочешь побить собаку.

Фраза сделал легкое движение бровями — другой бы пожал плечами.

— Так или иначе, — продолжал он, — мы всегда минимально контактировали с жителями Каркозы. Обычно мы арендуем здание фактории и храним в нем наши товары, пока местный посредник подыскивает нам покупателей. К сожалению, в этот раз мы застали крайне беспокойную обстановку в городе.

Сидя в кресле, Кашел видел, как Мелли промелькнула на крыше одноэтажного здания и скрылась за водостоком. Однако во дворе ведь горцы...

— Вы знакомы с политикой Каркозы, мастер Кашел? — вежливо спросил Джен.

Юноша покачал головой, не сумев скрыть улыбку. Да он не уверен, что в точности понимает значение этого слова, не то чтобы вникать в тонкости местной политики.

— Поколение назад в результате мятежа к власти в Каркозе пришел граф Ласкарг, — начал объяснять Джен. — Он пользовался широкой поддержкой простого люда, в то время как богачи были, скорее, против него. Назревали проблемы, но Ласкарг сумел втереться в доверие к обоим классам, вместо того чтобы делать ставку на грубую силу.

— Отчасти потому что этой самой силы ему не доставало, — вмешался Фраза. — Придя к власти, граф сильно уменьшил численность гвардии, чтобы его преемник не смог воспользоваться ею для очередного переворота — именно так он сам покончил с графом Хафтским и его женой. Соответственно, не имея серьезной военной поддержки, Ласкарг не мог воспрепятствовать гражданской войне, которая грозила вот-вот начаться.

— Граф был неглупым человеком и понимал: кто бы ни выиграл в результате такой войны, он-то точно проиграет, — продолжал Джен. — Посему он воспользовался испытанным методом — постарался объединить все общество в русле единой ненависти к иностранцам. В частности, к серианцам.

Кашел кивнул.

— Да уж, — сказал он, следя глазами за объявившейся вновь Мелли — она внезапно материализовалась на подносе среди чашек. — Вы-то *иностраннее*, чем кто бы то ни было.

Фея так и закатилась смехом — аж упала на поднос. Фраза и Джен на мгновение застыли, затем улыбнулись, оценив шутку.

Кашел и сам удивился своей смелости. Либо в этом напитке действительно присутствовало *нечто* возбуждающее, либо на него подействовала необычная обстановка последних недель, но парень высказал вслух то, что обычно держал в уме.

— Полагаю, вы правы, — согласился Фраза. — Но так или иначе, а нам здорово повезло, что в столь неприятной обстановке мы повстречали такого доблестного и честного человека, как вы, мастер Кашел.

— Если б мы знали, насколько серьезна ситуация в Каркозе, то никогда бы не рискнули приплыть сюда на «Золотом Драконе», — резюмировал Джен. Он не стал тыкать пальцем в корабль у причала, как сделал бы любой односельчанин Кашела. Нет, он ограничился легким, почти неуловимым движением глаз, кото-

рое, если его продолжить, указывало бы на окно и все, что располагалось за ним. — Вчера, когда мы пришвартовались в порту, здание фактории забросали камнями. Но это не страшно — такое случалось и прежде. Сегодня днем мы с братом вышли, чтобы встретиться с нашим посредником. И, надо думать, без вашей помощи вряд ли вернулись бы обратно.

Оба серианца легко поднялись и преклонила колени, как тогда, перед своей Богиней. От неожиданности Кашел отчаянно покраснел — ему хотелось провалиться сквозь землю.

— Послушайте, — произнес он, вскакивая на ноги. — Я рад, что смог помочь вам — то, что происходило, чистое безобразие. Но сейчас вы оба находитесь в безопасности, и я хотел бы отправиться восвояси.

Он достал кошелек из-за пазухи. Мелли прошла колесом по столу: ее огненно-красные волосы ярко вспыхивали каждый раз, когда фея переворачивалась вниз головой.

— Прошу вас, мастер Кашел, — воскликнул Джен, выражая общую с братом тревогу. — Мы никак не хотели обидеть вас...

— Думаю, было неправильно брать деньги за оказанную услугу, — сказал Кашел, нащупывая сребреники, которые Фраза дал ему на площади у фонтана. — Желаю вам, ребята, всего хорошего, а особо — удачи в делах.

Мелли прикоснулась к его ноге и легко, как перышко, взобралась на привычное место на плече.

— Тебе раньше не приходилось встречаться с серианцами, Кашел, — пропела она ему в ухо. — Необходимо принять во внимание, что раньше они не сталкивались с простым деревенским пастухом. Равно как и с нормальным честным человеком здесь, в Каркозе. Я так думаю, хотя, конечно, положение вещей могло измениться со времени моего последнего визита в столицу.

Нахмурившись, Кашел застыл в нерешительности.

— Обычно мы добираемся до Хафта южным путем, — говорил Фраза. — В тех водах свирепствуют пираты, поэтому мы вынуждены включать в команду горцев. Они не умеют управлять судами, поэтому нет риска, что в пути захватят корабль. К тому же они не предаются долгим раздумьям, если можно убить пиратов...

Едва уловимая улыбка появилась у него на губах:

— ...или съесть их.

Кашел задумчиво кивнул. Он пока не понимал, куда клонит серианец, но время позволяло — почему бы не выслушать до

конца? Единственное, что его волновало, так это кошелек в руке, — парень чувствовал себя с ним глупо. Он судорожно повел плечами и засунул его обратно за пазуху.

— Здесь же, в Каркозе, у нас нет защиты за стенами фактории, — поддержал брата Джен. — Мы очень надеемся быстро закончить дела с нашим посредником и избавить себя от лишней прогулки по городу. Но знать наверняка мы ничего не можем. Мастер Кашел, если даже ваше вмешательство больше не понадобится, одно только присутствие такого честного и благородного человека, как вы, облегчит нашу задачу. Пожалуйста, не покидайте нас! И позвольте заплатить, как договаривались, за спасение нашей чести.

Кашел переводил взгляд с одного брата на другого. Они были похожи, как два демона у входа. Хотя как сказать... Здесь, пожалуй, роль демона отводилась ему самому.

— Если хочешь мое мнение, то мне здесь нравится, — поддала голос Мелли. — Не настолько, конечно, чтоб остаться надолго... Но хозяева стараются быть милыми — и к тому же они не держат кошек.

Фея хихикнула.

Кашел снова вспомнил горцев. Ну и пусть, он сумеет быть охранным демоном для Мелли внутри фактории, так же как для братьев-серианцев — за ее пределами.

— Не знаю, что это нашло на меня, — пробормотал он, опустив глаза. — Я ведь уже ответил вам согласием и не стану нарушать слова. Простите меня, господа. Я останусь с вами, пока того требуют торговые дела.

Улыбающиеся Фраза и Джен поклонились, в то время как Мелли довольно прильнула к шее своего друга.

21

Ощувив какое-то движение, Шарина внезапно проснулась. Она подумала, что, должно быть, это поднимается Ноннус.

Но отшельника уже не было рядом, а движение, которое ощутила Шарина, оказалось непривычным креном челнока. За то время, что она спала, ветер наконец сменился и теперь дул с севера.

Отшельник стоял возле мачты, освобождая фал. Азера и Медер, тесно прижавшись друг к другу, сидели на корме и глядели

на Ноннуса широко открытыми, испуганными глазами. Они напомнили девушке парочку сурков, пытающихся спрятаться от парящего ястреба. Они не предлагали свою помощь отшельнику, да он, пожалуй, не нуждался в ней и вряд ли принял бы.

Шарина понимала причину страха аристократов — Медер смухлевал с ветром. И хотя ее сердце трепетало от долгожданной перемены погоды, все же девушка стыдилась, что не остановила колдуна.

Она пробралась к Ноннусу. Тот вполне мог обойтись без ее помощи, но Шарина, по крайней мере, ничего не испортит, поскольку знает, что делать. Фал проходил через один блок, укрепленный на топе¹ мачты. Девушка изо всех сил держалась за рею обеими руками и помогала поднимать мокрый парус, пока Ноннус с усилием тянул веревку. Как минимум, она ослабит напряжение, приходившееся на мачту.

Под действием ветра парусина начала расправляться, отряхивая на Шарину сотни мельчайших соленых брызг. Рея постепенно поднималась, и девушка отступала назад. Держался легкий, но устойчивый ветерок.

— Погода не совсем такая, как я ожидал, — послышался голос отшельника из-за мокрого занавеса паруса. Он нагнулся, чтобы закрепить парус у основания мачты. — Ну что ж, выбирать не приходится. Этот ветерок послужит нам, пока будет дуть, а когда окончится... придется ждать настоящего норда.

Шарина проползла под нижним концом паруса. Небо выглядело заметно светлее, хотя солнце еще не взошло. Линия горизонта терялась в зловещей тьме.

Азера держала румпель, Медер прятался за ней.

— Доброе утро, мастер Ноннус, — произнесла госпожа прокуратор, когда отшельник пришел сменить ее на вахте. Обычно аристократы молча пробирались на нос судна, стараясь не столкнуться со стариком. Но сегодня они, похоже, вообще не намеревались покидать корму.

— Доброе утро, госпожа и господин, — подчеркнуто вежливо ответил Ноннус. — Мне нужно занять место на корме, чтобы управлять парусом.

Судорожно сглотнув, Медер поднялся и на неверных ногах направился вперед. Он старался не встречаться взглядом с от-

¹ Топ (мор.) — верхний конец всякого рангоутного дерева на судне.

шельником. Азера выпустила из рук румпель и поспешно проговорила:

— Да, конечно.

Она поднялась, стараясь сохранять достоинство, однако Шарина видела, как напряжена ее спина.

Сундучок Медера по-прежнему лежал на дне лодки под сетью, но девушка заметила, что местоположение его несколько поменялось по сравнению с тем, когда в полночь колдун занял свое место на корме. Она сочла за благо промолчать, тем более что Ноннус окинул все острым взглядом, но не сказал ни слова.

Очень может быть, что солнце сегодня утром взойдет на западе...

Отшельник закрепил перекадину паруса в нужном положении, освободил румпель и при помощи руля медленно поменял курс челнока. Они заметно завалились на правый борт. Шарина взялась за лини¹, прикрепленные к нижнему концу паруса, и очень осторожно сгладила образовавшийся угол. Грубое изменение грозило опрокинуть их неуклюжую лодку.

В этот момент раздался голос Ноннуса:

— Я вижу следы крови на корме, Медер!

— Я порезался, — откликнулся колдун из-за паруса. — Порезал руку осколком, вот и все!

Шарина отвернулась, чтоб скрыть смущение. Ей было очень стыдно за свое бездействие минувшей ночью. Сейчас, когда все вскрылось, она боялась, что Ноннус обвинит ее в попустительстве.

— Ноннус... — начала она.

Справа по борту мелькнуло что-то белое. Девушка бросилась туда, вцепившись в борт и глядя во все глаза. Нет, это была не иллюзия и не спящие на волнах чайки!

— Земля! — закричала Шарина. — Земля по правому борту! Смотри, Ноннус, земля!

Отшельник вскочил на планшир и перегнулся через борт. Держаться ему было не за что, но он вытянул назад свой посох в левой руке, создав таким образом противовес. Так он балансировал, приводя в ужас Шарину.

Затем, ни слова не говоря, прыгнул обратно на корму и еще больше развернул парус.

¹ Линь, линек (*мор.*) — корабельный трос толщиной меньше одного дюйма.

Азера и Медер на корточках проползли под парусом и тоже приблизились к борту. На их лицах застыла смесь страха и робкой надежды.

— В самом деле земля? — выпалил Медер.

— Похоже, что так, — ответил Ноннус. Он взялся за шкот¹, опередив Шарину. — Хотя в этой части моря не должно быть никакого острова.

Азера так и вскинулась.

— Как можно быть в чем-либо уверенным? — накинулась она на отшельника. — Тем более в нашем случае? Небо затянуто тучами с того самого момента, как мы покинули Тегму.

— О да, Тегма, — с сарказмом повторил Ноннус. Он передал лини девушке. — Уверяю вас, госпожа прокуратор, я знаю, где мы сейчас находимся. А также знаю, что Тегма сама по себе, без вмешательства колдовства, не поднялась бы со дна морского.

— Я здесь ни при чем! — вскричал Медер. — Я ничего для этого не делал!

— Полагаю, сейчас это уже неважно, не правда ли? — откликнулся отшельник. Он закреплял парус, придерживая румпель левой рукой.

— Я не делал этого, — вновь прошептал колдун, но взгляд, которым он обменялся с Азерой, ставил под сомнения его слова.

22

Воздух в гробнице был сухим и горячим. Теноктрис прохаживалась по комнате, держа перед собой свою веточку, и пламя черной свечи колебалось в такт ее шагам. Оно было теперь ярким, бездымным и без всякого отражения поглощалось темными, унылыми стенами склепа.

Наконец старая колдунья уселась, как всегда скрестив ноги. Она с отвращением бросила взгляд на останки купца. Бедняга лежал на спине, тело его было рассечено от таза до самого горла, черты лица искажены ужасом. Все члены уже свело трупным окоченением. Гаррику уже доводилось видеть такое раньше: как-то

¹ Шкот (*мор.*) — снасть, идущая от нижнего угла паруса и служащая для растягивания последнего и управления им.

раз, еще в Барке, бык, озверевший от укуса слепня, вспорол рогами живот несчастному Заки ор-Меслию.

Руки Бенлоу были широко раскинуты, в правой по-прежнему оставался магический атам.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросил Гаррик, застывший на нижней ступеньке гробницы.

— Возможно, — обернувшись, откликнулась Теноктрис. — Но это может быть очень опасно. И решение принимать тебе.

— Что ж, рискнем, — проговорил юноша, не двигаясь с места.

— Позволь сначала объяснить тебе, — настойчиво сказала колдунья. — Несчастье произошло из-за того, что Бенлоу по ошибке открыл не ту дверь. Через этот проход явился демон, неуязвимый на нашем плане. Именно он-то и убил горе-волшебника. Затем демон вернулся и забрал с собой его дочь.

Гаррик молча смотрел в глаза Теноктрис. Если старуха чувствует потребность что-то объяснить, что ж, он внимательно выслушает ее. Возможно, это действительно прибавит ему понимания и поможет справиться с предстоящей работой. Так или иначе, спорить с колдуньей означает лишь откладывать неизбежное.

Однако если б это зависело только от Гаррика, он отмел бы все ее доводы как несущественные. Юноша уже принял решение.

— В принципе, если я знаю имя демона, — продолжала Теноктрис, — то могу попасть на уровень, где он обитает. Бенлоу использовал грубую силу, и немалую, чтоб открыть эти врата. Мне бы не хватило энергии для подобного деяния, но я в состоянии открыть *заново* уже созданный проход. Если действовать быстро и грамотно.

Ее прутик потянулся к лужице крови, которая медленно растекалась по полу склепа. За те несколько секунд, которые прошли со времени их появления, слово «Стразедон» уже несколько расплылось, но все еще сохранялось, написанное рукой Бенлоу. Гаррик боялся прочесть его вслух, опасаясь вызвать непонятную и опасную сущность.

— Так вы говорите, — спросил он с содроганием, — что этот демон неуязвим?

Он сжал руки, чтобы остановить невольную дрожь нетерпения. Он сознавал, что должен бояться, но все чувства юноши сводились к неодолимому желанию действовать. Он ощущал потребность двигаться, что-то делать и так или иначе *покончить* с этим — даже если это будет означать его собственный конец.

— *Здесь, у нас он неуязвим. На его собственном плане Стра-
зедона можно убить, — произнесла Теноктрис, едва уловимо улы-
баясь. Она давала понять, что на имени демона не лежит табу. —*
Но, Гаррик, тигра тоже можно убить в его джунглях... Однако это
трудное и опасное дело. Не меньшая опасность связана со Стра-
зедоном.

— Неважно, — покачал головой юноша. — И дело тут вовсе
не в Лиане, госпожа. Поверьте, я сказал бы то же самое, если б на
ее месте был сам Бенлоу. Я просто не могу уйти восвояси и оставить
человеческую жизнь в руках чудовища, которое совершает...

Он мотнул подбородком в сторону трупа.

— ...подобные вещи.

— Отлично, — кивнула Теноктрис. — Но я была обязана пре-
дупредить тебя.

Она попыталась вытащить атам из руки Бенлоу. Ей пришлось
изрядно потрудиться, прежде чем кинжал выскользнул из окочен-
невших пальцев.

— Убери, пожалуйста, его с дороги, — решительно приказа-
ла она юноше. — Если нам посчастливится выжить, тогда мы
сможем заняться останками.

Гаррик оттащил тело в дальний угол склепа. Теноктрис об-
макнула атам в застывающую кровь и принялась тщательно об-
водить магические слова, написанные на полу Бенлоу.

— Хорошо, что ты умеешь читать на Старом Письме, —
заметила она. — Для данного заклинания необходимы два голо-
са. Думаю, именно поэтому купец притащил сюда дочь. Если б
он только знал, чем все закончится...

Она не договорила, да в этом и не было нужды — все и так ясно.

Гаррик гадал: необходимо ли использование крови для уси-
ления магического заклинания или колдунья берет то, что лежит
под рукой. Вообще-то в характере старухи присутствовал некий
прагматизм, который коробил юного деревенского жителя.

Еще немного крови пошло в ход.

— Должно быть, Бенлоу самостоятельно изготовил кинжал, —
пробормотала колдунья. — Удивительно, насколько для этого под-
ходит железо. Оно является идеальным материалом, если вы
обладаете силами связать его, как это сделал Бенлоу. Но в своем
неведении он задействовал такой пучок энергии, что даже я не
могу его распутать. Неудивительно, что это привело его на оши-
бочный план!

— Так вы не можете использовать его атам? — спросил Гаррик. Наблюдая за действиями колдуньи, он поймал себя на том, что судорожно сжимает челюсти. Юноша боялся невольно озвучить написанное заклинание с непредсказуемым эффектом.

— Ничего, я воспользуюсь моим прутиком, — бесстрастным тоном отозвалась колдунья. — Безопаснее всего нейтральный атам. Здесь сконцентрированы такие силы, что только сумасшедший или безрассудный невежда выбрал бы инструмент, действующий как усилитель.

Склонившись, она нарисовала на полу два концентрических круга, составленных из слов на Старом Языке. Причем расположила их между собой и тем местом, где стоял Гаррик. Указав на них острием атама Бенлоу, уточнила:

— Ты можешь прочесть это?

— Да, госпожа, — кивнул Гаррик.

— Хорошо.

Теноктрис не без труда поднялась и проинструктировала юношу:

— Пока я стою во внешнем круге, я буду читать слова сама. Как только я перейду во внутренний — читай заклинание вместе со мной. Придерживайся того ритма, который я задам изначально. Понятно?

— Да, госпожа, — повторил Гаррик. Он изготовился и слегка подобрался, будто собирался нырнуть с высокого утеса.

— Когда портал откроется, мы шагнем туда вместе, — пояснила колдунья. — И не медли. Ты все понял?

— Да, госпожа. — Она не оставляла Гаррику выбора. Будь что будет!

— Ну что ж, — слегка улыбнулась Теноктрис. — Я начинаю.

Касаясь веточкой поочередно написанных символов, она принялась читать заклинание:

— *Аноч ай акраммачамари...*

Голос ее был звонким и неумолимым, как звук топора трудолюбивого лесоруба.

— *Лампсуэр ламиир ламхоре...*

Колдунья перешла во внутренний круг. Подхватывая заданный ритм, Гаррик присоединил свой голос к пению Теноктрис.

— *Йао барбатиаот абланатаналба!*

В воздухе появился луч красного света — больше всего он напоминал железо в кузне. Женщина протянула руку и крепко взяла Гаррика за правое запястье.

— *Гаррик...* — голос Лианы донесся, казалось, с другого конца вселенной.

Рука об руку Гаррик и старая колдунья шагнули прямо в красный луч.

23

Илна увидела толпу на улице перед «Красным Быком». Что-то случилось, и это что-то напрямую касалось Гаррика. Девушка почувствовала, как ослабели у нее ноги, она споткнулась — впервые с тех пор, как вышла из «Приюта Капитана».

Она покончила со своими обязанностями в гостинице, касающимися комнаты и кухни: все цыплята умерщвлены, ошипаны и подготовлены для завтрашнего обеда. Повар был приятно удивлен скоростью и качеством ее работы, хотя сама Илна пожурила себя за несколько пропущенных в спешке перышек.

Хотя никто больше не имел претензий к девушке, для Илны ос-Кенсет это было неважно. Довольно и того, что *она* сама знала.

Она, конечно, предпочла бы отправиться в «Красный Бык» вместе с Гарриком и Теноктрис. Но те, будучи в неведении о ее намерениях, вышли незадолго до того, как девушка справилась с работой. Если б она попросила, друзья, конечно, подождали бы ее, но не в характере Илны было чувствовать себя обязанной даже самым близким людям. Поэтому она вышла попозже, без фонаря и провожатых. Сплетение узких улочек любому другому показалось бы в таких условиях непроходимым лабиринтом, но память Илны была натренирована воссозданием сложнейших узоров на ткацком станке.

Для потрошения цыплят девушка пользовалась собственным ножом с костяной ручкой, чье стальное лезвие истончилось за долгие годы службы. Перед выходом из гостиницы «Приют Капитана» Илна, чтоб заточить его, провела пару раз ножом по мягкой известняковой притолоке кухни.

Сейчас она решительно протолкалась через толпу. Люди смотрели в сторону кладбища и возбужденно переговаривались между собой. Некоторые, что посмелее, даже взобрались на кладбищенскую стену, хотя предусмотрительно сохраняли пути к отступлению. Ничего не говорило о том, что Гаррику нужна помощь...

И все же Илна знала, чувствовала, что это так.

Охранники Бенлоу стояли подле стены и тихо обменивались тревожными замечаниями. Похолодевшая Илна подошла к одному из них.

— Мастер Ральд, — обратилась она, — а где Гаррик?

Мужчина инстинктивно потянулся к мечу, которого почему-то не оказалось на месте, и лишь потом оглянулся, чтоб посмотреть, кто его окликает. Наверное, его напугал не слишком ласковый тон девушки, но, видят боги, ей сейчас было не до вежливости.

— Простите меня, госпожа, — пробормотал Ральд в смущении. За время совместного пути стражники успели узнать и зауважать Илну. Он мотнул головой в сторону освещенных луной склепов. — Они со старой госпожой там. И Бенлоу с дочерью, я полагаю.

— В таком случае почему вы здесь? — резко спросила девушка. — Что случилось?

Ее подмывало прямо сейчас перебраться через стену, но прежде следовало разузнать все, что можно, здесь. Илна привыкла обдумывать будущий узор еще до того, как нарезать нити. Тот, кто решал все на ходу, по ее мнению, был плохим мастером.

— Вскорости после того, как ваш друг перебрался через стену, там возник свет... ну, вроде вспышки, — рассказывал Ральд. — Но это была не молния. И он выглядел таким... таким красным, как...

Красным, как кровь.

Хотя охраннику удавалось сохранять невозмутимый тон, на перекошенном лице было написано крайнее смущение. Даже без холодного негодования Илны парень наверняка знал, что следовало презреть хозяйский приказ и последовать за ним на кладбище. Однако если твой хозяин колдун, то чтобы его послушаться, требуется побольше мужества, чем встретиться лицом к лицу с вооруженным противником...

— Мы слышали какие-то вопли, — вмешался второй охранник, избегая взгляда девушки. — Возможно, это был кто-то из них. И еще — очень громкие голоса.

— Кто-нибудь сходил посмотреть, что произошло? — спросила Илна. — Кроме Гаррика, я имею в виду.

Второй охранник повернулся и встретил ее холодный взгляд.

— Нет, — сказал он. — Таких дураков не нашлось. Может, при дневном свете кто-то и решится, но это точно буду не я. И оттуда никто не выходил.

— Ну что ж, настало время хоть кому-то показать себя мужчиной, — презрительно бросила девушка. Она схватилась обеими

ми руками за стену и поставила правую ступню в щель между вторым и третьим рядом кирпичей.

Кто-то из стражников, возможно, Ральд, пытался помочь ей, но девушка в ярости пнула его ногой. Подтягиваясь и нащупывая босыми ногами выемки на стене, она достигла вершины, а затем и вовсе исчезла за кирпичной кладкой. За ее спиной раздавался взволнованный гул. Те, что стояли поближе, пересказывали происходящее задним рядам. Тем не менее никто не последовал за девушкой. Отойдя на тридцать шагов, она почти перестала их слышать — голоса зрителей слились с жужжанием насекомых и криками ночных птиц.

Илна шла, следуя невидимой тропинке. Если б ее спросили, она не смогла бы ни описать ее, ни объяснить. Тем не менее она ни минуты не сомневалась. Увы, света ее вера не прибавляла. Поэтому девушка то и дело спотыкалась и проваливалась в разрытые могилы, но продолжала идти, не останавливаясь. Камни никогда не были ей друзьями, но и помешать они не смогут.

В некий момент Илне показалось, что она слышит какие-то звуки. Девушка остановилась, прислушиваясь. Это были не голоса, во всяком случае, не человеческие голоса... Больше всего этот пульсирующий ритм напоминал звук прибоя в гулкой пещере.

Девушка шагнула под ветви кедра, и тут же послышалось хлопанье крыльев. Илна в страхе присела. Но затем сообразила, что это всего-навсего голуби, потревоженные ее появлением.

Ее кухонный нож хранился в футляре из бедренной овечьей кости, который она засунула за пояс. Однако больше, чем нож, ее успокаивала веревка на поясе. Это был недоуздок, который она подобрала в Строне. Она не могла придумать ему никакого особого применения, кроме как держать в руках перед собой... Но почему-то это успокаивало Илну.

Она приблизилась к двум склепам контрастного цвета. На одном из них — том, что справа, виднелись свежие цветы — напоминание о недавних похоронах. Дверь второго, более темного, склепа была полуоткрыта. Из-за нее пробивался свет свечи и слышались приглушенные голоса.

Илна шагнула ко входу. Свет бился и пульсировал, подобно сердцу вулкана. Девушка толкнула дверь и успела увидеть силуэты Гаррика и Теноктрис на фоне ослепительно-красного луча. Бенлоу лежал на полу мертвый, Лиана исчезла.

Взявшись за руки, Гаррик с колдуньей шагнули в горящие ворота, которые постепенно начали съезживаться и меркнуть.

Должно быть, они отправились вслед за Лианой. Гаррик пошел за Лианой!

«Она не получит его», — сказала себе Илна и прыгнула в эту адскую дверь, за которой скрылись ее друзья.

24

Невысокие волны набегали на берег и скользили по пологой отмели, пенясь на неровностях ландшафта.

— Внешнее Море всегда такое спокойное? — спросила Шарина.

На гребне одной из таких волн их челнок въехал на берег и застыл, как прибрежный валун. Ноннус обмотал швартовы вокруг двух кольев, вбитых в скалу. Четверка не очень сильных людей вряд ли смогла бы втащить тяжелый челнок на безопасное расстояние на берег. Поэтому приходилось придумывать другие способы обезопаситься от нежеланного вмешательства ночного отлива.

Пыхтя от напряжения, отшельник ответил на вопрос девушки:

— До сегодняшнего дня, дитя мое, я никогда не видел его таким тихим. Вообще нынешнее путешествие открыло мне много нового.

Азера и Медер тем временем перетаскивали свои личные вещи подальше от воды — вверх по берегу, где они решили разбить лагерь. Остров представлял собой сплошную скалу, около полумили в диаметре и всего пятьдесят футов над уровнем моря в своей верхней точке. Путешественники пока не успели его исследовать, но Шарина слабо верила, что им удастся найти здесь источник свежей воды. Прибрежные скалы были обильно облеплены усонгим рачком и различными водорослями — видеть, волны постоянно омывали здешние берега, обеспечивая процветание морской флоре и фауне.

Но это было и все: ни кустов, ни деревьев, ни тем более сухопутных животных на острове не наблюдалось. Даже насекомые, казалось, отсутствовали. Правда, во влажных ложбинках ползали крабы, угрожающе щелкая клешнями при виде людей.

Их ярость мало впечатлила Шарину — они всегда стараются напугать, — скорее напомнила вечно недовольную и брюзжащую

мать, оставшуюся в далекой Барке. Этим злюкам предстояло внести разнообразие в рыбно-крупяное меню путешественников.

— Ты имеешь представление, где мы находимся, Ноннус? — спросила девушка, невольно понизив голос. Напрасная предосторожность: аристократы находились достаточно далеко. Ей пришлось бы сильно повысить голос, чтоб докричаться до них.

Отшельник со вздохом покачал головой.

— Такого мне не приходилось раньше видеть, — признался он. — Сплошная скала, но не вулканического происхождения. И невероятная глубина моря, в некоторых местах до тысячи фатомов¹, а кое-где — и еще глубже.

— Но мы, по крайней мере, на том свете, где жили прежде? — допытывалась Шарина. Она с опаской вспоминала Тегму и небо, которое распахнулось над головой сразу за рифами.

— О да, — рассмеялся отшельник. — Течения нормальные, вода на вкус такая же, как всегда. Солнце встает там, где полагается, и даже чайки нисколько не изменились с тех пор, как таскали мой улов во времена давних морских путешествий. Единственная неправильность — это остров, появившийся там, где ему не полагалось существовать.

Скала была гладкой и скользкой на ощупь, как галька, обкатанная за тысячелетия приливов и отливов. Единственной отличительной особенностью местного ландшафта являлись широкие впадины и лошинки в несколько футов глубиной, которые мозаичной сеткой покрывали куполообразную поверхность острова. На этой части побережья Шарина не видела привычной гальки. Такое впечатление, что под ногами была единая рыже-коричневая масса.

— Здесь все такое древнее, — тихо сказала она. И действительно, груз минувших тысячелетий ощутимо давил ей на плечи. В Тегме чувствовалось нечто чуждое, этот же остров был просто *старый*.

— Да, — откликнулся Ноннус. — Но старился он не здесь.

Особо сильная волна снова захлестнула берег, замочив ступни Шарины до самых щиколоток, брызги долетали аж до колен. Та же самая волна, ударив в челнок, заставила его дрожать, но киль прочно стоял на земле.

¹ Фатом — морская сажень — единица длины в английской системе мер, равная 6 англ. футам или 1,83 м.

— И мы с тобой, дитя, не собираемся стариться здесь, — добавил отшельник. — Я вовсе не против снова почувствовать твердую почву под ногами, но если ветер сохранится, на рассвете мы отплываем.

Он посмотрел в море, затем, поднеся ладонь козырьком к глазам, оглядел вершину острова, возвышавшуюся на востоке. Азера со своим соратником, похоже, решили добраться до самого верха. Они карабкались, периодически оскальзываясь на гладкой скале и мокрых водорослях. Иногда попадались особо глубокие трещины, где стояла морская вода.

— Я поищу плавник, — предложила девушка. — Будет совсем неплохо погреться у костра.

— Да... — медленно кивнул Ноннус. Так соглашаются, когда не ждут успеха мероприятия, но и особого вреда от него не видят. — А я исследую водоросли, думаю, кое-какие из них съедобны.

Он снова бросил взгляд на вершину холма — с мрачной усмешкой, к которой Шарина за время путешествия успела уже привыкнуть.

— Скорее всего, их вкус не понравится нашим товарищам, но есть придется, если они хотят сохранить свои зубы во рту, а не на платочке.

Он посмотрел на девушку и добавил:

— А еще я хочу построить маленький алтарь, чтоб вознести благодарность Госпоже за наше спасение.

— Ноннус, — окликнула его Шарина, — а где мы с тобой расположимся?

— А вот, сразу за линией прибоя, — ответил тот, кивнув в сторону пустынного берега. — Думаю, пятидесяти футов будет достаточно. Вообще-то я закрепил швартовы достаточно надежно, но наша лодка весит тонны, а море не лишено чувства юмора. В особенности *это* море...

И он погладил большим пальцем ноги гладкий камень.

Опустившись на корточки, Шарина принялась за поиски топлива для костра. Еще подплывая к острову, она обратила внимание на отсутствие плавника или другого привычного мусора на берегу. Но ведь могла же какая-нибудь ветка или кусок ствола завалиться в одной из ложбинок. Кроме того, ей было просто приятно снова побродить по твердой земле после долгих дней в плавании.

— Дитя мое! — послышался голос Ноннуса.

Девушка обернулась.

— Прошу тебя, будь осторожна, — сказал старик. — Думаю, на рассвете мы покинем остров, независимо от ветра. Здешняя земля не принадлежит нам. А мы ей...

Они обменялись улыбками, но отшельник при этом не снимал ладони с рукоятки своего пьюльского ножа. Так же, как Шарина не выпускала из рук топорика, который подобрала на Тегме.

25

На красном небе горело красное солнце. Жара стояла такая, что Гаррик припомнил сенокос в прошлом августе. Действительно, похоже. С той только разницей, что в воздухе не ощущалось запаха сена. Вернее сказать: вообще никаких запахов.

Гаррик потрогал рукоятку позаимствованного меча. Она была сделана из орехового дерева с неглубокими бороздками для пальцев и сохраняла приятную температуру. Но вот головка рукоятки и крестовидная гарда¹ из посеребренной бронзы уже изрядно нагрелись на этом черном солнцепеке. Если так дальше пойдет, к ним скоро невозможно будет прикоснуться. Сам удивляясь своей предусмотрительности, юноша вытянул из-за пояса складки туники и накрыл ими эфес, чтобы предохранить металлические части от излишнего нагревания. Теперь в случае необходимости он сможет смело схватиться за меч. И, возможно, это спасет жизнь ему и Теноктрис...

Гаррик почувствовал, как некто на заднем плане его сознания удовлетворенно кивнул. О, кто-кто, а уж этот человек был хорошо знаком с оружием.

— Здесь всегда так, госпожа? — спросил юноша. Он вновь оглядел пустынный пейзаж вокруг — одни только черно-красные тени. Ни движения, ни ветерка, ни звука. Если не считать его собственного голоса. — Именно здесь обитают демоны?

— Здесь обитает Стразедон, — поправила его Теноктрис. — Что касается других демонов... Гаррик, никто до нас не ставил таких опытов. Во всяком случае, никто не вернулся назад, чтоб составить описание своих путешествий.

— Ясно, — кивнул юноша. — В конце концов, это не имеет значения.

¹ Гарда — металлический щиток выпуклой формы на рукоятке шпаги рапиры или меча.

Колдунья устроилась на земле и принялась рисовать своей самшитовой веточкой символы. Почва здесь представляла собой разогретую смесь песка и глины. Когда жар просочился сквозь огрубелую кожу подошв, Гаррик инстинктивно передвинулся в более темное место — предыдущий жизненный опыт подсказывал ему, где искать прохладу.

И был наказан. Ему показалось, будто он ступил на горячие угли. С воплем Гаррик отпрыгнул обратно, на красную колеблющуюся от жара почву.

Прежние инстинкты могли сослужить плохую службу здесь. Они могли даже убить.

Теноктрис тем временем нарисовала схематическую фигурку человека, в центре которой поместила незнакомый символ. Теперь она заключала ее в круг, образованный словами на Старом Языке.

Юноша снова огляделся по сторонам. Пейзаж выглядел малопривлекательным, но не столь уж необычным, если бы можно было поменять свет и тьму местами. Дикая земля — в основном изъеденные сухью холмы, вздымавшиеся на сотни футов под красным небом.

Растительность полностью отсутствовала, равно как и животный мир. Но куда бы ни посмотрел Гаррик, боковым зрением он улавливал едва уловимые движения. Это нервировало юношу, он не спускал руки с покрытого туникой эфеса меча.

Теноктрис покончила с надписью и с едва заметной улыбкой подняла глаза на своего юного спутника.

— Думаю, нужно подождать несколько минут, прежде чем читать заклинание, — сказала она. — Полдень — самое лучшее для этого время. И он почти наступил.

Гаррик оттянул пропотевшую тунику на гуди, чтоб хоть чуть-чуть охладиться, и попытался улыбнуться старой колдунье в ответ. *Хотел бы я, чтоб у меня на голове была шляпа... на этом солнцепеке.* Юноша поймал себя на том, что старается думать о чем угодно, лишь бы отвлечься от настоящих проблем.

— Заклинание должно привести нас к Стразедону? — спросил он, невольно вспоминая, чем закончилась эта попытка для Бенлоу.

Да и как уберечься от демона? Исковерканный пейзаж не оставлял для этого возможностей. Долина, в которой они находились, пересекалась дюжиной рвов. Они вели во все стороны, и в каждом из них мог притаиться демон или любое чудовище.

Ярко-красные тени пересекали расселины шириной в несколько ярдов — поди узнай, где сидит враг!

Помнится, Бенлоу кричал, но не очень долго.

Теноктрис покачала головой.

— Стразедон присутствует во всем, что мы здесь видим. Он везде и нигде, — пояснила она. Колдунья подобрала щепотку песка и струйкой просыпала его меж пальцев. — Я собираюсь найти Лиану, поскольку она нечто конкретное в этом безликом однообразии, что нас окружает.

Женщина оглянулась.

— Все это... — она грустно усмехнулась собственным мыслям. — Все это кажется мне потрясающим. Я и не мечтала увидеть подобное. Здесь сосредоточено столько Силы, что она... *затвердела*.

Она развела руки, как бы желая обхватить невидимую стену.

— Сила здесь чистая, в своем изначальном виде, — продолжала она. — Не то что спутанный клубок на нашем плане — том, что ты называешь реальным миром. И в ее небывалой интенсивности наш шанс. Именно это может нас спасти: мощь Стразедона мешает ему работать, пробиваться *сквозь* саму Силу.

Гаррик чувствовал, что горло у него пересохло, губы тоже потрескались — так, что трудно говорить. Но все же он спросил:

— Так вы считаете, здесь нет того демона, с которым столкнулся Бенлоу? Который убил его? Мы просто найдем Лиану и вернемся с ней обратно?

— Демон есть, — охладила его пыл Теноктрис. — И пока он жив, он не отдаст нам девушку.

Она замолчала и предостерегающе подняла свободную руку.

— Время настало, — произнесла колдунья. Отрешившись от собеседника, она стала водить своей палочкой и шептать заклинание.

Гаррик кивнул, снова нащупав рукоятку меча. Он замер в ожидании.

В центре нарисованного круга раздался щелчок, будто сук треснул в костре. Появился всплеск белого света. Он стал расширяться — сначала медленно, затем с нарастающей скоростью. Так катится камень по голому утесу, все убыстряя свой бег по направлению к волнующемуся внизу морю. Дорожка огня побежала по земле, стала подниматься на холм с плоской вершиной и там скрылась из виду. Созерцание этого чистого огня странным образом успокоило нервы юноши, до того натянутые до предела.

— Ну так вперед, — вслух произнес Гаррик. Он помог Тенотрис встать с земли. Склон, по которому им предстояло подниматься, был довольно крутым. Но трещины и разломы создавали некое подобие ступенек. Так что можно было идти.

Внезапная мысль поразила Гаррика. Он в беспокойстве огляделся и спросил:

— Госпожа? Но дверь, через которую мы прошли... она ведь не видна отсюда! Как же мы попадем обратно?

— Сейчас наша задача — справиться со Стразедоном, Гаррик, — ответила колдунья. — В противном случае дверь будет нам не важна.

26

После полуночи на улице перед серианской факторией стала собираться толпа. Она росла с каждой минутой, подобно ночному цветку, который раскрывает свою чашечку с наступлением темноты. В ворота полетело несколько камней, но большей частью местные жители просто бродили поблизости и наблюдали за домом с терпением кошки, занявшей позицию у мышиной норки.

— Лучше бы вашему посреднику явиться сюда в дневное время, — тяжело вздохнул Кашел. Убийцы обложили его стадо со всех сторон, а он ничего не мог сделать.

Фраза легко пошевелил мизинцами, что должно было символизировать пожатие плечами у обычных людей.

— Таково решение Темо, — сказал он. — Он прожил здесь двадцать лет, и есть надежда, что он лучше нашего разбирается в ситуации.

— Он находился в Каркозе еще во время Невзгод семнадцать лет тому назад, — поддержал его брат. — Нам остается только надеяться.

Мелли болталась по крыше под окнами, то ныряя в водостоки, то снова появляясь в нескольких футах от того места, где Кашел видел ее в последний раз. Он никак не мог привыкнуть к беспечности, с которой фея относилась к опасностям. Но его беспокойство, как и многое, оставалось в душе, не находя вербального выхода.

— Этот человек, с которым вы ведете дела в Каркозе, не местный? — спросил он вслух. Его не покидало странное чув-

ство, будто он стоит на плоской крыше и сверху вниз смотрит на остальной мир. В его родной Барке дома имели остроконечные, большей частью соломенные крыши. Даже совсем древний шифер на мельнице был уложен под крутым углом — струйки дождя стекали с нее в большую кадку, откуда Илна обычно брала воду для полоскания наиболее нежных тканей.

— Раньше мы пользовались услугами двух посредников, — пояснил Фраза. — Второй, Сидрас ор-Морр, был коренным столичным жителем.

— Он казался честным человеком и в прошлом вполне нас устраивал, — сказал Джен. — Но в нынешних условиях мы решили остановить свой выбор на Темо ор-Касмоне. Он сам с Орнифала, его семья и сейчас проживает там. Мы посчитали, он будет меньше подвержен местным страстям.

— А что, на Орнифале не так настроены против дьяволопоклонников? — нахмурился юноша.

Лицо Джена на мгновение застыло, затем на нем расплылась сама широкая улыбка, которую довелось видеть Кашелу.

— Видите ли, уважаемый мастер, — вступил Фраза, — в сложившихся обстоятельствах я бы не поручился за честность даже серианца, не принадлежащего моему семейству. Но мы решили вести дела с человеком, не являющимся верноподданным графа Ласкарга.

У Кашела были серьезные сомнения в том, что кто-то испытывает по-настоящему верноподданнические чувства к графу Ласкаргу. Так же, впрочем, как и в ответственности самого графа за своих горожан. Похоже, больше всего он беспокоился о собственной шкуре. Теноктрис сказала как-то, что внешние силы развалили нынешнее общество, но Кашел считал: никто и ничто не может сделать человека злым или слабым. Внешние обстоятельства могут только открыть дверь подобным качествам, если они существуют в душе человека.

Эти горожане под стенами фактории — с камнями в руках и слепой ненавистью в сердцах — были жертвами собственного выбора, а вовсе не чьего-то колдовства. Кашел при помощи посоха весьма недвусмысленно выразил свою позицию в отношении тех, кто вымещает зло на чужестранцах. Судя по всему, урок придется повторить.

Широкая Портовая улица сохранилась еще со времен Старого Королевства. Здания на противоположной стороне улицы были

значительно выше факторий. Если толпа на улице не могла различить Кашела и серианских торговцев на фоне темного неба, то немногие люди на крышах зданий напротив легко могли их разглядеть.

— Черномазые свиньи! Свиньи! — завопила вдруг молоденькая девица и швырнула осколок черепицы. Он не пролетел и половины назначенного пути и шлепнулся посреди уличной толпы.

— Стрелы! — раздался оттуда крик. Кричал мужчина, едва успевший увернуться от острого осколка. — Черномазые пускают в нас стрелы!

— Может, нам лучше вернуться? — подал голос Кашел, гадая, куда же подевалась Мелли. Крыша легко обстреливалась с улицы. Если только хулиганы в толпе догадаются поглядеть вверх, то на их позицию обрушится целый град камней, в котором трудно будет уцелеть даже взрослому мужчине, не то что крошечной феи.

— Вот он идет, — встрепенулся Фраза. — Это наконец Темо.

С юга по улице двигались примерно с полдюжины мужчин в стальных шлемах и кожаных доспехах. Пятеро из них были вооружены копьями и маленькими наручными щитами. Шестой шел с большим щитом, но без копья.

Собравшиеся хулиганы заметили приближающуюся группу одновременно с Фразой. По толпе прошел возмущенный гул, распространяясь от задних рядов к середине. Охранники Темо подняли копья, готовые пустить их в ход.

Это возымело действие: ближайшие смутьяны бросились врассыпную, но те, что были подальше, принялись бросать камни. «Пожалуй, они перебьют камнями больше своих товарищей, чем стражники копьями», — подумал Кашел. Темо с охраной припустил через улицу к дверям фактории.

Фраза и Джен тоже начали спускаться по лестнице. Кашел помедлил, в отчаянии разыскивая глазами Мелли.

— Они еще не готовы к серьезным действиям, — неожиданно раздался голосок феи с его плеча. Кашел едва успел остановить смертоносное движение посоха — слишком уж напряжены были его нервы. — Когда подобное случится, ты нюхом почувешь это...

— Не пугай меня так! — прошипел Кашел. Он и не почувствовал, как Мелли вскарабкалась по его ноге. Может, она попросту спрыгнула на плечо с крыши?

Фея залилась смехом и крепко прижалась к шее своего друга.

В открытую дверь влетали крики и проклятия, быстро стихшие, как только слуга захлопнул дверь за спинами Темо и его стражников. Посредник скинул свой шлем и огромный щит прямо на каменный пол. Это был светловолосый человек средних лет с тонкими чертами лица. Он бросил гневный взгляд на стоявших сверху серианцев и разразился обвинениями:

— Вы не предупредили меня, что здесь такое творится! Вы что, хотели меня убить?

— Простите нас, мастер Темо, — произнес Джен с низким поклоном. Кашел подумал: если б они не стояли на верхней ступеньке лестницы, наверняка пали бы ниц, чтоб выразить почтение. — Но если бы наши горцы вышли на улицу встречать вас, это могло бы спровоцировать появление правительственных войск.

Хотя Кашела все это мало касалось, ему было неприятно наблюдать, как пресмыкались братья перед Темо. На взгляд юноши, серианцы напрасно извинялись. Это был не их город, не их толпа и, уж конечно, не их решение встречаться в такое время. К тому же посредник явно преувеличивал опасность на улице. Он с Гарриком да еще с четверкой односельчан, вооруженных посохами, в несколько минут разогнали бы такую толпу.

— Он не желал, чтобы люди видели его при дневном свете, — сообщила Мелли, лежа на спине и умудряясь дотянуться кончиками пальцев до своей же пятки. — Чтоб они не заподозрили его в каких-то делах с дьяволопоклонниками.

Она хихикнула и добавила:

— Так или иначе, кто бы захотел поклоняться демону? Большинство из них слишком глупо, чтобы быть приятными собеседниками.

Темо поднялся по лестнице с двумя из своих людей: рыжеволосым и вторым, чей сломанный нос и свернутые скулы изобличали в нем профессионального участника кулачных боев. Они оставили внизу копьа, но по-прежнему оставались в шлемах и при мечах.

Охранники смирili Кашела презрительным взглядом, каким смотрели на все в стенах фактории, включая братьев-серианцев и четырех горцев, улыбавшихся у входной двери. Вот уж непростительная беспечность, подумал юноша. Презирать этих малолетних убийц так же глупо, как недооценивать гадюку, обманувшись ее малыми размерами.

— Мне он не нравится, — снова сказала Мелли, провожая взглядом каркозского посредника. Кашел молча последовал в

кабинет за хозяевами и их гостем. Хотя, безусловно, в душе был согласен с феей.

— Кто этот человек? — подозрительно спросил Темо у братьев, ткнув большим пальцем в Кашела.

— Это наш помощник, мастер Кашел ор-Кенсет, — спокойно ответил Фраза. — Он коренной житель этого острова.

Темо оценивающе оглядел парня и, похоже, ничего не понял. Естественно, ведь Кашел выглядел именно тем, кем являлся на самом деле — громилой-пастухом, ничего не смыслящем в торговых делах.

Правой рукой юноша крепко прижимал к себе посох — на тот случай, если Темо вдруг взбредет фантазия официально пожать руку «мастеру Кашелу». Однако, похоже, тот не страдал избыточной вежливостью.

Не дожидаясь приглашения, посредник шлепнулся в низкое кресло и достал из-за пояса несколько сложенных листов рисовой бумаги.

— Так, — произнес он. — Я просмотрел вашу декларацию, и в основном здесь все в порядке. Но оговорюсь сразу: вряд ли удастся продать вашу расписную керамику по цене селадона¹. Почему вы полагаете, что люди изменят своим вкусам и будут покупать ваш товар вместо своего любимого фарфора?

Джен вежливо склонил голову.

— Заявленная продукция очень популярна в Валлесе, — пояснил он. — Мы надеялись, что когда слухи о придворных вкусах достигнут Хафта, спрос на наши изделия резко повысится.

— Ну, здесь это неходовой товар, — проворчал Темо. — Вначале я хотел было отказаться от вашего барахла... Но, принимая во внимание наше долготетнее сотрудничество, решил оказать вам одолжение и забрать товар.

Братья молча смотрели на посредника. Тот полез в свой мешок и достал новый документ, на сей раз написанный на двух тоненьких дощечках.

— Это мое ответное предложение, — произнес он и вместо того, чтоб передать дощечки в руки, бросил их на стол. — Прошу принять во внимание: сбыт *любого* серианского товара создает кучу проблем с неизвестным исходом. Вполне возможно, придет-

¹ Селадон — разновидность китайского фарфора с бледной серовато-зеленой глазурью.

ся попросту утопить груз в море, чтоб избежать обвинений в пособничестве дьяволопоклонникам. К тому же, насколько я понимаю, в ближайшее время от вас не предвидится поступления новых партий товара?

Все так же молча братья взяли каждый по дощечке и изучили документ. Затем, обменявшись бесстрастным взглядом, обменялись ими и дочитали до конца предложение посредника. Наконец Фраза положил обе дощечки на стол и произнес:

— Ну что ж, это выглядит приемлемым, мастер Темо. Другой, может, промолчал бы на моем месте, но я скажу: весьма великодушное предложение в сложившихся обстоятельствах. Мы немедленно подготовим контракт.

Джен передал документ служащему, по виду адвокату, который тут же прошел с ним к конторке рядом с Кашелом.

— Я уже обо всем позаботился, — сказал Темо, вытаскивая свернутый в трубочку пергамент с неряшливыми концами, но зато перевязанный красной ленточкой.

Все так же небрежно он бросил его Фразе, который с неприкрытым лицом принялся изучать контракт. Джен сложил руки и терпеливо ждал, что скажет брат.

Кашел хотел было спросить мнение Мелли обо всем происходящем, но та уже покинула наблюдательный пункт на его плече, чтобы подобраться поближе к столу переговоров. Юноша ужаснулся, увидев, что фея нырнула в открытый мешок Темо. Правда, непоседа тут же выскочила обратно — прежде чем посредник успел упаковать его обратно.

— Шесть телег уже стоят в Фонтанном Дворе, — сообщил Темо. — На вершине Арки Верукки дожидается мой человек. Как только он примет сигнал отсюда, он передаст его погонщикам телег, и те явятся за товаром. Но, учтите, сюда они придут пустыми, я смогу пригнать вам груз только завтра днем.

Фраза опустил пергаментный свиток.

— Так не принято, — возразил Джен. — Обычно обмен товаром происходит в помещении фактории, и уж только потом каждая из сторон может вывозить груз.

— Да, но обычно под стенами фактории не беснуется толпа, готовая пробить голову любому, кто согласится вести дела с вами, серианцами! — вспыхнул Темо. — Сестра вас заberi, если вы не понимаете этого! Я не стану канителиться здесь с грузом, пока кучка идиотов...

Он ткнул пальцем в сторону улицы. Кашел обратил внимание, что большой палец у него был изуродован шрамом, из-за которого ноготь скрутился и сильно смахивал на коготь.

— ...со своими братьями и друзьями, а возможно, и графскими солдатами дожидается меня за воротами. Завтра, когда все успокоится, я подгоню вам товар.

Темо потряс пергаментом:

— Здесь все в порядке. Вы же видите, договор уже подписан!

Кашел имел весьма смутное представление о контрактах. В его понимании договор — это когда двое пожимают друг другу руки, предварительно поплевав на них. Однако здесь все было сложнее. Юноша успел понять, как сильно осложнили жизнь серианцам уловки графа Ласкарга. В нынешних условиях братья небось так же мечтают убраться восвояси из столицы, как большая овца пережить голодное время в конце февраля.

Долгое мгновение Фраза сверлил посредника взглядом.

— Ну что ж, я могу вас понять, — сказал он наконец.

Джен протянул руку, и слуга тут же подал ему бронзовую ручку и гипсовую чернильницу.

— Отлично, отлично, — пробормотал Темо, заметно приободрившись. — Я верил в ваше благоразумие. Мой сигнал вы сможете увидеть прямо отсюда: три вспышки фонаря на холме.

— Да, — произнес Фраза с каменным выражением на лице.

Да что там... Кашел мог бы поклясться, что на иных камнях он видел больше эмоций, чем на этой смуглой физиономии. Оба серианца прекрасно осознавали риски подобной сделки, но, вопреки здравому смыслу, хотели надеяться на благополучный исход дела.

— Мастер Кашел заверит мою подпись, — сказал вдруг Джен. Он развернул документ и чернильницу на столе так, чтоб юноша мог дотянуться до них.

— Да-да, соглашайся, — чирикнула Мелли и в три длинных прыжка соскочила с плеча Кашела на пол. Ее акробатика заставила бы похолодеть парня, если б он уже не застыл от ужаса при этом предложении Джена. Вообще-то он умел поставить свою подпись — спасибо, Гаррик научил... Но чтоб рискнуть проделать это на глазах у столь образованной публики!

— Я не... — начал Кашел, прежде чем смысл слов Мелли дошел до него. А фея, скрестив ноги, уже сидела на пергаментном свитке и с нахальной улыбкой указывала ему на то место, где требовалось расписаться.

Юноша помедлил, прочищая горло, но надеяться было не на что... Решившись, он предал свой посох серианскому слуге (тот принял его со всей серьезностью), присел на корточки перед столиком и взялся за ручку. Ему доводилось видеть, как легко и изящно писали другие люди, но что из того? Те самые люди, в свою очередь, видели, как ловко Кашел крутит посох, но это вовсе не означало, что они могут повторить его подвиг!

— Это совсем легко, — улыбнулась Мелли. — Обмакни кончик пера в чернильницу, а далее просто следуй за моим пальцем. Я буду тебя вести.

Контракт начинался с нарядного вступления, за ним — с отступом — следовал длинный список товаров, и внизу, судя по всему, заключение. В нижнем правом углу была, очевидно, подпись Темо (чернила давно уже высохли), снабженная пометкой писца. Тут же красовался каллиграфический автограф Джена над аналогичной пометкой.

Пониже подписи Темо имелась еще одна, место под дженовой подписью пустовало — именно туда указывала Мелли. Пометки писцов были совершенно похожи. Это Кашел мог видеть, хотя сами символы ничего для него не означали. С опасливым прилежанием — уж больно сильны и неповоротливы были его пальцы — Кашел принялся выводить свое имя на договоре, следуя за палецником феи.

Юноша вдруг почувствовал, что пергамент стал нагреваться под его рукой. Мелли смотрела на него, вопросительно подняв брови. Понизу документа, казалось, пробежало голубое пламя, но Кашел отнес это за счет своего воображения. Наверное, если б что-то было не так, другие сказали бы...

А затем процесс захватил юношу, он полностью сконцентрировался на письме. Он чувствовал: что-то происходит, но решил — это может подождать. Уж больно не хотелось ему ударить в грязь лицом перед друзьями и врагами.

На лице Мелли играла озорная улыбка. Ее рука вырисовывала хитрые завитушки на пергаменте, а Кашел послушно повторял движения, боясь что-либо пропустить. К концу работы чернила почти высохли на его пере, оставляя царапины на плотной поверхности. Наконец Мелли довольно скрестила руки, обозрела результаты и одним прыжком перемахнула на запястье Кашелу.

Юноша выпрямился и отступил на шаг. Фраза потянулся за договором, но так и застыл в удивлении. Он непонимающе поднял глаза на Кашела.

Темо тоже уставился на документ.

— Это что еще за шутки? — взревел он. В гневе посредник вскочил на ноги, кресло отлетело в сторону.

Кашел растерянно моргал. Теперь он видел: подписи Темо и его свидетеля изменились, пока он выводил свое имя. Однако он был уверен, что даже ладонью не коснулся их, не то что пером.

На лице посредника застыло разъяренное выражение — Кашел никогда не видел ничего подобного.

— Я выпущу тебе кишки! Взять его, парни! — скомандовал Темо.

Один из его стражников — старый боксер — потянулся к руке Кашела, рыжеволосый тем временем попытался выдернуть свой меч. Слуга выронил поднос с чернильницей и с криком выбежал из комнаты. Джен, высунувшись в окно, скликал собственную охрану. Низкий столик опрокинулся, хотя юноша не заметил, кто или что толкнуло его.

Не размышляя, Кашел схватил за горло обоих стражников. Люди часто обманывались, видя его медлительность и неповоротливость. Тем хуже для них — если надо, этот сельский пастух умел быть быстрым, как змея. И таким же опасным. Боксер успел провести один удар вскользь по голове, который не нанес Кашелу ощутимого вреда, но окончательно разозлил его.

Он стукнул головами своих противников — их каски ударились с металлическим звуком и отлетели прочь. Так, теперь развести в сторону и снова шмякнуть друг о друга! Напоследок Кашел хорошенько приложил обоих об стенку, и незадачливые бойцы сползли по кирпичной кладке, как желе. С перекошенным от ужаса лицом и поднятыми руками Темо бросился назад. Он кричал что-то несурзное.

Зато Мелли веселилась вовсю, пританцовывая на плече у своего друга. Совершенно ошеломленный секретарь застыл у стенки — казалось, он не верил своим глазам. Кашел взял у него из рук свой посох, хотя толку от сего приспособления в столь тесном пространстве было немного.

Дверь отворилась, и вбежали горцы с обнаженными мечами и каменными топорами. Кашел заметил, что они не пользовались металлическим оружием — им что, религия запрещала? *Если серианцы — дьяволопоклонники, то, интересно, каковы боги у горцев?* Еще несколько маленьких воинов лезло в окно, что-то бормоча на своем невозможном языке.

Джен выкрикнул команду — в его исполнении язык горцев звучал птичьим пением. Глава коротышек-охранников разочарованно остановил свой топор в нескольких дюймах от шеи Темо. Глаза его кровожадно горели, он явно умолял хозяина дать ему возможность довести дело до конца. Мрачно глядя в пространство, Джен едва заметно шевельнул пальцами.

— Проводите к выходу мастера Темо и его спутников, — обратился к секретарю Фраза. — Принимая во внимание состояние этих господ, полагаю, им понадобится помощь.

Кашел хотел было предложить свои услуги, но затем решил, что лучше ему не подходить близко к охранникам Темо. Ох, не стоило ему так швырять их на стену! Юноша сожалел о вспышке гнева, охватившей его после удара боксера... Нет, лучше пусть кто-нибудь другой поможет незадачливым драчунам, не стоит подвергать свою выдержку испытанию.

Кашел нагнулся и подобрал пергамент, который отлетел в угол, когда стол опрокинулся. Слова на документе по-прежнему оставались китайской грамотой для парня. Но он заметил еще одну деталь: подписи посредника и его доверенного лица не только изменились по сравнению со своим первоначальным видом, — они еще и начертаны были какими-то особыми квадратными буквами, не похожими на все остальные в документе.

— Подлинное имя Темо — ЛЖЕЦ, — прочитала Мелли, сидя на сгибе руки юноши. — А человек, подписавшийся под ним, соответственно, СВИДЕТЕЛЬ ЛЖЕЦА. О боги! Ну ты и шалун-нишка, Кашел!

Фея рассмеялась — снова знакомые серебряные колокольчики...

— Но я не писал этого! — воскликнул юноша в полном изумлении. Что греха таить, он был именно такого мнения о Темо, но... — Я просто не мог сделать подобного!

— Ну конечно же, мог, дурачок! — возразила Мелли. — И был абсолютно прав. Он *отвратительный* человек.

Слуги, судя по их мозолистым рукам — матросы с серианского судна, поволокли охранников Темо на выход, причем каждого из них приходилось нести вчетвером. Кашел снова увидел кровавые пятна, оставшиеся на стене, и досадливо отвел глаза.

Перед ним стояли Джен и Фраз. Поймав его взгляд, они снова согнулись в поклоне.

— Господин Кашел, — произнес Фраз, — понятия не имеем, кто вы такой на самом деле, но от души благодарим вас за помощь.

— Может быть, само небо послало вас нам? — присоединился к брату Джен.

Кашел не знал, что ответить, что сделать. За неимением лучшего он просто протянул документ Фразе.

— Не стоило мне так бить этих парней, — пробормотал он. — Об стену, я имею в виду.

— Если вы согласитесь и дальше сотрудничать с нами, — продолжал Фраза, — то мы свяжемся с нашим вторым посредником, Сидрасом ор-Морром. Это наша последняя надежда. Беда в том, что теперь мы не сможем выйти из фактории. А Сидрас может вполне резонно посчитать небезопасным явиться сюда для заключения нового контракта.

Слышно было, как открылась внешняя дверь. Толпа снаружи бесновалась, снова полетели камни — на этот раз в появившихся стражников Темо. Похоже, в его лице они приобрели злейшего врага. Одно хорошо: охранники и толпа изрядно отменяют друг друга, прежде чем сообразят, что сражаются на одной стороне баррикады.

— Сидрас проживает в доме на Правительственной Площади, — сказал Джен. — Правда, мы не связывались с ним с момента нашего прибытия в Каркозу.

— Я знаю, где это, — кивнул Кашел. Он был на площади вместе с Бенлоу и полагал, что сможет разыскать нужное место. А если и заблудится, что ж, Мелли всегда придет на выручку. — Однако мне кажется, это не входит в мои обязанности.

— Но вы — единственный человек, которому мы доверяем безоговорочно, — сказал Джен. — Конечно, это большой риск для вас. Возможно, действительно лучше нам отказаться от попытки сбить груз и смириться с потерями.

— Риск не столь велик, — пожал плечами юноша. — То есть, конечно, если немного выждать, пока все успокоится.

Он поднял с полу железный шлем, забытый темовским боксером — крупная голова!

Джен взял шлем из рук юноши.

— Мы вправим вмятину на нем, мастер Кашел, — пообещал он. — Может быть, вы что-нибудь еще желаете?

«Желаю, — подумал Кашел, — очень желаю — знать, что происходит». Вслух он сказал:

— Нет. Думаю, все будет в порядке.

— Конечно, все будет в порядке! — пропела под ухом Мелли, потягиваясь, как сонная кошка. — Повеселимся от души!

27

Илна была совершенно одна.

В первый момент, когда она рванулась в открытый портал, ей показалась, что впереди маячат фигуры Гаррика и Теноктрис. Но, увы, она ошиблась — она не видела ничего: никаких фигур, никакого «впереди». Даже дверь, в которую она прошла, исчезла.

Илна стояла на серой равнине, во всяком случае, ей так казалось. Хотя в условиях здешнего искривленного пространства она была не уверена даже в наличии земли под ногами. Правда, и ощущение падения отсутствовало... Она вообще ничего не ощущала.

— Гаррик! — позвала девушка. Она могла слышать свой голос — но ни обертонов¹, ни эха. Похоже, звуки в этой реальности тоже отсутствовали.

Горизонт был абсолютно ровным во всех направлениях. Небо казалось на полтона светлее земли, впрочем, это тоже могло являться иллюзией — своего рода защитной реакцией разума в столь непривычных обстоятельствах.

Илна немного отступила назад и попыталась нашарить в пустоте проход, через который она попала в это измерение. Ему полагалось находиться не более чем в нескольких дюймах от ее нынешнего местоположения. Поиски не увенчались успехом. Портал, если он и существовал минуту назад, теперь исчез. Девушка обошла кругом предполагаемое место, в напрасной надежде разглядеть его с какой-то другой точки зрения.

Отчаявшись в своих попытках, Илна решила идти просто куда-нибудь. Но куда? Ни одно направление не выглядело предпочтительным. Сделав несколько шагов, она оглянулась, — следов на здешней земле не оставалось. Она почувствовала отчаяние — при полном отсутствии внешних ориентиров можно до бесконечности ходить кругами!

Однако, как выяснилось, горизонт вовсе не являлся стабильной величиной. Иногда эта граница двух серых оттенков казалась выше, будто смотришь вверх, на холм. Иногда же, наоборот,

¹ Обертон — ряд дополнительных тонов, возникающих при звучании основного тона, придающих звуку особый оттенок или тембр, позволяющий отличать один голос от другого.

понижалась, как при взгляде с гребня горы. Однако при ходьбе ни подъема, ни спуска не ощущалось — каждый сделанный шаг требовал одинакового напряжения. Да и сама линия горизонта сохраняла свою строгую горизонтальность.

Они бросили тебя здесь, Илна.

Девушка продолжала идти ровным шагом: такой темп она могла сохранять в течение целого дня и половины ночи. Она не бежала. А, скажите на милость, куда здесь бежать?

Ты в ловушке, Илна. Они, должно быть, сейчас смеются над тем, как ловко заманили тебя сюда.

На ходу она безостановочно завязывала узлы на своей веревке — один на другом. Скоро недоуздок превратился в один сплошной, размером с человеческую голову комок. Тогда Илна принялась методично распутывать узлы.

Ты недостаточно хороша для Гаррика и его новых друзей. Они постыдились даже привести тебя сюда.

На небе прямо перед ней появилась светлая точка. Слишком маленькая, чтоб быть солнцем, она тем не менее нестерпимо ярко сверкала на фоне серого неба. Илна продолжала идти.

Безымянная субстанция под ее ногами уступила место грубому гравию. Но прошла не одна минута, прежде чем появился какой-то просвет в неизменном сером цвете. Девушка не сбивалась с шага, руки ее снова были заняты завязыванием узлов — теперь другим способом, но с тем же конечным результатом.

Она продолжала шагать по некоторому подобию галечного пляжа в родной Барке. *И там они тоже смеялись над тобой, Илна.*

Увидев дерево, девушка не удивилась. Казалось, она предвидела его появление. Черный силуэт резко выделялся на фоне бледно-серого неба. Крошечная точка светила прямо сквозь его ветви. Илна продолжала идти.

Ты бы пожертвовала всем ради них, Илна. Но они отшвырнули тебя, как ненужную вещь.

Дерево выглядело почти нормально. Ненормальность была связана с расстоянием, которое никак не хотело уменьшаться с продвижением Илны.

Голые ветви дерева свивались в причудливом переплетении, напоминавшем древо жизни. В какой-то момент они начали двигаться.

Ты счастливица, что нашла меня, Илна. В этом месте случаются ужасные вещи.

— Кто ты? — спросила девушка. И снова ее голос угас, не оставив после себя эха. Во всем пространстве существовали только она и это дерево.

Я твой друг. И я дам тебе все, что ты захочешь.

По щекам Илны потекли слезы.

— Я хочу обратно! Пожалуйста, верни меня в мой мир!

Конечно, Илна, я верну тебя обратно; я ведь твой друг. Я знаю: ты не принадлежишь этому месту. Так что я перенесу тебя, куда ты захочешь. Но, Илна, ты ведь мастерица... Не хочешь прежде узнать, как надо на самом деле ткать узоры?

— Я не понимаю, — пожаловалась девушка. Незаметно для себя она остановилась и теперь стояла на галечной равнине, держа в руках спутанный моток веревки.

Я могу научить тебя, Илна, таким узорам, благодаря которым ты станешь королевой... нет, даже богиней.

— Как ты можешь... — начала было Илна. Затем спросила: — А зачем?

Чтоб они никогда больше не смеялись над тобой, Илна. Гаррик бросил тебя ради этой расфуфыренной гордычки, но больше такого не повторится. Они все узнают тебе цену.

— Я хочу вернуться назад, — прошептала девушка.

Но сначала я научу тебя прясть, хорошо?

— Да, — согласилась Илна. Она уронила на землю веревку и закричала что было сил: — *Да!*

Я научу тебя, потому что я твой друг.

Ветви начали двигаться быстрее. Крошечное солнце, светившее сквозь них, становилось все ярче, все горячее. Девушке пришлось отвернуться.

Твой единственный друг.

Ветви продолжали сплетаться и расплетаться в диковинные узоры в мозгу Илны. Может, даже где-то глубже. Впервые в жизни она не чувствовала себя одинокой.

Ноннус развел костер из сухих водорослей. Над ним весело булькал котелок, хотя, как подумала Шарина, крабам было в нем совсем невесело.

До Тегмы девушке и в голову не приходило задаться вопросом: что чувствует краб? На острове она задумалась, а не питались ли аркаи людьми?

Язычки пламени были чистыми, окрашенными в сотни нежнейших оттенков благодаря морской соли, пропитавшей травинки. Время от времени тот или иной клубенок лопался в костре, испуская облачко пара. Отшельнику приходилось постоянно подкармливать огонь. Шарина даже забеспокоилась: а хватит ли собранных водорослей, чтоб закончить стряпню? Впрочем, она уже знала цену сомнений в решениях Ноннуса.

Он был человеком и, как все, мог ошибаться. Но с тех пор, как они взошли на борт триремы, Шарина не заметила ни одной серьезной ошибки у своего друга.

Если не считать, конечно, того факта, что Ноннус *сел* на эту чертову трирему вместо того, чтобы остаться в своем благословенном одиночестве на окраине Барки.

— Может, я...

От ее слов отшельник аж подскочил, и это заставило девушку умолкнуть.

— О, я... — снова начала Шарина и в смущении замолчала.

— Дитя мое, — Ноннус, казалось, был смущен не меньше. — Я так долго прожил в одиночестве, что порой забываю о других людях.

Улыбка медленно проступила на его лице.

— Поддерживать огонь, вдыхать соленый запах вареных крабов... Это напоминает мне время, когда мне было столько же, сколько тебе сейчас. До того, как кое-что случилось...

Его улыбка растаяла, как иней на солнце.

— До того, как я кое-что совершил, — поправился отшельник.

— Я подумала, не позвать ли Азеру с Медером, — сказала Шарина, глядя на вершину, за которой скрылись их спутники. Ей почему-то не хотелось встречаться глазами с Ноннусом. — Не думаю, чтоб они взяли с собой еду.

Остров представлял собой совершенно невыразительный округлый холм. Лишь отсутствие звезд отличало темную землю от темного же неба. Углядеть в таких условиях фигурку человека было невозможно, но исчезновение и появление звездочек на небосводе позволяло судить о передвижении аристократов вдоль линии горизонта.

— Нет нужды спешить, — сказал отшельник. — Подождем еще с полчаса.

Шарина обошла весь остров в поисках плавника, но безуспешно. Повсюду было все то же, что и в месте их высадки. Она сомневалась, успеет ли высохнуть мачта челнока, чтоб использовать ее в качестве топлива. Но все получилось именно так, как предсказывал Ноннус.

Пока девушка бродила по острову, она время от времени видела Азери и Медера на вершине холма. Аристократы не позаботились возвести себе убежище при свете дня. Что ж, если они с наступлением темноты решат спуститься вниз, для них найдется местечко возле костра. Отшельник даже натянул на колышках непромокаемую парусину, как делал это во время плавания на лодке.

— Кроме того, — заметил Ноннус, — мне кажется, ночь спокойнее в их отсутствие.

Он улыбнулся и добавил:

— Милосердие — одна из вещей, о которых я молюсь. Но у меня длинный список.

— На острове полно еды, — сообщила Шарина. — Крабы и рачки. К тому же мы всегда можем развести огонь.

Где-то в середине своей прогулки по острову она осознала, насколько рада снова почувствовать сухую, твердую землю под ногами. Конечно, она предпочла бы оказаться на одном из главных островов архипелага. Даже более того — вернуться домой и, свернувшись калачиком в собственной постели, позабыть свое родство с графом Ниардом и все события, последовавшие за появлением на Хафте триремы. Все так... Но в настоящий момент девушка радовалась тому, что ее жизненное пространство не ограничено тесным корпусом челнока, а вселенная не качается в такт набегаящим волнам.

— Нам лучше убраться отсюда, дитя мое, — говорил отшельник, склонившись над костром. — Этот остров, в отличие от Тегмы, не питает к нам ненависти. Но все же мы не принадлежим этой земле. Мы сумеем найти путь на Сандраккан, так же как и пристанище там.

Шарина всматривалась вдаль, прикидывая, насколько ей придется удалиться, чтоб аристократы услышали ее зов и спустились поесть. Очень уж не хотелось карабкаться на холм в темноте. В конце концов, если Азери и Медер желают поужинать, могли бы обратить внимание на костер внизу, разве нет?

Внезапно за холмом обозначилось свечение.

Сначала девушке показалось, что у нее в глазах летают цветные мушки, как бывает, если крепко зажмуриться. Она хотела было сказать об этом, но тут...

Ночь снова озарилась светом, на этот раз ярко-розовым.

Шарина вскочила на ноги и бросилась к челноку.

— Дитя мое? — неслось ей вдогонку.

Она помнила, что Медер хранил свой сундучок с магическими принадлежностями на корме. Путаясь в сетях, она ползала по куче вещей, наваленных на дне. В лодке было темно, но на ощупь ей не удалось найти ничего, размерами и формой напоминавшее окованный ящик.

Его не оказалось на месте! Медер не выносил сундучка на берег — в этом девушка была уверена, как как внимательно наблюдала за волшебником. Но ведь ему могла помогать Азера! Очень даже запросто — укрыв его в складках своей одежды.

— Дитя? — повторил Ноннус.

— Он колдует, — указала наверх Шарина. Пока она говорила, алое свечение охватило всю кромку холма.

— Так и есть, — произнес отшельник ледяным тоном. Подхватив правой рукой свой посох, он направился к холмам. Шарина спрыгнула на землю, чтобы последовать за ним.

В этот момент крупная дрожь прошла по острову.

29

Годы пастушеской жизни обучили Гаррика нехитрому фокусу: поднимаясь в гору, никогда не опускай голову, чтоб посмотреть себе под ноги. Кто знает, что тебя ждет за перевалом? Вот и сейчас — он шел по склону холма, попеременно озирая то вершину у себя над головой, то абсолютно безжизненные окрестности.

Под ногами был скорее песок, чем гравий, он легко осыпался при каждом шаге. Черное солнце нещадно палило. Склон был довольно крутым. Хуже того — здешний перевернутый мир с черным светом и красной тенью постоянно обманывал органы чувств: глаза обещали одно, а ноги встречали другое. Несмотря на все это, Гаррик шел вполне уверенно: почти не оступаясь. Лишь однажды, поскользнувшись, ему пришлось опереться на руки, чтоб не упасть.

Теноктрис едва попевала за ним, она подскакивала на ходу, как сосновая шишка, которую пинает ватага сорванцов.

— Давайте я... — в третий или четвертый раз предложил свою помощь юноша.

— Нет! Твоя задача — в решающую минуту сохранить нам жизнь, — огрызнулась колдунья. — Если ты будешь нянчиться со мной и пропустишь момент, когда появится Стразедон, вряд ли тебе удастся справиться с ним.

— Да, госпожа, — вынужден был согласиться Гаррик.

Он знал, что без Теноктрис шел бы гораздо быстрее, но бросить старую женщину ему и в голову не приходило. Их объединяла одна цель — найти Лиану и остаться в живых. Точное местоположение девушки или самого демона в этом проклятом измерении было им неизвестно. Гаррик не сможет самостоятельно обнаружить Стразедона, если тот не поджидает их за перевалом.

Впрочем, подумал юноша, если им не суждено погибнуть от когтей демона, то черное солнце доконает их.

— Вот уж никогда не думала, что окажусь в такой передрыге, — задыхаясь, но тем не менее весело произнесла Теноктрис. — Не то чтоб мне не хотелось посетить другие измерения... просто я всегда считала, что на это мне не хватит сил. С таким же успехом можно было мечтать летать, как птица.

Раздался кудахчущий смех.

— Вообще-то, когда Йоль затонул, я вместе с крышей башни поднялась в воздух. Так что полетать мне пришлось. И вот теперь я нахожусь в измерении демона. Надо же! Ученая Теноктрис, которая столько читала о чудесных исследованиях других волшебников, нашла в себе силы пройти сквозь время и пространство.

Плато, вершина которого очерчивалась лучом света, было трехуровневым. На каждый уровень вел склон под углом в 20 градусов, может, немного больше. Снизу каждая ступень казалась уже окончательной вершиной плато. На этот раз Гаррик был убежден, что перед ними уже последний подъем.

Он шел боком, левым плечом вперед. Левая рука придерживала складки туники, чтоб в решающий момент быстро освободить для правой руки рукоятку меча.

— Все эти книги, что составляли мою жизнь, — продолжала умиляться Теноктрис, — ушли под воду на тысячу лет. А я здесь занимаюсь тем, что...

Стразедон вынырнул из-за гребня холма в двадцати футах над ними.

Он шел на двух ногах, как человек. Но ноги его были короткими и кривыми, а длинные когтистые руки почти касались земли. Пальцы на ногах оканчивались особо мощными и острыми когтями. Правая нога Стразедона все еще была покрыта засохшей кровью Бенлоу.

Демон тащил Лиану, обхватив ее за талию, — ноги несчастной болтались в воздухе. По крайней мере, девушка оставалась жива: чтобы облегчить хоть отчасти свое положение, Лиана отчаянно хваталась за руку демона.

При виде Гаррика она окаменела: замерла, не издав ни звука.

Полупрозрачная кожа Стразедона была темно-гранатового цвета. Плоское безносое лицо оканчивалось тяжелой челюстью, которая каким-то странным образом крепилась к черепу. Верхние и нижние зубы перекрывались на манер лезвия ножниц, при ходьбе они легонько пощелкивали.

Гаррик, не задумываясь, выхватил меч и почувствовал, что король Карус снова оживает, облачаясь в его плоть так же легко, как человек в тунику. Двигаясь все так же боком, он начал осторожно обходить демона, чтоб лишить его преимущества нападения сверху. Про себя отметил: «Было бы совсем неплохо, если б Стразедон бросился на колдунью — в этом случае он открылся бы со спины для молниеносной скользящей атаки».

Та часть сознания, которая по-прежнему оставалась гарриковой, ужаснулась холодному расчету, готовности подставить старую женщину под удар во имя тактического преимущества. И тем не менее... Гаррик знал, как важно выбраковать стадо в предверии долгой зимы. Фермер, не забивший пару-тройку овец и оставивший зимовать больше животных, чем сможет прокормить, в конце концов потеряет всю отару. Надо уметь пожертвовать малым во имя целого. Если бы Теноктрис сумела отвлечь демона всего только на одно краткое мгновение, необходимое юноше для меткого удара, — это спасло бы жизнь не только им самим, но и бедняге Лиане.

Тем временем Стразедон отшвырнул девушку в сторону и с криком «Ху! Ху! Ху!» бросился на Гаррика. Тот рассмеялся и с поднятым мечом ринулся в контратаку. Песок так и брызнул из-под его ног.

Он нанес удар, лезвие меча черной лентой блеснуло в сухом застоявшемся воздухе. Стразедон выставил трехпалую руку, чтоб

парировать удар. Он пожертвовал одним пальцем, но достиг своего: меч лишь вскользь коснулся его волосатого черепа вместо того, чтоб разнести его вдребезги.

Старый добрый меч Ральда из хорошей стали зазвенел в руках Гаррика подобно камертону.

Увертываясь от смертоносной хватки демона, юноша отскочил вверх по склону. Земля ушла у него из-под ног, уже в падении он нанес еще один удар Стразедону. Увы, и этот получился не смертельным.

Кромка меча окрасилась кровью демона — она была огненно-красной.

Сжав изуродованной конечностью предплечье Гаррика, Стразедон другой потянулся к его горлу. Юноша успел поймать ее за запястье — это было похоже на попытку удержать разъяренного быка одной рукой — мускулы напряглись до предела. Жуткие когти клацали в нескольких дюймах от его плоти, но все же не дотягивались.

Тогда демон попытался пустить в ход зубы. Его клыки вполне могли разорвать юношу на клочки. В отчаянии Гаррик нанес колющий, с вывертом удар прямо в эту разверстую смердящую пасть.

Стразедоновские зубы сомкнулись на стали, зажав последние три дюйма лезвия, как в тисках. Юноша изо всех сил пытался протолкнуть меч глубже — хотя бы еще на дюйм. Этого бы хватило, чтоб продырявить демону горло. Но лезвие не двигалось, будто намертво вросшее в скалу.

Сосредоточившись на этой борьбе, противники потеряли почву под ногами и кубарем покатались вниз по каменисто-песчаному склону. Несколько раз демон — чертовски тяжелый даже для своих размеров — оказывался сверху, но Гаррику удавалось вывернуться, и они катились дальше.

Изогнувшись, юноша пытался обхватить ногами торс Стразедона, тот тоже в свою очередь тянулся правой ногой в надежде повторить смертельный удар, отправивший на тот свет Бенлоу. При этом руки демона оставались за спиной юноши, своими когтями они раздирали тунику и наносили глубокие царапины. Счастье еще, что Стразедон не мог найти достаточной точки опоры, чтоб дотянуться до грудной клетки противника.

Наконец их падение закончилось — они приземлились у подножия холма. Все тело Гаррика было настолько напряжено, что от удара он подскочил, как мячик, даже не потеряв дыхания.

Беда, однако же, заключалась в том, что демон по-прежнему оказался сверху. Используя правое плечо как точку опоры, юноша пытался вывернуться, сбросить с себя Страzedона. С таким же успехом можно было надеяться сдвинуть деревенскую мельницу.

Внезапно демон содрогнулся и рванулся вверх настолько стремительно, что Гаррик выпустил из рук эфес меча. Он остался лежать на земле, чувствуя, как хлупает у него под спиной его собственная кровь из многочисленных порезов.

Страzedон выплюнул меч, оставив на его лезвии глубокие отметины от зубов. Юноша попытался подняться, но тело отказывалось повиноваться — уставшие мышцы напоминали подтаявшее желе.

И тут демон запрокинул свою отвратительную морду к красному небу и завыл, как сотня северных ветров. В затылке у него торчала стальная рукоятка атама Бенлоу.

Рядом стояла на четвереньках Теноктрис, все еще не в состоянии прийти в себя после падения со спины демона. С другой стороны скорчилась Лиана. Она сжимала в руках камень — слишком большой, чтоб поднять его и опустить на вытянувшегося во весь рост демона.

Страzedон медленно опрокинулся на спину. Гаррик заметил, что черное солнце побледнело, и весь пейзаж, казалось, пришел в движение. А впрочем, возможно, это была только иллюзия его бедного, раздираемого болью мозга...

Белый свет снова наполнил окружающий мир, прежде чем тот рухнул и исчез. В ушах юноши звучал победный смех короля Каруса, и где-то на задворках сознания Гаррика промелькнул силуэт Клобука. Он в ярости потрясал сжатыми кулаками.

30

Колебание почвы вызвало широкую волну, которая покатила в море, игнорируя естественный ритм набегающих вод. При первом же толчке челнок рванулся и встал на дыбы, но веревка выдержала. Сейчас лодка пританцовывала на мелкой морской зыби. Волны тихо шуршали, ударяясь об ее корпус.

Шарина поднялась из воды, куда ее сбросило начавшееся землетрясение, и озидала картину разрушений. Волна, прочесавшая берег на сотню футов, загасила с таким трудом разведенный костер. Хорошо еще Ноннус успел подхватить дымящийся коте-

лок, прежде чем тот скрылся в морских водах. От варева все еще поднимался пар.

Отшельник с привычной ловкостью закинул котелок вместе со своим посохом в челнок и шагнул к швартовым, закрепленным на берегу кольями. Взявшись обеими руками за один из них, он попытался выбить его из скалы.

— Ноннус! — кричала Шарина. — А остальные?

Остров снова потрясла дрожь, еще сильнее, чем прежде. Девушка вскочила на левую выносную балку и схватилась обеими руками за ванты¹. Лодку приподняло волной и ударило о скалу с силой, которая бы разбила любую наборную конструкцию.

— Если мы будем на плаву, — ответил отшельник, стараясь перекрыть низкий рев моря, — то сможем подобрать их. Если же застрянем на берегу, то следующая же волна перевернет челнок, и мы никогда не сможем снова восстановить его!

Волны пенились у пояса Шарина, брызгали солью в лицо. Девушка моргала, отплевывалась, но глаза не закрывала. Ноннус неподвижно, подобно скале, стоял среди этого бурлящего хаоса.

Море на какое-то время затихло, как замирает зверь в засаде. Водная поверхность приобрела маслянистый блеск: судорожные потуги острова подняли наверх миллиарды крошечных существ — представителей низших форм океанической жизни, перемешали их, нарушили веками складывавшиеся пищевые цепочки. В этом кипучем водовороте жизни — шипящем и булькающем — Шарина, как ни старалась, не могла различить вулканический гул подводных скал. Так что же тогда сотрясает остров?

Ноннус сделал новую попытку выбить кол, державший швартовы. На этот раз он был вознагражден: колышек закачался и поддался. Отшельник вытащил его и бросил внутрь лодки, и сам отступая в ее сторону.

Шарина увидела, как аристократы бегут со всех ног вниз по склону, волоча между собой сундучок с магическими принадлежностями. Если падал один, то он увлекал за собой и другого. Тем больше времени уходило у них на то, чтобы подняться.

— Я за ними, — крикнула девушка, спрыгивая со своей опоры.

— Нет! — завопил Ноннус. — Нет, дитя!

¹ Ванты (мор.) — снасти стоячего такелажа, которыми мачты укрепляются с боков и сзади.

С непостижимой ловкостью, ни разу не поскользнувшись, она прыгала с одной мокрой площадки на другую. Пена, забивавшаяся в трещины, четко, как днем, обрисовывала их, облегчая Шарине задачу. Она умудрилась устоять даже во время третьего толчка, хотя пенная волна захлестнула остров с другой стороны, перекатившись через гребень.

Она добралась до аристократов прежде, чем они сумели разглядеть свою спасительницу.

— На помощь... — прохрипел Медер.

Шарина подхватила сундучок из рук парня и вскинула его себе на правое плечо. Хотя волшебник наверняка был сильнее девушки, но он понятия не имел, как надо переносить тяжести. Попытка тащить ношу вдвоем только ухудшила дело. Азера выкарабкалась из очередной расселины, хныча и держась за ушибленное колено.

— Бегом, или придется добираться вплавь, — скомандовала Шарина и так припустила к челноку, как не бегала до того ни разу в жизни. Впрочем, ей приходилось внимательно глядеть под ноги, ибо оступиться с тяжелым сундучком было бы непростительной ошибкой, на которую девушка просто не имела права.

Только не сегодня, повторяла она, как заклинание, прыгая по скользким камням. Ей все удалось. С тяжелой ношей и двумя недотепами-аристократами, наступавшими ей на пятки, Шарина достигла лодки, как раз когда четвертый толчок погнал очередную волну ей навстречу.

Крепко ухватившись левой рукой за балку, девушка на мгновение ушла с головой под воду. Ноннус дожидался ее у последнего крепления швартова. Ногами он стоял на веревке, чтобы освободить обе руки. Улучив момент, он выловил из воды обоих барахтавшихся аристократов и крепко держал их за запястья.

Азера завопила от боли и сделала попытку вырваться: свободной рукой она отбивалась и старалась разжать железную хватку отшельника. С таким же успехом она могла попробовать дотянуться до только что взошедшей луны. Если Ноннус решил спасти ее, он сделает это, наплевав на все синяки на руках!

Волна, достигнув своего максимума, пошла на убыль. Воспользовавшись этим, отшельник сунул веревку в руки аристократам и велел карабкаться в лодку. Сам же обернулся к Шарине.

Та отпустила опору и теперь стояла, сжимая в обеих руках сундучок Медера. Отступив на два шага, девушка размахнулась и зашвырнула подальше в море свою ношу.

Сундучок дважды перекувырнулся в отступающей волне и навсегда скрылся под водой. Послышался отчаянный крик волшебника. Шарина увидела бледное лицо юноши, его разверстый рот, остановившийся взгляд.

Девушка вскарабкалась на борт челнока и взялась за румпель. Лицо отшельника осветилось широкой улыбкой. Он выбил последнее крепление швартова, в один прыжок достиг носа лодки и пошел вдоль планшира к Шарине на корму.

Челнок завалился на нос, когда суша ушла вниз, но затем с грохотом и пеной нахлынула вода и подхватила его.

— Мы тонем! — закричал Медер. — Мы тонем!

Он сгущал краски. Максимум, чем угрожала им яростная волна, — так это лишить выносных балок. Если же что и тонуло, так сам остров.

Вскоре он совершенно скрылся из виду, соленые волны Внешнего Моря сомкнулись над ним.

Спустя короткое время знакомый бугор снова показался из воды, но уже гораздо западнее. Лунный свет отражался в гигантском глазе морской твари, чей панцирь составлял более полумили в диаметре. Чудовище размером с остров уплывало в море.

Передние ласты рассекали волны. Под действием силы тяжести огромная, невообразимо древняя черепаха погрузилась под воду и скрылась из мира людей.

31

С каждым ударом сердца Гаррика накрывала ослепительно-белая пелена боли. Затем она сменялась кроваво-красной. В том же самом ритме здания вокруг площади расплывались и снова входили в фокус. Юноша лежал на булыжной мостовой. Это могло бы причинять ему неудобства, если б в его голове оставалось место для таких мелочей.

Рядом стояла коленопреклоненная Теноктрис и нараспев читала заклинания. В небе сияла яркая луна. Облака, прежде закрывавшие ее, куда-то улетучились.

Спина Гаррика, казалось, превратилась в колбасный фарш. Он не мог пошевелиться и только краем глаза видел собравшихся вокруг зрителей. Большей частью это были городские работяги. Один аристократ выглянул из своего портшеза и с удивлением

взирал на любопытную картину, пока кучка его слуг и приживальщиков перешептывалась и тыкала в Гаррика пальцами. Лиана, с трудом держась на ногах, порылась в складках своего шелкового пояса и обратилась к вельможе с просьбой о помощи.

Зрение юноши наконец стабилизировалось, и он осознал, что лежит перед полукруглыми ступенями, ведущими в графский дворец. Кирпичная кладка сохранилась со времен Старого Королевства, но внешняя отделка подверглась модернизации в более поздние времена.

Подслеповатые окошки нижнего этажа прятались за тяжелыми литыми решетками, в то время как окна второго этажа снабжались арочными и треугольными карнизами, третий был оформлен пилястрами¹, поддерживавшими плоский выступающий козырек. Над фасадом возвышалась башня, которая являлась не очень удачным подражанием древнему храму.

И венчалось все это золоченой статуей, ярко блестевшей в лунном свете.

Некоторые из нижних окошек светились — здесь проживали и работали графские чиновники. В эти тревожные времена им приходилось засиживаться допоздна.

— Как мы сюда попали? — пробормотал Гаррик (или только подумал?)

Теноктрис продолжала свои песнопения, прикасаясь кончиком своей самшитовой веточки к различным точкам в воздухе рядом с телом юноши. Постепенно боль от ран стала сменяться свинцовым онемением, и Гаррик всерьез забеспокоился — а не падает ли он в шок?

Они с колдуньей перешли в измерение Страzedона на кладбище, примерно в миле от того места, где сейчас очутились. Все верно, расстояние соответствовало тому, которое они прошли до встречи с демоном. Да и время, судя по луне на небе, совпадало с потраченным в мире черного солнца.

Гаррик не мог определить направление, в котором они переместились. Возможно, тут тоже все было в порядке.

Юноша чувствовал себя совершенно обессиленным, но, видно, пора отдыха для него еще не наступила. Спина, превратившаяся в скопление горящих углей, не давала провалиться в забвение. Очевидно, когти демона несли в себе сильнейший яд, подобно некоторым разновидностям гусениц. Теперь болезнь не даст ему никогда уснуть... он будет вечно пылать в огне, пока не умрет...

Двое слуг с носилками в ужасе остановились посреди улицы. Очевидно, Гаррик со своими спутниками внезапно появился в поле их зрения, как только распалось измерение Стразедона. Махнув рукой на несговорчивого вельможу, Лиана обратилась к носильщикам:

— Эй вы, двое! Положите мужчину на свои носилки!

Передний слуга в испуге рванулся вперед, но его товарищ продолжал стоять столбом. Носилки дернулись, но так и остались на месте. На них лежал груз мокрых шкур, от них нестерпимо смердело.

— Глядите! — сказала Лиана, доставая руки из пояса и пересыпая золотые монеты с одной ладони на другую. Если даже слуги не распознали золото — откуда бы им знать сей благородный металл? — то такое количество монет, пусть даже медных, заморозило их и удержало на месте.

— Отнесите его в «Приют Капитана», — распорядилась девушка. — Вы ведь знаете, где это? Спасите ему жизнь — и получите по сандракканскому золотому каждый!

— Но, госпожа, — промямлил передний носильщик. Они оба были настолько поражены, что даже не догадались поставить свою ношу на мостовую. — Мы должны доставить это сапожнику Чилзену, который живет в Обувном Переулке.

— Идиоты! — подал голос вельможа из портшеза. — На сандракканский золотой можно купить всю лавку Чилзена вместе с его дочерью!

Задний носильщик, который, наконец, понял, что к чему, накренил носилки и вывалил кучу шкур на мостовую прямо под ноги своему товарищу. Они обменялись взглядами и поставили носилки рядом с Гарриком. Затем переложили его с неожиданной осторожностью — эти ребята знали, как обращаться с ранеными.

Теноктрис продолжала свое песнопение, даже когда мужчины подняли носилки с Гарриком и понесли вдоль по улице. Боль внезапно исчезла, а вместо нее в сознание юноши вошла бледная тьма.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Илна ос-Кенсет шагнула из серого чистилища прямо на тенистую улочку, слишком узкую даже для того, чтобы прошел одинокий ослик. К верхним окнам были пристроены деревянные балкончики, с некоторых свешивались толстые веревки с узлами. Таким оригинальным способом наиболее торопливые жители могли входить и выходить из своего жилища.

Один конец улицы упирался в глухую стену, другой заканчивался тесным поворотом. Здания так плотно примыкали друг к другу, что оставалась совсем узкая щель — Илне пришлось протискиваться бочком.

И сразу она оказалась в гуще городской суматохи. День клонился к концу — точнее определить время по видимому клочку неба было трудно, да никого это и не заботило. По улице, мокрой после недавнего дождя, деловито сновали пешеходы и повозки. Там и сям на месте выбитых камней стояли лужи.

Илна могла поклясться, что никогда прежде не видела этой улицы. Судя по некоторым деталям — мощеным улицам, стилю зданий, одежде жителей, — это вообще была не Каркоза. Она поймала взгляд проходившей мимо женщины и обратилась к ней:

— Простите, госпожа...

Та прижала к себе свою плетеную корзину и ускорила шаг. На лице женщины застыло озлобленное выражение.

Илна тоже помрачнела. Да уж, тут вам не родная Барка, где люди приветливы, потому что все давным-давно знакомы и уверены: именно эти лица будут тебя сопровождать до конца жизни.

Девушка пошла по улице, оглядываясь по сторонам. Вот магазин гончарных изделий... А рядом таверна: мостовая перед ней вся в темных пятнах от пивной мути. На глазах Илны мальчонка выплеснул остатки из кувшина, чтобы заполнить его свежим

пивом. Перед молочной лавкой в качестве вывески стояла мас-лобойка. С заднего двора раздалось жалобное бление овцы, болью отозвавшееся в сердце девушки. Увы, она очутилась в чужом мире, где для нее не было дома...

Ее окружали двух-, трехэтажные дома, попадались и более высокие. Довольно часто в окнах красовались таблички — сравнив единообразные буквы, Илна решила, что это объявления о сдаче внаем.

Она часто задумывалась: каково это — читать? Ей самой не довелось научиться, как-то было без надобности. Для Илны читали другие. Люди всегда выполняли ее желания.

Девушка подошла к бакалейной лавке. С одной стороны от входа, перегораживая тротуар, стояла тележка с репой и пастернаком. С другой был выставлен поднос с апельсинами, накрытый грубой мешковиной для защиты от солнца. У открытого окна восседал хозяин, наблюдавший за своим товаром.

Илна приподняла конец мешковины и начала отделять отдельные волокна. Материал был ей незнаком, но пальцы восприняли образ сухой земли и пучка длинных, как лезвие меча, листьев.

Владелец лавки в этот момент перекладывал яйца в корзинку домохозяйки. Он, не глядя, принял плату медными монетами и поднялся проводить покупательницу до дверей.

— Эй, ты! — крикнул он Илне.

Та никак не отреагировала. К этому моменту ей удалось освободить с дюжину волокон, пальцы девушки начали ловко сплетать нити в сложный узор. Бакалейщик легонько толкнул Илну в плечо. Прохожие начали оглядываться в ожидании скандала, но никто не сделал попытки вмешаться.

— Ты что, дурочка? — все больше распалялся хозяин. — А ну, убирайся от моей лавки, а не то я...

Илна закончила работу. Она подняла свою плетенку повыше, чтоб грубиян мог ее рассмотреть. Мужчина вдруг замолк на полуслове, слова угрозы так и замерли у него на губах.

Из глубины магазина появилась женщина.

— Аррек! — позвала она.

— Что это за город? — спросила Илна голосом холодным, как взгляд змеи. Она продолжала держать в руке собранный узор.

— Это Эрдин на Сандраккане, — ответил хозяин лавки. Голос его звучал до странности безжизненно.

Девушка решительно, без оттенка признательности, кивнула. Спросила:

— А где ближайший магазин, торгующий шелком и бархатом?

Женщина приближалась по проходу между полками, вытирая руки о передник.

— У Белтара бор-Холмана лавка в следующем квартале, — все тем же отсутствующим тоном сообщил бакалейщик. — На углу улицы и захолюстины.

— Аррек? — произнесла женщина из магазина. Затем подошла и теперь трясла мужчину за плечо — Аррек?

— Покажи мне дорогу, — потребовала Илна, не обращая внимания на женщину. Торговец, как сомнамбула, поднял руку и указал направление.

Илна бросила сплетенные нити на землю и зашагала прочь. Она не очень понимала, что такое «захолюстина», но уж магазин, наверное, не пропустит. За ее спиной женщина что-то возбужденно тараторила, обращаясь к мужу. Тот глубоко вздохнул, как кит, выдыхающий фонтан, и неуверенно направился к тележке с овощами.

В отличие от Каркозы, магазины в Эрдине не группировались по гильдиям, а стояли вразнобой. Девушка прошла мимо сапожника, продавца соли и какой-то забегаловки, торговавшей тушеной рыбой. Тротуар перед ней был усеян отбросами и весь лоснился от радужной чешуи. День стоял жаркий и душный. Воздух был насыщен испарениями после прошедшего дождя и запахом гниющих рыбьих голов.

Бакалейщик не удосужился снабдить Илну подробной информацией, да и вряд ли смог бы это сделать при всем желании. Девушка и сама увидела интересующий ее магазин на противоположной стороне улицы. «Захолюстина» оказалась тупичком — таким же, по которому она вступила в Эрдин.

Илна пересекла улицу, умудрившись ни разу не столкнуться ни с пешеходами, ни с грохочущими повозками. Будучи опытной ткачихой, она легко составляла узоры. Вот и сейчас заранее предугадывала, как сложится комбинация движущихся по улице объектов.

Девушка вошла в лавку, над дверями которой в качестве вывески висел кусок диагональной ткани. Несмотря на прочную окраску материи, городская грязь так въелась в сине-коричневый узор, что его почти невозможно было различить.

Магазин специализировался на дорогих тканях в тонкую полосу и клетку, с богатой каймой. Очевидно, это был последний

крик моды. Илна заметила такие платья на местных модницах — на ее взгляд, чересчур вычурно. Но о вкусах не спорят...

Продавщица, блондинка с тонкими чертами лица, как раз обслуживала покупательницу — почтенную матрону с властными манерами. Девушка демонстрировала ей один из образчиков тканей, складированных на полках у противоположной стены. Прилавок тоже был уставлен рулонами так плотно, что для торговых манипуляций оставалось всего несколько свободных ярдов. Илна оглядела смятые концы материй, свисавших с прилавка.

Наконец она обнаружила то, что искала, — рулон красной материи, засунутый под кипу таких же рулонов, от чего ширину ткани не так-то легко было сравнить с другими образцами. Девушка с трудом вытянула на несколько дюймов заинтересовавший ее рулон. Продавщица мельком взглянула на Илну, но продолжала заниматься своей покупательницей.

На прилавке лежали портновские ножницы, инкрустированные медными лилиями. Пройгнорировав их, Илна достала из чехла свой нож.

— Госпожа? — окликнула ее продавщица. — Могу я помочь вам?..

Натянув ткань, Илна отрезала бахрому с краю.

— Мастер Белтар! — закричала продавщица. Удивленная матрона застыла над своей покупкой. — Мастер Белтар!

Из задней комнаты показался мужчина средних лет, чье широкое лицо было покрыто рыжеватой щетиной. В перепачканных чернилами пальцах он сжимал ручку.

— Что вы желаете, госпожа? — обратился он к возмутительнице покоя, проследив за взглядом помощницы.

Разложив пригоршню отстриженных нитей на свободном прилавке, Илна начала переплетать их. Послеобеденное солнце давало достаточно света, хотя это было и необязательно — девушка могла работать и на ощупь. Опомнившаяся дама проскользнула мимо Илны и устремилась к выходу.

— Госпожа! — снова подал голос хозяин. Он успел уже заметить выдвинутый и остриженный рулон. — Что такое вы делаете? Сархад, приведи полицию!

— Не стоит, милочка, — остановила девушку Илна. — Этот рулон недостаточной ширины. Вы сильно рискуете своей репутацией, если будете продавать дефектный товар, не помечая его, как это сделала я.

Белокурая продавщица стояла уже у входной двери.

— Подожди, Сархад, — остановил ее Белтар. — Я сам позабочусь обо всем. А ты... пойди подмети лестницу и заднюю комнату.

Глядя во все глаза на хозяина и странную посетительницу, девушка кивнула и скрылась за занавеской. Илна молча вернулась к своему занятию. Красные нити имели грязноватый оттенок и вообще явно не тянули на тот высококачественный товар, которым торговали в лавке Белтара.

— Вы из Судебной палаты? — поинтересовался владелец магазина. — Уверю вас: если какой-то бракованный товар случайно попал в мою лавку, то я крайне сожалею и готов соответствующим образом уладить это дело...

Илна холодно улыбнулась. Надо же, ей предлагали взятку. Вообще-то в планах она связывала свою коммерческую деятельность с Валлесом. Но вариант с Эрдином не менее интересен.

— Я не имею отношения к Судебной палате, — ответила девушка. — Я здесь для того, чтоб воплотить в жизнь ваши самые смелые мечты. С моей помощью вы разбогатеете. Все, что мне надо, — это пряжа и ткацкий станок. Ну и комната над вашей лавкой...

— Госпожа, — Белтар, казалось, был искренне озадачен, — я не нанимаю производителей, а покупаю готовые ткани. Если у вас есть что предложить мне, возможно, я заинтересуюсь... Но вы сами должны устраиваться с материалами и мастерской.

— Нет, — Илна обратила твердый взгляд на торговца. — Не должна. Поглядите-ка сюда.

Она выложила свой плетеный узор на прилавок. Белтар нагнулся, чтоб получше его рассмотреть. Глаза его сузились, затем он резко отодвинулся, будто наконец поймав изображение в фокус. Руки мужчины непроизвольно двигались, как бы пытаясь схватить то, что он якобы или действительно видел перед собой.

— Вот что ждет вас в будущем, — ровным голосом произнесла Илна. — Это и еще многое другое.

Потрясенный Белтар глядел на девушку.

— Кто вы? — прошептал он.

С улицы заглянули пара покупательниц.

— Прочь отсюда! — не оборачиваясь, рявкнула Илна.

— Да, мы закрываемся! — подтвердил торговец. — Вам придется уйти!

Женщины вышли, обмениваясь возмущенными замечаниями. Илна подождала, пока не останется наедине с хозяином лавки, и затем повторила:

— Я — та, кто собирается озолотить вас. Это все, что вам нужно знать.

Белтар снова ощупал воздух перед собой. Лицо его постепенно приобретало свою нормальную окраску, но капельки пота так и застыли над рыжими бровями.

— Хорошо, — сказал он. — У госпожи Нирари сдается комната, это как раз напротив. Я сниму ее для вас. Таким образом, у вас появится свое помещение, но не в моем доме.

Проворные пальцы Илны разъединили красные нити на два пучка, и узор распался, будто никогда и не существовал.

— Годится, — подвела она итоги. — Мы отправимся туда немедленно. У меня много работы.

Девушка улыбнулась. Белтар же выглядел так, словно он забыл, что такое улыбка. При всем при том выражение лица у него было гораздо мягче, чем у Илны.

2

— Здесь в порту водятся угри величиной с ногу мужчины, — сообщил Сидрас ор-Морр с мрачной уверенностью. — Они не станут трогать живого человека, но только кинь в воду тело и — *фррр!* Только его и видели...

— Но не такие большие, как *твоя* нога, Кашел, — весело пропела под ухом Мелли. — И уж в любом случае здесь не было бы столько мусорщиков, если б люди не бросали в море все что ни попадя.

Кашел старался производить как можно меньше шума — греб, почти не вынимая весел из воды. В густом тумане их лодочку практически не было видно, но звуку-то туман не помеха.

— Не удивлюсь, если узнаю, что ты моряк, — сказал посредник. — И это, пожалуй, единственная удача на сегодня. Ты только прислушайся к ним!

С Портовой улицы доносился рев толпы, подобный штормовому ветру. Здесь, внизу, на воде, преобладали низкие звуки, но время от времени меж укрытых туманом дамб и пирсов прорывался дикий вопль звериной ярости.

— Теперь они настроены серьезно, — прокомментировала Мелли. — Но так не может долго продолжаться.

Помолчав, она добавила:

— А он мне нравится.

— На самом деле я пастух, мой господин, — сказал Кашел, продолжая трудиться. — Конечно, мне приходилось помогать рыбакам. А для того, кто в шторм выгребал на лодке, доверху грузженной рыбой, управление таким яликом, как этот, плевое дело.

— Клянусь Сестрой, это же «Золотой Дракон», если только не его двойник, — пробормотал Сидрас. — Серианские торговые корабли выглядят совершенно невероятно, но при всей своей странности плавают, как утки.

— Подай голос, Кашел, — посоветовала Мелли. — Иначе горцы, несущие вахту на мачте, могут, не разобравшись, выстрелить. Они, конечно, не очень меткие стрелки, но...

И фея заразительно рассмеялась:

— ...но ты такая крупная цель!

Юноша оглянулся через плечо и крикнул:

— Джен! Фраза! Это Кашел возвращается на лодке. Не стреляйте!

В тумане послышались голоса, но слов он не улавливал — то ли туман поглощал их, то ли говорили на незнакомом языке. Где-то по воде зашлепали весла — точное расстояние трудно было определить на слух. Но этой ночью вернее ожидать появление врагов, чем друзей.

Сидрас поднялся на ноги на корме, ялик даже не покачнулся. Это был мужчина средних лет, скорее худощавый — насколько мог судить Кашел, большая часть его массы приходилась на мускулы, хотя и жирок просматривался. Он громко закричал. Сначала Кашел подумал — по-сериански, но затем по количеству гортанных звуков понял, что это язык горцев.

Юноша огляделся: его посох лежал тут же, на банке. Правда, Кашел не знал, насколько удобно подобное оружие в схватке на воде, но надеялся на лучшее. До сих пор верный посох не подводил своего хозяина.

В ответ на речь Сидраса с темной палубы «Золотого Дракона» раздался взрыв возбужденных голосов, очевидно, упокоивших посредника.

— Гребь спокойно к доку, парень, — сказал он Кашелу, усаживаясь обратно. — У меня всегда припасены зеркальца и пара-трой-

ка стеклянных бус для этих высокогорных каннибалов. А они, в знак великой любви, накормят меня печенью своей бабушки.

Кашел преодолел остаток пути и повел ялик к ступенькам дока как раз рядом с кормой корабля. Причал повторял береговую линию и был достаточно протяженным, чтобы крупные морские суда могли швартоваться без боязни сесть на мель. «Золотой Дракон» стоял своим квадратным носом ко входу в гавань, где сигнальные огни обозначали проход между пирсами.

Кашел хотел было справиться у Мелли, действительно ли горцы съели собственную бабушку. Но потом решил, что без этой информации вполне сможет обойтись.

На набережной появились слуги с желтыми бумажными фонарями. Среди них был один из братьев-серианцев — Кашел так и не смог определить, который именно. Привязывая к лестнице швартовы, он слышал гортанную речь горцев, но разглядеть никого из них не сумел.

— Мастер Кашел, мы молились, чтоб вы не вздумали возвращаться сегодня ночью! — воскликнул Фраза. Оказывается, голоса у серианцев все-таки различались. — Подозревали, что нас могут атаковать с моря. Как там, спокойно?

— Там *не спокойно*, мастер Фраза, — произнес Сидрас, вылезая из ялика. — Даже и не думайте вывозить свой груз лихтерами¹. Похоже, мой коллега Темо восстановил всех перевозчиков против вас. Потратив на это немалые суммы, между прочим.

— Мой брат дожидается в конторе, — сообщил Фраза. — Может, пройдем туда?

— Да уж, я приехал сюда не любоваться видом порта, — проворчал Сидрас, шагая по направлению к фактории с уверенностью частого гостя. — А если вам интересно, как же нам удалось найти лодку, то могу сообщить: мастер Кашел изобрел весьма убедительный способ.

— Им не следовало плевать на меня, — смущенно пробурчал мастер. — Я им не пес какой-нибудь, чтоб пинать меня и оплевывать.

— Сегодня ночью трем лодочникам пришлось, против ожидания, искупаться в заливе, — рассказывал Сидрас, ловко пробираясь между грузами, складированными во дворе фактории. —

¹ Лихтер (*мор.*) — грузовое, главным образом несамоходное, судно баржевого типа, предназначенное для рейдовых и внутривортовых перевозок.

Увы, они даже не смогли преследовать нас, так как этот парень продырявил днища остальных двух лодок тараном, который слугит ему палочкой. Очень впечатляюще!

Груз «Дракона» был упакован в ящики из твердой древесины, а не в мешки и плетеные корзины, как привык Кашел. Пожалуй, в Барке сыщется немного зданий, столь же прочных, как эти серианские упаковочные клетки, подумал парень.

Вслух же он сказал:

— Я вернусь завтра днем и расплачусь за причиненный ущерб. Когда один из этих грубиянов плюнул в меня, я просто вышел из себя. А дальше уж все шло как шло...

Сопровождавшие их слуги с фонарями остались за дверями фактории. Внутри по стенам были развешаны лампы, дававшие столько света, что Кашел лишь удивленно заморгал.

— Не беспокойся, парень, я улажу это дело, — откликнулся посредник, поднимаясь по лестнице. Двигался он довольно тяжело — из-за тяжелого пояса с золотом, который был обмотан вокруг его талии под туникой. — Я знаю всех троих: большую часть года они работают на меня. Что не мешает им надавать по голове и мне, если случится набраться вина и чепухи про дьяволопоклонников. И то, и другое — разлива Темо.

Джен дождался посредника на верху лестницы и с поклоном пригласил в кабинет. Сидрас учтиво поклонился в ответ. Он остался стоять, пока ему не предложили кресла. Кашел прислонился к стене и улыбнулся секретарю, который в напряженной позе стоял рядом.

Шум толпы на Портовой улице заставлял вибрировать стены фактории. Нечего было и думать покинуть здание сухим путем. Даже предложение Сидраса нанять лодку выглядело сомнительным.

— Ну вы, парни, умудрились досадить Темо не хуже слепня, — усмехнулся посредник.

— Мастер Сидрас, — вздохнул Фраза, — мы с братом сделали попытку реализовать наш груз через Темо. Он повел себя нечестно и пришел в ярость, когда это выплыло наружу. Я вынужден принести вам наши нижайшие извинения.

Сидрас пожал плечами.

— Лично я всегда считал, что Темо выполз из портовых низов, — заявил он. — Но неизвестно, откуда именно. Вот что важно и вот в чем проблема.

Оба брата уселись, сложив пальцы одинаковым образом. Снаружи слышался дробный перестук камней о стену. Кашелу он напомнил звук града на шиферной крыше.

Нимало не заботясь о приличиях, Сидрас подтянул свою тунику и стал распускать тройные застежки на поясе со множеством кармашков. Под туникой он, как обычный крестьянин, носил набедренную повязку, правда, не шерстяную, а из тонкого полотна. Бедра под густой блондинистой порослью были удивительно белыми.

— Я просмотрел ваш список товаров, — сказал он. — Отличный груз, и я был бы рад поработать с ним здесь. К сожалению, при нынешнем положении вещей в Каркозе это невозможно. Мои склады сожгут — на радость Темо — если я только попытаюсь вывезти его из фактории. Этого я не могу себе позволить.

Он кивнул в сторону Портовой улицы.

— Но вот что я скажу: груз следует перевезти в Эрдин, — продолжал Сидрас. — У сандракканцев полно собственных проблем, но они, по крайней мере, не устраивают самосуд над серианцами. До этого дело еще не дошло.

— Вы же знаете, у нас нет посредника в Эрдине, — в голосе Джена прозвучал легкий намек на гнев.

— Знаю, но у меня-то есть, — возразил Сидрас. — Это мастер Латиас, тоже серианец. Его товары находятся под защитой Ассоциации уже в порту.

— Так вы готовы рекомендовать нам мастера Латиаса? — так же настороженно спросил Фраза. — Видите ли, данный господин может быть нашим соотечественником, но не зная его лично...

Сидрас выложил свой пояс на стол с приглушенным звоном, напомнившим далекие колокола.

— Я готов предложить вам золото, господа, — заявил он. — Здесь и сейчас. Вот оно — перед вашими глазами. Скажу честно: это примерно шестьдесят процентов от того, что я дал бы вам в лучшие времена. Увы, сейчас ситуация далеко не идеальная. Это все, что я могу, — принести золото. Провезти товар по улицам — ни сюда, ни отсюда — я не могу.

— Таким образом, вы принимаете на себя риск транспортировки нашего груза в Эрдин, — скорее сказал, чем спросил Джен. Он прикоснулся двумя пальцами к поясу Сидраса, но не поднял его.

— Точно. А вы обеспечиваете погрузку, — уточнил Сидрас. Он поморщился и добавил:

— Я понимаю, что после Темо вам трудно доверять каркозским посредникам. — Он хлопнул ладонью по столу, снова заставив монеты зазвенеть. — Но золоту вы можете доверять.

— Мы доверяем вам, — торжественно объявил Фраза, поднимаясь на ноги. Он что-то скомандовал секретарю на своем языке. Тот вышел из кабинета, громко повторяя распоряжение.

— Мы снова загружаем товар на «Золотой Дракон», — пояснил Джен, тоже поднимаясь из-за стола. — Ситуация снаружи становится все серьезнее.

— Это тоже дело рук Темо, — Сидрас встал и оправил свою тунику. — Не знаю, планирует ли он разграбить вашу факторию или просто сжечь дотла, чтоб отвести душу. Я всегда считал его премерзким типом, но думаю, кому-то он по душе.

Посредник кивнул в сторону пояса с деньгами.

— Здесь смешанная валюта. Большей частью — хафтские деньги, но я вынужден был собирать все, что оказалось под рукой. Счет находится в первом кармане, можете проверить.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — сказал Фраза. — Если Богиня позволит нам выжить, вы, мастер Сидрас, не пожалеете о своем решении.

В комнату снова вошел секретарь, оставив за собой шум разъяренной толпы. Джен поднял со стола пояс с золотом и передал его помощнику, что-то сказав вполголоса.

— Ну что ж, тогда мне пора домой, — решил Сидрас.

— Может, мне следует... — предложил Кашел, обращаясь как к посреднику, так и к братьям-серианцам.

— Шутишь, парень, — усмехнулся Сидрас, — я же вырос на воде. При случае я не прочь переложить часть работы на плечи такого крепкого юноши, как ты. Но уж веслами работать еще не разучился.

Он ткнул пальцем в сторону корабля, где куча матросов, без всякого намека на дисциплину, зато весело и оживленно, перетаскивала по двум трапам тяжелые деревянные ящики.

— Ты нужен здесь, чтоб благополучно погрузить мой товар на судно. А также для многого другого, если я верно оцениваю настроение толпы снаружи. Только не забывай, что я тебе сказал про угрей.

И Сидрас покинул кабинет. Кашел шагнул за ним вслед, но был вынужден задержаться у дверей, чтоб протиснуть свой посох, не влезавший в дверной проем. Братья о чем-то совещались, низко склонившись друг к другу.

— Господин? — тихо позвал Кашел, спускаясь по лестнице за Сидрасом. Зал внизу пустовал, если не считать четверки горцев, распивавших что-то из деревянных кружек и, судя по всему, не обращавших никакого внимания на шум за дверью.

— Да, парень? — не оборачиваясь, откликнулся посредник.

— Господин, почему вы это делаете? — спросил Кашел. — Мы же с вами договаривались насчет задатка и записки к Латиасу, а не полной суммы в золоте.

— Ну да, договаривались, — подтвердил Сидрас, шагая через суету и неразбериху к заднему выходу из фактории. Ткани и специи хранились в специальных упаковках, хотя, на взгляд Кашела, сундуки могли выдержать самый страшный шторм, который он видел за свою жизнь. — И, конечно, братья приняли бы подобную сделку — они сейчас в безвыходном положении. Но меня подхлестнул тот факт, что они не позволили Темо провести свою махинацию. К тому же, знаешь...

Он махнул рукой в сторону Богини Милосердия и ее демонов-охранников.

— Не то чтобы я поклонялся дьяволу... Но я веду дела с этой парой, а до того — с их отцом, вот уже двадцать лет. И за все время меня ни разу не обманывали — никакого недовеса или второсортной подделки под маркой качественного товара. Думаю, если после смерти Сестра утянет их в свой подземный мир — это ее дело. А мое дело — платить добром за добро.

Двое хафтских граждан вошли бок о бок в освещенный фонарями хаос, царящий во дворе фактории.

— И кроме того, — добавил Сидрас, — возможно, мне удастся уесть этого слизняка Темо и наварить жирную прибыль на предложенной сделке. Любой из приведенных вариантов, даже взятый по отдельности, оправдывает риски, которые я на себя принимаю.

И посредник, а вместе с ним и фея на плече Кашела, рассмеялись, причем совершенно в унисон.

3

Ноннус установил парус с той же привычной тщательностью, с которой обрабатывал раны, прежде чем их зашить. Ветер — порывистый и переменчивый, был под стать серым рваным облакам на небе.

Отшельник закрепил ванты и снова вернулся к своему месту у румпеля. Шарина улыбнулась ему, надеясь, что улыбка получилась не слишком жалкой.

— Возможно, благодаря этому ветерку мы наконец ляжем на правильный курс, — спокойно произнес Ноннус. — Хотя ручаться жизнью я бы не стал.

Помрачнев, он добавил:

— И душу свою про заклад не поставлю. Довольно и того, что я поставил на кон жизнь всех присутствующих.

— Но ты же никого не заставлял силой подниматься на борт, — возразила Шарина, и это была чистая правда, а не просто попытка успокоить друга. — Нам пришлось покинуть Тегму.

— Именно так мы и поступили, — подтвердил отшельник, поглядывая на облачное небо. Девушка знала: ветры, гнавшие эти облака поверху и раздувавшие парус челнока вниз, различались. Но, может быть, между ними есть какая-то связь?

Многие люди, например, верили в связь между расположением звезд и человеческими жизнями. Вероятно, и здесь было так же — ведь все это принадлежало одной вселенной... Очень сложной вселенной, на взгляд Шарины. Во всяком случае, человеку не дано проникнуть во все взаимосвязи и взаимодействия этого космоса.

Азера и Медер, скрючившись, сидели на носу лодки. На них было жалко смотреть — вылитая парочка мокрых и взъерошенных котов, попавших под проливной дождь. Отдышавшись после заплыва и смирившись с исчезновением острова-черепахи, колдун взялся долго и путано объяснять Шарине, что она наделала, избавившись от его магического сундучка.

Воспоминания о том разговоре снова заставляли девушку злобно сверкать глазами на наглеца. На этот раз *она* не стала понижать голос: пусть Ноннус все слышит!

Никому не нравится, когда его называют дураком и гнусным лжецом в присутствии всей честной компании. После этого Медер перестал с ней разговаривать.

— На севере есть скалы, куда тюлени приходят размножаться, — продолжал говорить отшельник, переводя взгляд на пустынный горизонт. — Если мы высадимся на одной из них, то, возможно, нам удастся повстречать кого-нибудь из пьюльских охотников... Хотя сейчас еще неподходящий сезон.

— Ничего, у нас есть рыба, — бодро откликнулась Шарина. — И даже при отсутствии дождя нашей воды хватит...

Не дослушав ее, Ноннус вскочил и в три прыжка оказался у мачты. Он молниеносно освободил такелаж от кнехта, к которому тот был привязан. В какой-то момент девушке даже показалось: он предпочтет разрезать веревки вместо того, чтоб возиться с узлами.

Но затем, вместо того чтобы освободить фал для спуска реи, он снова обернул его вокруг выступов кнехта.

— Слишком поздно, — пробормотал отшельник, выпрямляясь. — Должно быть, они уже заметили нас.

— Земля! — закричала прокуратор, вскакивая на ноги. Это было нелегко — возраст давал о себе знать, но Азера стояла, неуклюже раскачиваясь и указывая на что-то по левому борту. — Смотрите! Смотрите! Там, на горизонте, земля!

— Это не земля, — возразил отшельник, когда и Медер, раскачиваясь и хватаясь руками за края лодки, поднялся на ноги. Шарина невольно прикинула: а сможет ли выплыть парочка орнифальских недотеп, если свалится за борт? — Это колония Плавучего Народа.

Теперь и Шарина разглядела коричневатое пятно на горизонте, слишком крупное, чтоб быть кораблем. Маленькие крапинки отделились от общей массы и направились в их сторону.

— Китобойные лодки, — вздохнул Ноннус. — Ну точно, они нас увидели.

Он вернулся к румпелю с застывшей обреченностью, так отличавшейся от лихорадочной энергии, которая была из него всего мгновение назад. Произнес:

— Пожалуй, так оно и лучше...Мы оказались дальше во Внешнем Море, чем можно себе позволить на этом плавающем бревне.

Осторожно держась за борта, аристократы пробрались на корму.

— Скажи-ка, человек, они твои соотечественники? — потребовала Азера. — Или, может быть, друзья вашего народа?

Ноннус медленно поднял голову.

— Пьюльцы знакомы с Плавучим Народом, — сказал он. — Мы, наверное, единственные, кто действительно знает их. Но друзьями нас назвать нельзя. Они не дружат ни с кем... Кроме таких же, как они сами.

Он усмехнулся краешком рта.

— Да и с ними-то не особенно ладят.

Он снова вернулся к парусу, разворачивая его, вместо того чтобы спустить, как собирался первоначально.

— Не надо, чтоб они думали, будто мы собираемся бежать от них, — пояснил отшельник. — Тем более что мы и не сможем. При таком-то ветре...

Тем временем две лодки, без мачт и парусов, с дюжиной гребцов в каждой, быстро приближались к их челноку. Шарина никогда не видела, чтоб маленькие лодчонки развивали такую скорость. Они скользили по воде с грацией плывущей змеи.

— Когда они приблизятся... — произнес Ноннус, не отрывая глаз от плывущих лодок. Девушка и аристократы с плохо скрытой тревогой глядели на отшельника. — С вашего позволения, говорить с ними буду я.

— Конечно, конечно, — поспешила прокуратор.

— Если б у меня остался мой... — пробормотал Медер и умолк, случайно поймав взгляд Шарины и осознав, что в своем нынешнем состоянии девушка не склонна к долготерпению. Эдак и за бортом оказаться можно!

— Они постоянно живут на море, — тихо рассказывал Ноннус. — Порой разбивают охотничьи лагеря на Лыдых Мысах или высаживаются на скалах за Островами в поисках плавника... Но все остальное время проводят на своих лодках.

— Таких вот? — спросил Медер, разглядывая приближавшихся гостей. Корпус лодки был обтянут шкурами, солнце просвечивало сквозь каркас, и Шарина видела гребцов, стоявших на коленях.

— Это китобойные лодки, — пояснил отшельник с непроницаемым выражением лица. — Их используют только для охоты. Жилые лодки намного больше, к тому же они все связаны вместе.

Помолчав, он добавил с легкой улыбкой:

— Хотя думаю, что и там вам вряд ли понравилось бы.

К этому моменту лодки подошли так близко, что Шарина могла рассмотреть людей в них: среди них имелись и женщины. Все гребцы, независимо от пола, были обнажены до пояса. Бросались в глаза рыжие волосы и очень белая кожа, обильно смазанная жиром. Этим людям была не чужда эстетика: для украшения использовались кожаные ремешки, костяные бусы и обильные татуировки.

— В племени обычно от пятидесяти до ста жилых лодок, — сообщил Ноннус. Он не спускал правой руки со своего дротика, лежащего поверх планшира — со стороны могло показаться, что отшельник боится упустить его за борт. — Именно их вы видели на горизонте. Плавучий Народ курсирует в этих широтах между

Островами и Лыдыстыми Мысами, практически никогда не приближаясь к земле. Конечно, они зависят от ветров и течений, случается, что шторм выбрасывает китобойную лодку на берег.

— Ты сказал — «охотничьи лагерь»? — переспросила Шарина. Она старалась копировать бесстрастную манеру речи отшельника, хотя не могла отвести глаз от длинных гарпунов с зазубренными металлическими наконечниками, лежавших рядом с каждым из гребцов. — Но на кого они охотятся?

— Большой частью на китов, — ответил Ноннус. — Они строят свои лодки из костей и шкур кита. Но не брезгают и другими морскими животными... Собирают плавник. При случае не гнушаются и нападениям на потерпевших кораблекрушение моряков — если имеют перевес в силах.

Азера окаменела, Медер недоверчиво переводил взгляд с отшельника на китобойную шлюпку и обратно. Ноннус же избегал прямо смотреть на аристократов. Шарина уловила ироничные складочки в уголках его губ.

— Не волнуйтесь, с нами все будет в порядке, — произнес старик. — Они трижды подумают, прежде чем шутить с пьюльцем. Но помните: говорить с ними буду я.

Лодки приблизились вплотную и встали по бокам их челнока. На вид они были исключительно удобны и послушны, но не очень устойчивы. Высокие борта и неглубокая осадка делали их беспомощными против качки. Лодки так же легко отгоняло ветром, как морскую пену с их весел. Шарина подумала, что грести в них против сильного ветра, очевидно, почти невозможно. Вот и сейчас — Плавучие Люди с двух сторон зацепились веслами за выносные балки челнока, чтобы сохранять неподвижное положение.

Девушка имела возможность полюбоваться на украшения гостей — кожаные ремешки и браслеты. Да уж, эти необычные люди явно не поддерживали доктрину скромности и чистоты в одежде.

От их лодок и одеяний невыносимо воняло. Медер едва справлялся с дурнотой, прокуратор прикрывала нос и рот полкой своего плаща. Даже Шарина находила запах отвратительным, хотя, надо сказать, ее гигиенические требования ощутимо снизились за время путешествия.

Для защиты от холода Плавучие Люди намазывались китовым жиром, которому требовалось совсем немного времени, чтобы прогоркнуть. Китовые кости использовались прямо в свежем, неочищенном виде — гниющий костный мозг вносил свою ноту

в этот дивный букет. Так же, впрочем, как и невыделанные шкуры, которыми покрывался остов лодки.

— Эй, Лежебока! — окликнул пожилого мужчину на корме другой, из соседней лодки. Речь его, несмотря на сильный акцент, все же можно было разобрать. — Бревно-то, оказывается, не пустое. Здесь водятся мокрицы!

— Это легко исправить, — вмешался юноша, сидевший на носу лодки Лежебоки. Он поднял свой гарпун, на правой руке у него отсутствовало два пальца. Охотники явно пребывали в веселом настроении. Это была игривость кошки, уверенной в своей добыче.

Ноннус поднялся на ноги. Он обернулся лицом к Лежебоке, закинув на плечо дротик, так что острие балансировало в воздухе, направленное на предполагаемых врагов.

— Я заявляю о своем праве присоединиться к вашей общине! — выкрикнул он. — Я сам, мои женщины и мой сын!

— Тьфу, да с ними пьюлец! — озлилась одна из женщин. — Что этот мерзкий тип делает на плавающей колоде в наших водах?

Пока отшельник объяснялся с вожаком Плавучих Людей, Шарина не спускала глаз с лодки, где сидела женщина. Она свято верила в способности Ноннуса: любой человек в поле его зрения, посмеявшийся угрожать отшельнику, горько раскаялся бы в своих намерениях. Но даже у Ноннуса не было глаз на затылке...

Женщина, чьи груди, несмотря на юный возраст, свисали аж до пояса, потянулась к гарпуну, обнаруживая опасные намерения. Шарина развернула руку с топором так, чтобы солнечный свет, отражавшийся от наточенного лезвия, падал прямо той в глаза. Плавучая Женщина — потенциальная убийца — издала сдавленное горловое рычание, но руку с гарпуна убрала.

— Я заявляю о своем праве присоединиться к вашей общине! — повторил отшельник. — Я принес с собой древесину, купающую шесть человек, а нас всего четверо. Отведи меня к вашему королю, Лежебока... Или же сразись со мной, как предписывает Закон, — если ты отказываешься от моего дара!

Шарина отважилась оглянуться на Ноннуса. Он стоял неподвижно, но что-то в его стойке свидетельствовало: он готов к молниеносному броску на вражескую лодку.

Лежебока ощутимо съезжился.

— Фах! Трехпалый! Пожиратель Чаек! Привяжите концы к этой колоде, — скомандовал он.

— Мы надорвемся тащить ее домой, — проворчал Трехпалый. Лежебока проигнорировал его слова.

— Будь по-твоему, пьюлец, — злобно заявил он. — Согласно Закону ты можешь присоединиться к нашему племени... Навечно!

4

Король Карус перегнулся через перила балкона с непривычно мрачным выражением лица. Он наблюдал за событиями, происходившими внизу. Рядом с ним стоял Гаррик, вернее, его двойник из снов. В зале под ними шесть женщин в белых плиссированных рясах и белых головных уборах различной высоты стояли напротив трона, на котором восседал молодой Карус. Женщины производили странное впечатление: будто в блеске и роскоши придворных апартаментов вдруг выросли шесть прямых ледяных кинжалов.

— Это настоятельница Отверженных Дочерей Госпожи, — пояснил король Гаррику, кивнув в сторону пожилой главы делегации. Две женщины помоложе поддерживали ее при ходьбе под руки. Сейчас они стояли, готовые подхватить свою наставницу, если откажут ноги той. — Обычно земли, принадлежавшие монастырям, не облагались налогами. Мои советники убедили меня изменить данный обычай — да-да, всего-навсего обычай, не закон. Тогда мне показалось, что сделать это проще простого.

Настоятельница начала говорить. Гаррик поразился силе ее голоса, как и силе духа, скрытой в хрупком теле старухи. Честное слово, он бы лучше согласился, чтоб его высекли, чем стать объектом этого холодного презрения. Юноша растерянно посмотрел на своего собеседника.

С грустной усмешкой Карус покачал головой.

— Так часто бывает, царень, — сказал он. — Вещи кажутся простыми, пока не доберешься до сути. Ведь если бы государство начало взимать налоги с монастырей, то ему самому пришлось бы заботиться о больных и несчастных, как это делали Отверженные Дочери.

Гаррик поймал взгляд Каруса. И поразился... Создавалось впечатление, будто он смотрится в лесное озеро: ржавая вода, засыпанная листьями, искажала отражение, но это несомненно оставалось его собственное лицо!

— Мне нравились сражения, — вздохнул король, — тут мне не было равных. Люди верили мне и шли за мной в огонь и воду. Управление же государством — совсем другое дело...

Внизу фигура на троне беспокойно заерзала. Мужчины в богато отделанных мехом одеждах со всех сторон что-то нашептывали королю на ухо. Один из них развернул перед взором Каруса пергаментный свиток, как бы желая заслонить им фигуры просительниц. Настоятельница продолжала говорить, и ее слова наводили на мысль о камнерезной пиле.

— Тогда я принял решение поступить с герцогом Йольским *единственно известным* мне способом, — тихо произнес составившийся король, стоявший на балконе. — Раздавить его, как жука.

— Возможно, у вас не было выбора, — подал голос двойник Гаррика во сне.

— Может, и так, — саркастически кивнул его собеседник. — Беда в том, что я даже не попытался найти другие пути. Просто выбрал простейший... Тот самый, что привел меня напрямик на дно морское.

Человек на троне резко поднялся, на лице его были обида и разочарование. Настоятельница вытянула свой костлявый палец в обличающем жесте; один из советников фамильярно придержал короля за пышный рукав его камзола. Видать, это переполнило чашу терпения Каруса. Он в гневе закричал и вышел в дверной проем за тронном.

— Может, на сей раз, парень, нам удастся лучше управлять Островами, — заявил Карус на балконе. — И я все-таки *раздавлю*, как жука, этого наглеца, герцога Йольского!

Он рассмеялся знакомым раскатистым смехом. Это было последнее, что Гаррик услышал, прежде чем тронный зал рассыпался, балкон исчез, а Гаррик снова очнулся в теле страдающего от боли юноши. Он лежал на постели в залитой солнцем комнате, выходящей окнами на Южный Порт Каркозы.

Бледные клубы дыма с едким запахом подымались от жаровни на медном треножнике, стоявшей рядом с кроватью. Ее ножки изображали змей, свившихся в объятии. Теноктрис одной рукой бросала пучки трав на горящие угли, а другой водила в воздухе самшитовой палочкой, вырисовывая какой-то сложный узор. Она удовлетворенно кивнула, заметив, что Гаррик проснулся, но не прервала своего занятия.

Юноша лежал на животе. Он попытался приподняться на локте и услышал резкий возглас Лианы:

— Не двигайтесь!

Гаррик огляделся — он лежал обнаженный, а девушка усердно втирала мазь в глубокие порезы у него на спине и бедрах. Станным образом обжигающе горячая по ощущениям мазь уменьшала жжение в ранах. Так используют встречный огонь, чтобы остановить распространение опасного пожара.

Ну и ладно, подумал юноша, все равно Стразедон немного оставил от его туники. Лишившись жалких лохмотьев, он не сильно задел свою стыдливость. Гаррик отвернулся к окну и приказал себе не краснеть.

Раздался осторожный стук в дверь.

— Госпожа Лиана! — произнес женский голос. — Прибыл мальчик от аптекаря Нази с лекарствами, которые вы заказывали.

— Хорошо, внесите их, — распорядилась девушка, продолжая обрабатывать раны. — Я не могу сейчас достать деньги. Так что расплатитесь за меня и включите стоимость в мой гостиничный счет.

Хозяйка «Приюта Капитана» поспешно вошла в комнату со свертком, завернутым в промасленную бумагу. Прыщеватый мальчишка лет двенадцати застрял в дверях, глаза на Гаррика, пока хозяйка не выставила его в коридор. Тут Гаррик сообразил, что его собственная постель находилась в общем зале постоянного двора. Сейчас же он возлежал в отдельных покоях на втором этаже, причем, судя по обстановке и размерам комнаты, — самых лучших и дорогих.

— А... — Юноша не знал, как лучше выяснить это у Лианы. Как бы и в самом деле не пришлось просить денег у отца. — А вы не знаете, сколько такая комната будет стоить?

— Столько же, сколько стоит ваша жизнь! — рывкнула она в ответ. — А теперь лежите спокойно!

Удивленный Гаррик захлопал глазами. Он даже было решил обидеться, но потом понял: девушка сердится скорее на саму себя. Поэтому юноша промолчал, лишь мускулы его невольно напряглись в ответ на неожиданную грубость.

— Простите, — прошептала Лиана. Слезы задрожали у нее на ресницах и покатались по щекам. Она продолжала доставать мазь из каменного горшочка и с силой втирать ее в кожу, вместо того чтобы легко накладывать на раны. — О Госпожа, прости

и помощи! Это я во всем виновата. Я должна была его оставить...

И девушка упала на колени перед кроватью, будто силы внезапно оставили ее. Она стиснула руки, все еще перепачканные в жирной мази.

— Но ведь он же был моим отцом! И сказал, что нуждается в моей помощи, так как больше никому не доверяет...

— Любой бы на вашем месте поступил так же, — пробормотал Гаррик, по-прежнему глядя в окно. — И я бы не отказал, если б мой отец попросил меня.

Вот только Райз не стал бы просить — он был не настолько бессовестный. Отец же Лианы показал себя даже хуже, чем бессовестным: он, не задумываясь, подверг дочь риску, воспользовавшись ее безотказностью.

Теноктрис завершила свои песнопения. Она со вздохом облегчения накрыла резной крышкой жаровню и уселась на подоконник. Пот градом катился у нее по лбу. Не так-то просто было помахивать палочкой в воздухе — колдунья затрачивала на свой ритуал гораздо больше сил, чем это могло показаться со стороны. И результат оказался достигнут: тело Гаррика, казалось, отделилось от его сознания. Юноша прислушивался к себе, но не ощущал ожидаемой боли.

Он с улыбкой посмотрел на Теноктрис.

— Мне казалось, ты говорила, что использовать атам Бенлоу слишком опасно, — сказал он.

— Да, для магии, — улыбнулась в ответ волшебница. — А как режущий инструмент он вполне пригоден.

Как бы в раздумье, она погладила подушечками левой руки правую ладонь. Ту самую ладонь, в которой держала кинжал, заколовший Стразедона.

— Да уж, пришлось потрудиться... Зато я получила массу впечатлений, о которых не могла и мечтать.

Лиана взяла с туалетного столика кувшин с водой и наполнила оловянную кружку. Туда же она сыпнула порошка из аптекарского пакета. Полученную смесь поставила греться на крышку жаровни.

Заметив, что юноша за ней наблюдает, пояснила:

— Это латук. Небольшая доза, чтоб вы лучше спали.

Приняв его молчание за недоверие, произнесла:

— Не сомневайтесь, я умею ухаживать за больными. В монастыре Дочерям прививали навыки и хирургов, и медсестер.

И вновь она расценила улыбку Гаррика как насмешку, обиделась. Чтобы погасить конфликт, юноша быстро заговорил:

— Да-да, Отверженные Дочери Госпожи... я помню. Кстати, не знаете, они платят налоги графу Сандраккана?

— Что? — Девушка выглядела такой обескураженной, будто он поинтересовался последними модами на Луне. — Честно говоря, понятия не имею.

Она вытерла руки тряпицей, в которой Гаррик узнал остатки своей туники. Юноша хотел было попросить какую-нибудь одежду, но потом решил не привлекать излишнего внимания к своей наготе.

— Мой отец владел достаточными средствами, — произнесла Лиана, обращаясь главным образом к тряпке, которую вертела в руках. — Даже избыточными — при моих потребностях.

Она бросила взгляд на юношу и нарочито спокойно, как о чем-то неважном, продолжала:

— Я собираюсь забальзамировать его труп здесь, а затем перевезти в Эрдин. Отец не раз повторял мне, что семейный склеп по-прежнему принадлежит нам. Я похороню его рядом с матерью... Уверена, он сам решил бы именно так.

Гаррик кивнул, не решаясь посмотреть ей в глаза. Бедная девушка! У нее на глазах убили отца — выпотрошили, как цыпленка... Юноша гадал, должен ли он сказать что-то убитой горем дочери. Он попросту не знал, что следует говорить в подобных случаях.

— Я также намереваюсь выполнить договор и перевезти в Эрдин заказанных овец, — добавила с холодной яростью Лиана. — Уж будьте уверены: я разыщу человека, пославшего моего отца на Хафт. И выясню причину его смерти!

Теноктрис молча наблюдала за девушкой. Трудно было понять, что скрывается за едва заметной улыбкой старой колдуньи.

— Стражники моего отца разбежались, — пожаловалась девушка. — Что ж, я их не обвиняю, в конце концов, они имеют право уволиться... В этой ситуации я хотела бы нанять вас, мастер Гаррик. Размер оплаты можете назначить сами.

Слезы снова покатались по ее щекам. Вначале Лиана, казалось, не замечала их — лицо ее напоминало застывшую мраморную статую. Затем решительно и размашисто вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Госпожа... — нерешительно произнес Гаррик.

— Вы, конечно, понимаете, что это достаточно опасная работа — находиться в моем обществе небезопасно, — резко ска-

зала девушка. Она снова поднесла руку к глазам, но вместо того, чтоб вытереть слезы, вдруг уткнулась лицом в ладони и уже открыто зарыдала.

— А Илна знает обо всем случившемся? — понизив голос, спросил юноша у Теноктрис. Ему, конечно же, хотелось помочь Лиане, но, с другой стороны, родная Барка так далеко отсюда. И, скорее всего, Илна будет очень недовольна, когда узнает, что Гаррик *уезжает*, и ей придется одной добираться домой.

Женщины переглянулись. Это насторожило юношу.

— Дело в том, Гаррик, что Илна отправилась вслед за нами в гробницу, — спокойно сообщила колдунья. — И с тех пор ее не видели... со вчерашней ночи. Я провела поиск — может, недостаточно тщательный — ведь мне приходилось заниматься твоими ранами. Но все же...

— Мне очень жаль, Гаррик, — решительно произнесла Лиана, сцепив пальцы. — Но, возможно, ваша подруга мертва.

Гаррик попытался осмыслить сказанное... и не смог. С таким же успехом ему могли сообщить, что отцовская гостиница вместе со всеми ее обитателями ушла на морское дно. Юноша молчал.

Теноктрис передала ему кружку с жаровни. Гаррик выпил горький напиток, затем поставил сосуд на пол рядом с кроватью.

Все стало другим.

— Думаю, мне лучше какое-то время побыть одному, — произнес юноша, не глядя по сторонам. Женщины покинули комнату, Гаррик услышал их тихие голоса за дверью.

И заплакал.

5

Согнувшись в три погибели и при этом болтая без умолку, серианские матросы карабкались по сходням на палубу «Золотого Дракона». Каждый из них тащил на спине груз, рассчитанный, по мнению Кашела, на двоих таких. Вообще эти темнокожие люди, в отличие от своих хозяев — Джена и Фразы, отнюдь не производили впечатление здоровых и откормленных. И это при том, что и серианские аристократы были весьма щедрыми сложеня. По крайней мере, по меркам деревни Барки.

— Ну и выносливые эти маленькие шельмецы, — поделился своими мыслями с феей Кашел, от шагов которого прогибались

сходни. Неудивительно: при его-то весе, да еще с увесистым сундуком на каждом плече. — Ты не поверишь, насколько они сильны! А посмотришь — маломерки... Ветер дунет — улетят.

Мелли рассмеялась. Сама она невесомым комочком болталась в волосах юноши — казалось, просто еще один локон развевается на ветру.

— О да, очень сильны, — подтвердила она, но прозвучало это как-то издевательски.

В трюме «Золотого Дракона» было устроено семь поперечных грузовых отсеков, полностью изолированных друг от друга. При такой конструкции создавались, конечно, трудности с сохранением равновесия груза во время плавания. Но зато это обеспечивало лучшую безопасность и судоходность корабля. Случись пробоина, вода затопила бы только один отсек, сохранив все судно на плаву.

Капитана, одетого в обычную матросскую набедренную повязку, можно было отличить по красному кушаку. Он надзирал за погрузкой. Серианец, шедший впереди Гаррика, начал опускать свой сундук в один из отсеков. Капитан обрушил на него яростную брань, угрожая хлыстом, сделанным из спинного хребта морского ската. Он толкнул бедолагу, перепутавшего отсеки, к последней дырке — ближайшей к корме.

Следующим на палубу поднялся Кашел. Резко изменив тон, капитан что-то зашебетал (юноша не понимал ни слова) и, кланяясь, направил его к следующему люку.

Двое матросов уже прилаживали крышку к ближайшему, очевидно, заполненному отсеку. Третий привязывал ее к колышкам, используя веревку из коры какого-то дерева.

Кашел опустился на колени. Тут же из глубины трюма протянулись руки и сграбастали оба сундука, которые он нес на плечах. Поклажу оттащили внутрь и устроили вместе с остальным грузом. Матросы сверкали белозубыми улыбками, но их невнятное лопотание («тра-та-та») настраивало юношу на подозрительный лад. Совершенно неоправданно он все же чувствовал в них потенциальных врагов.

В свете развешанных на рангоуте бумажных фонариков огромная, изломанная тень Кашела наконец-то выпрямилась. Парень тяжело дышал. Все же что ни говори, а два сундука — это чересчур. Ноша оказалась тяжелой даже для Кашела, хоть он ни за что бы не признался в том вслух. Он тяжело преодолел шесть

ступенек, ведущих на шканцы¹. Они соединялись сходнями с причалом, тянувшимся вдоль набережной.

Практически весь «Золотой Дракон» был отдан под груз. Лишь на корме располагались три небольшие каюты, составленные буквой «U» и имевшие общую крышу. С платформы за корму свешивался небольшой спасательный ялик. На этой крыше, образовывавшей тоже своеобразные шканцы, в настоящий момент стояли Джен и Фраза.

Участие братьев в происходящем процессе ограничилось тем, что они перенесли в центральную каюту статуи Богини Милосердия и ее супругов. Теперь они молча наблюдали за погрузкой своего товара, ни во что не вмешиваясь. Увидев проходившего мимо Кашела, они любезно кивнули юноше. Судя по всему, офицеры и простые матросы во время плавания ночевали прямо на палубе «Золотого Дракона».

Горцы, как дети, взволнованные кипящей вокруг суматохой, тем не менее не рвались принять в ней участие. Несмотря на то что в пересчете на фунт живого веса они были никак не слабее Кашела, горцы предпочли самоустраниться от работы. Вместо того они слонялись вокруг и откровенно развлекались, подкалывая друг друга и заливаясь смехом каждый раз, как видели фею на ее обычном месте на плече у Кашела.

— Почему бы им не помочь? — проворчал юноша, обращаясь к Мелли. Он знал, что несколько горцев несли вахту в фойе фактории, но остальные-то попросту валяли дурака!

— А зачем? — парировала фея. — Зачем тебе так перетружаться?

— Как? — удивился парень. — Ведь люди же работают, Мелли!

— Я, например, не работаю, — пожалала плечами фея. — И они нет.

Засунув большие пальцы в уши и высунув язык, она скорчила рожу глазевшему на нее горцу, в чьей губе красовалась шестидюймовая щепка. На одной щеке у него была вытатуирована свастика, на другой — солнечный диск. Этот маленький нелепый гном оценил шутку феи — так зашелся в хохоте, что аж свалился на спину.

Кашел подождал, пока трое матросов, сгорбившись под своим грузом, миновали ворота внутреннего двора, теперь уже почти

¹ Шканцы (*мор.*) — часть верхней палубы судна между грот-мачтой и бизань-мачтой.

пустого. Юноша направился к дверям крытого склада, но у дверей его встретил секретарь, отчаянно размахивая руками. Он разговаривал только на своем языке, но при помощи мимики и жестов ему удалось объяснить Кашелу, что там ничего уже не осталось.

Юноша направился к последнему сундуку, одиноко стоявшему посреди двора. Надо отметить, что хотя стиль работы серианцев казался Кашелу суетливым и беспорядочным, дело свое они сделали. Пожалуй, если такая галдящая команда выйдет по осени в поле, то сведет с ума любого нормального хозяина. Тем больше будет он удивлен, увидев свой урожай убраным в срок.

— Кашел, — услышал он *специальный* голос феи. Этот ровный тон Мелли использовала, когда время для шуток кончалось. — Пора ретироваться, они идут.

— А? — не понял юноша.

Где-то затрещало ломающееся дерево. Секретарь выскочил из здания фактории и, отчаянно вереща не ходу, помчался к началу. Снова раздался треск — входные двери ломались под напором уличной толпы. Должно быть, они использовали таран: уж больно быстро все произошло, да и стука топоров не было слышно. Просто два толчка — и толпа ворвалась внутрь.

Раньше Кашел оставил свой посох неподалеку от ворот, прилонив его к стене. Удостоверившись, что любимое оружие на месте, юноша наклонился и обеими руками подхватил тяжеленный сундук: правая держит за заднюю ручку, а левая поддерживает ношу снизу. Похоже, в ящике была керамика, впрочем, сейчас это не имело ни малейшего значения.

Трое кривоногих горцев поспешно выкатились из здания фактории. Последний из них отставал — кровь сочилась из глубокого пореза на бедре, зато в руке он сжимал окровавленное ухо противника. Кашел встал поудобнее и приготовился к броску.

В этот момент в дверях показались уличные хулиганы — молодчики типа тех, с кем ему пришлось сражаться в день знакомства с Дженом и Фразой. Ба, а это кто? За спиной мятежников топтались охранники Темо — видно, громоздкое оружие помещало им оказаться в передних рядах атакующих. Кашел напрягся и швырнул в гущу толпы свой сундук — так, как кидал дома на спор огромные валуны во время Праздника Урожая.

Он не знал точно, сколько весу в его метательном снаряде — может, две сотни фунтов или около того. Во всяком случае, бросок развернул парня на сто восемьдесят градусов.

Зато деревянная дурында достигла своей цели — врезалась в шеренгу нападавших где-то на уровне груди. Людской заслон развалился, чего нельзя сказать о сундуке: все той же монолитной глыбой он влетел в гущу напиравшей толпы. Стоит ли говорить о состоянии тех, кто оказался на его пути? Человеческой плоти трудно тягаться в прочности с закаленной древесиной...

Схватив на ходу свой посох, Кашел бросился к носовым сходам. Он не поддавался панике, но достаточно быстро двигался вдоль причала, вдоль раскачивающихся бумажных фонариков. Все матросы были уже на борту «Золотого Дракона», но несколько горцев подзадержались на набережной.

Они решили поддержать героическую борьбу Кашела с нападавшими, выпустив стрелы из своих изогнутых луков. Пара глухих «*крак!*» обозначила попадание в деревянные щиты темовских охранников, но, судя по пронзительным крикам из толпы, остальные стрелы нашли свои цели.

— Вниз! — взвизгнула Мелли, и парень, не задумываясь, поднырнул на бегу. В самое время: смертоносный снаряд просвистел у него прямо над головой. Ухмыляющийся лучник сидел, обвив ногами перекладину главной мачты «Дракона». Да уж, Мелли предупреждала, что горцы не очень меткие стрелки...

Обычно корабли покидали порт с помощью гребных буксиров, но сегодня ночью ситуация была экстраординарная. Помощи ждать не приходилось, и матросы изо всех сил отталкивались шестами от причала, пытаясь сдвинуть «Золотой Дракон» с места. Сходни пока еще не убирали, и отставшие горцы карабкались по ним на манер лесных обезьян.

Кашел не спешил последовать за ними. Стоя у трапа, он развернулся лицом к фактории.

— Мелли, дорогая, — сказал он, не рассчитывая, что фея услышит его, — тебе бы лучше убраться отсюда.

Фонари, раскачивавшиеся у него над головой, бросали мягкий, сказочный свет на набережную.

Из тысяч мятежников, бузивших на Портовой улице, всего несколько десятков прорвались в задний двор. Остальные задержались в здании фактории — оттуда доносился треск ломающейся мебели и звон выбитых окон. Слава Госпоже, весь груз, за исключением того ящика, что Кашел метнул в толпу, находился на борту корабля.

Первыми во внутренний двор выбежали двое темовских охранников. Это были не те, которые приняли на грудь сундук

Кашела — те бедолаги сейчас, наверное, баяюкали сломанные ребра, если не что похуже. Их товарищи вели себя куда осмотrierнее — щитами они прикрывались от стрел горцев и настоpженно оглядывались.

— Сюда! — крикнул один из охранников. — Проклятые дьяволопоклонники прячутся здесь!

Они осторожно, бочком, двинулись вперед. Из дома выбежал еще один охранник вместе с десятком горожан. Кто-то из них был с ног до головы вымазан кровью, явно не своей. Окна на втором этаже фактории ярко осветились — мятежники подожгли контору серианцев.

Еще несколько стрел просвистело в направлении толпы, но, к сожалению, горцы были скорее охотники, чем солдаты. Их колчаны представляли собой узкие бамбуковые трубки, куда помещалось всего по три-четыре стрелы.

Кашел продолжал стоять на месте, поджидая нападающих. Он зорко следил за всеми перемещениями бандитов, не обращая ни малейшего внимания на их лица. Лица сейчас ничего не значили. Новые мятежники высыпали во двор фактории.

Заметив Кашела, стражники принялись размахивать мечами.

— Хватай его! — крикнул один из них, делая обманный выпад в сторону юноши. Второй пер вперед, прикрывая голову высоко поднятым щитом. Кашел размахнулся и по широкой дуге прошелся своим посохом в районе коленок незадачливого охранника.

Вопя от боли, парень рухнул, как подкошенный. Шлем отлетел в сторону, меч брякнулся об землю. Третий стражник, бежавший следом, споткнулся о своего товарища и свалился поверх него. Кашел улучил минутку и от души шлепнул его по затылку деревянной ручкой посоха. Готов...

Юноша принялся вращать перед собой посох, перехватывая его попеременно двумя руками. Он глядел на толпу сквозь круговерть деревяшки и молчал.

Уцелевший охранник, прихрамывая, пробирался к сходям. Он не обнаруживал ни малейшего желания свести знакомство с человеком, швыряющимся тяжеленными сундуками. Несколько десятков горожан толпилось на набережной. Число их росло по мере того, как разгорался пожар в здании фактории.

Многие были вооружены дубинками или металлическими прутьями, виднелось даже несколько мечей. Кто-то из толпы кинул одинокий камень, но тот улетел в сторону, попав в орбиту

вращения кашеловского посоха. Благодарение Госпоже, мятежники не прихватили с собой больше метательных снарядов, а во дворе фактории это добро отсутствовало.

Кашел рискнул бросить быстрый взгляд через плечо назад. Судно, перегруженное товаром, все никак не могло оторваться от берега. Некоторые мятежники прыгали через зазор, пытаясь помешать кораблю отчалить. Кто-то швырнул горящий фонарь. Бумага вспыхнула, горящее масло потекло по палубе, грозя пожаром всему судну.

Кашел полностью сосредоточился на вращающемся посохе. Все прочее отступило в сторону. На металлических ободах посоха танцевали голубые искры, холодные, как иней в зимнем лесу.

Посох вращался все быстрее. Казалось, руки юноши не способны выдерживать такой бешеный темп, но они продолжали работать... Рассекая воздух, создавая свистящий, рычащий ветер.

«Золотой Дракон» наконец отчалил от берега. Сходни выскользнули из-под ног Кашела и шлепнулись в воду. Юноша продолжал стоять на прежнем месте с крутящимся посохом в руках. Металлические наконечники описывали в воздухе сплошной свистящийся круг, державший напуганную толпу на расстоянии.

— Прыгай! — раздался крик Мелли.

И Кашел прыгнул назад, перемахнув через нос судна и грохнувшись на палубу. Корабль задрожал, но не прервал своего скольжения от берега. Юноша лежал на животе, чувствуя: сил не осталось ни на что. Даже дышать...

Из отверстий в корпусе показались длинные весла, капитан покрикивал на матросов и пощелкивал своим шипастым хлыстом. Толпа с набережной снова ломанула в ворота, слишком напуганная, чтоб осознать: здание охвачено огнем и вот-вот рухнет им на голову.

— Ты такой *сильный*, Кашел! — проворковала фея, прижимаясь к его уху.

В этот момент над кораблем раздалась истошная вопли, как будто резали свинью. Одному из мятежников сильно не повезло — он остался на «Золотом Драконе». Несколько смеющихся горцев припилили его к палубе, в то время как их вожак пилил ему горло костяным ножом.

Кашел изо всех сил стиснул в руках посох, глубоко вздохнул и позволил себе нырнуть в забытие, освещаемое вспышками голубого пламени.

6

До той поры, пока Шарине удавалось задерживать дыхание, наиболее удивительной вещью в селении Плавучего Народа ей представлялся айсберг в его центре. Он блестел в солнечных лучах, как огромный драгоценный камень в оправе из обтянутых шкурами лодок. Величина ледяной горы подавляла и снижала впечатление от жилищ Плавучих Людей, просто поразительных по обычным человеческим стандартам.

Но стоило девушке вздохнуть — и снова самые сильные ее чувства были связаны с запахом, царившим в деревне.

— Полагаю, рано или поздно я привыкну, — пробормотала Шарина, и на данный момент это пугало ее больше.

Четверо путешественников находились внутри лодки Лежебоки. Девушка с отшельником сидели рядом на корточках лицом по ходу движения. Аристократы находились тут же рядом, так близко, что колени Азеры почти касались шарининых.

Когда маленькая экспедиция достигла деревни, команда Лежебоки быстренько подогнала челнок к собственному жилищу — одной из шестидесяти-восьмидесяти одинаковых лодок, связанных веревками в один большой круг с айсбергом в центре. Когда с этим делом было покончено, китобойные ялики со всеми взрослыми членами семейства тронулись в направлении двух жилых лодок, связанных на манер катамарана и располагавшихся в полумиле по периметру круга.

— Куда они нас везут? — спросил Медер; он уже не добавлял уничижительное «человек», обращаясь к Ноннусу. Правда, Шарина затруднялась определить, что было тому причиной: признание авторитета отшельника или простой страх.

— В королевскую резиденцию, — кивнул в сторону спаренных лодок отшельник. — Там живет король со всей своей семьей и охраной. Видите, корпуса лодок соединяются палубой, на которой обычно собираются граждане для проведения совета.

— Граждане? — недоверчиво переспросила девушка.

— Те, кто способен принимать участие в охотничьих вылазках, — пояснил Ноннус, — считаются гражданами поселения. В противном случае ты становишься собственностью того жителя, который соглашается тебя кормить. Если же таковых не находит-ся... что ж, море вокруг большое.

Четверку иноземцев поместили внутрь жилой лодки Лежебоки, пока туземцы привязывали их челнок снаружи. Шарина получила возможность разглядеть остальных членов семейства: два десятка детей, не достигших отроческого возраста, и шестеро престарелых взрослых — только один из них был мужчиной. На прибывших глядели с отвращением, смешанным с благоговейным страхом. Дети, те, вообще, старались не попадаться на глаза чужакам.

Один мальчонка и вовсе спрятался, свесившись за борт лодки. Он исчезал всякий раз, когда Шарина бросала взгляд в его сторону — лишь костяшки пальцев белели на краю борта, и пробочкой выскакивал, когда опасность, в его понимании, миновала. Наверное, ноги его болтались в воде. Впрочем, похоже, никого из Плавающих Людей не волновало соседство с холодной водой.

Трехпалый стоял на носу лодки Лежебоки. Судя по всему, он являлся хозяйским сыном, хотя Шарина подозревала, что родственные связи в этом племени были крайне перепутаны.

Время от времени, с периодичностью в двадцать ударов весла, Трехпалый подносил к губам спиральную аммонитовую раковину и изо всех сил дул в нее. Если б удалось распрямить раковину, получился бы отличный горн восьми футов длиной. Поверхность аммонита отливала на солнце легким перламутровым блеском... Совершенно неожиданно красота этого зрелища примирила Шарину с той вонью, что царила вокруг.

Ноннус также рассматривал горн.

— Говорят, Плавающие Люди поклоняются Великим из Глубины, — сказал он, понизив голос до шепота. — Правда, люди много чего говорят. И о пьюльцах тоже...

Отшельник грустно улыбнулся своим воспоминаниям:

— Обычно правда и сама по себе достаточно отвратительна...

Прислушиваясь к словам старика, Медер с живейшим интересом разглядывал окружающую его картину. В противоположность ему, госпожа прокуратор сидела молча, с абсолютно отрешенным видом — слишком измученная для выражения хоть каких-то чувств. Шарину внезапно поразила худоба женщины: похоже, она потеряла половину веса с тех пор, как появилась в Барке. То, что раньше не бросалось в глаза, теперь — в окружении других людей — стало явным.

Айсберг представлял собой просто необозримую массу, доминирующую над всем поселением. Его грани, в зависимости от освещения, отливали то голубым, то зеленым, то ослепительно-белым.

Ноннус заметил, что девушка разглядывает ледяную гору.

— Еда не является проблемой в море, — сказал он. — В противоположность пресной воде. Рассчитывать на дожди не приходится, к тому же воду трудно хранить.

Он сделал жест в сторону айсберга.

— Каждую весну от Лыдистых Мысов отрываются такие ледяные горы. Они следуют теми же маршрутами, что и Плавающие Люди, — естественно, одни ветры, одни течения... Деревня выстраивается вокруг такого айсберга и существует год или около того — пока он не растает. Затем они находят новый...

— Айсберги это *пресная* вода? — спросила Шарина. — Думаю, да, раз они сходят с земли.

— Племя очень редко снимается с места, — продолжал рассказывать Ноннус. — Но иногда приходится видеть целую деревню, плывущую в море. Это, доложу я вам, *зрелище*!

С королевского катамарана раздался звук горна. Жители Плавучей Деревни начали покидать свои жилища, чтобы направиться туда на охотничьих яликах и странных плавательных приспособлениях — маленьких одноместных понтонах, как их определила бы Шарина. Эти штуки представляли собой кожаные пузыри с направляющей из китовой кости с одной стороны. На них надо было садиться верхом, как на лошадь, и быстро грести двухлопастным веслом. Море просто кишело от этих невиданных «людок».

— Ну, теперь начнется говорильня, — пояснил Ноннус. Несмотря на легкий тон, правой рукой он поглаживал древко своего дротика — это выдавало напряжение старика. — Сначала будут обсуждать нашу судьбу. Но это ненадолго. А затем примутся делить наш челнок, и вот *здесь* спор грозит затянуться.

Кожаная лодка двигалась так, будто была живая и к тому же обладала дурным характером. Ее каркас изготавливался из распиленных китовых ребер, составленных вместе и связанных сухожилиями. Поверх каркас покрывался китовой же кожей, сшитой изнутри торчащими стежками. Причем мастера умудрились не сделать ни одной сквозной дырки. И даже при этом все швы были тщательно промазаны густым жиром, вероятно, переработанной китовой ворванью.

Шарине многое казалось странным в здешних лодках. Например, то, что гребцы сидят лицом к носу, а не к корме, как принято повсюду. Высокие борта создавали у нее скорее впечатление ловушки, а не надежной крепости. Девушке не нравилось, как

гнется дно у нее под ногами. И ей *очень* не нравилось, как эта лодка пахнет.

Правда, она отдавала должное судоходности местных судов: они способны уцелеть во время шторма, который погубит любую деревянную посудину. Ведь лодки держались на морской поверхности подобно масляной кляксе. Ничего удивительного: иначе невозможно было пережить зиму в здешних широтах.

Лодка Лежебоки приблизилась к королевской резиденции и остановилась — все весла одновременно развернулись и замерли. Причем за все время плавания не прозвучало ни одной команды: сигналы горна Трехпалого адресовались жителям Плавучей Деревни, а не команде. Тем не менее гребцы работали совершенно синхронно без всякого управления извне.

Шарине пришли на ум рыбы косяки или стаи голубей, где тысячи отдельных особей функционировали как единый организм, внешне никак не координируя свою деятельность. Девушка поймала себя на том, что думает о Плавучих Людях (одной Госпоже известно, почему) скорее как о диковинных животных, чем о подобных себе.

Члены семейства Лежебока с гарпунами наперевес попрыгали на борт и двинулись вперед, расталкивая членов королевского семейства. Те толкали их в ответ, возникла сутолока. Одна из женщин упала в воду, но тут же поплававком выскочила и одним ловким, каким-то дельфиньим движением вспрыгнула обратно.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул Лежебока. — Привяжите лодку!

Никто не откликнулся на его призыв. Сам Лежебока, не такой резвый, как его молодежь, тяжело перевалился через планшир. Ноннус скептически усмехнулся. Он пробрался на нос лодки и накинуд фалинь¹ на одно из китовых ребер, торчащих вверх из корпуса катамарана.

Веревка была не плетеная, а сделана из целикового куска толстой кожи — достаточно грубой и твердой, чтоб заставить Ноннуса потрудиться, прежде чем он сумел соорудить петлю.

— А что бы они делали, если б лодку отнесло? — спросила Шарина.

¹ Фалинь (*мор.*) — веревка, крепящаяся к носу или корме шлюпки; с ее помощью шлюпка буксируется, привязывается к пристани или к борту судна.

— Поплыли бы за ней, — ответил отшельник, пожимая плечами. — Плавучие Люди почти все делают на воде. На суше же, полагаю, они стоят не более, чем такая же куча тюленьих кишок. Кстати, очень полезное удобрение!

Осознав, что сказал, Ноннус сам поморщился.

— Прости, дитя мое, — пробормотал старик. — Я вернулся в места, где прошла моя молодость. И изъясняюсь, как по молодости... и по глупости.

Команда Лежебоки оставила своих пленников без внимания, зато вся королевская семейка облепила борта лодки, разглядывая чужеземцев.

Мужчины громко и заинтересованно обсуждали достоинства девушки. Шарина невольно напряглась. Ей приходилось оказываться в подобных ситуациях, например, за прилавком в отцовской гостинице во время Сельскохозяйственных Ярмарок, когда в Барке было не протолкнуться от приезжих. Но там у Райза приличное заведение, и если кто-нибудь из перепивших посетителей забывался, что ж... Всегда к их услугам был Гаррик и соседские парни.

Здесь же Шарина могла надеяться только на Ноннуса.

Одним прыжком отшельник вспрыгнул на бортик жилой лодки.

— Дайте пройти моим женщинам! — прорычал он, вращая над головой свой дротик. — Дайте пройти моему сыну!

Плавучие Люди сердито заворчали. Ноннус подпрыгнул, выбросив правую ногу, затем левую и снова правую... Со стороны казалось, что он исполняет какой-то сложный танец. На самом деле каждое такое па завершалось ударом в лоб кому-нибудь из аборигенов — таким образом отшельник расчищал место для своих подопечных.

— Пошли! — бросила Шарина аристократам. Она сунула свой топорик в веревочную петлю на поясе и довольно бесцеремонно рванула госпожу прокуратора к борту королевской лодки.

— Мы идем, Ноннус! — крикнула она.

Дул легкий бриз, охотничий ялик причалил с подветренной стороны от лодочного жилища. Поднатужившись, Шарина подпихнула туда Азеру. В тот же момент отшельник подхватил беднягу и перекинул ее через бортик, шлепнув у своих ног. Получилось на удивление лихо, будто этот маневр неоднократно отработывался раньше.

Медер самостоятельно вскарабкался и перекатился через борт. Вышло это у него не очень ловко, но по крайней мере его не пришлось перебрасывать, как мешок с зерном.

Шарина отдавала себе отчет, что по части балансирования ей далеко до Ноннуса. Но девушка была молода, самолюбива, к тому же взвинчена до предела необычной обстановкой. Посему она одним отчаянным прыжком вскочила на борт короновской лодки, замерла там на мгновение и спрыгнула вниз. Отшельник издал насмешливое кудахтанье и не спеша сошел, как по ступеням, по каркасу сооружения.

Четыре с лишним десятка Плавающих Людей обступили четверку чужаков. Сидя в лодках, они напоминали сложением богов — широкая грудная клетка, развитая мускулатура на плечах и руках.

Сейчас же, когда они стояли вокруг, Плавающие Люди здорово проигрывали: короткие, слабо развитые ноги придавали им безобразный и жалкий вид. Передвигались они с грацией обезьян, только что спустившихся с ветвей. Должно быть, их максимальные пешие прогулки исчерпывались протяженностью жилой лодки.

— Пропустите их сюда! — крикнул мужчина, восседавший на платформе, соединявшей крылья катамарана. — Эй вы, не балуйте там! Я сам буду разбираться с ними!

— Вы слышали, что сказал король? — рявкнул на толпу отшельник. Он размахивал перед собой древком дротика, чтоб расчистить дорогу.

— Не отставайте, — бросил он своим товарищам, направляясь к платформе.

Жилые лодки имели форму цилиндров с закругленными концами, длиной примерно сто футов и шириной около сорока. Вся конструкция — нос, корма, борта — имела в основе остов из китовых костей, обтянутый шкурами. Эти крытые участки изобиловали многочисленными зловонными кавернами — вонючими даже по меркам Плавающего Народа.

То, что не покрывалось шкурами — средняя часть днища, было немногим лучше. Система очистки и откачки отходов отсутствовала. Навозная жижа под ногами кишмя кишела всевозможными насекомыми. Четверо гостей невольно старались держаться поближе к бортам, в то время как местные обитатели беспечно шлепали, не глядя под ноги.

— Безумие какое-то! — воскликнула Азера.

— Это результаты вашей магии! — парировала Шарина.

Ноннус, шествовавший со своим дротиком впереди группы, ничего не сказал, но на губах у него промелькнула легкая улыбка.

В основе конструкции жилой лодки лежало множество непересекающихся треугольников, соединенных общим покрытием. Благодаря такому подвижному соединению лодка легко гнулась даже при относительно небольшом волнении — как сейчас. Гнулась, но не ломалась. Подобное морское сооружение было способно вынести даже самый жестокий шторм. А покрытие из китовой шкуры — толстое и эластичное — вполне могло поспорить по прочности с деревянным корпусом. Оно не трескалось и не давало течь.

Помост длиной сорок футов представлял собой обтянутую все той же китовой кожей раму, соединявшую планширы обеих королевских лодок. Высота надводных бортов лодок составляла всего пять футов, поэтому морские волны, даже в такой тихий день, как сегодня, бились в дно помоста, а случалось, что при покачивании лодок и захлестывали его. Это совершенно не смущало несколько десятков Плавающих Людей, стоявших и сидевших на площадке.

Ноннус помог своим подопечным взобраться на качающийся помост, затем одним гибким движением поднялся сам. Шарина знала, что отшельник почти так же стар, как прокуратор, но глядя на его легкие и проворные движения, никто бы не поверил в это.

На троне из бивней моржа и перламутра сидел грузный, пожилой мужчина. Он казался старше большинства собравшихся Плавающих Людей. Его окружали шестеро молодых крепких парней в специальном снаряжении. Их щиты и шлемы были сделаны из кожи морских демонов. Как и все жители этой морской деревни, они не расставались с гарпунами, один же из охранников являлся счастливым обладателем стальной сабли.

— Стражу здесь называют Королевскими Сыновьями, — прошептал Ноннус на ухо девушке. — Вполне возможно, они действительно его родственники, хотя и необязательно.

Стоявшая на коленях рядом с троном пожилая женщина установилась на прищельцев с напряженным интересом. Вначале Шарине показалась, что она одета в синий балахон. Но когда старуха поднялась, оказалось, что все ее тело было покрыто затейливой татуировкой в виде разнообразных завитков. Она проковыляла вдоль края помоста, опираясь на посох, сделанный из бивня нарвала.

Лежебока слишком близко приблизился к королю, поэтому один из стражников ткнул его своим гарпуном, заставив отойти

на предписанное этикетом расстояние. Однако силу его голоса он умерить не смог.

— Король Длинные Пальцы, — проревел Лежебока, — эти жители Островов находились в море неподалеку от древесины, которую я обнаружил. Я заявляю свои права на это дерево и на чужестранцев как моих рабов.

Пальцы Шарины легли на рукоятку топора. Ноннус же древком своего дротика ловко подцепил лодыжки незадачливого «рабовладельца» и свалил его лицом в грязь. Под общий хохот королевская стража откатила Лежебоку подальше от трона. Плавающие Люди в восторге колотили ладонями о помост, уподобляя его гигантскому барабану.

— Король Длинные Пальцы, — обратился отшельник, — Я — Ноннус сын Брана, уроженец острова Пьюла. Я привез тебе упомянутое дерево в качестве платы за присоединение моей семьи к вашему племени. Пять палок такого диаметра...

Пальцами левой руки он образовал полукруг, чтоб обозначить диаметр рукоятки весла, которые использовались при постройке челнока; острием дротика он нарисовал окружность на поверхности помоста.

— ...и такой длины, — Ноннус отошел на двадцать футов от трона, толпа расступилась перед ним и его дротиком.

— Также три куска такого диаметра... — это про балки и мачту, переделанные из рангоута триремы, — и такой длины. И, наконец, бревно вот *такой* толщины...

Ноннус развел обе руки в широком жесте.

— ... и такой длины, но выдолбленное на треть своего объема. Клянусь честью пьюльца!

Толпа изумленно ахнула. Плавающий Народ широко использовал в обиходе кость, но страдал от недостатка древесины. Бревна такого размера, как челнок, и вовсе являлись редкостью в жизни племени.

— Надо еще посмотреть, чего стоит честь пьюльца! — раздался голос из стана Лежебоки.

— Если там обнаружится древесины хоть на пядь меньше, чем я сказал, — парировал Ноннус, — то лично тебе, Трехпалый, это будет стоить твоих зубов и твоего сердца! Зубы я повешу себе на шею, а сердце попросту съем. Ну что, заключим сделку?

Промолчав, Трехпалый ретировался за могучую отцовскую спину. Отшельник приблизился к королевскому трону, держа дротик на плече.

— Это составляет взнос за шесть граждан! — подвел он итог. — Я плачу за себя, двух моих жен и сына, находящегося на моем попечении. Он не вполне здоров и не может охотиться, но я клянусь своими богами самостоятельно заботиться о нем.

— Та-а-к, пьюлец, — промолвил Длинные Пальцы, голос у него был грубый и пронзительный. — И к чьей же семье ты примкнешь, если войдешь в наше племя? Лежебоки?

Толпа вокруг помоста все росла по мере того, как прибывали лодки от близлежащих жилищ. Предложение короля вызвало общий шум. Всем было ясно, что такой поворот событий повлечет за собой скорую смерть — Шарина нимало не сомневалась, что это будет смерть Лежебоки.

— Я сам являюсь отцом семейства! — провозгласил Ноннус. — И, пока не построю собственное жилище, буду жить в твоей резиденции, король!

Еще в начале разговора старуха с татуировками скрылась в толпе. Сейчас она внезапно вынырнула рядом с Медером и что-то сказала ему вполголоса. От неожиданности колдун подпрыгнул. Заметив это, Шарина приподняла свой топорик, с которым не расставалась с тех пор, как они прибыли на королевский совет.

— Нет, пьюлец, думаю, мы поступим по-другому, — произнес Длинные Пальцы, лениво растягивая слова. — Придурок, ты возьмешь пьюльца и его рабов к себе на борт. Думаю, от лишнего веса твоя лодка не затонет, но...

Он улыбнулся, обнаружив нехватку передних верхних зубов:

— ...если боги будут настолько немилостивы, то мне не хотелось бы потерять благоприобретенную лодку. А, что скажешь?

Все рассмеялись, за исключением неуклюжего лысого мужчины и дюжины его родственников.

— Моя лодка вовсе не так плоха, — сердито огрызнулся он.

Все это время Медер и татуированная женщина что-то оживленно обсуждали, близко склонившись друг к другу. Азера поглядывала на них с живым интересом. Шарина тоже несколько расслабилась, хотя, надо сказать, такое развитие событий ее не радовало.

— Хорошо, мой король, — с поклоном произнес отшельник. — Я признаю твою власть перед Законом.

Он отступил на шаг. На его место вышли Лежебока, Придурок и еще с полдюжины мужчин постарше, которые также претендовали на владение древесиной. Спор возобновился.

— За мной, — скомандовал Ноннус. — Отсюда мы поплывем в лодке Придурка, и нам надо быть готовыми, когда он придет. У меня нет желания добираться вплавь.

— Я остаюсь здесь, человек, — неожиданно заявил Медер. — Мы с Путеводной Звездой хотим еще поговорить. Она обещает, что я вернусь до темноты.

— Да? — Лицо отшельника ничего не выражало. — Как знаешь, мастер Медер. Ты волен выбирать себе дорогу.

Он резко отвернулся и бросил женщинам:

— Пошли!

Девушка была вовсе не уверена, что прокуратор послушается, но та, неожиданно охотно, пошла за отшельником. Она заметно воспрянула духом, заметив переговоры Медера со старухой.

Шарина не представляла себе, как Ноннус собирается отыскать лодку Придурка среди десятка стоявших посудин. Но не в ее правилах было сомневаться в решениях своего наставника. Лодки, пришвартованные по другую сторону катамарана, казались совершенно такими же, как та, что принадлежала семейству Лежебоки.

— Его жилище действительно может затонуть? — тихо спросила девушка.

— Все случается, — пожал плечами отшельник. — Вещи начинают разваливаться, как только появляются на свет. Однако жилища Плавучих Людей куда прочнее большинства вещей, к которым ты привыкла на суше. Если потребуется какой-то ремонт, что ж, тем лучше — будет чем заняться, пока не найдем способ убраться из этого места.

Два десятка молодых парней покинули королевский совет и, держась на расстоянии гарпуна, окружили Ноннуса с женщинами. Не обнаруживая открыто враждебных намерений, они тем не менее предпочитали не подходить ближе.

Среди них был и Трехпалый.

— Эй, пьюлец, — окликнул он отшельника. — Ты уже старик, и не сможешь удовлетворить молодую жену. Мы думаем, лучше тебе добровольно уступить ее нам, чем потом наблюдать, как она тайком будет бегать к более удачливым мужчинам.

Шарина выдернула свой топор из веревочной петли.

Презрительный смех Ноннуса прозвучал отголоском ночного кошмара. Он сделал несколько шагов к борту лодки, не отрывая взгляда от молодежи.

— Кто посмеет отнять у меня моих женщин? — громким, вызывающим голосом спросил он, пританцовывая на месте. Вскочив на костяной бортик, он несколько раз перекинул дротик из одной руки в другую. — Кто этот смельчак? Может, ты, Трехпалый, желаешь сразиться со мной?

Парни невольно подались назад. На них с интересом взирали зеваки — в основном детишки из королевского дома.

— Мы не можем сразиться с тобой, так как у тебя металлическое копье, — пробормотал один из гребцов Лежебоки.

Ноннус так резко прыгнул с бортика, что даже Шарина (которая ожидала чего-то подобного) не успела глазом моргнуть. Еще в прыжке отшельник перекинул дротик из правой руки в левую, а, приземлившись, выхватил гарпун Трехпалого у его владельца.

Юноша ахнул и отскочил назад, столкнувшись со своими товарищами.

Ноннус с силой метнул похищенный гарпун в грудь говорившему, правда, не острием, а древком вперед. Хрустнули ребра, несчастный парень опрокинулся на спину, судорожно лоя воздух открытым ртом.

— Так вы боитесь моей стали, мелкие людишки? — воскликнул отшельник, вспрыгивая обратно на бортик. — Напрасно. Бойтесь *меня!* *Меня* бойтесь!

Этот эпизод вызвал у компании молодежи приступ веселости. Все разразились хохотом, за исключением Трехпалого и бедняги, который по-прежнему лежал, молотя ногами и пытаясь вдохнуть хоть глоток воздуха. Один из его бывших товарищей презрительно пнул его, когда тот чуть не задел его в своих судорогах.

Все еще смеясь, ватага разбрелась кто куда. Несчастному пострадавшему наконец удалось перекатиться на живот, и теперь он, поскуливая, отползал в сторону — от греха подальше.

Ноннус остановился возле Шарины.

— Думаю, теперь все будет в порядке, — сказал он. — Но ты все равно не отходи далеко от меня.

Девушка кивнула.

Медер и старуха с татуировкой сидели на корточках в углу помоста. Обратившись лицом друг к другу, они о чем-то беседовали. Колдун держал в руках нечто, похожее на гравированный клык моржа, и рьяно жестикулировал. Тусклый завиток красного света поднимался с поверхности помоста перед ним.

7

Илна стояла у окна. Услышав стук в дверь — тихий, извиняющийся, она не шелохнулась. Мгновение спустя, поняв, что ее не оставят в покое, откликнулась:

— Войдите, — и продолжала глядеть в наклонное створное окно.

Шум из располагавшейся внизу скобяной лавки проник в открытую дверь и снова смолк, когда Белтар плотно притворил ее за собой.

— Я пришел взять еще кружев, если они готовы, — робко проговорил он. — Некоторые из покупателей очень настойчивы. Они... э-э, привыкли получать то, что желают.

— Высший свет Эрдина, — ровным тоном констатировала девушка. — Нити для моего узора.

Три кареты и паланкин с красными плюшевыми занавесками стояли внизу, загромождая проезд. Их владельцы толпились в лавке Белтара. Пожалуй, хорошо, что он предоставил Илне помещение здесь — в доме напротив, а не на своей собственной площади. Так гораздо меньше беспокойства. Узор продолжал плестись, даже когда Илна не думала о нем.

— Еще я хотел спросить, госпожа, — кое-как выдавил из себя торговец, — должны ли мы ограничивать количество товара, которое отпускаем в одни руки? Как вы считаете?

Девушка не оборачивалась: она знала, что Белтар предпочитает разговаривать с ее спиной, а не смотреть в глаза. Илне же это было совершенно безразлично — мужчина являлся частью узора и занимал соответствующее место.

— Меня это не касается, — резко ответила она. — Я уже говорила вам: все деловые вопросы в вашем ведении.

Она обернулась и в упор посмотрела на торговца:

— Попрошу больше не беспокоить меня по такому незначительному поводу.

Тот непроизвольно подтянулся и щелкнул каблуками.

— Да, госпожа, — легкое подергивание в уголке рта выдавало его нервозность. — Вот только...

Он помялся, выбирая слова, и продолжил:

— Все верят в силу ваших кружев. И считают, что чем они длиннее, тем большим эффектом обладают.

— Совершенно верно, — усмехнулась Илна. — Благодаря моим тканям женщины привлекают внимание мужчин. И чем больше использовано материи, тем больший интерес она возбуждает.

Жилье, которое занимала девушка, представляло собой крытую галерею на втором этаже здания. Три скошенных окна обеспечивали прекрасное освещение с утра до вечера, хотя, по правде говоря, это не имело большого значения для Илны. Она могла работать и в полной темноте и ни разу не ошибиться с нитью.

Белтар арендовал комнату без мебели, такой они ее и оставили. Добавилась только кровать с соломенным тюфяком и шесть ткацких станков — от мала до велика. Ну и, конечно, корзины с отменной пряжей — сырье для работы. Наверное, трудно было найти узника в тюрьме или святого отшельника, который жил бы проще, чем Илна ос-Кенсет. И тем не менее этой девушке предстояло стать одной из самых могущественных персон на Сандраккане.

Лицо Белтара побелело, Илна только улыбнулась.

— Ты — несчастный глупец, — с пренебрежением бросила она. — Ты ведь считал все это шарлатанским трюком, не правда ли? Я собиралась запустить слух, будто мои ленты приносят удачу в любви, чтоб глупые женщины *поверили* в это. Не спорю, может, они и глупые, но фокус в том, Белтар, что они покупают именно ту вещь, которую собирались.

Торговец закрыл глаза.

— Я не могу позволить кому-нибудь еще прикасаться к этим лентам, — тихо сказал он. — Я даже собственной жене не доверяю. У меня есть женщины, из самых богатых в Эрдине, которые предлагали мне десятикратную цену за вашу продукцию.

Илна прикоснулась к кружевам, которые она начала плести как раз перед приходом Белтара — они были шириной всего в палец. Узору же полагалось быть в два дюйма, к тому же повторяться три раза. Впрочем, раз на раз не приходилось...

Для этого образца она не стала брать крашеную пряжу и использовала нить всего двух оттенков: натуральную и отбеленную. Обычно сырью животного происхождения — овечьей пряже или шелку девушка предпочитала лен, но в принципе могла работать с любым материалом. В своих произведениях она не ограничивалась одним-единственным рисунком, изделия Илны представляли собой сложное переплетение тысяч нитей, соединенных в некое подобии танца — неожиданным и сложным, как сама жизнь. От них трудно было отвести взгляд, хотелось рас-

смаatrивать их, следовать за ходом нити, чтоб дойти до конца и постигнуть это произведение искусства.

— Подыми цены, Белтар, — посоветовала девушка. — Как, решай сам. Можешь нарезать кружева на мелкие кусочки или же придерживать мои изделия в течение месяца, а затем продавать всем желающим по новой цене.

Ее голос неувлимо изменился:

— Но, какой бы путь ты ни выбрал, тебе придется зарабатывать больше денег. Поскольку я хочу, чтоб ты снял мне дом на Дворцовой Площади вместо этой халупы.

Она подарила торговцу кривую улыбку.

— Видишь ли, я собираюсь упрочить свое положение в свете.

— Но, госпожа... — побледнел тот. — Жить там могут позволить себе только аристократы! Дома на Дворцовой Площади крайне дорогие. Сумма аренды в сто раз превосходит стоимость всего моего имущества!

— Ну так подними цены, — отрезала Илна. — Я же сказала тебе — детали меня не интересуют, мне нужны результаты.

Она снова отвернулась к окну. Там появился еще один экипаж. Слуги в ливреях громко спорили и размахивали кнутами, испуганные пассажирки выглядывали в окна. Эдак недолго и до открытой потасовки.

— Будь уверен, они заплатят, — сказала вслух Илна. — Богатые бездельницы — они выбрасывают сумасшедшие деньги на сомнительные средства для разглаживания морщин, которые к тому же не действуют! Отчего бы им не заплатить за мой товар? Вместо того, чтобы тратить целые состояния на драгоценности, наряды, косметику и достигать результата кружным путем, они могут получить то, что жаждут, благодаря моим кружевам. Все мужчины будут их — причем сразу и гарантированно!

— Ясно, госпожа, — произнес Белтар. Несмотря на свой несчастный тон, кажется, он, и в самом деле, начал понимать, что к чему. — Я разумею насчет особняков на Дворцовой Площади.

Он смущенно хихикнул.

— Даже и не знаю, где найти агентов для подобного дела... Но, несомненно, они есть. И я, конечно, подумаю о нашем прејскуранте цен. Вы наверняка правы в этом вопросе.

Внизу разгоралось настоящее сражение. Трое носильщиков паланкина вынуждены были вскарабкаться на крышу кареты, в то время как кучер колотил их деревянным кнутовищем. Рядом

стояла женщина в кружевной мантилье, криво свисавшей на серовато-голубое платье. Она пронзительно кричала, подбадривая непонятно какую сторону.

— Да, — улыбнулась Илна. — Я абсолютно уверена в своей правоте.

Первые образцы ее кружев ушли к прислуге и женщинам легкого поведения по весьма умеренной цене — меньше, чем они заплатили бы за поддельное любовное зелье. Но слухами мир полнится... И очень быстро.

— Высший свет Эрдина, — снова прошептала девушка. Сказать, что она их ненавидела, было бы неверно. Вряд ли они достойны ее ненависти... Просто-напросто нити, которые Илна использовала, создавая нужный рисунок.

— Простите мне мой вопрос, госпожа, — прокашлявшись, произнес Белтар, — не думали ли вы о том, чтобы взять себе в помощь подмастерье?

Она посмотрела на торговца — тот стоял, съежившись, теребя в руках модный лиловый берет. Похоже, он приготовился к вспышке гнева в ответ на свой слишком смелый вопрос.

— Я не могу научить других тому, что знаю, Белтар, — с непривычной мягкостью сказала Илна. — А если б и могла, то вряд ли решилась бы передать это какой-нибудь дурочке, которая не сделала мне ничего плохого.

— А, — кивнул торговец, хотя было ясно: он ничего не понял. — Я просто подумал, что при таком спросе...

Голос его пресекался. Глядя в окно, чтобы не встречаться глазами с Илной — хотя улицы не было видно из того угла, где он стоял, Белтар еще раз откашлялся и продолжал:

— Так если у вас все же есть готовые кружева, я бы забрал их в магазин...

— В ближайшие день-два ничего не будет, — спокойно объявила девушка. — У меня есть собственная задумка, над которой я планирую поработать. А ты можешь пока закрыть свой магазин и заняться домом на Дворцовой Площади. Зато когда ты снова откроешься, они будут просто умолять взять их деньги.

Илна прошла к двойному ткацкому станку, который занимал чуть ли не полкомнаты. Он предназначался для работы с шелковой нитью, и сейчас на раме красовался лоскут шириной в ладонь. Ткань была столь тонкой и прозрачной, что Белтар даже не разглядел ее.

Девушка поправила челнок, торговец повнимательнее пригляделся к раме — нет по-прежнему он ничего не видел... может, только легкое искажение солнечного света, льющегося из окон. Но поскольку Илна что-то там делала, то Белтар почти готов был допустить существование некой волшебной субстанции, ткани, тонкой, как паутинка, и прозрачной, как родниковая вода.

Почти... Он почувствовал вдруг приступ желания, такого мощного и первозданного, что не мог даже подобрать к нему название. Не просто вожделение, нет — скорее это напоминало ту жизненную силу, которая по весне заставляет зерно тянуться сквозь толщу земли к солнцу. Белтар судорожно вздохнул и отвел взгляд, невольно согнувшись — будто получил удар в пах.

— Как скажете, госпожа, — прошептал он, направляясь к выходу. — Я вернусь после того, как посмотрю дома на Дворцовой Площади.

Торговец поспешно притворил за собой дверь и какое-то время стоял, прислонившись лбом к стене и пытаясь восстановить дыхание. Ему почти удалось справиться с вулканом чувств, которые проснулись в нем при взгляде на работу девушки. Так же, как раньше, в день их встречи, удалось выкинуть из памяти заманчивую картину, которую Илна показала ему у прилавка его магазина...

Но один вопрос не давал покоя Белтару. Если сила чар колдовской ткани зависела от ее размеров — так гласили слухи, да и девушка сама не отрицала сего факта, — то каково же будет воздействие этого изделия, после того как Илна его закончит?

8

Меж погребальных урн на склоне холма паслись овцы. Коротконогие, с белой шерстью — сугубо равнинная порода, но в душе Гаррика они разбудили острое чувство ностальгии.

— О Пастырь, милостивый к своим детям, — нараспев говорил священник. Он был еще молодой, но уже лысеющий человек. В лучах полуденного солнца капельки пота блестели на его высоком лбу. — Не дай своему сыну Бенлоу ввергнуться в загробный мир до смерти.

Тело Бенлоу, накрытое малиновым шелковым покрывалом с золотой каймой, лежало в открытой часовне. Усилиями похоронных служителей лицо его приняло выражение строгого благород-

ства. За короткое время знакомства с купцом Гаррику не пришлось наблюдать подобного величия в его чертах — обычно Бенлоу прятался за маской показного добродушия. Юноша подумал: если бы жизнь купца сложилась иначе, возможно, он действительно был бы таким, как сейчас в гробу.

— Не дай пыли загробного мира засыпать светлые алмазы его глаз, — продолжал священник. Он был одет в рясу из белой шерсти — слишком жаркую для нынешней погоды. Подобная форма одежды сохранилась со времен Старого Королевства, когда она использовалась для официальных мероприятий. В мозгу Гаррика всплыла картинка: король Карус вершит суд... Судейские чиновники в цветных одеяниях, но все прочие — тяжущиеся стороны, адвокаты и присяжные заседатели — были в белом.

Погребальная часовня, возвышавшаяся над Каркозой, представляла собой низкое прямоугольное здание, внутри которого скрывались мастерские и склады. В одной стене помещалась дверь, а все остальные были украшены нишами, в которых стояли статуи различных божеств. Службы проходили на свежем воздухе — площадка перед каждой из ниш была вымощена, на ней располагалось каменное возвышение для погребальных носилок. Очевидно, здесь могло происходить одновременно три обряда погребения, правда, Гаррик сомневался, что это практикуется.

Лиана тихо плакала. Должно быть, она видела перед собой не облагороженный труп, а нежного и заботливого отца ее детства, человека, который пел песни своей жене и дочери.

— Не дай сгореть этим мраморным зубам Бенлоу в топке загробного мира, — произнес священник. Он выглядел приличным человеком. Соболезнования, которые он принес Лиане перед началом службы, звучали вполне искренне — в отличие от тех скороговорок, что произносят иные бюрократы, занятые подсчетом своих будущих гонораров. Тем не менее ему слишком часто приходилось произносить слова заупокойной службы, чтоб они звучали по-настоящему проникновенно.

В последний путь Бенлоу провожали лишь Лиана с Гарриком, да еще Теноктрис, стоявшая рядом. Эта женщина прозревала вещи, которые юноша не видел, не мог видеть. Руки колдуньи были стиснуты, лицо выражало бы крайнюю мрачность, если бы вообще что-то выражало.

Гаррик размышлял, какое божество здесь, в Каркозе, отвечало за похоронные ритуалы. В его родной деревне никто не сомне-

вался, что Госпожа является небесной повелительницей. Зато ее супруг Пастырь был ближе к земной, человеческой жизни. Крестяне предпочитали пролить несколько капель молока или накрошить горбушку хлеба для Дузи или перед маленьким резным образом у задней стены своей хижины. Конечно, Добрые Боги управляли небесами из своих храмов, но простые-то люди жили здесь — с овечьим пометом и болью деторождения.

— Не дай этой блестящей плоти Бенлоу пойти на растопку, — говорил священник, механически вытирая пот со лба краем своей рясы.

Гаррик подумал мельком: а как они выходят из положения во время дождя?

Кладбищенские рабочие дожидались неподалеку, чтоб отнести тело Бенлоу. Это были крепкие мужчины средних лет. Они откровенно скучали, но тем не менее хранили вежливое молчание — очевидно, это являлось частью их обязанностей.

Интересно, больше бы пришло народу на похороны, если б купец умер на Сандраккане? Наверное, нет: ведь в прошлом у Бенлоу — опала и полное разорение. Чтобы сохранить друзей после такого всепоглощающего фиаско, требовалось быть гораздо лучшим человеком, чем тот, которого описывала Лиана.

— Любящий Пастырь, не дай своему сыну Бенлоу свергнуться в загробный мир до смерти!

В Барке никто не возносил молитв Сестре. Ее имя, даже в качестве проклятия, поминалось нечасто. Люди свято верили: называть что-то по имени — значит призвать его к себе. Здесь же одна из статуй в нишах изображала Сестру, Повелительницу Загробного Мира, во всем ее величии: скипетр, увенчанный головой змеи, юбка из тазобедренных костей и ожерелье из человеческих черепов.

Участок перед этой статуей ничем не отличался от двух других — такой же обжитой и утоптанной. Гаррик подумал: наверное, это вполне осмысленно — на похоронах просить благословения у Повелительницы Загробного Мира. Но все же ему было неуютно от такого предположения. Смерть, сама по себе, не является злом: в преддверии зимы вы уменьшаете поголовье своего стада. Аналогичную работу производит Природа — отбраковывает свое стадо, по тем же самым причинам. И несмотря на все эти рассуждения, было что-то отталкивающее в идее молиться смерти.

— Бенлоу бор-Берлиман, — на имени покойника священник запнулся. Должно быть, ему не часто приходилось совершать

обряд над аристократами. — Прими воду жизни, которая впредь будет бить для тебя из загробного источника.

День стоял жаркий. Благовония, которые использовали балъзамировщики, не могли полностью уничтожить запах разложения. Обычно процесс включал в себя хирургическое извлечение внутренних органов покойника с дальнейшим заполнением внутренней полости ароматическими веществами.

В данном случае Стразедон предельно упростил работу балъзамировщиков.

Священник погрузил позолоченное кропило в чашу с водой, стоявшую на подставке рядом с носилками, и стряхнул несколько капель на лицо Бенлоу. Отодвинув чашу в сторону, он отщипнул от ячменного хлеба, лежавшего тут же на золотом подносе.

— Бенлоу бор-Берлиман, прими хлеб жизни, который, возможно, взойдет для тебя в загробном мире.

Золотая посуда, наряду с шелковым покрывалом, являлась атрибутом похорон по высшему разряду. Люди среднего достатка довольствовались серебром и льном. Для беднейших годилась и глиняная посуда, покрывало в этом случае приносили родственники покойника, либо вообще обходились без него. К тому же бедняков хоронили пачками, так сказать, коллективно.

Если усопший был богатым человеком, то предполагалось, что домочадцы будут сопровождать и оплакивать его на кладбище. Хор из шести профессиональных плакальщиков входил в стоимость похорон. По желанию родни можно было нанять еще людей для этих целей. Лиана отказалась от положенной шестерки, чем немало удивила кладбищенского священника.

В данный момент он крошил ячменный хлеб над лицом Бенлоу. Пальцы у него были потные, и большинство крошек прилипли к ним. Священник исподтишка вытер руку о рукав своей рясы. В конце концов, это ведь всего-навсего символ.

Затем он накрыл лицо покойника и трижды поклонился статуе Пастыря — изящному юноше с посохом на правом плече.

— Госпожа, — обратился священник к Лиане, — служба закончена. Можем мы...

— Да, пожалуйста, — вежливо ответила девушка. Она вытерла глаза кружевным платочком, затем аккуратно сложила его и спрятала в левом рукаве.

Священник кивнул рабочим, те с профессиональной ловкостью скользнули к возвышению с телом. Все было отработано до

автоматизма: каждый подошел к своему концу носилок. Они плавно подняли их и понесли в часовню.

Возвышение опустело. Его стенки украшали резные венки из дерева жизни. Гаррику припомнились аналогично украшенные гробы на древнем кладбище возле «Красного Быка». В деревне люди хоронили своих мертвецов по-простому — возвращая их земле, которую они всю жизнь обрабатывали.

Честно говоря, он не знал, как правильнее поступать. Может быть, это и неважно — главное, следовать традициям, каковы бы они ни были. Где-то, на задворках его сознания, король Карус хохотнул в знак согласия.

— Э-э-э... если вы не возражаете, — сказал священник, — я пойду внутрь, чтоб проследить за всем.

— Конечно, — согласилась Лиана. Она теперь полностью уже контролировала себя. На девушке было синее платье, в котором ее впервые увидели в Барке. Единственной уступкой печальной церемонии служила белая шляпка — цвет истинной скорби.

Еще раз кивнув, священник последовал за рабочими в часовню. Немного поодаль какая-то старуха стояла на коленях перед погребальной урной, которая от времени и непогоды приобрела терракотовый цвет. Гаррик разглядел букет цветов на урне.

Лиана обернулась и взяла за руки своих спутников.

— Вы двое — это все, что у меня осталось после смерти отца, — грустно улыбнувшись, сказала она. — Если я попрошу, поедете ли вы со мной в Эрдин для выяснения, что же произошло с ним?

Старая колдунья посмотрела на Гаррика, затем на девушку.

— Путь в поисках ответа, Лиана, может привести тебя гораздо дальше, чем на Сандраккан, — промолвила она. — И, несомненно, это опасный путь. Гораздо опаснее, чем ты думаешь. Боюсь, на свете существуют вещи страшнее смерти.

— Я не смогу жить, если хотя бы не попытаюсь, — просто ответила Лиана. — Я потеряла отца много лет назад, но предпочитала этого не замечать. Больше такую ошибку я не совершу.

— Ну, что ж, раз ты это понимаешь... — кивнула Теноктрис. — Тогда решение принимать тебе, Гаррик. Мой путь неразрывно соединен с твоим.

Широкая улыбка озарила ее лицо, совершенно его преобразив: оно стало моложе и как-то женственнее.

— Я так думаю, — заключила колдунья. — Если я всего-навсего камешек, катящийся с горы, то одна тропинка ничем не лучше и не хуже другой.

Из часовни вышел священник, за ним — рабочие. Они несли урну с телом Бенлоу. Единственным украшением урны было изображение на ее боку звездной вспышки. Горячая смола, которой запечатали крышку урны, испускала сосновый, смолистый дух.

Теперь обе женщины смотрели на Гаррика.

— Да, — сказал он, — я отправляюсь с тобой, Лиана.

И услышал раскатистый смех короля Каруса внутри себя.

9

Обычно Хали не уводила своих клиентов так далеко на кладбище, но этот парень — помощник мясника — был помолвлен с дочерью своего хозяина. Попадись он с проституткой, и прощай выгодная женитьба. А также и работа.

В этот вечер посетителей-скотоводов в «Красном Быке» было немного, и перспективы у Хали выглядели безрадостно. Так что терять клиента из-за его страхов не хотелось.

— Ну давай, дружок, — улещивала она нервного парня. — Вот тут замечательное местечко, тебе не кажется?

Она похлопала рукой по каменной стене белой гробницы. На кладбище даже днем было тенисто и прохладно, а не успевшие завянуть цветочные гирлянды на двери наполняли воздух сладким ароматом.

— Давай поскорее мне деньги, и мы с тобой как следует развлечемся.

Парень топтался в нерешительности. Это был здоровенный верзила с маленькими, глубоко посаженными глазками. Его круглое грубоватое лицо трудно было назвать красивым, но он обладал другим достоинством — три медяка звенели в его кошельке. Три медяка, так необходимые Хали. Стоял ранний вечер, солнце только что село. Прошло уже больше шести часов, с тех пор как Хали прикладывалась к бутылке, и ей было просто необходимо повторить. Девица планировала заработать свои три медяка и поскорее вернуться с ними в бар «Красного Быка».

Она слегка приподняла подол, чтоб парень мог полюбоваться ее прелестями. Туника, конечно, была уже старенькая, но непло-

хая, с вышитой по подолу каймой — изящной гирляндой из виноградных листьев. Хали сама вышивала ее... Было это не так давно — тогда она еще считалась честной девушкой, и вино служило источником радости, а не насущной необходимостью. Все-го несколько лет назад, а, казалось, целая жизнь прошла.

На парне был кожаный фартук мясника. Он распустил завязки, чтоб достать свой кошелек, и снова замер.

— Послушай, — промямлил он, осматриваясь с каким-то тупым, коровьим выражением на лице, — а разве это не то место, где на днях приключилась беда?

А он ведь прав! Ну и дура же я, Сестра меня заведи! — мелькнуло в голове у Хали. И Сестра заведи этого плосколицего олуха, из-за которого пришлось тащиться в такую даль, вместо того чтобы просто перемахнуть через ограду кладбища!

Пару дней назад в баре был разговор: конюх из «Красного Быка», который помогал выносить тело с кладбища, описывал место, где это произошло. Ну, точно: два склепа-близнеца, разделенные мощеным двориком. Белый принадлежал бор-Рузаманам, семейству купцов-корабельщиков. Черная гробница, несмотря на хорошее состояние, пустовала из-за своей дурной репутации.

— Нет-нет, красавчик, — поспешно соврала Хали. — Это было совсем в другой стороне. Я сама ходила и смотрела, во-он в том конце кладбища.

Она снова похлопала по стене склепа.

— Ну, давай же деньги, сладенький мой, и займемся делом, хорошо?

Теперь, когда парень напомнил ей о случившемся, Хали и сама встревожилась. Она была не из пугливых, но конюх в таких подробностях расписал выпотрошенный труп с застывшей гримасой ужаса на лице, что сумел пронять слушателей. Его рассказ произвел тем большее впечатление, что и сам рассказчик был потрясен увиденным.

Парень — клиент Хали устался на нее в нерешительности. Вот уж точно: мозгов в голове у него было не больше, чем у овец, которых он забивал. *Чудо еще, что он по ошибке не угодил молотком себе по башке... Или не перерезал себе горло.*

С легким вздохом девица приблизилась к этому недотепе и помогла передвинуть фартук назад, чтоб он не мешал их занятию. А заодно и освободил кошелек, висящий на поясе. Вокруг стало ощутимо темнее.

Парень сжал в кулаке свои сокровища.

— Ну, не будь дурачком, — уговаривала его Хали. — Такому красавчику, как ты, не о чем беспокоиться.

Но в этот момент в склепе за их спинами что-то крикнуло, бедолага так и отскочил от девушки. Она обернулась: звук был такой, будто треснула одна из погребальных урн.

— Не бери в голову, это всего-навсего черепица упала с крыши, — сказала Хали, срываясь на крик. Ее охватывало отчаяние при виде, как ее ежедневная выпивка рассеивается в вечернем тумане вместе с пугливым клиентом. — Ерунда...

Голубой свет полыхнул сквозь радужное окошко под коньком крыши, звякнула металлическая задвижка на двери.

Парень завопил и, пошатываясь, скрылся в сгущающейся ночи. Хали слышала, как он упал, зацепившись за каменное надгробие. В сердцах она пожелала, чтоб этот дурень сломал себе шею, но тот мгновение спустя поднялся и с воплями убежал.

Хали прижалась спиной к стене гробницы. Она отчаянно нуждалась в выпивке, и тут произошло нечто такое, от чего ей до смерти захотелось сбежать отсюда.

Металлическая дверь с противным скрипом отворилась, из нее вышел мужчина. Медленно, не оглядываясь, он прошествовал по кладбищу и скрылся в аллее вековых кипарисов, которая вела к выходу. Ноги его, прикасаясь к земле, высекали вместо пыли легкое голубоватое свечение.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, Хали узнала мужчину — это был Арам бор-Рузаман. Несколько раз девушка видела, как молодой аристократ проезжал по улицам Каркозы в карете с фамильными гербами на дверцах. Конечно, ей приходилось только мечтать о таких клиентах, но способность распознать мужчину с первого взгляда являлась частью ее профессии.

Три дня назад Хали видела Арама в последний раз — когда похоронная процессия медленно проследовала мимо «Красного Быка». Тогда лицо юноши было раскрашено ярче, чем сцены из его жизни, намалеванные на стенках погребальной урны.

Шарина держала бочонок для воды — один из тех, что они прихватили с триремы, в то время как Ноннус прилаживал на

место верхний обод. Делал он это с помощью молотка сделанного из позвоночника и спинного позвонка крупной рыбы.

— Вроде не должно пропускать, — сказал отшельник. — Но я еще собираюсь посмотреть на те бочки, которые Плавучие Люди выдалбливают из китовых костей. Боюсь, наш даст усадку, если пробудет долго на солнце.

— Не вижу смысла, — горько возразила Азера. Несмотря на ласковое солнышко, она сидела, обхватив себя руками, как будто мерзла. — Нам не дожидаться спасения. Ты же сам говорил: шанс, что цивилизованные люди заберутся так далеко на север, ничтожно мал.

За ту неделю, что они провели с Плавучим Народом, прокуратора перестал терзать страх неизбежной смерти. Оптимизма у нее тоже не прибавилось, зато Азера находила в себе силы злиться и брюзжать на сложившуюся ситуацию.

Сегодня выдался приятный денек, и многочисленная родня Придурка отдыхала, как могла. Большой частью в воде — плавали наперегонки на понтонах или просто купались. Сам Придурок сидел в лодке со своими тремя женами. Женщины толкли водоросли в костяных ступках, а их хозяин прихлебывал из бронзового кубка — трофея какого-то давнего кораблекрушения.

Перебродившие толченые водоросли использовали для приготовления алкогольного питья, которое сейчас и потягивал Придурок. Сей нектар являлся привилегией важных персон — глав семейств и их любимчиков, но Шарина не стала бы пробовать это пойло даже под страхом смертной казни. Сдерживая отвращение, она наблюдала за изготовлением напитка: для обеспечения процесса брожения жены Придурка по очереди плевали в зеленое, волокнистое месиво. Запах напомнил Шарине ту бурую, гниющую жижу, что сочилась из подгнивших стогов сена.

— Я и не надеюсь, что кто-то спасет нас, — спокойно возразил Ноннус. Он продолжал работать над обручем, постукивая то с одной стороны, то с другой и никогда не ударяя в одну и ту же точку. В такт с ним Шарина перемещала свой палец, придерживающий гнутый ивняк, так, чтобы создавать упор для молотка отшельника. — Тут и говорить не о чем, госпожа. Но тем не менее не для того мы так далеко забрались, чтоб провести остаток жизни у подножия Льдистых Мысов. Когда представится шанс бежать отсюда, мы им воспользуемся. Для этого нам надо держать наготове провизию.

Человек двадцать из числа домочадцев Придурка развлекались, наблюдая, как обустраниваются пришельцы. Для этого Ноннусу с семьей отвели участок на передней палубе жилой лодки. Все их имущество было прикреплено к костяному каркасу, который отшельник пристроил к ребрам, составлявшим остов лодки.

Во избежание краж ночевали они тут же. И немудрено: деревянные бочонки представляли немалую ценность, что уж говорить о немногих металлических вещах. Большинство железных инструментов, которые использовало в быту семейство Придурка, было сделано из гвоздей с потерпевших крушение кораблей островитян.

Шарина не знала, что они будут делать, если погода изменится, — она скорее сиганула бы через борт, чем стала искать прибежища в зловонных недрах жилой лодки. Однако девушка свято верила в своего старшего друга — Ноннуса обо всем позаботится. Он обещал: в том случае, если они задержатся здесь до сезона осенних штормов, то он выменяет на что-нибудь шкуры для постройки настоящего шатра.

Отшельник выпрямился и, надавив большим пальцем, проверил крышку бочонка — она сохраняла свою прочность. Накануне они наполнили емкость кусочками льда, которые откололи от айсберга. Вот уж Шарина никогда не думала, что сможет передвигаться на одном из тех понтонов, которые они позаимствовали у Плавающих Людей. По крайней мере, ей удавалось оставаться на плаву, а это было непросто. Единственная опора оказывалась бесполезной, если вы неправильно размещали центр тяжести тела.

— Ноннус, — тихо произнесла девушка, — Лежебока утверждал, что нам не разрешается покидать деревню. Это правда?

— Таков Закон, — невозмутимо подтвердил отшельник, проверяя тушку трески, нарезанную на порции и нанизанную на китовый ус для вяления. Он срезал конец одного куска и выбросил за борт. — Слишком толсто с этой стороны, мясо начало портиться.

Поскольку у их группы были с собой только необходимые вещи, то на обмен на нужные материалы они могли предложить лишь труд Ноннуса да Шарины, коль скоро она умела чинить сети. Обладая навыками и своим стальным пьюльским ножом, отшельник за час мог поработать больше, чем кто-либо из Плавающих Людей за день.

К тому же им нравилось наблюдать за работой островитян. По Закону они теперь являлись членами племени, но Шарина убедилась, что общество Плавучего Народа было куда более замкнутое,

чем, скажем, их деревенская община в Барке. Это правило относилось к членам других племен, бежавших от своих соплеменников из-за кровной мести или по другой причине. Ноннус рассказывал: были случаи, когда жители Островов, объявленные там вне закона, искали (и находили) прибежище в Плавучих Деревнях.

Акула небольшого размера вынырнула, перевернувшись на спину, и заглотнула кусочек рыбы, выброшенный отшельником. Она была не единственная — стаи ее сородичей плавали вокруг жилых лодок, питаясь отходами, которые люди выбрасывали прямо за борт. Тут же плескались ребятишки, нимало не заботясь об опасном соседстве. Морских демонов или крупных акул Шарине видеть не доводилось, Плавучие Люди являлись самыми крупными хищниками в районах своего проживания.

— Если тебя поймают за попыткой к бегству из Деревни, — пояснил Ноннус, с улыбкой глядя на девушку поверх куска вяленой трески, — это будет расценено как предательство, и ты будешь съеден членами племени. Вот уж чего бы мне не хотелось! Лучше уж подождать северного ветра...

Взгляд его упал на Медера.

— ... как, собственно, я уже говорил недавно, — заключил отшельник ровным голосом, но глаза его при этом посуровели.

Колдун сидел немного в сторонке. Ежедневно он проводил какое-то время в королевской резиденции с Путеводной Звездой. Туда и обратно его перевозила одна из китобойных лодок, принадлежавших королю Длинные Пальцы. Прокуратор иногда делала попытки побеседовать с Медером наедине. Но Шарина заметила: с тех пор, как юноша начал встречаться с татуированной старухой, он утратил остатки своей почтительности.

— Интересно, что он дает ей взамен тех вещей, которые привозит оттуда? — тихонько пробормотала девушка, искоса глядя на колдуна. Азера находилась достаточно близко, чтоб расслышать ее вопрос, но, против ожидания, не возмутилась.

Благодаря Путеводной Звезде Медер потихоньку собирал новую коллекцию магических предметов взамен той, что утопила в море Шарина. Сейчас он сидел с атамом из моржового бивня, заточенным не хуже настоящего кинжала. Рукоятка изображала пару демонов, вгрызающихся друг другу в живот.

Путеводная Звезда дала ему также небольшую жаровню из китовых костей и связку мешочков, изготовленных из плавательных пузырей рыб. Сквозь прозрачную поверхность просвечивали

разноцветные порошки внутри мешочков. Время от времени — как сейчас, например — Медер жег ворвань в жаровне и кидал туда по щепотке какого-нибудь порошка. Правда, распевать вслух свои заклинания он уже не решался.

— Теноктрис говорила: Медер могущественный волшебник, — произнес отшельник, закончив проверять затычку второго бочонка. — Естественно, Путеводная Звезда обрадовалась, встретив его. Она ведь, наверное, была здесь так же одинока, как я в вашей деревне...

Помолчав, он улыбнулся девушке:

— Хотя *то* был мой собственный выбор.

Медер бросил что-то в пламя, и над ним закурился голубой дымок. Шарина успела заметить, что порошок имел красный цвет.

— И Медер тоже выбрал свой путь. Повлиять на это мы не можем, — тихо сказал отшельник, глядя в его сторону.

Большинство Плавучих Людей предпочитало держаться в стороне от пришельцев. Исключение составлял четырехлетний мальчишка с веснушчатыми, как у всех здесь, плечами и руками. Видно было, что Медер исключительно его интересуется. Мальчонка мог часами лежать, подперши подбородок руками, и наблюдать за действиями молодого колдуна.

В первый раз, когда малец объявился, Медер наорал на него. Тотчас же одна из жен Придурка оторвалась от своей ступки, прошествовала по палубе и от души вмазала колдуну костяным пестиком. Ноннус промыл и перевязал окровавленный череп Медера, пока тот был в отключке. После этого волшебник мирился с незванным зрителем.

— Он обещает выволить нас из этого места, — проворчала Азера. — Но он уже давал подобные обещания и раньше. И каждый раз мы оказывались в еще худшем месте.

— Вы тоже заметили? — саркастически осведомилась Шарина. — Пожалуй, я отберу у него все эти причиндалы и выкину в море, как сделала прежде с его сундучком.

Медер тем временем добавил еще ингредиент в потрескивающий огонь. Возник белый дымок, но поднимался он как-то странно: медленно, неохотно, как бы не желая расставаться с жаровней. Колдун и ребенок напряженно наблюдали, как дым, перекрутившись, принял форму, отдаленно напоминавшую человекоподобное существо. Вернее всего его было сравнить с кор-

нем мандрагоры. Затем вдруг этот странный фантом рассеялся, как тает кусок льда в воде.

— Не стоит, — заметил Ноннус. — Выбирая собственный путь, мы не должны диктовать свою волю другим.

Бросив взгляд на море, он тем же ровным тоном добавил:

— К нам направляется охотничья лодка Лежебоки.

Несмотря на его безмятежный тон, Азера встревожилась, почуввав надвигающиеся неприятности.

— Что ты имеешь в виду? — забеспокоилась она.

Прокуратор свесилась через борт, чтоб разглядеть приближающуюся лодку, и Шарина невольно напряглась при виде ее опасной позы.

Девушка недолюбливала Азеру: время, совместно проведенное на борту челнока, не способствовало взаимной приязни. Скорее наоборот, оно разрушило изначальное уважение к королевскому прокуратору быстрее, чем тухнет рыба на берегу в жаркий солнечный полдень. И тем не менее Шарина чувствовала свою ответственность за пожилую женщину и готова была прыгнуть за борт, чтоб спасти незадачливую пловчиху. Так что лучше уж приглядывать за ней.

— Думаю, нам придется разбираться с нашим другом, — спокойно произнес отшельник, беря в руки свой дротик. — Я же не говорил, что мы можем предоставить другим право делать за нас выбор.

Семейство Придурка без особого удовольствия наблюдало за приближением соседей. Одна из жен проковыляла к ограждению жилой лодки и нахально продемонстрировала гостям свои ягодицы. Дети ныряли в воде вокруг ялика Лежебоки и пытались, ухватившись за лопасти весел, вырвать их у гребцов. Со стороны трудно было решить, сколько в этом грубой игры и сколько свидетельства истинной враждебности к соседям.

Как и прежде, сам Лежебока восседал на корме лодки, а его сын Трехпалый — на носу. Его аммонитовый рог покоился рядышком, но на этот раз юноша не счел нужным им воспользоваться. Должно быть, раковина весила немало, даже при том, что внутренние перегородки были извлечены из нее при изготовлении музыкального инструмента.

Лежебока остановился у носа жилой лодки, в десяти футах от группы островитян. Трехпалый накинул веревку на острый нос жилища Придурка и заботливо закрепил его. Припоминая

беспечность команды во время визита в королевскую резиденцию, Шарина подивилась такой аккуратности.

— Что ты здесь делаешь, Лежебока? — требовательно воззвал Придурок на правах хозяина. Он стоял внутри шлюпки, наблюдая, как глава соседского клана во главе своей свиты — дюжины гребцов — карабкается на борт его жилища. Сам Придурок не потрудился подняться наверх, чтоб поприветствовать гостя. — Помнится, ты все еще должен мне пять пуков китового уса. Уж не хочешь ли ты вернуть долг?

— У меня важное дело, но не к тебе, Придурок, — отмахнулся Лежебока. — А с этим обратись к Чернозубому. Он мне должен выкуп за невесту — мою сестру. Пусть расплатится!

Его команда выстроилась в шеренгу. Лежебока остановился в шести футах от Ноннуса в картинной позе — уперши руки в бока.

— Эй ты, пьюлец, — произнес он. — Я собираюсь завтра поохотиться на кита. Закон позволяет мне выбрать мужчину из другого рода в свою команду. Я выбираю тебя в качестве гарпунщика.

— Ты не можешь отказаться, — поддержал его Трехпалый с другого конца шеренги. — Таков Закон!

Почти все домочадцы Придурка с интересом наблюдали за нарождавшимся конфликтом: женщины повывлезали из-под своих навесов, те, кто плескался в воде, поспешили на борт жилой лодки. Азера передвинулась и положила кусок сушеной трески меж собой и флангом вражеской шеренги. Молодцы и впрямь выглядели устрашающе, хотя, естественно, объектом этого спектакля была не какая-то там старуха, а сам отшельник.

Шарина шагнула в его сторону и выдернула свой ручной топорик из веревочной петли. Ноннус же запрокинул лицо и издал насмешливое квохтанье (по мнению Шарины — специально для нее).

Лежебока не ожидал подобного. Взгляд его был прикован к стальному наконечнику дротика, поблескивавшему на плече отшельника. С точки зрения Шарины, это являлось ошибкой — следовало следить за глазами Ноннуса. А уж дротик полетит туда, куда направит его хозяин.

— Это опасное место, гарпунщик! — резко заявил Трехпалый, потрясая собственным гарпуном. Однако гнев гневом, а юноша проявлял крайнюю осторожность: следил за тем, чтоб его оружие было направлено строго в небо, и никак не могло быть расценено как угроза отшельнику. — Когда стоишь на носу суд-

на, того и гляди, кто-нибудь может по неосторожности столкнуть тебя за борт!

Шарина слышала Медера за своей спиной — колдун принялся негромко распевать свои заклятия, но девушка не посмела оглянуться в такой напряженный момент. Она понимала: Лежебока с сыном ведут торговлю с отшельником. Путем угроз они пытаются вынудить Ноннуса уступить им кое-что.

Уступить ни мало ни много — ее саму.

Однако они не знали Ноннуса. Сейчас, когда они убедились, что их угроза не сработала, могло произойти все, что угодно. Существовало, конечно, правило, запрещающее нападать на члена своего племени, но вряд ли о нем вспомнили, если бы отшельник по глупости подставил спину.

— Я польщен предложением присоединиться к вашей замечательной команде, Лежебока, — вежливо ответил Ноннус. В его голосе все еще слышались отголоски смеха. — Но боюсь, не смогу принять его. Видишь ли...

— Ты не можешь отказаться! — выпалил Трехпалый. — По Закону мы имеем право тебя выбрать!

— К сожалению, — произнес Ноннус — тем тоном, каким обычно взрослый разговаривает с несмышленным дитём, — я сейчас как раз направляюсь в королевскую резиденцию, чтобы оспорить право Длинных Пальцев на королевский сан. Так что сами понимаете: до завтра многое может измениться. Ведь именно король утверждает команды охотничьих лодок.

Медер снова что-то добавил в свою жаровню, и огонь сердито зашипел. Шарина почувствовала горьковатый запах, но продолжала безотрывно глядеть на шеренгу молодых Лежебоки.

Такое заявление явно обескуражило их предводителя.

— Сначала тебе придется уложить всех Королевских Сыновей, пьюлец! — заявил Лежебока, впрочем без особой убежденности.

— Думаю, это будет несложно, — безмятежно улыбнулся отшельник. Он крутанул дротик меж пальцами правой руки, затем, за спиной, перекинул его в левую, не останавливая вращения. — Конечно...

Женщина, стоявшая рядом со Слипсалотом, развернулась так, что стала видна татуировка на плече — двадцатирукий монстр Шарина вспомнила рассказы Ноннуса о поклонении Плавучего Народа подводным чудовищам.

— ... может так статься, что Длинные Пальцы примет решение сделать завтра тебя гарпунщиком на лодке, где капитаном буду я, — насмешливо заявил отшельник, резким толчком возвращая вращающийся дротик в правую руку. — Ну что ж, в таком случае мне вряд ли понадобится оспаривать его право на королевский титул.

Челюсть у Лежебоки отвалилась. Он выглядел так, будто Ноннус подвесил его прямо над разверстой пастью морского демона — впрочем, нынешняя ситуация была немногим лучше. Члены его команды как-то подались назад, будто сторонясь своего предводителя. Даже Трехпалый смотрел на отца так, словно видел его впервые.

— *Барбатиауао бримайао чермари!* — выкрикнул Медер в полный голос концовку своего заклинания. В жаровне что-то зашипело. Затем грохнуло так, что барабанные перепонки чуть не лопнули.

Все бойцы Лежебоки подались назад. Даже Шарина рискнула оглянуться.

Над жаровней выростало пульсирующее облако белого дыма. По виду и росту оно напоминало человека и еще продолжало расти. Мальчишка, наблюдавший за обрядом, с округлившимися глазами вскочил на ноги. И тут Медер неожиданно сграбастал ребенка за длинные волосы и притянул к себе.

Ноннус изменил положение, так чтоб видеть колдуна и одновременно не поворачиваться спиной к Лежебоке. Хотя тот в настоящую минуту едва ли представлял собой угрозу.

— Медер! — закричал отшельник. — Отпусти ребенка! Я контролирую ситуацию!

Мальчишка вопил благим матом и брыкался. Колдун ударил его рукояткой атама, затем приставил лезвие к горлу.

Глаза Медера расширились от ужаса и предвкушения того, чему предстояло случиться.

— Или вы отдадите нам свою лодку и позволите уплыть... — выкрикнул он, обращаясь к Лежебоке. Белый призрак медленно вращался по кругу, будто исполняя какой-то сложный ганец над огнем. В нем было почти семь футов росту — неуклюжий увалень без лица, слишком коротконогий для такого могучего торса и рук.

Трехпалый и Лежебока обменялись быстрыми взглядами. Младший мужчина рассмеялся и выступил вперед, при этом благоразумно держась на расстоянии от Ноннуса.

— Или что, островитянин? — спросил он. — Если ты считаешься, что твои фокусы...

Медер вспыхнул от ярости. В гневе он полоснул костяным лезвием по горлу ребенка, кровавые брызги полетели во все стороны. Крик мальчишки захлебнулся и перешел в бульканье. Вместо него закричала Шарина.

Кровь из шейных артерий темной струей брызнула на пламя костра. И жаровня, будто получив новую порцию горючего, выплюнула особо яркий язык пламени. Огненные брызги полетели во всех направлениях — некоторые прожигая дыры в костяной палубе жилой лодки, другие же с шипением падали за борт, в морскую воду.

Медер неподвижно стоял посреди этого снопа пламени, который, казалось, не причинял ему никакого вреда. В то же время волосы на голове мертвого ребенка горели и потрескивали. Белый призрак постепенно таял в воздухе.

Море взревело. Из волн восстал новый человекоподобный призрак, но теперь уже красный, как огонь. Он ухватился за планшир жилой лодки и втянул себя на палубу. Его длинные конечности двигались плавно, будто начисто лишённые костей.

Лежебока закричал и ударил создание в грудь. Но гарпун увяз, как в остывающей смоле. Чудовище издало угрожающий рык. Ухватив Лежебоку за скальп и плечо, оно рвануло и свернуло несчастному шею.

Медер расхохотался демоническим смехом. Он отшвырнул прочь труп ребенка. Пламя погасло, жаровня развалилась на обугленные куски, разрушенная силами, которые в ней зародились.

Трехпалый метнул свой гарпун монстру в спину и нырнул за борт жилой лодки элегантным прыжком крачки. Его товарищи бросились на нос, некоторые решили последовать примеру Трехпалого, иные пытались добраться до своей лодки. Чудовище поймало двоих замешкавшихся и раздавило их, как пустую скорлупу.

Отбросив трупы, монстр ухватился за канат и подтянул к себе лодку Лежебоки с находившимися там людьми. Трое мужчин полетели за борт. Они устремились к своей жилой лодке в сотнях ярдов отсюда, вместо того чтобы попытаться искать укрытия на лодке Придурка. Впрочем, и само семейство Придурка уже прыгало в воду или намеревалось вот-вот это сделать.

Создание отпустило веревку и обернулось к Ноннусу. Тот вскинул свой дротик, но в этот момент Шарина шагнула вперед и загородила отшельника.

Медер что-то выкрикнул, но слово потерялось в общем шуме. Чудовище стало оплывать, как воск в огне. Краски поблекли; фигура превратилась в воду, мутную, темно-коричневую воду, расплескавшуюся по палубе и бортам лодки.

Топор выпал из рук Шарины. С рыданиями она обернулась и бросилась на грудь отшельнику. У нее перед глазами стояло лицо мертвого мальчика, в ушах — его крики, захлебнувшиеся в крови.

— Сделанного не воротишь. Прошлое осталось в прошлом, дитя мое, — прошептал Ноннус. Его грудная клетка под грубой черной туникой была такой же твердой и корявой, как кора старого дуба. — И для мальчика, и для нас с тобой. Прошлое в прошлом.

Он пошевелился, оборачиваясь. Шарина же, ослепленная слезами и кошмарными воспоминаниями, не могла сдвинуться с места.

— А Медер... Что ж, нас всех осаждают наши призраки. Но я буду молиться за его душу так же, как за свою собственную.

— Я должен был это сделать, — визгливым голосом сказал колдун. — Прокуратор, вы видели, у меня не оставалось выбора. Вы это видели!

— Помогите мне погрузить провизию на борт лодки, дитя мое, — прошептал Шарине на ухо отшельник. — Думаю, они не станут нас преследовать.

Он вздохнул.

— Эти кожаные лодки немногим лучше нашего челнока, когда приходится плыть против ветра. Но мы справимся. С помощью Госпожи мы справимся.

11

Илна услышала голоса в прихожей. Она отошла от окна, прежде чем раздался легкий боязливый стук в дверь.

— Госпожа? — раздался голос. Дверная филенка была покрыта резьбой, изображавшей кабанью голову — герб прежнего владельца. — Здесь человек, который непременно хочет вас увидеть.

Комната, где она сейчас находилась, планировалась как зимний зал. Свет лился через застекленный эркер, который смотрел в сад. Илна использовала это помещение в качестве рабочей мастерской: ее ткацкие станки были установлены таким образом, чтоб во время работы свет всегда падал ей через плечо.

С первого дня, как Белтар снял этот особняк для нее, девушка обращала мало внимания на сад, но это не уменьшало его прелести. Белые и желтые штокрозы¹ возвышались в декоративных горшках, разбросанных между мощеных дорожек. Красные и белые розы увивали стены, отделявшие ее сад от соседских построек и от центрального канала Эрдина, который проходил как раз за особняком.

Красота цветов не трогала Илну. Ни поразительная игра света на лепестках, ни умиротворяющее жужжание насекомых над ними не способны были отвлечь девушку от работы. Все это не являлось частью ее узора.

Девушка, отворившая дверь, была молодая, смуглая и невысокая. И до смерти напуганная. Ее предупредили, что Илну ни в коем случае нельзя прерывать во время работы. Наименьшее наказание, которое она ожидала за свой проступок, это потеря хорошо оплачиваемого места, которое значило для нее очень много. Если же верить слухам о ее хозяйке, то можно было ожидать и более ужасных последствий.

Илна кивнула.

— Проводи его ко мне, — распорядилась она.

Девушке не о чем беспокоиться: ей пришлось нарушить приказ под давлением обстоятельств. Что такое принуждение, Илна знала слишком хорошо. Она не испытывала чрезмерного сочувствия к угнетенным, так же как и ко всем прочим. Но и не прибегала к наказанию без весомой причины.

Девушка присела в реверансе.

— Водер ор-Теттиган, госпожа, — объявила она со вздохом облегчения. — Из управления Судейской Палаты.

Мужчина, которого она ввела, был средних лет, плотно сложенный и весьма прилично одетый. Небольшой животик лишь подчеркивал его солидное общественное положение, так же как и жезл из пеканового дерева — характерный атрибут членов Городского Полицейского Патруля.

Он не всегда занимал подобное положение, и этот жезл — верный спутник и соратник мужчины — был свидетелем многих ударов судьбы, которые пришлось вынести его хозяину в прошлом.

¹ Штокроза — род травянистых растений семейства мальвовых с крупными цветами на прямом стебле; разводят как декоративное растение, а также используют в медицине.

— Госпожа, — произнес гость, склоняясь в низком поклоне — гораздо ниже, чем того требовала простая вежливость. Он чествовал Илну так, будто был ее слугой.

— Я делаю регулярные пожертвования окружному капитану, — холодно заметила девушка. — Если вы почему-то оказались обделенным, решайте свою проблему непосредственно с ним. Всего доброго, господин!

Водер покачал головой.

— Я не служу в Центральном Управлении, госпожа, — сказал он. — И сюда пришел не с целью вымогательства. Я здесь для того, чтобы закрыть ваше дело.

Мужчина говорил тихо, медленно, слегка картавя. Фигурой и манерой держаться он почему-то напомнил Илне ее брата Кашела. Нет, конечно, Водер не дотягивал до его богатырского сложения, но в нем присутствовала та же твердость и решимость, которые были не чужды и самой Илне.

— Разве существует закон, запрещающей благородной даме заниматься ткачеством у себя дома? — осведомилась девушка. Если б перед ней был обычный человек, ох, каким презрением обожгла бы она его в этой простой фразе! Но сейчас она говорила нейтральным тоном, не допуская и нотки пренебрежения. — Я не принимаю участия в делах этого домовладения. По сути, я вообще не веду никаких дел, мастер Водер. Если у господина судьи имеются какие-то претензии к качеству моих изделий, пусть обращается по этому вопросу к Белтару ор-Холману, в его магазин на Стекланной улице.

Водер снова отрицательно покачал головой.

— Прошу прощения, госпожа, — сказал Водер с искренним сожалением. — Но с вашими кружевами связана, по меньшей мере, дюжина убийств. Мужчины убивают своих жен, жены — подружек мужей... несколько человек утопилось оттого, что любимые бросили их. А прошлой ночью один бедняга повесился из-за того, как он поступил со своей женой. Подозреваю, он очень любил ее. И таких людей немало...

Во время своей речи посетитель осматривал комнату, его взгляд переходил со станков на рабочий стол, затем на прикрученный к полу кованый сундук — ничто в скудном убранстве не ускользнуло от его внимания. Он посмотрел в глаза хозяйке и с кривой усмешкой резюмировал:

— Этому надо положить конец, госпожа. Действительно, надо!

Недовольно хмыкнув, Илна прошествовала к сейфу.

— Ну хорошо, — решительно произнесла она (хотя знала, что номер не пройдет — на этот раз), — сколько вы хотите?

— Госпожа, я бы очень хотел, чтоб все было так просто, — ответил Водер, и снова ее поразила искренность его тона. — Прошу поверить мне: у меня семья, и, конечно же, я бы сделал многое, чтоб обеспечить ее. Но сюда я пришел не за этим... Вы творите зло, госпожа. И вы знаете это, так же как и я. Если б речь шла о простом нарушении закона, я, возможно, посмотрел бы на все сквозь пальцы. Но то, что торится сейчас, необходимо остановить!

Илна резко обернулась к посетителю.

— Вы сказали то, что собирались, — ледяным голосом проговорила она. — Теперь уходите.

— Госпожа, — продолжал настаивать Водер, — у меня за плечами трудный путь, полагаю, у вас — тоже. Посему надеюсь, вы понимаете то, что я говорю: творящееся безумие надлежит прекратить. И сделаете это либо вы, либо я. Мне крайне неприятно делать подобные заявления. Но именно за этим я пришел.

Их глаза встретились и зацепились: ее — карие, его — серые, но и те, и другие жесткие и неуступчивые, как пара мельничных жерновов.

— Видите ли, госпожа, — продолжал посетитель, — я живу здесь. Прожил в Эрдине всю мою жизнь.

Водер с сожалением покачал головой, казалось, он недоволен собой.

— Я люблю свой город, хоть это и звучит глупо. И я не позволю продолжаться смертоубийствам.

— Всего хорошего, мастер Водер, — ровным голосом повторила Илна.

Тот кивнул на прощание.

— Очень сожалею, — промолвил он, прежде чем прикрыл за собой дверь. Твердо, но тихо.

Илна прошла к станку, на котором она работала над портретом. Несколько мгновений рассматривала образ на мерцающей ткани, затем вернулась к двери и снова отворила ее. В прихожей застыла девушка-служанка с таким видом, будто дожидалась смертного приговора.

Илна холодно улыбнулась.

— Пошли курьера в магазин Белтара ор-Холмана, — приказала она. — Он мне нужен немедленно.

— Мастер Белтар ждет в приемной, пока вы закончите работу, госпожа, — промямлила девушка. — Пригласить его?

Движением руки Илна отослала служанку. Ее раздражало такое отношение — будто она была каким-то капризным чудовищем! На самом деле она никогда не причиняла людям вреда... без достаточных оснований. А жизнь подталкивала ее гораздо к большей жестокости, чем она считала возможным для себя.

Белтар вошел в прихожую с принужденной улыбкой на лице. Илна провела его в мастерскую. Торговец теперь позволял себе роскошь в одежде, хотя по-прежнему придерживался консервативных цветов: его туника была в тонкую коричневую и оливковую полоску, а загнутые кверху концы туфель украшали кисточки из конского волоса.

При этом мастер Белтар заметно похудел, лицо его приобрело сероватый блеск, напоминая отражение в цинковом зеркале.

— У нас возникла проблема, — произнесла Илна, плотно притворяя дверь. Она прошла меж двух своих станков. Большой — сдвоенный великан — был покрыт кисеей, чтоб скрыть незаконченную работу. — Проходите сюда. Вам знакома женщина по имени Леа ос-Вензел? Жена судьи?

— Я знаком с ней, — осторожно ответил Белтар. Илна никогда не позволяла ему приближаться к станкам спереди, где можно было рассмотреть создаваемые рисунки. — Теперь она предпочитает называться Леа бос-Зеллиман. Она наша покупательница.

В комнате находилось несколько станков, на которых в настоящий момент изготавливались кружева. Образцы узоров неуловимо изменялись от станка к станку. Нет, конечно, торговец ничего не видел, но он мог судить по тому воздействию, которое кружева оказывали на него.

— Будто бы имя что-нибудь значит, — фыркнула Илна. Она скривила губы: — Будто благородное происхождение имеет какое-то значение!

Белтар удивленно сморгнул: прежде ему не доводилось наблюдать подобных вспышек у своей хозяйки. Илна и сама недовольно поморщилась, отошла к станку, на котором покоился прямоугольный образец — возможно, будущая шаль — шириной в целый ярд и примерно восемь дюймов в длину. В качестве нити она использовала смесь обычной шерсти и козьего пуха, и то и другое — черного цвета, так что узор проявлялся скорее в текстуре ткани, чем в окраске.

Белтар взглянул на образец, задохнулся и поскорее отвел глаза. Илна холодно улыбнулась и отрезала небольшой кусок от ткани.

— Я хочу, чтоб вы отнесли это госпоже Леа, — заявила она, направляясь к рабочему столу. — Передайте: это подарок от меня. Бесплатный подарок.

Она выложила обренок на столешницу, тщательно разгладила и взялась за свой незачехленный нож — другая ткачиха воспользовалась бы ножницами, но только не Илна! Двумя пальцами она прижала левый верхний угол ткани к столу.

— Скажете госпоже Леа, — продолжала девушка, делая диагональный разрез на ткани (получилось два совершенно идентичных треугольника), — что вторую половину ткани она получит, когда будет арестован один чиновник из центрального управления, некто Водер ор-Теттиган.

Она бросила взгляд на Белтара. — Тот отшатнулся.

— Думаю, обвинение во взяточничестве должно сработать, — сказала Илна. — Невозможно представить эрдинского полицейского, который не брал бы взятку.

Она улыбнулась. В глубине ледника что-то потеплело.

— Естественно, меня мало волнует истинность обвинения...

Она уложила один из треугольников на кусок байки, который использовала в качестве упаковочного материала. Аккуратно свернула в трубочку, так, чтобы грубая ткань полностью скрывала ее творение.

Белтар прочистил горло и спросил:

— Э-э... есть что-нибудь, госпожа, о чем я должен знать?

— Да, что не следует становиться на моем пути! — огрызнулась Илна. Она снова нахмурилась: трудно сказать, что раздражало ее больше — назойливость торговца или недостаток собственной выдержки.

— Но ты ведь и так это хорошо знаешь, не правда ли? — вкрадчиво добавила девушка. — Не стоит переходить мне дорогу.

Белтар судорожно сглотнул, но не произнес ни слова. Внезапно новая мысль пришла в голову Илне, и она бросила на него подозрительный взгляд.

— А для чего ты дожидался меня? — требовательно спросила она. — Может, ты пришел сообщить, что не собираешься больше работать на меня, а?

Несчастный торговец отшатнулся, будто она поразила его в самое сердце. Его лицо — все в каплях пота — пошло красными

пятнами. Илна расхохоталась, как смеется взрослый человек над смятением обманутого ребенка.

— Что вы, госпожа... — придушенно прошептал Белтар. — Я никогда не говорил...

— Ну, да ладно, это не имеет значения, — с благодушным презрением отмахнулась девушка. — Ты никуда не уйдешь, поскольку у меня еще есть на тебя виды.

Она протянула Белтару сверток.

— Доставь это немедленно той госпоже, — распорядилась она. — Думаю, она будет весьма обрадована результатами. В последнее время господин судья не так часто заглядывает к ней, как прежде. Если он бросит эту дамочку, ей придется снова торговать апельсинами в перерывах между спектаклями, не так ли?

Торговец принял пакет. Второй треугольник по-прежнему лежал на рабочем столе. Глядеть на него было все равно, как слушать дыхание дикого зверя в крошечной тьме. Само по себе зрелище не таило ничего жуткого, но что-то грозное и неотвратимое пряталось за пределами видимости.

— Все может быть, госпожа, — мрачно согласился Белтар. Эта ведьма задушила в зародыше его сопротивление, еще прежде чем он набрался духу заявить о нем. Он знал — с самого начала, что является не более чем инструментом в руках Илны. Она будет пользоваться им, пока не доломает. — Итак, Водер ор-Теттиган должен быть немедленно арестован за взяточничество.

В следующий момент взгляд его упал на почти готовое изделие, заправленное в другой станок. Это было изображение Госпожи, выполненное из шелка с вплетением нитей из драгоценных металлов.

Ничего прекраснее он не видел за всю свою жизнь.

— Чудо! — воскликнул Белтар в полном восторге и изумлении. Он упал на колени перед станком и не мог отвести глаз от готового на три четверти образа. По обе стороны от Госпожи овца и баран встали на задние ноги, чтоб поцеловать всемиловитивейшие руки; небесная мгла сгущалась вокруг Ее головы, подчеркивая божественную красоту. — Госпожа Илна! Как красиво!

Та окинула работу критическим взором.

— В самом деле? — произнесла она. Она взялась за верхушку рисунка, вытянула заправленные нити и безжалостно перекрутила их. Шелковая ткань оказалась достаточно крепкой, хоть и

тонкой. Лицо Илны было ужасным в своей непроницаемости, пока она кромсала почти законченный узор.

Белтар закричал. Он вскочил на ноги и протянул руку, чтоб остановить девушку. Увы, было уже поздно... Илна отбросила в сторону полосы материи, которые когда-то были божественным образом. Они беспомощно свисали с ткацкого станка, подобно сухой оболочке бабочки, запутавшейся в паутине и высосанной досуха немилосердным пауком.

— Ступай и займись, чем я просила, — хриплым голосом приказала Илна. — И благодари судьбу за свою слабость, которая не позволяет тебе противиться мне.

Она взяла за руку хлюпающего носом, полуослепшего от слез торговца и подвела его к двери. Хладнокровно затворив за ним дверь, она вернулась к своим станкам.

Госпожа Леа обо всем позаботится — в этом Илна не сомневалась. Если судья промедлит, она самолично отдаст приказ подчиненным, естественно, от имени мужа. Никто не посмеет оспорить распоряжение, а когда дело сладится — что ж, все это будет слишком сложно исправить. С Водером разберутся прежде, чем он сможет нарушить узор, вырастающий под пальцами Илны.

Девушка подошла к станку с полоской кружев, которыми занималась до прихода Водера. Простая вещь — едва ли на час работы. Мгновение спустя она прервалась и взялась за половинку шали, оставшуюся на рабочем столе.

Свернув, она отложила ткань в сторону. Руки сами потянулись к куску материи, который она только что вырвала из рамы. Пальцы бессознательно гладили и ласкали блестящие лоскуты. Она ведь начала ткать узор, чтобы доказать самой себе: ее талант — это просто талант, а вовсе не проявление зла.

Илна опустила на колени перед станком. Собрала обрывки ткани в ладонях и горько заплакала над ними.

12

Матросы-серианцы попарно работали тремя длинными веслами, с четвертым в одиночку справлялся Кашел. В результате их усилий «Золотой Дракон» медленно надвигался на берег. В лучах заходящего солнца корабль отбрасывал длинную тень на песчаный пляж, усеянный кустами тамариска.

— Ура! — закричала Мелли с кашелова плеча. Оттолкнувшись, она сделала стойку на руках и снова вернулась в прежнее положение. — О, как славно снова оказаться на твердой земле, не правда ли?

Кашел ухмыльнулся. Он по-прежнему греб, стараясь ненароком не толкнуть своих напарников, занятых тем же делом на другой стороне верхней палубы. Строго говоря, пока что Мелли стояла на его плече, а сам Кашел — на палубе «Золотого Дракона». И, честно говоря, его мало взволновал тот факт, что днище корабля скользило уже не по мелководью, а по песку.

— И то сказать, я ведь не русалка! — саркастически заметила Мелли, будто прочитав мысли своего друга. — Ну, пойдем же, Кашел!

Она нырнула с плеча на талию юноши, по дороге ухватившись за его кожаный пояс, затем легким ветерком прошелестела по его волосатой правой ноге и очутилась на палубе.

— Эй, подожди меня! — воскликнул Кашел. Порой он забывал, что для других людей фея была невидима. Впрочем, неважно... В любом случае, серианцы воспринимали его как существо совершенно иного рода. Его постоянная привычка говорить с самим собой или с пустотой добавляла парню немного странности в их глазах.

Вот горцы, те могли видеть Мелли и вели себя так, будто Кашел являлся увеличенной копией их самих. Это немало тревожило юношу, когда он давал себе труд задуматься.

В настоящий момент все горцы поспешно скатились с корабля, некоторые — еще до того, как киль коснулся дна. Маленькие человечки скакали и верещали от радости: Мелли была не единственной персоной на борту «Золотого Дракона», кто соскучился по твердой земле. Один из горцев издал свистящий крик, указывая на что-то, и вся ватага понеслась в лошину, заросшую кустарником.

Собственно, именно из-за них было принято решение высадиться на этом необитаемом острове, одном из сотни разбросанных во Внутреннем Море. Дело в том, что, поскольку «Золотой Дракон» выходил в плавание в страшной спешке, времени запастись провизией не оставалось. Именно поэтому на борту ощущалась нехватка мяса и свежих овощей — единственной пищи, которую признавали горцы. Если паек серианских матросов на три четверти состоял из овсяных лепешек и лука, дополняемых по случаю свежей рыбой (что немногим отличалось от их

рациона в порту), то горцам предстояло со дня на день начать голодать. Требовалось немедленно что-то предпринять.

Еда всегда была проблемой в длительных морских путешествиях, даже если не стоял вопрос жизни и смерти. Любое торговое судно могло попасть в штиль на месяц, а то и больше. В такой ситуации корабль полз черепашьями темпами лишь благодаря каторжному труду моряков, орудовавшим веслами. Посему предусмотрительные капитаны на протяжении веков высаживали коз на маленьких необитаемых островках. Здесь же оставлялись овощи в небольшом количестве и резервуары для сбора дождевой воды. Эти неприхотливые животные, размножившись, служили пищей для морских демонов и источником свежего мяса для моряков, пожелавших развлечься охотой.

Хотя слово «развлечься», пожалуй, было неприменимо в данном случае. Кашел сомневался, что голодные горцы позаботятся хотя бы обжарить на костре первую пару пойманных коз.

Весла полагалось приладить в прорезные пазы на каждом из поручней. Справившись с этой задачей, Кашел отступил на шаг, предоставляя другим матросам связать их вместе определенным образом. Дело в том, что морские узлы представляли собой такую же культурную особенность, как и прически. Юноша знал, что серианцы по-тихому переделают его работу, как только он отвернется.

Он нагнулся, отколупал Мелли со своей ступни и снова посадил на плечо, невзирая на ее возмущенные вопли.

— Господа, — обратился он к Джону и Фразе, стоявшим на юте, — могу ли я тоже спуститься на берег?

Один из братьев — Кашел до сих пор путал их на расстоянии — прервал свою беседу с капитаном и низко поклонился.

— Конечно, мастер Кашел, — ответил он.

— Можно подумать, именно ты провел последнюю тысячу лет, изучая способы уцелеть в этой реальности, — ворчала Мелли, пока юноша, подхватив посох, шагнул на нос судна.

— Вполне вероятно, здесь водятся крысы, — рассудил он, игнорируя жалобы феи. — И уж наверняка рыщут горцы... Не желаю, чтобы с тобой приключилась беда, пока я в ответе за тебя.

Матросы один за другим попрыгали за борт и зашлепали на берег. Они строили себе из низкого кустарника шалаши и разводили костры, чтоб поджарить свои овсяные лепешки. Однако, в отличие от Мелли и горцев, возможность снова оказаться на

твердой земле не вызвала у них бурной радости. Серианцы — и это в равной степени относилось как к простым морьям, так и к братьям Джену и Фразе — представляли собой самодостаточные структуры. По большому счету им было безразлично, находиться в ограниченном пространстве торгового судна или же на территории торгового представительства.

Четверо матросов брели по берегу, согнувшись под тяжестью железного главного якоря; остальные потихоньку травили трос за ними. Установили они его в сорока футах от кромки прибора — это должно было предохранить «Золотой Дракон» от ночного дрейфа. Остальные спускали с кормы становой якорь, чтобы волны или сильный ветер не загнали корабль слишком далеко на берег и не помешали отплыть завтра с утренним приливом.

Джен и Фраза не ждали никаких неприятностей от этой высадки на берег, но в памяти Кашела еще жил тот аномальный шторм, который прошелся над их родной Баркой и принес к их берегам королевскую трирему. Так или иначе, его мнения не спрашивали. Да и горцам требовалось свежее мясо — тут спорить не приходилось.

Мелли сидела на его плече, скрестив ноги и старательно отворачиваясь от Кашела, она сердито сопела.

— Здесь нет никаких крыс, — заявила фея. — Я бы учуяла их. И горцев можно не бояться — они считают меня чем-то вроде твоего питомца.

Она обернулась и показала Кашелу язык.

— Думаю, ты и сам все это понимаешь, — добавила она.

Стоя на палубе, юноша ткнул посохом в почву: верхний слой в несколько дюймов составлял нанесенный приливом песок, но под ним обнаруживался твердый слежавшийся известняк. Поэтому Кашел не стал прыгать на берег, как горцы и матросы, а степенно сошел, придерживаясь за поручни и помогая себе посохом. Человек его комплекции и силы быстро отучается от порывистости. Да к тому же Кашел по натуре не был торопыгой.

Вообще-то, ему казалось, что на борту он чувствовал себя достаточно комфортно. Поэтому он даже удивился, почувствовав прилив радости при виде зеленеющих кустов. Пусть даже это был всего-навсего мелкий, с горькими листьями тамариск. Юноша прикинул, как же козы умудряются выживать на таком корме и каково на вкус их мясо — не горчит ли? Впрочем, надо думать, горцы не очень разборчивы в еде...

Как только Кашел вышел на сухую землю, Мелли соскочила с его плеча и вскарабкалась на первый же попавшийся куст. Она сорвала один из мелких розовых цветов и заткнула его за ухо, на ее изящной головке он выглядел как садовая роза.

— Ох, — воскликнула фея, вновь соскакивая на землю, — до чего же *хорошо!*

Вверх по склону поднималась неглубокая ложинка — скорее всего, результат постоянно дующих ветров. Очевидно, во время шторма по ней сбегают, весело журча, ручьи. Разбросанные кусты стояли на своеобразных пьедесталах из песка, скрепленного их корнями, а между этими миниатюрными плато змеились выветренные дорожки.

Кашел задержался у входа в ложинку, желая проверить землю на наличие следов коз или, что важнее, крыс. Мелли, конечно, могла говорить что угодно, но он-то...

Юноша поднял глаза как раз вовремя, чтоб заметить, как фея скрылась в овражке — она неслась вприпрыжку, время от времени прокручивая «колесо». Ее смех серебряным колокольчиком прокатился по склону и тоже затих.

— Мелли! — закричал Кашел. Подняв свой посох вертикально, чтоб не путаться в кустарнике, он перешел на бег. Юноша надеялся, что вот сейчас он минует изгиб ложинки и увидит фею: озорная физиономия с высунутым языком.

Изгиб остался позади — Мелли там не было! Зато, к своему немалому удивлению, на расчищенной площадке Кашел увидел хижину из окаменелых костей. Перед ней горел костер из ветвей тамариска, подле него сидел на корточках старик в одной набедренной повязке. Он разогревал какую-то темную жидкость в выщербленном керамическом горшке.

— О! — Кашелу едва удалось затормозить на бегу. Вот это сюрприз! Он не ожидал встретить здесь даже коз... А уж человек рядом с устроенным, пусть и примитивным, жилищем — это уж слишком!

— Добрый день, господин, — поздоровался старик, поспешно подымаясь на ноги. — *Очень приятно видеть вас! Очень! Не хотите ли чаю?*

— Я... — начал Кашел и запнулся. Прежде всего он опустил посох, чтоб не создавалось впечатление, будто он готов огреть кого-нибудь своей дубиной. — Э-э, нет, благодарю вас. Видите ли, я ишу...

Тут он умок, сообразив, что старик мог видеть горцев, но не его подружку, которая была невидимой для людей.

— ... одного друга, — запинаясь, закончил он фразу. Он шагнул к тому месту, где хижина притулилась к стене оврага, там оставалась щель, слишком узкая для человека, но достаточно просторная, чтоб проскользнула фея.

— Маленькую рыжеволосую девушку? — спросил старик. Двумя пальцами он показал примерный рост Мелли. — А как же... Она пробежала мимо. Я еще понадеялся, что она остановится побеседовать, но красotka скрылась вон в тех кустах.

Он указал куда-то в сторону. Склон оврага с вросшими в него корнями был фута четыре в высоту, дальше футов на восемьдесят возвышались заросли тамариска. Кашел, нахмурившись, разглядывал эту чащу.

— Не беспокойтесь, добрый господин. Я уверен, девушка рано или поздно вернется, — пытался его успокоить старик. — Почему бы вам не подождать ее здесь? Мы могли бы выпить чаю и потолковать.

Кашел продолжал недовольно разглядывать заросли — такие же безликие, как морская гладь. Конечно, он мог бы продрасться сквозь эти кусты, но куда? В каком направлении? Разыскать там фею, возымевшую желание играть в прятки, не представлялось возможным. Неужели она настолько рассердилась на Кашела за его осторожность?

— Мелли! — в отчаянии закричал парень. — Прости меня, Мелли! Вернись, не пугай меня так!

Ответом ему была тишина.

Кашел обернулся, чувствуя себя так, будто небо внезапно обрушилось ему на голову. Он не знал, что теперь делать.

— Бедняга, — посочувствовал старик. — Не убивайтесь так, она скоро вернется. Я просто уверен в этом... Присядьте со мной, пожалуйста.

С улыбкой, в которой сквозили грусть и отчаяние, он добавил:

— Я так давно ни с кем не разговаривал. Я пришел сюда в поисках одиночества, но, боюсь, преуспел в этом больше, чем предполагал.

— Я... — начал Кашел и умолк. Он невольно задумался о том, каково это — годами жить на таком пустынном острове, лишь изредка встречаясь с компанией случайных моряков. А ведь старик выглядел образованным человеком...

— Ну, что ж, — сказал юноша. — Думаю, я могу посидеть с вами несколько минут. Но только я не хочу ничего, спасибо. Может быть, позже — когда моя подруга вернется.

— Пусть так, — согласился старик, приподнимая котелок за толстый ободок. Несмотря на внешнее дружелюбие и безбидность, в нем чувствовалось какое-то напряжение. Он сделал жест в сторону своей хижины: — Не хотите ли заглянуть в мое жилище?

Кашел подошел поближе и был поражен: ничего подобного он в своей жизни не видел. Основой для стен хижины служили окаменелые бедренные кости какого-то гигантского животного — каждая толщиной со ствол небольшого фруктового дерева. Ребра такого же непомерно большого размера образовывали крышу. Щели заботливо заткнуты морской травой, однако Кашел сильно сомневался, что в плохую погоду здесь будет уютно или хотя бы сухо. Ему и самому доводилось ночевать в каменном хлеву, сложенном без раствора, но там, по крайней мере, его окружали овцы — хранители тепла.

— Видите ли, я отшельник... хотя, может, это звучит претенциозно, — пробормотал старик. Видя нерешительность юноши, он поспешно забрался сам внутрь хижины, как бы желая доказать, что она вполне безопасна. — Когда-то давно я решил найти место, подобное этому, маленький пустынный островок. Для того чтобы заниматься наукой, медитировать и самоочищаться в полном одиночестве.

Он покачал головой и насмешливо хихикнул. В его смехе звучало горькое веселье и безумие.

— О, силы небесные! Я добился своего! Абсолютное одиночество... О, да!

Кашел опустился на корточки, чтоб получше рассмотреть хижину изнутри. Он чувствовал себя как-то неуютно. Возможно, это было просто беспокойство о Мелли... Потому что ведь старик и впрямь казался искренним в своем дружелюбии. Конечно, выглядел он довольно странно, но, как подозревал юноша, не сильно отличался от его знакомой Теноктрис.

Кроме того, здесь нечего было опасаться. Если б Кашел захотел, он мог бы переломить отшельника пополам одной рукой (хотя трудно представить себе ситуацию, в которой ему бы захотелось так развлекаться).

Внутри, у стены, располагалась постель из морских водорослей и ветвей тамариска. У другой стены, напротив, покоился перевернутый чугунный горшок, чуть побольше того, что минуту

назад булькал над костром. Рядом стоял деревянный сундук емкостью примерно в полбушеля¹. Крышка его была наискось приоткрыта. Внутренность сундука оказалась разделенной на отдельные секции, в каждой из которых находилось по пергаментному свитку. Пользовались ими, видно, так часто, что глянец с верхней кромки успел стереться. Несмотря на это, сразу бросалось в глаза, что хозяин бережно и любовно хранит свое сокровище.

За исключением книгохранилища и чугунных горшков, в хижине не было ни единого рукотворного предмета: ни ножика, ни лампы, ни клочка материи. Набедренную повязку старик, очевидно, изготовил самостоятельно (и весьма неумело) из волокнистой коры все того же тамариска.

Юноша оставил свой посох снаружи, прислонив его к передней стене хижины. Окинув критическим взглядом вход, он опустился на колени и бочком протиснулся внутрь жилища. Входной проем был достаточно высокий, но непомерно узкий, чтоб такой богатырь, как Кашел, мог нормально пройти в него. Он еще раз осмотрелся в надежде увидеть нечто, чего прежде не заметил.

— Так вы питаетесь козами? — спросил юноша, хотя вокруг не было видно ни костей, ни следов крови. И, самое главное, ни малейшего мясного запаха — а уж его-то не спрячешь!

— Я вегетарианец, — пояснил отшельник. — Я... у меня и в мыслях нет читать вам проповедь, добрый господин. Пожалуйста, не примите мои слова за порицание той философии, которой вы, возможно, придерживаетесь. Но я считаю: неправильно отнимать жизнь у другого существа, чтоб поддержать собственную.

Он улыбнулся в смущении.

— Видите ли, это являлось частью обряда очищения. Я живу дарами моря: течения выбрасывают на берег множество различных водорослей, причем с той же регулярностью, с какой солнце восходит на востоке. Мне нравится думать, что сама природа помогает тем, кто стремится жить с ней в гармонии.

— А-а, — тихо протянул изумленный Кашел. Он снова огляделся и невольно подумал: а как старику удалось притащить сюда эти неподъемные окаменелые кости? — Мне трудно... Хочу сказать: я и сам не роскошествую, но чтобы так...

¹ Бушель — единица вместимости и объема сыпучих веществ и жидкостей в странах с английской системой мер; размер сильно отличается: в Великобритании равен 36,37 л, в США — 35,24 л.

Отшельник скромно улыбнулся.

— Я привык обходиться без этого, — сказал он, — еда и то, что люди называют «удобствами»... Взамен у меня мои занятия.

Он кивнул в сторону книг, возле которых сидел Кашел.

— Я достиг многих целей, ради которых явился сюда, — продолжал старик. — Однако, скажу честно, все это время я страдал от одиночества. Боюсь, чрезмерного одиночества.

Юноша услышал неподдельное отчаяние в голосе отшельника.

— И как долго вы здесь живете, господин? — спросил он.

Они так и не познакомились. Более того, Кашел колебался: а что ответить, если старик вдруг спросит его имя. Именно поэтому он и сам не задал подобного вопроса старику. Ведь, произнося чье-то имя — истинное имя, получаешь над ним власть.

Как бы юноша хотел, чтобы фея была с ним рядом! Ему не хватало Мелли даже больше, чем он мог подозревать заранее. Но особо он нуждался в ее совете... Уж она-то разобралась бы во всем и объяснила, что за давление ощущал юноша.

— Очень давно, — ответил отшельник; голос его дрогнул, он через силу улыбнулся. — Не могу даже сказать точно. Вначале время меня не интересовало, а затем... Боюсь, что я потерял счет времени.

Кашелу доводилось слышать плач вдовы на могиле ее единственного ребенка. Но в словах старика звучало еще больше грусти и одиночества.

— Знаете... — произнес Кашел и сам устыдился — не слишком ли он подозрителен? — Подруга, которую я ищу... ведь большинство людей ее не видят.

Отшельник улыбнулся в ответ на невысказанный вопрос.

— Вас удивляет, почему я отличаюсь от них? — сказал он. — Поверьте, добрый господин, было бы куда удивительнее, если б я не видел ее, в то время как вы видите. Я ведь потратил всю свою жизнь, чтоб научиться подобным вещам, а вы?..

Кашел принужденно рассмеялся.

— Я изучал овец, — признался он. — Учился ремеслу дровосека и кое-чему еще. Но я даже не умею читать... хотя у меня есть друг, который большой мастак в этом.

Он покраснел, осознав, как глупо хвастаться подобными вещами.

— Не могу объяснить, как это получается, что я вижу Мелли, — добавил юноша. — Просто вижу, и все.

Он посмотрел старику прямо в глаза и сказал:

— Среди моих знакомых есть одна почтенная женщина — волшебница. Полагаю, вы тоже из них?

— Скорее, философ, — улыбнулся старик. — Однако надо признать: существует точка, в которой все знания сходятся воедино.

Кашел почувствовал, что давление возросло. Толстые окаменелые стены выглядели странно нематериальными, а мир снаружи — песок, кусты тамариска — будто просачивался сквозь них, втискивался внутрь и давил на юношу. Даже воздух, казалось, загустел, изменяя солнечный свет.

— Мне надо искать Мелли, — внезапно охрипшим голосом произнес Кашел. У него было такое ощущение, словно его похоронили заживо. Двигался он с трудом, будто под толщей мокрого песка.

— Пожалуйста, выпейте чаю, и я уверен: вы снова увидите свою подругу, — сказал старик, склоняясь к Кашелу со своим котелком. Жидкость, очевидно приготовленная из морских водорослей, имела острый, но приятный запах. Хотя, конечно же, это был не чай.

— Прошу вас, добрый господин, — настаивал отшельник — Я так долго был один. Выпейте со мной!

Старик поднес котелок к собственным губам и отхлебнул темную жидкость. Проглотил, не отрывая взгляда от юноши. Тот начал с трудом подниматься, чувствуя на своих плечах тяжесть всего мира.

— Пожалуйста... — молил отшельник.

Голубой свет. Крошечная искра голубого света, яркая тень, просочившаяся сквозь чугунные стенки перевернутого горшка. Мелли!

Кашел схватил горшок и с грохотом швырнул его. Одним прыжком фея вскочила на его обнаженную руку и заплясала от радости.

Глиняный горшок валялся тут же на земле; отшельник отпрянул и съежился. Юноша стоял, прижимаясь плечами к стенам, к крыше хижины.

— *Пожалуйста...*

Подняв наконец руки, Кашел взревел. Голубое свечение охватило его. Окаменелые стены светились, как пушок на стебле чертополоха, как паутинка на ветру... Раскидав руки в разные стороны, юноша раздвигал стены, а вместе с ними и границы мира, который держал его в плену. Ветер и солнечный свет, блестящие листья тамариска обрели четкость и реальность, и Кашел издал победный крик.

По мере того как голубое свечение меркло, поглощалось чернотой беспамятства, откуда-то, из сумеречного мира доносились слова: *...такой одинокий.*

Он лежал на земле, погруженный в полную тьму, лишь несколько звезд светило с лилового небосвода. Кашел расслышал веселую болтовню горцев, спускавшихся по склону оврага, — они направлялись в его сторону. Юноша приподнял голову.

— Может, попросить их помочь? — раздался голосок Мелли. — Ты, наверное, ужасно устал, Кашел. Даже ты.

Трое горцев спускались по извилистой тропке. Двигались они легко и ловко, несмотря на то что каждый нес на плечах по козе весом примерно в половину своего собственного.

Увидев лежащего Кашела, они замерли в удивлении и еще быстрее зачирикали, как птенцы в гнезде, увидевшие приближающуюся мать.

— Нет, я сам... — произнес юноша, перевернувшись и утвердившись на ладонях. Окружающий мир колебался, как занавеска на сквозняке. Еще никогда Кашелу не приходилось чувствовать себя таким слабым. Что же произошло?

— Не надо, Кашел... — попросила фея.

— Я могу, — пробормотал юноша. Все его чувства замкнулись на руках, упирающихся в песчаную почву. Он не раздумывал, просто знал: жить незачем, если он сейчас не поднимется. Кашел не станет здесь валяться, как загнанная лошадь!

— Могу! — и, оттолкнувшись, он встал на колени, а затем, продолжая движение, и на ноги. Покачиваясь, он возвышался над изумленными горцами.

Мир снова обрел свою незыблемость, и ноги Кашела твердо стояли на земле. Он рассмеялся с облегчением. Вокруг него без умолку трещали горцы, напоминая стаю птиц. Мелли весело щебетала, теребя его ухо.

— Ты такой сильный, Кашел, — приговаривала она. — Ведь горшок был металлический!

Хижина пропала без следа. Не веря своим глазам, юноша обернулся: может, она осталась за спиной?

Ничуть не бывало. Наклонившись, в неверном лунном свете Кашел мог разглядеть многочисленные собственные следы, но ни великанских костей, ни кюстрища... ведь они же *не могли* исчезнуть!

И тем не менее исчезли.

— Я что, спал? — спросил юноша, то ли сам себя, то ли фею на плече. — Там был старик, философ...

Горцы придвинулись, дружески прикоснулись к Кашелу, логонько подталкивая его к берегу. Козы у них на плечах все еще были теплыми.

Юноша распрямил плечи, повел руками. Мускулы болели, но тело двигалось нормально. И он пошел, поддерживаемый маленькими человечками, радуясь их компании и возвращению Мелли.

— Мне снилось, я разрушил его хижину, — пробормотал Кашел. На берегу поблескивали огни; горизонт на западе алел, на его фоне вырисовывался неуклюжий силуэт «Золотого Дракона». — Не верю, чтоб я это сделал...

— Если б ты что-нибудь съел или выпил, Кашел, — послышался голос Мелли, — мы могли бы остаться там навсегда.

Горцы направились к группе соплеменников, которые уже жарили на костре свою добычу, даже не потрудившись очистить ее от шкуры. Горящая шерсть издавала зловоние, которое ничуть не смущало кулинаров. От костра, расположенного с подветренной стороны, поднялись Джен и Фраза, согнулись в приветственном поклоне.

— Он был просто одинокий старик, — проговорил Кашел.

И посмотрел на Мелли. Во взгляде феи читалось удивление и замешательство.

13

— Мы заплатим портовую пошлину в Эрдине! — проревел Аран, капитан двухмачтового торгового судна. Гаррик даже не представлял, что можно так громко кричать без помощи мегафона. — Идите изображайте из себя военно-морское ведомство перед теми, у кого есть лишнее время!

— У них на борту колдун, — сказала Теноктрис Гаррику и Лиане, стоявшим рядом с ней на подветренной стороне «купца»¹. Легкая усмешка мелькнула у нее на губах: — По крайней мере, он себя так называет.

Вот офицер на носу однорядного военного корабля — тот использовал мегафон.

¹ «Купец» — торговое судно.

— Лечь в дрейф, — прогремел он, — или мы отправим вас на дно, где вы сможете потренировать свое остроумие на рыбах!

— Это королевское судно из Орнифала, — спокойно сообщила Лиана. Руки ее свободно, неподвижно лежали на поручнях. — Видите орла на вымпеле? Если б они были сандракканцы, то вместо орла красовалась бы лошадиная голова.

— Фу ты! — проворчал Аран. — Первый раз в этом году поймали ветер, который бы без единого оверштага¹ доставил нас прямо в русло Эрда, и какой-то ублюдок-аристократишка решает нас остановить. Не удивлюсь, если он нас продержит, пока прилив сменится.

Он недовольно посмотрел на команду, ожидавшую капитанского решения, и махнул рукой:

— Давайте, спускайте парус! Раз этот чугуноволовый болван настаивает!

Гаррик рассматривал военный корабль, следовавший параллельным курсом на расстоянии пятидесяти ярдов. Двадцать пять весел, которые были ему видны, двигались с ритмичностью сороконожки — вроде совсем медленно, хотя юноша не сомневался, что бронзовый выступ на носу корабля без труда пропорет борт их судна.

— Что королевский корабль делает здесь? — спросил Гаррик. — Разве граф Сандракканский не является врагом короля?

— Войну никто не объявлял, — ответила Лиана — хотя действительно графа Сандракканского можно назвать злейшим врагом короля. Хуже, наверное, только королева.

Юноша поднял на нее удивленный взгляд, надеясь увидеть улыбку. Однако Лиана не шутила. Лицо ее ничего не выражало, кроме вежливого интереса, зато под этой маской мускулы затвердели, как у мраморной статуи.

На мачте прогрохотал рангоут. Матросы, собирая в пригоршни полотнище паруса, сворачивали его и проклинали свежий бриз. Он дул прямо в сторону их цели — Эрдина и был достаточно силен, чтоб надувать парус даже в таком положении. Сандракканские моряки верили, что в таком пузатом, вздутом парусе ветер держится так же надежно, как вода в ведре. В то же время хафтские моряки, среди которых вырос Гаррик, имели привычку клясться парусом, плоским, как доска.

¹ Оверштаг (*мор.*) — поворот парусного судна против ветра с одного галса на другой, когда нос судна пересекает линию ветра.

— Судя по наличию колдуна на борту судна, — со своей обычной объективностью продолжала Теноктрис, — можно предположить, что они ищут именно нас. Вернее сказать, вашего отца, Лиана.

Двое матросов буквально повисли на фок¹. Передоверить эту работу гравитации они не могли, так как мачта была наклонной, на манер бушприта. Соответственно, рей выносился за нос судна. Необходимость подобной меры, довольно неудобной, вытекала как раз из-за чрезмерно надутого фока. Хотя Гаррик готов был признать, что использование системы рычагов позволяло пузатому «купцу» исключительно быстро менять курс.

— Король разыскивает нас? — удивилась Лиана.

— Ну если это действительно королевский корабль, — пожала плечами старая колдунья, — то, очевидно, да.

Лиана сморщилась так, будто съела целиком лимон.

— Буду удивлена, если выяснится, что мой отец работал на короля, — произнесла она.

— Думаю, там не столь примитивная расстановка сил и партий больше, чем две, — возразила Теноктрис. — Хотя боюсь, если проследить каждую из цепочек до конца, то мы увидим, что все они ведут к одному и тому же лицу.

— Ты имеешь в виду Клобука? — спросил Гаррик, не отрывая взгляда от военного корабля. Сейчас там работало всего несколько гребцов на носу и корме.

— Нет, — ответила колдунья, — хотя он был бы рад занять это место. Я имею в виду Малкара.

Гребцы сидели на двух скамьях, между которыми оставался проход — такой узкий, что матросы могли пройти только по очереди, да и то бочком. По центру киля виднелся след мачты, хотя в настоящий момент мачта вместе с рангоутным деревом отсутствовали. Очевидно, их оставили на берегу, предполагая идти исключительно на веслах. Малый парус был свернут вокруг гика², выступавшего над тараном.

¹ Фок (*мор.*) — нижний прямой (на одномачтовом судне — косой) парус на передней мачте судна, крепящийся к фок-рее.

² Гик (*мор.*) — горизонтальная балка, одним (передним) концом подвижно укрепленная в нижней части мачты (нижнего колена составной мачты) и идущая по направлению к корме; служит для растягивания нижней кромки паруса.

Единственный рулевой на узкой корме управлял спаренными рулевыми веслами. Помимо него в команду входили два офицера в поясах: один — на носу корабля, а второй сидел рядом с рулевым, держа меж ног барабан. По-видимому, когда надо было управиться с парусом, гребцы вставали со своих скамей.

«Купец» сбросил ход и остановился, покачиваясь на волнах. Из-за того что корпус был коротким, а корма выше носа, судно начало медленно поворачиваться против часовой стрелки. Это усложнило задачу капитану военного корабля, намеревавшегося остановиться борт о борт.

— Бросьте нам конец, — крикнул он. Поскольку капитан Аран проигнорировал его просьбу, он прорычал: — Бросай конец, или Сестра меня заберет, если я не снесу тебе поручни своим дреком¹!

— Вояки! — проворчал Аран, но направился к поручням, у которых стоял Гаррик с женщинами, и поднял бухту дюймового троса. Он бросил трос боковым движением, так что бухта разматывалась, пока тот летел в воздухе. Капитан военного корабля поймал конец с не меньшей ловкостью и накинул его на кнехты, привязывая к себе «купца», в то время как гребцы окончательно сблизили суда.

Гаррику было слышно жалобное бление овец в трюме. Вообще-то, они вели себя достаточно спокойно во время плавания. Но нынешняя килевая качка могла вывести из себя даже закаленных моряков. Юноша подумал было спуститься вниз, но он мало чем мог помочь своим подопечным. К тому же в трюме, даже при открытом люке, царили тьма и теснота. Стоило ли подвергать себя таким испытаниям без особой нужды?

На военном корабле помимо команды присутствовало еще три человека. Военный офицер, остановивший их судно, носил блестящий шлем и медную кирасу, имитировавшую мускулатуру полубога. Должно быть, его слуга полировал доспехи каждое утро, чтобы сохранять такой исключительный блеск, невзирая на соленый морской воздух.

Второй солдат был одет в железный шлем и кольчугу. Выглядел он мрачным, что вполне понятно: не больно-то удобно париться в тяжелой кольчуге на солнцепеке. К тому же парень, несомненно, понимал: случись ему свалиться в воду, такое обмундирование не оставит ему никакого шанса.

¹ Дрек (*мор.*) — небольшой якорь, применяющийся преимущественно на гребных судах.

Оба мужчины были при мечах. Солдат вдобавок сжимал в руке копье. Правда, толку от этого оружия было немного. Восьмерка матросов из команды Арана легко бы отправила их обоих за борт, если уж дело дошло бы до того. Бронзовый таран — вот что обеспечивало кораблю весомое преимущество.

Борта обоих судов соприкоснулись: правый борт «купца» с левым военного корабля. Они оказались ощутимо различной высоты. Даже в районе носа арановский корабль был на три фута выше своего соседа. Офицер недовольно поморщился, но тем не менее умудрился вместе со своим подчиненным самостоятельно вскарабкаться на палубу, без помощи не слишком дружелюбных хозяев. Наверное, они немало практиковались в недавнем прошлом.

Гаррик, не отрываясь, смотрел на третьего члена прибывшей компании — тощего старика в явно нездешней одежде. Вместо привычной туники на нем была зашпиленная у ворота накидка из множества шкур различных зверей и птиц. В руках он держал резной посох из какой-то темной, почти черной, древесины.

Перебравшись через перила торгового судна этот диковинный человек тут же принялся прыгать на одной ноге, что-то сердито бормоча и указывая на небо. Посох его был снабжен набалдашником с одной стороны и острием — с другой.

— Позер, — пренебрежительно бросила Теноктрис. — Что за времена! Ведь он обладает такими силами, о которых и не мечтал. И при этом остается третьесортным шаманом с понятиями, сохранившимися с той поры, когда промышлял поисками утерянных брошей и продажей приворотных зелий в своей захудалой деревушке.

Когда военный корабль остановил их судно, Гаррик сбегал за оружием, но он пока не стал натягивать свой лук. Да и меч остался лежать в промасленной ткани, в которой он хранился во время путешествия. Юноша ощущал напряжение. Он знал: взявшись за рукоятку меча, мог легко передоверить решение проблемы королю Карусу, но сомневался в правильности такого пути. Окружающие могли его неправильно понять. Кроме того, его останавливали овцы, блеющие в трюме, — как ни крути, а они на его ответственности.

— Наздир, — прорычал офицер, — кончай прыгать и приступай к делу!

Колдун вздернул подбородок в попытке принять величественный вид. Обвислые усы на его физиономии были совсем седые, хотя жидкие волосы на голове сохраняли естественный темный цвет.

— Ты ничего не понимаешь в моем искусстве, — посетовал старик.

— Зато я понимаю, что чем скорее мы разыщем Бенлоу, тем быстрее покинем эту чертову скалу, где можно изжариться в сухую погоду, — парировал офицер. — Так что, давай работай.

— А также завязывай гадать: что настигнет нас раньше — шторм или пара сотен сандракканских головорезов, — добавил солдат, глядя на колдуна так, будто прикидывая: куда лучше воткнуть копье, если тот отмахнется от их требований. Возможно, положение морского корабля вдали от герцогской территории было не так плачевно, как следовало из слов солдата, но уж, очевидно, достаточно тяжело, чтоб испортить отношения во время их поисковой экспедиции.

— Так вы не инспектора герцогской таможни? — спросил капитан Аран. Оценив наконец ситуацию, он пришел в ярость. О коротких темных волосах капитана ничего нельзя было сказать, зато густая, кустистая борода так и топорщилась от гнева. — Так кто же вы тогда, чертовы крысы?

— Мы — представители нашего короля, — холодно отрезал офицер. — Разыскиваем человека по имени Бенлоу бор-Берлиман. И я скажу тебе, дружище: если этот тип скрывается на вашем корабле, то вы сможете избежать большой беды, — чтобы не сказать больше, если немедленно выдадите его нам!

Лиана слегка выпрямилась, губы ее изгибались в презрительной усмешке. Гаррик еще раз поразился, насколько четко проступает ее благородное происхождение. Странно, как другие этого не видели... Впрочем, люди видят и слышат лишь то, к чему готовы. А никому и в голову не приходило, что молодая аристократка будет вместе с овцами путешествовать из Каркозы в Эрдин на борту грузового судна.

— Все пассажиры перед вами, — проворчал Аран. — И насколько я знаю, среди них нет человека с таким именем. Впрочем, если найдете своего Бенлоу, забирайте его к чертовой матери. И сами поскорее убирайтесь, не мешайте честному человеку заниматься делом!

— Покажите мне свои ладони, — потребовал офицер, прикасаясь к плечу капитана. — И вы двое тоже, — указал он на двух матросов среднего возраста, все еще возившихся с парусом. Никто из этих мужчин не обнаруживал сходства с Бенлоу, если не считать их возраста. Остальные и вовсе были слишком молоды.

Исключение составлял рулевой, но даже самый подозрительный полицейский не заподозрил бы в нем разыскиваемого аристократа — мужчина был темнокожий, со включенными черными волосами и к тому же лишенный за какие-то грехи языка.

Офицер осмотрел подставленные ладони — за долгие годы весла и канаты оставили на всех непроходящие мозоли, характерный признак их профессии. Ни один аристократ не смог бы выдать себя за моряка при такой проверке.

— Ну, — издевательски сказал Аран, — может, вам еще мой зад показать? Или я могу поднимать парус, помолившись о приливе?

— Не так скоро, — огрызнулся офицер. Он оглянулся в поисках колдуна. Тот сидел на корточках по другую сторону от мачты в окружении моряков, с интересом наблюдавших за стариком. Кончиком своего посоха Наздир нарисовал на палубе шестиконечную звезду.

Капитан военного корабля ослабил трос, чтоб суда не бились бортами при качке. Четверо гребцов время от времени лениво ударяли веслами для сохранения диспозиции.

Офицер бросил недовольный взгляд на Гаррика.

— Эй парень, а что это у тебя там такое? — указал он на промасленный сверток. — Похоже на меч.

— Как есть меч, — сознательно усиливая деревенский акцент, ответил Гаррик. — А также — лук, если ты такой слепой придурок, что сам не видишь. А еще у меня внизу пятьдесят овец, которых я должен доставить мастеру Хакару ор-Мулину в Сандраккан.

Юноша отвернулся и сплюнул через борт. Попутный ветер отнес плевок в сторону военного корабля, где он и шлепнулся в воду. Такое вызывающее неуважение являлось типичной реакцией односельчан Гаррика на представителей власти, в данном случае оно позволяло отлично замаскировать страх юноши.

— Впрочем, не думаю, чтоб кого-нибудь из моих овечек звали Бенлоу, — продолжал он. — Хотя можешь спросить их сам.

Капитан Аран гоготнул и хлопнул офицера по спине.

— Точно, давай, солдатская твоя душа! — поддержал он шутку. — Глядишь, отыщешь себе пару-тройку новобранцев... Бе-е-е! Бе-е-е!

Офицер вспыхнул, но сдержался. Он не сомневался, что, начнись потасовка, он окажется в проигравших, даже если им и удастся вывести из строя несколько местных матросов. Его под-

чиненный тоже весело ухмылялся, но, поймав взгляд начальника, тут же посерьезнел.

Тем временем колдун поднялся и шаркая ногами, пустился в пляс вокруг гексаграммы. Гаррик отошел на несколько шагов, чтоб лучше видеть происходящее. Взгляды всех присутствующих на борту были прикованы к Наздиру.

— *Салбатбал аутгеротабал базутатео!* — выкрикивал колдун. При каждом слове он пристукивал по палубе черным острием посоха. Гаррик заметил, что Наздир не стал ничего писать вокруг гексаграммы, только наметил точки между каждыми двумя вершинами. Очевидно, старик не знал Старого Языка. Может, и вообще, был неграмотный...

— *Алео самбетор амуэкарптип!* — продолжал Наздир, его разноцветная накидка развевалась при каждом движении. Под ней у старика ничего не было.

Теноктрис не отводила застывшего взгляда от верхушки мачты «купца». На лице ее была сосредоточенность судьи, зачитывающего приговор. Порицала ли она технику Наздира или, может, существовало что-то еще более важное?

— Бенлоу бор-Берлиман *экронзой разабуа!* — воззвал колдун, втыкая посох в центр гексаграммы. Двое матросов, стоявших ближе всего, в страхе отскочили, зажав большие пальцы в кулаках — жест, по поверью, отгоняющий всякое зло.

Слабый призрак, похожий на столб танцующих пылинок, поднялся над шестиконечной звездой. Цвет его переливался от красного до голубого, напоминая драгоценный камень «кошачий глаз».

Призрак имел отдаленное сходство с Бенлоу. Он медленно поднял правую руку, указывая в сторону рубки с двумя пассажирскими каютами.

— Есть! — воскликнул офицер. — Клянусь Госпожой, мы наконец-то нашли его!

Матросы, оставшиеся на палубе военного корабля, слышали крики, но находились слишком низко, чтобы разглядеть палубу торгового судна. Барабанщик взгромоздился на поручни и попробовал подпрыгнуть: корабль угрожающе накренился, капитан сердито закричал и сдернул любопытного.

Лиана по-прежнему сохраняла холодность зимнего рассвета. Теноктрис сидела, отвернувшись от призрака, но губы ее медленно шевелились. Гаррику показалось, что на губах ее играет смутная улыбка.

Обе двери рубки выходили на нос судна. Призрак указывал на правую дверь, которая вела в каюту Гаррика. Солдат осторожно двинулся в том направлении. Копье он держал наперевес, изготовившись метнуть его в цель, буде такая внезапно возникнет.

Он толчком распахнул дверь. Внутри взорвался все тот же вихрь красно-синих искр. Подобная цветовая комбинация, как понимал Гаррик, свидетельствовала о неумении Наздира различать силы, которые он приводит в движение.

— Бенлоу бор-Берлиман, — повторил колдун. — *Эрконзой раз-аабуа!*

Раздался громкий треск. Крышка погребальной урны, которая путешествовала в одной каюте с юношей, приподнялась. Смоляная заливка треснула и местами отвалилась.

Из урны медленно поднимался обнаженный труп Бенлоу, рана на животе была зашита грубой бечевой. Ароматические благоухания не могли скрыть запах гниющей плоти.

Солдат в ужасе замычал и бросился назад, не разбирая дороги. Он наткнулся на грот-мачту и с грохотом упал. Копье отлетело в одну сторону, шлем, слетевший с головы, в другую. Бедняга вскочил на ноги и, пошатываясь, слепой от страха, пошел в другом направлении.

Назмир пронзительно взвыл, как кастрированный боров, и загородился скрещенными руками, в которых все еще держал черный посох. Офицер, попятившись, налетел на него, и оба мужчины упали в спутанном клубке конечностей, вопя от ужаса.

Обезумевший от страха солдат начал перелезать через перила судна. Лиана обеими руками схватила его за бронированную рукавицу и потянула парня подальше от борта. Но тот, зацепившись локтем за трос, связывающий оба судна, скользнул вниз. Ничего не понимающий капитан военного корабля тщетно зывал снизу. Гребцы, которые были перед тем расслабились и устроились отдыхать, снова заняли свои места и сжали весла.

Красные и голубые сполохи вылетали из двери, подобно искрам умирающего костра. Труп Бенлоу снова опустился в свою урну, одна рука осталась свешиваться через край.

Назмир и офицер на четвереньках карабкались к поручням. Солдат, которому морское купание вернуло, хотя бы отчасти, способность соображать, резво перебирал руками трос, карабкаясь на палубу родного корабля.

Офицер, отпихнув в сторону колдуна, в свою очередь, вцепился в канат и тут сообразил, что все еще сжимает в руке меч. Освобождая руки, он швырнул его в море. Костяная рукоятка и золотые вставки на лезвии блеснули в волнах и ушли на дно.

Назбир продолжал визжать и беспорядочно размахивать в воздухе посохом. Лиане едва удалось увернуться от удара, который наверняка переломал бы ей кости.

Гаррик почувствовал прилив отвращения. Такое чувство он испытал как-то ночью, увидев, как крыса лакает кровь из горла мертвого голубя. Он шагнул вперед.

— *Берегись...* — крикнула Лиана.

Юноша вскинул раскрытую левую ладонь. Назбировский посох просвистел в воздухе и со шлепком угодил прямо в ладонь. Гаррик ощутил его неровную сальную поверхность. Руку обожгло болью, но это было нестрашно — ведь юноша никогда не был белоручкой. Мозоли свои он заработал тяжелым трудом и с болью был знаком не понаслышке.левой рукой Гаррик отбросил посох за поручни, в то время как правой схватил колдуна за горло.

Назбир заблеял тонким голоском. Юноша поднял его в воздух, перехватил за одну из тощих дергающихся ног — мускулов на ней было меньше, чем у обычного мужчины на руке, — и отшвырнул старика за борт. Силушки у Гаррика хватало, посему колдун завершил свой полет уже среди длинных выпростанных весел военного корабля.

Он умудрился ухватиться за рукоятку одного из них и провисеть достаточно долго, чтобы сердобольный матрос втащил его за шиворот на палубу. Это порадовало Гаррика, хотя мгновение назад его меньше всего волновала судьба Назбира. Тяжело дыша, юноша склонился на поручни.

Большинство команды «купца» в страхе сгрудилось на носу судна, один только рулевой в безмолвном удивлении застыл на корме. Со своей позиции на крыше рубки он мог видеть лишь назбировского призрака, поэтому никак не мог понять причины такой паники.

На военном корабле капитан и промокший офицер что-то кричали друг другу в лицо. Теноктрис, не пошевелившаяся с тех пор, как гости поднялись к ним на борт, теперь медленно подняла правую руку в сторону соседнего судна. С ее указательного пальца засверкало голубое пламя, плотное и чистое, как сердцевина сапфира.

Военный офицер бросился в узкий проход между гребцами. Послышалась хриплая команда капитана. Весла заработали, сначала нестройно, затем — когда зазвучал барабан — синхронизируясь в едином ритме.

Маленький корабль поспешно двинулся прочь, примерно со скоростью бегущего человека. Теноктрис опустила руку, она улыбалась, хотя и выглядела измотанной.

— Сестра заberi вас всех! — взревел на нее капитан Аран голосом раненого медведя.

Он ткнул в сторону кубрика:

— *Эта* штука немедленно отправляется за борт! И можете считать себя счастливыми, если не последуете за ней.

— Нет! — заявила Лиана. — Это мой отец!

Аран шагнул в направлении кубрика, четверо матросов последовали за ним.

— Нет, — твердо повторил Гаррик. Юноша знал, что произойдет, если он достанет свой меч из промасленной обертки. Вместо этого он подобрал копье, которое оборонил солдат, наткнувшись на мачту. — Вы высадите нас в Эрдине вместе со всем нашим имуществом, как мы и договаривались. Это случится через пару часов, а затем мы никогда больше не увидим друг друга.

Аран махнул своим людям, стоявших на другой стороне палубы. Он выдернул деревянный кофель-нагель¹ из его гнезда в поручнях.

Юноша поднял копье и покрутил его меж пальцев правой руки. Копье казалось грубым, но все же полегче пастушьего посоха. Гаррику, конечно, было далеко до Кашела, но этот трюк с танцующим древком он усвоил.

— Поднимайте паруса, капитан! — прокричал он. — Или я позову на помощь своего друга из каюты.

Теноктрис сделала едва заметный жест. Гаррик не знал, чего ждать вслед за этим, но капитан не стал любопытствовать: он выронил нагель, как будто тот жег ему пальцы. Матросы подались назад.

— Поднимайте паруса, — повторил Гаррик, на этот раз его слова прозвучали скорее просьбой, чем вызовом. Он крутанул копьем над головой: оно помогло ему справиться с трудным

¹ Нагель — деревянный или металлический стержень, применяемый для скрепления частей деревянных конструкций, в частности деревянных судов.

положением, хотя юноша сильно сомневался, что смог бы удержать целую команду корабля, если б те набросились на него.

Аран пытался сохранять достоинство. Он ткнул пальцем за спину Гаррика.

— Закройте ту дверь, — сказал он. — А затем мы займемся делом. И клянусь Пастырем! Вы никогда больше не ступите на палубу моего судна.

— Очень хорошо, — ответила Лиана, прошествовав в каюту, где находился гроб отца. — Именно так мы и сделаем.

Она захлопнула за собой дверь. Матросы ринулись к мачте и принялись ставить паруса даже раньше, чем прозвучал приказ капитана. Все понимали: единственный способ освободиться от Бенлоу — это как можно скорее высадить его на берег.

Гаррик воткнул копьё в палубу и всем весом оперся на него. Внезапно он почувствовал себя совершенно обессиленным. Из трюма доносилось печальное бляение овец.

Юноше и самому хотелось плакать.

14

Ослепительная молния прорезала небо, вслед за ней раздался тройной раскат грома. Шарина в это время как раз ослабляла фал — промокший насквозь кожаный парус под своей тяжестью упал вниз, несмотря на достаточно сильный ветер. Работать ей было нелегко: правая рука болела, последние три дня девушку трепала лихорадка. Все это являлось последствием несчастного случая: во время шторма к их лодке прибилась медуза, Шарина не разглядела среди морской пены ее жалящие щупальца, прилипшие к борту, и прикоснулась к ним рукой. Но, несмотря на болезнь, она продолжала исполнять свои обязанности. Переложить их на кого-нибудь из аристократов казалось невыполнимым ни ей самой, ни отшельнику. Слишком уж беспечными и неумелыми выглядели их спутники.

Оглушительно ревел прибой, бело-голубые сполохи молний освещали закипающую пену на волнах. Шторм немилосердно трепал надводную часть лодки, раскачивая ее и пытаясь перевернуть, но Ноннус изо всех сил налегал на управляющее весло. Лодка вибрировала, но тем не менее, благодаря двойному килю, продолжала благополучно приближаться к северному побережью Сандраккана. Конечно, если бы не искусство Ноннуса, они, ско-

рее всего, перевернулись бы и были погребены под грузом конструкции из тяжелых китовых костей, обтянутых кожей.

Особо большая волна откатилась назад, и лодка начала медленно заваливаться на правый борт. Поскольку Плавающие Люди практически никогда не причаливали к берегу, они не позаботились снабдить свои плавательные средства поясом наружной обшивки, который мог бы послужить амортизатором. Слава Госпоже, в данном случае песчаный пляж не представлял серьезной угрозы корпусу лодки.

Килевая качка выкинула Шарину на мелководье. На четвереньках, глубоко зарываясь ногтями в песок, девушка поползла на берег. В этот момент она была бы готова дать клятву никогда больше не покидать сушу, если бы не одно обстоятельство. Несмотря на все испытания, выпавшие ей в последние недели, Шарина все же не хотела провести остаток своих дней на Сандраккане...

А близость к Ноннусу отбила охоту звать к богам.

Отшельник прыгнул с лодки прямо в новую набегающую волну. Он схватился за трос, прикрепленный к носу — добротная пеньковая веревка, прихваченная с триремы, не те жесткие полоски кожи, которыми пользовался Плавающий Народ — и побрел к передовой линии свайных сооружений на берегу. Два десятка рыбачьих плоскодонок были уже вытащены на пляж и перевернуты, чтоб защитить от ливня.

Над облачной грядой снова возникла молния и зависла на десяток секунд, осветив и небо, и землю. Шарине наконец удалось подняться на ноги. Она хотела, было помочь Ноннусу, но обнаружила, что ей и самой-то стоять трудно.

— Ничего себе, это же Гоналия! — радостно воскликнул Медер. — Гоналийский залив! Вон замок на мысу!

Раскат грома, прокатившийся по ночному берегу, заглушил его слова. Уже совсем другим тоном колдун добавил:

— Странно, в замке горит свет. Кто бы это мог быть? Там редко бывают гости по ночам.

— Объяснись, — потребовала Азера. — Что ты имеешь в виду?

Она быстро восстановила свои прокураторские замашки — в повадках и манере говорить. Сейчас она отряхивала робу, хотя лучше бы ее было выкрутить. Одежда так промокла, что с нее лило ручьями.

Медер, увидев приближающегося отшельника, понизил голос:

— Этот замок построил один волшебник тысячу лет назад. Больше о нем ничего неизвестно, никаких сведений не осталось. Чего нельзя сказать о последующих обитателях замка. Тут можно порассказать многое, и все это малопривлекательные истории. На протяжении веков после смерти волшебника вся округа пользовалась дурной славой.

— Волшебники! — у Азеры это прозвучало как ругательство.

Подошедший Ноннус приложил руку ко лбу Шарины и покачал головой. Его пальцы казались ледяными по сравнению с ее кожей. Девушка подозревала у себя температуру, но не знала, насколько она высокая.

— Тебе нужно где-то обсушиться, — озабоченно сказал отшельник. — Ты сможешь идти?

— Мы все сейчас пойдем, — проворчала Азера. Даже усилившийся дождь не мог помешать ей наслаждаться вновь обретенным чувством власти. — Если это Гоналия...

— Точно Гоналия, — подтвердил Ноннус.

Азера недовольно поморщилась и договорила:

— ... тогда отсюда должен ходить экипаж на юг, в Эрдин. Там мы сможем сесть на корабль.

Она цепко оглядела всех членов группы. Затем ее взгляд остановился на отшельнике. В свете далекой молнии зрачки ее казались парой голубых шариков.

— И поменьше болтайте! — приказала прокуратор. — Я назовусь просто аристократкой с Орнифала, потерпевшей кораблекрушение. А вы будете слугами, сопровождающими меня в путешествии. Денег на сиюминутные нужды у меня хватит, а в Эрдине мы сможем взять кредит. Но если вы проболтаетесь о том, что я королевский агент, это будет стоить нам жизни. Все понятно?

Шарине хотелось отхлестать эту кривляку по щекам. Она припомнила, с какой помпой и почетом принимали прокуратора у нее, в Барке, и ей стало противно.

Ноннус лишь улыбнулся.

— Так точно, госпожа, — произнес он. — Я-то знаю, что такое вопрос жизни и смерти.

Рукояткой дротика он указал на деревянные строения, стоявшие на карнизе береговой горы: в щели ставен пробивался свет, но жители не показывались в такую непогоду.

— Ступайте в гостиницу, — сказал отшельник, — а я скоро подойду.

Прокуратор нахмурилась, засопела, но взяла из лодки маленькую сумку со своими вещами. Шарина боялась, что та скамандует Ноннусу поднести ей поклажу, но, слава Госпоже, у Азеры хватило ума промолчать.

Медер тоже прихватил свой мешок, костяной атам он заткнул за пояс. Поглядев на колдуна, Шарина обратилась к отшельнику:

— Я останусь с тобой.

— Нет, дитя мое, не стоит, — погладил ее по щеке Ноннус. — Ты слишком больна. Но я помолюсь за тебя Госпоже.

Азера с трудом потащилась по деревянным ступеням, ведущим наверх, на карниз. Медер, поглядев на Шарину, молча направился вслед за прокуратором.

Сжав на прощание руку своего друга, девушка пошла к гостинице. Вещи она несла с собой. Дождь припустил с новой силой. Его струи охладили душу, но не могли унять болезненный жар ее тела.

Медер о чем-то переговаривался с Азерой наверху лестницы — они поджидали Шарину. Деревянные ступени и мокрые лица аристократов блестели в свете молний.

— Пьюлец неплохо послужил нам, — заявила Азера подошедшей девушке, — я позабочусь о его вознаграждении. Но сейчас, когда мы снова вернулись в цивилизованный мир, ему лучше снова вернуться на свое место. Если вы ему друг, поговорите со стариком, чтоб он внял моим предостережениям.

— Для вас он ничего не делал, госпожа, — ответила Шарина. Она продолжала шагать к видневшейся на другой стороне улицы гостинице. Боялась: если остановится после тяжелого подъема на гору, то больше не сможет сдвинуться с места. — И раз уж мы заговорили о предостережениях, то послушайте меня: если с Ноннусом что-то случится, то вы узнаете, насколько я ему друг!

Возможно, если б не лихорадка, девушка не была бы так резка. А впрочем... Все, что она сказала — правда. Пусть знают.

Они пересекали мощеную улицу — Шарине, привыкшей к сельской земле, булыжник под ногами казался холодным, скользким и твердым, мозоли на пятках мало помогали. В то же время аристократы, казалось, чувствовали себя вполне комфортно. Ну ладно, Медер — у него на ногах были сапоги, но и прокуратор в своих туфлях на тонкой подошве шла вполне уверенно.

Наверное, живя во дворце, она постоянно будет сталкиваться с подобными неудобствами. Будь Шарина хоть трижды дочерью

графа Ниарда — она-то не позволяла себе думать о своем королевском происхождении, — но она ничего не знает о жизни, которая ожидает ее в Валлесе. Сколько еще вещей будет ее задевать, обижать, ранить, как этот цивилизованный бульжник ранит ее ноги...

Раздумья девушки прервала возня Азеры с входной дверью гостиницы. Если с щеколдой прокуратор справилась сравнительно легко, то массивная дверь оказалась слишком тяжелой для нее. Вот уж кому необходимы слуги, чтоб отворять перед ней двери!

Колдун с поклоном пропустил девушку в общий зал гостиницы. Возможно, он бы и вещи ее понес, если б она позволила. В результате возвращения в знакомый мир оба аристократа здорово переменялись. Если Азера вернулась к своему ворчливо-командному тону, то Медер из угрюмого юноши снова превратился в блестящего и галантного кавалера.

По зрелому размышлению Шарина решила, что угрюмый юноша нравился ей больше. Тот, по крайней мере, не досаждал своим обществом.

В зале было сыро и промозгло. Из ниши у очага им навстречу поднялся хозяин, с другой стороны у огня стояла еще одна скамейка, на которой сидел одинокий гость. Он едва удостоил вновь прибывших угрюмым взглядом. Угли едва тлели в массивном очаге из известняка.

— Ты хозяин гостиницы? — спросила Азера. — Ну, что ж, тогда принимайся за дело! Прежде всего мне нужна еда и горячая ванна. И еще — подогретое вино.

Хозяин удивленно глядел на гостей. Входная дверь хлопала на ветру: Медер забыл как следует затворить за собой. Шарина выглянула на крыльцо — не идет ли следом Ноннус? — и плотно закрыла дверь.

— Ну я... — замялся хозяин гостиницы. Наверное, молния, влетевшая в окно, меньше бы поразила его, чем появление посетителей в такую ночь. — Думаю, я могу приготовить глинтвейн.

Он подошел к лестнице, ведущей на второй этаж, и крикнул: — Энци! Спустись-ка! Пао! Пао! Где ты, негодный мальчишка?

Хозяин поворошил кочергой в очаге, затем, поймав взгляд Азеры, подкинул еще три полешка.

Шарина без сил рухнула на скамейку, пристроенную к стене. Все вокруг слегка колебалось в голубоватой дымке. Боль в правой руке утихла, но вместо нее девушка ощущала какой-то зуд.

Она попробовала пошевелить пальцами — вроде бы рука двигалась нормально.

С лестницы спускалась женщина — две косы были у нее уложены на голове в виде короны. Бросив взгляд на аристократическую внешность гостей, она проглотила все возражения, которые заготовила для мужа. Вслед за ней из задней части коридора в комнату вбежал долговязый парнишка.

Азера уселась на скамью возле очага, с которой только что поднялся хозяин. Протянув руки к огню, она принялась отогревать их после ночной прогулки.

Медер бросил взгляд на мужчину, сидевшего на второй скамейке, как бы намереваясь отдать приказ освободить место. Шарине показалось, что колдуна мучил вопрос: просто ли откажется тот повиноваться или огреет его суковатой палкой, которую держал меж коленей. Очевидно, он пришел к неутешительному выводу, потому что молча опустил на скамью рядом с девушкой.

Хозяин отошел к двери с мальчишкой и что-то втолковывал ему вполголоса, тот слушал молча. Глаза у парнишки округлились. После этого отец выпроводил его за порог и со стуком захлопнул дверь.

— Доставай вино, женщина, — скомандовал он жене. — Наши гости хотят глинтвейна, чтоб согреться после дождя.

Поспешив за стойку, женщина подставила медное ведро под бочонок на козлах у стены. С масляным выражением лица хозяин обратился к прокуратору:

— Могу я поинтересоваться, надолго ли госпожа собирается остаться у нас?

— До первого экипажа на Эрдин, — ответила Азера. — Кстати, когда он будет?

— А-а, — протянул хозяин. Не отвечая на вопрос, он взял ведро с вином и отнес его к очагу. — А как госпожа прибыла сюда, могу я спросить?

— Ты можешь получить десять ударов кнута, если будешь совать свой нос в чужие дела! — резко поставила его на место прокуратор. — Или ты беспокоишься о своих деньжках? Так не стоит.

Вынув монету из кошелька, она бросила ее на каминную полку, золото мелодично зазвенело.

— Кроме мест в экипаже, нам понадобится кое-какая одежда взамен той, что пострадала во время кораблекрушения. Так ты скажешь мне, наконец, когда *будет* следующий экипаж?

— Парнишка сейчас узнает, — ответил мужчина, — позвольте мне разогреть ваше вино.

Он взял кочергу, очистил от золы раскаленный кусок металла, лежавший в очаге и бросил его в ведро. Запах специй и горячего вина заполнил зал, напомнив Шарине былые времена в отцовском постоялом дворе.

Ей припомнилось прошлое. Впервые она остро ощутила, что никогда уже не вернется в родной дом, во всяком случае, в тот дом, который был раньше. Она оказалась пешкой в руках чужестранцев. Они не оставят ее в покое, не позволят вернуться к прежней жизни.

Шарина прикрыла глаза. Слезы выступили сквозь смеженные веки, но девушка не стыдилась их. Она смутно слышала голоса вокруг; хозяин гостиницы то-то толковал о погоде и о номерах для постояльцев. Ей предложили горячего вина, девушка приняла глиняную кружку и зажала ее в ладонях. Пить не хотелось, но тепло глины приятно грело руки.

У входной двери прогрехотали копыта. Звук был какой-то незнакомый и настораживающий... Вот оно что: стук копыт не сопровождался звоном металлических ободов — это была не повозка, а *всадники*!

Дверь распахнулась, и Шарина резко открыла глаза. Шестеро солдат в доспехах ввалились в комнату с обнаженными мечами. Поверх лат на них были белые полотняные плащи с черной лошадиной головой на правой груди. Их шумное присутствие поглотило все остальные звуки в зале.

Медер вскочил на ноги. Один из солдат толкнул его обратно на скамейку, другой приставил меч к горлу колдуна и прорычал:

— *Не двигайся, или мы сейчас посмотрим, какой дрянью ты набит!*

У Азеры вырвался гневный крик, Шарине из-за спин солдат было не видно, что там происходило.

Девушка поднесла кружку к губам и отхлебнула глентвейна. Солдат бросил на нее недовольный взгляд, но промолчал.

Хозяйка гостиницы положила слишком много мускатного ореха и маловато корицы, но само вино было неплохое. Вообще-то, девушка нечасто пила вино, но отец в свое время научил ее и Гаррика разбираться в этом вопросе.

Зрение и слух у Шарины были обострены, как на морозе. Лихорадка выжгла все чепуху из ее сознания, и сейчас ум девушки был ясен, как никогда.

В зал вошел офицер; на нем тоже были доспехи с имитацией мускулатуры и бронзовый шлем с развевающимся султанчиком из конского волоса. Экипировка здорово отличалась от обычной кольчуги и каски-горшка, которые носили солдаты. Вместо полотняного плаща у него были отдельные рукава, прицепляемые к грудным пластинам при помощи крючков. На плече тоже красовалась лошадиная голова.

Двое солдат выпрямились, держа между собой под руки Азери. Еще один наполовину обнажил меч: видимо, он собирался пригрозить парню, что сидел у очага. Увы, суковатая дубинка тут же превратила ситуацию в патовую.

— Колин! — обратилась прокуратор к офицеру. — Что это вы здесь делаете, да еще с сандракканской эмблемой? Неужели королева нашла вас чересчур противным даже для ее многотерпеливого вкуса?

Колин весело рассмеялся. Сняв шлем, он поклонился Азери:

— Уважаемая госпожа! Не могу даже *передать*, насколько мне приятно, что король именно вас выбрал своим эмиссаром, а мне посчастливилось оказаться в нужном месте для этой знаменательной встречи. Я, знаете ли, не забыл ваше вмешательство в дело с женой главного мажордома¹!

Колин отлично смотрелся: высокий, красивый. Его длинные, до плеч, волосы были того же светлого оттенка, что и у Шарины. Впечатление портили лишь глаза — холодные, льдисто-голубые, со змеиным взглядом. Этот взгляд остановился на мужчине у очага.

— Нет-нет, не он, — поспешил хозяин гостиницы. — Мастер Эскал следит за собственностью графа в нашем округе и в западных областях. Я хорошо его знаю!

Колин кивнул и жестом отослал солдата, нависшего над мастером Эскалом. Теперь все его внимание обратилось на Шарину с Медером. Невзирая на недавнее путешествие под дождем, агент королевы был подтянут и безукоризненно элегантен.

Шарина молча прихлебывала вино из кружки. Мысли ее крутились вокруг топорика на ее поясе, вокруг Ноннуса, который должен был прибыть с минуты на минуту. Она выжидала.

— А граф в курсе, что вы распоряжаетесь в его владениях? — спросила Азери у офицера. — Как, по-вашему, он поступит с этой гостиницей и всей Гоналией, узнав, что они помогали вам?

¹ Мажордом — дворецкий, домоправитель.

Колин коротко хохотнул. Повел плечом, демонстрируя лошадиную голову на своих доспехах.

— Должен вас разочаровать, Азера, — усмехнулся он. — Моя госпожа и граф в большой дружбе, и здесь я действую в интересах их обоих. А эти люди...

Он похлопал по щеке одного из солдат, тот скривился, будто проглотил какую-то гадость.

— ...состоят в личной гвардии графа. Вот так-то. Не правда ли, ребята?

Солдаты что-то проворчали. Шарине случалось видывать ядовитых змей, которые понравились ей куда больше, чем офицер Колин. Но надо признать: и змеи, и этот агент королевы обладали своеобразным очарованием.

Тот уже разглядывал Медера с непередаваемым сарказмом.

— А с вами мы тоже знакомы, — произнес Колин. — Не так ли, господин Медер бор-Медерман?

Вывхватив костяной атам из-за пояса колдуна, он оглядел его с видимым неудовольствием и метнул точнехонько в очаг, с одного взгляда оценив расстояние и угол полета. Улыбнулся, довольный собой.

— Мастер Медер, — продолжал он. — Я получил указания от королевы взять вас всех, по возможности, целыми и невредимыми. Она подозревает, что вы обладаете ценной информацией. Тем не менее если вы попытаетесь издать хотя бы звук, который я расценю как попытку сотворить заклинание, то ваш язык положат на стол передо мной.

Улыбка на его лице сделалась еще шире.

— Вернее, нет. Я оговорился. Я самолично вырежу ваш поганый язык!

Медер по-прежнему стоял у стены под охраной одного из солдат. Двумя пальцами Колин приподнял ему подбородок.

— Волшебники хороши на своем месте, — благожелательно объявил он. — Например: за решением послать меня караулить королевского агента именно в этой дыре несомненно стояло волшебство. Но если какой-нибудь гаденыш-колдун решится встать у меня на пути — он враз окажется в месте, которое ему вряд ли понравится.

Теперь Колин остановился напротив Шарины.

— А это еще тут кто у нас? — издевательски протянул он. — Не скажете ли, госпожа?

Кружка опустела, девушка поставила ее на скамью.

— Я Шарина ор-Райз из деревни Барка на Хафте, — ответила она, глядя в глаза высокому улыбающемуся мужчине. — Служу у госпожи Азеры.

— О, думаю, это далеко не все, моя дорогая, — покачал головой офицер. — Не просто служанка. И, думаю даже, не просто прелестнейшая девушка на Сандраккане...

Он выдернул топорик из петли на плечевом ремне у девушки и критически оглядел его. Лезвие местами поржавело, поскольку Шарина не почистила его после дождя, но все же сохраняло свою почти идеальную заточку.

— Мы попали в кораблекрушение, — просто сказала девушка.

Не сгоняя улыбки с лица, Колин внимательно посмотрел на нее.

— Прекрасно, — сказал он. — Теперь вы под нашей защитой. Мы позаботимся, чтоб вы снова не попали в неприятную историю.

Оглядевшись по сторонам, офицер метнул топорик в деревянную рейку над стойкой — лезвие воткнулось на глубину в палец. Хозяйка гостиницы испуганно вскрикнула, затем обеими руками заткнула рот краем фартука.

— Пошли, — громко скомандовал Колин солдатам. — Госпожа Шарина поедет со мной, двоих других привяжите к хвостам своих лошадей.

Он ухмыльнулся в лицо прокуратору.

— Я сегодня добрый, моя дорогая Азера, до замка мы пойдем шагом. Но предупреждаю: у моей лошади очень резвый ход!

Офицер галантно протянул руку Шарине, и в этот момент входная дверь распахнулась. Солдаты от неожиданности отскочили. Колин выдернул меч так стремительно, что медные ножны пропели. Слоистая сталь блеснула подобно горному ручью.

В зал вошел Ноннус. Его заостренный дротик покоился на левом плече, сзади свешивался узелок с вещами.

Ближайший солдат сделал попытку схватить его за горло, но тут же отлетел в сторону, получив удар в пах. Остальные не шелохнулись.

— А ты кто такой, человеке? — спросил офицер.

Шарина снова подняла кружку — она была достаточно тяжелая...

— Я — Ноннус, сын Брана, уроженец Пьюла, — спокойно ответил старик низким горловым голосом. — А теперь скажи мне, приятель, кто *ты* такой? Пока я знаю только, что передо мной человек, которому суждено в скором времени изучать собствен-

ные кишки, если он не найдет более подходящего места для своего меча.

— Нет! — бросил Колин одному из солдат. Шарина не заметила ничего подозрительного, но отшельник кивнул офицеру с волчьей ухмылкой.

— И что вы здесь делаете, мастер Ноннус? — поинтересовался тот.

Меча он не убрал, но все же обстановка несколько разрядилась — исчезло ощущение тонкого мостика над пропастью.

— Я разыскиваю торговца Вали, — произнес отшельник, обводя зал холодным, сердитым взглядом, не выделяя никого. — Никто не знает, где он живет?

Колин вопросительно посмотрел в сторону хозяина гостиницы.

— Вали уж десять лет как помер, — нервно ответил мужчина. — Его пасынок Ардук держит здесь торговлю тюленьими шкурами. Он конюх и живет в трех домах отсюда, по этой стороне улицы.

— Отлично, — кивнул Ноннус. — Тогда я вас покидаю. Велитесь дальше, ребята.

Он посмотрел на Колина — тот, заметно расслабившись, отвесил отшельнику вежливый поклон.

Дверь захлопнулась за спиной Ноннуса. Офицер вложил меч в ножны, Шарина поставила кружку обратно.

— Ну, пошли, — повторил Колин, все еще с напряженным выражением на лице. Ясно было: чем бы ни занимался этот молодой придворный, ему уже доводилось прежде встречаться с пьюльцами.

— Госпожа... — подал он руку Шарине, — вы поедете на моей лошади, впереди меня. Сожалею, что не догадался захватить лишнего скакуна.

Проигнорировав его руку, девушка поднялась и направилась к двери. Звуки и краски по-прежнему сохраняли свою прозрачную яркость, и Шарина двигалась так, будто ее окружали сотни хрустальных кинжалов.

Капитан обмахивался фуражкой, и это был самый значительный ветерок, который гулял по палубе торгового шлюпа за весь

день. Он сплюнул за борт — испытанное средство вызова ветра в безнадежных ситуациях. Губы у капитана, так же как и у четверых членов команды, были пересохшие и потрескавшиеся. Каждый плевок давался с трудом.

— Если до утра бриз не появится, — сказал капитан, — пойдем на веслах. Тут уж ничего не поделаешь.

— Ужасно жарко, — возразил сморщенный помощник капитана, безутешно озирая горизонт на севере. Там, вдалеке, скрывался Эрдин, всего в одном дне пути при хорошем ветре. Что составляет необозримую даль в отсутствии ветра.

Судно было до отказа нагружено апельсинами с острова Шенги на южной границе Островов. Груз обещал принести хороший навар в Эрдине. Прикинув шансы, капитан решил направиться напрямик через Внутреннее Море, вместо того чтобы тащиться в обход: Шенги, Кордин, Хафт и, наконец, Сандраккан — не ближний путь. Правда, в их случае существовал риск застрять посреди Внутреннего Моря, если случится штиль. Так оно и вышло. Все путешествие им сопутствовал устойчивый южный ветер... и вот теперь, на финальном участке пути, он их покинул.

Капитан снова попытался сплюнуть, но безуспешно. Трое младших матросов хмуро наблюдали за ним.

— Завтра, на веслах, — прохрипел капитан. — Если не подует ветер.

Помощник постоял, затем вскарабкался, как обезьяна (которую он здорово напоминал), на короткую, наклоненную вперед мачту. Затенив глаза обеими руками и обвив мачту кривыми ногами, он долго всматривался на север.

— На горизонте! — крикнул он. — Там что-то движется!

Капитан вспрыгнул на поручни и стал пробираться вдоль них, пока из-за косого треугольника паруса не открылся вид на север. Там действительно *что-то* двигалось.

— Кажется, человек на плоту, — решил помощник. — Сестра проглотит меня, если это не похоже на человека!

— И как же он тогда движется? — резонно спросил рулевой, тоже поднимаясь на ноги. Весь шлюп слегка накренился в результате перемещения всей команды.

Но к тому времени предмет — что бы это ни было — исчез из поля зрения. Может, его скрыла северная линия горизонта. А может, маслянисто-гладкая поверхность моря. Их шлюп снова одиноко торчал посреди незыблемого спокойствия, которое

нарушала лишь пара часек, навинчивающая круги в знойном зените.

— Нет, — произнес капитан (его заметно потряхивало, когда он спустился с поручней). — Это был всего-навсего кит. Он выбросил фонтанчик — вот почему показался похожим на человека.

Помощник капитана молча посмотрел и стал спускаться на палубу — это заняло у него три рывка по грота-штагу¹.

— Я чувствую ветер, — снова подал голос капитан. Это звучало скорее как молитва, чем объявление для команды. Боясь спугнуть удачу, он медленно повернул голову; его уши в верхней части поросли длинными волосами, которые сейчас едва заметно трепетали.

— Я чувствую ветер! — повторил капитан, на сей раз — в радостной уверенности. — Четверть румба по правому борту! Разворачивайтесь, и к полудню мы будем в Эрдине.

Он и сам схватился за снасти, радуясь не столько ветру, сколько возможности отвлечься от того, что увидел несколько минут назад. Хотя зрение у капитана было получше, чем у многих, но на таком расстоянии... Короче, утверждать с уверенностью он не мог.

Но предмет, который капитан рассмотрел, выглядел как раздутый труп в саване. Эта штука сидела на плоту, где больше ничего не было. Кроме голубого свечения... И все это двигалось. Невозможно, но факт оставался фактом: действительно двигалось.

Факт также, что капитан, старый морской волк, от души надеялся никогда больше не встретиться с этой штуковиной.

16

Гаррику никогда не доводилось видеть такого плоского города, как Эрдин. Море в безветренный день казалось более неровным, чем столица Сандраккана. Естественный подъем рельефа здесь составлял менее трех футов на четверть мили.

Здания тоже преимущественно были двух-трехэтажные, в отличие от Каркозы, застроенной многоквартирными домами в пять, шесть этажей (довольно рахитичных, впрочем). Гаррик пред-

¹ Штаг (*мор.*) — снасть стоячего такелажа, удерживающая мачты, стены, бушприт и другие рангоутные деревья спереди в диаметральной плоскости судна. Соответственно, грота-штаг удерживает грот-мачту.

положил, что почва в Эрдине недостаточно плотная для многоэтажных построек.

Теноктрис тоже оглядывалась вокруг с живейшим интересом, пока они следовали за двумя носильщиками, катившими маленькую тележку, по широким, мощенным кирпичом улицам столицы. Город бурно развивался, уж его-то никак не назовешь тихой заводью. В этом смысле он представлял собой полную противоположность Каркозе, обращенной в прошлое, городу без будущего.

— В мои дни... — начала Теноктрис и улыбнулась. Большинство старух в подобных случаях имело в виду два последних десятилетия, за спиной же старой волшебницы стояло тысячелетие. — В мои дни графу Сандракканскому принадлежала земля в пределах дальности полета стрелы. Там он и заправлял — на восточной оконечности острова. Уж тогда-то никто не назвал бы его верховным правителем — скорее, вожак разбойничьей шайки. А про Эрдин я вообще не слышала.

— Станкон Четвертый основал город на месте старого порта Забира, десятью милями выше по побережью, — официальным тоном сообщила Лиана. В некотором смысле, все аристократы Островов принадлежали к единому классу, независимо от места рождения. Но, конечно, сандракканской девочке, попавшей в школу на Орнифале, пришлось выслушать гораздо больше пренебрежительных замечаний, чем если бы она осталась у себя дома. — Тому уж минуло три сотни лет.

Гаррик, вернее, не сам Гаррик, а его память услужливо предложила картину тогдашнего Эрдина: болотистая низина, расстилающаяся по обоим берегам реки Эрд. Земля, коричневая от осадочных пород, приносимых, по крайней мере, с половины острова. Единственное сходство с нынешним пейзажем заключалось в крайне плоском рельефе.

— Интересно, Станкон основал здесь город, потому что на болоте легче организовать защиту? — спросил юноша и посмотрел на Лиану, гадая: а его ли это собственный вопрос, или здесь тоже не обошлось без гостя его ночных сновидений?

Девушка сначала вспыхнула, но затем рассмеялась, сдаваясь.

— Ну да, — призналась она, — каждую весну на южное побережье совершали набеги орнифальские пираты. Тогда Станкон построил новый город в местах, где отсутствовали удобные гавани. Единственный подход был по реке, да и тот легко преграждался. Я-то не стала бы обороняться...

— Мне о графе известно лишь то, что у него не было хорошей библиотеки. Во всяком случае, достаточно хорошей, чтоб привлечь меня в его замок. Вот в Йоле, *действительно*, была замечательная библиотека, которая уже тысячу лет лежит на дне морском. Со всей очевидностью приходится признать, что граф Сандракканский сделал более мудрый выбор, — заметила Теноктрис.

Двое работяг не без труда катили тележку с телом Бенлоу. С помощью горячей смолы Гаррик заново запаял крышку урны. Хорошо, что трещина проходила выше ручек, ими по-прежнему можно было пользоваться при переноске. Даже здесь, вдали от порта, сохранялось очень интенсивное движение на улицах. Теперь их окружали фешенебельные особняки на одну семью — район проживания состоятельных горожан. Стройные ряды домов, располагавшиеся не вплотную к проезжей части улицы, отгораживались высокой стеной и лужайкой или садом.

Гаррик не уставал удивляться, наблюдая, как всего пара лошадей или мулов тащила по мостовой тяжеленные повозки. Причина опять-таки заключалась в необычайной плоскости города и хорошем качестве дорог. Две лошади справлялись здесь с грузом, который у них дома тащило бы три-четыре пары быков.

По дороге от порта они пересекли три канала. Плоскодонные баржи медленно двигались по темной глади воды, их тащили на буксире группы лодочников, распевавших унылые песни для синхронизации движений. Баржи были гораздо больше, чем суда, которые видел Гаррик в Барке до прибытия королевской триремы.

— Моему отцу было абсолютно безразлично, что думают люди о его родном городе и острове, — пояснила Лиана, почти извиняясь. — Не знаю, почему для меня это так важно...

— Возможно, Бенлоу воспринимал себя как гражданина всех Островов? — предположил Гаррик. Это была его собственная мысль, не короля Каруса. Но она вряд ли возникла бы без его встреч во сне с правителем объединенных Островов. Вполне естественно происходить из Барки на Хафте и гордиться этим, но если ты постоянно кричал о своей гордости обитателю соседней деревни...

Здесь уже крылась неправильность. Это вело к появлению королей, правивших с мечом в руках и обращавшихся к своему мечу просто потому, что они не владели другой аргументацией.

Лиана посмотрела на юношу с легким удивлением. Он и сам должен был признать, что некоторые из его вопросов являлись необычными для жителя хафтской глубинки, пусть даже очень

хорошо образованного. Гаррик ор-Райз теперь уже не чувствовал себя простым крестьянином, хотя, конечно, помнил о своем происхождении. Правильнее сказать: он всегда был и крестьянином *тоже*.

— Нет, — ответила девушка, — дело не в этом. Мой отец никогда не мыслил себя частью чего-то. Он путешествовал по всем Островам — а я подозреваю, и дальше, но это значило для него не больше, чем море для рыб, живущих в нем. Он находился *внутри* мира, не являясь его частью.

Взгляд ее сосредоточился на погребальной урне, которую ка-тили впереди. Керамическая поверхность сверху была покрыта воском, для того чтобы защитить от влаги и перепадов температуры. Данная мера сослужила добрую службу еще до того, как Гаррик починил урну с помощью смолы.

Думается, Лиана не видела ни урны, ни даже человека, который имел несчастье умереть. У нее перед глазами был отец, певший ей чужеземные песни во времена ее детства. По щеке у нее сползла слеза, и девушка вытерла ее без всякого смущения.

— Честно говоря, подозреваю, что его ничего в этом мире не трогало, кроме моей матери, — задумчиво сказала она. — Он всегда был добр ко мне, Гаррик... Но думаю, лишь потому, что видел во мне материнские черты.

Юноша в растерянности откашлялся. Он, хоть убей, не мог придумать, что сказать.

По мере их движения улица расширялась. Налево и направо уходили переулки, разделенные рядами стройных кипарисов с редкими вкраплениями круглых прудов. Гаррик попытался прикинуть стоимость подобных землевладений. Впервые он оценил преимущества мира власти и богатства, в котором выросла Лиана.

— Здесь даже городские улицы выглядят роскошными, — сказал он вслух.

Теноктрис посмотрела на юношу.

— Понадобилось больше трех столетий, чтоб подобный город вырос из болот, — сказала она. — Но если тьма снова вернется, болота отвоюют свои позиции за какие-нибудь несчастные три года.

Гаррик кивнул, сжимая медальон под туникой.

Мимо быстро пронесся портшез¹. Проворные носильщики, обутые в кожаные сандалии на толстой подошве, приговаривали

¹ Портшез — легкое переносное кресло, в котором можно сидеть полулежа.

«Хо!» всякий раз, как правая нога касалась тротуара. Внутри, под сенью лилового бархата, выпрямившись, сидела женщина. Юноше она показала прекрасной статуей Госпожи, выполненной из слоновой кости, но согретой внутренней теплотой.

Дома в этой части города поражали своим великолепием. Каждый стоял на обширном участке земли, отгороженном стеной или чугунной решеткой.

Лиана очнулась от своих раздумий и окликнула рабочих с тележкой: один из них тянул, а другой толкал тележку сзади.

— Эй, послушайте! Здесь надо свернуть... вон на ту аллею.

Тот, что шел сзади, оглянулся через плечо. Оба слегка замедлили шаг, но продолжали идти мимо скрещения широких проспектов, от которого отходила улочка всего в двадцать футов шириной... бывшая, кстати сказать, пошире отдельных тупичков в современной Каркозе.

— Нет, госпожа, — отозвался один из рабочих, — вход для торговцев с другой стороны. Мы осуществляем доставку в этом районе.

— Мы ничем не торгуем, — резко ответила Лиана, на скулах у нее вспыхнули два красных пятна. — Сворачивайте, где вам велят, если не хотите остаться без платы.

Пожав плечами с обиженным видом, носильщики остановились, поменялись местами и пошли обратно по улице. Гаррик отметил, что у них существует заведенный порядок: один всегда шел спереди, другой — сзади.

— Пусть сама убедится, — не оглядываясь, пробормотал передний. Взгляд Лианы мог испепелить на месте.

Участок ограждала высокая остроконечная ограда, но сквозь ее прутья юноша мог разглядеть дом, чьи кирпичные стены от времени и непогоды приобрели ржаво-коричневый цвет. В узкие оконные переплеты были вставлены мелкие граненые пластинки — еще одно доказательство того, что дом построили в прошлом столетии, до того как стекольщики научились гранить крупные стекла.

Гаррик взглянул на девушку.

— Это... — кивнул он на дом, не закончив вопрос.

— Да, — ровным голосом ответила Лиана. — Здесь я родилась и жила до смерти матери.

Она обернулась к носильщикам:

— Остановитесь здесь.

— Разве это не?.. — спросил один мужчина. — Тут же гробница! А это что?

Указывая на тележку, он говорил все громче, с нарастающим гневом. Гаррик обнаружил: носильщики только сейчас поняли, что за груз они несли. Обычай хоронить в урнах, свойственный Каркозе, был незнаком как Хафту, так и Эрдину.

— Это груз, который вы сюда доставили, — произнесла Лиана, вынимая из сумочки бронзовый ключ замысловатой формы. — А благодаря тому, что вы сделали все без суеверного нытья, я собираюсь выдать вам удвоенную оплату. После того, как вы внесете его внутрь.

Носильщики переглянулись. Тот, что шел впереди, пожал плечами.

— Как скажете, госпожа, — почтительно пробормотал он.

Гаррик еще раз убедился: все горожане живут по одним и тем же законам. В общем-то, очевидный факт, не требующий подтверждения. Звучит примерно так же свежо, как: «Все на Хафте разводят овец». Хорошо хоть хватило ума вслух не высказываться!

Где-то, за пределами времен, смеялся король Карус. Что ж, люди допускали и более нелепые ошибки... И получали куда худшие последствия, если на то пошло.

Гробница представляла из себя низкое кирпичное здание в дальнем углу участка, отделенное от остальной территории собственной оградой. Гаррик резонно подумал: тела нельзя хоронить в земле там, где водный пласт подходит так близко к поверхности, как в Эрдине. Плющ, увивавший постройку и ограду, давно не подстригали. Корни расшатали засохший известковый раствор, местами повредив кирпичную кладку. На фасаде гробницы окон не было, сзади же виднелось одно — маленькое и круглое.

Лиана отперла чугунную калитку, за ней виднелся маленький мошечный дворик, у дверей склепа стояла каменная скамейка. Гаррик с усилием толкнул калитку, она со скрипом распахнулась.

Теноктрис посмотрела сквозь ограду в сторону дома. Разросшийся плющ практически скрывал гробницу от основного здания. Наверняка, таково было решение новых владельцев. Что они знали о человеке, жившем до них в этом доме?

Гаррик намеревался приложить силу и к двери склепа, но девушка вставила в замок тот же самый ключ, что и для калитки. Дверь легко отворилась, и девушка отступила в сторону.

— Поместите, пожалуйста, урну как можно ближе к носилкам у задней стены, — распорядилась она носильщикам.

И, в качестве напоминания о договоре, прикоснулась к завязкам кошелька. Мужчины без возражений подняли урну с тележки и понесли внутрь.

Герб, выгравированный на краеугольном камне дверной арки, изображал: виноградную гроздь, под ней наклонную линию — *пояс*¹, подсказала память короля Каруса, — а еще ниже человеческий череп. Лиана, заметив взгляд юноши, сочла нужным дать пояснения:

— Наши земли на западе острова славятся виноградниками. Почему череп — я не знаю.

Она горько рассмеялась.

— Полагаю, там, по-прежнему, производят прекрасное вино, вот только земли уже не наши... Не осталось ничего, кроме этого склепа.

Носильщики поместили урну, как им велели, и быстро вышли, чихая от пыли. Девушка достала из кошелька монету — серебряную, как и договаривались, и расплатилась. Теперь, когда все ушли, Гаррик впервые сумел рассмотреть внутренность склепа.

Вдоль каждой стены тянулось по две полки, на каждой из них могло уместиться по четыре продолговатые погребальные урны. Большинство мест оказалось заполненными; слабый свет позволял разглядеть, что в течение веков урн здесь было гораздо больше — их остатки вместе с содержимом догнивали на пыльном полу. Юноша постарался задержать дыхание.

По задней стене шла единственная полка, пошире остальных. На ней лежала бронзовая урна, в ногах и в изголовье которой стояли подсвечники. Свечи так давно сгорели и оплыли воском, что даже запаха не осталось. Слабо поблескивал тусклый металл, в котором можно было узнать серебро.

— Моя мать, — просто пояснила Лиана. Вдалеке прогрехотали колеса тележки — это носильщики отправились на свою стоянку в порту. — Он был бы рад упокоиться рядом с ней. Как бы я хотела...

Голос девушки прервался. Собравшись с силами, она закончила:

¹ Пояс (*геральд.*) — диагональная полоса, идущая от левой верхней стороны герба, изображенного на щите.

— Как бы я хотела, чтоб мама не умирала. Или чтоб отец умер вместе с ней... А иногда я мечтаю о том, чтоб мне никогда не родиться... О Гаррик!

Он обнял рыдающую девушку за плечи и старательно глядел в дверь гробницы, не решаясь встретиться с ней глазами. Спустя короткое время Лиана наконец успокоилась, выпрямилась и высморкалась. Гаррик отпустил ее, но продолжал смотреть внутрь склепа.

— Я не вижу ни одного окна, — сказал он. — Там есть еще одна комната?

— С другой стороны гробницы устроена кладовка смотрителя, — спокойно ответила девушка. — Изолированная от склепа.

Прокашлявшись, Лиана добавила:

— Спасибо тебе, Гаррик. Теперь мы можем запереть склеп и уйти. Не думаю, что я когда-нибудь вернусь сюда.

В ответ на удивленный взгляд юноши указала в сторону гробов.

— Это не является моими родителями, — сказала она. — Прискорбно, что отец оказался неспособен понять это. Ведь я могла сохранить его, если б он сознал: прах не заменит живого человека.

Гаррик посторонился, чтоб девушка могла запереть склеп.

— Должно быть, твой отец долгие годы работал здесь, — подала голос Теноктрис. — Все кирпичи и даже земля пропитаны его силой. Никогда не видела ничего подобного... Разве только на месте древних храмов.

Лиана прикрыла дверь и заперла ее. Она вышла на улицу и подождала, пока Гаррик притворил калитку.

— Мы отыщем банкира Полю, — пообещала она. — А через него выйдем на человека, нанявшего моего отца. И тогда...

И что тогда? — подумал Гаррик. Ответа пока не существовало, даже у Лианы.

Они направились обратно в порт, где находилась контора Полю.

— Твой отец был очень могущественным волшебником, Лиана, — задумчиво произнесла Теноктрис. — Уж не знаю, каких высот он мог бы достичь, если б смерть твоей матери не прервала его путь... И, конечно же, если б его не убили.

В свете факела крыса прошмыгнула мимо ноги Шарины. Сквозь отдушины, имевшиеся в подземелье, девушка слышала

звуки прибоя Внешнего Моря, хотя по ее подсчетам они уже спустились ниже уровня моря.

— Не самые роскошные апартаменты для наших гостей, а парни? — весело окликнул своих подчиненных Колин. — Но они у нас умненькие, сумеют приспособиться.

Ну точно, они находились *ниже* уровня моря. Подобно мельнице в родной Барке, замок сохранил кладку времен Старого Королевства: огромные камни, прилаженные друг к другу без следов раствора. Но здесь, несомненно, не обошлось без волшебства. И, конечно же, волшебник вполне мог обеспечить отвод воды в восходящем направлении.

— Пусть я не могу справиться с тобой самолично, Колин, — подала голос прокуратор, — но мне служит большим утешением мысль, что королева делает это вместо меня. А она, в моем понимании, человек, еще более коварный, чем ты!

В голосе Азеры снова звучала прежняя властность. Шторм, беспредельность моря — все это могло сломить ее дух. Но никому, слышите — никому из людей не удастся запугать королевского прокуратора!

На Медера же было жалко смотреть. Колдун так трясся, что двоим стражникам приходилось тащить его по винтовой лестнице и по коридору из темного камня. Колин подозревал простую симуляцию, но Шарина знала: это не так. После того как солдаты отвязали волшебника от коня, за которым тот бежал всю дорогу, он был, конечно, измотан... Но лишь после того, как Колин привел его сюда, в подземелье замка, юноша начал дрожать и спотыкаться.

Шарине не нравился Медер, но она получала достаточно доказательств его принадлежности к касте колдунов, чтоб сомневаться в этом. Здесь же все камни были пропитаны духом человека, выстроившего замок тысячу лет назад. Для восприимчивой психики Медера это было таким же потрясением, как заточение в огромный барабан, по которому колотил злой великан.

— Я понимаю! — закричал вдруг юноша и начал смеяться. — Я на самом деле понимаю!

Солдат, шедший слева от него, аж зарычал от злости. Он залепил оплеуху колдуну — не слишком ловкую, но весьма ощутимую.

Медер захромал.

— Какого черта ты это сделал? — окрысился другой солдат на товарища. — Желаеть тащить его на себе?

Медер продолжал идти, хотя глаза его при этом были закрыты, а колени подгибались. Наверняка, если б солдаты отпустили его, юноша попросту упал бы. Время от времени он издавал бессмысленное хихиканье.

С низкого потолка сочилась влага. Такие же капли выступали на витых колоннах, шедших посредине коридора. Двое солдат, возглавлявшие процессию, несли факелы, где-то на уровне пояса. И даже на такой высоте огонь шипел и парил, касаясь влажных стен.

Еще один факельщик шел рядом с Колином. Насколько смогла разглядеть по пути Шарина, наверху в замке были фонари и свечи. Скорее всего, Колин привез с собой в Гоналию предметы обстановки, соответствующие его понятиям о роскоши. Сюда, вниз, факелы взяли не без умысла: их мерцающий свет делал темницу еще более заброшенной и ужасной.

На самом деле они и так чувствовали себя отвратительно. Шарина по пути гадала, чем обычно питаются крысы. Определенно, они не выглядели оголодавшими. Самый крупный грызун весил не меньше нескольких фунтов.

— Эти темницы довольно обширны, не правда ли? — говорил Колин. — Наверное, первый владелец замка был очень интересным человеком.

Он засмеялся. Его добродушная болтовня, подобно горящим факелам, должна была сломить дух пленников. С Медером он напрасно старался: аура замка сделала из молодого колдуна безумца. Да и с Азерой это было бесполезно — слишком сильны оказались гордость и ненависть прокуратора.

Шарина твердо решила, что тоже не поддастся отчаянию, но находится здесь, среди влажных черных камней... слишком это походило на погребение заживо. Ведь когда солдаты уйдут, они унесут с собой весь свет...

Наконец факельщик во главе колонны остановился — они достигли конца коридора. Перед ними были три двери в камеры.

— Бросьте мальчишку сюда. — Колин пнул прутья двери, что вела направо. Слово «мальчишка», как и все, что делал офицер до того, призвано было деморализовать пленника. И тем не менее в этом присутствовала доля правды. Несмотря на то что самому Колину едва стукнуло тридцать, он обладал жизненной изкушенностью, которой начисто был лишен Медер.

Зарешеченная дверь оказалась запертой. Факельщик отпер ее металлическим ключом, и дверь с противным скрипом отвори-

лась. Солдат швырнул туда свой факел, чтоб дать возможность пленникам полюбоваться интерьером.

Пол камеры и задняя стена были без единой щели, очевидно являясь частью скального основания, на котором стоял замок. Боковые стены демонстрировали каменную кладку толщиной в восемнадцать дюймов — все из того же черного базальта.

Длинные кости человеческих предплечий свисали с наручников, прикованных к одной стене. Несколько человеческих зубов валялись внизу в скользкой куче останков, но остальная часть скелета исчезла. Шарина представила себе крыс, роющих в костях... И еще подумалось ей: а хватает ли им терпения дожидаться смерти узника и лишь потом набрасываться на него?

С кривой усмешкой Медер посмотрел на Азеру.

— Мне следовало прийти сюда раньше, — произнес он все с тем же смешком. — Это так просто, когда вы...

Один из солдат, державших колдуна под руки, с ненавистью выругался. Они втолкнули его в камеру и с грохотом захлопнули дверь.

— Госпожу Азеру поместите напротив, — распорядился Колин, он говорил нарочито небрежно, растягивая слова. — Тогда они с ее волшебником смогут любоваться друг на друга.

Он рассмеялся и продолжал:

— Хотя нет, подождите! Я же забыл: здесь не будет света... Какая жалость!

Шарина заметила, как двое солдат с отвращением переглянулись, пока их товарищ отпирал указанную камеру. Похоже, они не очень-то любят своего командира, приехавшего из Валлеса. Впрочем, это не мешало им исправно выполнять его приказания.

Азера проследовала в свою камеру с высоко поднятой головой и презрением во взгляде. В грубых отпечатках человеческих ступней на каменном полу собиралась вода. Подобные выбоины образуются в результате двадцатилетнего хождения туда-сюда по камере. Красные глазки сверкнули из лужицы и исчезли, оставив лишь мелкую рябь на воде.

Стражники заперли за прокуратором дверь. Петли были очень жесткими. Если придерживать датировки каменной кладки — а именно, времен Старого Королевства, то железу давно бы полагалось проржаветь в таком влажном климате. Кости исчезают еще быстрее. Нет... кто-то пользовался замком, и вовсе не так давно, как считал Медер. Возможно, и не в прошлом столетии.

Стражники отперли дверь, расположенную в торце коридора. Она была совсем маленькой — всего шесть квадратных футов¹; пол и стены покрыты студенистым налетом — какая-то бледно-желтая дрянь поблескивала в свете факелов.

Колин положил руку на плечо девушки.

— Боюсь, эта камера для вас, дорогая, — сказал он. — Хотя...

Он улыбнулся, живо напомнив Шарине ласку перед клеткой с цыпленком.

— Знаете, — добавил Колин, — я уверен: мы сможем подыскать что-то более подходящее для такой славной девушки, как вы. Почему бы нам не подняться наверх и не продолжить обсуждение за легкой трапезой?

Офицер резво зашагал по коридору, все еще придерживая девушку за плечо. Солдаты, очевидно предупрежденные заранее, появились на лестнице. Факельщик, стоявший рядом с Колином, теперь шел впереди.

— Приятной ночи, Азера, — бросил офицер через плечо. — Возможно, завтра я пришлю кого-нибудь с едой для вас.

Шарина старалась сохранять прямую осанку и независимое выражение лица. Ей хотелось забыть о камнях за спиной. В темнице стоял запах соли и разложения. Так полагается пахнуть труп у моряка.

Колонны, которые поддерживали потолок, казались высеченными из скального грунта. В свете мерцающих факелов создавалось впечатление, что они корчатся от боли.

Она не станет плакать. Не станет умолять. Ноннус спасет ее.

Они сделали три полных круга по винтовой лестнице и поднялись в холл, который в свою очередь привел их в покои на первом этаже. Колин выбрал их для собственного проживания. Стены были все из того же вездесущего базальта, но заботливо покрытого гобеленами, на полу лежал свежий тростник.

Солдаты зажгли масляные лампы, прислонив свои факелы к массивному очагу. За окном еще завывал ветер, но в узкое окно была видна луна на небе — шторм пошел на убыль.

— Сюда, дорогая, — придвигая кресло с подушками поближе к огню, сказал Колин. — Еду принесут через несколько минут. Боюсь, ничего изысканнее, чем холодное мясо, сейчас не сыс-

¹ Около 0,5 квадратного метра.

кать, но в будущем я прослежу за этим. Как вы понимаете, я не знал точного времени вашего прибытия.

Двое солдат вошли в комнату, неся уже накрытый стол. Там лежал сыр, ветчина и хлеб. Третий человек держал в одной руке пару бутылок вина, а в другой два бокала. Все они в качестве мажордомов смотрелись достаточно опытными и доброжелательными — неожиданный контраст после неприятного впечатления, которое они произвели своей жестокостью в гостинице.

Шарина аккуратно уселась лицом к огню. Спинка кресла имела небольшой уклон, очевидно, в нем полагалось сидеть, откинувшись. Именно такую моду ввели при дворе, и все аристократы Островов тут же кинулись копировать ее. Лора гордилась тем, что ее дочь знакома с дворцовыми порядками, другое дело — нравились ли они ей? Сейчас, во всяком случае, у Шарины не было ни малейшего желания вкушать пищу, лежа в кресле. И прежде всего, оттого, что именно этого желал бы Колин.

Солдаты поставили стол перед девушкой. Офицер придвинул второе кресло к противоположной стороне стола и сел, опершись на левый локоть и глядя на Шарину с характерной насмешливой улыбкой. Воспользовавшись сервировочной вилкой, он отрезал ломтик ветчины и протянул его девушке.

— Попробуйте, моя дорогая, — произнес он тоном радушно-го хозяина, — думаю, вам понравится. Из моего собственного поместья.

— Благодарю вас, — вежливо ответила Шарина. Но, вместо того, пальцами взяла кусочек сыра и надкусила его. Она чувствовала себя невероятно голодной и тратила огромные усилия, чтоб сразу не задохнуться весь кусок в рот, а потянуть удовольствие.

— И как долго вы ждали здесь, мастер?

Колин хохотнул и взял себе ветчины.

— Как мы пришли к нашей встрече, дорогая, — сказал он, — это дело прошлое и посему значения не имеет. Гораздо важнее нам с вами обсудить будущее. Ваше будущее. Ведь вы — весьма важная персона... для других. Необходимо, чтоб вы сами не упускали это из виду.

— Я всего-навсего служанка госпожи, — скромно ответила Шарина. К этому времени она уже прикончила сыр и потянулась за круглой булкой хлеба. Колин хотел было ей помочь, но замер, увидев, как легко и ловко девушка расправилась с грубой коркой каравай. Приподняв бровь, он произнес: — Думаю, эту версию

мы можем опустить, дорогая. Тот факт, что я поджидал вас здесь, должен доказать вам: я в курсе происходящего. Думаю даже, лучше вас самой. Вы происходите из рода последнего великого Повелителя Островов и можете претендовать на звание королевы. И на то, чтобы сделать нужного человека королем.

Солдат наполнил вином оба бокала и поместил их возле каждого из сотрапезников.

— Надеюсь, от вина-то вы не откажетесь, — насмешливо спросил Колин. — Лично я без ума от него. Хотя готов признать: морское путешествие не пошло ему на пользу.

— Благодарю, — повторила Шарина и отпила из бокала. Вино оказалось сладким и очень крепким. Хотя она выпила бы и кислятину: уж больно пересох у нее рот, а хлеб тоже не отличался свежестью.

— Как видите, — продолжал Колин, — по всему выходит, что вы далеко не пешка в этой игре. И я очень опасаясь, как бы это не обернулось против вас, когда вы окажетесь в руках моей госпожи — королевы. А подобное непременно произойдет, если Азера, как собиралась, доставит вас к королю. Ни он сам, ни тем более королева не станут колебаться, если им понадобится использовать или даже устранить вас.

В голосе Колина появился легкий оттенок раздражения. Шарина молча взяла кусочек ветчины. Ее холодность произвела именно тот эффект, на который она и рассчитывала — выводила Колина из себя. Хотя пока он контролировал ситуацию.

— Что вам надо, детка, так это стать активным игроком, — продолжал он внушать девушке, которая безучастно жевала. — Поскольку сами по себе вы не обладаете властью, единственный выход — выйти замуж за влиятельного аристократа, чья семья имеет такие же древние корни. Как вы догадываетесь, я предлагаю собственную кандидатуру.

Он потянулся к руке Шарины, которая в этот момент отламывала себе еще хлеба. Девушка слегка развернула булку, чтоб отгородиться от него.

Краска гнева бросилась Колину в лицо, на котором мгновенно проступило что-то весьма неприятное. Впрочем, он сразу же совладал с собой и придал лицу нейтральное выражение.

— Вы не должны бояться, что это предложение как-то ограничит вашу личную жизнь, — тоном, в котором угадывалось напряжение, произнес офицер. — Можете заводить себе любовни-

ков в любом количестве и качестве. Естественно, за собой я оставляю то же право.

Шарина посмотрела прямо в глаза собеседнику — впервые, с тех пор как они вернулись из подземелья.

— Подозреваю, заниматься любовью с зеркалом не слишком удобно, — сказала девушка, — но не могу представить лучшего занятия для вас. Так же, как не могу представить, чтоб кто-то польстился на вас.

Взгляд Колина стал абсолютно пустым, как у акулы. Схватив девушку за левую руку (у него была сильная кисть профессионального фехтовальщика), он притянул ее к себе. Шарина плеснула ему в лицо вином и попыталась выбить бокалом глаза.

Солдат, стоявший ближе всего, выронил бутылку и поймал руку девушки. Отпустив ее, Колин вскочил из кресла и принялся вытирать лицо краем бархатного рукава. Шаринино кресло опрокинулось...

И тут Колин ударил. Голова девушки дернулась и с размаху врезалась в плечо стоявшего справа солдата. Войдя в замок, мужчины сняли оружие, но столкновения с кулаком офицера и солдатским плечом оказалось достаточно, чтоб свет померк в глазах Шарины.

— Ну хорошо же, моя прекрасная госпожа, — прорычал Колин. — Вы получите все, что заслужили... но в другом месте!

Выдернув свечу из стенного канделябра, он направился к лестнице. Лестнице, ведущей к крысам, сырости и темноте. Солдаты тащили следом за ним девушку. Ноги Шарины волочились по свежему камышу.

18

На небе стояла полная луна, в этот час перед рассветом было тихо и спокойно. Как обычно, легкая предутренняя дымка лежала над Эрдином. Продавец овощей остановился со своей тележкой перед окошком привратника.

— Сегодня утром Реава испекла отличные пироги с вишнями, — сообщил он. Продавец откинул широкий лист коровяка с кухаркиного гостинца, полученного на кухне, куда он спозаранку завозил дневной запас овощей.

— Да, она молодец, — согласился привратник, разламывая пирог пополам. — Такая женщина — находка в доме, даже если б она ничего больше не умела, кроме как варить-жарить.

Торговец с набитым ртом промышал что-то одобрительное.

Дело в том, что привратник имел особые отношения с кухаркой, но только в периоды длительного отсутствия дома ее мужа-моряка. Сейчас же муж пребывал в Эрдине, так что привратник благоразумно избегал показываться на кухне, а повариха, соответственно, и близко не подходила к воротам. Зато она неизменно заначивала лакомые кусочки с хозяйского стола для торговца овощами. Естественно, в уплату за доставку продуктов.

— Ну что, тихо? — спросил торговец. Оба мужчины были знакомы уже на протяжении двадцати лет. Семейство бор-Муллиманов не меняло ни обслуживающего персонала, ни поставщиков продуктов с тех пор, как переехало в этот роскошный особняк с окраины Эрдина. Более того, торговец с привратником считали себя близкими друзьями, хотя виделись только в такие вот предрассветные часы.

— Как в могиле, — ответил привратник через железные прутья ворот. — Слышь, я, конечно, не жалею. Лучше уж покусать в тишине, чем наблюдать, как по улице валит толпа, готовая громить дома уважаемых людей.

Торговец рассмеялся:

— Ты небось дорого продал бы свою жизнь, а Эсил? Чтоб заштитить своих господ...

— Они не столько платят мне, чтоб я почувствовал себя богачом, Тоуз, — фыркнул в ответ привратник. Он слизал остатки варенья с пальцев. — Слышь, я б на все пошел, чтоб Реава освободилась. Уж она *умеет* готовить.

— Накажи меня Пастырь, если это неправда, — согласился торговец, продолжая жевать. Вдруг работа его челюстей замедлилась, и он нахмурился.

— Э, там какой-то парень свернул в переулок, — сообщил он товарищу.

— Это законом не запрещено, — ответил привратник, но видно было, что он встревожился. — Наверное, какой-нибудь забулдыга решил отлить в укромном местечке. Через минуту выйдет обратно.

— Приперся черт знает откуда, чтоб напиться здесь, — проворчал торговец.

Он продолжал наблюдать за движением в том месте, где узкая улочка ответвлялась от главной дороги. Привратник же со своего наблюдательного пункта мог видеть только клин улицы непосредственно перед воротами. А отпирать ворота и выходить наружу он, похоже, не испытывал желания.

— Да не, он обычный парень, — успокоил его приятель. — Такой толстый, в белой тунике. Хотя постой, у него ведь не было с собой света...

Ему показалось, что он видит какое-то голубое свечение в переулке. Торговец хотел было сказать об этом, но поскольку не мог ни описать, ни объяснить данного феномена, то решил промолчать...

В следующий момент раздался металлический скрежет из дальнего угла участка.

— Сестра заberi его! — проворчал привратник. Он поднялся со своего сиденья и поднял алебарду, отдохавшую у калитки. — Ну чо? Надо отрабатывать хозяйскую плату...

Он с надеждой посмотрел на приятеля:

— Не хочешь пройтись со мной?

Продавец овощей поморщился, но сказал:

— Конечно, дружище.

Он обернулся и достал из тележки трехфутовую дубину, пока привратник возился с замками.

Участок по эту сторону от увитой виноградом ограды выглядел ухоженным. Кусты, беспорядочно разросшиеся при прежних владельцах, сейчас были аккуратно подстрижены или пересажены в надлежащее место.

Мужчины молча шли в том направлении, откуда доносился шум. В дальнем конце сада располагалось небольшое здание склепа. После того как бор-Муллиманы въехали в имение, они отгородили гробницу кирпичной решеткой, по которой плелись ветви лобелии с ярко-алыми цветами. Затаив дыхание, приятели замерли перед этой загородкой. И тут от склепа полыхнуло голубым светом. Полыхнуло и исчезло, после чего ночь стала казаться еще темнее. Снова раздалось металлическое лязганье.

Привратник неслышно чертыхнулся и судорожно вцепился в древко своей алебарды. Он шагнул вперед, но торговец придержал его за рукав.

Дверь медленно отворилась, затем с глухим стуком захлопнулась. Голубой туман, просачивавшийся сквозь листья лобелии,

казался столь же невозможным и нереальным, как и запах разложения, который ощущали мужчины.

Они переглянулись. Продавец овощей потянул своего друга прочь, и они тихо, постоянно оглядываясь через плечо, побрели к центральным воротам.

— Это ведь не твое дело, правильно? — говорил Тоуз. — Склеп находится уже за границей вашего участка. Ты мне сам говорил.

— Да, ты прав, — подтвердил привратник, — это не мое дело.

Он выпустил продавца за ворота, затем провел рукой по решетке. Ощущение холодного металла принесло ему некоторое успокоение.

— Можно рассказать об этом кому-нибудь утром, когда будешь сдавать смену, — медленно произнес торговец. — Правда, тогда они удивятся, почему ты так долго ждал...

— Точно, — кивнул привратник, вглядываясь в темноту и страстно желая, чтоб поскорее взошло солнце. — Да там ничего и не было, верно ведь? Я даже не уверен, что мы видели свет.

Помолчав, он добавил:

— И знаешь, что, Тоуз? Я был бы только рад, если б какая-нибудь чертова толпа поперла сейчас по улице.

19

Один солдат шел впереди, другой — сзади. Они держали Шарину за вытянутые руки, так что ей приходилось спускаться по узкой, огороженной лестнице боком. Третий солдат, с ключом от темниц, возглавлял шествие, он нес с собой фонарь.

Последним следовал Колин. Свеча в его руке трепетала и, собираясь окончательно погаснуть, часто роняла голубые искры.

Еще находясь на лестнице, девушка заметила розовое свечение, пульсировавшее в конце коридора. Она осторожно оглянулась: похоже, Колин с солдатами не обратили внимание на этот знак. Свет мелко дрожал, как водная поверхность на изломе прилива, когда море, кажется, не может решить: катить ему дальше на сушу или отступить.

Наконец они достигли конца лестницы. Медер распевал заклинания высоким громким голосом, но эхо в длинном коридоре мешало слышать слова. Солдат во главе процессии остано-

вился и приподнял фонарь. Камера колдуна освещалась изнутри ярким светом. Настолько ярким, что на пол легли четкие тени от прутьев решетки.

Теперь и Колин увидел, что происходит.

— Я говорил этому придурку, что его ждет. — На лице офицера появилась игривая улыбка, рука легла на меч. — Сестра забери меня, если я не предупреждал его!

И затем совершенно иным тоном добавил:

— Пошли!

Он швырнул свечу на пол, чтоб освободить левую руку, и зашагал по коридору. Расплавленный воск стал натекает в лужицу, но свеча продолжала гореть. Солдаты устремились вслед за своим командиром, и Шарине пришлось прибавить шаг, чтоб ее не тащили волоком.

Азера стояла перед зарешеченной дверью, держась за прутья. Лицо ее было совершенно пустым и непроницаемым, но девушке показалось, что прокуратор напугана.

Шарина и сама боялась.

Медер сидел на полу со скрещенными ногами и вслух распевал:

— *Сесенген ио барфанисес...*

Девушка учуяла запах свежей крови — крысиный труп валялся у задней стенки, на горле зияла рваная рана. Шарина содрогнулась, увидев следы крови на лице Медера: должно быть, он воспользовался зубами, чтоб пустить кровь животному.

— Отпирай камеру! — крикнул Колин солдату с ключом. Тот замешкался, то ли растерявшись, то ли сознательно желая отсрочить неприятный момент. — Да *отпирай* же!

Крысиной кровью волшебник нарисовал на каменном полу шестиконечную звезду. Он отломал одну из костей, свисавших из наручников, чтобы использовать ее в качестве атама. Сейчас он жестикулировал им, распевая:

— *Небоутосаоуалет актиофи эресчигал...*

Солдат наконец вставил ключ в скважину медеровского замка и со скрипом повернул его. Один из шарининых стражников отпустил ее руку, чтоб вытащить меч из ножен. Другой, наоборот, бессознательно сжал ее запястье изо всех сил, губы его кривились в злобной ухмылке.

— *Ио бербита ио тобарга бауи!*

На пол свалился камень. Шарина и солдаты принялись с беспокойством озираться, Колин же весь был поглощен борьбой

с заклинившейся дверью. Зато человек, державший фонарь, в страхе вскрикнул.

Ближайшая колонна начала крошиться. Из ее нутра стал вырисовываться контур демона, такого же черного, как и сам камень. Ноги его были короче, чем надо, зато непомерно длинные руки напоминали клешни паукообразного краба. Они заканчивались маленькими кистями с четырьмя когтями, острыми как кинжал, и расплюснутыми на концах, как лепесток цветка.

Колин оглянулся, увидел монстра и нанес молниеносный удар — он обладал стремительной пластикой кошки. Отпущенная сталь сверкнула на чугунной башке демона и отскочила назад, загудев, как натянутый трос. Колин взвыл от боли и злости, перехватив эфес меча левой рукой, чтобы погасить вибрации. Демон поймал его голову и одним движением снял с нее скальп, разбрызгав повсюду кровь.

Кусочки камней продолжали падать из колонн вдоль коридора. Падая и танцуя на каменном полу, они наводили на мысль о лавине в горах. Солдат, державший фонарь, бросил его в лицо демону и постарался проскользнуть мимо. Однако номер не удался: чудовище поймало бедолагу и стало раздирать на куски. В свете свечи, оставленной на другом конце коридора, четко вырисовывались огромные гротескные силуэты убийцы и его жертвы.

Остальные солдаты бросились бежать, пока монстр был занят их товарищем. Тот, что успел обнажить меч, бросил его на пол. Первый демон погнался за ним, раскидав куски расчлененного тела в разные стороны. Тем временем еще пять демонов освободились из своих каменных темниц и поднялись, простирая руки.

Камера Медера осталась открытой. Шарина вытянула ключ и отперла камеру Азеры. Лицо прокуратора застыло в неподвижной маске, напоминавшей череп. Девушка схватила ее за руку.

— Бежим! — крикнула она.

Но единственный путь из подземелья пролегал мимо демонов. Что ж, придется рискнуть. Потолок в коридоре трещал и стонал, грозя обвалиться сейчас, когда колонны больше не поддерживали его. Кусок скалы размером с человеческую голову грохнулся на пол рядом с Шариной.

Из темноты раздавались ужасные крики: четверо демонов, развлекаясь, отрывали одну за другой конечности несчастного солдата.

— Медер! — закричала девушка. — Ты можешь унять эти создания?

Тот вышел из камеры, на лице его было написано божественное спокойствие.

— О, они просто исчезнут, — ответил колдун. — Они мне больше не нужны.

И Медер покровительственно положил руку на плечо девушки. Шарина с возмущением стряхнула ее.

— Как много вещей я не понимал, пока не попал сюда, — проговорил колдун довольным тоном. — И как все стало ясно теперь.

С потолка продолжали сыпаться камни — от мелкого гравия до обломков размером с каминную доску. Демоны тоже обсыпались. Вот от ближайшего отвалилась длинная рука, за ней последовала нога, и все тело пошло трещинами, как яйцо, упавшее на пол. Шарина бросилась к лестнице, таща за собой Азеру. Колдун поспешал за ними.

Девушка на него не оглядывалась. Все ее внимание было направлено на то, чтоб не поскользнуться на кусках человеческой плоти, которую демоны разбросали по всему коридору.

Пусть Медер идет туда, где ему полагается быть. В ад, расположенный под этим адом.

Стена меж двух камер рухнула, обнажив пошедший трещинами потолок. Грохот был сильнее даже ужаса, который царил в сознании Шарины. Свеча больше не давала света: то ли догорела, то ли погасла в этой удушливой атмосфере, слишком пыльной даже для свечи.

Камень под ногой девушки превратился в песок — это рассыпалась в прах рука или нога демона. Точно так же разваливался и весь замок, раньше державшийся на демонах-колоннах. Оглушенная, слепая в темноте, Шарина пыталась на ощупь пробраться туда, где по ее расчетам должна быть лестница.

Вдруг впереди возник свет: в ореоле из пыли, такой плотной, что освещалась лишь рука, державшая факел.

Рука принадлежала Ноннусу.

— Наверх! — крикнул он. — Я прикрою сзади!

В правой руке его блестел пьюльский нож. Все верно: дротик оказался бы малополезным на такой узкой лестнице.

— Они все мертвы! — ответила девушка. Еще один огромный обломок свалился с потолка, окатив Шарину потоком пыли, плотным, как мельничный ручей. Она задохнулась. — Только мы...

Она поспешила проскользнуть мимо Ноннуса, зная, что он не пойдет первым. А сейчас было не время спорить. Возможно, времени не осталось вообще. Девушка продолжала тащить за собой Азеру, хотя та теперь была уже в состоянии идти сама. По мере того как они поднимались по лестнице, атмосфера становилась все чище, хотя за их спиной продолжали падать обломки, каждый раз выбрасывая в воздух облака пыли.

Наконец, Шарина достигла верхнего коридора. Здесь лежал мертвый солдат: удивленный взгляд и улыбка от уха до уха — через все горло. Вдоль основания боковой стены змеилась трещина, хотя сводчатый цоколь над подземельем пока еще держался.

Девушка на ходу наклонилась и выдернула из ножен кинжал солдата. Было бы время, можно бы прихватить и пояс, и ножны... А вот меч она посчитала слишком тяжелым и громоздким для себя. Шарина чувствовала себя неудобно без привычной тяжести топорика в руке. Ей просто необходимо было разжиться *каким-нибудь* оружием.

Наверху лестницы показалась Азера, за ней — Ноннус, он тащил за шиворот колдуна. Тем временем щель в полу расширилась, стена ощутимо дрожала.

— Бегом отсюда! — скомандовал отшельник. — Снаружи есть повозка и лошади в конюшне. Надо спешить, пока весь замок не обвалился!

Еще один солдат валялся на полу в комнате, где Шарина обедала. Там все еще горел очаг. При каждом сотрясении замка из дымохода вылетала сажа и оседала на трупе — он уже весь был покрыт серой пеленой.

Девушка налегла на дверь, но открыть ее удалось только с помощью остальных. Во дворе, мощенном черными базальтовыми плитами, она остановилась, не зная, в какой стороне конюшни. Ведь Колин, помнится, спешил прямо у крыльца, предоставив подчиненным заботиться о коне.

— Сюда! — воскликнул Ноннус, указывая дорогу. В руке у него снова был дротик.

Небо расчистилось, ночь стояла звездная, хоть и безлунная. Медер потерял свой жуткий атам. Лицо и одежда колдуна были засыпаны каменной пылью, но он довольно улыбался.

От конюшен остались одни только стены, большая же часть крыши рухнула неизвестно сколько лет назад. Изначально конюшня была рассчитана на сорок лошадей с отдельными стой-

лами. Люди Колина починили старые постройки и перекрыли обвалившуюся крышу парусиной.

Сейчас внутри ржали и бились лошади — колыхание почвы заставляло их нервничать. Откуда-то сверху упала часть перекрытия и рассыпалась на куски.

— И все же я спас вас, Шарина, — лукаво произнес колдун. — Видите, что я для вас могу сделать... Рядом со мной вы всегда будете в безопасности.

— Лжец! — крикнула девушка. — Ноннус и так бы спас нас! А ты ничего не сделал! Ничего!

Отшельник коснулся ее руки и подвел к стойлам.

— Тебе придется запрягать лошадей, дитя мое, — сказал он. — Я никогда этим не занимался.

Затем голосом, в котором слышалось отчаяние, добавил:

— Что сделано, то сделано. Им, мною... Все равно, сделано.

Шарина потащила отшельника с собой, якобы искать упряжь. На самом деле ей не хотелось оставлять его одного.

КНИГА ПЯТАЯ

1

Снаружи здание представляло собой обычный кирпичный склад, в точности похожий на два десятка других — они тянулись вплоть до самого Эрда. В тот момент, когда Гаррик вместе с Лианой и Теноктрис подошли к нему, из двойных дверей как раз выезжала повозка, доверху груженная терпентином¹. Она распространяла сильный смолистый дух — приятное разнообразие в затхлой атмосфере прибрежных болот.

Гаррик даже засомневался, а не ошиблась ли Лиана адресом, но девушка решительно поднялась на крыльцо и громко постучала в чугунный молоточек — довольно неожиданное приспособление для здешних мест.

Открылось маленькое треугольное окошко на уровне глаз.

— Госпожа Лиана ос-Бенлоу с компаньонами желает видеть мастера Полью, — произнесла Лиана. — К сожалению, мой отец не в состоянии сам явиться, поэтому мне необходимо срочно встретиться с господином банкиром.

— Подождите минутку, — слышался голос, и окошко хлопнулось.

Обернувшись к спутникам, Лиана пояснила:

— Полью — серианец. У них не принято демонстрировать свое богатство всему свету.

Дверь отворилась. За ней стоял привратник — высокий, гибкий мужчина, одетый в шелковую блузу и панталоны неброского коричневого цвета.

¹ Терпентин — живица — смолистый сок, выделяющийся при ранении хвойных деревьев; основное сырье для получения скипидара и канифоли; применяется в медицине, парфюмерии, лакокрасочной и др. отраслях промышленности.

— Если позволите, я позабочусь о вашем мече, господин, — вежливо обратился он к Гаррику. — Или же вы можете подождать снаружи...

Юноша отстегнул пояс с мечом, обмотал ножны вокруг него и передал оружие привратнику. Прodelал он это не без удовольствия, поскольку не любил носить меч. Он оттягивал ему бок, а наконечник ножен при ходьбе постоянно колотился об икры. В Эрдине мечи были распространены гораздо меньше, чем в Каркозе, но все же часть мужчин, в том числе и Гаррик, носила их. Его на это толкало чувство долга, юноша полагал: раз он взялся защищать Лиану, то он обязан повсюду ходить вооруженным.

Кроме того, в крайней ситуации это давало возможность прибегнуть к помощи короля Каруса. Взявшись за рукоятку меча, Гаррик обеспечивал себе быстрое и надежное решение проблемы.

Вот и сейчас в его мозгу раздался короткий насмешливый смехок Каруса.

«Все верно, парень, — казалось, говорил король, — бывают моменты, когда мужчина должен действовать без промедления...»

Вопрос в том, как определить эти моменты.

Привратник стоял в нише рядом с ведущей наверх лестницей. Эта часть здания отделялась от всех остальных толстой, звуко- непроницаемой стеной.

Лиана направилась вверх по довольно крутой лестнице, обеими руками поддерживая подол платья, чтоб не споткнуться. В помещение лился неяркий потолочный свет, который был в новинку Гаррику. Для вечернего освещения служила люстра на пять свечей, свисавшая на тяжелой цепи.

Наверху гостей встречала молодая смуглая и темноволосая женщина. Она отодвинула занавеску на двери и с поклоном пригласила их войти в комнату. Лиана также поклонилась и прошла внутрь во главе своих друзей.

Пожилой мужчина, высокий и очень худой, поднялся им навстречу из-за письменного стола. На нем был белый шелковый балахон и такая же белая шапочка на лысом, как подозревал Гаррик, черепе. Дубовые панели кабинета украшала позолоченная резьба в виде виноградной лозы и плодов страстоцвета.

— Господин Полью, — с поклоном произнесла Лиана.

— Госпожа Лиана, — так же изысканно поприветствовал ее старик. — Примите соболезнования по поводу прискорбной кончины вашего батюшки. Садитесь, пожалуйста.

За столом стояло изящное кресло, еще три аналогичных перед столом — для посетителей. Кресла — ажурные, с позолотой и вставками из белой эмали — были настолько легкие и ненадежные на вид, что Гаррик побоялся доверить им свой вес. Лишь опробовав украдкой спинку и убедившись, что она не гнется, юноша рискнул вслед за всеми остальными усесться.

Он с любопытством разглядывал изящную статую незнакомой богини у стены. По обе стороны от нее, в отдельных нишах стояли два демона. В противоположной части комнаты располагался окованный сундук, прикрепленный к стене и полу при помощи железных полос. И больше никакой мебели.

За креслом мастера Полью стоял худощавый серианец в тонком полотняном одеянии. Руки его свободно свисали, голова слегка повернута в сторону. Хотя он избегал бросать прямые взгляды, Гаррик был уверен: от глаз серианца ничего не укроется.

Рядом с банкиром не наблюдалось никаких телохранителей с оружием. В них не было необходимости: секретарь Полью *сам по себе* являлся оружием.

— Мастер Полью, — сразу перешла к делу Лиана, — мне крайне необходимо связаться с заказчиком моего отца. Его убили, когда он выполнял задание этого человека.

Банкир сложил пальцы «домиком», взгляд у него был настоженный.

— Еще раз сожалею по поводу вашего отца, госпожа, — произнес он, — я посажу дерево в его честь. Не менее скорблю по поводу невозможности выполнить вашу просьбу.

Лиана возмущенно подалась вперед, но банкир остановил ее, предупреждаясь подняв ладонь.

— Видите ли, госпожа, — произнес он, — мы ведем дела с вашим семейством вот уже на протяжении трех поколений. К несчастью, дело, которое мы обсуждаем, касается не только вас, но и еще одного клиента нашей фирмы. А вы, несомненно, понимаете: как честный человек и порядочный банкир я не имею права обсуждать дела своих клиентов с третьими лицами.

— Но здесь особый случай, — вмешался Гаррик. Он сидел, положив руки на колени, и безотрывно глядел на них, пытаясь унять дрожь в голосе. — Мастер Бенлоу был убит демоном, который буквально распорол ему живот. Затем он похитил госпожу Лиану и унес ее в ад. Да-да, господин, именно в *ад*! И лишь вмешательство могущественной волшебницы позволило вызволить ее оттуда.

Он поднял глаза на собеседника.

— Мастер Полью, мне кажется, девушка имеет право знать виновника своих несчастий.

Лицо банкира оставалось бесстрастным, он уже открыл рот, чтобы ответить, но Лиана поспешила опередить его отказ.

— Мастер Полью, — сказала она, — я уважаю ваше нежелание открывать мне имя клиента. Но, наверное, вы можете сообщить мне имя банкира, по чьей тратте¹ был открыт счет в вашем банке. Этого ваша профессиональная честь не запрещает делать?

Легкая улыбка тронула губы банкира.

— Нет, госпожа, не запрещает, — ответил он. — Но, боюсь, я не располагаю подобной информацией. Видите ли, счет открыт не по тратте. Клиент предоставил обеспечение в виде золота. Если быть точными: в виде монет Старого Королевства.

Поджав губы, добавил:

— Считаю возможным сообщить вам, госпожа Лиана, что и сам незнаком с моим клиентом. Человек, доставивший залог, сделал все, чтоб скрыть свою внешность. Вряд ли я узнал бы его, встретить вновь. К тому же подозреваю, что это был не сам заказчик... Дальнейшие инструкции передавались через мальчиков с улицы. Они говорили: какой-то человек, весь закутанный, оставливал их и велел отнести мне пакет, с тем что я им заплачу. Больше мне ничего неизвестно.

— Скажите, а эти монеты Старого Королевства все еще у вас? — спросила Теноктрис.

Полью впервые обратил внимание на старую колдунью, которая до сих пор молча сидела в кресле.

— Да, — ответил он, — я сохранил их в качестве фактического обстоятельства. Надо сказать, великолепные образцы — лучших мне не доводилось видеть.

Он прошел через комнату и опустился на колени перед сундуком. Просторное одеяние мешало разглядеть его манипуляции, но Полью определенно не пользовался ключом. Его помощник с дежурной улыбкой переместился и стал так, чтоб быть между гостями и хозяином. Если не обращать внимания на взгляд этого

¹ Тратта — переводной вексель; письменный приказ одного лица (кредитора, именуемого трассантом) другому (заемщику, плательщику, именуемому трассатом) уплатить определенную сумму денег третьему лицу (предъявителю, именуемому ремитентом).

человека, а также на узлы мышц под кожей, можно было подумывать, что случайный служащий забрел не в ту комнату.

Банкир вернулся, протягивая Лиане тонкую монету размером с ноготь большого пальца. С аверса¹ смотрел король Карус во всем своем удалом величии, черты лица были такими же четкими, как на матрице, с которой штамповалась монета.

— Нет-нет, вы ничего не должны мне, госпожа, — сказал Полью, когда Лиана потянулась к кошельку. — Примите это в качестве посмертного подношения вашему отцу. В прежние времена...

Он огляделся со смутной улыбкой. Окна были затянуты негладким стеклом, которые искажали образы до неясных цветowych пятен.

— Знаете, я редко покидал дом, — продолжил банкир. — И ваш отец приносил мне чудесные истории о чужих землях, настолько дикий, что я стал и сам задумываться о путешествиях. Однако я понимал, что истории потеряют оттенок чуда, если я везде побываю сам.

— Это было, очевидно, до того, как моя мать умерла, — сказала Лиана.

— Да, до трагической смерти госпожи Маццони, — кивнул Полью. — Примите монету, госпожа, вместе с моими сожалениями по поводу того, что не смог помочь вам.

Они раскланялись, и девушка-служанка снова откинула перед ними занавеску на двери.

Разговор начался лишь тогда, когда троица оказалась на улице и услышала, как привратник запер дверь на замок. Лиана протянула монету колдунье.

— Что вы планируете делать Теноктрис? — спросила она.

— Завтра... — ответила та. — Сегодня уже поздно, скоро начнет темнеть. А вот завтра, при свете дня, я бы хотела вернуться в ваш семейный склеп. Там я смогу уединиться и провести ритуал по выявлению истоков. В результате, я надеюсь, мы узнаем происхождение этого золота. В гостинице же, боюсь, нам могут помешать.

Лицо Лианы застыло.

— Ей ведь необязательно туда идти? — спросил Гаррик.

— Я пойду, — тут же возразила девушка. — Он ведь был моим отцом, Гаррик. И меня не страшат никакие действия, способные открыть причину его ужасной смерти.

¹ Аверс — лицевая сторона монеты, медали.

— А вот *меня* страшат, — произнесла Теноктрис с улыбкой, которая не могла сгладить жутковатый смысл ее слов. — Ритуал сам по себе не несет никакой опасности. А вот то, что за ним последует...

2

Шарина вернулась от ручья с последней четверкой лошадей, куда водила их на водопой. Она застала Медера у костра: он сидел, глядя в огонь. Азера возилась с одеялом, устраивая себе постель под повозкой. Перенесенные лишения не переменяли прокуратора, но, когда было нужно, она умела приспособливаться к обстоятельствам.

— А где Ноннус? — спросила девушка. Они успели отойти на пять миль от Гоналии. Дорога была совсем неплохая по меркам жителей Барки — твердое покрытие и не слишком глубокие рытвины — но зачем рисковать, путешествуя в темноте, если замок остался достаточно далеко?

Колдун обернулся и молча посмотрел на Шарину, выражение лица его было не разглядеть, так как свет падал ему в спину.

— Он недавно пошел в лес, — ответила Азера. Она неопределенно махнула рукой куда-то за дорогу. — Во всяком случае, не слишком давно.

Девушка стреножила лошадей, перефыркивавшихся в темноте. Очевидно, их тревожила ночевка на открытом воздухе. Эти животные всю свою жизнь проводили либо в упряжи, либо в закрытых стойлах. Не факт, что нововведения им нравились.

Недавно прошедший дождь выманил из укрытия местных жаб и лягушек. Шарине эти твари были почти незнакомы — на Хафте они не водились. Их крики, особенно немелодичные вопли одной разновидности жаб, действовали девушке на нервы. Она направилась в лес, прихватив с собой кнут и планируя использовать его длинное кнутовище в качестве зонда в траве.

В общем-то, Шарина понимала: глупо сердиться на Азери и Медера за то, что они такие. Она и сама была напугана и дезориентирована, оказавшись так далеко от дома. Но ведь то же самое можно сказать и об этих аристократах.

Девушка осторожно обходила заросли можжевельника, слишком густые, чтоб можно было продраться сквозь них. Да уж, одинокие прогулки в темноте не способствуют снисходительности суждений.

— Сюда, дитя мое, — раздался неподалеку голос Ноннуса. Он стоял у подножия сосны по крайней мере десяти футов в диаметре.

— Я просто хотела убедиться... — проговорила Шарина, — что с тобой все в порядке.

Отшельник рассмеялся:

— О, да. Я просто молился.

Недавно упавшее огромное дерево образовало в лесу двухсотфутовый проход, не успевший затянуться молодыми побегами. Здесь над головой виднелось небо со звездами, их свет позволял разглядеть и поляну, и лицо старика.

Ноннус обтесал нижнюю часть ствола и набросал облик Госпожи. Работал он совсем недолго — буквально несколько быстрых ударов, но даже неискушенный зритель мог бы узнать знакомый образ. Да уж, с режущим инструментом отшельник умел управляться мастерски.

Его пояс с пьюльским ножом свисал с ветки лиственницы в десяти футах от того места, где Ноннус молился перед Госпожой. Дротик стоял там же, его волнистое лезвие блестело в лунном свете.

— Я просто не могла находиться с ними рядом, — призналась Шарина. — Я хотела...

По лицу девушки было видно, насколько непросто ей далось это признание.

— Ноннус, — сказала она, — он не имеет права жить! Меня мутит от его кровавой магии. Я скорее умру, чем стану участвовать в подобном! Ты не видел, что приключилось с Колином и его солдатами.

— Точно, — скупно улыбнулся отшельник, — этого я не видел.

Он посмотрел на девушку с обычным невозмутимым выражением лица. Шарина подумала: это выражение изменяет ему лишь в одной ситуации — когда Ноннус держит в руке нож. Окровавленный нож.

— Смерть есть смерть, дитя мое, — тихо сказал Ноннус. — Для мертвого человека не имеет значения, как именно его убили. Для Госпожи это тоже неважно. И я не буду осуждать других за то, как они делают свою работу.

— Ноннус, он перестал быть человеком! — Шарина чуть не плакала. — Да и был ли когда-либо?

— Не говори так! — резко оборвал ее отшельник. Затем чуть мягче продолжил: — Дитя мое, никогда не смей так думать о

ком-нибудь только потому, что тебе не нравится его поведение, или манера одеваться, или молитвы. Потому что если ты пойдешь по этому пути, то рано или поздно придешь к поступкам, которые никогда не сможешь себе простить. Или забыть.

Шарина опустила на колени, ноги не держали ее. Она уткнулась лицом в ладони и начала плакать. Ноннус присел рядом на корточки и двумя пальцами погладил по плечу.

— Отчего кто-то умер, а ты продолжаешь жить? Ты не должна об этом думать, дитя мое, — сказал он. — Подобные вещи в руках Госпожи. Мы должны в это верить.

— Я ненавижу то, что он сделал, — плакала Шарина. Потихоньку рыдания ее утихли, она снова могла говорить. — Ноннус, он говорит, что сделал это ради меня... и я верю ему!

— Я тоже ему верю, — сказал отшельник. Он мягко поднял ее подбородок, чтоб видеть ее глаза.

— Я ведь тоже убил тех людей на лестнице, — медленно продолжал он. — Не дал им никаких шансов. Просто знал: им придется умереть, чтоб ты была в безопасности. Поэтому я убил их.

Девушка посмотрела в лицо отшельнику, гадая, что он видел, когда смотрел на нее.

— Если ты их убил ради меня, тогда их кровь не на твоих руках.

Ноннус ничего не ответил.

Шарина вытащила кинжал из-за пояса и пошла к поваленному дереву. Она воткнула лезвие поглубже в кору, чтоб кинжал держался и не падал. Ни пояса, ни ножен у нее не было, чтоб повесить рядом с ноннусовыми.

Затем девушка опустилась на колени перед образом Госпожи и принялась молиться. Она молилась за души врагов, которым пришлось умереть для того, чтоб она могла жить. Мгновение спустя к ней присоединился Ноннус.

3

— Премудрый Бог скрывает от нас будущее во мгле ночи, — прочитала Лиана из «Од» Селодрия.

Из склепа за их спиной, где в одиночестве трудилась Теноктрис, вдруг раздалось металлическое шипение. Звук был слабый, но Лиана прервалась на полуслове. Прислушалась, затем продолжала:

— Надежды и страхи смертных лишь смешат Бога. Помни об этом и принимай все, что происходит, с ледяным спокойствием!

Большую часть своего прошлого Гаррик оставил в родной Барке. Единственным предметом роскоши, который юноша захватил с собой, был изящный томик Селодрия. Он стал тем якорем, который привязывал юношу к былым временам. Благословенные времена, когда единственной заботой Гаррика ор-Райза являлось поведение овец или недовольство отца по поводу его нерасторопности в конюшне.

«Оды» Селодрия были из разряда незыблемых ценностей: они существовали уже тысячу лет. И еще тысячи лет останутся все тем же — а именно, произведением, пережившим бронзу. Именно так охарактеризовал его сам поэт. Подобная точка зрения действовала успокаивающе, позволяла рассматривать все сиюминутные проблемы в перспективе — даже проблемы жизни и смерти.

И вот теперь, если верить Теноктрис, их миру грозила опасность, способная разрушить все. Даже драгоценные «Оды». Не верить старой колдунье у Гаррика не было оснований, но в душе, на эмоциональном плане, продолжал считать произведения Селодрия вечными.

Внутри склепа послышался перезвон колокольчиков. Начав с нижней ноты, он поднялся на целую октаву. На обычно невозмутимом лице Лианы застыло напряжение. Они с Гарриком целый день просидели в ожидании на скамейке перед гробницей. Окружавшая их живая изгородь укрывала молодых людей от чужих глаз и в других условиях сделала бы их пребывание здесь вполне приятным.

Отзвучала последняя ступенька в полтона, и колокольчик замолк. Лиана опустила книгу и с дрожащей улыбкой посмотрела на Гаррика.

— Мне страшно, — сказала она. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще пострадал из-за меня. У меня остались только вы с Теноктрис — мои единственные друзья.

Улыбка завяла на ее лице.

— Я не могу не думать о том, что приключилось с моим отцом.

— Но Теноктрис — не твой отец, — возразил юноша. — она все делает постепенно, по плану. И, помнится, она говорила, что это не должно быть опасным.

Лиана удивила его своим признанием: он не мог представить, чтоб она боялась чего-нибудь. Наметив цель, эта девушка всегда

шла вперед — спокойная, быстрая и решительная. Невзирая ни на что. Пусть хоть из воздуха материализуется демон, чтоб на ее глазах распотрошить отца...

— Когда я была маленькой девочкой, я любила играть здесь, — рассказывала она. — Этот уголок всегда был отгорожен от остального участка, только раньше калитка не запиралась. Тогда меня мало интересовало, что именно здесь располагается. Я не придавала этому значение... Да я вообще не думала о смерти, пока не умерла моя мать.

Нет, несмотря на свой страх, Лиана по-прежнему оставалась собою. Если б сейчас в дверях гробницы вместо Теноктрис возник новый демон, девушка выколола бы ему глаза своим стилем, за неимением лучшего оружия.

Гаррик кивнул. Проходящая в нескольких сотнях футов главная улица напоминала о себе монотонным, ненавязчивым гулом. В их же переулок лишь изредка заглядывали случайные прохожие — служанки из соседнего особняка, кучер, возвращавшийся на пустой телеге в конюшню, мальчик-разносчик, насвистывавший и постукивавший своей палочкой по прутьям ограды. Увидев сидевших на скамейке Гаррика и Лиану, парнишка даже вскрикнул от неожиданности.

— Вот уж не думал, что это так долго продлится, — пожаловался юноша.

Утром они позавтракали в портовой гостинице, но сейчас молодой организм требовал своего. К тому же для Гаррика обед всегда являлся основной, ударной трапезой. Сейчас день уже клонился к вечеру, а Теноктрис все не появлялась.

Наконец дверь скрипнула. Юноша вскочил на ноги. Сначала он потянулся к двери, чтоб поддержать ее для Теноктрис, затем — к эфесу меча и в результате — замер, боясь принять неправильное решение.

Старая колдунья вышла из склепа, в свете угасающего дня она выглядела уставшей донельзя. Вслед за ней просочился маслянистый запах дыма, наверное, она сожгла не одну свечку в закупоренной гробнице.

Теноктрис улыбнулась своим молодым друзьям, которые молча смотрели на нее. Желания расспрашивать, что происходило внутри, не возникло ни у одного, ни у другой.

— Я выяснила, откуда появилось золото, — объявила колдунья. Они помогли старухе выйти на площадку перед склепом.

Теноктрис без сил опустилась на землю — сначала на колени, затем в свою любимую позу, со скрещенными ногами. — Процесс был несложный, но, к сожалению, включал гораздо больше шагов, чем я предполагала.

В качестве атама она использовала завиток плюща и сейчас еще держала веточку в руках, хотя та за долгие часы, проведенные в гробнице, поникла и привяла.

— Мне следовало получше подготовиться, — сказала колдунья, глядя на склонившихся к ней Гаррика и Лиану. — Работа заняла так много времени, потому что все происходило на плане, отличном от здешнего. Я должна была заранее догадаться об этом. Клубук не мог выжить в нашем времени, моем времени. Чтоб уцелеть в нахлынувшем море, ему требовалось куда-то переместиться.

— И что теперь нам предстоит? — спокойно спросила Лиана. На двери склепа по-прежнему продолжала гореть свеча, ее желтоватый свет составлял странный контраст со светом заходящего солнца.

— Думаю, кому-то придется отправиться туда и посмотреть, что к чему, — сказала Теноктрис. — Я б хотела сама это сделать, но мне необходимо находиться здесь и держать портал открытым.

— Я пойду, — тут же вызвалась девушка.

— Нет, — возразил Гаррик. Полный решимости, он поднялся на ноги. Впервые с момента конфликта с капитаном Араном и его командой юноша почувствовал себя наконец в своей тарелке. Теперь у него было *дело*. — Я пойду. Скажи, Теноктрис, это будет похоже на мир Стразедона?

— Не знаю, — покачала та головой. — Мне понадобится, чтоб ты описал мне место, куда попадешь. Только тогда я смогу планировать следующую ступень.

Она криво усмехнулась.

— А для этого надо, чтоб ты вернулся, Гаррик, — добавила колдунья. — Запомни: это самое важное для тебя. Если возникнет хоть малейшая опасность, тут же разворачивайся и беги. Ворота будут открыты для тебя.

— Нет! — возмутилась Лиана, тоже вскакивая на ноги. — Это неправильно, что он идет! Бенлоу был *моим* отцом, и рисковать должна я!

— Если б дело касалось только твоего отца, — ответила, глядя снизу вверх, Теноктрис, — то я бы, возможно, ничего бы не делала. Прости, Лиана, но беда грозит всему нашему миру. И в

этих условиях Гаррик — лучший выбор. А ты будешь помогать мне здесь.

Теноктрис посмотрела на юношу. В ее взгляде читалась любовь и что-то еще — какая-то печаль пополам с уважением.

— Возможно, он — наилучший выбор из всех людей на нашей планете. И это — еще один факт, подрывающий мою веру в случайный характер вселенной. Довольно грустно менять убеждения на склоне лет.

В смехе Гаррика прозвучали торжествующие нотки короля Каруса. Они были неотделимы — он и Карус, куда бы судьба их ни закидывала.

Юноша склонился и помог встать колдунье.

— Начнем сейчас? — спросил он. — Или вам надо отдохнуть, госпожа?

— Лучше прямо сейчас, — ответила Теноктрис, — все равно полдела уже сделано.

Она коснулась руки девушки, дрожавшей от гнева и разочарования.

— Риска хватит на всех, Лиана, — сказала старая колдунья. — И для тебя, и для всего нашего мира.

4

— Джулар бор-Райдиман! — объявила служанка, с поклоном пропуская титулярного начальника Эрдинской Патрульной Службы в гостиную, где его дожидалась Илна. Девушка сидела на диване под южными окнами.

Она поднялась навстречу гостю.

— Госпожа Илна, — с поклоном произнес тот. — Для меня большое счастье наконец-то встретиться с вами.

Сегодня ему пришлось подняться слишком рано. Высокопоставленный аристократ, он не привык *вставать* в такой час, хотя иногда случалось, что его ночи заканчивались и позже... Тем не менее сном пришлось пожертвовать — он не мог проигнорировать приглашение таинственной госпожи Илны.

Он окинул взглядом высокие, до потолка, окна. Джулар ожидал увидеть множество гобеленов — в конце концов, эта женщина ведь была ткачихой. Ничего подобного: только серая шерстяная шаль поверх дивана. Из мебели — трюмо, высокий сундук-шкаф

из суковатого ореха, неплохо сработанный, но простой в отделке, да еще диван. По привычке он сконцентрировался на диване.

— Нет, — услышал он голос девушки от сундука. — Вы здесь не для того, мастер Джулар.

Она была славная маленькая штучка. Несколько холодна, но он как раз таких и любит. Стоит сломать их сопротивление, и они сдаются полностью, без остатка.

Илна с улыбкой обернулась к нему. Джулар ненавидел пауков. И до смерти боялся их. А вот сейчас ему на мгновение показалось...

В следующий миг все вернулось на свои места. Джулар опустил руку, которая инстинктивно дернулась к груди.

— Я же сказала: вы здесь не для этого, — повторила женщина. И откинула крышку сундука.

Ее гость был плотным мужчиной, достаточно молодым, чтобы в плохо освещенной комнате сойти за красавца. Но в этой гостиной света хватало с избытком. Джулар тяжело дышал после перенесенного потрясения — *иллюзии*, ему хотелось сесть, даже без приглашения. Но в комнате не было стула.

Стоял только диван, но он скорее умер бы, чем приблизился к нему.

— Подойдите сюда, — приказала Илна, закрывая сундук и выкладывая на его крышку три свертка.

Какая-то часть сознания Джулара возмутилась: с ним в приказном тоне заговорил человек незнатного происхождения — к тому же женщина... На некоторое время он замешкался.

На лице Илны появилась усмешка, больше напоминающая оскал.

— Ну же, — поощрила она гостя. — Я не съем вас. Вы нужны мне. Во всяком случае, на том посту, который занимаете сейчас.

И Джулар повиновался. Ему страшно было подумать о том, что произойдет, если он ослушается. Он не произнес ни слова после приветствия — казалось, это было в другой жизни.

— Я хочу, чтобы двух человек арестовали и доставили ко мне, — произнесла девушка, разворачивая один из рулонов ткани. — Не причиняя им вреда...

И она обратила на Джулара гневный взгляд, который он пока ничем не заслужил. *Он же ничего не сделал!*

— Ни при каких обстоятельствах, — веско подчеркнула хозяйка. — Вы меня понимаете? Отвечайте!

— Я понимаю, — судорожно сглотнул Джулар. — Э-э... Госпожа! Боюсь, вы неправильно представляете себе мои...э-э... полномочия в деле ареста людей и подобных вещах. Фактически...

— Я все знаю, — прервала его Илна. — Ты — просто жирный болван, который даже не знает, где располагается городская тюрьма. И на своем месте ты сидишь по одной-единственной причине, а именно: другие высокопоставленные болваны считают полезным, чтобы один из людей *такого сорта* формально отвечал за немаловажное ведомство. Но, так или иначе, они послушаются твоих приказов, не правда ли?

За свою жизнь Джулару пришлось выслушать множество нелицеприятных вещей, но та интонация, с которой было произнесено «такого сорта», делало эти слова наихудшим оскорблением.

Он прокашлялся.

— Ну... полагаю, да. Естественно, я же оказывал им некоторые услуги в прошлом...

Услуги людям моего сорта.

Илна кивнула и разложила на сундуке два куска материи.

— Я полагаю, — сказала она, — что где-то позавчера в порт прибыл корабль, зафрахтованный господином Бенлоу бор-Бенлиманом. Эти двое почти наверняка находились на его борту. Мне нужно, чтобы их доставили ко мне. Если они уже уехали из Эрдина, я хочу знать, когда и куда.

Джулар бросил взгляд на портреты, выполненные на ткани — в удивительно реалистичной манере. На них были изображены молодой человек с непозволительно смуглым лицом и поразительно красивая темноволосая женщина.

— Возможно, они прибыли под именами Гаррик ор-Райз и Лиана ос-Бенлоу, — продолжала Илна. — Вы можете сделать наброски с этих портретов, чтобы все ваши патрульные имели копии.

— Так точно, — поспешил Джулар. Сейчас он согласился бы и с тем, что является сыном погонщика осла. — Полагаю, у нас есть люди, которые могут это устроить.

Илна снова скатала в рулончики оба портрета и упаковала каждый в отдельный кусок сукна.

— Наверняка прикидываешь, что ты будешь иметь с нашей сделки, — насмешливо проговорила она, не прерывая своего занятия.

Единственное, о чем сейчас способен был думать Джулар, — как поскорее убраться отсюда. Подальше от этой *женщины*. Бежать

он боялся, так как не знал, чего ждать в подобной ситуации. В доме было полно дюжих слуг-мужчин, но боялся Джулар вовсе не их.

Девушка подала ему портреты и взвесила в руке третий сверток.

— А это будет твоя награда, когда справишься с заданием, — произнесла она. — Именно то, что нужно для твоих внеслужебных увлечений.

На лице ее мелькнула презрительная усмешка, но начальник пагрульной службы уже не реагировал. Ему было плевать на оскорбления.

— Ты ведь слышал о моих работах, не так ли? — спросила хозяйка.

— Да, — Джулар был заинтригован, несмотря на весь пережитый ужас. — Конечно, госпожа. Эта ткань... — Он указал на материю, но прикоснуться к ней не посмел. — Она оказывает такое же воздействие на женщин, как другие ваши образцы — на мужчин?

— Нет, — отрезала Илна. — Если подобная ткань и существует, то тебе пришлось бы искать ее у другого мастера — скорее всего, у мужчины. Но моя может использоваться для создания того же эффекта.

Она развернула рулон во всю длину и накинула его на левую руку, как делают перед покупателем продавцы в лавках. Объективно ткань представляла собой тонкие, как осенняя паутинка, кружева черного цвета — несомненно, дорогая вещь с точки зрения ценителей.

Субъективно же она породила в Джуларе вожеление такой силы, о какой он не мог и помыслить. Он *желал* эту женщину, мечтал раствориться в ней, унизиться, отдаться на ее волю...

И в то же время он понимал: эти ядовитые клыки вопьются в его плоть, высосут жизнь и оставят валяться безжизненной оболочкой под ее паутиной. Неважно... Вообще все казалось неважным, кроме желания обладать ею.

Женщина снова свернула ткань. Джулар обнаружил, что почти распластался на сундуке. Он постоял, глядя в окно, пока не восстановилось дыхание.

— Качество здесь гораздо выше, чем у тех образцов, что попадают в продажу, — сообщила Илна его искаженному профилю. — Думаю, подобная взятка тебя вполне устроит. Любая добродетельная женщина, которую ты не можешь купить ни за какие деньги, с радостью отдастся тебе задаром. Лишь бы иметь необоримую власть над мужчинами через их желания.

Джулар наконец взял себя в руки. Выпрямился.

— Полагаю, сейчас они воротят нос от тебя, а, Джулар? — продолжала Илна. — Но это все ерунда. Тебе ведь надо просто пополнить свой список, не правда ли?

Джулар смотрел на хозяйку дома. Он больше не боялся. Он достиг безопасности, правда, через позорную капитуляцию. Джулар сделал бы для этой женщины абсолютно все. Чтобы освободиться от нее... Она несомненно знала это, и все же предлагала ему в уплату то, за что он отдал бы половину своего немалого состояния.

Джулар взвесил в руке скатанные трубочкой портреты, непроизвольно копируя жест Илны.

— Я немедленно обо всем позабочусь, — пообещал он. — А для чего вам эти...

Но тут же оборвал себя:

— Впрочем, это не мое дело.

Он снова посмотрел на портреты и пожал плечами.

— Девчонка совсем неплоха, не правда ли? — развязно произнес он. — Хотя это тоже меня не касается. Я уверен, ваши кружева в будущем меня вполне удовлетворят.

— Кажется, мы нашли взаимопонимание, — констатировала Илна и позвонила в маленький колокольчик. — Всего хорошего, мастер Джулар.

Джулар поймал свое отражение в зеркале. Его улыбка своей мерзостью напоминала оскал полуразложившегося трупа. Плевать! Он знает себе цену, но ему на это плевать.

— До свидания, госпожа, — поклонился он. Служанка отворила ему дверь. Джулар только краешком сознания отметил ее пол, это тоже было неважно. Важно было лишь то, что он уходит.

А также то, что в случае успешного ареста этой парочки ему не придется больше видеть улыбки Илны.

5

Портал был великолепного небесно-голубого цвета. Таким видится весенним вечером восточный горизонт из Барки. Он висел в воздухе перед Гарриком — сотканный из света, он, тем не менее, не освещал ни пол в склепе, ни окружавшие его древние гробы.

Юноша стоял в центре круга, нарисованного воском, а по обе стороны от круга сидели Теноктрис и Лиана. Свежая виноград-

ная лоза, служившая колдунье атамом, подпрыгивала при каждом слове заклинания, которое обе женщины произносили по очереди.

— ...стерксекс! — выкрикнул Теноктрис, завершая этот своеобразный диалог.

Гаррик с мечом в руках шагнул сквозь светящиеся ворота и оказался на лесной тропе. Вздых изумления и облегчения вырвался у юноши: он-то ожидал...

Собственно, он не знал, чего ожидал. Чего-нибудь ужасного, например, караулившего его лича или потока лавы, готового поглотить его при первом движении.

То, что он увидел, напоминало родной Хафт. Нет, конечно, не в точности — не хватало сосен, но березы, пекан и кизил выглядели совершенно привычными. Даже мохнатые стебли ядовитого плюща толщиной в руку, увивавшие ствол дуба, казались старыми приятелями, знакомыми с детства.

Дружище ядовитый плющ — с ним вполне можно было ладить. Он проживал свою жизнь, мечтая лишь об одном: чтобы его оставили в покое. Держись подальше, и он не станет цепляться к тебе своими опасными колючками и ржаво-красными побегам. Гаррик вложил меч в ножны и ощутил, как король Карус отступил поглубже в его сознании.

Вокруг стояла ранняя осень. Листья еще не начали облетать, но кусты кизила и ветви клена уже радовали глаз всеми красками пламенеющей палитры. В воздухе чувствовалась приятная свежесть, столь знакомая всем, кто гулял по берегу лесного ручья даже в жаркий июльский полдень.

Гаррик опустил на колени, чтобы лучше изучить почву под ногами. Никаких следов на ковре из прошлогодних листьев юноша не обнаружил. Судя по всему, этой тропой давно не пользовались. Она была достаточно широка для пешего путника или для всадника, не особо берегущего колени от придорожного кустарника.

Гаррик оглянулся на портал: он по-прежнему висел в воздухе. Хотя сквозь него можно было разглядеть все тот же осенний лес, юноша знал: переступи он порог, и вновь окажется в гробнице бор-Бенлиманов. Так говорила Теноктрис, а ей Гаррик доверял.

Да что там, он доверил ей собственную жизнь.

Юноша зашагал по тропе, борясь с желанием засвистать вслух знакомую мелодию. Наверняка идти было бы легче, но привлекать к себе излишнее внимание ему не хотелось. Над головой

юноши перекликались птицы, где-то в ветвях стрекотали древесные лягушки.

— Помогите! — вдруг слышался женский крик. — *Пожалуйста*, помогите же мне!

Рука Гаррика сама прыгнула на рукоятку меча. Это был пока еще *его* меч в *его* руке, хотя смеющийся Карус уже подступил близко — как туман, заплывающий в окна. Юноша на опыте учился сохранять контроль над ситуацией даже в минуты опасности, когда эмоции древнего короля брали верх в его сознании.

Впрочем, они оба знали, что Гаррик никудышный мечник. И если возникала нужда, Карус брал управление на себя. Уж он-то мог дать отпор, как никто другой.

Передвигаться по лесу было относительно легко. Папоротник и молодые побеги послушно поддавались напору Гаррика — он просто отодвигал их в сторону, как занавески.

Женский голос перешел в вопль. Судя по всему, он переместился куда-то влево, ярдов на двадцать от первоначального места. Однако разглядеть лучше не представлялось возможным: молодые деревья выбрасывали широкие листья как раз на уровне глаз, и они закрывали видимость, как развевающиеся флаги. Уже в дюжине футов ничего не было видно.

Гаррик остановился и замер, превратившись в зрение и слух. Крики прекратились, вместе с ними стихли все звуки, даже древесные лягушки замолчали.

Теперь женщина смеялась где-то совсем в стороне. Ее мелодичный смех удалялся, пока не затих.

Гаррик обернулся, решив вернуться на лесную тропу, и глубоко вздохнул открытым ртом. Бледно-зеленая листва уже не выглядела дружелюбной. Юноша внимательно оглядывался по сторонам, высматривая скрытую угрозу.

Ничего подозрительного он не заметил, пока не достиг того места, где, по его расчетам, полагалось проходить лесной тропе. Вместо нее он обнаружил мощеную булыжником дорогу.

В ветвях деревьев порхали птицы, на дороге тоже что-то голубело — это оказался зяблик, выискивающий зерна меж камней. Гаррик обратил внимание на слегка потемневшее небо, но объяснил сей факт наступающим вечером.

Поводов для беспокойства вроде бы не существовало, если не считать того, что в лесу невесть откуда появилась дорога. Юноша вполне полагался на свою способность ориентироваться, столь же

незыблемую, как солнечный восход и закат. Ошибиться он не мог, и тем не менее вот она перед ним — мощеная дорога. Простоявшая не одно столетие: корни деревьев проросли среди булыжника.

Гаррик снова вытащил из ножен меч. Он подумал было вернуться к portalу и убедиться, что тот все еще на месте. Остановил его страх увидеть нечто совершенно неожиданное.

Что ж, если не назад, значит, вперед, рассудил юноша и двинулся по твердым округлым булыжникам, насвистывая пастушью песенку, которую нередко наигрывал в Барке для своих подопечных. Пройдя еще немного, он спустился в заросшую дерном канаву, тянущуюся вдоль левой обочины. Дорога заворачивала немного назад и продолжалась дальше, в точности повторяя очертания пропавшей тропы. Она шла, отклоняясь то влево, то вправо, в зависимости от того, где вылезали обломки скальной породы. И это тоже было нормально: такие препятствия легче обойти, чем пробить насквозь. Невинный природный ландшафт, лишь минимально подправленный человеческой рукой, вернее, ногой.

Примерно через четверть мили показалась каменная стена, похоже, сложенная еще во времена Старого Королевства. Во всяком случае, каменщики работали в стиле тех мастеров: крупные квадратные камни были уложены слоями без всяких следов скрепляющего раствора. Довольно высокая стена — футов двадцать в высоту, хотя в случае надобности Гаррик легко мог бы перелезть через нее даже с неудобным мечом на поясе.

Впрочем, такой нужды не было: дорога упиралась в высокую стрельчатую арку. Именно арку, а не ворота, как сперва показалось юноше. Вначале он подумал, что деревянные панели и металлические крепления выдраны из столбов с корнем. Но, обследовав проем, не обнаружил никаких следов обработки камня.

По ту сторону арки картина оставалась неизменной: лес и все та же ровная мощеная дорога. При желании ее можно было принять за зеркальное отражение того, что сейчас окружало Гаррика. С одной только разницей: сам Гаррик в пейзаже по ту сторону отсутствовал. Высокий молодой человек стоял перед «зеркалом» и гадал, что же делать дальше.

В конце концов, рассмеявшись, Гаррик шагнул под арку. Откуда-то повеяло прохладой. Над головой и вокруг были гладкие черные камни. Еще один шаг...

Мир, открывшийся перед ним, ничем не напоминал предыдущую картину.

Юноша очутился в пейзажном парке. Отовсюду доносился звук льющейся воды. Десятки мелких ручейков журчали в мшистых канальцах, падали со скал, старательно имитируя природный пейзаж. Это журчание, равно как и жужжание пчел над цветами, было достаточно громким: вы едва ли услышали бы человека уже на расстоянии двух шагов. Несмотря на это, действовали окружающие звуки успокаивающе.

В стенных нишах стояли скульптуры веселых, улыбающихся женщин. И еще: повсюду были цветы. Цветы в огромных количествах: они росли из маленьких стоячих водоемов, по обочинам каналов, карабкались на стены — куда ни кинь взгляд, всюду виднелись их розовые, голубые и лиловые чашечки. Причем как Гаррик ни старался, он не смог опознать ни одного из растений.

Стены, казалось, выросли — верхушки их прятались где-то вверху... Юноша погладил поверхность стены. Он почувствовал прохладу камней, потемневших от времени и твердых, как скала, из которой они когда-то были вырублены.

Самое же неприятное, что арка исчезла. С этой стороны стены вообще не было никакого прохода.

— О Гаррик, мы так долго ждали тебя! — раздалась девичьи голоса — два, может, три...

Юноша резко обернулся. Поблизости никого не было, но белые цветочные гирлянды, свисавшие с подпорки, колебались, будто кто-то задел их, проходя понизу. Гаррик приблизился к цветочной завесе и, протянув руку, осторожно раздвинул ее. Лепестки казались влажными на ощупь. В воздух с возбужденным жужжанием поднялись пчелы, вечер был напоен летними ароматами.

Правая рука юноши легла на эфес меча, но замерла. По ту сторону цветочной занавеси тоже было пусто...

— Мы здесь, Гаррик! — снова послышался голос.

Юноша опять обернулся — теперь-то он *увидел* их. Шесть обнаженных девушек с волосами пастельных цветов появились будто из воздуха. Они окружили Гаррика, смеялись, тянули его за тунику.

— Мы так рады видеть тебя, Гаррик! — извиваясь, как горный ручеек, произнесла девушка с голубыми волосами. Нежными прохладными пальцами она обхватила левое запястье юноши.

Две другие девушки — розовые и зеленые волосы — завладели правой рукой Гаррика.

— Пойдем с нами, Гаррик, — повторяли они на все голоса. — Мы так рады, что ты наконец-то пришел!

— Простите... — начал юноша. Он почувствовал не столько прикосновение, сколько отсутствие веса — его меч пропал. Девушка с соломенными волосами отстегнула пояс, на котором он висел.

Гаррик обернулся, безуспешно дернулся. Хихикающая красotka отскочила в сторону и спрятала оружие за спиной.

Протянув руку, юноша попытался отнять свой меч. Но девушка неожиданно поцеловала его и вырвалась из объятий. Руки ее оказались пустыми, не было меча и на клумбе с великолепными фуксиями, возле которой она стояла.

Все девушки весело рассмеялись.

Гаррику показалось, что краешком глаза он заметил сверкающие рыбьей чешуи и мелькнувший плавник.

— Верните мне мой меч! — попросил он, чувствуя себя полным дураком. Интересно, что он станет делать с мечом, если в самом деле получит его обратно?

Девушка с волосами грязновато-розового цвета взяла его руку.

— Пойдем с нами, — улыбнулась она, — ты получишь гораздо больше, чем свой меч.

— Пойдем с нами, Гаррик! — присоединились и остальные. Их волосы при движениях колыхались, как вода в маленьких озерцах.

Юноша оглянулся на заросшую диким виноградом стену — раньше там находилась арка, сквозь которую он попал в этот сад. Прикосновения девушек были легки, как летний дождь. Что ж, выбора у него не оставалось...

— Отлично, — решил Гаррик. — Я иду с вами.

6

Лиана откинулась на стену и закашлялась, прочищая горло. Она почти охрипла, от надоедливой запаха свечи ее уже мучило. Напротив нее Тенотрис тихим голосом снова завела литанию¹:

— *Фанойбикакс петриаде кратарнаде...*

Голубой контур портала висел в воздухе между ними. Заклинание прозвучало уже трижды. Они читали по очереди, чтобы дать друг другу возможность восстановить голос и смочить слю-

¹ Литания — молитва у католиков, которая поется или читается во время торжественных религиозных процессий.

ной горло. Теперь Теноктрис пошла на четвертый круг, следом настанет очередь Лианы.

— *Арту лайлам семисилам...*

Им следовало позаботиться о еде или, по крайней мере, питье до того, как открылся портал...но, по словам Теноктрис, медлить было нельзя. Гаррик проявил готовность, а Лиана спешила больше всех, чтобы покончить с этим делом и вернуть Гаррика обратно, целого и невредимого.

Ведь если с ним что-нибудь случится, виновата будет Лиана — это она впутала его в беду.

— *Бачуч бакаксичуч менебайчуч...*

На улице стало темнее. Они оставили дверь склепа приоткрытой. Но день снаружи угасал, и единственным источником света в помещении оставалась свечка, горевшая перед гробом матери Лианы. Портал светился сам по себе, но ничего не освещал.

Они с Теноктрис останутся здесь и будут продолжать читать заклинание до тех пор, пока не вернется Гаррик или пока они не упадут без сил. Слова должны литься, не прекращаясь. Если умолкнуть более чем на минуту-другую, портал закроется, и Гаррик окажется в ловушке. В измерении, куда он отправился из-за Лианы и ее отца...

— *Рарачарара анаксарнакса ачара...*

Дверь склепа со скрипом отворилась.

Лиана оглянулась, думая, что это привратник или кто-нибудь из новых владельцев дома. Она чувствовала себя уверенно, находясь на собственной территории. А на тот случай, если пожалуют представители Патрульной Службы, у нее в кушаке припрятана золотая монетка. Обряд *должен* продолжаться!

— *Белиас белиоас...*

У мужчины, стоявшего в дверях, были пустые глаза. Лиана закричала и вскинула бронзовое стило, которое хранила вместе с табличкой для письма. Незванный гость поймал ее за руку.

Время остановилось. Последовательность событий нарушилась, теперь все, что когда-либо происходило, существовало одновременно.

Пришелец перекинул девушку через плечо. Он был крупным мужчиной, не столько одетым, сколько замотанным в полотно. Приблизившись к Теноктрис, он одним ударом послал ее к стенке с гробами. Тот, что был внизу, очевидно самый древний, от толчка рассыпался.

Портал побледнел. Пришелец обошел его, двигаясь с основательностью тягловой лошади на льду. Старая колдунья осталась неподвижно лежать под стенкой.

Медный гроб Маццоны весил по меньшей мере пятьсот фунтов, а может, и тысячу. Мужчина подхватил его одной рукой и развернулся к выходу. Металлические углы гроба задевали деревянные полки и крушили их.

Пришелец вышел в ночь, прихватив с собой Лиану и гроб ее матери. Голубое свечение окружало его зыбкой пеленой. Казалось, он забрал свет у портала, который исчез теперь навсегда.

7

— Кто вы? — продолжал спрашивать Гаррик, следуя за девушками и с любопытством оглядываясь вокруг. Они как раз проходили мимо фонтана, выступающего из стены. Он был вымощен плитами из легкого вулканического туфа, стершегося и потемневшего от времени. На ровной глади воды среди широких листьев плавали цветы лотоса.

— Мы твои друзья, Гаррик! — ответила девушка с сиреневыми волосами.

— Мы живем здесь! — добавила одна из ее подруг, юноша не заметил, какая именно — возможно, Розовая. Так уж получалось, что все шесть крайне редко оказывались в поле зрения. При этом юноша никак не мог уловить момент, когда они исчезали и снова появлялись.

В бассейне рядом с ним отражалась стайка ярких рыбок.

— Может, вы морские нимфы? — спросил он.

Девушки снова захихикали.

— Пойдем, Гаррик, нам надо немного дальше! — поторопила его Зеленая, от нетерпения пританцовывая на месте.

Они оставили позади сад со множеством ручейков и вступили в каменистую оливковую рощу. Переход вновь состоялся незаметно для Гаррика. Он не смог бы сказать, когда произошла смена пейзажа. Теперь его окружали многовековые деревья, их узловатые стволы могли поспорить толщиной с его собственным торсом. Черные маслянистые оливки усеивали ветви. Должно быть, корни деревьев уходили глубоко под землю, отыскивая влагу в этой каменистой почве.

Юноша почувствовал голод. Проходя под деревом, он хотел было сорвать несколько плодов, но затем решил, что все же не *настолько* голоден.

— И куда мы направляемся? — поинтересовался Гаррик. Он не верил всерьез, что нимфы имеют намерение навредить ему. Но, с другой стороны, друзьями его они тоже не являлись. Скорее всего, им было наплевать на его вопросы, проблемы и желания.

— А мы уже на месте! — пропела Синяя.

Процессия — Синяя и за ней Гаррик, ведомый за руки двумя игривыми нимфами, — проследовала через дверной проем, обрамленный колоннами. Покрытые штукатуркой колонны имели странную, расширявшуюся кверху форму и были расписаны яркими кричащими красками с преобладанием красного и синего. При этом большая часть стен имела кремовую расцветку.

— Но *где* мы? — удивился Гаррик. Пока он чувствовал себя скорее разочарованным, чем напуганным. Хотя где-то в глубине души нарастал и страх.

Нимфы вприпрыжку поскакали по коридору, таща за собой юношу. С одной стороны коридора шли колонны, с другой — тянулась стена с фресками, на которых мужчины героической внешности сражались со змееногими чудовищами. Фоном для боя служил довольно мрачный пейзаж: темные окрестности оживлялись одиночными молниями из облаков да извергающимися вулканами. Веселенькое место...

— А ты не знаешь? — спросила Розовая. По ее тону трудно было определить, издевается она или действительно надеется, что Гаррик вспомнит местность. — Это же дворец, глупенький! Дворец Малкара!

Юноша остановился как вкопанный. Колоннада вела во внутренний дворик замка. Над ним расстилалось небо — открытое, но темное, ибо сгустилась ночь, усугубленная грозowymi облаками. Непонятно даже было, откуда берется сероватый свет в коридоре.

— Зачем вы ведете меня к Малкару? — тихо спросил Гаррик. Он понимал: развернись он сейчас и побеги обратно, все равно не попадет туда, откуда пришел. Только стыда не оберешься... И так уже его гордость была уязвлена положением игрушки в руках шестерки хихикающих девиц.

— О нет, мы вовсе не ведем тебя к Малкару! — испуганно отшатнулась девушка с шафрановыми волосами. Мгновение — и все нимфы куда-то подевались, хотя вот только что — перед

тем, как он моргнул, — окружали юношу. — Что ты, Гаррик! Мы бы такого не сделали!

— Мы ведем тебя к мечу, — сказала Зеленая. — Ты же хотел меч, Гаррик?

— У нас нет никаких дел с Малкаром, — заверила Розовая. — Это было бы ужасно!

— Ну пойдем же за мечом, — потянула его за рукав Синяя.

А девица с сиреневыми волосами укоризненно добавила:

— Ты так напугал нас своей глупостью, Гаррик!

Они чуть ли не бегом двигались по коридору. Юноша почти поверил в их искренность. Похоже, они действительно огорчились бы, случись с ним что-то. Возможно, даже всплакнули бы, как маленькая девочка оплакивает смерть своего котенка. День или два... Он гадал, а существует ли время в этом месте, куда его завлекли?

Теперь он понял, что ошибался насчет фресок: на самом деле они изображали избиение мужчин ужасными монстрами, а вовсе не наоборот. Змееногие чудовища торжествовали над руинами человеческих городов, радостно потрясая оружием и факелами. Гаррик постарался больше не смотреть в эту сторону.

Следуя за нимфами, он пришел в зал с высоким потолком и кучей каких-то геометрических конструкций вдоль стен. С крючьев свисали необычные щиты — в форме восьмиугольников и покрытые шкурами пегих быков шерстью наружу. Над каждым из щитов крепилось копье с бронзовым наконечником.

— Это оружейная, — чуть громче обычного сказала Розовая.

А Синяя указала на деревянную дверь в другом конце комнаты. Это была первая запертая дверь, которую Гаррик увидел во дворце.

— Тронный зал, — пояснила нимфа. — Но мы туда не пойдем.

— О нет! — хором поддержали ее подруги.

— А вот и он, Гаррик, — произнесла Зеленая, кивнув в сторону меча, свисавшего с крючка на правом дверном косяке. — Как мы и обещали.

— Ты разве не узнаешь его? — спросила Розовая, отклонившись назад и расчесывая обеими руками свою роскошную гриву. — Это меч короля Каруса.

Меч короля Каруса!

— Ну, бери же его, дурачок! — подтолкнула юношу красотка с шафрановыми волосами.

Гаррик шагнул вперед, снял меч вместе с поясом. Взявшись за рукоятку, вытащил на несколько дюймов меч из ножен. И тут же на его сознание обрушился водопад образов — из жизни Каруса, не его собственной. Ощущение было ошеломляющим: будто из затемненной комнаты вышел на яркий солнечный свет. Все, что до того происходило с Гарриком ор-Райзом, меркло и бледнело по сравнению с его нынешними переживаниями.

— Прикоснись к металлу, Гаррик, — тихо подсказала Сиреневая. — Человека нельзя заколдовать, когда он трогает этот металл.

Прямое лезвие было длиннее, чем на его прежнем мече, но благодаря хорошему балансу оружие казалось легким и удобным. Эфес с крестовидной гардой выкованы из одной стали с лезвием. Как ни старался юноша, он не мог разглядеть линии соединения отдельных деталей.

На одной из поперечин было сделано кольцо для указательного пальца, так чтобы хозяин меча всегда сохранял контакт с ним. Гаррик просунул палец в кольцо — оно подошло идеально.

В воздухе проплывали рыбки с плавниками пастельных тонов. Юноша выдернул палец из кольца.

— А теперь пойдем отсюда, Гаррик, — позвала Зеленая, — мы не хотим оставаться здесь надолго.

Они вышли через ту же дверь. Нимфы облепили его, как пузырьки воздуха — весло. Снаружи они очутились на мощеном дворе с фонтаном. Он изображал бронзовую девочку с двумя гусями — вода из их открытых клювов изливалась в небольшую чашу.

Сам двор полностью поменял свой внешний вид. Теперь он имел форму шестиугольника с двадцатью арками на каждой из сторон по меньшей мере.

Пояс, обернутый вокруг ножен, был кожаный и достаточно широкий, чтоб застегиваться на два крючка. Гаррик прикинул, надо ли его сейчас надеть.

— Уважаемые! — неловко обратился он к нимфам. — Благодарю вас за меч, но сейчас мне надо идти. Э-э... там, откуда я пришел, меня ждут. Не могли бы вы показать мне дорогу?

Красотки весело рассмеялись. Синяя взяла его руки в свои, как полчаса назад, когда он только что появился.

— Какой ты глупенький! — сказала она. — Нет, Гаррик, мы дали тебе то, что ты хотел. Теперь твоя очередь дать нам то, что хотим мы!

— А мы хотим тебя! — хором пропели все нимфы.

8

Наклонившись через борт «Золотого Дракона», Кашел смотрел в фосфоресцирующие ключья пены, которые проплывали мимо. Неподалеку от мачты один из матросов наигрывал на лютне, чья шейка изгибалась под прямым углом. Несколько его товарищей слушали, и их обнаженные спины покачивались в такт мелодии.

— Я люблю ваши звезды, — говорила Мелли. Она лежала на поручне, подложив руки под голову, и смотрела вверх. — Они так похожи на вас самих — всегда появляются и исчезают одним и тем же путем.

Она подняла правую ногу и вытянула носочек, будто указывая на прибывающую луну.

— Знаешь, вы ведь всегда заняты одним и тем же, — усмехнулась фея. — Строите города, а затем разрушаете их. Кого-нибудь убиваете... Как думаешь, это из-за того, что вы используете железо?

Кашел поглядывал на подружку и старался не хмуриться. Он не понимал: шутит она или нет? Он вообще не был уверен, что фея шутила в привычном, человеческом смысле.

Дул легкий бриз. Видимость стояла отличная, но грот¹ был приспущен, поскольку капитан считал, что Эрдин прячется где-то за горизонтом. Плавание адали от земли строилось скорее по законам свободного искусства, чем науки. Плюс-минус сотня миль, особенно в такой ситуации, как у них: когда команда впервые шла заданным курсом. При поднятых же в темноте парусах и куда меньшая ошибка грозила выбросить их на берег Сандракана.

— Железо полезно во многих отношениях, — возразил Кашел, снова обращая взгляд на воду. — Мне нравится прикосновение дерева, но для обода телеги или, скажем, лемеха плуга нет ничего лучше железа.

На корме судна, где покачивался ялик, один из горцев насвистывал на бамбуковой дудочке. Мелодия отличалась от той, что играл лютнист — или вообще какой-либо мелодии. Но тем не менее вместе они создавали странный ансамбль, как нельзя лучше подходящий к настоящему моменту.

¹ Грот (*мор.*) — самый нижний парус на второй мачте от носа (грот-мачте).

Вид разбегающихся волн действовал на Кашела успокаивающе. Казалось, вода и вовсе исчезла, а корабль парит в воздухе. Под ним проплывала рыба, отсвечивающая розовым. Она была длиной тридцать футов с простым хвостовым плавником, не похожим на те развевающиеся рыбы хвосты, к которым привык Кашел.

— Что это? — удивился парень.

— М-м? — Мелли перекатилась на живот и свесилась вниз, чтобы посмотреть за борт.

Рыба исчезла в несуществующем море. Внизу, на склоне холма, люди танцевали вокруг алтаря. Они вышагивали, менялись местами, исполняя сложные па. Фигурки выглядели совсем крошечными, но Кашел отлично различал все детали. Лица людей казались измученными, будто танец доставлял им больше страданий, чем радости.

— Они боятся за свой урожай, — беззаботно пояснила Мелли. Она запрокинула лицо, и юноша впервые с удивлением увидел на нем морщинку. — От них лучше держаться подальше, Кашел. Они только притворяются друзьями.

Юноша, не отрываясь, смотрел вниз. Неужели он видел, что творится на дне? Впередсмотрящий на вершине мачты, казалось, ничего не замечал.

— Но *кто* они такие? — спросил Кашел. Холм с алтарем и танцующими проплыл под килем, а юноша все не мог понять, что же это было.

— О, смотри! — воскликнула Мелли, тыча пальцем. В возбуждении она засучила ногами. — Это же твой друг Гаррик! О нет, нимфы поймали его!

Она бросила взгляд на Кашела и хихикнула.

— Ему следовало быть осмотрительнее. Он, конечно, неплох, но далеко не так силен, как ты.

— Гаррик? — взревел Кашел, свесившись всем корпусом с перил. — А что он там...

Это действительно был Гаррик. Он выглядел точно так же, как при их прощании в Каркозе. Кашел разглядел своего друга, стоящего посередине обширного двора. Его окружала ватага смеющихся девиц, а Гаррик переводил взгляд с одной на другую. На лице у него застыло мученическое выражение.

— Что он делает на дне моря? — закончил свой вопрос Кашел.

— Попался нимфам, — терпеливо повторила Мелли. — Интересно, зачем он пошел к ним, не знаешь? Они же теперь никогда его не отпустят!

Вырезанный из тикового дерева квадратный нос «Золотого Дракона» медленно скользил поверх подводного пейзажа. Кашел высовывался все дальше, чтоб не упустить друга из вида.

— Неужели мы не можем помочь ему? — с отчаянием спросил он.

— Почему же нет? Конечно, можешь, — пожала плечами Мелли. Она вскочила Кашелу на руку и теперь приплясывала, как крошечная обезьянка. — Надо прыгнуть через борт.

И для верности указала пальчиком.

Дальше Кашел действовал с той же решимостью, как если бы на берег выполз морской демон, угрожающий его отаре. Он оттолкнулся правой ногой от поручней и в красивой прыжке полетел вниз. Прикосновения воды он не почувствовал: просто «Золотой Дракон» взмыл в небо и исчез.

9

— О! — с удивлением произнесла Синяя. Все нимфы устались на что-то за спиной Гаррика. Юноша оглянулся и увидел, как его друг Кашел шагнул на замковый двор через одну из дверей. У него на плече сидела крошечная девушка, прекрасно сложенная и, вообще, вполне нормальная, если не обращать внимания на ее росточек, а также копну волос удивительно-красного цвета.

— Кашел! — воскликнул юноша. — А ты что тут делаешь? И кто это у тебя на плече?

Нимфы придвинулись поближе к Гаррику. Синяя встала между ним и вновь прибывшими. Несмотря на очевидную тревогу, она и ее сестры выглядели решительно.

Кашел бросил взгляд на плечо.

— О, это Мелли, — пояснил он. — Вот уж не ожидал, что ты ее увидишь. Наверное, я сплю.

— Тебе придется отпустить его, Сиана, — обратилась Мелли к Синей нимфе.

— Гаррик наш! — с жаром возразила та. — У тебя есть свой собственный человек, Мелли! Зачем ты сюда явилась?

Кашел, похоже, игнорировал эту перепалку.

— Мелли сказала, мы можем помочь тебе выбраться отсюда, — продолжал он. — Хотя, если это сон... Не знаю. С тобой все в порядке?

— Как сказать, — вздохнул Гаррик. — Все так запутано.

Он засмеялся и добавил:

— Впрочем, все запуталось еще раньше. Наверное, я тоже сплю... Но ужасно хочу проснуться.

Снова видеть Кашела было просто здорово. Он излучал такое чувство уверенности, с которым ничто не могло сравниться. Ни в этом мире, ни в том, настоящем. Было на сто процентов понятно: Кашел не сделает ничего плохого! Правда, на свете существовала также масса хороших вещей, о которых Кашел не давал себе труда побеспокоиться, но это дела не меняло.

— Кашел хочет, чтоб вы отпустили его друга, — заявила крошечная девушка со своего места на его плече. — А он даже сильнее, чем вы думаете. Тебе придется сделать, что он велит, Сиана. А не то...

И она повела руками в странно-угрожающем жесте — так ветер вздымает горбом волны, набегающие на берег.

— Мне снилось, будто я нырнул с борта корабля, — рассказывал Кашел. Он нахмурился, стараясь все припомнить. — Но воды там не оказалось. Я просто прошел через какую-то дверь.

— А я двигался по тропинке, но потом сошел с нее и потерялся, — сообщил Гаррик. — Зато приобрел вот это...

Он бросил взгляд на меч и снова подумал, не стоит ли надеть его.

— ... но я не искал его. По крайней мере, мне так не казалось.

Он тоже нахмурился.

— Это нечестно! — хором возмущались нимфы. Зеленая, казалось, сейчас заплачет от разочарования

— Или вы укажете путь другу Кашела, — невозмутимо сказала Мелли, — или Кашел сам проложит его. Вы знаете: он это сделает.

— Я повстречал Мелли еще по пути в Каркозу, — уклончиво сообщил Кашел. — А ничего не рассказывал, потому что думал: вы ее все равно не увидите. Наверное, ты ее видишь только во сне?

Гаррик пожал плечами. Он все же решился надеть пояс с мечом. На нем было пять наборов крючков, ему подошел тот, что застегивался потуже, чем на прежнем владельце.

— Нечестно! — продолжала хныкать Зеленая. Тем не менее взяла Гаррика за руку и легонько потянула. Тот медлил, оглядываясь на друга.

— Ступай с Празиной, — велела фея. Голос ее звучал вполне полновесно, будто девушка была нормального размера. — И впредь

будь благоразумнее, смотри, во что впутываешься. В следующий раз мой Кашел может и не оказаться под рукой!

Она наклонилась, подбоченившись, и показала язык Гаррику. — Мелли! — в смущении воскликнул Кашел.

Фея взорвалась смехом, одной рукой она махала Гаррику, другой — теребила ушную мочку своего друга.

Празина потянула настойчивее. Ее сестры успели куда-то согнуться, пока Гаррик не смотрел в их сторону. Отбросив колебания, он пошел вслед за Зеленой нимфой к одной из арок.

— Прощай, Кашел! — крикнул он через плечо. — Приятно было снова встретиться, даже так...

Эх, да как угодно...

Празина остановилась у арочного проема.

— Эта дорога приведет тебя обратно, Гаррик, — вздохнула она. — Путь, которым ты пришел сюда, закрыт... Но в любом случае так будет короче.

Юноша смущенно улыбнулся нимфе. Кашел и его крошечная подружка уже исчезли. Гаррик боялся сказать хоть что-то: а вдруг это снова сделает его несвободным? Поэтому он просто нырнул в коридор, начинавшийся за аркой.

— Прощай, Гаррик! — донесся сзади голос нимфы. — Не сходи больше с тропы!

Он отправился в путь по коридору со стенами из желтой суковатой сосны. С каждым шагом становилось все темнее, приходилось идти ощупью. Но вскоре юноша обнаружил, что многочисленные наросты гриба на дереве излучали слабый фосфоресцирующий свет, который худо-бедно позволял ориентироваться в пространстве.

Гаррик шел по возможности быстро, на ходу придерживая ножны левой рукой. Это получилось у него само собой, инстинктивно — наверное, сказала привычка, приобретенная Карусом за тысячу лет до того.

Через сотню ярдов дорогу ему пересек еще один коридор: справа, кажется, горели огни, слышалась веселая музыка.

Однако Гаррика на этот раз ничто не могло сбить с намеченного пути. Даже если б он увидел, как за углом убивают его собственную сестру, то и тогда он посчитал бы это иллюзией и продолжил идти в указанном направлении.

Идти и молиться Пастырю, чтоб он не ошибся...

Дойдя до места, где часть свода обвалилась, юноша перебрался через обломки. Среди них он заметил бронзовый шлем и

золотой эфес меча, но само лезвие и кости того несчастного, что носил когда-то меч, исчезли, затерялись в веках.

Светящийся налет грибка теперь скользким ковром покрывал каменные стены. В одном месте Гаррику пришлось перепрыгнуть через трещину в несколько футов, оттуда поднимались горячие серные испарения. Вскоре коридор превратился в туннель, высеченный в скале. На каком-то участке пути поперек него проходила металлическая труба, вибрирующая и холодная на ощупь.

Наконец, впереди показался свет. Облизав пересохшие губы, юноша сдержался, чтоб не сорваться на стремительный бег, и продолжал идти все тем же размеренным шагом. Что-то с пронзительным писком хрустнуло у него под босыми ногами. Казалось, это что-то представляло собой костяной скелет, не одетый мышцами и шкурой.

Туннель привел в большую круглую комнату — должно быть, несколько сот футов в поперечнике. Резкий белый свет лился с потолка, чью высоту Гаррик затруднился определить. Странное дело, само это белое сияние ощущалось как давление.

Юноша остановился и выпустил ножны из рук. Он не мог вспомнить, сколько уже он сжимал меч в ладони. Но, похоже, давно — рука совсем затекла.

Какая-то конструкция непонятного назначения была прикреплена к полу. Большая ее часть превратилась в кучу ржавой руды, из которой там и сям торчали непонятные трубки с кристаллической субстанцией. Некоторые из них сломались.

Гаррик огляделся: примерно в четверти пути по периметру располагался выход. Юноша с облегчением перевел дыхание. До того момента, как он увидел это прямоугольное отверстие в стене, он боялся, что выхода из его ночного кошмара вообще не существует. Приободрившись, он почти весело зашагал к проему.

За ним коридор расширился, но вскоре оказался почти заблокирован скелетом великана. Бедняга, видать, полз из последних сил, прежде чем свалился. Правая рука его была вытянута, пальцы тянулись в сторону круглого зала, из которого вышел Гаррик.

Юноша с трудом протиснулся мимо черепа, составлявшего почти четыре фута в поперечнике. Глазница у великана была лишь одна — где-то в районе переносицы. Трудно сказать, являлось ли это проявлением уродства, или великанам такими и полагалось быть. Кости монстра казались ощутимо тяжелее, чем считалось бы нормальным для человека.

Грудная клетка сохраняла свою целостность. Ее облюбовали себе пауки размером в гаррикову ладонь, они сидели на своей паутине с характерным Z-образным рисунком. Появление юноши вызвало переполох в стане членистоногих. Они закопошились, пытаясь найти себе укрытие среди острых осколков костей позвоночника.

Их мохнатые тела были грязно-желтого оттенка. Свет, падавший из-за спины Гаррика, отражался в четырех парах глаз пауков. Вздыхнув поглубже, юноша пошел напролом, разрывая в клочья паутину и внушая себе, что это просто тонкая ткань. Что он вовсе не боится мерзких жирных тварей, градом посыпавшихся ему на шею.

Таков был путь из ночного кошмара. Гаррик возвращался к своим друзьям, шел домой, и никакие страхи не могли ему помешать.

Дальше дорога делала петлю. В полной темноте юноша нащупал у себя под ногами тазовые кости какого-то животного, размером превышавшего слона. Пришлось форсировать и это препятствие. Он спускался с кучи костей, придерживаясь правой рукой за длинный бедренный сустав, когда опора под ногами исчезла. Дальше пола не было.

Гаррик закричал. Он судорожно сжал в руке мосол динозавра, но пальцы предательски соскользнули с отполированной поверхности, и юноша полетел вниз. Инстинктивно он поджал в полете ноги, это помогло ему спружинить и удачно приземлиться десятью футами ниже.

Он стоял в центре круга, нарисованного на полу склепа Бенлоу. На пустой полке валялась опрокинутая свеча, продолжавшая гореть в луже растекшегося воска. В открытую настежь дверь смотрела ночь.

Теноктрис лежала на полу без сознания. Лианы же нигде не было видно.

10

Когда Кашел очнулся, уже рассвело, и серианские матросы, как всегда, возбужденно болтая, возились с парусами. Подняв голову, юноша увидел, что «Золотой Дракон» входил из залива в широкое русло реки. Вода за бортом была коричневая. По обе стороны реки до самого горизонта расстилались болота.

Кашел вскочил на ноги.

— Мелли! — позвал он, испугавшись, что его подружка была всего лишь частью сна.

Фея свесилась на прядке волос Кашела, нарочно прокачнувшись перед его глазами. Причем проказница сначала сделала воздушное сальто и лишь потом приземлилась на плече своего друга.

— Хорошо поспал, Кашел? — спросила она, глядя снизу.

Юноша глубоко вздохнул. Туника на спине была мокрая, да и на плечах оставалась слегка влажная. А ведь он определенно не плавал во сне.

— Не знаю, как это я проспал все на свете, — сказал Кашел, глядя на суетившихся вокруг матросов. Им небось пришлось переступить через него, когда они на рассвете растягивали парус, да и сейчас убирать парус, как требовала того речная навигация, было нелегко. Только теперь двое ухмыляющихся моряков принялись вращать кабестан¹ — раньше им это мешал сделать спящий Кашел.

— Им следовало разбудить меня, — посетовал парень. Видно, серианцы были слишком вежливы (или слишком осмотрительны), чтобы дать пинка соне, как он того заслуживал. Кашел чувствовал себя пристыженным.

Джен и Фраза стояли на левом крыле шканцев. Увидев, что юноша проснулся, они вежливо поклонились ему. Покраснев он, в свою очередь, вежливо откланялся.

Ничего, скоро настанет время тянуть трал. Вот тогда Кашел окажется полезен.

— Раньше мне не приходилось видеть Эрдин, — сказала Мелли. — Хотя, полагаю, это всего-навсего город. Я не была на Сандраккане уже тысячу лет. Помню: здесь часто идет дождь и водятся пятнистые кошки, которые быстротой могут поспорить с лисицей.

Она хихикнула и уселась, глядя на Кашела.

— Хотя, конечно, может, вы их всех переловили, чтоб пустить их шкуры себе на одежду. Вы, люди, всегда делаете нечто подобное.

— Мелли, этой ночью я видел сон, — медленно произнес юноша.

— Нет-нет, Кашел, — смеясь, возразила фея. — Это был не сон. Разве ты не помнишь? Ты был слишком занят — спасал своего друга Гаррика. Тебе некогда было смотреть сны.

¹ Кабестан (*мор.*) — лебедка с вертикальным валом, применяемая на речных судах.

11

Прокуратор сочла необходимым нанять портшез, чтоб добраться до особняка бор-Дахлиманов. Теперь она покачивалась в кресле на подставке, которое четверо носильщиков взгромоздили себе на плечи. Они направлялись в самое сердце Эрдина. Городские правила запрещали в дневные часы использование колесного транспорта на улицах города. До заката оставалось еще три часа, а Азера не желала ждать. Посему она вышла на крыльцо гостиницы, располагавшейся на северной окраине города, и махнула носильщикам.

Стиснув руки, Шарина смотрела ей вслед и прислушивалась к себе: стало ли ей легче оттого, что они наконец добрались до Эрдина. Бор-Дахлиман был городским аристократом, приверженцем короля. А, вернее сказать, противником графа Сандракканского. Все, что связывало Азеру с ее связником, — это вражда к графу, но на данный момент и того хватало.

Прокуратор сумела обеспечить своих спутником жильем, одеждой и пропитанием на время ожидания корабля до Валлеса. Теперь оставалось ждать. Политическое противостояние Сандраккана и Орнифала не отменяло торговые отношения между островами, туда-сюда ходили рейсовые суда. Помимо них подвизались и торговцы из других мест, осуществлявшие перевозки во Внутреннем Море.

Прожив свою жизнь на Хафте, Шарина была не в курсе системы правления на Сандраккане. Все, что она знала об этом острове, сводилось к выдержкам из эпических поэтов: дикое место, чьи скалистые берега служили прибежищем для варваров, воевавших с героями.

Девушка обернулась к Ноннусу.

— Я все думаю об этих старых поэмах, — призналась она. — Скалистые берега Сандраккана мы уже лицезрели. Интересно, удастся ли нам увидеть варваров, о которых толкуется в стихах?

Отшельник подарил ей улыбку, которой трудно было подобрать определение — может, «слабая»? Или «мрачная»?

— Пусть цивилизованные островитяне толкуют о дикости варварского Сандраккана, — отмахнулся он. — Им следовало бы побывать на Пьюле, если они желают увидеть истинную дикость.

Это была придорожная гостиница, принадлежавшая правительству, как все остальные, где они останавливались в течение

своего четырехдневного путешествия на юг. В любом случае, выбирать не приходилось: на карете Колина наличествовал герб графа Сандракканского, и останавливаться в каких-либо других гостиницах — означало для них возбуждать подозрительные слухи, которые и так вызвала их разношерстная компания.

Их карета вместе с двумя другими стояла на гостиничном дворе. Одна из них служила для частных перевозок богатого землевладельца. В настоящее время форейтор — молодой оболтус, смахивающий на малиновку в своей красно-коричневой тунике чистил лакированные дверцы кареты, в то время как кучер (оба они входили в верхний эшелон слуг) распивал в общем зале гостиницы.

Обычно форейтор ехал на запятках кареты, принимая на себя сильные толчки и большую часть дорожной пыли. Его предназначение было — добавлять величия хозяйскому выезду, подобно глумажу на головах лошадей. Помимо этого в его обязанности входило открывать дверцы перед пассажирами и чистить карету на постое.

Такая работа, конечно, не повод смотреть свысока на мужчину. Но сам-то форейтор мнил о себе куда как много. Пожалуй, он был о себе более высокого мнения, чем Шарина — о Валлесском короле. Встретив этого парня у колодца, девушка пожалела, что не помыла карету пораньше.

Ноннус все понял.

— Почему бы тебе не пойти в гостиницу, дитя мое? — предложил он. — А я вознесу благодарность Госпоже и вскоре присоединюсь к тебе.

Шарина колебалась. Ей хотелось пойти вместе с отшельником, но она знала, что тот предпочитает молиться в одиночестве. Он предложил девушке пойти внутрь, чтоб молодой человек не докучал ей своими разговорами. Обслуга конюшни — двое кучеров и мальчик были вылеплены из того же теста, что и форейтор. Общение с ними составляло сомнительное удовольствие для одинокой девушки.

С другой стороны, Медер пошел в гостиницу вместе с Азерой и остался там после отъезда прокуратора. Шарина тяготилась его компанией, к тому же ей хотелось побыть на свежем воздухе после дневного путешествия в карете. И хотя благодаря кожаным подвескам горизонтальная тряска превратилась скорее в качку, но все же камней и рытвин на их пути встретилось немало.

— Я погуляю возле кухни, — решила она, кивнув в сторону построек на задах основного здания.

Как раз в этот момент кухонная дверь отворилась, и оттуда вышла девушка. Она несла одно деревянное блюдо в руках, а другое на голове. Под тонкой кисеей от мух виднелся подготовленный для выпечки хлеб. Девушка несла его в печку, стоявшую во дворе.

Ноннус с сомнением кивнул. Вроде бы народу между кухней и печкой сновало немало, с другой стороны, конюхи оказывались достаточно далеко, чтоб надоедать Шарине.

— Я буду недалеко, — сказал отшельник. — И недолго.

Чтоб решить вопрос, Шарина похлопала его по руке и быстрыми шагами направилась в сторону кухни, прежде чем Ноннус передумает.

Отшельник помедлил еще несколько мгновений и направился к калитке, которая вела в аллею. Мальчик-конюший оставил ее открытой, после того как выкатил в аллею тележку с навозом. Обычно в гостиницах подобные отходы собирались и складировались для продажи соседским фермерам.

Медер появился в боковых дверях как раз вовремя, чтоб заметить, как Шарина направилась к кухне. Волшебник тут же решил к ней присоединиться.

Всю дорогу из Гоналии он правил лошадьми, это удавалось ему как ничто другое. Умение управлять четверкой лошадей было для юноши-аристократа чем-то само собой разумеющимся. Так же как неприемлемым считалось искусство печения хлеба или разделки убитого тюленя. В то же время Шарина могла по пальцам пересчитать количество раз, когда в Барке объявлялась четверка лошадей. На Пьюле лошади и вовсе не водились. Если б не таланты Медера, ему и Азере пришлось бы ехать верхом, а Шарине с Ноннусом — идти пешком. Трудно себе представить, чтоб два простолюдина проехали по оживленной улице на ездовых лошадях и не сломали при этом ключицу или еще что похуже.

Невзирая на все это, у Шарины не прибавилось любви к колдуну или желания с ним общаться. Медер сильно изменился в темницах Гоналии и, по мнению девушки, не к лучшему. Сейчас она встретила его холодным взглядом и решительно отвернулась.

Но это не остановило Медера.

— Госпожа Шарина, — произнес он с фальшивой улыбкой, — вы должны радоваться, что в скором времени мы снова будем в цивилизованном месте. Бор-Дахлиманы очень древнее семейство. Уверен, их особняк окажется достаточно удобным.

Девушка неприязненно посмотрела на него. Наверное, по мнению волшебника, им не встречалось ни одного «цивилизованного» места с тех пор, как они покинули Валлес. На взгляд же Шарины, гостиницы, в которых они останавливались по дороге из Гоналии, были вполне ничего, хотя ни в одной из них она не увидела той чистоты, которую блюли у них дома.

При всей терпимости девушки имелась все же одна вещь, которая действительно не устраивала ее в сандракканских гостиницах: несмотря на все сходство, это не ее родной дом. Шарина все больше скучала по родной деревне. Невозможность снова увидеть Барку заставляла ее жалеть, что море не проглотило ее в ту достопамятную ночь, когда гигантская черепаха отправилась на дно.

Медер растерянно смотрел на девушку, он не понимал ее молчания. Лицо его выглядело так, будто было составлено из не очень хорошо подобранной мозаики. Любое движение подчеркивало это несоответствие.

— И нам по-прежнему предстоит путешествие в Валлес, — продолжал он, отчаянно пытаясь предстать нормальным человеком в глазах Шарины. — Хотя, думаю, торговое судно окажется намного удобнее военных кораблей, на которых настаивала Азера.

Если никто не нападет на нас в море, подумала девушка и сама себе напомнила: материальные враги — не самая худшая угроза, с которой они встретились за время путешествия. Она не сердилась на Медера, просто он был ей неприятен — ее тошнило всякий раз, как она вспоминала колдуна в луже крови.

— Мастер Медер... — начала она.

Ей хотелось напрямик сообщить волшебнику, что она не жадет его общества — ни сейчас, ни вообще когда-либо.

Но в этот момент девушка увидела, как из конюшни со злорадным выражением лица выходит мальчик-конюший. *Неужели он подглядывал за Ноннусом через щелку в калитке?*

Двое конюхов шли по пятам за мальчиком, один из них нес вилы для навоза. Направлялись они к калитке.

Бросив Медера, Шарина поспешила туда же. Слишком далеко... девушка понимала, что не обгонит их даже если побежит опометью.

Дротик Ноннуса остался в карете. В Эрдине было не принято, чтоб горожане разгуливали по улицам с копьями. Правда, у него еще оставался пьюльский нож...

Но он снимает нож во время молитвы!

— Ноннус! — закричала девушка. Ей оставалось еще десять футов до калитки, когда конюхи уже входили туда. Все они были здоровяками. Один из них — черноволосый, с бородой, заметно прихрамывал. Второй, тот, что с вилами, высокий, бандитской наружности, кажется, страдал каким-то заболеванием: суставы у него были непомерно увеличены.

Конюший оглянулся на Шарину и отпрянул с испуганным видом, увидев, как из-под плаща у нее появился кинжал. У мальчишки не хватало передних зубов, на шее под грязными волосами расплзались противные пятна экземы.

Форейтор подкрался сзади к девушке и схватил ее за локти. Она попробовала лягнуть его, но к сожалению, голой пяткой не могла нанести серьезного вреда его лодыжкам. А выше не дотягивалась... Мерзавец подтащил Шарину к каменной стене и колотил об нее, пока она не выронила кинжал.

Тогда он затащил девушку в аллею. Конюший вошел вслед за ними и прикрыл калитку. Он поднял кинжал и, гнусно улыбаясь, размахивал им перед носом хозяйки.

Пьюльский нож в ножнах свисал со столба. Ноннус стоял в противоположном конце аллеи перед деревянным столбом изгороди. На лице его играла слабая улыбка, пока он не увидел Шарину в руках форейтора. Тогда улыбка исчезла, и выражение лица стало совершенно пустым.

Теперь Шарина понимала, как глупо ошиблась: Ноннусу ничего не угрожало. Аллея хорошо просматривалась, а большой стог сена и куча лошадиного навоза открывали весьма удобный путь к бегству. К тому же невысокая изгородь не являлась преградой для такого ловкого и тренированного человека, как отшельник. Не влезь Шарина в это дело, единственная потеря, которая грозила бы ее другу, — это его пьюльский нож.

Ноннус не придавал значения собственности, даже ножу, который он, наверняка, носил при себе с тех пор, как стал мужчиной. Все, что его действительно волновало — это Госпожа и девчонка, которая умудрилась неприятную ситуацию превратить в катастрофу.

Отшельник стоял на коленях перед образом Госпожи, который он нацарапал на изгороди. Высокий конюх угрожающе поднес вилы к лицу Ноннуса. Тот отклонился, не выказывая особого страха.

— Считаешь, поклонение Госпоже дает тебе право быть врагом графа, а? — сказал мужчина с вилами. — А мы тут законопослушные люди.

— Думаешь, мы не слышали, что твоя госпожа говорит? — вступил другой конюх. Он потянулся за пьюльским ножом, достал его, а ножны и ремень бросил в кучу навоза. — Она с Орнифала. Только богачи могут говорить, что это не имеет значения. А я потерял отца на Каменной Стене!

Мальчишка-конюший свободной рукой подобрал горсть навоза и измарал нарисованный на изгороди образ. При этом он издевательски присвистнул через дырку в зубах.

— Я не враг вашему графу, — сказал Ноннус. — И не хотел никого обидеть. Друзья, я с удовольствием помолюсь вместе с вами Пастырю.

Фореитор расхохотался:

— Эй вы, кто-нибудь! Подержите эту молодую кобылку для меня! А подрасться можете и через несколько секунд.

Шарина изо всех сил лягнула его в колено. Фореитор зарычал и выругался. Это отвлекло внимание его поделщиков, и они оглянулись.

Ноннус схватил вилы прямо за зубцы и ударил рукояткой конюху в диафрагму. Тот упал, схватившись за грудь, incapable ни крикнуть, ни вздохнуть.

Тогда отшельник, развернув вилы, метнул их в лицо конюшему. Один из зубцов угодил ему прямо в глазницу. Мальчик без звука рухнул на землю.

Оставшийся конюх отпрыгнул назад, но наткнулся при этом на стену, которой был обнесен двор гостиницы. В ужасе он загородился руками, напроочь забыв, что в одной из них все еще держит пьюльский нож.

— Передай привет своему отцу! — бросил отшельник и воткнул вилы ему в горло. Один из крайних зубцов пронзил горло насквозь и застрял в дереве. Средний, очевидно, пробил трахею и главный кровеносный сосуд, потому что мужчина издал каркающий звук и упал на колени. Ноннус выдернул вилы, и вот тогда легочная кровь, пенясь, хлынула конюху на тунику.

Ноннус смотрел на фореитора и смеялся. Тот завизжал и поднял девушку, загораживаясь ею, как щитом. Это была ошибка — Шарина пнула его в пах.

Ахнув, фореитор сложился пополам. Девушка вырвалась из его рук и откатилась в сторону: она была свободна! Еще в движении услышала звенящее «тн-н!» — это вилы в последний раз воткнулись в тело жертвы.

Стоя на коленях, Шарина увидела, как калитка открылась, — в проходе стоял Медер и с абсолютно невыразительным лицом глядел на них.

Ноннус поднял за волосы конюха и одним движением пьюльского ножа перерезал ему горло. Ноги жертвы отчаянно дергались.

Как цыпленок, только крови намного больше...

Повернув вилы боком, Шарина с трудом извлекла их из тела конюха.

— Пошел прочь отсюда! — закричала она на колдуна. Слезы так и катились у нее по щекам. — Нам надо похоронить их, а ты будешь только мешать!

Девушка начала ворошить навоз. Эту кучу не тронут еще неделю. Особенно когда выяснится, что все конюхи сбежали, прихватив с собой драгоценности из багажа Азеры. Тут уж вся гостиница встанет на уши! А история будет похоронена, пока не обнаружатся тела в навозной куче.

Вытолкав колдуна, она захлопнула калитку. Слезы застилали ей глаза, но все, что ей надо было видеть, — это куча навоза и вилы в руках. С ними Шарина могла справиться.

— Именно поэтому пьюльцы носят черную одежду... — произнес отшельник между двумя хриплыми вздохами, — чтобы не было видно крови. Ведь ее всегда полно, когда забиваешь животное. Но тебе, дитя, придется принести ведро воды, пока кто-нибудь не увидел. Ведь руки у меня по локоть в крови. Прямо как в старые времена...

И он засмеялся, но это был смех сквозь слезы.

12

Теноктрис жадно пила из кувшина, по-видимому, не обращая внимания на солоноватый вкус эрдинской воды. На правом виске у нее красовалась ссадина, которая к завтрашнему дню, наверное, будет выглядеть ужасно.

— Ох! — с наслаждением сказала она, наконец-то отодвигая кувшин и переводя дыхание. Они сидели перед гробницей. Гаррик перенес сюда старую колдунью, перед тем как отправиться за водой.

В ночном воздухе звенели комары, но сейчас юноша не обращал на них внимания. Так, время от времени прихлопнет пару на лбу или обнаженной руке.

Теноктрис посмотрела на Гаррика. В смутном лунном освещении на ее лице вроде бы мелькнула улыбка.

— Бенлоу вернулся за своей дочерью, — сообщила она. — Он был в другом теле, но я не могла спутать его ауру.

Улыбка стала и вовсе горькой.

— Я уж думала, что и тебя потеряла, Гаррик.

— Я и потерялся, — вздохнул юноша, — но не по твоей вине. Спасибо, Кашел вернул меня обратно.

Теноктрис кивнула, будто получила подтверждение тому, что знала раньше.

— Кашел замечательный юноша, — сказала она. — Его чутые с лихвой искупают недостаток...

Она покривилась, недовольная тем словом, что вертелось у нее на языке:

— ...недостаток образования. Для любого другого волшебника такой силы подобный изъян оказался бы губительным. Врожденные способности у твоего друга просто изумительные.

— Кашел волшебник? — переспросил Гаррик. — *Кашел?*

— Да, — с этими словами Теноктрис подняла кувшин и сделала еще несколько маленьких глотков. Поставив его на место, продолжала: — На самом деле, он — волшебник. Хотя, думаю, и сам не подозревает об этом.

Покачив головой, старая колдунья задумчиво произнесла:

— Не то странно, что люди чего-то не видят... Удивительно, что часто они видят, должны видеть, но не осознают этого факта. А где ты взял воду?

Гаррик не сразу откликнулся. Его ум слишком был занят фантастическим образом: Кашел над узором из магических символов распевает гимны на древнем языке. Вопрос Теноктрис спустил его снова на землю.

— О! — наконец сориентировался он. — Я просто пошел на кухню к нынешним хозяевам и попытался купить у них воду. Они дали мне кувшин и немного хлеба вдобавок. А деньги брать не захотели. Боюсь, я выглядел, как...

Он рассмеялся, представив себе, как реагировала бы его мать, если б у ее дверей появился вооруженный молодой человек со спутанными волосами и диким взглядом.

— ...слегка расстроенный человек.

Кстати сказать, ведь кошелек Лианы исчез вместе с нею... Ну ничего, у Гаррика еще остался один серебряный из платы Бенлоу,

а это немало — больше, чем ему доводилось видеть за раз в родной Барке. На ближайшее будущее им должно хватить.

— Ну, и как мы вернем Лиану? — напрямик спросил юноша. Колдунья кивнула.

— Прежде всего нам надо ее обнаружить, — сказала она. — У нас нет полной уверенности, что она все еще в нашем мире. Хотя, думаю, это вполне вероятно.

Задумчиво посмотрев на Гаррика, она добавила:

— Вместе с дочерью Бенлоу забрал мумию жены. И этот факт... тревожит меня в связи с Лианой. Дело в том, что со своей смертью Бенлоу перестал быть ее отцом. Душа, которая осталась, конечно, очень мощная субстанция, но все же это не человек в полном смысле.

Поднявшись на ноги, Гаррик провел осмотр своего тела: размял затекшие мышцы, исследовал ссадины и ушибы, полученные на обратном пути из... где он там был? Юноша потуже затянул пояс: при этом вес меча лучше распределялся.

— Начнем прямо сейчас? — обратился он к колдунье. — Мне кажется, чем дольше мы ждем, тем более вероятно...

На самом деле он ни в чем не был уверен. Он слабо понимал природу опасений Теноктрис по поводу девушки, да и вряд ли хотел понимать.

— Да, лучше не откладывать, — согласилась старуха, опираясь на ограду и поднимаясь с помощью Гаррика. — *Место действия*, здесь, в гробнице, почти готово.

Она вошла в склеп, там было темно — свеча давно погасла, оставив только запах копоти. Этот запах в сочетании со смрадом разложения создавал смесь, от которой у Гаррика внутри все переворачивалось.

Теноктрис ощупью разыскала мешок с запасными свечами. Юноша достал кремь и железный ударник. Если использовать труху от перегнившего гроба, может получиться приличный трут.

— Брось это, — сказала колдунья. Она что-то пошептала себе под нос, и в ее сложенных чашечкой руках вспыхнула голубая искра, от которой она зажгла фитиль свечи.

Теноктрис поместила ее на полку, где раньше стоял гроб Маццоны, и усмехнулась.

— Этот склеп кого угодно сделает волшебником, Гаррик, — сказала она. — Запасов накопленной здесь энергии хватило бы, чтоб потопить Йоль. По счастью, она находится в равновесии.

Поглядывая на уже нарисованный прежде круг, колдунья принялась переносить его символы на свободный участок пола.

— Гаррик, — обратилась она к юноше, не отрываясь от своего занятия, — пожалуйста, достань тело Бенлоу из урны и размести его на полке. К сожалению, это необходимо.

— Да, хорошо, — кивнул тот. При помощи ножа юноша принялся выковыривать смолу, которой рабочие в Каркозе запаяли урну. Он старался не думать о том, что делает, точно так же, как запрещал себе обращать внимание на пауков в сумеречном мире. Гаррик не привык отлынивать от работы, пусть даже очень неприятной.

— Теноктрис? — подал он голос через какое-то время. — А это опасно — то, что мы собираемся делать? Я не о себе беспокоюсь...

Колдунья тихонько засмеялась. Она продолжала рисовать символы, используя воск несгоревшей свечи в качестве мелка. Однако скоро ее так разобрал смех, что Теноктрис вынуждена была прервать работу.

— Дружок, — подняла она глаза на Гаррика. — Мой дорогой юный друг! Тебе приходилось когда-нибудь бежать с горы? Знаешь, начинаешь, а потом так разгоняешься, что уже не остановиться... Приходится бежать все быстрее и быстрее, чтоб не упасть.

Гаррик молча кивнул.

— Это именно то, чем мы занимались с самого начала, — завершила свою мысль Теноктрис. Затем, помолчав, добавила: — Но ты не беспокойся. Особого риска на следующем этапе не предвидится.

Гаррик тоже позволил себе рассмеяться. Все-таки здорово! Он так долго чувствовал себя напряженным, одиноким, потерянным...

— Похоже, я сморозил глупость, — сказал он. Быть рядом с другом — все равно что вернуться домой. Они разыщут Лиану. Или погибнут, пытаясь это сделать...

Неподатливыми ладонями он разложил тело Бенлоу на каменной поставке. Быть фермером означает время от времени оказываться по колено в какой-нибудь мерзости. Можно привыкнуть. До того Гаррику не приходилось иметь дело с полуразложившимся трупом, но случались вещи и похуже.

Теноктрис тем временем закончила рисовать свои символы и распрямилась со вздохом облегчения. Надпись практически не была видна — смутное изображение на каменном полу. Но юноша пришел к мнению, что главное: написать символы, а уж видны они человеческим глазом или нет — дело десятое.

— Обычно это заклинание требует много времени, — рассуждала, как бы про себя, колдунья. — Однако с теми силами, что мы накопили сегодня ночью, не удивлюсь, если можно будет обойтись одним прочтением. Я почти уверена в этом.

Подняла глаза на Гаррика.

— То, что мы собираемся делать, называется некромантией, — пояснила она, испытующе глядя на своего помощника. — Я на время верну труп к жизни, чтоб он мог ответить на мои вопросы.

Юноша кивнул в знак согласия. Потревожить покой мертвеца — это не такая уж большая плата за то, чтоб вернуть девушку. Хотя...

— Но если Бенлоу сейчас пребывает в другом теле, то как же ты... — и он плавно повел ладонями, чтоб выразить свою мысль.

— Я вызову дух человека, чье тело сейчас занимает Бенлоу, — пояснила Теноктрис. — Он все еще связан со своей бывшей плотью и, надеюсь, поможет нам.

Покачала головой, как бы не веря сама себе.

— Вот уж никогда не думала, что буду заниматься подобными вещами. Чтоб я, да управляла такой мощью!

И с улыбкой уточнила:

— Запомни, мой друг, главное понятие — «управление», а не «мощь».

Затем она посерьезнела.

— Я сделаю тебе знак, если надо будет читать заклинание вместо меня. Но это только в случае, если мое бедное горло откажется мне повиноваться. Впрочем, удивлюсь, если подобное произойдет.

Гаррик кивнул.

— В последнее время мне слишком часто приходилось удивляться, — заметил он. — Но ты не беспокойся, я постараюсь.

Хотя юноша не видел написанных воском слов, он не очень волновался, надеясь на свою память. Если уж очередь дойдет до него, то Теноктрис, должно быть, не раз повторит заклинание.

Колдунья махнула дважды веточкой плюща и начала:

— *Катама зауатхей серфо...*

Гаррик коснулся эфеса меча и почувствовал, как постепенно проявляется в нем король Карус — так человек просыпается, потягиваясь и принаравливаясь к действительности. Меч, при всей своей тяжести и непривычной длине, лежал на бедре *правильно* — так, как надо...

— *Лалада кале чези...*

Юноша ощутил, как волосы на теле у него поднимаются, словно назлектризованные невидимой молнией. Обернувшись, он посмотрел на труп. Легкое голубое сияние окутывало его, скрывая черты лица, уже тронутые тленом.

— *Латта марадта ачилотети чу-у-у!* — завершила заклинание Теноктрис.

Труп медленно, со сложенными на груди руками, сел. Его белая погребальная туника местами была испачкана выделениями из страшной раны на груди и животе.

— Властью Фабозя, требую: назови свое имя! — стальным голосом приказала колдунья.

— Я Арам бор-Рузаман, — произнес труп Бенлоу сухим шепотом. Больше всего это было похоже на трущиеся друг о друга сухие доски. — И я мертв.

— Арам, ты сохраняешь связь с собственным телом? — спросила Теноктрис. Гаррик почувствовал, что судорожно сжимает рукоятку меча, и заставил себя отпустить оружие.

— Да, — ответил труп. Его грудь вздымалась, как кузнечные мехи, опадая и снова наполняясь воздухом, но это не имело ничего общего с человеческим дыханием. — Я вижу свое тело. Оно не движется.

— Арам, почему твое тело не движется?

— Оно ждет полнолуния. — Губы трупа двигались с отвратительной неторопливостью змеи, заглатывающей яйцо. — Это будет завтра ночью...

Гаррик замер в ожидании вопроса: а что его тело — Бенлоу — будет делать завтра? Но колдунья вместо этого попросила:

— Арам, опиши, что твое тело видит.

— Мое тело видит дверь, — ответил труп. Кусок кожи отвалился над левым виском, обнажив кости черепа. Вынужденные движения трупа ускоряли естественное разложение. — Железная дверь... холодное железо...

Его грудная клетка теперь вздымалась и опадала быстрее, чем раньше. Но воздух утекал через отверстие в груди, и звук стал совсем тихим. Из раны вылезали швы, которые наложили баллазамировщики в Каркозе.

— На двери герб, — продолжал труп, воздух со свистом вырывался из него, казалось, он сейчас упадет, как марафонский бегун. — Гроздь винограда над черепом... над черепом... над...

Шепот прервался слабым кудактаньем: у живого человека это был бы смех. В мертвом же теле это превратилось в механическое тарактение. Нижняя челюсть начала отъединяться от черепа, какое-то время она еще двигалась, затем сухожилия не выдержали, и челюсть отвалилась.

Труп осел, как песчаный замок под набегающей волной. Плоть начала неумолимо облезать, запах разложения стал невыносимым.

— Бенлоу в особняке, — проговорил Гаррик, пытаясь удержать в желудке кусок хлеба, который он недавно сжевал. — У него там потайная комната, о которой нынешние владельцы не догадываются.

— Теперь можно уходить, — решила Теноктрис. Тяжело дыша, она поднялась на ноги. — Бедняга Арам больше нам ничего не скажет. Думаю, для меня этого достаточно...

Они с облегчением вышли на свежий воздух.

— Хватай их! — раздался голос в темноте. Из кустов неожиданно ударил свет фонаря и осветил их длинные изломанные тени на стене гробницы.

13

«Золотой Дракон» стоял вплотную к канату, одеявшему его корпус от каменной погрузочной платформы. По улице, отходившей от порта, в обоих направлениях с лязгом двигались повозки, груженные ящиками, баулами и бочками. Эрдин являлся крупным деловым портом, товары сюда поступали со всех сторон, и Кашел только диву давался, глядя на необычную форму их упаковки.

— Они говорят о тебе, — сообщила Мелли, по своему обыкновению дергая юношу за ухо и указывая на Фразу и незнакомого серианца — именно он встречал корабль в порту. — Кажется, хотят попросить тебя о каком-то одолжении.

Кашел стоял в конце очереди, выстроившейся на погрузочной платформе. Это Джен расплачивался с серианскими матросами по окончании плавания. Горцы столпились на носу «Золотого Дракона» вокруг таможенного инспектора, очевидно, привлеченные его роскошным форменным одеянием. Туника с роскошным фиолетово-золотым бордюром могла поразить воображение и менее искушенных зрителей. Кашел был уверен: эти низкорослые убийцы не замыслили ничего дурного против инспектора.

Но блистательный чиновник, судя по виду, чувствовал себя в центре змеиного гнезда.

Что ж, в некоторых отношениях ядовитые гады были куда безопаснее горцев (особенно если эти «дети природы» оказывались чем-то расстроены).

— Думаю, это мастер Латиас, посредник, — заметил Кашел. Внешне серианец сильно походил на братьев Джена и Фразу. И хотя его темно-синее одеяние отличалось от их коричневого, но пошито было все из той же блестящей материи.

— Точно, — подтвердила Мелли. — И что же ты собираешься им ответить?

А Кашел размышлял о том, чем сейчас занимается Илна. Ей бы понравился серианский шелк... В трюме его были целые горы, смотри — не хочу. Правда, Кашелу и смотреть особенно незачем. Все равно он не разбирался в этом так, как его сестра.

Юноша принялся.

— Здесь невозможно пасти овец, — сказал он, оставив без внимания вопрос феи. — У них бы все ноги сгнили.

Мелли усмехнулась и прижалась к шее своего друга.

Матрос, стоявший перед Кашелом, получил свои деньги и отошел поболтать к группе людей, стоявших на берегу. Она состояла частично из моряков-серианцев, частично — из слуг и охраны Латиаса. Те, не являясь серианцами, понимали язык достаточно, чтоб пообщаться с матросами, жаждавшими потратить свои денежки.

Фраза и Латиас направились к Джену с Кашелом.

— Я же тебе говорила, — рассмеялась фея под ухом у юноши.

Пока братья о чем-то шептались, посредник поприветствовал Кашела вежливым поклоном. Тот улыбнулся и неловко кивнул в ответ.

Латиасу еще не было тридцати, хотя сдержанная манера поведения, свойственная всем серианцам, делала его старше на вид. Вот и сейчас он стоял, сцепив руки, и терпеливо ждал, пока братья окончат беседу.

Фраза обернулся к Кашелу со словами:

— Сначала — ваши деньги, мастер Кашел.

Он стал отсчитывать серебряные монеты в раскрытую ладонь юноши. Это были хафтские анкеры, а не медяки и эрдинские серебряники, которыми расплачивались с командой. Без своих счетных палочек Кашел сбился со счета после первого десятка монет.

— Они дают тебе премию, — пояснила Мелли. — Серианцы славные, насколько это возможно для людей.

Затем с улыбкой в голосе добавила:

— Но они по-прежнему хотят, чтоб ты выполнил для них одно очень трудное задание.

— Это слишком много, — сказал Кашел, поскольку Фраза все продолжал отсчитывать монеты.

Джен и Латиас переглянулись. Посредник выглядел удивленным (насколько серианцы, вообще, могут проявлять эмоции), а на губах Джена мелькнула самодовольная улыбка.

— Латиас предложил нам очень выгодный обратный груз, — пояснил он. — Так как вы участвовали в первоначальных переговорах с ним, мы решили прибавить к вашей сумме еще комиссионные.

— Кашел, — вступил в разговор Джен, — я рассказал Латиасу о ваших незаурядных способностях, которые сослужили нам такую службу. Мне кажется, вы смогли бы помочь ему разрешить проблему, которая на данный момент выглядит безнадежной.

Посредник низко поклонился парню.

— Мастер Кашел, — произнес он, — если вы согласитесь пройти со мной в контору и выслушать мое предложение, то я удвою сумму, которую вы только что получили. Если же вы примете это предложение, то получите много, очень много денег.

— Если, конечно, выживешь, — добавила Мелли тем особым тоном, который приберегала для серьезных, с ее точки зрения, случаев. — Не знаю, что они хотят от тебя, но это, наверняка, окажется очень, очень трудным делом. Посмотри, это ведь написано на его лице.

Юноша посмотрел на деньги, которые держал в руках. Такого количества монет — *серебряных монет!* — он не видел в своей жизни.

— Ну, думаю... — сказал он, — большого вреда не будет, если я послушаю вас.

В сопровождении трех серианцев Кашел пошел по одной из улочек, отходивших от главной портовой дороги. Часть охраны посредника осталась на борту «Золотого Дракона», чтоб охранять оставшийся товар до полной разгрузки. Заодно они освободили перепуганного таможенного чиновника от его галдящих поклонников. Остальные слуги обеспечивали безопасность маленькой процессии и расчищали им дорогу.

Юноша шел, помахивая своим полированным посохом, и старался не замечать толпы людей вокруг. Хорошо бы, если б они были овцами...

Они прошли двухэтажное здание со сводчатой галереей вниз.

— Здание Товарищества, — пояснил Латиас, заметив интерес Кашела. — Многие иностранные компании, судоходные и торговые, имеют здесь представительства. Внутренний двор арендуют матросы. Мое семейство тоже ведет дела отсюда, да и живет неподалеку. У нас своя отдельная фактория.

Он шевельнул бровями, указывая на глухую кирпичную стену, тянувшуюся на противоположной стороне улицы. Внутрь вел арочный проход. Слуги-серианцы отворили двери, чьи панели имели тот же синий цвет, что и одеяние Латиаса. Даже на туниках слуг были синие полосы.

Войдя внутрь, Кашел заметил три здания, а за ними — крышу четвертого. Все они соединялись непонятного назначения галереями с колоннами. Судя по всему, защиты от дождя они не представляли.

Неподалеку от серианских привратников околачивались двое здоровенных молодчиков, из местных. В руках у них были шишковатые дубины. На Кашела они посмотрели с профессиональной подозрительностью. Юноша про себя отметил, что он со своим посохом, пожалуй, сумел бы урезонить обоих. Похоже, парни пришли к аналогичному выводу, чем и было вызвано их недружелюбие. Ясно одно: в Эрдине серианцам не приходилось сталкиваться с проявлениями враждебности, которые Кашел наблюдал в Каркозе.

Слуги провели гостей в здание с черепичной крышей. Кашела поразили его окна: они были составлены из цветных стеклышек такого размера, который используется только в мозаике. Соединение отдельных кусочков требовало большого искусства — раньше, даже в Каркозе, Кашелу не доводилось видеть ничего подобного.

Внутри здания обнаружилась одна большая комната с подвижными стенами, заменявшими двери. Бесшумно вошли слуги с подносами, на которых стояли разноцветные соки и нарезанные кусочками фрукты.

Посреди комнаты помещался низкий стол с четырьмя креслами: одно отдельно и три напротив него. У стен стояли металлические и окованные деревянные сундуки; на некоторые из них были изображены какие-то фантастические существа — литые и нарисованные.

Латиас жестом пригласил гостей садиться в кресла, сам уселся напротив. Кашел осторожно прислонил свой посох к стене и уселся с правого края.

— О-о... — услышал он голосок Мелли. Она указывала на особо яркий сундук у задней стены. Со всех его металлических стенок смотрел демон с собачьей головой, изображенный в красной эмали. — Ты только посмотри, Кашел! Они хотят, чтоб ты открыл его. Да уж, это будет *нелегко*!

Служанки — женщины с продолговатыми овальными лицами, опустившись на колени, предложили прохладительные напитки. Кашел взял стакан бледно-зеленого сока, он имел незнакомый терпкий вкус.

— Наверное, вы уже догадываетесь, о чем я хотел попросить вас, мастер Кашел? — вкрадчиво спросил Латиас.

Это была проверка. Юноша почувствовал, как напрягся рядом Фраза, — он не одобрял подобной игры. Проверка, которую затеял посредник, бросала тень не только на него самого, но и на братьев.

Такое оскорбление людей, которые на протяжении всего времени знакомства вели себя вполне достойно и честно расплатились с ним, разозлило Кашела. Он поставил стакан с соком на пол и резко встал.

— Если вы хотели, чтоб я открыл для вас ящик, — процедил он, кивнув на сундук, — то надо было по-человечески сказать это! Думаю, мне лучше уйти.

Латиас так и застыл с разинутым ртом — будто получил неожиданный удар в солнечное сплетение. Он распростерся на низком столике, обхватив шею руками, — жест, призванный продемонстрировать его позор и унижение.

Джен и Фраза тоже поднялись.

— Мастер Кашел, — сказал Фраза, — поведение моего молодого соотечественника не имеет прощения. Но судьба целого рода зависит от выполнения задачи, стоящей перед ним.

— Умоляю вас, — добавил Джен, — примите мои с братом извинения за недостойный поступок Латиаса. Мы просим вас выслушать его.

Мелли закатилась хохотом и захлопала в ладоши.

— Будет знать впредь, как шутки шутить с моим Кашелом! — сказала она. — Вот то-то!

— Господин, — проговорил Латиас, не отрывая лица от стола, — я готов на все, чтоб загладить свою вину. Я так долго жил

среди бесчестных людей, что потерял собственное представление о чести!

— Да ладно вам... — залился краской Кашел. — Послушайте, вы лучше просто объясните мне, что вам надо, ладно? Сам не знаю, чего я так взбеленился...

Хотя, пожалуй, знал... Народ в его родной Барке не был каким-то особенным. Там так же хвастались и ввали, как и везде. Но никому — слышите, никому! — из тех, кто знал Кашела, не пришло бы в голову сомневаться в словах Кашела. Или Илны...

Конечно, сейчас он не дома. И, скорее всего, никогда больше не вернется в Барку. Ему следовало бы привыкнуть к тому, что люди могут подозревать в нем лжеца. Просто смириться, как в свое время он смирился с тем фактом, что не умеет быстро соображать.

Латиас поднялся с коленей, но не поднимал глаз от пола.

— Мастер Кашел, — произнес он, — мой отец являлся главой нашего семейства на Сересе. Во время своих путешествий — например, сюда, на Сандраккан с целью проверки, как я управляю нашими владениями, — отец возил с собой изображения семейных святых. В данном случае это было просто необходимо, так как предстоял праздник, посвященный нашим предкам, ведущим происхождение непосредственно от богов. Мы должны принести им надлежащие жертвы на празднестве, которое состоится завтра...

Фраза и Джен сохраняли серьезный вид. Кашел просто кивнул: ему все еще не объяснили, что он должен сделать. Пока же юноше оставалось только помалкивать. Это напомнило ему те случаи, когда Гаррик, бывало, зачитывал ему взволновавшие его до слез отрывки, в то время как Кашел слышал просто слова...

— Мне никогда не доводилось видеть божество, — пожаловалась Мелли, сидя со скрещенными ногами у него на плече и расчесывая свои роскошные волосы. Она усмехнулась посетившей ее мысли: — А может, вы, люди, заблуждаетесь? И видите богов там, где мелькают всего-навсего мои братья и сестры, а Кашел?

— Так уж случилось, что мой отец неожиданно умер в море, — сказал Латиас. — Он...

— Ох!

Кашел совсем смешался при мысли, что так обрушился на несчастного парня. Его собственный отец умер слишком давно. Кашел его не помнил, но неоднократно видел, каким ударом это является для любящих сыновей и дочерей.

— Простите мое поведение, — сказал он. — Я не знал о постигшем вас несчастье.

Все трое серианцев пребывали в легком недоумении. Похоже, каким-то образом он опять попал впросак.

— Погребальный обряд был совершен надлежащим образом, когда мы причаляли на прошлой неделе, — сообщил Латиас. — С этим проблем не возникло.

— А, — вот и все, что мог сказать Кашел. Опять он пропустил нечто, для других самоочевидное. Такое случалось уже не раз, и покатывающаяся от смеха Мелли отнюдь не улучшала самочувствие юноши.

— Мой старший брат сопровождал отца в плавании, — продолжал посредник, — и после его смерти встал во главе рода. Три дня спустя брат попытался открыть сундук, чтоб подготовить святыни к предстоящему жертвоприношению. Демон, которого отец поставил охранять святых, разорвал на кусочки моего брата и снова захлопнул сундук.

Мелли скатилась с плеча Кашела и затрусила по плетеным коврам. Кашел забеспокоился. Хотя ему не доводилось видеть в серианских домах кошек — ни здесь, ни в Каркозе, он все же не любил, когда фея разгуливала вот так, самостоятельно.

— Демон убил вашего брата? — не веря своим ушам, переспросил он. Ему хотелось бы, чтоб они по-прежнему сидели, и лучше — на корточках. Порой Кашелу казалось, что чем ближе его голова к земле, тем лучше о соображает.

— Да, но мы сумели похоронить и его, — Латиас, по-видимому, был удовлетворен. — Имелись некоторые сложности с нахождением всех фрагментов тела для погребального костра, но, по счастью, все случилось в закрытом помещении... Таким образом, теперь главой рода являюсь я. И не имею возможности достать святыни из сундука...

Он жалко улыбнулся:

— ...а, соответственно, и принести жертвы на завтрашнем празднестве.

— Не понимаю... — пробормотал Кашел. — Ваши отец и брат убиты. И все, что вас беспокоит, так это жертвоприношение на празднике?

Попутно он подумал, не в этой ли комнате произошло несчастье? Откуда вон те пятна на потолке... Может, не удалось до конца оттереть?

Мелли вернулась из своей экспедиции к сундуку. По привычке она взлетела на стол в обратном сальто, но видно было, что акробатика сейчас волнует ее меньше всего.

— Имя демона — Дерг, — хладнокровно сообщила она. — Кашел, он очень силен.

— Моим отцу и брату, так же как и всем нашим предкам, обеспечено счастливое загробное существование до тех пор, пока выполняются ежегодные поминальные ритуалы — строго в назначенное время, — объяснил Латиас с видом человека, который отвечает наугад, не вполне разобрав вопрос. — Теперь вы сами видите размеры постигшей нас катастрофы: времени на то, чтоб изготовить и освятить новые образы, у нас не остается.

— А разве ваш брат не знал, что демон поставлен охранять сундук? — поинтересовался Джен.

— Нет, — покачал головой посредник. — И, честно говоря, я не удивлен. Наш отец был очень скрытным человеком. И, вынужден признать, очень подозрительным человеком. Это можно понять: всю жизнь он вел дела с чужеземными торговцами... До тех пор, как пять лет назад не занял пост главы рода.

Он вышел из-за стола, чтобы в знак почтения преклонить колени перед Кашелом. Затем поднялся и добавил:

— Очевидно, я унаследовал некоторые качества своего отца, мастер Кашел. Иначе бы не стал подвергать сомнению способности, которыми, по свидетельству Джена и Фразы, вы обладаете.

— Послушайте, — обратился к нему Кашел, машинально взяв в руки посох, — мне известно, что вы, серианцы, отвергаете убийства и тому подобные вещи. Но разве нельзя нанять кого-нибудь из местных, чтоб они подстраховали вас на момент открытия сундука?

— Конечно же, я пытался, — ответил Латиас. — Но дело в том, что стальное, каменное и бронзовое оружие не способно повредить демону. Деревянные дубинки разлетаются в щепки, шелковые удавки это создание рвет. Ну и вдобавок оно убивает нанятых людей.

— Он, не оно, — поправила Мелли. Она снова была на плече Кашела, выглядела задумчивой. — Дерг — существо мужского пола.

— А им вы справили соответствующие «погребальные обряды»? — спросил юноша, старательно выговаривая слова и гадая, что в данном случае они означают. Еще он прикидывал, придется ли воспользоваться его незаменимым посохом.

Серианцы переглянулись.

— Но у этих охранников не было семей... — сказал Фраза.

— *Серианских* семей, — поспешно вставил его брат.

— *Серианских* семей, — кивнул Фраза. — Но я уверен, их иждивенцы получили компенсацию.

— А? — растерялся посредник. — Ну да, я... э-э, постарался компенсировать им утрату кормильца. Но факт остается фактом: демон остается на страже сундука.

— И что же необходимо сделать с этим Дергом? — вернулся к своему вопросу Кашел. — Я не совсем понимаю.

— Мы даже не знали его имени, — пожаловался Латиас. — Как вы сейчас *назвали* его?

— Его зовут Дерг, — повторил Кашел, немало смущенный благоговейным страхом, который он читал во взглядах серианцев. — И он мужчина.

Судорожно сглотнул и поправился:

— Я так думаю.

— Ну, да, да, он мужчина, Кашел, — холодно подтвердила фея. — Как и ты сам.

— Наш отец умер слишком внезапно и не успел передать брату власть над демоном, — произнес посредник. — А теперь все это стало моей проблемой.

Он испустил глубокий вздох. На лице молодого серианца было написано глубокое страдание — ничего подобного Кашелу не доводилось наблюдать у его соотечественников, даже когда им грозила непосредственная опасность.

— Господин, — обратился он к юноше, — я верю: могущественный волшебник способен справиться с демоном. Либо нам придется обращаться к ближайшему священнику, какой бы веры он ни был, для проведения обряда изгнания демона. Возвращаться для этого на Серес нам некогда.

Латиас опустил на колени.

— Господин, — взмолился он, — если вы сможете освободить наших святых из-под охраны демона, я буду счастлив переписать на вас половину своего состояния. Покой моих предков зависит от вас.

Кашел по-прежнему пребывал в нерешительности.

— Но я не понимаю, чем я могу помочь вам, — признался он. — Я знал одну волшебницу, но, надо думать, она сейчас на Хафте. К тому же сама она считала себя не слишком могущественной.

— Кашел, ты не волшебник — в том смысле, как они думают, — заявила Мелли. Она сидела, скрестив руки на коленях и изучая яркий сундук в углу. — И не в твоём понимании... Но ты можешь сразиться с Дергом, если захочешь.

Юноша повернул голову, чтоб заглянуть фее в глаза.

— Мелли? — позвал он, не обращая внимания на серианцев; пусть дивятся, с кем это он беседует. — Считаешь, я должен сделать это? Я *могу*?

Посредник начал было что-то говорить, но Джен поднял руку в предостерегающем жесте. Оба брата напряженно следили за Кашелом.

— Не знаю, что тебе делать, Кашел, — ответила фея. — Лично я считаю тебя сильным... очень сильным. Но и Дерг тоже сильный.

Нет, он этого не понимал. Допустим, кто-то поручил отару овец его заботам, но, чтобы пасти овец, ему следовало бы оставаться в родной деревне. Он захотел чего-то иного, и вот он это иное получил.

Кашел подавил смех. Ну и пусть, даже если он чего-то не понимает...

— Господин, — произнес тем временем Латиас. Он встал, и юноша ощутил облегчение — он же не Пастырь, чтоб перед ним преклоняли колени, — хочу сказать: помимо материальной награды, которую я предлагаю, есть и еще один момент. Человек, победивший демона, может потребовать от него исполнения желания.

— Нет, нет, не совсем так, — вмешалась Мелли. — Дерг даст тебе то, что ты пожелаешь при условии...

Балансируя на носочке, она подняла другую ногу почти под прямым углом. Кашел ни у кого не видел такой гибкости.

На серианцев, продолжавших глядеть на него, он не обращал внимания.

— ... что твои знания окажутся не меньше, чем его, — закончила фея, сделав «ножницы» в воздухе и поменяв ноги — движение напоминало трепетание крыльев колибри. Она лукаво усмехнулась юноше. — А Дерг знает намного больше тебя.

— Любой знает больше меня, — тоже усмехнулся Кашел. — Ну, может, кроме овец.

— К тому же, — назидательно добавила Мелли, — сначала тебе еще надо победить Дерга.

— Мастер Латиас, — сказал наконец юноша, — мне не нужно ваше состояние. У меня у самого сейчас денег больше, чем я мог себе представить.

Если это и было преувеличением, то совсем незначительно. Плата, полученная от Джена, прямо-таки распирала кошелек у него на шее. Впору было поменять его на больший или же серебряные монеты — на золотые. Ха-ха, Кашел ор-Кенсет со своим золотом!

— Я так понимаю, это очень важно для вас — предки и все такое, — продолжал юноша. — И, наверное, Джен и Фраза тоже хотят, чтобы я...

— Пожалуйста, Кашел! — прервал его Фраза. — Не надо смотреть ни на кого. Это должно быть вашим собственным решением. Если вы предпочтете остаться с нами, мы с братом по-прежнему будем счастливы сотрудничать с вами на тех же условиях, что и прежде.

— Я знаю все это, — ответил Кашел. — Но вы не пришли бы сюда со мной, если б не ждали моей помощи. Вы оба проявили доброту ко мне, и я был бы рад ответить вам тем же.

— Гибель рода из-за халатного отношения к ритуалу — это ужасный грех, Кашел, — промолвил Джен, он стоял неподвижно, спрятав руки в рукавах туники.

— Так или иначе, — решил юноша, — вы были искренни со мной. А мастер Латиас, по вашим словам, искренен с вами.

Он поймал взгляд посредника, размышляя про себя, что же на самом деле имела в виду фея. Порой он понимал ее не лучше, чем других людей. Например, такую девушку, как Шарина.

— Итак, я не нуждаюсь в ваших деньгах, мастер Латиас, — повторил юноша, — но там, где я родился, люди привыкли помогать друг другу. Думаю, сейчас вы нуждаетесь во мне, и я попробую помочь.

— Что ж, думаю, это правильное решение, — сказала Мелли тоном, который Кашел так и не смог понять. — В конце концов, в стаде должен быть лишь один баран...

14

Первым движением Гаррика было вытащить меч и броситься на тех, кто скрывался в тени за фонарем. Причем на это толкал его не только король Карус, шествовавший в своем кровавом величии по памятным полям сражений.

Однако эти люди являлись отрядом Городского Патруля. Заметив свет и шум из склепа в одном из престижных районов

города, они выполняли свой долг, осуществляя проверку. Стражники находились здесь по праву, но то же самое можно было сказать и о Гаррике с Теноктрис.

— Добрый вечер, офицеры! — поприветствовал их юноша. — Мы слуги госпожи Лианы бос-Берлиман. Она отправила нас сюда проверить, все ли в порядке в их семейном склепе.

— Я требую, чтоб вы арестовали их! — настаивал толстенький мужчина, стоявший за патрульными. — Они вломились в мое жилище!

Солдат было шестеро. Медные шлемы, плащи с сандракканской лошадиной головой, разделенной начетверо волнистым гербом Эрдина. Неплохое вооружение: двое держали раздвоенные пики с металлическими застежками, которые позволяли с безопасного расстояния пригвоздить шею или руки подозреваемого. Остальные были вооружены копьями. У всех на поясе болтались короткие мечи.

— Эта постройка принадлежит Берлиманам, — заявила Теноктрис, она говорила повелительным тоном — как аристократка с простыми горожанами. Это, собственно, соответствовало действительности, хотя конечно же состояние ее семьи сгнуло тысячу лет назад. — Мой хозяин сохранил ее, когда продавал остальные сандракканские владения. А кто этот человек, оспаривающий права моего хозяина?

Офицер, возглавлявший Патруль, с правой стороны шлема носил плюмаж из белых перьев. Он оглянулся на толстяка и спросил:

— Она говорит правду, господин?

— Вот ключ от гробницы, который дала мне хозяйка, — сказал Гаррик и полез в кошелёк, подвешенный у пояса. Он нашел ключ на полу склепа. Скорее всего, Лиана оборонила его во время похищения.

— Ну, я... — промямлил мужчина, очевидно, новый хозяин дома и участка. Его богатство, несомненно, позволило бы отправить в тюрьму какого-нибудь городского бродягу, пусть даже и невиновного. Но настаивать на аресте слуг другого аристократа, находящихся здесь по поручению своего хозяина, — это было совсем другое дело.

— Если вы потрудитесь заглянуть внутрь, господа офицеры, то увидите, что все находится в полном порядке. Ни орудий преступления, ни награбленного добра... уверяю вас.

— Мы остановились в «Овце и Баране» на берегу реки, — добавил Гаррик. — Вы в любой момент можете найти нас там. Если, конечно, госпожа Лиана не отошлет нас с каким-нибудь новым поручением.

— Что ж... — Офицер колебался.

— Капрал! — обратился к нему один из патрульных. — Мне кажется, что он — мужчина с портрета.

Офицер полез в свой мешок и достал планшет из двух деревянных дощечек.

— Дайте свет! — громко потребовал он.

Двое патрульных приблизились с фонарями, в которые были вставлены стеклянные линзы. Они осветили лица, изображенные на портретах.

Даже с того места, где стоял Гаррик, было видно, что там изображены Лиана и он сам.

— Клянусь Пастырем, Чаллис! — воскликнул офицер. — Ты совершенно прав, это действительно он.

— Держи его! — закричали патрульные.

Гаррик повел пустыми руками. Он мог бы вырваться и убежать, но, к сожалению, для Теноктрис подобный путь был закрыт. Сражение его тоже не пугало, останавливало другое — все-таки перед ним стояли живые люди, не какие-нибудь личи, которых можно убивать без зазрения совести.

Домовладелец и шестеро патрульных. Если убивать, то придется убить их всех — Гаррику этого очень не хотелось!

Тем временем блеснула пика и прижала шею юноши. Он отбросил ее в сторону.

— Я собираюсь отстегнуть свой меч! — громко заявил Гаррик. — Обращайтесь с ним осторожно, иначе пожалеете!

Он сам не знал: чьи это слова — хафтского юноши или короля, пробивающегося из глубин его сознания в минуту опасности. И почему Городской Патруль разыскивает его и Лиану?

— Ваше имя Гаррик? — спросил капрал.

— Да, — признал юноша. — Но что все это значит?

— Вот что, Гаррик, — терпеливо разъяснял офицер, — нам велено обращаться с вами почтительно, когда поймаем вас, — именно так мы и поступаем. Но приказ есть приказ, а он гласит: заключить вас под стражу. Это ясно?

Гаррик обмотал пояс вокруг ножен и протянул меч капралу. Чаллис, востроглазый патрульный, взял его вместо командира.

— Я понимаю, — сказал Гаррик.

— А что насчет женщины, капрал? — спросил один из солдат. — Она совсем не похожа на изображенную.

— И то правда, — согласился офицер, пряча обратно в мешок свои таблички. — Но все равно возьмем ее тоже. Всегда легче объяснить, почему ты арестовал кого-то, чем не арестовал.

Он окинул взглядом Гаррика с ног до головы.

— Вы отправитесь с нами в патрульный участок... Затем я пошлю гонца к людям, которые вас разыскивают. Надеюсь к утру избавиться от этой головной боли.

— А кто приказал арестовать мастера Гаррика — граф Сандраканский? — спросила Теноктрис.

— Не знаю, от кого исходит приказ, — пожал плечами капрал. — Я просто делаю свою работу. Но гонец...

Он бросил быстрый взгляд на старую колдунью.

— ...направится в частный особняк на Дворцовой Площади.

15

Все, кроме Кашела и Мелли, покинули комнату. За закрытыми дверями ждали охранники с бесполезным, по словам Латиаса, оружием. Свой посох Кашел тоже оставил у стены. Мелли сказала, что справиться с демоном можно лишь голыми руками, и юноша верил ей. Хотя с сожалением поглядывал на старого боевого друга: его гладкая, полированная поверхность сейчас бы придала ему уверенность.

Сама фея, свесив ноги, сидела на деревянном сундуке неподалеку от металлического ящика, где хранились святые образы серианцев.

Он имел два фута в длину и по футу в ширину и высоту. Разве в таком малом пространстве способно укрываться опасное существо? Может, Дерг снабжен ядовитыми клыками?

— Ну, и что мне делать? — спросил юноша.

— Просто подними крышку, — ответила Мелли. — А там — посмотрим.

Она приподнялась над деревянной крышкой, выдвинув торс вперед и продемонстрировав на краю сундука одну из своих самых удивительных стоек на руках.

— Как вариант, мы можем уйти отсюда и отправиться осматривать Эрдин, — добавила она из своей причудливой пози-

ции. — Хотя вряд ли мы найдем что-то, достойное внимания. Скорее всего, я права: это просто еще один город, в добавление ко многим другим.

Замка на сундуке не было. Кашел приподнял защелку.

Ждать смысла не было; как и сказала фея, он сам принял это решение. Юноша резко откинул крышку ящика и выпрямился. Он ожидал, что демон выскочит на него, подобно дыму из печной трубы.

Внутри сундука поверх святых образов лежало зеленое парчовое покрывало: золотые, синие и малиновые нити пробивались сквозь тяжелую основу ткани. В центре всего этого великолепия стоял ярко-красный демон с собачьей мордой, ростом не больше Мелли, и смотрел на Кашела.

Фея сделала в воздухе изящное сальто и приземлилась на ноги на край покрывала.

— Туда или сюда, Дерг? — подначила она демона.

Тот разинул челюсти и заревел. Казалось, рев исходит не из горла монстра, а из всех уголков вселенной. Комната загуманилась чем-то белым, серым и под конец стала огненно-красной.

Все вокруг заколебалось, и Кашел упал. Единственной неподвижной точкой в этой переливающимся, огнедышащем мире была отвратительная выступающая морда демона.

Ноги юноши касались земли. Под тонким слоем почвы чувствовалась жесткая глина. Вокруг росли деревья-великаны, у их подножия лепились папоротники и молодые лиственные побеги. Воздух был горячим и неподвижным.

Рядом подбоченясь стояла Мелли. Как ни странно, она обрела нормальные женские размеры. Дерг — тоже теперь ростом с Кашела — столь ослепительно блистал зелено-черно-коричневым, что, казалось, вибрировал в воздухе. Изготовившись, он бросился на горло юноше.

Кашел был большим, но отнюдь не медлительным. Он поймал демона за вытянутую руку и ударил о землю, подобно огромному цепу.

Дерг упруго подпрыгнул, выбив фонтан воды из почвы. Кашел отступил назад, ожидая нового броска противника. В зависимости от силы демона, схватка обещала быть более или менее длительной. Но тем не менее в своей победе юноша не сомневался. Это был неоспоримый факт, как, например, Гаррик был умнее многих людей, ну а Кашел ор-Кенсет — сильнее всех, кого он знал.

Перекатившись, Дерг вскочил на ноги, кстати более короткие по сравнению с человеческими. Зато торс и руки были длиннее. Следы, которые демон оставил в земле при падении, быстро затягивались водой.

Он расхохотался. Низким, раскатистым голосом пророкотал: — Очень неплохо, человек. Ну а теперь я тебя брошу?

— Можешь попробовать, — ответил Кашел.

С осторожно выставленными руками они с демоном шагнули навстречу друг другу. Сшиблись грудью, сцепились. Ощущение было такое, будто с разгона врезался в вековой дуб. Но Кашел и не думал сдаваться.

Дерг с рычанием попытался вцепиться в горло юноше. Не туг-то было! Кашел со всего размаха ударил лбом в мерзкую собачью харю. Оскаленные клыки оцарапали ему лоб, но демон взвизгнул и откинулся назад. Юноша крутанулся вокруг своей оси и с силой швырнул противника через плечо.

Это был еще не конец, но полезная передышка — он сумел разорвать опасную хватку. Кашел выпрямился и воспользовался моментом, чтоб вдохнуть побольше воздуха широко раскрытым ртом.

Он уже примерно знал, чего ожидать. Дерг снова перекатился и встал — на этот раз гораздо медленнее, чем прежде. Еще бы: будь он человеком, такой бросок переломал бы ему все кости!

— Ты очень силен, человек. — В голосе демона слышалось уважение. — Мне будет жалко отрывать твою голову и пожирать внутренности.

Кашел не ответил, он был поглощен восстановлением дыхания. Да и что тут скажешь? Какой, вообще, толк болтать о том, что собираешься предпринять? Лучше сразу приступить к делу.

Стайка желто-зеленых попугаев вылетела на полянку и с пронзительными криками закружила вокруг них. Юноша снова двинулся на своего противника.

— Внимание, Кашел, — откуда-то сбоку послышался голос Мелли, — он берет силу от земли. Не давай ему прикасаться к земле!

Дерг оскалился и бросился вперед. Сцепившись, они вместе упали. Ничего себе! Будто приложился об дуб или каменный валун размером с быка...

С таким же успехом юноша мог схватиться с мраморным демоном из фактории Джена и Фразы. В этой куче мускулов не

было ни единой слабину. Но Кашелу не раз приходилось поднимать каменные глыбы... А как-то он на спор выдернул из земли молодой пекан и с ревом крутил его над головой. Никому в деревне это было не под силу, а вот он смог. И сейчас справится!

Он отклонился назад, изогнулся и, несмотря на все сопротивление, потянул Дерга на себя. Ноги демона были короче, чем его, поэтому в какой-то момент они оторвались от земли.

Краем глаза Кашел видел, как Мелли смеялась и крутила сальто на обочине поляны. Ужасные зубы Дерга щелкали буквально в волоске от горла юноши, но преодолеть эту малость демон не мог.

В груди Кашела родился смех — каркающий, задыхающийся, но победный смех. Держать на весу Дерга было невероятно трудно — ничего тяжелее ему в жизни не приходилось делать. Но юноша чувствовал, как с каждой минутой противник слабеет в его руках.

Медленно, неумолимо он заломил назад левую руку демона. Не имея ни мига для передышки, Кашел все же не боялся: он знал, что сильнее, ощутимо сильнее своего противника.

В нужный момент он поймал в воздухе правую лодыжку Дерга. Развернул его и перебросил через свое левое колено, не обращая внимания на царапины, которые тот наносил ему свободной правой лапой. Когти демона были коротким, похожими на собачьи — не то что длинные, рвущие плоть кошачьи когти. Теперь уже ничто не могло спасти Дерга.

Мелли вприпрыжку подобралась ближе и заглянула в перевернутое лицо демона.

— Он убьет тебя, Дерг, — весело прошептала она. — Ты же знаешь, Кашел не один из нас. Он считает все, что становится у него на пути.

В диком отчаянии демон разбрызгивал слюну. Он попытался откатиться в сторону, но спорить с силой Кашела уже не мог.

Потные волосы облепили череп юноши, соленые струйки стекали по груди. Верхняя часть его туники изорвалась в клочья — может, изодранная когтями Дерга, а, может, под напором собственной плоти — Кашел не знал, да и не хотел знать. Он продолжал удерживать плечи и ноги демона по разные стороны от своего мощного колена.

— Долго так не продлится, Дерг, — подливала масла в огонь фея. Она со смехом щелкнула демона по носу. — Начав что-то, Кашел не имеет привычки останавливаться. Ты же знаешь! Вот

мне интересно, насколько громким будет звук, когда твой позвончик...

— Я сдаюсь! — прохрипел демон.

Юноша едва услышал его слова из-за гула крови, стучавшей в его ушах. Он отбросил Дерга в сторону и попытался подняться.

Краски внезапно покинули мир, превратившись в сплошную белую пленку. Поляна куда-то исчезла. Кашел почувствовал, как земля приняла его. Затем все растворилось.

16

В качестве сопровождающего отправили Чаллиса, и сейчас он восседал вместе с кучером на козлах крытого экипажа, направлявшегося к месту заключения. На запятках стояла пара форейторов — темноглазых и темнолицых, их зрачки отливали желтым в свете фонарей экипажа. Колеса немилосердно грохотали даже сейчас, когда ход замедлился перед окончательной остановкой.

Чаллис спрыгнул на землю и распорядился:

— Так, Гаррик идет с этими двумя парнями, старуха — сама. Она нас не слишком интересуется.

Сидеть им предстояло в зарешеченной клетке, стоявшей прямо на улице перед постом Патруля. Капрал оказался настолько любезен, что выкинул оттуда развеселую компанию, расположившуюся на ночь. И впрямь, общество полдюжины пьяниц вряд ли обрадовало бы его пленников. Правда, после них остались рвотные массы, да и дух стоял тяжелый, но кто ж в заключении обращает внимание на подобный мелочи? В конце концов, это ненадолго...

К тому же условия содержания — это была не самая главная проблема.

Капрал отпер дверь. Пытаясь приободрить юношу, Теноктрис сдержанно улыбнулась Гаррику. Они вышли из клетки под бдительным взглядом патрульных, пребывая в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы.

Их уже дожидалась карета. Из нее вывалились два темноволосых здоровяка той же непонятной расы, что и давешние форейторы, и застыли по обе стороны от дверей кареты. Оттуда вылез бледный светловолосый мужчина. Он бросил взгляд на Гаррика и кивнул:

— Да, это он. Садитесь, господин.

Подошедший капрал протянул меч Гаррику, кошелек и дорожную сумку:

— Это было у него с собой.

По знаку бледнолицего мужчины он передал все вещи ближайшему фореитору.

Гаррик удивился, увидев, что его серебро осталось в неприкосновенности. Патрульные явно чем-то были напуганы, причем настолько, что проявляли неслыханную щепетильность в отношении своих пленников.

— Я сказал, садитесь, — повторил бледнолицый. Его голос, резкий, но безжизненный, почему-то наводил на мысль об электрическом разряде.

Теноктрис скрылась, растворилась в ночных тенях, прежде чем патрульные или этот таинственный мужчина раздумали ее отпускать. Перед тем, как исчезнуть, она намекнула Гаррику на какие-то свои планы, но объяснить толком не успела.

— Да-да, хорошо. — Юноша вскарабкался в карету и устроился на сиденье. Напротив него сидели еще два охранника. Те, которые ждали у экипажа, тоже залезли внутрь и сели по бокам Гаррика, чтоб лишить его возможности выскочить на ходу.

Карета тронулась с места, как только бледнолицый мужчина вернулся внутрь и занял место напротив пленника. Сквозь окошко над козлами падал слабый свет от каретного фонаря. В этом неверном освещении казалось, что бледное лицо незнакомца и желтые глаза стражников свободно парят в полумраке.

— И где Лиана бос-Берлиман? — спросил мужчина, перекрывая шум колес. — Вы заявили Патрулю, что находитесь у нее в услужении.

— Ну да, я ее слуга, — подтвердил юноша. — Когда мы ушли, она осталась в «Овце и Баране». Думаю, и сейчас там.

Почти все здесь было ложью, но сказать правду Гаррик не мог.

Мертвый отец Лианы унес ее с собой — кто поверил бы в такую правду? Это только ухудшило бы положение вещей. Каким бы плохим оно ни было на данный момент.

— Назовите причину, по которой я арестован, — потребовал юноша. Тень короля Каруса уже возникла на дне его сознания и сейчас — с нарастающим нетерпением — ждала освобождения. — На кого вы работаете?

Бледнолицый улыбнулся.

— Вам не причинят вреда, — успокоил он Гаррика. — И, несомненно, в самом ближайшем будущем вы получите ответы на все вопросы.

И впрямь скоро карета остановилась. Они ехали совсем недолго, хотя, судя по громкому стуку колес по мощеной мостовой, с большой скоростью.

Фореитор распахнул дверь. Они стояли перед величественным особняком, зашторенные окна таинственно светились в ночи. Двое охранников вышли из кареты и теперь бдительно следили за своим пленником.

— Войдите в здание, — сказал бледнолицый мужчина. — Меня уверили, что с вами будут хорошо обращаться.

Лицо его перекосилось — то ли улыбкой, то ли нервным тиком.

— Она не лжет, — произнес он. — И это, возможно, пугает больше всего. Она всегда делает именно то, что обещает.

— Кто она? — недоумевал Гаррик. — На кого вы работаете?

— Входите, мастер Гаррик, — посоветовал мужчина. — Лучше ее слушаться. Вы сами увидите, что сопротивление бессмысленно

Юноша повернулся и направился к входу в особняк. Короткий путь в три ступеньки он проделал с эскортом: впереди шли два стражника, остальные двое и фореитор следовали по пятам. Кто-то нес меч Гаррика и остальные вещи.

Дубовые двери распахнулись, прежде чем Гаррик успел приблизиться. Услышав шум отъезжающего экипажа, он оглянулся: бледнолицый исчез, остались желтоглазые стражники, которые по-прежнему внимательно наблюдали за ним.

За раскрытой дверью стоял еще один представитель той же породы — желтые глаза, внушительные габариты и непроницаемое молчание. Юноша подумал, а умеют ли они разговаривать на его языке. Да и вообще на каком-нибудь?

В фойе его встретила женщина.

— Мастер Гаррик, для вас приготовлена горячая ванна и чистая одежда, — сообщила она. И снова юношу поразил безжизненный звук ее голоса — как будто кто-то колотил ложкой в глиняную тарелку.

Просторное фойе ярко освещалось свечами в блестящих настенных канделябрах. Столько свечей в одном месте Гаррику не доводилось видеть. Стены были беленые с золотым бордюром.

Такое великолепие резало глаз. Юноша сморкнул.

«Светло, как днем», — подумал он. И тут же понял: нет, не то! При всем блеске и белизне это здание походило на склеп, вроде того, где лежали предки Лианы.

— Следуйте за мной, — сказала женщина, и Гаррик безропотно послушался. Он знал: в конце концов она приведет его к своей госпоже. К той, кто ответит на все вопросы.

Служанка привела его в комнату, облицованную мраморными панелями. Здесь находился гипсовый умывальник с тазом, в углу стояла бронзовая ванна. Размерами данное помещение превосходило половину домов в Барке, хотя являлось совсем небольшой частью огромного особняка.

Женщина удалилась, вместо нее появился некто мужского пола. При всей сдержанности и почтительности здешние слуги не оставляли его без присмотра ни на секунду.

Ванна наполнялась теплой водой, но Гаррик вместо того наполнил таз водой из кувшина. Губкой он тщательно оттер руки и лицо.

Над умывальником висело крытое серебряной амальгамой зеркало. Юноша отыскал среди многочисленных принадлежностей расческу и удалил остатки паутины из волос. Припомнились мерзкие пауки из его сна...

Но сны не оставляют паутины в волосах, так же как и мечи в руках!

Теперь он тем более не собирался бежать. Хозяйка дома была одной из тех людей, что пытались контролировать жизнь Гаррика. И он собирался узнать, для чего это делается.

Для него были приготовлены свежая туника и пара сандалий. Его собственная туника с утра тоже могла похвастать чистотой, но с тех пор прошел долгий день. Тем не менее юноша решил не переодеваться. Одежда — это единственное, что сохранилось у него от прошлого. Если не считать души.

— Можешь вести меня к своей госпоже, — сказал он слуге.

Желтоглазый мужчина отступил в сторону и пропустил в фойе, где уже ждала тоненькая женщина.

— Следуйте за мной, господин, — поклонилась она и пошла по длинному освещенному коридору в западное крыло здания. Гаррик обратил внимание, что все двери, встречавшиеся по пути, были плотно закрыты.

Наконец женщина постучалась в последнюю дверь. В ответ на приглашение изнутри она открыла дверь и тихо притворила ее за спиной вошедшего юноши.

Здесь было темнее, чем в остальном особняке, хотя по меркам Барки два трехсвечовых канделябра обеспечивали освещения больше, чем достаточно. Напротив двери стоял диван, а справа, между двух занавешенных окон, располагался высокий сундук.

Перед ним, спиной к Гаррику — так, что был виден лишь ее контур, стояла женщина. Она изучала меч и прочие его вещи, разложенные на сундуке.

— Удивительны не крепость и острота этого оружия, — сказала она странно знакомым голосом, — хотя и то, и другое выше всяких похвал. Но прикосновение к мечу освобождает человека от любых чар — вот в чем его подлинное достоинство. Кузнец, выковавший это чудо, наверное, был мастером не хуже меня.

Точно, именно так и говорили нимфы, подарившие меч юноше.

— Кто вы? — спросил Гаррик.

Женщина с улыбкой обернулась.

— Какая у тебя короткая память, Гаррик, — сказала она. — А вот я тебя не забыла.

Это была его подружка из Барки.

— Илна! — обрадовался юноша. Он шагнул к ней с распростертыми объятиями, но в последний момент остановился. — Тебя тоже арестовали? А мы и не знали, что ты на Сандраккане.

На губах Илны по-прежнему играла улыбка. Именно она и остановила парня.

— Да нет, Гаррик. Этот дом принадлежит мне. Сандракканские аристократы не скупятся, когда речь идет о любви.

Короткий смешок.

— Или, по крайней мере, о вожделении. Хотя, по мне, так это одно и то же.

Гаррик не на шутку встревожился за девушку. У него было такое чувство, будто он наблюдает, как Илна карабкается на высокий утес и вот-вот сорвется. Ему снова припомнилась острокопечная скала, а под ней, в тысяче футов — пенящийся водоворот...

— Илна, — тихо позвал он, — что с тобой? Я могу чем-то помочь тебе?

Не отвечая, она взяла с сундука сверток ткани — не больше сложенного носового платка. Это оказалась накидка из тончайшей материи, своей тонкостью и красотой способная поспорить с осенней паутинкой. Свет от свечи легко проникал сквозь ткань, но все предметы почему-то меняли свои очертания. Объяснить сей факт Гаррик не мог.

Илна набросила накидку на плечи и завязала ленты у горла. Вроде ничего не произошло, но юноша почувствовал, как в груди у него все сжалось.

Девушка двинулась к нему.

— Со мной все в порядке, Гаррик, — приговаривала она. — Теперь-то ты от меня не отвернешься, не правда ли? Подойди...

В душе Гаррика вспыхнуло пламя, жарче, чем в кузнечном горне. В этом огне растворился и сам Гаррик, и все его самообладание. Говорить он не мог... Ничего не осознавая, он шагнул навстречу.

Илна засмеялась — будто льдинки ломались глухой зимней порой. Приподняла край ткани и накинула прозрачную вуаль себе на лицо.

— Подойди, — раздался голос из самой глубины вселенной — холодный, как лунный свет.

И Гаррик сделал последний шаг. Он не мог не послушаться... Так же как не может вода не течь вниз с вершины горы.

В этот миг где-то в коридоре раздался крик и лязг оружия. Однако юноша ничего не слышал — все заглушал шум крови в его жилах. Прямо через невесомую ткань он прикоснулся к щекам Илны.

Разлетелись стекла в окнах. Там, меж занавесок, показались неясные фигуры. Дверь с грохотом распахнулась.

— Гаррик! — закричала девушка. Она отступила на шаг, юноша последовал за ней. Он видел и сознавал происходящее вокруг, но не придавал ничему значения...

В дверном проеме показалась пара личей. Один держал копье, другой — ржавую алебарду, обгавленную кровью. В окна ломались новые и новые скелетообразные твари. В воздухе стояла вонь, как на гниющих болотах.

Личи наступали с оружием наизготовку. Они были мертвецами, невосприимчивыми к магии Илны.

17

— Гаррик! — закричала Илна, впадая в панику. Она боялась за этого юношу так, как никогда не боялась за саму себя. Личи нападали со всех сторон, сквозь полупрозрачную плоть на их лицах проступали костяные улыбки.

В подобных критических ситуациях девушка вспоминала не о ноже, который она сохранила со времен Барки, хотя тот — острый, как солнечный луч, так и покоился в костяных ножнах. Нет, оружием Илны был аркан, именно с ним она пошла бы в свой последний бой.

Вот и сейчас девушка сорвала накидку с плеч, скрутила ее в веревку — легкую, как паутина, и столь же прочную.

А Гаррик, сбросив с себя чары, двигался с небывалой легкостью и быстротой.

Он обнажил меч одним эффектным движением: в правой руке эфес меча, в левой — наконечник ножен. Тем же движением он умудрился разрубить пополам череп лица, ввалившегося в ближайшее окно.

Тут же, волчком развернувшись на месте, ножнами блокировал удар топора, а другой рукой обезглавил следующего лица с алебардой. Удар был столь стремителен, что закончился в глазнице следующего мертвяка, наступавшего с топором, еще до того, как погасли искры от столкновения с ножнами.

Скрестив руки и мгновенно разведя их обратно, Илна поймала в импровизированную петлю меч следующего лица. Поймала и держала: старое лезвие слишком проржавело, чтоб разрубить шелковые нити. Хозяин меча отчаянно держал его, пытаясь освободить из плена, но тут Гаррик мощным ударом сверху расколол его череп, как яичную скорлупу, и прекратил эту напрасную борьбу.

После этого он лицом к лицу схватился с копыеносцем — столкновение происходило слишком близко, чтоб можно было пустить копье в ход, и закончилось победным ударом набалдашника меча. Попутно Гаррик наотмашь рубанул двоих личей, скользящим движением располовинив их мертвые тела.

Разящий меч в руке юноши поспевал, казалось, одновременно повсюду, разбрызгивая по стенам и потолку желеобразную плоть мертвяков. У некоторых кости рассыпались подобно сгнившим корягам, у других — раскалывались, выплескивая желтоватый костный мозг.

Изначально в комнату ввалилась по меньшей мере дюжина личей. Сейчас на ногах осталось всего двое. Зато эти напирали с безразличием катящегося бревна. Гаррик ударил понизу, метя под ромбовидный щит, которым прикрывался один из нападавших. Возвратным движением меча проткнул грудную клетку его соседа.

Илна подобрала с полу топор и разможила череп личу с только что перерубленными в коленях ногами. Затем добила того, что лежа с рассеченным тазом, продолжал молотить ржавым мечом.

Гаррик обернулся. Теперь, когда дело было сделано, тело его обмякло от внезапно навалившейся усталости, лицо приобрело сероватый оттенок. Смердящие ошметки мертвой плоти темнели на глазах, сворачивались и скатывались по груди и рукам Гаррика, падая на пол.

— Гаррик! — Девушка тоже почувствовала приступ слабости. Ее накидка валялась тут же, намотанная на меч лича и намокшая в разлагающейся субстанции.

Юноша поднял глаза на звук знакомого голоса. На губах начала расплываться улыбка. Но она тут же застыла, погашенная выражением ужаса и омерзения на лице. В порыве мгновенного прозрения Илна увидела себя самое в зеркале гарриковых глаз: ее туника была вся забрызгана отвратительной плотью мертвяков. На уровне талии она оказалась разорванной в клочья — чей-то удар рассек материю, пощадив плоть... Илна даже не заметила, когда это произошло.

А позади нее высилось дерево с шершавой белесой корой. Его ветви, уходившие своими окончаниями в глазницы девушки, охватывали ее тело, как кокон окутывает незрячую беззащитную личинку. Ствол дерева и ветви колыхались, и это выглядело еще омерзительнее конвульсий мертвой плоти, разбросанной по комнате.

Илна пронзительно закричала. Она попыталась оторвать срощенные с ней ветви, но с таким же успехом могла бороться с дверным косяком.

Гаррик шагнул вперед, обеими руками сжимая эфес меча. На лице его застыла холодная решимость дровосека, который безошибочным ударом свалил не одно дерево. Лезвие меча со всего размаху вошло в ствол как раз там, где начинали расти змеящиеся ветви.

Со страшным криком агонизирующей ярости вселенная раскололась надвое. Между Илной и Гарриком, а в его лице — всем светом разверзлась серая пропасть, и девушка соскользнула в эту зияющую бездну.

Но это было избавлением. Теперь Илна ос-Кенсет освободилась — впервые с того момента, как шагнула в светящийся портал на кладбище Каркозы. Душа ее тихо и благодарно улыбалась.

18

Постель была из стеклянных волокон, которые мягко пружинили под весом Кашела. Она дарила комфорт, как никакая перьевая перина. И юноша на мгновение расслабился, окунулся в эту роскошь, хотя внутренний голос понукал его, заставляя проснуться.

Наконец Кашел открыл глаза. Солнце огромным красным куполом высилось над западным горизонтом. На летнем небе теснились облака, испещренные разноцветными полосками — багровыми, лиловыми и, на самом верху, золотыми. А там, где над лесом поднимались хрустальные городские башни, они расцвечивались всеми цветами радуги.

Кашел сел на своем ложе и потянулся. Все тело у него ныло — добрая усталость от хорошо сделанной работы. Мелли прохаживалась по широкому крытому балкону, где стояла его постель. Увидев, что юноша проснулся, она направилась к нему с чашей. Она была такой прозрачной, что, казалось, зеленый напиток пенится прямо в воздухе.

— Я долго спал? — спросил Кашел. Он осторожно поднялся — вроде ноги не тряслись. Вообще, все мышцы были в порядке, без видимых повреждений, просто какие-то расслабленные. Их буквально приходилось заставлять работать.

— Достаточно долго, — весело сообщила фея. Она снова оказалась нормального роста, что уже не удивило парня — не столь высокая, как Шарина, зато куда более фигуристая. — Вот, выпей, почувствуешь себя лучше.

— Я и так в порядке, — проворчал Кашел, впрочем без особой уверенности. Если уж быть точным: он чувствовал себя вполне прилично, но максимум работы, на который соглашалось его тело, — это самостоятельно пересечь комнату.

Он неспешно принялся пить жидкость — мелкими глотками, держа чашу у губ. Пузырьки ударили ему в нос. Напиток, будучи сам по себе прохладным, принес приятное тепло, распространившись по телу.

Кашел бросил взгляд себе на грудь. Порезы, оставленные когтями Дерга, наполовину затянулись. Осталось лишь несколько заметных царапин.

— И сколько же я спал? — настаивал он. — Мелли, тебе следовало меня разбудить!

Высоко в небе кружились птички, исполняя сложный танец. Солнце почти уже скрылось за горизонтом, его последние лучи время от времени поблескивали на крыльях маленьких танцоров.

Издав тихий смешок, Мелли положила руки ему на грудь. Ее мышцы были такими же сильными и гладкими, как его собственные.

— Тебе требовалось поспать, Кашел, — возразила фея. — Я говорила тебе: Дерг очень силен.

Минувшая схватка вспоминалась ему фрагментами. Знаете, как бывает: кусочек оттуда, кусочек отсюда. Скорее, набор разрозненных картинок, чем единое целостное полотно. Щелкающие клыки в миллиметре от его горла, массивное красное тело, плюхающее по воде после ударов, которые вышибли бы дух из любого другого.

— Так оно и было, — признал юноша. — Надеюсь, никого сильнее я уже не встречу.

Он прикоснулся ко лбу. Следы от собачьих клыков (когда он долбанул Дерга по морде) еще остались, но тоже на глазах затгивались.

— Давай посмотрим восход лун, — предложила Мелли. Она взяла из его рук пустую чашу и поставила на столик с тоненькими сапфировыми ножками. Молодые люди рука об руку вышли на стеклянный мост, начинавшийся прямо от их балкона.

Воздух, казалось, вибрировал от невидимых флюидов. До них долетали ароматы леса, раскинувшегося под мостом: благоухание цветов, запах наливающихся фруктов — торжествующая зеленая сила жизни. Лес не был застывшим. Что-то там двигалось, перемещалось — возможно, птицы, устраивающиеся на ночь в гнезде. А может, ночные животные, вышедшие с наступлением тьмы на тропу к водопою.

Мост был шести футов в ширину и имел ограждение — едва заметные глазу перила, будто притороченные лучи света. При ходьбе подъем моста почти не ощущался, но тем не менее в своей верхней точке конструкция почти закрывала башню, что высилась в полумиле на противоположном конце. Поверхность была приятно-упругой под ногами: как густой влажный луг на рассвете.

Кашел восстановил контроль над своим телом, хоть и не в полной мере. Он закинул руки над головой, согнул их, разогнул и засмеялся, переполненный радостью жизни.

Мелли обняла его за плечи.

— Да, — ответила она на невысказанный вопрос, — теперь ты вдвое сильнее любого другого мужчины, Кашел!

Юноша подхватил смеющуюся девушку и посадил на привычное место на плече. Она показалась ему легкой, как пушинка. Кашел шел по мосту и нес свою подругу, а под их ногами лес перекликался и посвистывал голосами своих обитателей.

Они достигли середины моста, стали видны огни в башне за темным лесом.

На небе и впрямь появились луны: сверху та, что поменьше, а под ней, совсем рядом, вторая — гораздо большего размера. Обе они были полными, изливающими серебряный свет сквозь золотистый туман.

Кашел обеими руками прижал к себе фею... И в этот момент проснулся.

— Ого! — воскликнул юноша. Он лежал все на той же полянке в джунглях, где происходила его схватка с демоном. Голова его покоилась на куче зеленых веток. Первое, что он увидел, была фея. На ее лице застыло озабоченное выражение. С другой стороны сидел на корточках Дерг. Такая диспозиция мгновенно заставила Кашела вскочить с ложа — он не доверял демону.

Но тот, вместо того чтобы нападать, преклонил колени и коснулся лбом земли.

— Господин, — пророкотал он.

— Вот, Кашел, — подала голос Мелли, при этом она бросила Дергу орех размером с кулак. — Выпей, это укрепит твои силы.

Своими длинными челюстями демон надкусил верхушку ореха, после чего протянул открытый орех юноше.

— Со мной все в порядке, — упрямо проговорил Кашел. На самом деле он не помнил, когда у него все так болело. Он прихлебнул из скорлупы, ожидая найти нечто вроде кокосового молока. Но вместо него в орехе оказалась зеленая шипучая жидкость. Подобно парилке, она оказала благотворное действие на юношу: согрела, расслабила все ноющие мускулы.

Теперь Кашел был в состоянии разбираться с демоном. Он бросил на него внимательный взгляд.

— Мы с тобой вроде договорились? — спросил он. У них в деревне было принято прекращать драку после того, как один из сражавшихся сдался. Но Кашел помнил случаи, когда проигравший не желал оставить все как есть.

Дерг снова поклонился.

— Ты — мой хозяин, человек. До тех пор, пока я не выполню твое желание, — сообщил он и ухмыльнулся (при такой длине

челюстей ухмылка получилась зловещей). — А впредь я буду выбирать себе врагов послабее.

Кашел засмеялся и пожал руку недавнему противнику.

— Думаю, то же касается и меня.

Юноша встал, расправил плечи, посмотрел на свою грудь. Кто-то — Мелли или Дерг — смазал кровавые отметины коричневым соком с резким, терпким запахом. То же самое обнаружилось и на лбу, пострадавшем во время столкновения с челюстями Дерга.

— Мне снился такой странный сон, Мелли, — сообщил он. — В этом сне я был совсем другим.

Демон сорвал фиолетовый цветок, свисающий с лианы над головой Кашела.

— Испарения этих цветов порождают сновидения, — пояснил он. Юноша понемногу начинал привыкать к рокочущему голосу Дерга, так же как и к его устрашающей морде.

Хотя никакого особого запаха от цветка Кашел не ощущал, он без колебаний поверил демону. Обладая тонким слухом, юноша мог узнать овцу по голосу на таком расстоянии, когда никто из его односельчан, вообще, ничего не слышал. Но вот нос у Дерга был куда длиннее, чем у него, следовательно, мог улавливать более тонкие запахи.

— И что ты думаешь о своем сне, Кашел? — спросила фея. Будь на ее месте кто-нибудь другой, парень поклялся бы, что слышал в ее голосе напряжение.

Он пожал плечами.

— Там было здорово, — признался он. — Это так забавно — представлять себя кем-то другим...

— А этот человек во сне, — вкрадчиво произнесла Мелли, — он не мог быть тобой, Кашел?

— О нет, — поторопился юноша и рассмеялся, хотя самому ему этот смех показался неуместным. — Нет, это был кто-то совершенно другой.

Фея сделала быстрое сальто назад и снова приземлилась на ноги. Это был первый акробатический трюк, который она себе позволила с тех пор, как очутилась в зеленых джунглях.

— Что ж, давайте поговорим об исполнении Дергом твоего желания, — сменила тему фея. — Начнем прямо сейчас?

— А? — не сразу сориентировался Кашел. — Ну да, конечно. Только давайте идти потихоньку, пока я не очухаюсь.

— Ну тогда пошли, — решительно произнесла Мелли и шагнула меж двух толстенных стеблей папоротника.

Кашелу показалось: по щеке феи скатилась слеза... Должно быть, свет так упал.

19

— Нет, — заявил Ноннус начальнику маленького эскорта из четырех всадников. Они сопровождали экипаж, который Азера прислала за своими спутниками, — я поеду снаружи, на ступеньке.

Офицер нахмурился. Свет фонаря поблескивал на его стальных латах и шлеме. К поясу слева у него был привешен длинный кривой меч, который побрякивал при ходьбе.

— Ну, тогда смотри, не поскользись, — сказал он. — А если уж упадешь, молись, чтоб под колесами оказалась сразу голова, а не живот. Это все, что я могу тебе посоветовать, дружище.

Экипаж в этот момент разворачивался во дворе гостиницы. Он представлял собой деревянный каркас, обтянутый водонепроницаемым полотном, — достаточно компактный и легкий, чтоб с ним справлялась одна парная упряжка. Гостиничные слуги выжидали, чтоб перенести пожитки путешественников из сельской повозки, на которой те приехали, в этот облегченный городской экипаж.

— Спасибо, начальник, — откликнулся отшельник, — буду помнить.

— Сарко! — Хозяин гостиницы оглядывался в поисках конюших, которым полагалось ему помогать. Сейчас он собственноручно нес коврик, в который Шарина завернула свои постельные принадлежности. — Бранн! Да где же вы?

Карета тем временем развернулась и стояла в ожидании пассажиров. Две служанки во главе с хозяином переносили к ней багаж, а кучер водружал его на крышу кареты.

— Сарко! — снова крикнул хозяин.

Шарина попыталась припомнить лица убитых конюхов, но они всплывали перед ней в виде неясных движущихся пятен. А ведь любой человек — пусть даже самый дурной — достоин чего-то большего, чем поспешное забвение.

— Давайте залезайте. Поехали! — махнул рукой командир. Сам он развернул свою лошадь и потрусил с постоялого двора, на ходу выкрикивая приказы своим людям.

С легкой улыбкой Ноннус внимательно посмотрел на Шарину и помог ей залезть в экипаж. За ней последовал Медер, он уселся на скамейке напротив девушки. Карета сразу же тронулась с места.

Стоя на подножке, отшельник просунул руку в открытое окно, чтобы держаться за раму. Ступенька была узкая, шириной в полступни, рассчитанная лишь на то, чтоб на нее мимоходом наступали пассажиры. Несмотря на это, Шарине и в голову не приходило всерьез беспокоиться за Ноннуса.

Ее страх — безотчетный и гнетущий — носил совсем другой характер. Возможно, ей не давали покоя призраки убитых конюших с постоянного двора...

Внутри карета была обтянута темным плюшем. Девушка предположила, что она принадлежала бор-Дахлиманам, хотя геральдические украшения или другие отличительные знаки на ней отсутствовали. По одежде слуг тоже ничего нельзя было сказать.

Лицо Медера маячило напротив в неверном освещении. Лишь иногда, когда в окошко падал свет фонаря, девушка ловила его пристальные взгляды.

— Вы не отдаете себе отчета, госпожа, насколько во мне нуждается, — заговорил он какое-то время спустя. Громыканье колес по мостовой сливалось с его голосом и превращало его в металлический шепот. — Однако настанет день, и вы оцените меня. Когда-нибудь, когда только я смогу спасти вас...

Шарина молча отвернулась. Коснувшись руки отшельника, посмотрела на его профиль. Губы Ноннуса улыбались, но он не смотрел на девушку. Лицо его казалось вырезанным из полированной кости.

Так они продолжали ехать, неизвестно сколько. Экипаж не сбавлял ходу, несмотря на то что время от времени впереди случались какие-то неприятности. Периодически девушка слышала крики конвоя, разок громыкало железо.

От монотонного шума и покачивания Шарину клонило в сон, но каждый раз ее будило воспоминание об убийстве в аллее. Ее преследовали картинки: нет, не лица жертв, а выражение ужаса, которое она прочла в их глазах перед смертью. Усилием воли Шарина стряхивала с себя сон, мотала отяжелелой головой. *Любой человек — даже самый дурной...*

Карета остановилась так внезапно, что девушка чуть не упала со скамейки. Должно быть, возница слишком резко натянул поводья. Ноннус соскочил с подножки и свободной рукой распахнул дверцу. Из другой он не выпускал дротик.

Шарина вышла наружу, посмотрела по сторонам. Они стояли перед входом в особняк. Навес, поддерживаемый с одной стороны колоннами, призван был защищать гостей от дождя. Воздух, насыщенный влагой и запахом соли, свидетельствовал о том, что они неподалеку от порта или, возможно, канала, ведущего к заливу. Данное предположение выглядело весьма вероятным, так как эта часть города была отдана как раз под роскошные особняки, а не складские помещения и съемные квартиры для моряков.

Фонари не горели, но было достаточно светло из-за полнолуния. В дверном проеме стояла высокая женщина в чем-то сером. Свет свечи, падавший сзади, отбрасывал ломаные тени на ее лицо.

— Заходите скорее, — сказала она, — пока никто не видит.

Первым вошел Медер, за ним Шарина, ощущая молчаливое присутствие Ноннуса за спиной. Пол под их ногами бы выложен мраморными плитами с геометрическим рисунком, потолок делился на четыре сектора-фрески — что-то из мифологических сюжетов. В слабом свете свечи девушка не могла разглядеть детали, запомнились только мужчины на драконах из одной сцены.

Женщина закрыла двери и провела их в главный зал. Высокие окна отбрасывали треугольники холодного лунного света. Их дожидалась Азера, с ней мужчина-слуга, как две капли воды похожий на серую женщину.

У обоих были бледные лица, волосы облепляли череп, наподобие льняной кудели.

Шарина услышала звук удаляющейся кареты — дальше по улице, не в направлении конюшен на задворках. Девушка огляделась. Зал был облицован цветным мрамором, в стенных нишах покоились скульптуры, баласинами для балюстрады на втором этаже тоже служили миниатюрные статуи.

Большинство дверей из этого зала — черного дерева, украшенные резьбой, с золочеными петлями, — оказались запертыми. Помимо дверей, через которые они вошли в боковую прихожую, существовал парадный вход, к которому вела широкая двойная лестница. Между двумя крыльями этой лестницы существовал узкий коридор, упиравшийся в бронзовую решетку, похожую на те, что опускаются в замках. За ней Шарина разглядела мраморный причал, слабо блестящий в лунном свете. Дом имел прямой выход на один из городских каналов.

Особняк бор-Дахлиманов поражал своей роскошью и пустотой.

Даже в этом неверном освещении девушка разглядела легкий туман, клубившийся в неиспользуемых помещениях. Застоявшийся воздух был наполнен пылью... Но где же армия слуг, предназначенная для борьбы с этими признаками запустения? Должно быть, эта призрачная пара являлась единственными обитателями особняка.

— А где владелец? — резко спросила Шарина. — И кто эти люди?

Азери ее требовательный тон заставил поморщиться.

— Реджин бор-Дахлиман в отъезде, — сообщила она. — Его слуги позаботятся о нас. А утром мы отправимся дальше.

Девушке показалось, что она услышала какое-то движение на лестнице. Ноннус тоже насторожился. Он не изменил позы — хотя в его поведении с тех пор, как они прибыли сюда, и так сквозило напряжение мангуста в змеиной норе, но Шарина заметила, как глаза отшельника исследуют обстановку.

Парадная дверь была надежно заперта. Она могла противостоять натиску толпы, вооруженной тараном, к тому же потребовалось бы несколько минут, чтоб справиться с запорами изнутри. Окна на втором этаже были зарешечены. Надо думать, комнаты за черными дверьми тоже защищались не хуже. Решетка на канал поднималась вручную — длительный процесс, при условии что они нашли бы для этого лебедку.

Единственным выходом, которым можно было бы спешно воспользоваться, служила дверь, через которую они вошли. Все это здорово смахивало на ловушку...

Служанка поклонилась Шарине:

— Госпожа, следуйте за мной. В западном крыле для вас приготовлены покои...

— Западное крыло? — удивилась Азера. — Но вы же говорили, что все комнаты были...

— Пошли, — тихо скомандовал Ноннус. Девушка заметила пылюнский нож, поблескивавший теперь в его левой руке.

Они направились к прихожей. В одной руке Шарина несла свои вещи, другой потянулась к щеколде. В этот момент решетка, закрывавшая выход на канал, со скрипом поползла наверх.

— Куда вы направляетесь? — закричала прокуратор. — Вы что, спятили?

— Госпожа, — послышался голос одного из слуг. Они были неразличимы — блеклые, пустые голоса — такие же, как их глаза. Шарина приоткрыла дверь.

За нею стояла облепленная водорослями толпа личей. Потрясая своим мокрым оружием, они напирали, валили в коридор. Опережая остолбеневшую девушку, Ноннус с силой захлопнул дверь.

— Сюда! — толкнул он Шарину к одной из закрытых дверей на противоположной стороне зала.

Азера кричала в страхе и ярости. Наверху за балюстрадой тоже маячили личи, они начали спускаться по лестнице. Еще больше тварей появлялось со стороны канала.

Женщина-служанка бросилась к Шарине и с неожиданной силой обхватила ее руками. Девушка растерялась — ощущение было такое, будто попался в щупальца спрута. К тому же она не ожидала нападения с этой стороны. Все ее внимание было поглощено прибывавшими личами.

Теперь она очень кстати вспомнила о солдатском ноже — своем трофее. Приличное оружие с заточенным острием и хорошей режущей кромкой. Со всего размаха Шарина всадила нож под ребра женщине, если она на самом деле была женщиной... Та продолжала сжимать ее в своих объятиях. В отчаянии девушка повернула лезвие, которое заскрежетало об кости существа, и упала вместе со своей жертвой. Упала не очень удачно: хлопнулась со всего размаха головой о мраморный пол.

Внезапно женщина обмякла. Голова ее откатилась в сторону, а из перерезанной глотки хлынула струя — не крови — густой коричневатой жидкости.

Схватив девушку за шиворот, Ноннус рывком поставил ее на ноги. Шарина попыталась сфокусировать зрение. Это удалось ей не вполне: все предметы двоились и расплывались у нее в глазах. Мужчина-слуга валялся тут же на боку, дротик Ноннуса вошел ему в грудь и торчал из спины.

Медеру удалось открыть одну из дверей. Лунный свет, падавший через расположенные под потолком окна, освещал черный трон, стоявший внутри. С криком колдун бросился к нему. Ноннус затащил Шарину в комнату, не забыв впахнуть и прокуратора.

Девушка снова сделала попытку сориентироваться. Коричневая гадость уже начала разъедать лезвие ее ножа.

Во всей огромной комнате был только этот разукрашенный трон да стол из эбенового дерева у противоположной стены. На столе стола пара подсвечников, позеленевших от времени. Окна казались слишком узкими, чтоб туда мог протиснуться человек.

А единственная дверь вела в зал, битком набитый личами.

Ноннус бросил взгляд на задвижку — сложное приспособление, устанавливающее два засова в пазы дверного косяка. И дверь, и засовы выглядели надежными, но два десятка оживших монстров могли снести их в несколько минут.

— Запритесь! — бросил отшельник и выскочил обратно в коридор, захлопнув за собой дверь.

— Ноннус! — закричала Шарина, пытаясь подняться на ноги. Азера поспешно накинула засовы. — Ноннус, нет!

Раздался звон стали. Что-то ударилось с той стороны в дверь и отскочило.

— Молись за тех, кого я убью сегодня, дитя мое, — послышался оттуда голос отшельника.

Потому что ему за них молиться не придется.

— Нет! — повторяла Шарина, хватаясь за поворотный механизм, чтоб открыть дверь. В этот момент прокуратор обрушила на ее затылок серебряный подсвечник.

Ноги у девушки подкосились, она безвольно рухнула на пол, все еще сохраняя способность видеть и слышать то, что происходило. Кинжал, выпав из ее рук, звякнул на мраморном полу.

Медер благоговейно опустился на колени перед черным тронном. Он начал произносить заклинания, в то время как снаружи продолжалась схватка. Раздавалось лязганье металла, но никто из сражавшихся не произносил ни слова.

Увы, Ноннус мог выиграть только время, но не безопасность для девушки, которую поклялся защищать. И он боролся за это время, покупал его ценой пьюльского ножа и своей жизни.

20

— Большим камнем легче править лезвие, — поучал король Карус (вернее, дух короля в теле Гаррика), проводя крест-накрест оселком по острию меча. Он заканчивал работу, натачивая нижнюю часть клинка. Еще через несколько минут Карус наотмашь ударил мечом по стальному шлему. Удар разрезал металл, как нож масло. Критически оглядев царапину, оставшуюся в результате на клинке, король констатировал:

— Годится.

Он ухмыльнулся в сторону Гаррика:

— Смотри, не оттяпай себе палец, парень! Это не шутка... Я сам видел подобные вещи.

Гаррик во сне кивнул:

— Уставший человек способен ошибаться. Я, во всяком случае, способен.

— Это к каждому относится,— согласился Карус, переходя теперь к другой части лезвия. Будь оселок покрупнее, можно было бы просто водить лезвием вдоль него, но тот, что король достал из мешочка на поясе, оказался мелковат. — И именно после битвы ты устаешь, как никогда. Но это не снимает с тебя обязанности позаботиться об оружии.

Он рассмеялся смехом жизнерадостного человека, который умеет извлекать смешное из всего — не только из собственных ошибок.

— Нет ничего хуже, чем проснуться ночью от внезапного нападения врага и вспомнить, что твой меч не заточен должным образом. А все из-за того, что вчера перед сном ты чувствовал себя слишком усталым!

Карус поднял меч к свету и сдул пылинку с его лезвия.

— Помни о клинке, парень! И затачивай только режущую кромку. В бою тебе не нужен сточившийся меч, который треснет или сломается, наткнувшись на что-нибудь твердое, — а это обязательно произойдет!

— Мне случалось затачивать ножи, — сообщил Гаррик, — а также топоры. Конечно, кость тверже корней старого пекана, но не намного.

Карус снова рассмеялся.

— А как насчет лат, парень? Твои пеканы часто носят их? — спросил он. — Но я тебя понял.

Он вздохнул:

— Король должен так много всего знать. Кое-что из этого мне так и не открылось... может, и не могло открыться. Я верю, ты будешь лучше меня!

Они сидели на разных концах изогнутой мраморной скамьи. Вокруг благоухал сад: розы увивали длинную решетку на противоположной стороне площадки. Над головой по ласковому небу проплывали легкие облачка.

Карус ветошью смахнул каменную крошку с лезвия, улыбнулся мечу и одним движением отправил его в ножны.

— Доброе оружие, — сказал он. — Никогда меня не подводило.

— Его изготовил для вас волшебник? — поинтересовался юноша. Он знал, что если сейчас поднимется и заглянет за розовую изгородь, то там не будет ничего — клубящаяся серая пустота, материал, из которого его воображение тклет свои сны. Гаррику не хотелось получать подтверждение, и он остался сидеть.

Король хохотнул:

— Во всяком случае, он дал его мне... не думаю, чтоб собственноручно выковал. Волшебники, знаешь ли, много знают, но мало что могут делать руками. А вот кузнец, выковавший этот меч...

Он вложил точильный камешек обратно в мешочек.

— ...был, наверное, столь же искусен, как и твоя подруга Илна. Я никогда не видел большого проку в волшебниках, но вот людей, способных работать руками, уважал.

С этими словами король вернул меч Гаррику. Тот поднялся и прицепил его на пояс. Король остался сидеть с задумчивым выражением лица.

— По правде говоря, я ненавидел колдунов, — признался он. — Наверное, оттого что не понимал их действий. Это неправильно.

Карус смотрел вверх, черты лица заострились и стали твердыми, как на штампе, с которого печатают монеты.

— Не повторяй моих ошибок, парень. Насчет волшебников и вообще...

Лицо его снова расплылось в знакомой широкой ухмылке.

— Но также не иди по пути герцога Йольского: никогда не доверяй человеку на том лишь основании, что он знает о чем-то больше твоего.

Король Карус поднялся. Теперь глаза его были на одном уровне с гарриковыми. Откуда-то издалека слышался голос, он произносил слова мощи, слова заклинания. И с каждым словом этого речитатива мир сна Гаррика становился все светлее, словно выцвечал под летним солнцем.

— Тебе пора идти, — произнес Карус. Он любовно похлопал эфес меча. — Береги его, парень. Пройдет не так уж много времени, и он снова мне понадобится.

Сад начал распадаться, растворяться в жемчужном свете. Инстинктивно Гаррик раскинул руки, чтоб смягчить падение. Но обнаружил, что лежит на холодном алебастровом полу какой-то комнаты; в окно льется холодный лунный свет. Рядом сидела Теноктрис и выводила слова на Старом Языке. Увидев, что юноша проснулся и пытается сесть, она улыбнулась, но занятия своего не прервала.

Они находились в разгромленной илльной комнате. Вокруг валялись разбросанные тела личей: некоторые из них превратились в скелеты — гнилостная плоть облезла и растеклась в зловонные лужицы.

Неистовый удар булавы разбил в щепы ее антикварный ореховый сундук. Неожиданно гибель этого произведения искусства расстроила и огорчила юношу гораздо больше, чем даже смерть человека — труп одного из желтоглазых слуг Илны так и валялся на пороге комнаты. Гаррик нахмурился: не очень приятно получать подобную информацию о своей системе ценностей.

Илна исчезла.

— Илна была здесь, — подал голос Гаррик. — Ты не видала ее?

Он помнил, как нечто омерзительное овладело Иллой,росло в ее плоть. Удар, который он нанес тому змееподобному дереву, был его собственный — не живущего в его теле короля Каруса. Но, может, это ему просто приснилось? Возможно, еще один ночной кошмар?

Теноктрис покачала головой.

— Ты был единственный живой человек в этом доме, — сказала она. — Сможешь подняться?

И она протянула ему руку. Юноша уперся в пол, стараясь не попасть рукой в желеобразные потеки. В несколько приемов ему удалось встать на ноги. Ситуация, когда ему понадобилась помощь старухи — физическая помощь, — вызвала у него невольную улыбку. В психической силе колдуньи он не сомневался: тот факт, что ему удалось-таки подняться, стал возможен не только за счет его личной стойкости, но и благодаря силам, которые Теноктрис призвала ему на помощь.

— Если судить по тому, что Илна оставила, — сказала колдунья, как бы отвечая на его вопрос, — то она сейчас находится далеко не в самом лучшем месте. Боюсь даже, что в очень скверном месте. Но то же самое можно сказать и о Лиане. И если мы не спасем ее до полуночи...

Она бросила красноречивый взгляд на луну, которая почти уже выползла на середину неба.

— ...то потом будет поздно.

Гаррик невольно огляделся, пытаясь обнаружить «то, что Илна оставила». Он ничего не увидел, ничего существенного, по крайней мере... Да и какое это имело значение? *Они не могут делать две вещи одновременно.*

— Давай отыщем сначала Лиану, — решил юноша. — Она ведь в их старом особняке?

— Она в каморке служителя, которая является частью семейного склепа, — поправила Теноктрис. — И я не могу идти туда одна. Только не против Бенлоу.

— Ты не одна, — твердо сказал Гаррик. Он осторожно переступил через труп слуги и направился к выходу.

Но тут его пронзила внезапная мысль. Юноша остановился и вытянул из ножен меч, поднес его клинок поближе к свече, все еще горевшей в коридоре.

Конечно, пока он был в беспамятстве, старая колдунья могла нацепить на него пояс. Но вряд ли она смогла бы наточить его лезвие и оставить маленькую зарубку у самого острия.

21

Пока тело Шарины безвольно лежало на полу в тронном зале, ее дух парил за дверью — в зале, заполненном личами. Внутренним зрением девушка увидела, как Ноннус стоит, прижавшись спиной к двери, очевидно, собираясь с силами. Затем ныряет в самую гущу серых тел, прежде чем те смогли сообразить, что происходит.

Пьюльский нож то и дело сверкал в лунном свете.

Раз — и лич упал с рассеченным позвоночником.

Раз — еще один лич упал: его череп раскошен вдребезги рукояткой ножа.

Раз — и еще один — со свернутой шеей — присоединился к куче на полу. Шарина видела, как жесткие пальцы отшельника нырнули в глазницы монстра и резким движением, каким обычно утихомиривают зайца в силках, прекратили дерготню тела.

Ноннус снова отпрянул назад. Оживленные силой магии создания не знали ни страха, ни колебаний. Они тупо шли, карабкались прямо по телам своих павших товарищей. Те, что сбоку, двигались беспрепятственно, с застывшими серыми лицами, судорожно зажав оружие в костлявых руках.

Ноннус тяжело дышал. Теперь в одной руке у него был пьюльский нож, а в другой — обломок деревянной пики длиной в тридцать дюймов. Зловеще ухмыльнувшись, отшельник сделал выпад левой рукой прямо в гущу серых тел. Как результат: оттуда взлетела в воздух голова, по пути теряя ошметки желеобразной

плоти. Это существо умерло сотни лет назад, сегодня оно упокоилось навсегда.

Ноннус все отступал, но вскоре уперся спиной в дверь — пространства для маневров не осталось. С обеих сторон на него навалились два лича, затем к ним добавился третий. За ними стояла толпа таких же бесстрастных созданий с бряцающим оружием. Слишком много для одного живого человека. Пока живого, пока сопротивляющегося...

Когда движение в этой куче затихло, дух Шарины на волне черной безнадежной пустоты снова вернулся в ее тело, распростертое на полу в тронном зале.

— *Фазоузоул эйстокама ноуказл!* — выкрикивал Медер. Он вместе с Азерой стоял внутри круга, нацарапанного на каменном полу с помощью шарининогo кинжала. Мраморные прожилки плавилась и пузырились, соприкасаясь с коричневой сукровицей, застывшей на лезвии ножа.

Прокуратор с надменным выражением лица смотрела в сторону двери, она не принимала участия в ритуале. Девушка невольно поразилась ее выдержке: наверняка, Азера была испугана, но закалка старой аристократки не позволяла ей проявлять свой страх.

— *Апрафес! Эйнач! Адонес!*

Дверь сотрясалась от ударов. Ржавый топор пробил резную панель по самым косякам и снова исчез. Пониже в двери застряло лезвие алебарды — личи атаковали... Используя деревянное копьё как рычаг, они пытались отодрать дверь от косяка.

Шарина подумала, что, пожалуй, способность двигаться вернулась к ней. Можно было бы попробовать подняться, но зачем? Ведь смерть от руки оживших монстров положит конец ее ответственности... и чувству вины.

— *Декокта ятеннаоуян заарабем!* — взывал Медер. Голос его вибрировал от нетерпения, запрокинутое лицо в лунном свете выражало неистовую радость.

Девушка не знала, что именно планировал колдун. Но, судя по недавнему прошлому, снова нечто отвратительное — такое, с которым ни один порядочный человек не захочет смириться.

Союз топора и алебарды победил: верхняя дверная панель оказалась пробитой в нескольких местах. В образовавшиеся проломы лезли серые руки, чтоб поскорее убрать препятствие с дороги. Они выламывали дерево, не обращая ни малейшего внимания на длинные щепки, впивающиеся в неживую плоть.

Ноннусу бы не понравилось, как она думает о Медере! И еще ему не понравилось бы, что девушка, ради которой он умер, валяется на полу, безразлично наблюдая за победой зла.

Подсвечник, которым ее шандарахнули по голове, все еще валялся на полу рядом с Шариной. Подбрав его, девушка встала у двери, ожидая, когда мерзкие серые твари закончат свою разрушительную работу.

— *Намадон! Замадон! Тестис!*

Дверь раскололась сверху донизу. Та половина, на которой крепилась защелка, шлепнулась на пол тронного зала. Двое личей толкнули дверь, и та поддалась, открылась внутрь. За ней, как и предполагала Шарина, лежала куча трупов.

Девушка приготовилась, подняв в руке тяжелый подсвечник. Личи — уже мертвые создания, но, может быть, ее собственная кровь поможет Медеру обрести необходимую мощь?

— Шарина! — услышала она крик колдуна и инстинктивно оглянулась на звук своего имени.

Подняв левой рукой Азеру за волосы, он молниеносным движением перерезал ей глотку шарининым кинжалом.

Рот прокуратора широко распахнулся, но оттуда не вырвалось ни звука. Кровь хлынула на ее бежевое одеяние, а затем исчезла, растворилась в красном пламени, которое вспыхнуло по линии защитного круга и быстро побежало к потолку вверх черного трона.

Даже личи замерли. Колдун и его жертва скрылись в ревящем огне. Кинжал упал на пол и перевернулся, блеснув в свете костра. Странное дело, пламя не коснулось Шарины, хотя она стояла на расстоянии вытянутой руки от огненного круга.

Затем огонь как-то сразу исчез, будто рухнула защитная стена. Краснокожее чудовище с чешуйчатыми веками стояло в центре круга. Семи футов росту, с такими покатыми плечами, что его когтистые лапы почти касались пола.

— Я спасу тебя, Шарина, — проговорил демон хриплым голосом, отдаленно напоминающим голос Медера. Он сделал шаг вперед, скребя когтями каменные плиты.

Автоматически, все еще сжимая в руке подсвечник, девушка отступила в сторону. Она была слишком потрясена, чтоб напугаться.

Половина оштукатуренного потолка с грохотом рухнула, накрыв собой черный трон и почерневший от сажи пол. В воздух поднялось облако белой пыли. Пламя разгоралось в оголившихся потолочных перекрытиях.

Тот, кто вдохнул жизнь в оживших мертвецов, не предусмотрел в них такой роскоши, как страх. Пара личей, застывших было в дверном проеме, очнулись и поперли на демона, размахивая своим оружием. Булава клацнула и отскочила от красного черепа. Удар копьем другого лича не достиг цели, потому что демон поймал стальной наконечник и скомкал его, как мальчишка, забавляющийся с одуванчиком.

— Я спасу тебя, Шарина, — повторил Медер в облике демона. Он смял в одной руке обоих личей с такой силой, что, когда разжал пальцы, на пол посыпалась пыль костей, смешанная с желеобразной гадостью.

Покачиваясь на своих коротких ногах, демон двинулся в главный зал, где все еще толпились ожившие мертвецы. Они бросились в нападение с решимостью пчел, атакующих медведя-разхитителя. Столь же целеустремленно и столь же бесполезно... Демон крушил и расшвыривал противников. Не помогали ни латы, ни оружие личей.

Шарина упала на колени перед кучей мертвых монстров у дверей тронного зала. Она разгребала руками гниющую плоть и кости, порой рассыпавшиеся от ее прикосновения.

Ноннус лежал в самом низу, в правой руке он сжимал пьюльский нож. Лицо отшельника выглядело спокойным — таким же, как всегда.

— Пусть Госпожа накроет тебя своим плащом, мой друг. Пусть добрый Пастырь примет тебя в свое стадо.

Шарина обняла мертвое лицо Ноннуса и начала плакать...

А демон, раскидав куски последнего оставшегося лича, обернулся с победной улыбкой на плоском безгубом лице.

— Я спас тебя, Шарина, — прорычал он. — Теперь ты моя. И направился в сторону девушки.

22

Дерг вытянул одну из своих длинных синих рук, указывая на разрушенный замок, висевший у них над головой.

— Вот, — сказал он, — мы пришли в место, где я исполню твое желание.

Кашел почесал подживающие царапины на груди. Сначала ему показалось, что перед ними просто холм. Он заприметил

камни правильной формы, но они скрывались под листвой. Даже на сохранившихся фрагментах стен дерева пускали корни, росли и растаскивали по камешку свою основу.

— Отлично, — сказал он. — И что я должен делать?

Сам Кашел не представлял, что полезного можно найти на этих развалинах, но он доверял Дергу. И, конечно же, Мелли предупредила бы его, если б что-то было не так...

Он несколько смущенно улыбнулся своей подруге. Кашелу было как-то не по себе оттого, что она теперь обрела нормальные размеры — как все женщины. Фея вернула ему улыбку, но, увы, в ней не было прежней беззаботной радости. Видать, по лицу Кашела мелькнула тень, потому что Мелли потянулась и ободряюще пожала ему руку.

— Это внутри, — пояснил демон, направляясь в обход холма, параллельно бывшей крепостной стене. — На одной из башен еще осталась крыша... вот там как раз и находится то, что тебе нужно.

На вершине кирпичной кладки стоял пятнистый олень и внимательно наблюдал за незваными гостями. Отсюда, снизу, он казался не больше козы. Несколько мгновений олень продолжал пережевывать большой желтовато-коричневый лист, затем фыркнул, вздернул свои крошечные рожки и одним большим прыжком скрылся в лесной чаще.

Кашел терялся в догадках: что же ему, *на самом деле*, нужно? Не деньги — это точно. У него самого их достаточно. Увесистый кошелек настолько оттягивал ему шею, что пришлось перевесить его на талию, поверх туники. А что? Украсть его в джунглях было некому... А даже и случись такое, Кашел не сильно бы расстроился.

Может, Дерг приведет его к сундуку с золотом и драгоценностями? Кашел, конечно, возьмет его, но, скорее, из вежливости. Просто потому что неучтиво отказываться от подарка, даже не очень нужного...

Они подошли к месту, где полагалось быть крепостным воротам. От всей конструкции сохранились лишь столбы и притолока, но зато какие! Кашел в жизни не видал таких крупных обработанных камней. Стена была сложена из мелкозернистого песчаника с легким голубоватым оттенком — твердого камня, местами удивительно хорошо сохранившегося, несмотря на прошедшие столетия. Древние каменщики поработали на славу, просто время оказалось сильнее их. Ведь, как известно, время побеждает все на свете.

Они начали подниматься к воротам. Мелли легко перескакивала с одного камня на другой. Иногда она застывала на ребре какого-нибудь камня. Казалось, будто маленькая пичуга присела на мельничный громоотвод.

Что же мне нужно? Фея говорила: Дерг знает это лучше него самого. Вряд ли нечто материальное. Во всяком случае, Кашел не мог придумать такой вещи. Правда, он многого не знает. Вот, например, люди часто толкуют о счастье, а он не имеет представления, что это такое. Впрочем, этого не знают и остальные из его знакомых.

Мелли продолжала двигаться со своей обычной грацией, но теперь она больше не забавлялась и не играла, как прежде. Пожалуй, с тех пор, как они пришли в это странное место... Казалось, увеличившись до нормальных человеческих размеров (а может, это Кашел уменьшился?), фея утратила свою беспечную игривость и обрела взрослую уравновешенность.

Раньше, до того, как они попали сюда, Кашелу казалось, что фея счастлива. Сейчас он не знал, что и думать...

Когда-то двор замка был вымощен тем же песчаником, что и стены. Теперь плиты валялись в беспорядке среди разросшихся деревьев. Лес постепенно отвоевывал территорию: корни его обитателей тянулись, отыскивали щели между камнями, а найдя — буйно шли в рост, выкорчевывая все, что им мешало.

Люди считают камни вечными. На самом деле только жизнь, с ее бесконечным круговоротом, является вечной. Камень — это, конечно, хорошо, но Кашел предпочел бы старый добрый посох из пекана...

Юноша вспомнил меч, который он видел у Гаррика в их совместном сне. Похоже, меч принадлежал его другу, болтался у него на поясе...

— Дерг! — воскликнул Кашел. — А, может, ты собираешься подарить мне меч? Дело в том, что мне это не слишком надо...

Демон, а с ним и Мелли, так и зашлись смехом. Юноша отметил, что впервые за долгое последнее время фея развеселилась.

— Ой, глупенький! — едва проговорила она. — Ну чтобы ты делал с мечом? Ты!

— Вот, пришли, — подал голос Дерг. — Это здесь, внутри.

Конюшни, которые раньше стояли в замковом дворе, со временем разрушились или были погребены под обвалившимися внешними стенами. Здание напротив ворот выстояло, во всяком слу-

чае, фасад сохранился. Судя по всему, раньше здесь было три этажа. Черепичная крыша давно обвалилась и превратилась в кучу мусора. Этажные перекрытия, похоже, ненадолго ее пережили.

Но в левой части здания — наверное, дворца? — все еще торчала башня, теперь на два этажа выше всей постройки. Даже остроконечная крыша осталась в сохранности, хотя большая часть красноватой черепицы облетела. Какие-то птицы — не ласточки, как по привычке ожидал увидеть Кашел, — влетали и вылетали из окон башни.

Именно туда и направился Дерг, порой естественным образом переходя на четвереньки. При этом он втягивал когти в подушечки и ступал на костяшки. Мелли по-прежнему скакала легкой птичкой, Кашел же шел осторожно, внимательно исследуя камни, прежде чем на них наступить. Он всегда так поступал на плохой дороге и не видел причин сейчас изменять привычке. Конечно, красиво было бы идти легко, с гордо поднятой головой. Может, он так бы и делал, будь его посох с ним... Но сейчас Кашел не гнушался порой и на руки опереться. Все лучше, чем навернуться с ненадежного камня.

На свете было не так уж много вещей, которые Кашел отказался бы сделать, если б понадобилось.

Поднявшись по куче щебенки, они поднялись к двери, которая изначально открывалась с площадки второго этажа.

Кашел рассмеялся, его путники с удивлением уставились на обычно невозмутимого юношу.

— Я было порадовался, как удачно обвалилась здесь эта куча — как раз, чтоб мы добрались до двери, — объяснил он. — Но затем сообразил: не обвалилась крыша, мы смогли бы подняться нормальным образом — по лестнице. Все задачки имеют свое решение, не правда ли?

Демон, похоже, не уловил смысла, фея же с улыбкой ответила:

— Да, Кашел, действительно. Для некоторых людей.

На вершину башни вели каменные ступени. Вдоль них по стене вились плети страстоцвета, цепляясь за камни и выбрасывая свои лиловые цветы, подобно флагам, в каждое окно, каждое отверстие башни.

На полукруглой внутренней стене башни, хорошо сохранившейся благодаря лестнице и остаткам крыши, висел гобелен. Он выглядел здесь странным образом неуместно. Казалось, место ему где-нибудь на стене мельницы, на которой выросли Илна и Кашел.

— Ого! — произнес юноша, осторожно прикасаясь к поверхности ткани. — Вот бы Илна увидела!

Даже при слабом освещении сцена на гобелене выглядела, как живая. Из глубины леса вырастали башни волшебного города. Воздушные галереи из прозрачного материала вели от одной башни к другой, часть из них спиралевидно спускалась к верхушкам деревьев. Над всем этим возвышался чудесный купол безоблачного неба, в котором порхали какие-то крупные птицы.

— Я видел это во сне! — воскликнул Кашел. — Эти прозрачные переходы! Только тогда я жил там, внутри.

Дерг вопросительно поднял брови и посмотрел на фею. А та обняла своего друга и произнесла:

— Да, Кашел. Но это же был только сон, разве ты не помнишь?

На переднем плане гобелена расстился луг, он отделялся от леса широкой рекой. Через бурлящие воды был перекинут мост. Ближе к берегу он имел каменные опоры и деревянный настил — такие мосты Кашел видел по пути в Каркозу, но где-то с середины реки материал менялся. Дальше пролеты моста становились легкими, воздушными — из искрящегося стекла — и вообще не требовали никаких опор.

Юноша не мог определить, из чего изготовлен гобелен. На шелк непохоже... А нити, сверкавшие серебром и золотом, тем не менее были прозрачными, а значит, нематаллическими.

— Могу я взять это для моей сестры? — спросил Кашел. Такой подарок для Илны он, *несомненно*, взял бы с удовольствием.

— Нет, — ответил Дерг. — Пройди в дверной проем за ним. Ты попадешь туда, куда хочешь.

Сохраняя невозмутимое выражение лица, юноша приподнял ткань и обнаружил под ней участок более гладких камней, образовавших подобие арки.

Он оглянулся на своих спутников.

Демон осклабился во всю свою собачью пасть.

— Проход здесь, — уверенно заявил он. — Сделай несколько шагов за гобелен, и ты сам убедишься.

— Он говорит правду, Кашел, — подтвердила Мелли, улыбаясь какой-то новой улыбкой, ничего общего не имевшей с той шаловливой усмешкой, к которой он привык. — Таким образом ты попадешь в место, о котором мечтаешь.

Кашел пожал плечами и протянул на прощание руку демону.

— Думаю, ты не захочешь нас дальше сопровождать, — сказал юноша. — Я рад знакомству с тобой, Дерг. Жаль, что мы встретились как враги, а не друзья.

Демон ответил ему крепким пожатием, жилы у него были как толстые канаты.

— Друзья? Ну что ж, ты — человек и лучше понимаешь в таких вещах. Желаю тебе и впредь успешных сражений, Кашел.

И Дерг шагнул назад.

— Я тоже не иду с тобой, Кашел, — раздался голос феи.

Юноша нахмурился. Его мозг отказывался понимать услышанные слова. Такое часто случалось с ним: люди говорили ему что-то, а он не понимал...

— Ты доставил меня в точку, откуда я безопасно смогу попасть к себе домой, — сказала Мелли. — Я никогда б не добралась сюда самостоятельно, Кашел. Ты очень, очень сильный...

— Не думал, что ты покинешь меня, Мелли, — тихо произнес юноша. — Я...

Он не знал, как объяснить. Сказать, что он привык к ней — значит не сказать ничего. Привычной была боль в левом колене на перемену погоды — память о неудачно упавшем дереве... Тут совсем другое.

— Мне будет не хватать тебя, — сказал Кашел.

Мелли шагнула к нему и быстро поцеловала. Тело ее было теплое, живое. Как у кролика, подумалось юноше: сверху мягкое, а внутри — каменные мышцы.

— Пусть тебе с другими везет так же, как со мной, — сказала фея.

— Мелли! — рванулся за ней Кашел.

— Уходи! — решительно произнесла фея. — Не раздумывай! Это то, что тебе надо.

Юноша резко отвернулся — он не мог смотреть на ее слезы, поднял конец гобелена и шагнул вперед, будто не видя перед собой стены.

Стены там и впрямь *не было*. Одна темнота... Кашел сделал еще один шаг. Он выбрал этот путь и должен был пройти его до конца.

КНИГА ШЕСТАЯ

1

На калитке, ведущей к гробнице бор-Берлиманов, они обна-ружили цепь и навесной замок: новые владельцы решили оградить от вторжения этот уголок, пусть, даже им и не принадлежащий. Гаррик почувствовал прилив раздражения.

— Они не имеют права, — прошептал он, хватаясь за рукоятку меча. Обретя этот меч, юноша на многое стал смотреть по-иному. Теперь гнев перестал быть напрасной, гложущей изнутри эмоцией. Если кто-то посмеет косо посмотреть на Гаррика, он живо узнает...

Он почувствовал ладонь Теноктрис на своей руке.

Прикосновение отрезвило юношу: пальцы его разжались, меч послушно скользнул обратно в ножны.

— Я просто собирался перерубить цепь, — смущенно пробормотал Гаррик. — Это мягкий металл, и меч мог бы...

— Думаю, нам ни к чему такой шум, — произнесла старуха. Больше она ничего не сказала, но юноша прочитал вопрос в ее глазах. Теноктрис молча взяла замок в руки, поднесла его к лицу.

Гаррик залился краской стыда. Он стоял и пытался сообразить, кто же повинен в этой вспышке гнева — он сам или насмешник-король. Вот уж Гаррик никогда не считал себя излишне властной особой... да, собственно, он и властью никогда не обладал. Теперь что-то изменилось, причем эти изменения были связаны не только с королевским мечом.

Теноктрис тем временем что-то бормотала над замком. Вскоре внутри него зародилось холодное голубое свечение. Раздался мелодичный звон, и замок отвалился от дужки.

— Я говорила, что являюсь не очень могущественной волшебницей, — сказала старуха, — но все же волшебницей.

Юноша снял цепь с ворот, стараясь не звенеть металлом. Теперь, когда его ярость, вызванная поступком жирного домо-

владельца, поулеглась, Гаррик стал больше обращать внимание на окружающие обстоятельства и расслышал негромкое, монотонное пение. В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, вибрация, напоминавшая гул далекого прилива.

Боковым зрением Гаррик увидел голубое свечение и бросил вопросительный взгляд на колдунью. Та кивнула с мрачным выражением лица и направилась в отгороженный закуток, опережая юношу.

И снова Гаррик первым делом подумал о своем мече, но усилием воли заставил себя сдержаться. Единственное применение для меча в такой ситуации — быть костылем для его смятенного духа. Но если Гаррик не способен ощущать себя мужчиной, кроме как с оружием в руке, это значит, что он вообще не мужчина.

С этой стороны сторожка имела круглое заросшее плющом окошко диаметром в восемь дюймов. Оконный переплет делил его незастекленное пространство на четыре части.

Гаррик отвел листья в сторону, чтоб они могли заглянуть внутрь. В комнату падал неяркий лунный свет, но основным источником освещения являлся голубоватый туман, окутывавший полного лысеющего мужчину. Это он напевал голосом Бенлоу.

Бронзовый гроб валялся возле загородки, отделявшей сторожку от собственно склепа. Откиннутая крышка обнажала белый атлас внутри — и больше ничего... Гроб был пуст!

Сам поющий волшебник стоял в погребальной рубашке. На полу рядом с ним лежала мумия женщины. Гаррик видел ее запавшие щеки, выступающие сухожилия на переплетенных пальцах. Но явные признаки разложения отсутствовали.

Вообще, тело выглядело замечательно, остальные трупы в гробнице бор-Берлиманов сохранились куда хуже — это Гаррик мог засвидетельствовать, проведя достаточно времени в склепе. Должно быть, Бенлоу постиг искусство бальзамировщика во время своих многочисленных путешествий по Островам, а может — благодаря чародейству — и по другим измерениям.

С другой стороны от колдуна лежала Лиана, столь же неподвижная, как и ее мертвая мать.

Бенлоу — гость в этом пухлом теле — поднял руки. Он продолжал говорить, но Гаррик уже не различал слова заклинания. Вселенная вокруг начала пульсировать — ее плотность менялась в такт с движением губ колдуна.

Голубая светящаяся нить, плотная, как кромка меча, тянулась ото лба Маццоны ко лбу ее дочери. С каждым словом Бенлоу она становилась все плотнее и ярче.

— Ты можешь отвлечь его? — шепотом спросила Теноктрис. — Иначе у меня не хватит силы...

Юноша кивнул, оценивая обстановку. Дверь сторожки, хоть и деревянная, была заперта на засов толщиной в руку — такие запоры не вышибить. Рубить же дверь мечом — слишком долгое дело.

Гаррик отступил в сторону, оглядываясь. По крайней мере, теперь он оказался в своей среде. Если колдовство и всяческие чудовища были чем-то чуждым для него до встречи с Теноктрис, то уж в пробивании дыр юноша знал толк.

Гаррик прикинул вес каменной скамьи, установленной перед склепом, затем опустился на колени и, приложив все силы, оторвал сиденье от подставок. Он затруднялся даже предположить, сколько весит каменная плита — больше, чем достаточно... Юноша молился, чтоб не пришлось дважды брать разгон для штурма сторожки.

Теноктрис посторонилась, чтобы дать дорогу Гаррику с его сокрушительным тараном. Она была явно впечатлена увиденным.

Юноша сделал еще один, последний шаг, качнул свое орудие, чтоб усилить момент поступательного движения, и обрушил всю силу удара на круглое оконце. Рама и часть стены вылетели, посыпались кирпичи и старый, засохший раствор.

Грохот этого сокрушительного вторжения поглотился беззвучным весом заклинания Бенлоу. Губы колдуна продолжали шевелиться все в том же ритме, в котором сокращалась действительность.

Скамья наполовину влетела в помещение и застряла. Гаррик раскачал ее, чтобы расширить проход. Выдернув плиту наружу, он сам пролез в образовавшееся отверстие и окунулся в голубое магическое сияние.

Наступившее молчание само по себе было подобно раскату грома. Но, несмотря на наступившую тишину, юноша продолжал ощущать давление невидимых сил. Он не мог даже представить себе, каково было Теноктрис, которая воочию видела этот вздымающийся шторм.

Бенлоу обернулся, и в тот же миг силы покинули Гаррика. Он растянулся на куче обвалившегося кирпича, задыхаясь от пыли и не в состоянии восстановить дыхание. Его распростертая рука коснулась кисти Лианы — та была такая же холодная и твердая, как камни под ними.

Бенлоу протянул скрюченную, как клешня, руку к голове Гаррика. Меж кончиков его пальцев потрескивали голубые искры.

В это момент за его спиной Маццона поднялась и села. Грудь ее поднялась и вдруг исторглась криком:

— Помогите! Помогите!

Бенлоу резко повернулся.

— Маццона! — воскликнул он.

На лице мумии отразился ужас. Все так же сидя, она начала неуклюже отползать к дальней стене.

— Помогите! — снова закричала она. — Это чудовище убивает мою дочь! Спасите!

— Маццона, любовь моя! — Бенлоу с криком бросился к жене. Гаррик, по-прежнему неподвижный, ощутил, как невыносимое давление ослабевает, будто истекает из склепа наружу.

— Чудовище! — не утихала Маццона. Она попыталась встать, но ее мумифицированным рукам не доставало силы поднять тело вдоль стены. — Мерзкое чудовище!

— Любовь моя... — с нежностью произнес Бенлоу и замер. Голубое сияние стремительно угасало, утекая, как вода из дырявого ведра.

Тело мумии одеревенело и упало набок, при этом правая рука отвалилась.

Бенлоу еще несколько мгновений сохранял стоячее положение. По его лицу стали стремительно распространяться синеватые пятна, сильнейший запах разложения заполнил небольшую комнату. Смерть, отсроченная на недели, в считанные секунды взяла реванш.

Из глазниц закапало. Труп, не одушевляемый более душой Бенлоу, закачался и упал ничком. Гниющая плоть мокро шлепнулась и расплзлась по полу.

— Да не оставит его своими заботами добрый Пастырь, — прошептал Гаррик. Физические силы вернулись к нему, но не моральные...

Он немного внимания уделял Бенлоу при жизни, зрелище же ожившего мертвеца настолько потрясло и ужаснуло его, что юноша не находил в себе силы подняться и начать действовать. Он так бы и остался лежать в полуразрушенном склепе, если бы не мысль о друзьях. Лиане, а возможно, и старой колдунье необходима его помощь. Гаррик должен спасти их!

Не приведи Господь никому испытать то, что пережил бедняга Бенлоу. Даже он не заслужил такой судьбы...

Пальцы Лианы шевельнулись. Грудь поднялась и опала. Она была жива.

Гаррик с трудом поднялся на ноги. Все тело покалывало, будто он долго сидел в неудобной позе, но чувствительность мышц полностью восстановилась.

— Он собирался воплотить дух жены в теле дочери, — тихо сказала Теноктрис, все еще стоявшая за стеной гробницы. — Вот зачем ему понадобилась Лиана. Для своего замысла он использовал связь, существующую между матерью и дочерью. Без этого даже такому сильному волшебнику, как Бенлоу, трудно было бы добиться успеха.

Лиана пробормотала что-то, не приходя в себя. Пальцы ее снова пошевелились.

Гаррик посмотрел на старую колдунью.

— Не рассказывай ей, — велел он с властью, которая удивила его самого. — Лучше ей этого не знать.

— Да, — согласилась Теноктрис, — лучше не знать.

Сняв засов, Гаррик открыл дверь. Затем подобрал тело девушки и шагнул за порог. Ему требовалось выйти наружу, из этого зловония — физического и духовного — того, что произошло.

— Он был очень сильным, — произнесла волшебница. — Все, что я могла сделать в таких условиях — это перенаправить силы, которые он активизировал. Чуть-чуть отклонить в сторону... Чувство было, будто пытаешься выстоять против хлынувшего потока...

Она прикоснулась к замку калитки, он щелкнул. Оставив обе двери открытыми, Гаррик вынес девушку на заросшую плющом аллею. Из дома за ними наблюдал сторож с алебардой. Теноктрис поклонилась ему и последовала за юношей.

Лиана пошевелилась, и старая женщина легким движением положила ей руку на лоб. Гаррик не знал, было ли это частью колдовского обряда или проявлением обычной человеческой доброты.

Девушка открыла глаза и прошептала:

— Гаррик? Я жива?

Гаррик осторожно поставил Лиану на землю, поддерживая за плечи. Лишь убедившись, что ноги держат ее, он отпустил девушку.

— Думаю, да, — ответил он. — Хотя какое-то время назад был не уверен.

— Кто этот человек, напавший на нас? — спросила Лиана. Голос ее звучал отстраненно — то ли это являлось следствием ее

пленения, то ли помогало держать себя в руках и не срываться на истерику.

Гаррик бросил беспомощный взгляд на Теноктрис. Та, не отвечая, напряженно вглядывалась в небо, порозовевшее на юге.

— О! — сказала она, наконец. — Это был кладбищенский вор — из тех, что разоряют чужие гробницы. Но теперь он мертв... исчез навсегда.

Она вздохнула, затем встрепелась:

— Что-то происходит неподалеку от дворца. Что-то очень серьезное.

Она устало улыбнулась Лиане, и Гаррик внезапно понял: усилия, которые он потратил, подымая каменную скамью, были ничто по сравнению с затратами этой хрупкой старой женщины, вынужденной противостоять более могущественному противнику.

— Лиана, — сказала колдунья, — существо, которое напало на тебя, было само по себе, по крайней мере в конце. А Клубук и его противник действуют отдельно. И, возможно, оба они сейчас неподалеку.

Лиана через силу улыбнулась.

— И нам предстоит с ними разобраться, — сказала она. Заметив колебание Гаррика, решительно добавила: — Я в полном порядке! И, думаю, именно там мы, наконец, узнаем, кто послал моего отца на смерть.

— Возможно, — согласилась Теноктрис. Она взяла Лиану под руку и направилась к тому средоточию магических сил, чье отражение разглядела в небе.

Гаррик шел с другой стороны от девушки. Он радовался наличию меча, но еще больше — тому, что рядом с ним его друзья.

2

Кашел откинул полог и оказался в тронном зале, пропахшем огнем и смертью. Первое, что он увидел, была Шарина — она стояла, прижавшись к стене, с тяжелым пьюльским ножом в руке. Напротив нее высился длиннорукий демон с красноватым телом.

Не задумываясь, Кашел шагнул к чудовищу, обхватил его сзади за шею и опрокинул через колено на пол. Демон грохнулся с такой силой, что раскололась черно-белая плитка.

Шарина подалась вперед с ножом, но юноша остановил ее:

— А ну-ка, убери прочь эту штуку! Только поранишься сама или порежешь меня!

Он и сам удивился своему повелительному тону, может, даже больше Шарины. Но таков уж Кашел — он всегда выбирал кратчайший путь к победе и не тратил время на пустые разговоры. А сейчас был именно такой случай: хотя Кашел по-прежнему являлся большим специалистом по овцам, чем по демонам, но все же кое-какой опыт на сей счет у него уже имелся.

Если у него и имелись некие сомнения в сходстве данного демона с Дергом, то следы сражения в этой комнате и в холле их развеяли. Повсюду были разбросаны останки личей вперемешку с разнообразным оружием, а на краснокожем чудовище не осталось ни отметины.

Шарина снова забилась в угол между стеной и черным тронном. Он представлял собой отвратительную штуковину, казалось, составленную из сплетенных тел двух змей.

Однако у Кашела не осталось времени рассматривать его.

Демон снова вскочил на ноги. Он был выше Дерга, но не такого мощного сложения. Исключительно длинные руки напоминали клешни краба или крабовидного паука.

— Я убью тебя, простолюдин! — прорычало существо голосом Медера, колдуна из сопровождения прокуратора.

Набывчившись, Кашел насмешливо произнес:

— Не ты первый обещаешь. Пробовали люди и получше тебя. И не только люди...

Противники сошлись. Кашел схватил Медера за предплечья, так как до кистей он не дотягивался.

Комната освещалась лишь лунным светом, льющим в окошки под сводчатым потолком, да парой свечек, горевших в коридоре за выломанными дверями. Драпировки на стенах, в том числе и гобелен, из-за которого появился Кашел, трепетали и разлетались от резких движений сражающихся. На каждом из полотен с точностью посмертной маски изображались картины далеких фантастических миров.

Кашел изо всех сил ударил головой в грудь Медера. Тот был ненамного тяжелее юноши, но зато потрясающе, просто возмутительно силен. В попытке устоять его когти оставляли борозды на мраморном полу.

Демон угрожающе протянул свои клешни к вискам юноши. Прежде чем они сжались и встретились в смертельном пожатии

внутри его мозгов, Кашел извернулся и снова швырнул противника через колено, на этот раз — боком.

Поскользнувшись на гладком полу, демон грохнулся, а Кашел тут же согнулся вперед, упираясь пальцами в пол и пользуясь случаем, чтобы отдышаться.

Единственная надежда его заключалась в том, что Медер не умел *сражаться*, а посему не мог в полной мере использовать свои преимущества. Но все же демон еще был полон сил, и бросок Кашела ненадолго вывел его из строя.

У него был гибкий позвоночник и телосложение соломенного чучела. Это мешало изогнуть его так, чтоб сломать хребет.

Медер вывернулся и поднялся. Из груди его вырвался визгливый скрежет — злобный смех. Демон снова двинулся на Кашела.

Юноша оценил свои перспективы. Даже в самом лучшем случае его ждала смерть: Медер попросту разорвет его на части. В такой ситуации выживание — даже Шарины — представлялось не самым главным. Куда важнее было выиграть сражение.

Это стало единственно важной вещью.

Издав низкий горловой рык, Кашел сам бросился на демона, надеясь захватить его врасплох. Ему и в самом деле повезло: он успел просунуть левое предплечье под подбородок Медера, а правую руку за его затылок, прежде чем на его незащищенную спину обрушились когти демона.

Не обращая на рвущую боль сзади, парень изо всех сил тянул левую руку вверх. Медер всячески сопротивлялся, вертел головой, пытаясь прижать подбородок к груди.

Кашел чувствовал, как по его спине струится кровь. Он делает все, что в человеческих силах. Будет прижимать руку к горлу Медера, пока хватит сил... А затем умрет.

И в этот момент с одного из гобеленов метнулась маленькая огненная вспышка, красная фигурка ростом всего в несколько дюймов. Волчьей рысью она промчалась к сражающимся и впиалась демону в ногу — примерно там, где у человека должно находиться ахиллесово сухожилие.

Медер закричал так пронзительно, что разбросанное по каменному полу оружие задребезжало в унисон. Крик захлебнулся звучным *кряк!* когда Кашел сломал-таки демону шею.

С возгласом скорее облегчения, чем торжества, юноша отшвырнул нескладное тело, которое упало на черный трон. С длинных когтей капала кровь.

— Теперь я тебе ничего не должен, человек! — пролаял Дерг — такой же крошечный, как когда Кашел впервые увидел его на дне сундука. — Это был дружеский подарок!

И он скакнул обратно, на гобелен, с которого появился.

Шарина присела на колени рядом с Кашелом. Пьюльским ножом она начала разрезать свою накидку на бинты.

— Там, в главном зале, есть фонтан, — сказала она. — Ты сможешь дойти, или мне принести воды в шлеме?

Кашел даже не мечтал снова услышать ее голос. Он не отрываясь смотрел на лицо девушки — повзрослевшее и еще более прекрасное, чем он помнил со времен Барки.

— Я дойду, — решил он. Глубоко вздохнул, собираясь с силами, чтоб подняться. Слова сказаны — теперь надо делать дело.

Гобелен, из-за которого он здесь вышел, являлся почти точной копией того, в разрушенной башне, где он оставил Дерга и Мелли. Здесь тоже в лесу стоял волшебный город из прозрачного хрусталя, а через широкую реку был перекинул мост.

Только на середине моста стояли две крошечные фигурки и махали Кашелу. В одной из них юноша узнал демона с собачьей мордой, другая была феей с роскошными огненными волосами.

3

— Да это Кашел! — с изумлением воскликнул Гаррик. Это выглядело маловероятно, но ошибки быть не могло. Гаррик узнал в толпе на Дворцовой площади высокую фигуру друга. На нем была набедренная повязка, выше нее крест-накрест — бинты.

Один из особняков на площади — не Илны, как вначале с замиранием сердца подумал юноша, — горел. Это был дом ниже по улице и тоже выходивший садом на главный канал.

Языки пламени вырывались из окон второго этажа. Пожарные пытались погасить огонь, в то время как сотни солдат из дворцовой казармы и патрульные безуспешно пытались навести порядок на улице. Возбужденная толпа пока еще не представляла опасности, но кое-кто из присутствовавших решил воспользоваться моментом и поживиться чужим добром.

Это было нередкое явление во время пожара, но Гаррик удивился, увидев на улице Кашела с рулоном материи. Он никак не

ожидал увидеть среди мародеров своего друга Кашела. Только не он! И не Илна.

— Кашел! — позвал он, торопливо шагая впереди Лианы и Теноктрис. Рядом с его другом была женщина, высокая, как...

— Шарина! — закричал Гаррик. — Милостивый Пастырь! Теноктрис, это Шарина!

Кашел широко улыбался. Он остановился, в то время как Шарина и Гаррик опрометью бросились навстречу друг другу, торопясь и расталкивая на ходу толпу.

Юноша обнял сестру, приподнял и закружил ее в воздухе. Вот уж никогда не думал он, что будет так скучать по ней! Даже в тот день, когда Шарина отплыла на борту триремы и оставила щемящую пустоту в его сердце — даже тогда Гаррик не представлял, какая это радость: снова свидеться с сестрой.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. Оба они расхохотались, потому что одновременно с ним Шарина задала тот же вопрос.

— Гаррик, — раздался голос Теноктрис, — по-моему, Лиана не знакома с твоей сестрой.

Гаррик опустил девушку на землю и горячо пожал руку подошедшему Кашелу — на этот раз вживе, а не во сне. Затем он оглянулся на сопровождавших его женщин. Лиана стояла с замкнутым выражением, лицо ее было холодно, как падавший на них лунный свет.

— Лиана, это моя сестра Шарина, — представил Гаррик. — Лиана приехала в Барку, э-э... после твоего отъезда.

Он пытался сообразить, как пересказать сестре то, что произошло за время ее отсутствия. Здесь было столько всего — вещи, которые он сам не понимал; истории, которые еще не завершились, события которые в принципе, не могли произойти (например, такие как сон, где он разжился мечом), — что юноша беспомощно замолчал.

Гаррик молча смотрел на тяжелый нож, висевший у Шарины на поясе. Он замечал и другие перемены в сестре — но они были тонкие, трудно уловимые.

Девушка, перехватив его взгляд, прикоснулась к рукоятке ножа и произнесла:

— Гаррик, Ноннус умер. Это случилось потому что... потому что...

— О, мне очень жаль, — сказал Гаррик. — Я не очень хорошо его знал...

— Так, пошли, — вмешался Кашел с той безусловной уверенностью, с которой говорил со своими овцами. — Тут неподалеку есть человек, на которого я работаю. Серианец по имени Латиас... Его фактория надежно запирается, а мне, полагаю, надо где-то отлежаться.

Все пятеро представляли собой сборище, которое при других обстоятельствах обязательно привлекло бы внимание Городского Патруля. Гаррик понимал, что ордер на арест его и Лианы, скорее всего, еще не отменен. Некоторую безопасность на данный момент им обеспечивали только случившийся пожар и волнения на улице.

Кашел вышагивал впереди их группы, направляясь в ту же сторону, куда шли они с Шариной. Бинты на его спине все промокли, из некоторых продолжала сочиться кровь. Наверное, ему было очень больно, хотя это никак не сказалось на манере держаться юноши. Может, только походка стала чуть более сдержанной.

Хотя сдержанность была вполне в характере Кашела: он относился к тем людям, которые, выбрав свой путь, следуют ему без лишней спешки и заминок, пока не придут до конца.

— Хочешь, помогу? — спросил Гаррик, похлопав по рулону, что нес под мышкой его друг. Ноша выглядела не особо тяжелой, но человека с такими ранениями лучше освободить от любой поклажи.

Кашел посмотрел на рулон с улыбкой, которую Гаррик не смог объяснить для себя. Раньше материя освещалась сполохами пожара, теперь же, когда они ушли с площади на один из боковых бульваров, лунный свет струился по ткани подобно серебряному ручью.

— Все в порядке, — ответил юноша. — Дом, в котором мы находились, загорелся... Думаю, из-за сражения, которое происходило до моего прибытия. И я подумал: захвачу-ка я лучше такую красоту с собой. Вдруг...

Кашел замялся, впервые с момента их встречи он выглядел неуверенным.

— ... вдруг кое-кто из моих друзей не захочет, чтоб это сгорело?

— Пожар вызвал Медер, — с дрожью в голосе сообщила Шарина (причем Гаррик готов был поклясться, что дрожала она не от страха). — Своим колдовством... последним в его жизни колдовством.

— Если мастер Латиас предоставит нам убежище, — сказала Теноктрис, — это будет очень кстати. Боюсь, нам придется зани-

маться вещами, которые будут затруднительны без помощи посторонних.

Кашел бросил на нее взгляд через плечо.

— Думаю, он предоставит нам все, что я попрошу.

— У нас новые заботы? — спросил Гаррик. В его голосе не было страха, он нуждался в информации, чтобы действовать дальше.

— Да, — ответила Теноктрис. — Они связаны с темной силой, в чьей власти находится сейчас Илна.

4

Пятеро друзей собрались в серианской фактории. Они сидели в кругу на полу, и Шарина наблюдала, как трое серианских целителей — пожилая женщина, мужчина средних лет и десятилетняя девочка — беспрестанно болтая, трудились над спиной Кашела. Мужчина дезинфицировал длинные порезы и закладывал в них мазь. Девочка же, под руководством старухи, сшивала края обработанных ран. Юноша сидел абсолютно безучастно, как бы не замечая их действий — целители могли бы с таким же успехом рыть канавы на другом конце острова.

— Мне нужно отправляться за Илной, — говорил тем временем Гаррик. Он перевернул пояс так, чтобы меч лежал у него на коленях, вместо того чтобы болтаться сзади. — Это я виноват в том, что с ней случилось.

Латиас отдал в их распоряжение целое здание — с высокими потолками и стенами, снабженными жалюзи. Такая конструкция обеспечивала уединение и в то же время доступ свежего воздуха. Рядом с каждым из гостей на низких столиках располагались подносы с соками и нарезанными фруктами.

Кашел охарактеризовал Латиаса как своего работодателя, но Шарине показалось, что серианец относится к юноше с тем глубоким почитанием, которое она наблюдала у Кровавых Орлов по отношению к прокуратору.

— Она моя сестра, — возразил Кашел. — Кроме того, я бывал...

Он поморщился, пытаясь подыскать нужное слово.

— ... я бывал в других местах. Я сумею вернуть ее обратно.

Шарина росла с Кашелом и всегда знала, что он сильный. Но ей понадобилось уехать из Барки и посмотреть на других мужчин, чтоб понять: он не просто самый сильный парень в деревне.

Девушка видела, как он голыми руками убил тварь, в которую превратился Медер. И это был тот самый юноша, который с нежностью заботился о своих овцах...

— Здесь не просто вопрос ответственности, — вступила в разговор Теноктрис, строго глядя на обоих юношей. — Гаррик, ты освободил Илну от очень плохого хозяина. В результате она оказалась беззащитной перед другой силой, ищущей себе слуг. Но ты в этом не виноват.

Серианцы, зашивавшие раны Кашела, переговаривались на своем птичьем языке. Похоже, других языков они не понимали и не интересовались делами гостей.

— Еще худший хозяин, — с убитым видом повторил Гаррик.

— Я б так не сказала, — пожала плечами Теноктрис. — Хотя, что скрывать, он достаточно плох. Но он человек, по крайней мере, раньше был. Я говорю о Клобуке.

Несмотря на возражения Кашела, старая колдунья настояла на том, чтобы произнести над ним свое заклинание исцеления. Напрасно юноша отказывался и заявлял, что с ним и так все будет в порядке. Прислушиваясь к их разговору, Шарина вспомнила, как совсем недавно пораненный Гаррик лежал в отцовской гостинице, а Теноктрис вместе с Ноннусом хлопотали над ним...

Девушка была бы рада выплакаться, но почему-то не могла. Как бы она хотела, чтоб все сложилось по-другому. Чтоб Ноннус не лежал мертвым под дверьми тронного зала...

Гаррик положил руку на эфес своего меча.

— Если Илну забрал Клобук, то мне *тем более* необходимо идти туда, — решительно заявил он.

Шарина смотрела на брата и не узнавала его. Хотя, с другой стороны... Вот, например, в Кашеле тоже появилось много нового, но он по-прежнему оставался Кашелом. Может, то же самое справедливо и в отношении Гаррика. Наверное, обстоятельства, с которыми ему довелось столкнуться, выявили в нем какие-то скрытые качества.

Такие, о которых не догадывался раньше никто. Даже сам Гаррик.

— Я смогу перенести тебя в то место, где находится Илна, — сказала Теноктрис Гаррику, — но, к сожалению, только тебя. На двоих у меня уже не хватит сил.

Она посмотрела на Кашела и произнесла:

— У твоего друга имеется связь с тем местом и, надеюсь, временем, где скрывается Клобук. В нашей реальности он способен появляться только через своих посредников...

— Таких, как мой отец? — спросила Лиана. Внешность и манера держаться, вне всяких сомнений, выдавали в этой девушке знатное происхождение. Хотя в настоящий момент она имела вид человека, только что спасшегося после кораблекрушения. Возможно, так оно и было. Ведь и сама Шарина, и Гаррик, и Кашел уже успели вкратце рассказать о своих злоключениях после отъезда из Барки. Одна Лиана хранила молчание...

— Я так не думаю, — мягко сказала колдунья, глядя на девушку. — Мне кажется, твой отец служил другой силе, конкурирующей стороне. А под конец и вовсе был сам по себе. Ничей слуга... За исключением Малкара. Поскольку любое зло служит Малкару.

— Ясно, — сдержанно кивнула Лиана. — Спасибо за правду, мне необходимо было это знать.

— Скажите, связь, о которой вы говорили, действует через меч? — вдруг подал голос Кашел. Он слушал их разговоры, но думал о своем. — Потому что, если дело в этом, то я ведь тоже могу надеть меч...

На губах Теноктрис мелькнула едва заметная улыбка.

— Нет, Кашел, дело не в мече, а в предках, — пояснила она. — Твой друг через свою кровь и душу связан со слоем реальности, где прячется Клобук. Вот почему я могу перенести туда Гаррика.

Она окинула взглядом собеседников:

— Полагаю, вы и сами все понимаете... но тем не менее скажу: мы с Гарриком собираемся выступить против Клобука. Скорее всего, результат будет неутешительным — мы потерпим неудачу.

Еще одна невеселая усмешка, и колдунья продолжала:

— Если нам повезет, Клобук убьет нас.

— Он может попытаться, — пожал плечами Гаррик.

Это был по-прежнему ее брат — человек, с которым она росла рядом. Но не только. В нем появилось что-то еще.

— Гаррик, — заговорила она. Гаррик с улыбкой, несколько удивленной, оглянулся на сестру. — Не надо умирать за Илну. Она бы...

Голос у девушки прервался, но она собралась с силами и договорила:

— Илна не допустила бы, чтобы кто-то из ее друзей умер ради нее. Она, скорее, сама умерла бы!

Мгновение все молчали. Шарина смахнула с глаз слезы, но они набежали снова.

— Мы обсуждаем не только вопрос спасения Илны, — произнесла Теноктрис, глядя в глаза Гаррику. — Хотя и это тоже, конечно.

Она взяла в руки кусок ткани, которую изготовила, а затем, во время схватки с личами, изорвала Илна.

— Присутствие Илны позволит мне обнаружить местонахождение Клобука, — объяснила колдунья. — Если мы будем просто дожидаться, когда он начнет действовать, то оставим ему возможность скрыться в случае опасности. Мы должны сами прийти к нему, чтоб сокрушить его окончательно.

— Я видел трон в том месте, где была Шарина, — сказал Кашел. Мужчина-целитель к этому времени уже заменил льняные бинты у него на груди. — Черный... И уродливый.

— Ничего удивительного, — кивнула Теноктрис. — Думаю, это магия, основанная на внушении. Такие, как Клобук, считают: если они убедят всех, что сидели на Троне Малкара, то станут сильнее.

Она пожала плечами и добавила:

— Может, так оно и есть. Во всяком случае, он более могущественный волшебник, чем я.

— И когда мы отправляемся? — спокойно спросил Гаррик. Это нарочитое безразличие подчеркивало напряжение в его душе.

— Мне требуется кое-что подготовить, — ответила Теноктрис, — кое-какие порошки. Как ты думаешь, Кашел, мастер Латиаас сможет помочь нам?

— Конечно, — успокоил ее юноша. — Думаю, он сумеет достать все, что необходимо. Латиаас достаточно важная персона в Эрдине.

И Кашел довольно улыбнулся. Серианцы, уже было уходившие, остановились в дверном проеме и испуганно зачирикали, когда их пациент сладко, от души потянулся, сцепив руки за головой.

Надо отдать должное целителям — их повязки выдержали это испытание.

— Латиаас говорит, что его церемония прошла замечательно, — с гордостью добавил юноша. — Та самая, с которой я ему помогал.

— Гаррик, — обратилась к нему колдунья, — хочу сказать: ты не обязан идти со мной. Хотя в душе я, конечно, надеюсь, что ты пойдешь. Ведь у меня достаточно ума, чтоб понимать: одной мне против Клобука не выстоять. Но хочу предупредить — и вдвоем мы, скорее всего, проиграем эту схватку.

Она неодобрительно покачала головой и продолжила:

— Шарина, помнится, я говорила твоему другу Ноннусу, что добро и зло суть категории человеческого мышления. Так вот, я выяснила, что и сама являюсь чересчур человеком. Надеюсь, Ноннус веселится, глядя на меня.

Девушка погладила руку старой колдуньи.

Гаррик поднялся с места.

— Я должен, — решительно сказал он, сжимая эфес меча и улыбаясь совсем чужой, незнакомой улыбкой. — Карус и я — мы оба обязаны идти с тобой.

Шарина смотрела на брата и думала о Ноннусе. И наконец почувствовала, что способность плакать вернулась к ней.

5

— Жаль, что тебе так и не удалось поспать, — сказал Кашел, пожимая руку Гаррику. Они стояли в углу комнаты и наблюдали за приготовлениями старой колдуньи. Перед этим юноши подняли циновки, чтобы Теноктрис могла нарисовать на полу круг диаметром в десять футов. Затем по периметру она написала с помощью особого порошка магические символы на Старом Языке. Весь рисунок занял большую часть комнаты.

— Если б я мог, — вздохнул Гаррик. — Да ладно... Не думаю, чтоб это было самой большой моей проблемой, когда мы доберемся туда.

А про себя подумал: неужели Кашел и в самом деле на его месте проспал бы все шесть часов, что понадобились Теноктрис для подготовки? А, пожалуй, что и да. Гаррик достаточно хорошо знал своего друга: тот был отнюдь не лишен воображения, но, в отличие от других людей, умел держать его в узде.

На прощание Кашел посмотрел ему в глаза и сказал странные слова:

— Гаррик? Не верь мечу... Верь своему сердцу, ладно?

Гаррик кивнул, хотя не совсем понял, что его друг имел в виду. Из слов Шарины он знал, что Кашел голыми руками убил демона. Хотя вряд ли он хотел ограничиться столь простым советом...

Теноктрис стояла внутри круга, в последний раз проверяя свои символы. Для каждой буквы, а иногда даже для отдельных элементов буквы она использовала различные виды порошков. Сюда вхо-

дили: минералы, шерсть, кости и рога различных животных, а также растительные составляющие, такие как древесина и сушеные листья. Все это было тщательно измельчено и дозировано, а затем нанесено при помощи кисточки или палочки для рисования.

Шарина обняла брата. Находясь долгое последнее время в обществе Лианы и Теноктрис, он успел забыть и сейчас невольно удивился, какая же она высокая. Не то, чтобы Лиана была коротышкой, но все же...

— Береги себя, брат, — сказала девушка. — Ноннус сетовал, что ему не хватает снисходительности к людям. Не знаю... Наверное, у меня и вовсе нет этой снисходительности, потому что я хочу тебя попросить: если ты найдешь человека, виновного в смерти Ноннуса, — убей его, Гаррик. Прихлопни его, как таракана в буфете.

Юноша не слишком удивился этой просьбе. Он всегда подозревал в Шарине ту же жесткость, которой отличалась их мать, но без ее сварливой горечи.

Теноктрис завершила проверку круга силы. Она подобрала обертку от одного из порошков и скрутила ее в жгут.

Лиана протянула на прощание Гаррику руку. За ее наигранной улыбкой скрывались истинная боль и тревога.

— Прощай, Лиана, — неловко сказал юноша. — То есть я хочу сказать...

И тут девушка совершенно неожиданно обняла его и поцеловала в губы. Видно, сегодня такой уж день сюрпризов...

Она отстранилась с улыбкой, теперь теплой и искренней.

— Иди и сделай то, что ты считаешь правильным, Гаррик, — сказала Лиана. — Собственно, ты всегда так и поступаешь. За это я тебя и уважаю. Возвращайся ко мне, Гаррик.

Деликатное покашливание Теноктрис прервало их прощание. Гаррик не знал, кому он сейчас нужнее — ей или Лиане. А может быть, обоим. Он решительно переступил через серый мерцающий круг, стараясь не смахнуть порошок.

В воздухе вспыхнула голубая искра, от которой загорелась бумажка в руках Теноктрис. Гаррик думал, что колдунья, как обычно, примется читать заклинание. Но вместо этого она поднесла свой импровизированный факел к порошку, насыпанному горкой в одной из точек круга.

Несколько мгновений раздавалось только потрескивание, затем пламя перешло с бумажки на порошок и разгорелось с треском и едким дымом.

Теноктрис выпрямилась, убедилась, что огонь не погаснет, и выбросила горящий комок на пол за пределы круга. Она мрачно улыбнулась Гаррику.

Огонь резво побежал в обоих направлениях, выбрасывая белые языки и клубы дыма. Символы, написанные на Старом Языке, тоже занялись — более низким и спокойным пламенем, чем сам защитный круг. Сполохи на белых стенах напоминали северное сияние.

Гаррик видел напряженные лица друзей, наблюдавших за ритуалом. Сквозь сердитое шипение пламени он услышал звуки, вначале показавшиеся ему далекими раскатами грома. Затем они превратились в слова заклинания, которые доносились откуда-то издалека. Казалось, звук отражался от символов, написанных на полу.

Теноктрис стояла неподвижно, и на губах ее играла та же горделивая улыбка, что и у Кашела, когда он рассказывал о своей услуге Латиасу. Волшебнице предстояло еще много работы, но пока все шло хорошо...

Внезапно стены комнаты стали темнеть и расплываться. Знакомые фигуры исчезли за уплотнившейся дымовой завесой. Вернее, Гаррик мог видеть сквозь нее, но обстановка разительно изменилась...

Сначала вокруг них вырос заснеженный лес. Там стояли в основном вечнозеленые деревья — сосны и ели. Вьюга и сейчас кружила меж стволов, бросая пригоршни снега на шершавую кору деревьев.

Затем пурга смешалась с дымом, и видимость на какое-то время исчезла. Когда серая пелена поредела, глазам Гаррика предстал луг, на котором паслись дикие животные. В первый момент ему показалось, что это обычные олени. Но когда один из них поднял голову, юноша разглядел помимо привычной пары рогов еще один — посреди лба.

Дым снова затянул картинку, затем рассеялся. Они находились в бамбуковой роще, прямые стволы гнулись от страшного ветра, который странным образом не затрагивал горящий защитный круг. Поблизости ударила молния, в ее свете Гаррик разглядел, как дюжина уродливых созданий — с кошачьими лицами и человеческими телами карликов — пляшет вокруг столба, к которому привязана насмерть перепуганная девушка.

Постепенно огонь угас, оставив после себя насыпанную кругом золу, сквозь которую время от времени пробивалось запоздалое пламя. Диковинные персонажи за пределами круга тоже

сгорели дотла и исчезли. Одновременно пропала и магическая сила древних слов, написанных Теноктрис.

Дым рассеялся, оставив после себя горький запах. Гаррик с Теноктрис стояли на песчаном берегу. В теплом сухом воздухе дул слабый ветерок, который шелестел в верхушках пальм.

В ночном небе светила полная — вдвое крупнее, чем обычно — луна. Она бросала зловещие красные отблески на песок и громяющее море.

Позади Гаррика возвышалась стена с вырезанным горельефом. Там изображалась сцена потопления королевского флота, которое случилось за тысячу лет до его рождения. Фигуры в натуральную величину выглядели очень жизненно. В центре композиции на палубе погружавшегося в пучину флагманского корабля стоял король Карус и грозил кулаком жестоким небесам.

Перед Гарриком и Теноктрис на кромке берега стоял черный трон, на котором сидела закутанная фигура. Оттуда раздавался смех — он заглушал шум океана и все остальное на свете.

— Подойдите ближе, люди, — произнес Клобук. — Я ждал вас.

6

Гаррик сделал шаг и вышел из круга, ощутив босой пяткой тепло одного из написанных слов силы. Он чувствовал необходимость действовать немедленно, пока его не обуял нараставший страх.

Остывающая зола больше не защищала их, но Гаррик знал: если он поддастся страху, то так и останется дрожать от страха в центре круга, как последний дурак.

— Ближе, — повторил Клобук. Он держал скипетр, с конца которого полыхнуло ярким светом, когда колдун сделал приглашающий жест рукой. — Подойдите к Малкару, люди.

Теноктрис рассмеялась.

— Я видела, колдун, как твой фальшивый трон рассыпался в Йоле, — сказала она. — То же самое произойдет и с этим креслом.

Она тоже покинула защитный круг, который больше не защищал. В руках волшебница держала трубочку, свернутую еще из одной обертки от порошков. Сейчас он служил ей жезлом власти. Нарочитая примитивность орудия должна была подчеркнуть презрение Теноктрис к противнику.

Ее слова вызвали злобный рев прибора. Это было дьявольское место, несмотря, на тихое очарование фона.

— Я удивлен, старуха, что такая третьесортная волшебница, как ты, сумела перенести сюда, ко мне этого мальчишку, — сказал Клобук. Он не кричал, однако его голос эхом отражался от моря и неба. — Весьма признателен и в благодарность, возможно, награжу тебя быстрой смертью.

Гаррик шагнул вперед, загородив собой Теноктрис. Он вытащил меч Каруса, и лунный свет заиграл на нем, подобно кровавой реке.

— Мы пришли за Илной, — сказал юноша. Меч лежал в его руке так же естественно и удобно, как песок под ногами. И тем не менее эти слова произнес именно он — юноша, выросший в деревушке с названием Барка. А вовсе не король, который с волчьей улыбкой встрепенулся и изготовился в его сознании.

Как только пальцы Гаррика прикоснулись к металлу, трон и фигура на нем поблекли и стали призрачными, как лунный свет. Юношу осенило: Клобук реально не присутствовал в данном месте — это была всего лишь иллюзия.

Призрачная фигура запустила пальцы в рукав и достала крошечную куклу, которую водрузила на ладонь.

— Вот твоя Илна, — насмешливо произнес Клобук. — И что ты мне дашь за нее? Ты готов подарить мне Трон Малкара?

Оказавшись перед выбором, Гаррик понял, что для него прежде всего имеет значение его собственная реальность. Не вселенские вопросы добра и зла, не империи и хаос, а жизнь и безопасность его друзей, неразрывно связанных с ним.

— Я подарю тебе жизнь, — ответил юноша. — Заберу Илну в мой собственный мир и уйду. Оставлю тебя в покое до тех пор, пока ты будешь держаться в стороне от нас.

И это была правда — его собственная правда. Наверное, король Карус, да и Теноктрис тоже, не согласились бы с ним, но Гаррик дал честный ответ.

Плохо то, что он ничему не помогал. Клобук не согласится ни на какие условия, кроме собственных. Драка неизбежна. Не Гаррик ее затеял, но и прятаться в кусты он не собирается.

— Ну, что ж... Ничего лучшего я и не ожидал от дикаря с Хафта, — промолвил Клобук. Он был зол — враги не падали ниц и не пресмыкались перед ним. — Эй старуха, объясни этому недоумку, что здесь он ничего не может мне сделать.

Гаррик больше не боялся. Он изображал бесстрашие, и это помогло: наигранная смелость превратилась в реальность. Что касается Теноктрис, то материальный мир вообще не трогал ее. При всех обстоятельствах она жила своей собственной внутренней жизнью.

— Я знаю, колдун, что в этом месте тебе никто не может навредить, — сказала она. — За исключением того, кто является твоим современником. Пока мы не настигли тебя.

— Я не разрешал вам достичь плана, где я существую во плоти! — проревел Клобук. Он встал на ноги и ударил своим посохом в основание трона. — И здесь вы только потому, что я вам это дозволил! Ты собиралась напасть на меня, старуха? Ты на меня?

— Я не обладаю для этого физической силой, колдун, — ответила Теноктрис. Гаррику показалось, что она говорила спокойно и даже весело. Будто ей известно что-то, чего не знает ни он, Гаррик, ни сам Клобук.

А, может, она просто блефовала.

Клобук обратил свой жезл в сторону моря, и волны вспенились будто на краю волнореза.

— Вы, наверное, уже встречались с личами, — проговорил колдун. — Мои помощники создавали их из плоти и душ утопших моряков. Но для вас двоих я припас кое-что совершенно особое.

Морские воды закипели над существом, которое поднималось со дна в сотне футов от берега. Это был по меньшей мере выходящий из моря кит...

Существо медленно вставало из глубины: нечто человекоподобное, но тридцати футов в высоту. Его колоннообразные ноги были безобразно толстыми, такими, чтоб выдерживать гигантский вес монстра. Кровавая луна отражалась в огромном единственном глазу, красовавшемся посреди лба существа.

Оно начало двигаться к берегу, гоня перед собой мощную приливную волну.

Гаррик вспомнил: сквозь грудную клетку такого существа ему пришлось пробираться во время бегства из своего кошмара. Теперь, облаченное в серую желатиновую плоть, оно выглядело иначе, но юноша узнал его! Существо несло дубинку — ствол молодого деревца, к которому был приляпан нефритовый набалдашник размером с лошадиный череп.

— Представитель дочеловеческой расы, — хохотнул Клобук, довольный собой. — Они давно вымерли. Но я подобрал душу великого воина, чтоб оживить свое создание. Ты должна помнить его, несчастная старуха!

Теноктрис стояла на коленях и напевала заклинание над символом, который она нарисовала на песке. Гаррик знал: ей не хватит силы прямо противостоять Клобуку, но то, что старая колдунья не сдавалась, воодушевило юношу. Он схватился за рукоятку меча и шагнул вперед.

— Это герцог Йольский! — злорадно закончил фразу Клобук.

В Гаррика будто ударила молния. Цвета и звуки переполняли мир, но он ничего не видел и не слышал из-за пожара, бушевавшего внутри. Его тело содрогалось от шока, сопоставимого с внезапным купанием в зимнем море.

Он лежал на песке и смотрел, как из горельефа напротив выступал король Карус — бородатый, в сверкающей короне. Именно такой, как в его многочисленных снах. Сильные руки помогли юноше подняться. Король снял с него пояс с ножнами и нацепил на свою осанистую фигуру. Затем взял меч из рук Гаррика...

Клобук снова был черной фигурой на черном троне, хотя теперь юноша, знающий о его иллюзорности, уже не боялся его.

Карус улыбнулся своей широкой улыбкой и проговорил:

— Это свершилось: ты привел-таки меня туда, куда надо, парень. Что ж, лучше поздно, чем никогда. А теперь — займись своим делом, а герцога Тедри предоставь мне!

Король со свистом крутанул мечом над своей головой и издал боевой клич:

— Хафт и Острова!

Со взрывом кровожадного смеха он бросился в атаку на монстра, который как раз выходил на берег.

С любым другим подобная сцена выглядела бы смехотворно — крошечный человечек против великана — но только не с Карусом! Придерживая левой рукой ножны у бедра, он бежал вперед, и фонтаны песка вылетали из-под его сапог.

Карус ждал этого момента тысячу лет, и размеры тела врага абсолютно ничего не меняли — исход схватки был предрешен.

Гаррик откинулся назад и расхохотался. Возможно, добро сегодня и не выиграет окончательной битвы, но уж один припешник зла получит по заслугам! Справедливость, отсроченная на тысячу лет.

Фигура на черном троне завизжала и с досадой швырнула жезл на землю. Вселенная разлетелась более чем на три плана.

Вокруг все было серым... Слышалось монотонное пение Теноктрис. Гаррик стоял нормально, ногами вниз, но само понятие *низ* вдруг снова, в третий раз, изменилось. Пытаясь сохранить равновесие, юноша протянул руки и коснулся края туники Теноктрис. Но саму ее он не мог разглядеть в сером мерцающем пятне.

И снова мир изменился — в четвертый раз. Теперь Гаррик стоял в комнате с горящими факелами, по каменным стенам скатывалась конденсирующаяся влага. На полу тоже плескалась вода, сильно пахло морем.

Илна лежала на полу возле черного трона, на котором восседал закутанный в черное высокий человек. Жезл в его руке пульсировал сердитым аметистовым светом.

— Ему пришлось выбирать: столкнуться с твоим предком там или притащить нас с собой сюда, в свое логово, — пояснила Теноктрис. — Перед нами настоящий Клобук. В его человеческом образе.

Юноша шагнул к трону.

Клобук поднялся и снова грохнул своим скипетром об пол. Вселенная снова переменялась вокруг Гаррика.

7

Гаррик стоял на гребне скалы, нависавшей над морем. Напротив него возвышалась чудовищно высокая фигура Клобука. Юноша видел голову колдуна, упирающуюся в грозовые облака, ноги разглядеть он не мог.

Он оглянулся через плечо и увидел водоворот из своего кошмара. Внизу, на глубине в тысячу футов, заворачивалась огромная воронка, накрывавшая почти всю поверхность моря до горизонта. В ее ловушку оказались пойманы морские твари, столь огромные, что даже на таком расстоянии глаз Гаррика затруднялся охватить их контуры. Тяжелые, мощные водяные струи вращались медленно, как прилив, и столь же неотвратимо. Спасения не было ни для кого.

— Теноктрис? — позвал юноша.

Ответом ему служили лишь вой ветра и рев водоворота, доносившийся снизу. Гаррик и Клобук были здесь одни. И хотя он

знал, что устрашающие размеры колдуна — всего лишь обман, трюк, полностью справиться со своим страхом он не мог.

— Ты хотел бы стать Королем Островов, Гаррик ор-Райз? — раздался грохочущий голос Клобука. Он сливался с раскатами грома и перекрывал их. — Приветствую тебя, король Гаррик! Как тебе это нравится? Ты будешь более великим королем, чем все твои предки, мальнишка. Круче Каруса, ведь ты будешь пользоваться *моей* поддержкой!

Вооруженные солдаты шли строем по улицам города, который своим блеском затмевал Каркозу былых времен. Огромные толпы людей стояли вдоль улиц, среди храмов и дворцов с колоннами. Они скандировали во всю мощь своих легких: «Славься, Гаррик, Король Островов! Славься, Гаррик!»

Город из черного камня, а над ним небо цвета сажи...

Отгоняя наваждение, Гаррик глубоко вздохнул и шагнул вперед.

— Я хочу забрать своих друзей и вернуться с ними в наш мир, — сказал он. Порыв ветра злобно ударил ему в лицо, но юноша продолжал: — Оставь нас в покое. Это все, что мне надо. И, клянусь Госпожой, я получу это или убью тебя!

— Тебе нужна женщина по имени Илна? — сердито взревел Клобук. — Ты получишь ее! Ты можешь получить любую женщину, мальнишка. *Всех* женщин, каких пожелаешь! Приведи меня к Трону Малкара, и я подарю тебе весь мир!

Илна стояла перед ним, закутанная с головы до ног в прозрачное покрывало. Вот она отвела один конец покрывала. Стояла, заманчиво изгибаясь и медленно, слой за слоем, обнажаясь.

За Иллой виднелся еще десяток женщин: все молодые, прекрасные и обольстительные в своем желании угодить... Среди них была и Лиана.

Гаррик поморщился и сделал еще шаг вперед. Это было нелегко: воздух имел плотную консистенцию застывшего бульона. Тем не менее он стал еще ближе к Клобуку. По крайней мере, так ему казалось: в таком месте, как это, немудрено и ошибиться.

— Послушай, дурак, я твоя королева! — послышался голос колдуна. — Поклонись своей королеве, Гаррик ор-Райз!

Юноша не успел заметить, как произошли изменения, но сейчас на месте Клобука стояла прекрасная, неприступная женщина. Наряд ее блистал тончайшими кружевами и драгоценными украшениями, в правой руке был скипетр с набалдашником из лилового сапфира.

Гаррик замер в нерешительности. Он никогда раньше не видел королеву или хотя бы ее портрет. Но эта женщина выглядела именно так, как подобает царственной особе.

— Ты ведь являешься верным подданным, Гаррик, — произнесла она. — В награду за твою смелость и преданность я сделаю тебя моим супругом. Принц Гаррик, по сути — Повелитель Островов... И вдобавок ты получишь меня!

— Нет, — сказал Гаррик, продвигаясь еще на один шаг. — Ты не королева... да это и неважно сейчас.

Женщина нахмурилась и резко опустила скипетр, при этом из него вырвалась фиолетовая вспышка.

Легкий золотистый свет пролился на Гаррика. Песчаный пляж превратился в зеленый луг с высокой травой и нежными цветами. Над ними поднимался голубой купол безоблачного летнего неба, хотя вверху за его пределами по-прежнему сверкали молнии и разрывали темные грозовые облака. Легкий ветерок приносил издалека сладостные ароматы.

Теперь перед Гарриком стояла Госпожа в своем одеянии из беленой шерсти.

— Гаррик, дитя мое, — произнесла она голосом, сладостным, как ночная песнь соловья, — я испытывала тебя, чтоб узнать, чего ты стоишь. Приди и поклонись мне, Гаррик. А когда ты поднимешься, я сделаю тебя своим Пастырем — богом, правящим вселенной от моего имени. Поклонись мне, Гаррик.

Она была прекрасна и чиста. Казалось, само добро воплощено в этом образе.

Гаррик не знал уже, где правда, где ложь. Он, как и большинство его односельчан, довольно формально поклонялся великим богам. Все баркианцы ограничивались скромными жертвоприношениями во время ежегодного сбора десятины, наиболее зажиточные добавляли сюда еще жертвоприношение в виде овцы в день своего рождения. При всем при этом юноша не смел сомневаться в истинности сияющего образа, представшего перед ним.

Гаррик мучительно колебался. Если он сейчас ошибется, то будет всю оставшуюся жизнь нести наказание, зная, что заслужил его.

— О Дузи, прости заблудшую душу, — прошептал юноша и шагнул вперед. Если надо, он возьмет Госпожу за горло...

Молния прорезала небо с утроенной силой. Казалось, все утонуло в ее бело-голубом свете. Затем она погасла, и Гаррик

снова обрел способность видеть окружающий мир. Скала, шторм и ревущее внизу море вновь стали реальностью.

Снова перед ним стоял Клобук, теперь он был уже нормального роста. Колдун откинул назад свой капюшон, и Гаррик впервые мог видеть его лицо — хитрое, жестокое и какое-то бесполое. Холодные глаза повторяли цвет драгоценного набалдашника на его жезле. Всего десять футов отделяли его от юноши.

— Ни с места! — приказал Клобук, выставив вперед скипетр. Вспышка фиолетового света обозначила границу между ними, скала под ней закипела, вспузырилась.

Раскаленные капли попали Гаррику на ноги, кожа тут же пошла волдырями. Пришлось остановиться.

— Я сохранил тебе жизнь, — объяснил колдун, — только потому, что надеялся на твою помощь в поисках Трона Малкара. Но если ты вынудишь меня, я испепелю тебя и пепел развею по ветру.

Если Гаррик сделает еще хотя бы шаг, Клобук и впрямь превратит его во вспышку голубого пламени. Юноша понимал: чтоб добраться до противника, надо сперва лишить его магического жезла.

Соседи Гаррика утверждали, что он смысленный парень, так же как называли Кашела тугодумом. Однако близкие друзья и родные знали: Кашел далеко не так прост, как о нем говорили. Возможно, соседи ошибались и в отношении Гаррика, но он-то сам знал, что не хуже других умеет находить решение проблемы.

На этот раз подходящего решения не существовало. Он мог либо подчиниться злу, либо погибнуть.

Гаррик рассмеялся. Он только сейчас понял, что имел в виду Кашел, когда говорил: «Не верь мечу. Верь своему сердцу». У него действительно не было выбора.

— Я не стану служить злу, — крикнул Гаррик и шагнул вперед.

— Тогда умри, как дурак! — решил Клобук и попытался направить на него свой скипетр.

Юноша увидел, что к рукам и ногам колдуна тянутся световые нити — красные и синие, тонкие как паутина. Они извивались, перекрещивались и оставались при этом прочными и неразрывными. Жезл Клобука изрыгнул фиолетовое пламя и выжег выемку в скале. Это действие никак не повлияло на целостность и прочность нитей.

— Я Малкар! — взревел колдун.

— Ты марионетка! — рассмеялся Гаррик. — И я вижу твои нити!

Он перепрыгнул через горящую полосу под ногами и схватился двумя руками за скипетр. Тот был сделан из металла и оставался холодным, несмотря на свою огнедышащую силу. Юноша вырвал жезл из рук Клобука и, вложив всю свою силу и отчаяние, перекрутил его.

Металл не выдержал и треснул, выкинув фонтан света и силы. Скала тоже треснула и рассыпалась, как песочный замок под действием прилива. Гаррик снова услышал вопль Клобука.

Сам он не падал. Он все еще стоял перед пустым тронном в комнате, чьи стены сочились влагой.

Трон дрожал и рассыпался в пыль, как куча зерна. Рядом лежала Илна, дышала она с трудом. Пальцы ее были спутаны нитками, которые она непроизвольно выскребла из бахромы своей шали.

Теноктрис с участием прикоснулась к плечу девушки.

— Она обладает исключительной силой, — тихо пробормотала колдунья. — Даже для девушки, чья мать была эльфийкой. А теперь, после нашего успеха, нам надо как можно скорее выйти отсюда, пока мы не утонули.

Гаррик приблизился к Ильне и взял ее на руки. Зеленая вода просачивалась сквозь поры в стене, разрушая их. Слышалось потрескивание — камень начинал сдаваться. Из комнаты был единственный выход — в коридор, уходивший вверх.

Находясь с друзьями, Гаррик сохранял способность нормально слышать и видеть. Но часть его сознания оставалась совсем в другом месте. Он наблюдал, как Клобук, беспорядочно размахивая руками и ногами, падал в бездну навстречу водовороту.

Он все кричал и кричал.

8

Илна находилась в сознании, но была так слаба, что простая улыбка отнимала у нее все силы. Слабость девушки давала возможность всем в этой серой тюрьме использовать ее.

Однако она была не так слаба, как они рассчитывали. В конце Клобук, должно быть, пожалел, что оставил Илну одну. У девушки появился повод посмеяться. И она смеялась бы, если б имела силы... Но, к сожалению, она могла только улыбаться.

Гаррик подхватил левой рукой девушку под коленки, а правой поддерживал за плечи. Голова Илны покоилась у него на плече. И хотя Гаррик тяжело дышал, это было вовсе не из-за веса его ноши, а из-за предшествовавшего напряжения.

Под ногами у них плескалась вода. Она слабо фосфоресцировала и являлась единственным источником света в этом темном коридоре. На поверхности воды образовывались и лопались пузыри, время от времени какая-то тень проплывала мимо.

Теноктрис шла впереди. Вода прибывала, доставая уже ей до тощих лодыжек. Скоро придется подоткнуть подол туники.

— Еще немного, — бросила через плечо колдунья. — Хотя после того...

Илна услышала рокочущий гул у них за спиной. По воде прокатились мощные волны, в каком-то месте они запнулись, образовав арку от стены до стены.

— Сюда! — скомандовала Теноктрис и шагнула вправо — на взгляд Илны, прямо в твердую скалу.

Вода опасно быстро прибывала в коридоре, она уже доходила Гаррику до талии. Не обращая на это внимания, юноша последовал за старухой и ступил на короткую, из трех ступенек, лесенку. Две нижние были вырезаны прямо в скале, как и весь коридор, по которому они шли. В качестве верхней служила плита из желтоватого известняка.

— Теноктрис? — позвал Гаррик. — Скажи, а Клобук и королева действительно одно и то же лицо?

Они находились в высоком подвале со сводчатым потолком. Здесь было свежо и светло по сравнению с предыдущим участком пути. На другом конце помещения виднелась еще одна лестница.

— Я так не думаю, Гаррик, — ответила старуха, направляясь в ту сторону. В это время земля ощутимо заколебалась. — Скорее всего, королева — отдельная, самостоятельная волшебница, конкурент Клобука. И он просто временно воспользовался ее обликом. Они оба разыскивают Трон Малкара. Хотя точно сказать ничего не могу...

Песок тонким слоем покрывал пол под ногами, маленькими барханчиками собирался у колонн. Воздух был сухой и неприятный, в нем носились песчинки, разбуженные землетрясением. Зато здесь не было следов воды, которая заливала коридор внизу. Если слово «низ» было здесь применено.

Теноктрис наконец достигла лестницы и начала подниматься, когда новый жестокий толчок потряс землю. Колонны закачались, как деревья на ветру, с полу поднялись теперь уже тучи мелкого песка.

С одной из арок обвалился пласт штукатурки. Это послужило сигналом к началу разрушения — вслед за ним начала осыпаться вся арка.

Придерживая ноги Илны предплечьем, Гаррик протянул левую руку, чтоб помочь Теноктрис. Та стала поспешно карабкаться по ступеням, для скорости отталкиваясь от стены. Последовал четвертый толчок, гораздо слабее предыдущих, но атмосфера была уже наполнена ожиданием того, чему вот-вот предстояло случиться.

Илна пошевелила ногами, чтоб выяснить, способна ли она двигаться. Она сильно сомневалась в том, что сможет самостоятельно стоять, а уж тем более — идти.

Теноктрис уже скрылась в дверном проеме наверху лестницы. Подвал так сильно сотрясся, что упавшие блоки подпрыгивали аж до пояса Гаррика.

Юноша отчаянно прыгнул вперед. Дверная притолока, вырвавшись из опор, упала, вскользь ударив его по плечу. От разрушенной кладки поднялось облако пыли, но они все же успели — и теперь стояли, оставив за спиной вертикальную ледяную стену обвалившегося ледника.

Перед ними поднимался утес, по краю которого тянулась едва заметная тропа. Теноктрис уже карабкалась по ней вверх. Лед опасно потрескивал. Стояла ночь. Над головой светили звезды, но Илна не узнавала созвездий.

— Им нужна была Шарина, потому что она — дочь графа и графини, — продолжал допытываться Гаррик. — Но чего они хотели от меня?

— Шарина действительно дочь графа Ниарда, — откликнулась колдунья, — но матерью ее была не графиня, а одна из придворных дам — Лора. Ты же, Гаррик, являешься сыном графини Теры и, соответственно, потомком короля Каруса. Именно этим объясняется ваша с ним связь.

Гаррик от удивления споткнулся. В тот же момент большой кусок льда оторвался и пролетел мимо них. Давление льда заставляло утес гнуться и трескаться.

— Опусти меня, — как можно громче попросила Илна. — Идите вперед, а я последую за вами.

— Нет, — мотнул головой Гаррик. — И не дергайся, пожалуйста, а то мы оба навернемся.

Они продолжали карабкаться вверх.

— Теноктрис! — снова позвал юноша. — Но моя мать утверждала, что Шарина — дочь графини. Она настаивала на этом.

— Лора была в беспамятстве во время родов, — пояснила колдунья. — Она поверила бы всему, что сказал бы твой отец.

Подумав секунду, Теноктрис добавила:

— Райз оказался очень умным человеком. И очень ответственным — раз воспитал такого сына, как ты.

Дальше тропинка становилась слишком узкой, чтоб нести Илну поперек. Гаррик развернулся спиной к утесу и пошел боком. Девушка свисала над краем утеса, наблюдая за все удалявшейся вниз землей. Дул холодный ветер, близкий ледник жалил лицо ледяными крупинками.

— Ох! — раздался возглас Теноктрис. Кусок скалы оторвался под ее каблук и, едва не задев Илну, полетел вниз.

Левая рука Гаррика рванулась вперед и успела ухватить старуху, начавшую падать в пропасть. В то же время правой рукой он продолжал держать Илну. Девушка заскрежетала зубами в бессознательной попытке как-то уменьшить свой вес.

Теноктрис успела ухватиться за корень, болтавшийся под кромкой утеса, и попыталась подтянуться. Ноги ее скрылись за краем обрыва. Гаррик схватился за тот же корень и поднял вверх Илну. Девушка оказалась не на твердой земле, а висящей на корневище, которое трепало штормом в теплой соленой воде.

Теноктрис лежала на стволе дерева, обхватив его руками и ногами, как древесная лягушка, в то время как волны захлестывали ее. Как только вода схлынула, она начала карабкаться по направлению к голым веткам, расположенным в двухстах футах от нее.

Она оглянулась и что-то прокричала Илне. Ветер отнес ее слова в сторону, но девушка и без того поняла, что надо делать. Идти она еще не могла, но вот ползти было ей вполне под силу. Она бросила взгляд на Гаррика, как бы приглашая его последовать за ней, и двинулась к старой колдунье.

Небо представляло собой сплошную массу облаков, время от времени освещаемую пурпурными молниями. В один из таких моментов девушке показалось, что в набегающей волне она видит огромный глаз где-то на расстоянии пятидесяти футов. *Это*

просто обман зрения, скопление пены, а вовсе не гигантское создание, вышедшее на охоту...

Ствол дерева поднимался на волнах, и Илна собрала все силы, чтоб догнать Теноктрис. Девушка двигалась осторожно, чтоб не сорваться. К тому времени они миновали уже почти половину пути.

Из трещины в коре на них смотрела шестидюймовая ящерица. Ее раздвоенный язык нервно трепетал в воздухе. Как давно это дерево упало и забросило своих маленьких жителей в безжалостное море?

Снова сверкнула молния. На сей раз Илна разглядела не только глаз с вертикальным зрачком, но и перламутровую раковину аммонита и дюжину извивающихся щупальцев. Хищник был уже в двадцати футах от дерева.

Илна встала на колени, подставив тело порыву ветра. Руки она развела в разные стороны.

— Ты что делаешь? — закричал Гаррик, перекрывая вой шторма.

Илна не отвечала — она ждала молнии. В свете следующей вспышки девушка сложила пальцы способом, который был для нее таким же естественным, как движение челнока на ткацком станке.

Чудовище пошевелило щупальцами в скупом разочарованном жесте и уплыло обратно в море. Его раковина достигала тридцати футов в диаметре, а клюв, прятанный в середине, способен был располовинить туловище взрослого мужчины.

Теноктрис уже достигла нижней ветки. Илна поползла за ней, улыбаясь с мрачным удовлетворением. Надо думать, она может разговаривать и с пауками. Что ж, ей всегда импонировал их труд.

Ветка нависала над морскими волнами. В зависимости от их высоты расстояние колебалось от фута до десяти. Старуха добралась до развилки, которая за давностью успела покрыться каллюсом¹. Здесь она прыгнула ногами вниз и исчезла в воздухе, прежде чем достигла поверхности воды.

Оглянувшись и убедившись, что Гаррик видит все происходящее, девушка прыгнула вслед за колдуньей. И тут же почувствовала, совершенно неожиданно для себя, что ноги ее ударились о грубую известняковую плиту.

¹ Каллюс (*бот.*) — новообразование у растений в поврежденных местах, способствующее заживлению ран.

Она очнулась на террасе высокой, заросшей лесом пирамиды. Ее ступени поднимались к площадке, похожей на алтарь. Илна увидела, что Теноктрис уже карабкается на следующую террасу, расположенную примерно на высоте двух футов.

Деревья, некоторые довольно большие — несколько футов в диаметре — отыскивали своими корнями трещины в плитах и, угнездившись там, довершали дело разрушения кладки. Помимо этих великанов в изобилии рос виноград, различный пушистый мох и колючий костер.

Гаррик свалился — очевидно, с дерева, чьи ветви нависали над площадкой. У этого представителя местной флоры были затейливые листья и цветы, напоминавшие мимозу.

— Сюда! — тут же решил юноша. Он подхватил Илну и перекинул через плечо, как мешок с зерном.

Илна пыталась протестовать, впрочем, без особого успеха. Нагнав Теноктрис, Гаррик и ее перебросил через левое плечо. С такой двойной ношей юноша, не сбавляя темпа, поспешил к узкой лесенке, которая понималась к самой вершине пирамиды. Тот факт, что Илна не заметила такого удобного подъема, можно было объяснить лишь ее крайней усталостью.

Растительность у основания пирамиды начинала постепенно желтеть, будто пятно проступало сквозь ткань. Вскоре Илна смогла разглядеть причину такого странного феномена: из глубины леса выползали насекомые. Вначале ей показалось, что это муравьи, но какие-то слишком большие — каждый экземпляр был размером с ее мизинец.

Муравьев было очень много, девушка даже не бралась сосчитать их. *Как стебельков на пшеничном поле, как камешков на пляже...* И надвигались они с той же неумолимой определенностью, как закипает вода, попав в костер.

— Я уже могу идти, — хотела сказать Илна, но выдавила из себя только тихий шепот. Щелканье жвал насекомых звучало громче, чем завывание ветра в осиновой роще. И это было ужасно. Девушка даже не представляла себе, что может так напугаться. *Крошечные ножницы, вонзающиеся в ее плоть. Раз за разом, раз за разом...*

Гаррик продолжал бежать по лестнице. Он тяжело дышал, но темпа не сбавлял. Кажется, он не видел ужасных муравьев, ползущих следом. Скорее всего, он даже не подозревал, что кто-то их преследует.

— Теноктрис! — позвала Илна старую колдунью, болтавшуюся на соседнем плече. — Долго еще?

Та попыталась улыбнуться. Наверное, ей было еще хуже, чем Илне, но выбирать не приходилось.

— Долго, — прохрипела она.

Гаррик наконец добрался до вершины пирамиды. От напряжения его пошатывало. Он запутался в толстых корнях с множеством боковых побегов и чуть не упал.

— Внутрь, — скомандовала старуха, пытаясь разглядеть что-то через голову юноши.

Желто-коричневая муравьиная масса уже облепила всю поверхность пирамиды. От людей их отделяла всего одна терраса.

Юноша вместе с обеими женщинами рывком преодолел каменный козырек и оказался перед алтарем. Здесь имелось небольшое углубление для жертвенной крови с желобками для отвода излишков. Каменные стенки этого мини-бассейна были покрыты резьбой, иллюстрирующей местные обряды. Примитивный стиль изображения не помешал Илне разобрать, что жертвами являлись люди, а священники относились к другому биологическому виду.

Муравьи были уже на верхней террасе. Теноктрис вскарабкалась на вершину алтаря и скрылась из виду. Илна с Гарриком последовали за ней. Они оказались в чашеобразном углублении, со дна которого поднимались зазубренные стеклянные шипы.

Задыхаясь, Илна встала на четвереньки. Воздух был холодный, изо рта шел пар. Солнце, стоявшее в зените, почему-то приобрело зеленоватый оттенок.

— Сюда, — сказала старуха, указывая на трещину в боковой поверхности чаши. Это был путь наверх, правда довольно неудобный — крутой и скользкий.

— Илна, Гаррик, вы сможете?.. — спросила Теноктрис.

Девушка только кивнула, говорить ей не хватало сил. Гаррик опустился на одно колено, и они вместе поднялись.

В четверти мили от них на краю бассейна показалось странное существо со множеством конечностей. С виду оно напоминало сороконожку, но бока его отдавали металлическим блеском. Помедлив, оно начало спускаться в направлении людей.

Его волнистое тело было около сотни футов в длину, а его жвала длиной и блеском напоминали стальные клинки.

— Только не спешите, держите скорость шага, — сказал Гаррик, пропуская женщин вперед в трещину. — Мы слишком ус-

тали, и если будем торопиться — упадем. А эта штука нас держит в поле зрения.

Насчет спешки он был прав. Илна не была уверена, что они располагают возможностью убежать от этой твари, но она решила положиться на судьбу.

Перед ней карабкалась Теноктрис, оставляя за собой кровавые отпечатки ладоней. Поверхность кратера была не такой гладкой, как случается при вулканическом происхождении. Стенки изобиловали трещинами, та, по которой они ползли, была еще не самой крупной. В свое время нечто с такой силой ударило в землю, что та вспучилась и раскололась.

Сороконожка приближалась, ее конечности мелькали, как спицы на мельничном колесе. Илна старалась не оглядываться назад. Чему быть, тому не миновать... Ей припомнился каждый день ее жизни в Эрдине. Единственное, о чем она жалела, так это то, что Кашелу тоже придется умереть. И только по ее вине. Но, Госпожа свидетель, она этого не планировала. Это не являлось частью ее *узора*...

Внезапно пятки Теноктрис, которые до того мелькали на уровне глаз Илны, исчезли. В следующий момент опора ушла из-под рук девушки, и она упала вперед. Приземлилась она на плоской, как мельничный жернов, площадке. Здесь не было ничего, кроме одного предмета — черного трона, который маячил, словно остров посреди морской глади.

Рядом с ней рухнул Гаррик. Видно, им все же удалось оторваться от сороконожки: вокруг стояла тишина, прерываемая только их дыханием и стуком сердец.

— Это Трон Малкара, — прошептал юноша.

— Да, — тихо ответила Теноктрис, и снова наступила полная, абсолютная тишина.

Илна сидела, скорчившись, уткнувшись лбом в землю. Почва здесь не имела ни плотности, ни температуры. Серая окраска тоже была совершенно нейтральной: то ли цвет, то ли нет. Это была материализованная копия того места, где Илна потеряла душу.

Они находились внутри освещенного круга, центром которого являлся черный трон. За пределами круга было темно, и эта темнота надвигалась.

— Пошли, — сказал Гаррик и поднялся.

— Нет, Гаррик, не надо, — осипшим голосом попросила Илна. Слезы катились у нее по щекам. Слезы злости, разочарова-

ния... и — чего уж скрывать — страха. — Лучше умереть. Гаррик, я знаю, что обитает там.

Теноктрис уже поднималась.

— Пошли, — повторил Гаррик и погладил Илну по щеке. Девушка поднялась, ослепшая от слез, но не желая разочаровать своих друзей.

Они двинулись к трону. Гаррик шел посередине, держа обеих женщин под руки. Расстояние, казалось, не уменьшалось, но стена темноты все сжималась.

Илна повернулась, чтобы посмотреть на старую колдунью.

— Теноктрис? — позвала она.

— Это единственная дорога, — отозвалась та. — Но выведет ли она нас, не знаю.

— Мы уже вступили на этот путь, — сказал Гаррик, — и должны дойти до конца.

Темнота наступала им на пятки, подгоняя, угрожая поглотить их в случае промедления. Илна уже слышала обреченные стоны отчаяния — вечного и абсолютного. Их отчаяния — ее, Гаррика и Теноктрис. Это случится, если темнота настигнет их.

— Малкар не является конкретным человеком, — произнесла колдунья. Голос у нее был странно плоским: в этом месте отсутствовало эхо. Звуки не отражались даже от земли. — Он просто существует, а Трон — это его символ.

Непонятно было, говорит она для них или же формулирует для самой себя свои мысли. Илна знала, что Теноктрис всю жизнь посвятила познанию.

И тут она задумалась: а ради чего жила она, Илна ос-Кенсет? Положим, она помогла победить Клобука... Это годится в качестве результата человеческого существования, если не его цели.

Девушка тихонько засмеялась, и тут же ощутила дружеское пожатие Гаррика. Неужели он все понимает? Впрочем, теперь это уже не важно.

— Сидя на Троне Малкара, фокусируешь на себе половину всей силы вселенной, — объясняла Теноктрис. — Становишься обладателем этой мощи. С таким количеством энергии человек может делать все что угодно.

— Да, но он не будет уже человеком, — вмешалась Илна.

— Ты права, — согласилась колдунья, — не будет.

Теперь девушка могла уже разглядеть отдельные детали Трона, хотя — странное дело — как только она пыталась сконцентриро-

вать взгляд на какой-то точке, та сразу же расплывалась и исчезала из вида. Это было все равно как рассматривать в сумерках змеиную свадьбу. Узоры оказывались слишком сложными для целостного восприятия, но вполне доступными для чувств Илны.

Не так давно она сама являлась частью этого рисунка. Дерево, с которым девушка повстречалась где-то в сером чистилище, тоже было крохотным лоскутком обширной ткани Трона.

— Сидя на Троне Малкара, — сказала Илна с безликой улыбкой, — становишься воплощением зла.

— По человеческим понятиям, да, — согласилась Теноктрис.

Теперь они были совсем близко от Трона, стоявшего на трехступенчатом возвышении. У Трона были широкие подлокотники и высокая спинка из того же материала. Он был рассчитан на высокого человека, такого, как Гаррик, но в то же время Илна чувствовала: объем этого Трона охватывал темноту, которая наступала не только в данном месте, но и во всей вселенной.

Тем временем Гаррик подхватил обеих женщин и, усадив их на полусогнутые руки, шагнул вперед.

Нет, но с губ Илны так и не сорвался протест, который зародился у нее внутри. Если этому суждено случиться...

Гаррик преодолел три ступеньки с той неизменной ловкостью, которая была присуща ему с детства. На губах юноши играла легкая улыбка — казалось, он не замечает веса своих спутниц.

— Вся мощь вселенной... — прошептала Теноктрис.

Пусть так и будет!

Вместо того чтобы усестись на Трон, Гаррик наступил на его сиденье. Слегка пошатнувшись под тяжестью своей ноши, он следующим шагом поставил левую ногу на резной подлокотник, а затем прыгнул вперед. Прыгнул легко, будто не устал, будто не нес на руках двух женщин, которые по различным причинам не могли самостоятельно проделать этот путь.

Правая нога юноши наступила на спинку Трона. Задержавшись на мгновение в этом положении, Гаррик затем швырнул всех в темноту.

Их подхватили чьи-то руки. Свет бумажных фонариков ударил в глаза, даже полумрак за дверями воспринимался как полуденное солнце.

Илна не узнавала комнату, в которой они находились. Видела только по обстановке, что принадлежит она серианцам. Кашел, на чьем лице были написаны тревога и удивление, обнимал Гар-

рика. Внезапное появление друга явно поразило юношу. Шарина держала Теноктрис, рядом стояла девушка, которая протягивала руку за соком для колдуньи.

— Сюда, позвольте уложить вас, — произнесла Лиана. — Все в порядке, Илна. Теперь вы в безопасности.

9

Гаррик лежал с закрытыми глазами и наслаждался моментом: не надо было ничего делать, ни за что отвечать. Маленькие руки ловко смазывали мазью царапины и неглубокие порезы у него на теле. По оживленному щебетанию он узнал серианских целителей. Самой серьезной травмой являлся ушиб ребер, но Гаррик даже не мог вспомнить, где же он получил его.

Вот только устал он... Так сильно устал.

— Спасибо тебе за то, что вернул Илну, — сказал Кашел. — Я бы очень хотел помочь тебе в этом деле, но, похоже, ты и без моей помощи отлично обошелся.

Гаррик хотел засмеяться, но тут же будто пригоршня ножей воткнулась ему под ребра. Немного отдышавшись, он прохрипел:

— Правильнее сказать, что Илна вернула нас. Без нее бы мы не справились.

— Неправда, он нес меня большую часть пути, — слабым голосом проговорила девушка откуда-то слева от Гаррика. В его понимании Илна была тем человеком, которого невозможно сломать. Но сейчас, казалось, она так износилась, что вот-вот и вовсе исчезнет. Как нож, который слишком часто затачивали. — Зато Клубок мертв.

Гаррик открыл глаза и сел. Ребенок-серианец принялся увещевать его словами, которые юноша не понимал и в любом случае не послушал бы.

— Скажи, Теноктрис, это правда? Клубок мертв?

По стенам была развешана дюжина фонариков, каждый из них отбрасывал причудливую тень. На жаровне под наблюдением старухи-серианки в керамических горшочках разогревались медицинские снадобья. Мужчина-лекарь наносил кровоостанавливающую мазь на расцарапанное бедро колдуньи.

Лиана массировала податливые, как разогретый воск, мышцы Илны. *Так износилась, что вот-вот исчезнет...*

Теноктрис села, попыталась улыбнуться, хотя морщинки у ее глаз углублялись каждый раз, как целитель прикасался к ее ранам.

— Знаешь, тысячу лет назад я думала то же самое, — задумчиво сказала старуха. — Может, хоть сейчас это окажется правдой. Хотя, боюсь, это не имеет особого значения.

— Для меня имеет значение, — произнесла Шарина. Она говорила тихо, но милосердия в ее голосе было не больше, чем в лезвии топора. Девушка сидела подле Кашела, лицо спокойное, руки скрещены на коленях поверх рукоятки пьюльского ножа.

— Да, — кивнула Теноктрис с прежним убеждением. — Для всех нас. Да и для самого Клобука — на достаточно долгое время, пока будет длиться его падение. Но он — лишь часть проблемы.

Илна посмотрела на Гаррика и улыбнулась странной холодной улыбкой.

— Дерево не являлось Троном Малкара, — заметила она, и возможно, лишь старая колдунья поняла ее слова. — Но и его оказалось слишком много для меня. Я была слаба.

— Нет, — возразила Теноктрис. — Твоя сила, а не твоя слабость сделала тебя уязвимой. Но в принципе ты права: Клобук был агентом безликой силы, посланником в человеческом обличье. Она найдет себе другие каналы — такие же, как Клобук и то, что ты называешь деревом. Малкар приходит и уходит. Сейчас он усиливается — так же, как это было тысячу лет назад. Если его не остановить, он снова опрокинет Острова в эпоху варварства.

— Только не в этот раз, — заявил Гаррик. Он сидел, обхватив плечи руками, дрожа от чувств и воспоминаний, которые были не совсем его собственные. — Не сейчас!

Юноше показалось, что где-то, в глубине его сознания, раздается смех короля Каруса.

— Не в этот раз, парень! — услышал он, как во сне. — Не в этот раз, король Гаррик!

10

Она пристально смотрела на турмалиновые фигурки, образовавшиеся на игровой доске комбинацию, пока ей не понятную.

Итак, ее противник в плаще с капюшоном был мертв. Однако поразила его не она и, вообще, неизвестно кто. Против нее играли

и другие игроки, другие волшебники, для которых вселенная представляла собой лишь игрушку. Теперь она была в этом так же уверена, как несколько месяцев назад — в обратной ситуации.

Что ж, она узнает и повергнет в прах новых противников. Она, если захочет, усядется на Трон Малкара и сотрет эту вселенную в порошок. Она одна!

Она прошла к двери и распахнула ее. Слуга, как всегда, склонился в бесстрастном поклоне.

— Не беспокоить меня ни при каких обстоятельствах, — бросила она.

— Прибыл агент из Эрдина, — доложил слуга. — Он дожидается в комнате для тайных свиданий.

— Ни при каких обстоятельствах! — повторила она. Вскинула ладонь, будто собираясь послать из нее молнию в непонятливого слугу.

— Да, госпожа королева, — склонился мужчина. Он выглядел невозмутимым, лишь капли пота на лбу выдавали его волнение.

Дверь была чересчур тяжелой. Она захлопнула ее отработанным ударом и снова вернулась к доске.

Время от времени... она пробуждается среди ночи от кошмара с мыслью, что эти фигурки способны играть самостоятельно, и горе волшебнику, который захочет им помешать.

Королева Островов, нахмурившись, уселась перед агатовой доской. Да нет же! Турмалиновые фигурки являлись пешками, не более того. Думать иначе просто безумие.

Она непременно расставит их по собственному усмотрению.

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95

- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дрейк Дэвид
Повелитель Островов
Фантастический роман

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*

Ведущий редактор *А. Галат*

Редактор *В. Чаленко*

Художественный редактор *О. Адаскина*

Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*

Компьютерная верстка: *А. Яблонская*

Корректоры *В. Чаленко, Э. Байгильдеева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Архипелаг Островов.

Здесь некогда правила могущественная королевская династия — но вот уже тысяча лет прошло с тех пор, как последний из великих королей — Карус — был убит магом, нанятым коварным герцогом-узурпатором.

Однако черная магия принесла на Архипелаг БЕДУ.

Мертв герцог, перепутаны линии магической Силы, прервана связь времени и пространства... и многие годы идет непрерывная война за титул Повелителя Островов.

И теперь прокуратор Азера с сопровождающим ее колдуном Медером прибывает на остров Хафт, где, согласно темным слухам и легендам, обитает ЕДИНСТВЕННЫЙ прямой потомок короля Каруса...

«Один из самых живых и увлекательных сериалов за всю историю фэнтези».

«Starlog»

«У Дрейка — талант не только выстраивать сюжет, но и глубоко, интересно прописывать характеры персонажей».

«Library Journal»

«Уникальный мир с оригинальной культурой, мифологией и магической системой».

«Locus»

«Фэнтези-сага, не уступающая эпопеям Джордана и Гудкайнда!»

«Booklist»

ISBN 5-17-028024-6

9 785170 280247